millennium

СТИГ ЛАРССОН

ДЕВУШКА С ТАТУИРОВКОЙ ДРАКОНА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Annotation

Сорок лет загадка исчезновения юной родственницы не дает покоя стареющему промышленному магнату, и вот он предпринимает последнюю в своей жизни попытку – поручает розыск журналисту Микаэлю Блумквисту. Тот берется за безнадежное дело больше для того, чтобы отвлечься от собственных неприятностей, но вскоре понимает: проблема даже сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Как связано давнее происшествие на острове с несколькими убийствами женщин, случившимися в разные годы в разных уголках Швеции? При чем здесь цитаты из Третьей Книги Моисея? И кто, в конце концов, покушался на жизнь самого Микаэля, когда он подошел к разгадке слишком близко? И уж тем более он не мог предположить, что расследование приведет его в сущий ад среди идиллически мирного городка.

Стиг Ларссон
Девушка с татуировкой дракона

Stieg Larsson
Man Som Hatar Kvinnor

The work is first published by Norstedts, Sweden in 2005 and the text published by arrangement with Norstedts Agency

* * *

Пролог
Пятница, 1 ноября

Из года в год повторяется одна и та же сцена. Сегодня ему стукнуло восемьдесят два, и сегодня ему так же, как и много лет подряд, доставили цветок. Он вскрыл пакет и отложил в сторону подарочную упаковку. Затем поднял телефонную трубку и набрал номер бывшего комиссара уголовной полиции, который, выйдя на пенсию, поселился возле озера Сильян[1]. Они были не просто ровесники, но и родились в один день, и этот факт придавал ситуации несколько комический оттенок. Комиссар знал, что около одиннадцати утра, после того как доставят почту, ему обязательно позвонят. Он пил кофе. Но в этом году телефон зазвонил даже раньше – уже в половине одиннадцатого.

Комиссар сразу поднял трубку и поздоровался.

– Почту уже доставили, – услышал он знакомый голос.

– И какой же цветок в этом году?

– Пока не знаю, что это за сорт. Но надеюсь, что специалистам удастся определить. Он белого цвета.

– И опять никакого письма?

– Нет, письма нет. Только цветок. А рамка такая же, как и в прошлый раз. Самодельная.

– А штемпель?

– Стокгольмский.

– А почерк?

– Как всегда, крупные печатные буквы, прямые и аккуратные.

На этом беседа сама себя исчерпала, и они еще немного помолчали, каждый на своем конце телефонного провода. Экс-комиссар откинулся на спинку стула и раскочегарил трубку. Он понимал, что от него уже не ждут острых каверзных вопросов, ответы на которые способны прояснить ситуацию или пролить на дело новый свет. Что ж, эти времена давно миновали, и беседа двух мужчин весьма почтенного возраста напоминала скорее ритуал, связанный с загадкой, к разгадке которой, кроме них, больше никто на всем белом свете не проявлял никакого интереса.

В официальном каталоге растений на латыни цветок назывался *Leptospermum (Myrtaceae) rubinette*. Это была невзрачная веточка

кустарника, напоминающего вереск, около двенадцати сантиметров в высоту, с мелкими листьями и белым цветком из пяти лепестков двухсантиметровой длины.

Этот представитель флоры был родом из австралийских бушей и горных районов, где образовывал плотные кустистые заросли. В Австралии его знали под названием *Desert Snow*[2]. Позже эксперт из ботанического сада Уппсалы уточнит, что это растение редко выращивают в Швеции. В своей справке ботаник утверждала, что оно объединяется в одно семейство с *Rosenmyrten* и его часто путают с более широко распространенным родственным видом – *Leptospermum scoparium*, – который типичен для Новой Зеландии. Разница, по мнению эксперта, заключается в том, что у *rubinette* на кончиках лепестков имеется несколько микроскопических розовых точек, которые придают цветку нежный розоватый оттенок.

В целом *rubinette* был на редкость непритязательным цветком и не обладал никакой коммерческой ценностью. У него отсутствовали какие бы то ни было лечебные или галлюциногенные свойства, он не годился в пищу, не мог использоваться в качестве специи или применяться при изготовлении растительных красок. Правда, аборигены – коренное население Австралии, считали его священным, но только вместе со всей территорией Айерс-Рок[3] и ее флорой. Таким образом, можно сказать, что единственный смысл существования этого произведения природы заключался в том, чтобы радовать окружающих своей неброской красотой.

А еще ботаник из Уппсалы отмечала, что если для Австралии *Desert Snow* является достаточно экзотическим растением, то для Скандинавии оно и вовсе в диковинку. Сама она ни одного экземпляра не видела, но из беседы с коллегами знала о попытках его разведения в одном из садов Гётеборга, и не исключено, что в разных местах для собственной прихоти его выращивают в оранжереях садоводы и ботаники-любители. Чтобы разводить его в Швеции, требуются немалые усилия, поскольку оно нуждается в мягком сухом климате и в зимнее полугодие должно находиться в помещении. Оно не приживается на известковой почве, и вода должна поступать к нему снизу, прямо к корню, – иными словами, оно требует суперделикатного обращения.

Тот факт, что цветок является в Швеции редкостью, теоретически мог бы облегчить выяснение происхождения данного экземпляра, но на практике эта задача оказывалась просто-напросто безнадежной. Никаких каталогов и никаких лицензий, которые можно просмотреть и изучить.

Никто не знал, сколько всего цветоводов вообще пытались разводить это капризное растение. Число энтузиастов, имевших доступ к семенам или рассаде, могло варьироваться – от нескольких любителей до нескольких сотен. Семена они могли купить сами или получить по почте из любой точки Европы, от какого-нибудь другого садовода или из ботанического сада. Да и кто мог бы поклясться, что цветок не доставили прямо из Австралии? Иными словами, вряд ли кто-нибудь взялся бы вычислить одного или двух садоводов среди миллионов шведов, имеющих оранжерею в саду или цветочный горшок на окне гостиной.

Конечно, это – всего лишь один из многих загадочных цветков, которые неизменно прибывали к 1 ноября в плотном почтовом конверте. Цветы каждый раз менялись, но все они были красивые и обычно экзотичные. Как и всегда, цветок засушили, аккуратно прикрепили к бумаге для рисования и вставили в простую застекленную рамку форматом шестнадцать на двадцать девять сантиметров.

Эта таинственная история с цветами пока не просочилась в средства массовой информации и не стала достоянием общественности, о ней знал лишь ограниченный круг посвященных. Еще тридцать лет назад ежегодно прибывавшие цветки подвергались тщательному исследованию – их изучали в государственной лаборатории судебной экспертизы; посылкой занимались криминалисты и графологи, следователи уголовной полиции, а также родственники и друзья адресата. Теперь в этой драме участвовали только трое: состарившийся виновник торжества, полицейский, вышедший на пенсию, – и, разумеется, анонимный отправитель подарка. Поскольку по крайней мере первые двое действующих лиц находились уже в столь преклонном возрасте, что им пора было готовиться к неизбежному финалу, то круг заинтересованных лиц вскоре мог роковым образом сузиться.

Ветеран полиции немало повидал на своем веку. Он навсегда запомнил свое первое дело, когда от него потребовалось упрятать за решетку буйного и в стельку пьяного электрика, пока тот не причинил вреда себе или кому-нибудь другому. За всю жизнь ему доводилось арестовывать браконьеров, мужей, жестоко обращавшихся с женами, мошенников, автоугонщиков и нетрезвых водителей. Ему встречались взломщики, грабители, наркодельцы, насильники и по крайней мере один более или менее безбашенный подрывник.

Он участвовал в расследовании девяти убийств. В пяти случаях убийца сам звонил в полицию и, преисполненный раскаяния, признавался, что лишил жизни жену, брата или кого-нибудь еще из своих близких. В трех случаях преступников пришлось разыскивать: два из этих злодеяний были

раскрыты через несколько дней, а одно – через два года, благодаря участию государственной уголовной полиции.

При расследовании девятого убийства полицейским удалось вычислить преступника, но доказательства оказались столь неубедительными, что прокурору пришлось отвести свои обвинения. И через некоторое время дело, к неудовольствию комиссара, было закрыто – в связи с истечением срока давности. Однако в целом он мог с удовлетворением оглянуться на прожитые годы и на свою впечатляющую карьеру – и, казалось бы, чувствовать себя вполне комфортно.

Но в том-то и дело, что он не был доволен.

Комиссару не давала покоя история с засушенными цветами; она, как заноза, внедрилась в его сердце – эту криминальную загадку он так и не разгадал, хотя уделил ей немало времени. И эта неудача бесила его. И до выхода на пенсию, и после он размышлял над этим делом тысячи часов, без всякого преувеличения. Но даже не мог с уверенностью сказать, было ли в принципе преступление, и от этого ситуация казалась еще более безнадежной.

Оба собеседника знали, что тот, кто заключил цветок в рамку под стеклом, надевал перчатки и не оставлял отпечатков пальцев. Они знали, что выследить отправителя нереально: для расследования попросту не имелось никаких зацепок. Рамку могли купить в фотоателье или в канцелярском магазине в любой точке мира. Никаких улик. Почтовый штемпель менялся: чаще всего на нем значился Стокгольм, по три раза – Лондон, дважды Париж и Копенгаген, один раз Мадрид, один раз – Бонн, а однажды встретился совершенно загадочный вариант – Пенсакола[4], США. Если упомянутые столицы были прекрасно известны, то название Пенсакола ничего не говорило комиссару, и ему пришлось искать этот город в атласе.

После того как они попрощались, восьмидесятидвухлетний виновник торжества еще немного посидел, разглядывая красивый, но бесполезный австралийский цветок, названия которого он пока не знал. Потом взглянул на стену над письменным столом. Там в застекленных рамках висели сорок три засушенных цветка – четыре ряда по десять штук в каждом и один незаконченный ряд с четырьмя растениями. В верхнем ряду не хватало одной рамки – место номер девять пустовало. *Desert Snow* обретет номер сорок четыре.

Однако сейчас произошло то, чего еще ни разу не случалось за

предыдущие годы. Старый комиссар вдруг расплакался. Его самого удивил этот неожиданный взрыв эмоций, случившийся впервые за прошедшие почти сорок лет.

Часть 1
Стимул
20 декабря – 3 января

18 процентов женщин в Швеции хотя бы раз подвергались угрозам со стороны мужчин.

Глава 1
Пятница, 20 декабря

Судебный процесс неизбежно приблизился к концу, а вместе с ним и вся эта пафосная говорильня. Он ни секунды не сомневался в том, что его осудят. Приговор в письменном виде ему выдали в пятницу, в десять утра, и теперь ему предстояло только ответить на заключительные вопросы репортеров, ожидавших в коридоре, за дверьми окружного суда.

Увидев их в дверном проеме, Микаэль Блумквист на секунду слегка замедлил шаг. Он вовсе не жаждал вступать с ними в дискуссию относительно только что вынесенного ему приговора, но, похоже, от вопросов никуда не деться. И он, как никто другой, понимал, что их непременно зададут и что на них придется отвечать.

«Вот что значит быть преступником, – подумал он. – Вот каково это – находиться по другую сторону микрофона».

Микаэль напрягся, но потом выпрямился и заставил себя улыбнуться. Репортеры улыбнулись в ответ и закивали ему дружелюбно и даже с некоторым смущением.

– Откуда вы? А ну-ка, глянем… «Афтонбладет», «Экспрессен», Телеграфное агентство, телеканал ТВ-4… А ты откуда?.. А-а-а, «Дагенс индустри»[5]. Должно быть, я уже стал знаменитостью, – констатировал он.

– Подкинь-ка нам какую-нибудь утку, Калле Блумквист, – обратился к нему репортер одной из вечерних газет.

Его полное имя было Карл Микаэль Блумквист, и, услышав детскую кличку, он, как всегда, еле сдержался, чтобы не сорваться. Двадцать лет назад, когда ему только исполнилось двадцать три года и он был начинающим журналистом, впервые получившим летнюю временную работу, Микаэль Блумквист неожиданно для самого себя разоблачил банду, которая за два года совершила пять налетов на банки. Судя по почерку этих дерзких преступлений, во всех случаях орудовали одни и те же грабители: они обычно заезжали в маленькие городки и прицельно грабили один или два банка подряд. Преступники использовали латексные маски из диснеевских фильмов, и полицейские, не слишком напрягая свою фантазию, окрестили их бандой Калле Анки[6].

Однако в газетах их именовали Медвежьей бандой, поскольку грабители дважды действовали хладнокровно и жестоко, делали

предупредительные выстрелы и угрожали прохожим или просто любопытным, ничуть не боясь причинить вред окружающим.

Шестое нападение они совершили на банк в провинции Эстерётланд в самый разгар лета. Репортер местного радио случайно оказался в банке во время ограбления и отреагировал в полном соответствии с профессиональным кодексом. Как только грабители покинули место преступления, он направился к телефону-автомату и сообщил обо всем в прямом эфире.

А Микаэль Блумквист как раз на несколько дней приехал со знакомой девушкой отдохнуть и поселился в летнем домике ее родителей в окрестностях Катринехольма. Почему именно в тот момент он включил радио, Микаэль не мог сказать, даже когда его потом допрашивали в полиции, но, услышав эту новость, он сразу вспомнил о компании из четырех парней, обитавших на даче в двух-трех сотнях метров от него. Он встретил их несколько дней назад, когда они с подругой, решив купить мороженого, проходили мимо этого участка, а парни играли там в бадминтон.

Микаэль увидел четырех светловолосых, натренированных молодых мужчин, с накачанной мускулатурой, одетых в шорты. Они играли под палящим солнцем с какой-то агрессивной энергией, – так, словно это было не просто времяпровождение, и, возможно, поэтому приковали к себе внимание Блумквиста.

Необъяснимо, но почему-то именно их он начал подозревать в ограблении банка. Микаэль прогулялся в ту сторону и уселся на пригорке. Отсюда ему хорошо был виден дом, по виду в данный момент пустой. Минут через сорок на участке припарковался автомобиль «Вольво» со всей компанией. Парни, похоже, очень спешили, и каждый из них тащил спортивную сумку. Теоретически это вполне могло означать, что они всего лишь ездили куда-нибудь купаться. Но один из них вернулся к машине и вытащил предмет, который тут же поспешно прикрыл курткой. Микаэль, даже с относительно отдаленного расстояния, сумел определить, что это старая добрая «АК-4»[7], из тех, с какой он совсем недавно, проходя военную службу, не расставался целый год. Поэтому он позвонил в полицию и поделился своими соображениями. После этого в течение трех суток домик был плотно оцеплен полицией; разумеется, сюда же понаехали и представители прессы, которые неотрывно следили за происходящим. Поскольку Микаэль находился в самой гуще событий, то одна из вечерних газет заплатила ему вполне приличный куш за репортаж с места событий.

Даже свой штаб, устроенный в передвижном домике на колесах, полиция разместила во дворе того домика, где жил Микаэль.

После того как «медведей» поймали, Микаэль стал настоящей звездой. Так что для карьеры молодого журналиста эта криминальная драма пришлась как нельзя кстати. Конечно, к бочке меда примешалась и ложка дегтя – одна из двух вечерних газет не удержалась от соблазна и озаглавила репортаж не иначе как «Калле Блумквист разоблачает преступников»[8]. Автор ернической статьи, авторитетная колумнистка, как минимум дюжину раз сравнивала Микаэля с юным детективом – героем, придуманным Астрид Линдгрен.

В довершение ко всему газета поместила не слишком удачный размытый снимок, на котором Микаэль стоял с полуоткрытым ртом и поднятым указующим перстом и, похоже, давал полицейскому в униформе какие-то инструкции. На самом деле он просто показывал дорогу к дачному туалету.

За всю свою жизнь Микаэль Блумквист ни разу не называл себя Карлом и не подписывал статьи именем Карл Блумквист. Но какое это теперь имело значение? Ведь с тех самых пор коллеги журналисты прозвали его Калле Блумквистом, что его совсем не радовало, и произносили это имя хоть и дружелюбно, но с некоторой насмешкой. При всем уважении к Астрид Линдгрен – а ее книги Микаэль очень любил, – он ненавидел свою кличку. Прошло несколько лет, он стал известным и признанным журналистом, и это имя стало забываться. Но по-прежнему, когда кто-нибудь поблизости называл имя Калле Блумквиста, он еле сдерживался.

Микаэль дружелюбно улыбнулся репортеру из вечерней газеты.

– Сам придумай что-нибудь. Ты ведь горазд сочинять всякую всячину.

Он говорил без неприязни. Микаэль был более или менее знаком со всеми здесь присутствующими, а самые злейшие его недоброжелатели предпочли вообще сюда не приходить. С одним из репортеров он раньше вместе работал, а «Ту, с канала ТВ-4» несколько лет назад чуть не подцепил на вечеринке.

– Что ж, тебе задали порядочного шороху, – сказал тип из газеты «Дагенс индустри», молодой, явно из корпуса внештатных корреспондентов.

– На самом деле, да, – признал Микаэль.

Что поделать, иногда врать и притворяться не получается.

– Ну и что, как ты себя чувствуешь?

Ни Микаэль, ни журналисты постарше не могли сдержать улыбки, несмотря на то, что ситуация явно не располагала к юмору. Микаэль бросил взгляд на журналистку с канала ТВ-4.

«Как ты себя чувствуешь?»

«Серьезные журналисты» всегда утверждали, что это единственный вопрос, который способны задать бездарные спортивные репортеры после финиша запыхавшемуся спортсмену.

Но Микаэль взял себя в руки.

– Мне, конечно, остается лишь сожалеть о том, что суд не пришел к другим выводам, – ответил он, прячась под маской официоза.

– Три месяца тюрьмы и компенсация в сто пятьдесят тысяч крон – это ощутимый удар, – сказала «Та, с канала ТВ-4».

– Что ж поделаешь, мне придется это пережить.

– Ты попросишь прощения у Веннерстрёма? Пожмешь ему руку?

– Вряд ли. Я не изменил свое мнение о моральной стороне бизнеса, которым занимается господин Веннерстрём.

– Значит, ты по-прежнему утверждаешь, что он – негодяй? – сразу встрепенулся представитель «Дагенс индустри».

После такого вопроса в газете могла бы появиться скандальная статейка с броским заголовком. Микаэль вполне мог бы угодить в ловушку, но репортер слишком услужливо поднес к нему микрофон, и он уловил сигнал опасности.

Несколько минут назад суд постановил, что Микаэль Блумквист нанес оскорбление чести и достоинству финансиста Ханса Эрика Веннерстрёма. Обвинение было вынесено за клевету. Процесс завершился, и Микаэль не собирался обжаловать приговор. Но что, если он неосмотрительно повторит свои обвинения прямо тут, на ступенях ратуши?

Микаэль решил, что не стоит искушать судьбу, поэтому ответил не сразу.

– Я полагал, что имею веские основания опубликовать добытые мною сведения. Но суд отверг мои доводы, и я, разумеется, должен смириться с результатами судебного процесса. Теперь мы в редакции проанализируем приговор, а потом решим, что нам делать дальше. Вот и все, что я могу сказать.

– А ты, случайно, не забыл о том, что журналист обязан опираться на факты? – довольно резко спросила «Та, с канала ТВ-4».

Отпираться было бессмысленно. Раньше они с нею считались добрыми друзьями. Сейчас лицо ее оставалось невозмутимым, но Микаэлю

показалось, что в ее взгляде сквозит разочарование и отстраненность.

Блумквист продолжал отвечать на вопросы еще несколько тягостных минут. В воздухе буквально повис вопрос: как он мог написать статью, не подкрепленную доказательствами и не имея на руках фактов? Но никто из репортеров так и не рискнул задать этот вопрос. Возможно, им просто не хотелось загонять его в угол. Все присутствующие журналисты, за исключением практиканта из «Дагенс индустри», были матерыми газетными волками. И все, что сейчас произошло на их глазах, казалось мистикой.

Представительница канала ТВ-4 задержала Микаэля перед входом в ратушу, где задавала свои вопросы отдельно от всех остальных, стоя перед камерой. Она держалась вполне корректно, вопреки его ожиданиям. В конце концов ей удалось его разговорить, к радости всех собравшихся здесь репортеров. Эта история, конечно же, займет целые полосы, никуда не денешься. И все же Блумквист понимал: для СМИ все, что с ним случилось, не самое главное событие года.

Сцапав желанную добычу, репортеры отправились по своим редакциям.

Микаэлю хотелось немного прогуляться, но декабрьский денек выдался ветреным, а он уже и так основательно замерз, общаясь с коллегами. Он уже остался один на ступенях ратуши, как случайно выхватил взглядом Уильяма Борга. Тот выходил из машины, в которой находился, пока Микаэль общался с репортерами. Их взгляды встретились, и Уильям улыбнулся:

– Надо же, как мне повезло! Я приехал сюда ради того, чтобы увидеть тебя с этой бумагой в руках.

Микаэль не ответил. Они с Уильямом Боргом знали друг друга пятнадцать лет – работали когда-то вместе внештатными сотрудниками отдела экономики одной из утренних газет. Именно тогда они и невзлюбили друг друга.

Микаэль считал Борга бездарным репортером и отталкивающим, мелочным и мстительным типом, который донимал окружающих плоскими шутками и не слишком уважительно высказывался о более удачливых и опытных журналистах. Впрочем, казалось, что особенно он недолюбливал опытных журналисток. Они так и не нашли общего языка, после первой ссоры последовали дальнейшие стычки, и со временем их взаимная неприязнь стала непреодолимой.

Время от времени Микаэль все же сталкивался с Уильямом Боргом, но в конце 1990-х годов они стали настоящими врагами. Блумквист написал книгу об экономической журналистике, где сплошь и рядом цитировал своих коллег. Чаще всего он приводил фрагменты из массы бездарных статей, подписанных Боргом. По версии Микаэля, тот слишком задирал нос, перевирал подавляющее большинство фактов и безмерно восхвалял дот-комы[9], вскоре ставшие на путь банкротства. А Борг, похоже, остался недоволен произведением Микаэля, и на одной из случайных встреч в одном из ресторанчиков в районе Сёдер они чуть было не подрались. Примерно тогда же Уильям оставил журналистику и теперь работал в пиар-агентстве одной из фирм. Там он получал гораздо более высокую зарплату, чем раньше, а фирма входила в сферу интересов магната Ханса Эрика Веннерстрёма.

Они уставились друг на друга, а потом Микаэль развернулся и пошел прочь. На такое способен только Борг – приехать к ратуше лишь ради того, чтобы злорадно посмеяться над ним.

Микаэль даже не успел пройти несколько шагов, как перед ним остановился автобус № 40. И он поспешно забрался в него, чтобы поскорее покинуть это место.

Блумквист вышел на площади Фридхемсплан и задумчиво постоял на остановке, по-прежнему держа в руке приговор. Наконец он решил зайти в кафе «Анна», которое располагалось у въезда в гараж полицейского участка.

Микаэль заказал кофе латте и бутерброд, а через полминуты по радио начали передавать дневной выпуск новостей. Сюжет о нем и его приговоре поставили на третье место, после новости о террористе-смертнике в Иерусалиме и сообщения о том, что правительство учредило комиссию для проверки сведений о новом картеле в строительной отрасли.

> Журналиста Микаэля Блумквиста из «Миллениума» в пятницу утром приговорили к трем месяцам тюрьмы за злостную клевету в адрес предпринимателя Ханса Эрика Веннерстрёма. В опубликованной в этом году и получившей громкий резонанс статье о так называемой «афере «Миноса» Блумквист голословно утверждал, что Веннерстрём вложил государственные средства, предназначенные для инвестиций в промышленность Польши, в торговлю оружием. Микаэля Блумквиста обязали также выплатить сто пятьдесят тысяч крон в качестве компенсации.

> Адвокат Веннерстрёма Бертиль Камнермаркер сообщил, что его клиент удовлетворен исходом судебного процесса.
>
> «Вне всякого сомнения, статья содержит грубую клевету», – заявил адвокат.

Приговор занимал ни много ни мало целых двадцать шесть страниц. В нем излагались объективные причины, почему Микаэля признали виновным в пятнадцати случаях клеветнических измышлений в адрес бизнесмена Ханса Эрика Веннерстрёма. Блумквист прикинул, что каждый из пунктов приговора обошелся ему в десять тысяч крон и в шесть дней тюрьмы, не считая судебных издержек и гонорара адвокату. Он был не в силах даже подумать о том, во что выльется окончательный итог, но отметил также, что могло быть еще хуже: по семи пунктам суд все-таки его оправдал.

Пока он читал формулировки, у него появлялись все более тяжелые и неприятные ощущения в желудке.

Это его удивило. Микаэль ведь уже с самого начала процесса знал, что его осудят, если, конечно, не случится какого-нибудь чуда. К тому моменту никаких сомнений уже не осталось, и оставалось лишь смириться с этой мыслью. Почти безучастно Блумквист отсидел два дня на судебных слушаниях, и потом, тоже без особых эмоций, ждал одиннадцать дней, пока суд формулировал текст, который он сейчас держал в руках. Только теперь, когда все это закончилось, он почувствовал адский дискомфорт.

Микаэль откусил бутерброд, но кусок просто не лез в горло. Ему стало трудно жевать и глотать, и он отодвинул еду в сторону.

Впервые его, Микаэля Блумквиста, признали преступником; до этого же он никогда не был подозреваемым и не привлекался к судебной ответственности. Правда, приговор можно было назвать относительно мягким. Не такое уж тяжкое преступление он совершил – все-таки его обвинили не в вооруженном ограблении, не в убийстве или изнасиловании. Однако финансовый удар по его личному бюджету предстоял весьма ощутимый. «Миллениум» не принадлежал к числу преуспевающих изданий с неограниченными доходами – журнал балансировал на грани краха. Правда, справедливости ради следует признать: приговор не стал для него совсем полной и окончательной катастрофой. Проблема заключалась в том, что Микаэль был совладельцем «Миллениума», являясь одновременно и автором статей, и ответственным редактором. Не слишком предусмотрительно, конечно. А выплатить сумму морального ущерба в сто

пятьдесят тысяч крон Блумквист собирался из собственного кармана. Это практически все, что ему удалось накопить. Журнал же намеревался погасить судебные издержки. Так что все еще не так уж и безнадежно.

Микаэль даже раздумывал, не продать ли ему квартиру, но такое решение привело бы к катастрофе. В конце удачливых восьмидесятых, когда у него была постоянная работа и относительно стабильный доход, он стал присматривать себе жилище. Перебрал массу квартир на продажу, но ему ни одна не нравилась, пока наконец ему не предложили мансарду в шестьдесят пять квадратных метров в самом начале Бельмансгатан[10]. Прежний владелец начал обустраивать ее под двушку, но потом получил работу в какой-то интернет-компании за рубежом. Так что жилье с незавершенным ремонтом и начатой перепланировкой Микаэль смог купить недорого.

Он отверг работу дизайнера по интерьеру и закончил все сам. Вложил деньги в отделку ванной и кухни, а все остальное не стал менять. Он не перекладывал паркет и не возводил перегородки, как планировалось изначально, а просто отциклевал доски на чердачном полу, выкрасил белилами необработанные стены, а самые неприглядные места замаскировал акварелями Эммануэля Бернстоуна[11].

В итоге получилась не квартира из нескольких комнат, а одна большая студия: спальная зона расположилась за книжными стеллажами, а столовая, совмещенная с гостиной, разместилась возле маленькой кухоньки и барной стойки. В помещении было два мансардных окна и одно торцевое, выходящее в сторону залива Риддарфьерден, с видом на крыши Гамла Стан [12]. Отсюда были видны водная гладь возле Шлюза и ратуша. По сегодняшним меркам ему даже не приходилось мечтать купить такую квартиру, и он очень хотел сохранить ее.

Однако риск потерять собственное жилье – это одно дело. Жилье так или иначе со временем можно восстановить. И совсем другое дело – подмоченная профессиональная репутация. Одному богу известно, сколько времени понадобится, чтобы ее восстановить.

В профессии журналиста главное – доверие. Теперь многие редакторы сто раз подумают, прежде чем публиковать материал за его подписью. Безусловно, в журналистском цехе у него по-прежнему оставались друзья, способные понять, что он попросту стал жертвой рокового стечения обстоятельств. Но отныне у него больше нет права на ошибку.

Он мог бы смириться со многим, но унижение не давало ему покоя.

Ведь у него на руках были все козыри, и он все-таки проиграл какому-

то криминальному авторитету в костюме от Армани, биржевому аферисту, яппи, махинации которого прикрывал модный адвокат, защищавший знаменитостей. Ухмылка на протяжении всего процесса не сходила с его уст.

Ну почему, черт побери, ему так не повезло?

А ведь поначалу дело Веннерстрёма сулило успех. Все началось полтора года назад, июньским вечером, на борту желтой яхты «Мэлар-30». Как всегда, все произошло случайно. Бывший коллега, журналист, работавший тогда на ландстинг[13] в области связей с общественностью, решил произвести впечатление на свою новую подружку и на несколько дней арендовал яхту «Скампи», чтобы совершить романтическое путешествие по шхерам. Девушка, только что приехавшая учиться в Стокгольм из Халльстахаммара[14], сначала сопротивлялась, но потом позволила себя уговорить, с условием, что с ними отправятся и ее сестра с приятелем. Никто из халльстахаммарского трио на яхте раньше не плавал, да и сам пиарщик, кроме энтузиазма, никакими качествами яхтсмена не обладал. За три дня до отъезда он позвонил Микаэлю и отчаянно уговаривал его присоединиться к экспедиции, чтобы хотя бы один из пяти пассажиров яхты умел ею управлять.

Поначалу Микаэль воспринял приглашение довольно спокойно, но потом все же уступил – его привлекла перспектива краткого отдыха в шхерах, вкусная еда и приятная компания в придачу. Но все эти обещания оказались пустым звуком, а морская прогулка обернулась просто невообразимым кошмаром. Они выбрали живописный и несложный маршрут – от острова Булландё мимо Фурусунда[15], и плыли на скорости меньше пяти метров в секунду. Но тем не менее новую подругу пиарщика сразил приступ морской болезни, а ее сестра устроила перебранку со своим приятелем. Кстати, никто из них не проявлял ни малейшего интереса к управлению яхтой. Скоро выяснилось, что они намерены уступить штурвал Микаэлю, а сами готовы ограничиться доброжелательными, но бессмысленными советами.

Блумквист после первой же ночевки в заливе у острова Энгсё твердо решил причалить к берегу в Фурусунде и вернуться домой на автобусе. Но приятель так жалобно умолял его остаться, что он передумал и остался на яхте.

На следующий день, около полудня – достаточно рано, чтобы можно было надеяться найти несколько свободных мест, они пришвартовались к

гостевой пристани острова Архольм. Они разогрели еду и уже успели поесть, когда Микаэль заметил желтую яхту М-30 с пластиковым корпусом, которая скользила по волнам залива, выставив только один грот. Судно не спеша лавировало, пока капитан искал место у пристани. Блумквист бросил взгляд на берег и увидел, что между их «Скампи» и бортом яхты класса «H-boat» остается небольшой проем, и это единственное пространство, куда может втиснуться узкая М-30. Он поднялся на корму и показал на это место; капитан М-30 поднял руку в знак благодарности и приблизился к пристани.

«Тоже мне морской волк, хотя бы научился запускать мотор», – отметил про себя Микаэль.

Он услышал скрип якорной цепи, и через несколько секунд грот-парус опустился, а капитан забегал как угорелый, чтобы направить яхту прямо в люфт и одновременно выбросить швартовный трос.

Микаэль поднялся на планширь и протянул руку, показывая, что готов помочь со швартовкой. Капитан М-30 почти полностью сбросил скорость и протиснулся между двумя судами к корме «Скампи». Он бросил Микаэлю трос. Теперь они узнали друг друга и расплылись в улыбках.

– Привет, Роббан, – сказал Микаэль. – Если бы ты догадался включить мотор, то не поцарапал бы все лодки в гавани.

– Привет, Микке. А я смотрю, вроде бы знакомый силуэт… Я бы с удовольствием завел мотор, если бы он вообще заводился. Отказал пару дней назад, когда я уже отплыл.

Через рейлинг они горячо пожали друг другу руки.

Давным-давно, в семидесятые годы, в гимназии Кунгсхольмена, Микаэль Блумквист и Роберт Линдберг очень дружили. Но, как это часто происходит с близкими школьными приятелями, после выпускных экзаменов пути их разошлись. И за последние двадцать лет они встречались от силы пять-шесть раз. К тому времени, когда старые друзья нечаянно-негаданно встретились на пристани Архольма, они не виделись по меньшей мере лет семь или восемь. Мужчины с любопытством уставились друг на друга. Роберт здорово загорел, волосы торчали в разные стороны, и он отрастил бороду двухнедельной давности.

Микаэль неожиданно повеселел. Когда пиарщик и его гоп-компания отправились к торговому центру на другой стороне острова, чтобы повеселиться и потанцевать на празднике летнего солнцестояния, он остался на яхте М-30 поболтать за стопочкой со школьным приятелем.

Через некоторое время они, утомленные схваткой со знаменитыми

островными местными комарами, перешли в каюту. После изрядного количества опрокинутых стопок друзья плавно перешли к обсуждению неисчерпаемой темы морали и этики в мире бизнеса. Они оба выбрали стезю, в той или иной степени связанную с государственными финансами. Роберт Линдберг после гимназии окончил Стокгольмский институт торговли, а затем выбрал карьеру банковского служащего.

Микаэль Блумквист попал в Высшую школу журналистики и значительную часть времени и профессиональных усилий посвятил разоблачению сомнительных сделок в сфере бизнеса и банков. Речь зашла о моральной стороне некоторых «золотых парашютов»[16] – контрактов, заключенных в 1990-х годах.

Линдберг вначале горячо защищал некоторых самых знаменитых «парашютистов», а потом отодвинул бокал и вынужден был признать, что в мире бизнеса все же встречаются отдельные типы и ублюдки, замешанные в коррупции и прочих неблаговидных деяниях. Теперь его взгляд стал вполне серьезным.

– Ты ведь занимаешься журналистскими расследованиями и пишешь об экономических преступлениях! Так почему же ничего не напишешь о Хансе Эрике Веннерстрёме?

– А я и не знал, что о нем есть что писать.

– А ты покопайся, черт возьми… Что тебе известно о программе ППП?

– Ну, в девяностые годы вроде бы запустили программу поддержки промышленности стран бывшего Восточного блока. Пару лет назад ее упразднили. Но я о ней, кажется, ничего не писал.

– «Программа поддержки промышленности» – проект, который финансировало правительство, а возглавляли его представители самых крупных шведских предприятий. ППП получила государственные гарантии на ряд проектов, согласованных с правительствами Польши и стран Балтии. Центральное объединение профсоюзов тоже частично принимало в нем участие. Оно выступало в качестве гаранта того, что шведская модель станет способствовать развитию рабочих движений этих стран. С формальной точки зрения проект поддержки был основан на принципе «научись помогать себе сам» и был призван предоставить возможность странам бывшего социалистического лагеря реформировать свою экономику. Но на практике получилось так, что шведские предприятия, получив государственные субсидии, использовали их для того, чтобы стать совладельцами предприятий. К тому же ППП горячо поддерживал наш хренов министр от христианских демократов. Например, было запланировано построить целлюлозно-бумажный комбинат в Кракове,

переоборудовать отрасль металлургии в Риге, цементные предприятия в Таллинне и так далее. Средства выделяли в правлении ППП, которое состояло из магнатов – промышленников и банкиров.

– То есть это были деньги налогоплательщиков?

– Приблизительно половину брали из казны, а остальное вложили банкиры и промышленники. Но поверь мне, они отнюдь не альтруисты. Банкиры и промышленники намеревались прилично нажиться. Иначе они бы даже не связывались.

– Но какие суммы там фигурировали?

– Ты погоди, сначала послушай. В основном ППП заинтересовались солидные шведские компании, которые стремились попасть на восточный рынок. Мощные корпорации, такие как ABB[17], «Сканска»[18] и тому подобные. То есть флагманы промышленности, а не какие-нибудь авантюристы.

– Ты утверждаешь, что «Сканска» не занимается авантюрами? А не у них ли вышвырнули исполнительного директора – за то, что позволил кому-то из своих ребят пустить полмиллиарда на сомнительные сделки? А как насчет их истеричных инвестиций огромных сумм в недвижимость в Лондоне и Осло?

– Согласен, придурков хватает везде, по всему миру, но ведь ты понимаешь, что я имею в виду. В любом случае эти компании хоть что-то производят. Они – становой хребет шведской индустрии и все такое прочее.

– А Веннерстрём тут при чем?

– А Веннерстрём при том, что он как джокер. Он вроде бы и взялся из ниоткуда, у него не было никаких связей в индустрии, и, казалось бы, что ему тут делать? И все-таки он сколотил колоссальное состояние на бирже и вложил деньги в стабильные предприятия. Так что он занял свое место в бизнес-элите с черного хода.

Микаэль налил себе еще водки, откинулся назад и стал вспоминать, что ему известно о Веннерстрёме. Оказалось, что знал он не так уж и много.

Веннерстрём родился и вырос в Норрланде[19] и в 1970-е годы учредил там инвестиционную компанию. Заработал капитал и перебрался в Стокгольм, где в благословенные 1980-е годы сделал головокружительную карьеру. Он создал компанию «Веннерстрёмгруппен», открыл филиалы в Лондоне и Нью-Йорке. Затем предприятие сменило название на английское «Веннерстрём груп» и начало упоминаться рядом с компанией «Бейер»[20]. Он прокручивал головокружительные спекуляции с акциями и опционами –

и стал героем гламурных журналов в качестве одного из многочисленных новых миллиардеров. Прикупил себе пентхаус на Страндвэген, фешенебельную летнюю виллу на острове Вермдё и двадцатитрехметровую крейсерскую яхту, которая раньше принадлежала разорившейся звезде тенниса.

Словом, у него был нюх на деньги, и те так и липли к нему. Но 1980-е годы стали десятилетием денежных мешков и спекулянтов недвижимостью, а Веннерстрём ничем не выделялся среди остальных. Скорее напротив, он оставался в тени солидных воротил. Ему не хватало шарма Стенбека[21], и он не кокетничал с журналистами, как Барневик[22]. Он отверг сделки с недвижимостью и сосредоточился на солидных инвестициях в странах бывшего Восточного блока. Когда в 1990-е годы эпоха беспечности закончилась и директора один за другим были вынуждены раскрывать свои «золотые парашюты», предприятия Веннерстрёма справились с ситуацией – как ни странно – очень легко и артистично. Все обошлось без скандалов. «История успеха по-шведски» – писала «Файнэншл таймс».

– Шел девяносто второй год, – рассказывал Роберт. – Вдруг ни с того ни с сего Веннерстрём обратился в ППП и попросил выделить ему деньги. Он представил план, наверняка заручившись поддержкой местных бизнесменов в Польше. Вроде бы он намеревался учредить предприятия по производству тары для пищевой промышленности.

– То есть консервных банок.

– Что-то в этом духе. Понятия не имею, кто ему покровительствовал в ППП, но Веннерстрёму запросто выделили шестьдесят миллионов крон.

– Что ж, это уже сюжет. Что-то мне подсказывает, что больше этих денег никто не видел.

– А вот и ошибаешься, – сказал Роберт Линдберг.

Загадочно улыбнувшись, он хватанул несколько глотков водки.

– После этой классической финансовой схемы Веннерстрём действительно основал в Польше, в Лодзи, фабрику по производству тары и назвал ее «Минос». На протяжении девяносто третьего года ППП получала оптимистические отчеты, потом наступила тишина. А в девяносто четвертом «Минос» вдруг взял да и лопнул.

Роберт Линдберг громко долбанул по столу пустой стопкой, словно желая продемонстрировать, как именно лопнуло предприятие.

– Проблема ППП заключалась в том, что какая-либо система отчетности по проектам не была налажена. Ты помнишь те времена… Падение Берлинской стены вызвало прилив неслыханного оптимизма. Все

надеялись на повсеместную и окончательную победу демократии, угроза ядерной войны осталась в прошлом, а большевикам предстояло за одну ночь превратиться в матерых капиталистов. Правительство хотело внедрить демократию на востоке. Все капиталисты кинулись строить новую Европу.

– А я и не подозревал, что капиталисты так склонны к филантропии.

– Уж поверь мне, любой из них грезил благотворительностью. Россия и страны Восточного блока являются, пожалуй, крупнейшим в мире развивающимся рынком после Китая. Бизнес помогал власти и делал это очень охотно, тем более что компании отвечали лишь за малый процент расходов. ППП растранжирил в общей сложности порядка тридцати миллиардов казенных крон. Деньги должны были вернуться в качестве будущих прибылей. Формально создание ППП инициировало правительство, но, конечно, влияние промышленников было очень велико, и на практике руководство программы было наделено неограниченными полномочиями.

– Понимаю. Но в чем, собственно, фишка?

– Не торопись. В самом начале никаких проблем с финансированием проектов не возникало. На финансовом рынке Швеции царила стабильность. Правительству нравилось то, что благодаря ППП можно было говорить о весомом вкладе Швеции в демократические процессы в странах Восточного блока.

– Значит, все это происходило тогда, когда у власти находилось правительство консерваторов?

– Политика тут ни при чем. Когда на кону большие деньги, то какое имеет значение, кто назначает министров – социал-демократы или модераты[23]. Так что дали команду «полный вперед!». А потом возникли валютные проблемы… К тому же некоторые придурки из стана новых демократов – помнишь «Новую демократию»? – начали ворчать, мол, почему это нет никакой публичной информации о деятельности ППП. А один из их бонз перепутал ППП с Управлением в области международного сотрудничества и решил, что речь идет о каком-то проекте поддержки реформ, вроде танзанийского. Для проверки деятельности ППП весной девяносто четвертого года назначили комиссию. К тому времени набралось уже немало претензий к разным проектам, но первым проверили «Минос».

– И Веннерстрём, конечно, не смог отчитаться, на что потратил деньги…

– Как раз наоборот. Веннерстрём представил безупречный отчет, согласно которому в «Минос» инвестировали около пятидесяти четырех миллионов крон. Но по всему выходило, что Польша оказалась чересчур

отсталой страной, для того чтобы развернуть работу современного предприятия по производству упаковок, – делу препятствовали серьезные проблемы структурного характера. И его предприятие не выдержало конкуренции с аналогичным немецким проектом. А немцы как раз стремились скупить весь Восточный блок с потрохами…

– Но ты сказал, что он получил шестьдесят миллионов крон…

– Вот именно. Деньги ППП использовались как беспроцентный заем. По идее, предприятия на протяжении нескольких лет должны были вернуть часть денег. «Минос» обанкротился, и проект провалился, но обвинить в этом Веннерстрёма никому не пришло в голову. Ведь деньги выдавались под государственные гарантии, и Веннерстрёму компенсировали убытки. От него просто не потребовали возврата денег, которые сгорели при банкротстве «Миноса». К тому же этот прохиндей умудрился доказать, что потерял соответствующие суммы из собственного кармана.

– Может, я чего-то не понимаю? Неужели правительство получило миллиарды из казны и передало их дипломатам, а те уже пустили их на дело?.. Деньги попали к промышленникам, и те использовали их для инвестиций в совместные предприятия, которые затем принесли баснословные барыши. Словом, все как всегда. Ничего нового. Кто-то греет руки, а кто-то оказывается внакладе, и нам известно, что все роли заранее расписаны.

– Ну ты и циник. Ведь займы следовало вернуть государству.

– Ты ведь сказал, что они были беспроцентными. Следовательно, налогоплательщики, за счет которых кое-кто нажился, не участвуют в распределении выигрыша. Веннерстрём получил шестьдесят миллионов, пятьдесят четыре из которых он вложил в дело. А куда же делись остальные шесть миллионов?

– В ту же минуту, когда стало известно, что аудиторы будут проверять проекты ППП, Веннерстрём выписал для ППП чек на шесть миллионов и погасил разницу. Так что с формальной юридической точки зрения не подкопаешься.

Роберт Линдберг умолк и метнул в Микаэля взгляд победителя.

– Как послушаешь, так подумаешь, что Веннерстрём позволил себе лишь небольшую растрату ППП. Но если сравнивать, например, с компанией «Сканска», которая растратила полмиллиарда, или вспомнить историю с «золотыми парашютами» директоров ABB, которая обошлась бюджету примерно в миллиард… Вот эти аферы действительно возмутили публику. А тут, похоже, и темы-то нет, и не разгуляешься от души, – сказал Микаэль. – Читателя уже не заманишь статьями о некомпетентных дельцах,

даже если они прокручивают казенные деньги. А что еще можно выжать из этой истории?

– Дальше – больше.

– А откуда ты разузнал о махинациях Веннерстрёма в Польше?

– В девяностые годы я работал в «Хандельсбанке». Догадайся, кто проводил аудит в ППП?

– А вот это уже кое-что… Ну-ка, рассказывай.

– Значит, так. Если все суммировать, то ППП получает от Веннерстрёма отчеты. Затем составляются соответствующие бумаги. Оставшиеся деньги возвращаются. Вернуть шесть миллионов – это была гениальная уловка. Ведь если у тебя на пороге появится кто-то, кто захочет отдать тебе мешок денег, разве ты сможешь усомниться в его честности?

– Давай покороче.

– Но, дорогой Блумквист, я как раз и стараюсь покороче. Отчет Веннерстрёма вполне удовлетворил ППП. Получается, что огромные деньги просто выкинули коту под хвост – но никаких претензий к тому, как и куда их вкладывали. Мы проверяли счета и трансферы и все остальные бумаги. Отчетность просто тютелька в тютельку. Меня все устраивало. Моего шефа – тоже. А главное, в ППП остались довольны. Так что правительству даже и нечего было возразить.

– Так в чем же суть аферы?

– А вот дальше все гораздо интереснее, – сообщил Линдберг, который выглядел теперь протрезвевшим. – Но имей в виду: хоть ты и журналист, для печати это не предназначено.

– Да брось ты. Не можешь же ты слить мне информацию, а потом вдруг заявить, что я не могу ею воспользоваться.

– Почему же, могу. То, что я тебе уже рассказал, отнюдь не является тайной. При желании ты всегда можешь ознакомиться с отчетом. Об остальном – о чем я пока умалчиваю – ты тоже можешь написать. Но при условии, что я буду фигурировать в качестве анонимного источника.

– Ах, вот как? Но, согласно общепринятым понятиям, «не для печати» означает, что мне доверили секретную информацию, и разглашать ее я не имею права.

– Плевать мне на терминологию. Пиши что хочешь, но помни: я – твой анонимный источник. Идет?

– Конечно, – ответил Микаэль.

Потом, конечно, стало ясно, что зря он так ответил.

– Ну, слушай. Вся эта история с «Миносом» случилась лет десять назад, сразу после падения Берлинской стены, когда большевики пытались

стать респектабельными капиталистами. Я попал в число тех, кто проверял Веннерстрёма, и не мог избавиться от ощущения, что концы с концами не сходятся.

– Но во время проверки ты промолчал?

– Я поделился своими сомнениями со своим шефом, однако нам не к чему было придраться. Все бумаги были в полном ажуре. И мне оставалось только подписаться под отчетом. Но потом каждый раз, натыкаясь на имя Веннерстрёма в публикациях, я мысленно возвращался к «Миносу».

– Понимаю.

– Через несколько лет, в середине девяностых, мой банк вел кое-какие дела с Веннерстрёмом. Честно сказать, дела весьма серьезные. Но тут опять вышла неувязка.

– Он вас надул?

– Нет, не совсем. Получилось так, что на этом деле нагрели руки обе стороны. Проблема скорее была в… Я даже не знаю, как это объяснить. Но все это уже относится к моему работодателю, и мне бы не хотелось вдаваться в подробности. Однако от всего этого осталось, мягко говоря, не слишком благоприятное впечатление. А массмедиа изображают Веннерстрёма этаким великим экономическим гуру… И на этом держится его благополучие. Доверие – его капитал.

– Понимаю, что ты имеешь в виду.

– А мне кажется, что он попросту блефует. Никакими особыми талантами экономиста Веннерстрём не наделен. Напротив, в некоторых вопросах он явно не дотягивал даже до среднего уровня. С ним работали несколько действительно толковых молодых консультантов, это был его резерв, но сам он мне ни разу не нравился.

– Ну и что же потом?

– Год назад я ездил в Польшу по другим делам. Мы с коллегами ужинали вместе с несколькими инвесторами из Лодзи. И я случайно оказался за одним столом с бургомистром. Разговор зашел о том, как укрепить польскую экономику, и я вдруг упомянул про «Минос». Бургомистр уставился на меня с некоторым недоумением – будто он никогда и не слыхал о «Миносе». Но вспомнил, что была какая-то афера и потом все лопнуло. Он усмехнулся и сказал – цитирую дословно: «Если бы все шведские инвесторы были бы такими, то ваша страна вскоре совсем разорилась бы». Понимаешь?

– Могу только предположить, что в Лодзи вполне толковый бургомистр… И что же дальше?

– Эта фраза все не выходила у меня из головы. Я никак не мог

успокоиться. На следующее утро у меня была назначена встреча, и я рано освободился. Из принципа я поехал посмотреть на закрывшуюся фабрику «Минос» – она располагалась рядом с Лодзью, в маленькой деревушке, с кабаком в каком-то сарае и с сортиром во дворе. Гигантская фабрика «Минос» на самом деле оказалась просто развалюхой, ветхим складом из ржавого железа, построенным еще Красной Армией в пятидесятые годы. Случайно я наткнулся на сторожа, который кое-как объяснялся по-немецки. Он сказал, что один из его двоюродных братьев работал на «Миносе». И я, недолго думая, отправился к нему домой, благо он жил рядом. Сторож при этом вызвался стать моим гидом и переводчиком. Ни за что не поверишь, что они мне рассказали…

– Я весь внимание.

– «Минос» стартовал осенью девяносто второго. Туда наняли максимум пятнадцать сотрудников, преимущественно бабушек. Зарплата равнялась ста пятидесяти кронам в месяц. Вначале у них вообще отсутствовало какое-либо оборудование, и служащие в основном разбирали хлам. В начале октября привезли три картонажные машины, закупленные в Португалии. Древние, допотопные и к тому же морально безнадежно устаревшие. Цена этому железу была от силы несколько тысяч крон. Техника кое-как функционировала, но непрерывно ломалась. Запчастей, естественно, не было, и производство без конца приходилось останавливать. Чаще всего кто-нибудь из служащих чинил оборудование вручную.

– Вот это уже кое-что, – оживился Микаэль. – Ну и что же на самом деле производила эта легендарная фабрика?

– В течение девяносто второго года и половины девяносто третьего они клеили самые обычные упаковки для моющих средств, коробки для яиц и тому подобное. Потом наладили выпуск бумажных пакетов. Но фабрике постоянно не хватало сырья, и ни о каком массовом производстве речи вообще не было.

– Не похоже, чтобы в фабрику вложили солидные инвестиции…

– Я все подсчитал. Общая сумма аренды за два года потянула на пятнадцать тысяч. На зарплаты потратили максимум сто пятьдесят тысяч – это с лихвой. Дальше – закупка техники и транспортировка, фургон для перевозки упаковок для яиц… Предположим, двести пятьдесят тысяч. Плюс взносы за разрешение, поездки взад-вперед… Похоже, что деревню несколько раз посетил один-единственный визитер из Швеции. Так что на всю эту канитель потратили меньше миллиона. В один прекрасный день летом девяносто третьего на фабрику заявился какой-то начальник и

сообщил, что она закрыта. А вскоре после этого приехал венгерский грузовик и вывез оборудование. И покеда, «Минос».

На протяжении судебного процесса Микаэль часто вспоминал тот летний вечер. Они беседовали как одноклассники, по-дружески и в то же время подтрунивая друг над другом, как в годы учебы в гимназии, когда они доверяли друг другу тайны, свойственные их возрасту в целом. Повзрослев, они разбрелись в разные стороны и отдалились друг от друга, стали фактически чужими.

Весь вечер Микаэль никак не мог припомнить, как они подружились в гимназии. Роберт казался ему скромным и сдержанным юношей, очень стеснительным в общении с девушками. Позже он преуспел на банковском поприще, пожалуй, даже сделал карьеру.

Хотя Блумквист ни секунды не сомневался в том, что сейчас их представления о мире разошлись.

Микаэль напивался не слишком часто, но тогда эта незапланированная встреча во время неудачной морской прогулки продолжилась – за дружеской вечерней трапезой и обильными возлияниями. Ну и что тут особенного – подумаешь, старые школьные приятели встретились и решили немного поболтать и выпить… Именно поэтому Микаэль не воспринял всерьез рассказ Роберта о Веннерстрёме. Но в конце концов победил инстинкт журналиста, он навострил уши и включил логику.

– Я не очень понимаю, – сказал Блумквист. – Ведь Веннерстрём – заметная величина среди биржевиков. Если я правильно помню, он миллиардер…

– «Веннерстрём груп» потянет приблизительно на две сотни миллиардов. Ты имеешь в виду, зачем миллиардеру вообще гоняться за жалкими пятьюдесятью миллионами?

– Ну да, зачем ему рисковать – ведь столь откровенное мошенничество не может остаться безнаказанным?

– Не уверен, можно ли назвать эту операцию откровенным обманом. Отчет Веннерстрёма единодушно одобрили топ-менеджеры ППП, а также сотрудники банка, правительство и аудиторы риксдага.

– Но в любом случае для Веннерстрёма пятьдесят миллионов – пустяковая сумма…

– Согласен. И все же не забывай: «Веннерстрём груп» – инвестиционная компания, торгующая всем, что приносит прибыль: ценными бумагами, опционами, валютой… Да и много чем еще. Веннерстрём заключил контракт с ППП в девяносто втором году. А ты

помнишь осень девяносто второго? Тогда рынок находился в подвешенном состоянии.

– Конечно, помню. Я как раз взял кредит на покупку квартиры под нефиксированные проценты, а в октябре ставки Центробанка взлетели до пятисот процентов. Так что я целый год выплачивал ипотеку – девятнадцать процентов.

– Да уж, помню я эти времена, – усмехнулся Роберт. – Меня самого это тоже коснулось. И Ханс Эрик Веннерстрём, так же, как и все остальные игроки на рынке, пытался решить те же проблемы. Его компании вложили миллиарды в самые разные ценные бумаги, но наличных им явно не хватало. И вдруг выяснилось, что раздавать новые ссуды невозможно. Обычно в таких случаях продают какую-нибудь недвижимость для компенсации ущерба и латают дыры в бюджете. Но в девяносто втором никто не хотел покупать недвижимость.

– Проблема ликвидности.

– Вот именно. И не только у Веннерстрёма. Любой бизнесмен…

– Не называй его бизнесменом. Называть бизнесменами таких, как Веннерстрём, – значит, оскорблять серьезных представителей этой профессии.

– Что ж. Каждый биржевой делец рано или поздно сталкивается с проблемой ликвидности. Итак, Веннерстрём получил шестьдесят миллионов крон. Шесть из них он вернул, но только через три года. Расходы на проект «Минос» не могли обойтись больше чем в миллион. А теперь подсчитаем: только рента с шестидесяти миллионов за три года обернется вполне приличным доходом. Все зависит от того, как и куда он вкладывал деньги. Он мог удвоить или утроить полученный от ППП капитал… Впрочем, хватит об этом дерьме. Давай лучше выпьем.

Глава 2
Пятница, 20 декабря

Драгану Арманскому стукнуло пятьдесят шесть лет. Он родился в Хорватии. Его отец, армянский еврей, был родом из Белоруссии, а мать – боснийской мусульманкой греческого происхождения. И поскольку она отвечала за его культурное развитие, то, став взрослым, он оказался в той необъятной и неоднородной группе, которую средства массовой информации определяют как мусульман. Миграционная служба, как ни странно, записала его сербом. Судя по паспорту, он имел шведское гражданство, а на фотографии красовалось четырехугольное лицо с массивной челюстью, темной щетиной и седыми висками. Его часто называли арабом, хотя среди его предков не было ни единого араба. Зато все эти генетические мутации давали повод сторонникам расовых теорий считать его представителем низшей расы.

Внешне Арманский смахивал на типичного мелкого мафиозо из американского гангстерского фильма. На самом же деле он не занимался контрабандой наркотиков и не был киллером мафии. Он был одаренным управленцем, который еще в начале 1970-х годов дебютировал всего лишь как ассистент экономиста охранного предприятия «Милтон секьюрити», а спустя три десятилетия достиг должности исполнительного директора и оперативного управляющего.

Арманский увлекся вопросами безопасности – сначала просто так, от нечего делать, а потом хобби превратилось в профессию, почти маниакальное пристрастие. Он превратил свое увлечение во что-то наподобие увлекательной игры: ему приходилось идентифицировать угрозу, намечать меры предосторожности и постоянно на один шаг опережать врага – промышленных шпионов, шантажистов и казнокрадов. Все началось с того, что Арманский обнаружил, как одного из клиентов провели вокруг пальца. Крупнейшее мошенничество удалось благодаря использованию креативных приемов бухгалтерского учета. Драган сумел вычислить, кто именно из целой команды в двенадцать человек стоял за этим. Даже тридцать лет спустя он помнил, как его удивил сам факт – пренебрежение элементарными мерами безопасности создало идеальные условия для хищения. Так вчерашний усердный счетовод превратился в эксперта по борьбе с экономическими преступлениями. И благодаря его усилиям предприятие совершило качественный рывок в своем развитии.

Через пять лет Арманский оказался в руководстве компании, а еще через десять лет стал исполнительным директором. Конечно, нашлись и те, кто противодействовал его карьерному росту. Но потом противникам пришлось смириться. За годы его работы «Милтон секьюрити» превратилось в одно из самых компетентных и авторитетных охранных предприятий Швеции.

В компании «Милтон секьюрити» работали триста восемьдесят штатных сотрудников и еще около трехсот надежных фрилансеров[24], которым платили за выполнение тех или иных поручений. Так что по сравнению с такими предприятиями, как «Фальк» и «Шведская служба охраны», «Милтон секьюрити» считалась небольшой. Когда Арманский только поступил на службу, предприятие еще называлось «Акционерное общество Юхана Фредрика Милтона «Общественная охрана», и его клиентами были торговые центры, нуждавшиеся в контролерах и вышибалах с мощными мускулами.

Под его руководством фирма сменила название на более удобное для международных контактов – «Милтон секьюрити» и взяла курс на освоение новейших технологий. Претерпел изменения и кадровый состав: бывшие ночные сторожа, любители униформы и подрабатывающие гимназисты сменились высококвалифицированными спецами. Арманский нанял отставных полицейских на должности оперативных руководителей; были в компании политологи, занимающиеся проблемами международного терроризма, знатоки индивидуальной защиты и борцы с промышленным шпионажем, а главное, специалисты по телекоммуникациям и компьютерам. Предприятие перебралось из отдаленного района Сольна в новое респектабельное здание неподалеку от Шлюза, в центре Стокгольма.

К началу 1990-х годов компания «Милтон секьюрити» уже предлагала охранные услуги на вполне современном уровне и обслуживала узкий круг избранных клиентов; в основном это были средние предприятия с высоким оборотом и состоятельные частные лица – недавно разбогатевшие рок-звезды, биржевики и главы интернет-компаний. Почти семьдесят процентов оборота складывалось за счет того, что компания предоставляла телохранителей и обеспечивала безопасность шведских предприятий за рубежом, в основном на Ближнем Востоке. Благодаря Арманскому оборот побил все рекорды – он подскочил с неполных сорока миллионов в год почти до двух миллиардов. Оказалось, что торговать безопасностью – дело крайне прибыльное.

Работа делилась на три основных сегмента: консультации по безопасности, которые заключались в обнаружении возможных или предполагаемых угроз; меры предосторожности, – обычно монтировали дорогостоящие камеры наблюдения, охранную или пожарную сигнализацию, электронные запирающие системы и компьютерное оборудование. И, наконец, непосредственная охрана частных лиц и предприятий – от реальной или воображаемой угрозы. Именно этот сектор рынка за последнее десятилетие раскрутился и набирал обороты – он увеличился в сорок раз и завоевал новую прослойку клиентов. Ее составляли преуспевающие женщины, которым угрожали бывшие приятели и мужья. Или за ними охотились анонимные сталкеры, – то ли они влюбились в них по телевизору, то ли их покорили обтягивающие джемпера или цвет губной помады. Кроме того, «Милтон секьюрити» тесно сотрудничала с родственными предприятиями из других европейских стран и США и обеспечивала безопасность многих иностранных гостей во время их визитов в Швецию. Например, в их числе была одна популярная американская актриса, которая провела два месяца на съемках фильма в местечке Тролльхеттан[25]. Почему-то ее агент посчитал, что во время нечастых прогулок возле гостиницы ей необходимы телохранители.

Был и четвертый, значительно менее объемный сегмент, и в нем было занято считаное количество сотрудников. Здесь занимались сбором и анализом личных обстоятельств.

Арманский был не слишком доволен именно этой стороной деятельности. Особых прибылей она не сулила, зато доставляла массу хлопот, поскольку требовала от сотрудников многих интеллектуальных навыков, а не просто умения разбираться в телекоммуникациях или монтировать аппаратуру для скрытого наблюдения. Иногда изучение личных обстоятельств означало элементарную проверку кредитоспособности, или выяснение деталей биографии при приеме на работу, или проверку причастности кого-то из сотрудников к утечке информации или к преступной деятельности. Одним словом, ищейки выполняли важную часть оперативной работы.

Нередко клиенты обращались к Арманскому с личными проблемами, со всякой чепухой.

«Я хочу знать, что за оборванец общается с моей дочерью…»

«Мне кажется, жена мне изменяет…»

«По-моему, мой сынишка по наивности угодил в дурную компанию…»

«Меня шантажируют…»

В таких случаях Арманский чаще всего отказывался помогать своим клиентам. Взрослая дочь имеет право общаться с любым оборванцем, а с изменами, по его мнению, супругам следовало бы разбираться самостоятельно. Вмешиваться в подобные дела означало угодить в ловушки, чреватые скандалами и юридическими препонами для «Милтон секьюрити». Поэтому Драган Арманский довольно строго контролировал подобные поручения, хотя погоды в общем обороте предприятия они не делали.

Сегодня утром, к сожалению, предстояло заниматься именно сбором и изучением личных обстоятельств. Драган Арманский разгладил рукой стрелки на брюках и откинулся на спинку своего комфортабельного рабочего кресла. Он придирчиво разглядывал сотрудницу по имени Лисбет Саландер. Она была на тридцать два года моложе его, и он уже в тысячный раз убеждался: вряд ли можно найти менее подходящего сотрудника для работы на престижном охранном предприятии, чем она. Но, несмотря на свои сомнения и противоречивое отношение, Арманский безусловно считал Лисбет Саландер самым компетентным экспертом из всех, с кем ему приходилось сталкиваться за время работы. За те четыре года, что она с ним работала, Лисбет ни разу не схалтурила и не представила ни единого бездарного отчета.

Напротив, она всегда добивалась превосходных результатов. Арманский не сомневался, что Лисбет Саландер – уникальный талант. Конечно, собрать сведения о кредитоспособности или добыть справку у судебного исполнителя мог любой сотрудник, но Саландер действовала с размахом и всегда добывала самую неожиданную информацию. Драган так и не сумел толком понять, как именно она это делает; порой ее способность добывать сведения граничила с магией. Она, как никто другой, ориентировалась в бюрократических архивах и могла отыскать досье на самых неприметных людей. А главное, умела втираться в доверие к тому, кого проверяла. Если только можно было откопать какой-нибудь компромат, она неслась в нужном направлении, как запрограммированная ракета.

Словом, ее талант проявлялся в самых разных направлениях.

Порою досье, которые собирала Лисбет Саландер, могли полностью скомпрометировать тех, кто попадал в зону действия ее радара. Арманский до сих пор вздрагивал, вспоминая один эпизод. Он поручил ей проверить одного ученого из фармакологической компании, которую готовились выставить на торги. Работа, рассчитанная на неделю, чересчур затянулась. Спустя четыре недели после нескольких напоминаний Саландер заявилась

с отчетом, где документально подтверждалось, что объект, за которым она наблюдала, является педофилом и как минимум дважды оплачивал сексуальные сеансы с тринадцатилетней проституткой в Таллинне. Кроме того, по некоторым сведениям, он проявлял патологический интерес к дочери своей тогдашней любовницы.

Некоторые качества, которыми обладала Саландер, буквально доводили Драгана до полного отчаяния. Обнаружив, что ее объект оказался педофилом, она не позвонила Арманскому, не ворвалась к нему в кабинет – мол, есть о чем поговорить. Даже не намекнула, что составила сенсационный отчет. Просто как-то вечером положила его на письменный стол Арманскому, как раз когда он уже собирался выключить свет и отправиться домой. Он взял отчет с собой и заглянул в него только поздним вечером, когда сидел и смотрел телевизор в гостиной своей виллы на острове Лидингё и только-только собирался выпить с женой по бокалу вина.

Как всегда, Лисбет выполняла задание по всем правилам, со сносками, цитатами и ссылками на дополнительные источники. Отчет начинался с биографических данных об объекте, затем излагались сведения о его образовании, карьере и материальном положении. И только на странице 24, под неброским заголовком, Саландер взорвала бомбу. Она описывала поездки в Таллинн так же сухо и обстоятельно, как и все остальное – о том, что он обитает на вилле в Соллентуне[26] и владеет темно-синим «Вольво». Она приложила огромный ворох документов – в частности, фотографии тринадцатилетней девочки рядом с наблюдаемым объектом. Снимок был сделан в холле таллиннского отеля, и рука объекта находилась под свитером девочки. Каким-то образом Лисбет Саландер удалось разыскать эту проститутку и записать на диктофон подробное интервью с нею.

В результате Арманский буквально впал в ступор.

Ему пришлось принять пару таблеток против язвы желудка. Затем он вызвал заказчика – с этим нельзя было медлить. И в конце концов, после весьма нелицеприятной беседы – вопреки категорическому нежеланию заказчика, – ему пришлось передать материалы в полицию. А обращение в полицию означало, что «Милтон секьюрити» придется выступать на суде. Если обвинение не удастся доказать или мужчину признают невиновным, возникнет опасность, что на охранную фирму подадут в суд за клевету. А вот это уже никуда не годится.

К счастью, все обошлось.

Больше всего в Лисбет Саландер его раздражала невозмутимость и

полное безразличие. Но за долгие годы у «Милтон секьюрити» сложилась репутация фирмы, нацеленной на консервативность и стабильность. От имиджа зависело чрезвычайно многое. А Лисбет Саландер выпадала из этой идиллической картины – она выглядела как экскаватор на ярмарке роскошных яхт.

Арманский воспринимал почти как наваждение то, что звезда его фирмы – бледная анорексичная девица с короткой стрижкой и пирсингом на носу и бровях. На шее у нее имелась двухсантиметровая татуировка в виде осы; одна наколка-цепочка охватывала бицепс левой руки, другая, такая же, – щиколотку. Когда Саландер заявлялась в майке, Арманский мог констатировать, что на спине у нее присутствует большая татуировка в виде дракона. Природа наделила ее рыжей шевелюрой, но Лисбет красила волосы в иссиня-черный цвет. Она выглядела так, словно только что очнулась после недельной оргии в тусовке любителей тяжелого рока.

На отсутствие аппетита ей жаловаться не приходилось. Арманский не сомневался, что Саландер ест что попало, не считая калорий. Просто она от рождения была худая, по-детски субтильная, стройная; у нее были изящные руки, узкие щиколотки и едва различимая под одеждой грудь. В свои двадцать четыре года она выглядела на четырнадцать.

В ее внешности доминировали азиатские черты – широкий рот, маленький нос и высокие скулы. Она передвигалась стремительно, как паук, а когда работала за компьютером, то стучала по клавиатуре почти с маниакальным упорством. С такой фигурой ей вряд ли удалось бы сделать карьеру в модельном бизнесе, но ее лицо, показанное крупным планом и с удачным мейкапом, вполне можно было бы поместить на любом рекламном щите. С эпатажным макияжем (порой она еще пользовалась ужасной черной помадой), татуировками и пирсингом в носу и бровях – она все же умудрялась сохранять какую-то привлекательность. И это было необъяснимо.

Но еще более необъяснимым было то, что Лисбет Саландер вообще работала на Драгана Арманского. Обычно он не контактировал с такого типа женщинами и тем более не собирался предлагать им работу.

Сначала ее взяли секретаршей по рекомендации Хольгера Пальмгрена, адвоката, который раньше вел личные дела старины Ю. Ф. Милтона, а сейчас уже вышел на пенсию. По его словам, «Лисбет Саландер очень продвинутая девица, хотя и склонна к асоциальному поведению». Пальмгрен просил Арманского дать ей шанс, и тот пообещал, хотя и неохотно. Но Пальмгрен не из тех, кто мог бы смириться с отказом; в этом

случае он только удвоил бы свое давление. Так что Арманскому проще было сразу согласиться. Он знал, что Пальмгрен, как адвокат, защищает асоциальную молодежь и прочих маргиналов. И в то же время не лишен здравого смысла.

Правда, Драган сразу пожалел о своем обещании, как только увидел Лисбет Саландер.

Девушка не просто казалась безрассудной – с точки зрения Арманского она являлась олицетворением безрассудства как такового. Она не посещала старшие классы школы, никогда не переступала порога гимназии, и уж тем более не приходилось говорить о высшем образовании.

В первые месяцы Саландер очень старалась – она находилась на работе целый день или почти целый; во всяком случае, регулярно появлялась на службе. Она варила кофе, получала почту и следила за копировальной техникой. При этом ее совершенно не волновали такие понятия, как рабочий график или традиционный распорядок дня.

Она просто бесила своих коллег. Ее прозвали девицей с двумя извилинами: одна – для того чтобы дышать, а другая – чтобы стоять прямо. Она никогда ничего не рассказывала о себе. Сослуживцы, которые пытались заговорить с ней, редко удостаивались ответа. Так что вскоре люди перестали к ней обращаться. Они пытались шутить – и тоже безуспешно. Саландер бросала на шутников равнодушные взгляды или же реагировала на них с откровенным раздражением. У нее резко менялось настроение, если ей казалось, что кто-то над ней подшучивает. А случалось это довольно часто, тем более что такой стиль общения был принят в офисе.

Так что ее поведение не располагало ни к доверию, ни к дружбе, и вскоре она превратилась в белую ворону, в кошку, которая гуляет сама по себе по коридорам «Милтон секьюрити». Ее считали совершенно безнадежной.

Так прошел месяц, и Арманский вызвал Саландер к себе в кабинет, чтобы уволить. Она невозмутимо выслушала перечень своих грехов, не возражая, при этом ни один мускул не дрогнул на ее лице. Только когда он закончил выговаривать ей и осуждать ее поведение и уже собирался предложить ей попробовать себя на каком-нибудь другом поприще и в другой фирме, где она могла бы полнее использовать свои способности, она довольно резко оборвала его. Впервые он услышал от нее связную фразу.

– Послушайте, если вам нужна просто шестерка, вы можете подобрать себе кого-нибудь на бирже труда. А я могу раздобыть любую фигню о ком

угодно, и если вы не можете использовать меня на полную катушку, вместо того чтобы ставить меня на сортировку почты, то вы попросту идиот.

Арманский никак не мог забыть, как потерял дар речи от такой наглости, а она невозмутимо продолжала:

– У вас тут один болван три недели возился, чтобы написать никому не нужный отчет о яппи, которого хотят назначить председателем правления одного дот-кома. Я вчера вечером скопировала ему этот дерьмовый отчет, а теперь вижу его у вас на столе.

Арманский поискал отчет взглядом и почти заорал на нее:

– Вы не имеете права читать конфиденциальные документы!

– Вполне возможно. Но правила безопасности на вашем предприятии не слишком-то строго соблюдаются. Согласно вашей директиве, он сам обязан скопировать свой отчет; но вчера он швырнул его мне, а сам отправился в шалман… Кстати, его прошлый отчет несколько недель назад я нашла в столовой.

– В самом деле? – воскликнул потрясенный Арманский.

– Спокойно, без паники. Я положила отчет к нему в сейф.

– Он сообщил вам шифр от своего персонального сейфа? – Арманский был просто в шоке.

– Не то чтобы сообщил. Он записал его на бумажке вместе с паролем для входа в систему; та бумажка лежит у него на столе под ковриком для мыши. Но дело в том, что этот ваш карикатурный частный сыщик просто нахалтурил, исследуя личные обстоятельства. Он просто поленился разузнать, что у этого типа накопились нехилые карточные долги и что он сосет кокаин, как пылесос. К тому же его девица скрывалась в женском кризисном центре, когда он распустил руки.

Саландер замолчала. Арманский тоже несколько минут сидел молча и перелистывал этот самый отчет. Он был грамотно составлен, изложен вполне приемлемым языком, снабжен множеством ссылок на источники и высказываниями друзей и знакомых объекта. Наконец Арманский поднял глаза и произнес:

– Докажите это.

– Сколько у меня времени?

– Три дня. Если до вечера пятницы вы не сможете привести убедительные доказательства в пользу своей версии, я вас уволю.

Через три дня Лисбет молча передала ему досье, в котором перечислила свои источники, – и вполне благовоспитанный юный яппи предстал как отъявленный мерзавец. За выходные дни Арманский

несколько раз перечитал отчет и часть понедельника посвятил проверке сведений, которые она предоставила. Хотя он уже заранее знал, что информация подтвердится.

Драган был раздражен и зол на самого себя за то, что явно недооценил Саландер. Ведь он считал ее пустоголовой, чуть ли не умственно неполноценной. Кто бы мог подумать: девица, которая хронически прогуливала уроки и даже не получила школьный аттестат, умудрилась составить отчет, грамотно написать его, к тому же изложить неопровержимые факты… Арманский даже не мог себе представить, откуда она все это раздобыла.

Он не сомневался: никто другой из сотрудников «Милтон секьюрити» не смог бы получить доступ к конфиденциальному журналу доктора женского кризисного центра. Арманский пытался расспросить Саландер, как у нее все получилось, но она уклонялась от ответов. У нее были свои источники информации, и она не собиралась раскрывать их – ни при каком раскладе. Со временем до Арманского дошло, что Лисбет Саландер не намерена обсуждать свои методы работы, – ни с ним, ни с кем-либо еще. Его это коробило, но перед искушением снова испытать ее он не смог устоять.

Арманский размышлял несколько дней.

Он вспомнил, что ему сказал Хольгер Пальмгрен, когда направлял к нему девушку: «Шанс надо дать каждому».

Арманский получил мусульманское воспитание; ему всегда внушали, что помогать изгоям – его долг перед Всевышним. Во Всевышнего он, правда, не верил и не посещал мечеть с юных лет, но ему казалось, что Лисбет Саландер нуждается в помощи, в поддержке. А за прошлые десятилетия он не преуспел на поприще благотворительности.

Арманский не уволил Лисбет Саландер. Напротив, он пригласил ее на конфиденциальную беседу, чтобы попытаться разобраться, что же она из себя представляет – на самом деле. Ему пришлось удостовериться, что у Лисбет Саландер действительно есть какое-то серьезное отклонение. И все же он не мог отрицать, что она хоть и держится вызывающе, но обладает редким интеллектом. Драган считал ее не вполне здоровой и не слишком привлекательной, но тем не менее был вынужден признать, к собственному изумлению, что она ему нравится.

Так или иначе, в ближайшие месяцы Арманский взял Лисбет Саландер под свою опеку. Честно говоря, он относился к ней как к своему маленькому социальному проекту. Драган давал ей простые задания и даже подсказывал, как лучше действовать. Она все терпеливо выслушивала, а

потом исчезала и выполняла задание так, как сама считала нужным. Он попросил технического директора фирмы обучить ее азам владения компьютером. Лисбет Саландер покорно просидела за партой полдня после обеда, а потом системный администратор не без некоторой досады заявил, что она, похоже, и без того разбирается в компьютерах лучше, чем большинство других сотрудников.

Арманскому скоро пришлось убедиться, что, несмотря на призывы совершенствовать работу, пройти курсы повышения квалификации и использовать всякие другие возможности, Лисбет Саландер вовсе не собиралась следовать правилам и распорядку в офисе «Милтон секьюрити». Он оказался перед нелегкой дилеммой.

Остальные сотрудники по-прежнему воспринимали Лисбет Саландер как источник раздражения. Арманский, конечно же, понимал, что никто другой не посмел бы появляться на работе когда заблагорассудится. И при любом другом раскладе Драган ультимативно потребовал бы соблюдения дисциплины. Он также не сомневался, что Лисбет Саландер в ответ на любой ультиматум лишь пожмет плечами. Так что у него оставался выбор: либо распрощаться с ней, либо смириться с тем, что она – исключение.

А еще Арманский никак не мог разобраться, какие же чувства испытывает к этой юной женщине. Она и привлекала его, и в то же время отталкивала. Конечно же, ни о каком сексуальном влечении речи не было и в помине – так, во всяком случае, казалось Арманскому. Обычно его интересовали пышные блондинки с пухлыми губами, именно они будоражили его фантазию. К тому же он уже двадцать лет как был женат на финке по имени Ритва, которая и в зрелом возрасте устраивала его во всех отношениях. Жене он никогда не изменял. Хотя, возможно, изредка и случалось нечто такое, о чем ей лучше было бы не знать, иначе она могла бы его превратно понять. Но так или иначе, брак их можно было бы считать вполне счастливым, и у него были две дочери – ровесницы Саландер. Уж во всяком случае, девушки с плоской грудью, похожие на субтильных мальчишек, совершенно не волновали его. Просто были не в его вкусе.

И все-таки Драган позволял себе некоторые чересчур смелые сексуальные фантазии о Лисбет Саландер – и вынужден был признать, что не может оставаться полностью равнодушным в ее присутствии. Она притягивала его потому, что оставалась абсолютно чуждым ему существом. Так, по крайней мере, считал сам Арманский. С таким же успехом он мог бы влюбиться в изображение греческой нимфы. Пожалуй, Саландер являлась представительницей некоего нереального мира, который

притягивал его, но он не мог туда попасть. А если бы даже и смог, то девушка, безусловно, отвергла бы его.

Однажды, когда Арманский сидел в уличном кафе на площади Стурторгет в Старом городе, к заведению не спеша подошла Лисбет Саландер и заняла столик неподалеку. С ней были три девицы и парень, одетые таким же манером, как и она сама. Арманский разглядывал ее с любопытством. Как и на работе, Лисбет не проявляла бурных эмоций, однако девице с пурпурными волосами почти удалось ее рассмешить.

Интересно, подумал Арманский: а как отреагировала бы Саландер, если бы он однажды вздумал прийти на работу с зелеными волосами, в поношенных джинсах и разрисованной кожаной куртке с заклепками? Скорее всего, она бы просто подняла его на смех.

Саландер сидела к нему спиной и ни разу не обернулась; возможно, она и не знала, что он здесь. Но ее присутствие вывело его из равновесия, и когда он через несколько минут поднялся из-за стола, чтобы уйти незамеченным, она вдруг повернула голову и взглянула прямо на него, словно все время знала, что он здесь и держала его в поле внимания. Ее взгляд просверлил его насквозь, и Арманский незамедлительно покинул кафе, притворившись, что не заметил ее. Она не поздоровалась, но проводила его взглядом, и только когда он зашел за угол, ее взгляд перестал прожигать дырку в его спине.

Лисбет смеялась редко, а может, и вообще никогда не смеялась. Тем не менее через некоторое время Арманскому показалось, что она стала относиться к нему чуть теплее. Она обладала, мягко говоря, своеобразным чувством юмора и порой позволяла себе лишь криво усмехнуться.

Иногда Арманский представлял себе, как он хватает и трясет ее, лишь бы прорваться сквозь ее защитную скорлупу, пробить эту броню, чтобы заслужить ее дружбу – или в крайнем случае уважение.

Единственный раз, когда она уже проработала в компании девять месяцев, Драган попытался обнажить перед ней свои чувства. Случилось это декабрьским вечером, когда в «Милтон секьюрити» отмечали Рождество, и Арманский, вопреки своим правилам, немного перебрал. Впрочем, он не преступил границы дозволенного, а просто пытался объяснить ей, что на самом деле испытывает к ней человеческую симпатию, что чувствует потребность оберегать ее и что если ей понадобится помощь, то она несомненно может обратиться к нему. Он даже попытался обнять ее – по-дружески, само собой.

Саландер вырвалась из его неловких объятий и сбежала с праздника. После этого она не являлась на работу и не отвечала по мобильнику. Ее

отсутствие стало для Драгана Арманского настоящей пыткой, почти что личной драмой. Он никому не мог доверить свои чувства и впервые ужаснулся при мысли о том, что Лисбет Саландер завладела всеми его мыслями и чувствами.

Через три недели, когда поздним январским вечером Арманский проверял годовой отчет, Лисбет Саландер все-таки явилась. Он даже не слышал, как она проникла к нему в кабинет – просто привидение какое-то. Он вдруг заметил, что она стоит в полумраке у двери и смотрит на него. Драган не знал, как долго она там стояла.

– Кофе хотите? – спросила Лисбет.

Она прикрыла дверь и протянула ему бумажный стаканчик, который раздобыла у кофейного автомата. И Арманский молча взял его. Он с облегчением выдохнул, но в то же время не на шутку испугался, когда она, ткнув ногой дверь, опустилась в кресло для посетителей и посмотрела ему прямо в глаза. А потом задала запретный вопрос. И тут уж он никак не мог ни отшутиться, ни уклониться.

– Скажи, Драган, я тебе нравлюсь?

Арманского словно парализовало, и он не нашелся что ответить. Поначалу ему хотелось изобразить из себя ни в чем не повинного агнца и все отрицать. Но встретив ее взгляд, он протрезвел: впервые она задала личный вопрос, причем на полном серьезе, и если он ответит шуткой, то Лисбет воспримет это как личное оскорбление. Она хотела поговорить с ним, и ему любопытно было бы узнать, сколько времени ей понадобилось, чтобы набраться смелости и задать этот вопрос. Арманский медленно положил на стол ручку, откинулся на спинку кресла и постарался расслабиться. А затем спросил:

– С чего ты это взяла?

– А с того, что я вижу, как ты на меня смотришь, а потом отворачиваешься. А еще иногда ты хочешь протянуть руку и потрогать меня, но удерживаешься.

Неожиданно Арманский улыбнулся.

– Мне казалось, что, если я прикоснусь к тебе, ты откусишь мне руку.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Лисбет, я твой шеф, и даже если бы я увлекся тобой, то никогда не посмел бы ничего себе позволить.

Она оставалась безучастной.

– Что ж, буду откровенен. Да, порой я чувствовал, что меня к тебе тянет. Я не могу это объяснить, но это так. Сам не знаю почему, но ты мне

очень нравишься. Но я бы не сказал, что питаю к тебе какую-то страсть.

– Что ж, я рада. Потому что из этого все равно ничего бы не вышло.

Арманский вдруг расхохотался. Впервые Саландер решилась на откровенность, пусть даже это было самое негативное из того, что может услышать мужчина. Он пытался найти нужные слова:

– Я понимаю, Лисбет. Тебя не интересует старикан, которому уже за пятьдесят.

– Меня не интересует старикан, которому за пятьдесят *и который является моим шефом*… – Она подняла руку. – Постой, дай договорить. Иногда ты кажешься мне тугодумом и кошмарным бюрократом, меня это раздражает… Но ты, в общем-то, вполне привлекательный мужик, и я тоже иногда чувствую… Но ты мой шеф, и я встречалась с твоей женой и хочу продолжать тут работать… Так что флиртовать с тобой было бы несусветной глупостью с моей стороны.

Арманский почти не шевелился и едва дышал.

– Я очень ценю все, что ты для меня сделал, и не хотела бы выглядеть неблагодарной в твоих глазах. Я рада, что ты преодолел свои предрассудки и дал мне шанс. Но я бы не хотела, чтобы ты стал моим любовником. Да и папанька мне тоже не сдался.

Она умолкла.

Арманский развел руками:

– Так что же нам с тобой теперь делать?

– Я хочу по-прежнему работать на тебя. Если тебя это устраивает.

Он кивнул, а потом ответил – предельно откровенно:

– Конечно, я очень хочу, чтобы ты на меня работала. Но мне еще хотелось бы, чтобы ты считала меня своим другом. И доверяла мне.

Лисбет качнула головой.

– Ты из тех людей, которые не располагают к дружбе.

Тут ему показалось, что она собирается уйти, и он сказал:

– Я понял, что ты не хочешь никого впускать в свою жизнь, и я постараюсь тебе не досаждать. Но, если ты не против, я по-прежнему буду хорошо к тебе относиться…

Саландер задумалась. Потом вдруг встала, обошла вокруг стола и обняла его.

Арманский был просто в шоке. Этого жеста он никак не ожидал. Только когда Лисбет отпустила его, он схватил ее за руку:

– Мы можем быть друзьями?

Она кивнула.

В первый и последний раз Саландер проявила к нему нежность и даже

прикоснулась к нему. Этот миг стал для Арманского приятным воспоминанием.

За четыре года она так и не открыла ему ни единого эпизода своей частной жизни и своего прошлого.

Однажды Арманский использовал свои навыки, чтобы собрать досье на Лисбет Саландер. Он долго беседовал с адвокатом Хольгером Пальмгреном, который, похоже, отнюдь не удивился его визиту. Но после полученных сведений Драган не стал доверять ей больше или меньше, чем раньше. В разговорах с Лисбет он никогда не вспоминал о том, что копался в ее личной жизни. Так или иначе, Арманский не выказывал свою настороженность. Зато стал более бдительным.

В тот незабываемый вечер Лисбет Саландер и Драган Арманский заключили соглашение. И затем она начала собирать для него сведения на новых условиях. Ей назначили небольшую помесячную зарплату, не зависящую от того, есть у нее текущие поручения или нет. Но зато Арманский обещал оплачивать отдельно каждое из выполненных заданий. Отныне Лисбет могла работать по индивидуальному графику, но взамен принимала на себя обязательство никогда не делать ничего, что могло бы опозорить его лично или нанести ущерб репутации «Милтон секьюрити».

Приняв подобное решение, Драган извлек выгоду – как для себя самого и своей фирмы, так и для самой Саландер. Он сократил отдел, который доставлял неприятности, до одной штатной единицы. Теперь отдел частных расследований состоял всего из одного пожилого сотрудника, который выполнял необходимую техническую работу и собирал сведения о кредитоспособности. Все сложные и запутанные задания Арманский передал Саландер и другим фрилансерам. Юридически они являлись независимыми индивидуальными предпринимателями, и в случае возникновения серьезных проблем «Милтон секьюрити» не нес за них никакой ответственности.

Услугами Саландер Арманский пользовался часто, и она вполне прилично зарабатывала. Кстати, могла бы зарабатывать и гораздо больше, но она работала исключительно по собственному желанию. При этом считала, что, если Арманскому это не подходит, он может ее уволить.

Драган понимал, что не сможет ее переделать, и принимал ее такой, какая она есть, но запрещал ей видеться с клиентами. Исключения из этого правила он допускал редко. Однако нынешнее дело, как это ни прискорбно, было именно что исключением.

В этот день Лисбет Саландер надела черную футболку с изображением зубастого инопланетянина и надписью: «I am also an alien»[27]. На ней была также черная юбка с потрепанным подолом, потертая черная кожаная куртка, ремень с заклепками, тяжелые ботинки «Доктор Мартенс» и гольфы в поперечную красно-зеленую полоску. Цвета ее «боевой раскраски» намекали на то, что Лисбет страдает дальтонизмом. Иными словами, она выглядела на редкость броско.

Вздохнув, Арманский взглянул на консервативно одетого пожилого господина в очках с толстыми стеклами. Шестидесятивосьмилетний адвокат Дирк Фруде потребовал личной встречи с автором отчета, чтобы задать ему уточняющие вопросы. Драган пытался избежать этой встречи, ссылаясь на то, что Саландер простужена, что она находится в отъезде и вообще занята по горло. Фруде всякий раз спокойно заявлял, что это не проблема – особо спешить нет необходимости и можно подождать еще денек-другой. Арманский рвал и метал, но ничего поделать не смог. Ему пришлось свести их. И теперь адвокат Фруде сидел и, прищурясь, восхищенно разглядывал Лисбет Саландер. Она тоже смотрела на него, но лицо ее не выражало никакого восторга.

Арманский снова вздохнул и глянул на принесенную ею папку с надписью: «Карл Микаэль Блумквист». Рядом аккуратным почерком выведен номер страхового свидетельства. Арманский громко произнес: «Карл Микаэль Блумквист». Адвокат Фруде словно вышел из оцепенения и взглянул на собеседника:

– Так что вам удалось разузнать о Микаэле Блумквисте?

– Не мне. Досье составила фрёкен Саландер.

Арманский на секунду замолчал, а затем улыбнулся. Улыбка, задуманная доверительной, получилась в итоге чуть ли не виноватой.

– Не принимайте во внимание ее юный возраст. Она наш самый лучший эксперт, – заверил он своего клиента.

– Нисколько не сомневаюсь, – сухо ответил Фруде, явно придерживавшийся противоположного мнения. – Так поделитесь же, к каким выводам она пришла.

Стало ясно, что адвокат даже не представляет, как ему обращаться с Лисбет Саландер, и поэтому предпочитает беседовать с Арманским, будто Лисбет и вовсе нет в кабинете. Между тем Саландер, словно в ответ, надула большой пузырь из жвачки. Арманский еще не успел ответить, а она обратилась к своему шефу, словно тоже не замечая присутствия Фруде:

– Узнайте у клиента, какая ему нужна версия – подробная или краткая?

Фруде понял, что зря он так ведет себя – дерзко и надменно. После

паузы адвокат наконец обратился напрямую к Лисбет Саландер и попытался загладить вину, избрав дружественный и несколько фамильярный тон:

– Фрёкен, я был бы вам очень признателен, если бы вы кратко изложили свои соображения.

Сейчас Саландер напоминала разъяренного нубийского льва, который размышляет, а не отобедать ли ему Дирком Фруде. Ее взгляд выражал такую откровенную неприязнь, что у адвоката буквально похолодела спина. Неожиданно выражение ее лица смягчилось, она, похоже, сменила гнев на милость. И адвокат Фруде даже подумал, уж не преувеличивает ли он степень ее антипатии? А Лисбет заговорила, как настоящий бюрократ:

– Во-первых, хочется отметить, что задание оказалось не слишком сложным, хотя поставленная задача не отличалась особой четкостью. Вы захотели узнать о нем «все, что можно раскопать», но не задали никаких конкретных параметров. Поэтому мне пришлось собирать разные эпизоды из его жизни. Досье занимает сто девяносто три страницы, из них примерно сто двадцать – копии написанных им статей или клипов из прессы, где он сам попадает в сводки новостей. Блумквист – лицо публичное, и ему особо нечего скрывать. Так что никаких особых тайн за ним не числится…

– Но какие-то тайны у него все-таки есть? – спросил Фруде.

– Тайны есть у всех и каждого, – ответила она с философским спокойствием. – Нужно только разузнать, в чем они заключаются.

– Я весь внимание.

– Микаэль Блумквист родился восемнадцатого января тысяча девятьсот шестидесятого года, стало быть, сейчас ему сорок три года. Родился он в Борленге, но его сразу увезли оттуда. Его родителям, Курту и Аните Блумквист, исполнилось по тридцать пять лет, когда он родился; их обоих уже нет в живых. Отец работал наладчиком оборудования и много разъезжал. Мать, насколько мне стало известно, всю жизнь занималась лишь домом и детьми. Когда Микаэль пошел в школу, семья переехала в столицу. У него есть сестра, Анника, она на три года моложе его и работает адвокатом. Есть также дядюшки по материнской линии и двоюродные братья и сестры. А, кстати, как насчет кофе?

Эту реплику она адресовала Арманскому, который поторопился открыть заранее приготовленный термос с кофе. Затем он жестом попросил ее продолжать.

– Так вот, в шестьдесят шестом семья переехала в Стокгольм. Они жили на острове Лилла Эссинген[28]. Блумквист сначала ходил в школу в

Бромме, а потом – в гимназию на Кунгсхольмене[29]. Он получил очень неплохие выпускные оценки – в среднем четыре и девять десятых, копии документов есть в папке. В гимназии он увлекался музыкой и играл на бас-гитаре в рок-группе под названием «Бутстрэп», которая даже выпустила сингл – его летом семьдесят девятого крутили по радио. После гимназии Блумквист служил контролером в метро, накопил денег и укатил за границу. Целый год он, похоже, странствовал по Азии – добрался до Индии, Таиланда и даже до Австралии. Потом вернулся в Стокгольм и поступил на факультет журналистики, ему тогда исполнился двадцать один год. Но после первого же курса он бросил учебу и отправился на службу в армию, в стрелковые войска, в Кируну[30]. При том, что в этой части служили настоящие мачо, он закончил службу с приличным результатом: десять – девять – девять. После армии закончил образование и с тех пор работает журналистом. Какие еще детали я упустила?

– Расскажите все, что кажется вам важным.

– О’кей. Чем-то Блумквист напоминает практичного поросенка из «Трех поросят». До сегодняшнего дня он вполне преуспевал как журналист. В восьмидесятые годы много работал внештатно – сначала в провинциальных газетах, потом в столичных. У меня и список есть. История с Медвежьей бандой – грабителями, которую он помог задержать, – стала хитом в его биографии.

– Тогда его и прозвали Калле Блумквистом…

– Ну да. Он ненавидит эту кличку, что вполне понятно. Если бы кто-нибудь посмел назвать меня Пеппи Длинныйчулок, я бы сразу съездила ему по мордасам…

Она выразительно взглянула на Арманского, и тот вздрогнул. Мысленно Драган частенько сравнивал Лисбет Саландер с Пеппи Длинныйчулок и сейчас вознес хвалу своей предусмотрительности – за то, что ни разу даже не рискнул пошутить на эту тему. Он сделал ей знак продолжать.

– Согласно одному из источников, Блумквист хотел стать репортером уголовной хроники – и даже внештатно работал на этом поприще в одной из вечерних газет. Но прославился он прежде всего как журналист, специализирующийся на политических и экономических вопросах. В штат вечерней газеты поступил только в конце восьмидесятых. А в девяностом году уволился и стал одним из основателей ежемесячного журнала «Миллениум». Поначалу журнал выпускался самостоятельно, не опираясь на издательство, и считался настоящим маргиналом в своей среде. Но со

временем тиражи росли, и сейчас издается двадцать одна тысяча экземпляров. Редакция находится на Гётгатан, всего в нескольких кварталах отсюда.

– «Миллениум» – левацкий журнал.

– А это как посмотреть. В целом «Миллениум» можно причислить к общественно-критическим изданиям, хотя, например, анархисты наверняка считают его дешевым буржуазным пойлом, вроде «Арены» или «Урдфронта», а Студенческий союз модератов уверен, что редакция состоит сплошь из большевиков. Кстати, Блумквист не замечен в политических симпатиях к какой-либо партии, даже в те времена, когда левое движение было на самом пике, – он еще учился в гимназии. В студенческие годы у него была подруга, которая тяготела к синдикалистам, а теперь она заседает в риксдаге – как депутат от партии левых. Скорее всего, его считают левым потому, что в своих статьях он разоблачает коррупцию и грязные аферы в сфере предпринимательства. После публикации его разоблачительных приключений директоров и политиков неизбежно следовали отставки и судебные процессы. Самым нашумевшим стало дело Арбуги, в результате которого один из буржуазных политиков был вынужден подать в отставку, а экс-главе муниципалитета влепили год тюрьмы за растрату. Так что критические статьи об экономических преступлениях едва ли являются признаком левых настроений.

– Все понятно. Есть еще что-нибудь?

– А еще он издал две книги. Одна из них – о деле Арбуги, а вторая – об экономической журналистике, называется «Тамплиеры» и вышла три года назад. Я сама ее не читала, но, судя по рецензиям, она вызвала неоднозначную реакцию. В прессе ее активно обсуждали.

– Хорошо. А каково его финансовое положение?

– Он не богат, но нищим его тоже назвать нельзя. Его налоговые декларации тоже вошли в досье. В банке у него хранится примерно двести пятьдесят тысяч крон, которые вложены частично в фонд пенсионного накопления, частично – в накопительный фонд. На его счете что-то около ста тысяч крон, которые он тратит на повседневные нужды, на поездки и так далее. Блумквист – владелец кооперативной квартиры с целиком погашенным паем – шестьдесят пять квадратных метров на Бельмансгатан. И у него нет ни кредитов, ни долгов…

Саландер подняла палец.

– У него есть еще и недвижимость в Сандхамне. Бывший сарай, тридцать квадратных метров, переоборудован под жилой домик; расположен прямо у воды, в самой привлекательной части города. Домик,

по всей видимости, в сороковых годах купил дядя, один из братьев отца – тогда простые смертные еще могли себе это позволить, – а потом по наследству достался Блумквисту. Они договорились, что квартиру родителей на Лилла Эссинген получит сестра, а Микаэлю Блумквисту достанется домик. Не знаю, сколько он сегодня может стоить – скорее всего, несколько миллионов, – но, с другой стороны, вряд ли Блумквист собирается его продавать: он бывает там довольно часто.

– А каковы его доходы?

– Он – совладелец «Миллениума», но вместо зарплаты получает около двенадцати тысяч в месяц. Остальное зарабатывает как фрилансер; суммы, конечно, варьируются. Максимальный доход был зафиксирован три года назад, когда его нанимали разные газеты и журналы, тогда ему удалось заработать почти четыреста пятьдесят тысяч. В прошлом году он заработал гораздо меньше – всего сто двадцать тысяч.

– Но сейчас ему придется выложить сто пятьдесят тысяч за моральный ущерб и, кроме того, оплатить услуги адвоката и прочие издержки, – заметил Фруде. – Это будет кругленькая сумма. А пока он будет отбывать наказание, вообще лишится всех доходов.

– Да, в конце концов он останется без гроша, – подытожила Саландер.

– А вообще, он честный человек? – спросил Дирк Фруде.

– Репутация, так сказать, его главный капитал. Он заработал себе имидж блюстителя морали в мире бизнеса – его очень часто приглашают как эксперта на разные телепрограммы.

– После сегодняшнего приговора от этого капитала, скорее всего, мало что останется, – задумчиво произнес адвокат.

– Конечно, не мне судить, какие качества больше всего ценятся в журналистской среде, но после такого прокола «супердетектив Блумквист» наверняка не скоро получит Большую журналистскую премию. Он, конечно, здорово подставился, – трезво констатировала Саландер. – Если, конечно, вас интересуют мои личные соображения…

Арманский просто оторопел. За те годы, что Лисбет Саландер работала с ним, она никогда не высказывала личных соображений по поводу чего бы то ни было. Ее интересовали только голые факты, и ни капли сверх того.

– Мне, кстати, никто не поручал вникнуть в дело Веннерстрёма. Но я следила за процессом и должна признаться, что он меня буквально потряс. Мне кажется, тут явно какая-то чертовщина. Не в духе Микаэля Блумквиста публиковать компромат, не вооружившись фактами; это все равно что сунуться в воду, не зная броду…

Саландер почесала шею. Фруде терпеливо ждал продолжения ее монолога. Арманский никак не мог взять в толк: неужели Саландер действительно сомневается в том, продолжать ли ей и что именно говорить. Он не верил своим глазам и ушам. Та Саландер, которую он знал, никогда ни в чем не сомневалась. Наконец она набралась смелости:

– Между нами говоря, не для протокола… Я не изучала дело Веннерстрёма, но мне кажется, что Калле Блумквиста… ой, простите, Микаэля Блумквиста здорово подставили. Я уверена, что вся эта история не имеет никакого отношения к тому, о чем шла речь на суде и за что его осудили.

Теперь уже Дирк Фруде заерзал в кресле. Он буквально впился взглядом в Лисбет, а Арманский отметил, что впервые за эту встречу заказчик проявил к Лисбет не просто вежливый интерес. До него наконец дошло, что дело Веннерстрёма представляет для Фруде явный интерес.

«А впрочем, Фруде среагировал, только когда Саландер намекнула, что Блумквиста подставили», – подумал Арманский.

– Не могли бы выражаться более определенно? – оживился Фруде.

– У меня нет никаких доказательств, и в то же время я почти уверена, что его обвели вокруг пальца.

– Но почему вы так думаете?

– Вся биография Блумквиста свидетельствует о том, что он очень осмотрительный журналист. Все свои предыдущие разоблачения он подкреплял неопровержимыми документами. В один из дней я была на судебных слушаниях. Блумквист не приводил никаких контраргументов, он вроде бы сдался без боя. Это на него не похоже. Если верить суду, он просто нафантазировал историю о Веннерстрёме, не имея никаких доказательств, и опубликовал ее… Тем самым он сделал себе профессиональное харакири. Но я не верю. Блумквист не мог так подставить себя.

– А что же, по вашему мнению, произошло на самом деле?

– Могу только догадываться. Конечно, сам Блумквист не сомневался в своей правоте, но что-то сорвалось, и информация оказалась фальшивкой. Это, в свою очередь, означает, что у него были свои источники, которым он безусловно доверял, а они намеренно подсунули ему дезинформацию. Но такой сюжет кажется слишком сложным и маловероятным. Есть и альтернативная версия – ему серьезно угрожали, так что он сдался и предпочел примерить на себя маску некомпетентного придурка, а не принять бой. Но повторяю, это всего лишь мои домыслы.

Саландер хотела продолжить свой рассказ, но Дирк Фруде поднял

руку. Затем он помолчал, постукивая пальцами по подлокотнику, и, немного помявшись, спросил ее:

– Если бы мы наняли вас, чтобы распутать дело Веннерстрёма и докопаться до истины… Есть ли шанс, что вы что-нибудь найдете?

– Никаких гарантий. Может быть, там и нет ничего.

– Но вы попытались бы?..

Лисбет пожала плечами:

– Я ничего не решаю. Я работаю на Драгана Арманского, и от него зависит, какими делами занимаюсь. А потом, я ведь не знаю, какую именно информацию вы хотите заполучить.

– Тогда вот что… Полагаю, все, что прозвучит в этой комнате, останется строго между нами?

Арманский кивнул.

– Я не в курсе этого конкретного дела, мне о нем ровным счетом ничего не известно, – продолжал Фруде. – Но я совершенно точно знаю, что в других случаях Веннерстрём вел себя непорядочно. Дело Веннерстрёма серьезно повлияло на жизнь Микаэля Блумквиста. И я хотел бы убедиться, что ваши предположения небеспочвенны.

Беседа приобретала неожиданный оборот, и Арманский явно напрягся. Дирк Фруде предлагал «Милтон секьюрити» влезть в уже закрытое уголовное дело, в ходе которого Микаэль Блумквист, вероятно, подвергался некоему давлению. Тогда уже конфликт с адвокатами империи Веннерстрёма неизбежен. При таком раскладе Арманский вовсе не рвался использовать неуправляемую крылатую ракету по имени Лисбет Саландер.

И его заботила не только и не столько репутация фирмы. В свое время Саландер строго-настрого запретила ему играть по отношению к ней роль этакого заботливого отчима. Драган пообещал ей и остерегался выступать в такой роли, но в глубине души по-прежнему волновался за нее. Иногда он ловил себя на мысли, что сравнивает Лисбет со своими дочерьми. Он считал себя хорошим отцом и старался не вторгаться в их личное пространство. Но при этом понимал, что, если бы они жили и вели себя так, как Лисбет, для него это было бы неприемлемо.

В глубине своей хорватской, а может быть, боснийской или армянской души Арманский никак не мог избавиться от ощущения, что Саландер неумолимо приближается к катастрофе. Он считал, что она может стать идеальной жертвой для тех, кто захочет причинить ей зло. Он боялся, что однажды утром его разбудят известием о том, что с ней что-то случилось.

– Подобные изыскания потребуют серьезных затрат, – осторожно сказал Арманский, решив прощупать Фруде на предмет серьезности его

намерений.

– Я готов платить по максимальным тарифам, – ответил адвокат. – Я не буду просить сделать невозможное. Но я убедился в том, что ваша сотрудница, как вы сами меня заверили, компетентна.

– Саландер? – взглянул на нее Арманский, подняв брови.

– У меня сейчас нет никаких других дел.

– О’кей. Но я хочу, чтобы мы оговорили формы сотрудничества. Давайте дослушаем отчет.

– Остались некоторые подробности его личной жизни. В восемьдесят шестом году Блумквист женился на Монике Абрахамссон, и в том же году у них родилась дочь Пернилла. Сейчас ей шестнадцать лет. Брак скоро распался – супруги развелись в девяносто первом. Абрахамссон снова вышла замуж, но они по-прежнему сохраняют приятельские отношения. Дочь осталась с матерью и встречается с отцом не слишком часто.

На этом месте Фруде попросил долить ему кофе из термоса и снова обратился к Саландер:

– В начале нашего разговора вы заметили, что у всех людей есть тайны. Удалось ли вам их раздобыть?

– Видите ли, у всех людей есть эпизоды, которые относятся к личной сфере, и их не следует выставлять напоказ. Микаэль Блумквист явно не обделен вниманием представительниц женского пола. У него были и серьезные романы, и масса мимолетных связей. Короче говоря, он ведет активную сексуальную жизнь. Однако уже на протяжении многих лет в его жизни периодически возникает одна и та же женщина, и у них весьма эксцентричные отношения.

– Как это понять?

– У него сексуальные отношения с Эрикой Бергер, главным редактором издательства «Миллениум». Она аристократического происхождения; мама – шведка, папа – бельгиец, живущий в Швеции. Бергер и Блумквист знают друг друга со студенческих времен по Высшей школе журналистики… С тех самых пор они то вместе, то врозь.

– Ну и что тут необычного? – поинтересовался Фруде.

– Дело в том, что Эрика Бергер замужем за художником Грегером Бекманом. Он разукрасил общественные здания множеством кошмарных картин и считает себя звездой первой величины.

– То есть она изменяет ему с Блумквистом.

– Нет-нет. Бекман в курсе их отношений. Это ménage à trois[31], и всех троих такая ситуация вполне устраивает. Иногда Эрика проводит ночи с

Блумквистом, иногда – с мужем. Как конкретно у них там все складывается, я точно не знаю. Но, похоже, именно по этой причине и распался брак Блумквиста с Абрахамссон.

Глава 3
Пятница, 20 декабря – суббота, 21 декабря

Эрика Бергер удивленно вскинула брови, когда ближе к концу рабочего дня в редакции возник основательно продрогший Микаэль Блумквист. Редакция «Миллениума» располагалась прямо в самой середине Гётгатан, на офисном этаже, над помещениями «Гринписа». С «Миллениума» явно требовали завышенную арендную плату, но Эрика, Микаэль и Кристер все-таки дружно держались за этот офис.

Эрика взглянула на часы. Еще только десять минут шестого, а тьма уже давно укутала Стокгольм. Она ждала Микаэля ближе к обеду.

– Прости, – произнес он, прежде чем она успела что-либо сказать. – Меня настолько потряс этот суд, что мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я долго бесцельно шатался и обо всем размышлял.

– Я услышала решение суда по радио. Звонила «Та, с канала ТВ-4»; ей хотелось, чтобы я прокомментировала эти события.

– А ты что сказала?

– Как мы и договаривались! Я сказала, что нам надо сперва ознакомиться с текстом приговора, а уж потом мы сможем высказываться. То есть я ничего не сказала. Но все же настаиваю: это порочная стратегия. Мы будем выглядеть как проигравшая сторона и потеряем поддержку в прессе. А ты наверняка попадешь в вечерние сводки телевизионных новостей…

Блумквист кивнул. У него был потерянный вид.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

Микаэль пожал плечами и опустился в свое любимое кресло, у окна, в кабинете Эрики. Ее кабинет выглядел по-спартански аскетично: письменный стол, вместительные книжные стеллажи и практичная офисная мебель. Все покупалось в магазине «ИКЕА», за исключением двух комфортабельных экстравагантных кресел и столика у стены. («Они соответствуют моему воспитанию», – обычно шутила Эрика.) Часто она читала, сидя в кресле и поджав под себя ноги.

Микаэль посмотрел вниз, на Гётгатан, – в темноте маячили силуэты прохожих. Рождественский ажиотаж набирал обороты.

– Конечно, пройдет и это, – сказал он. – Но я не могу избавиться от чувства, будто мне выдали по полной программе.

– Да, я тебя понимаю. Нам всем изрядно досталось. Даже Янне

Дальман сегодня ушел домой пораньше.

– Наверняка он не согласен с решением суда.

– Ты его знаешь, он ведь далеко не оптимист.

Микаэль покачал головой. Янне Дальман работал ответственным секретарем в «Миллениуме» вот уже девять месяцев, и появился он как раз в самом начале дела Веннерстрёма. Редакция переживала не самые лучшие времена. Микаэль пытался припомнить, почему они с Эрикой решили принять его на работу. Они считали, что у Янне высокий профессиональный уровень, – он уже успел поработать в Телеграфном агентстве, в вечерних газетах и в программе новостей на радио. Однако ему не хватало бойцовских качеств. За прошедший год Микаэлю не раз пришлось сожалеть о том, что они взяли к себе Дальмана: тот все видел в самых мрачных тонах, и порой это очень раздражало.

– Что слышно от Кристера? – спросил Микаэль, все еще глядя на улицу.

Кристер Мальм занимался в «Миллениуме» художественным оформлением и версткой. Вместе с Эрикой и Микаэлем он являлся совладельцем журнала, но сейчас находился со своим бойфрендом за границей.

– Звонил. Просил передавать приветы.

– Теперь ему придется взять на себя обязанности ответственного редактора.

– Ладно тебе, Микке. Как ответственный редактор, ты должен быть готов к тому, что время от времени будешь получать щелбаны. Это – часть твоих повседневных обязанностей.

– Согласен. Но теперь выходит, что я и автор текста, и ответственный редактор журнала, который этот текст опубликовал. Это все меняет. Я не могу судить здраво.

Эрика Бергер почувствовала, что тревога, которая не покидала ее весь день, нарастает. Накануне судебных слушаний Микаэль Блумквист и так, мягко говоря, был не в лучшем настроении, однако он не казался ей таким мрачным и потерянным, как сейчас, когда потерпел фиаско. Эрика обошла письменный стол, уселась на колени к Блумквисту и обняла за шею.

– Послушай, Микаэль. Мы оба с тобой абсолютно точно знаем, как все это произошло. Я так же ответственна, как и ты. Просто нужно переждать, пока шторм уляжется.

– Да что тут пережидать-то? Этим приговором меня буквально казнили. Мне нельзя оставаться ответственным редактором «Миллениума». Нужно спасать репутацию журнала, и мы должны свести потери к

минимуму. И ты понимаешь это не хуже меня.

– Я не позволю тебе взвалить на себя всю вину. Неужели за все эти годы ты так меня и не раскусил?

– Я прекрасно тебя раскусил, Рикки. Ты чересчур лояльна к своим сотрудникам. Будь твоя воля, ты бы сцепилась с адвокатами Веннерстрёма и дралась бы до потери пульса. Но нам надо быть мудрее.

– По-твоему, это мудро – бросить сейчас «Миллениум» и сделать вид, что я тебя выгнала?

– Мы уже сотни раз обсуждали это. Теперь только ты сможешь спасти «Миллениум». Кристер – парень что надо, но без хватки; он дока по части иллюстраций и верстки, но в битве с миллиардерами ему не сдюжить. Мне придется на время покинуть «Миллениум» – и как редактору и журналисту, и как члену правления. Моя доля перейдет к тебе. Веннерстрём в курсе, что я знаю о нем все, и он попытается прихлопнуть журнал, пока я нахожусь рядом с «Миллениумом». Такая борьба нам не по силам.

– А почему бы нам не выступить с публикацией о том, что произошло? Или – или!

– Потому что мы ни черта не сможем доказать и потому что я утратил доверие. Этот раунд выиграл Веннерстрём. Все позади, забудь.

– Хорошо, допустим, ты уйдешь отсюда. А что ты будешь делать?

– Мне просто нужен тайм-аут. Я совершенно измотан. Мне надо прийти в себя, а там посмотрим.

Эрика обняла Микаэля и крепко прижала его голову к своей груди. Несколько минут они сидели молча.

– Хочешь, я сегодня побуду с тобой? – спросила она.

Блумквист кивнул.

– Хорошо. Я уже позвонила Грегеру и сказала, что переночую у тебя.

Комнату освещал только уличный фонарь, отражавшийся в углу окна. Эрика уснула после двух часов ночи, а Микаэль лежал и в полумраке изучал ее профиль. Одеяло укрывало ее почти до талии, и он смотрел, как вздымается и опускается ее грудь. Он успокоился, ком в солнечном сплетении растворился. Эрика всегда влияла на него благотворно. И он знал, что и он так же влияет на нее.

«Надо же, целых двадцать лет», – подумал Микаэль.

Двадцать лет они вместе. И он не против, чтобы они занимались сексом по крайней мере еще столько же. Они никогда не пытались скрывать свою связь, хотя порой это очень осложняло им общение с окружающими. Блумквист знал, что всех вокруг интересует, какие у них на самом деле

отношения. Они с Эрикой отделывались загадочными ответами и не обращали внимания на сплетни.

Они познакомились на вечеринке у общих знакомых. Тогда оба учились на втором курсе Высшей школы журналистики, и каждый из них имел постоянного партнера. В тот вечер они провоцировали друг друга и держались весьма фривольно. Возможно, они и флиртовать-то друг с другом начали шутки ради, он даже не помнил. Но прощаясь, они обменялись телефонами. Оба не сомневались, что окажутся в одной постели. Не прошло и недели, как они осуществили свои планы, втайне от своих партнеров.

Микаэль был уверен, что любовь здесь ни при чем – по крайней мере, в общепринятом ее понимании. Это не была любовь, которая ведет к общему дому, совместному погашению кредитов, рождественской елке и детям. В 80-е годы, когда оба чувствовали себя свободными, они подумывали начать жить вместе. Микаэль был не прочь, но Эрика в последний момент всегда давала задний ход. Она говорила, что ничего хорошего у них все равно не получится, а уж если они полюбят друг друга, то их отношения будут безнадежно испорчены.

Они оба считали, что их связь держится на сексе, или, точнее, на сексуальном помешательстве. Микаэль часто задумывался о том, возможно ли испытывать к женщине более страстное чувственное тяготение, чем он питал к Эрике. Они просто идеально подходили друг другу, а их отношения можно было сравнить с наркозависимостью.

Иногда они встречались очень часто и напоминали дружную пару, а иногда подолгу не виделись – целые недели и даже месяцы. Но как алкоголики, которые после вынужденного воздержания штурмуют винные прилавки, так и они всегда возвращались друг к другу – чтобы утолить жажду.

Конечно, это было чревато осложнениями. Подобные связи неизбежно причиняют боль. Они оба буквально сжигали за собой мосты – и оставляли позади несбывшиеся надежды и разочарования. Микаэль так и не смог заставить себя отказаться от Эрики – и в итоге ушел из семьи. Он, правда, никогда и не скрывал от своей жены Моники, что его связывают близкие отношения с Эрикой. Но жена наивно надеялась, что, раз они поженились и у них родилась дочь, он опомнится. Кстати, и Эрика почти тогда же вышла замуж за Грегера Бекмана.

Микаэль тоже так считал и в первые годы после женитьбы встречался с Эрикой только в связи с профессиональными вопросами. Потом они основали издательство «Миллениум» и после этого выдержали лишь

неделю карантина. Как-то поздним вечером они занимались сексом прямо на ее письменном столе. После этого наступил мучительный период, когда Микаэлю хотелось жить с семьей и наблюдать, как подрастает его дочурка. Хотя в то же время его непреодолимо тянуло к Эрике, и он не мог себя контролировать. Конечно, если бы он по-настоящему захотел, то смог бы совладать с собою. Лисбет Саландер не ошиблась, предполагая, что Моника развелась с ним именно из-за его супружеской неверности.

Невозможно даже представить, но Грегера Бекмана эта ситуация, похоже, вполне устраивала. Эрика никогда не скрывала своих отношений с Микаэлем и немедленно призналась мужу в том, что связь возобновилась. Возможно, Грегер – слишком деликатная и художественно одаренная личность – был полностью поглощен собственным творчеством и сосредоточен только на самом себе, и поэтому он смирился с тем, что у его жены есть другой мужчина и она даже отпуск распределяет так, чтобы провести пару недель с любовником на его даче в Сандхамне. Грегер не слишком нравился Микаэлю, и он никак не мог понять, что связывает с ним Эрику. Но его все же радовало, что Бекман не возражает против того, чтобы его жена любила одновременно их обоих.

Он подозревал, что, с точки зрения Грегера, связь жены с ее давним знакомым придает их браку особую пикантность. Впрочем, они эту тему никогда не обсуждали.

Микаэль никак не мог заснуть и около четырех часов утра понял, что ему это так и не удастся. Он сидел на кухне и еще раз, от начала до конца, внимательно изучал приговор. Ему казалось, что встреча на Архольме имела для него буквально судьбоносное значение. Он так и не разобрался, с какой целью Роберт Линдберг поделился с ним и выложил все про махинации Веннерстрёма – просто чтобы о чем-то потрепаться за рюмкой в каюте или специально допустил утечку информации.

Микаэль склонялся к первому варианту, но с таким же успехом Роберт из сугубо личных или коммерческих соображений мог пожелать навредить Веннерстрёму и просто воспользовался удобным случаем, когда к нему на яхту попал знакомый и вполне внушаемый журналист. Впрочем, Роберт не был слишком пьян и в разгар беседы заставил Микаэля поклясться, что тот его не выдаст. И тогда Линдберг из сплетника превратился в анонимный источник информации. А значит, он мог говорить все, что угодно, но Микаэль не имел права его выдать.

Впрочем, Блумквист не сомневался: если какие-нибудь заговорщики специально устроили встречу на Архольме с целью привлечь его внимание,

то Роберт – просто неподражаемый интриган. Однако их пути пересеклись там совершенно случайно.

Роберт даже не подозревал, насколько Микаэлю претят люди типа Ханса Эрика Веннерстрёма. По своему многолетнему опыту Блумквист знал, что почти все директора банков или знаменитые топ-менеджеры – негодяи и мошенники.

О Лисбет Саландер Микаэль никогда не слышал и пребывал в счастливом неведении относительно того, что в тот день она представила на него досье. Но если бы он ее послушал, то наверняка согласился бы с ней, когда Лисбет заявила, что его откровенное отвращение к денежным мешкам не связано с симпатиями к левым радикалам. Микаэля нельзя было назвать политически индифферентным, но к разным политическим «измам» он относился с большой настороженностью. Блумквист голосовал на выборах в риксдаг лишь однажды – в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Тогда он отдал свой голос за социал-демократов, и то только потому, что, на его взгляд, невозможно было бы терпеть еще три года Йосту Бумана[32] в качестве министра финансов, а Турбьёрна Фельдина[33] или, например, Улу Ульстена[34] – на посту премьер-министра. Поэтому он, хотя и без особого энтузиазма, проголосовал за Улофа Пальме[35]. А потом после убийства премьер-министра – за «Бофорс» и Эббе Карлссона[36].

Микаэль терпеть не мог экономических обозревателей. Они, с его точки зрения, пренебрегали элементарными требованиями морали. Он считал, что уравнение решается очень просто. Директора банка, который растратил сто миллионов, увлекшись безрассудными спекуляциями, надо просто гнать в шею с работы. Предпринимателей, которые создают «дутые» компании, следует посадить за решетку. Домовладельца, который вынуждает молодежь оплачивать черным налом однушку с сортиром, необходимо подвергнуть общественному порицанию.

По мнению Блумквиста, задача экономической журналистики состоит в том, чтобы выявлять и разоблачать финансовых бонз, которые провоцируют банковские кризисы и растрачивают капиталы миноритарных акционеров на скупку бесконечных интернет-компаний. Он полагал, что экономические обозреватели обязаны наблюдать за главами предприятий с тем же неусыпным вниманием, с каким политические репортеры следят за каждым шагом министров и депутатов риксдага, каждая промашка которых может очень дорого им обойтись.

Политические журналисты никогда бы не поклонялись никакому лидеру партии, как иконе. И Микаэль не мог понять, почему многие

экономические обозреватели из ведущих средств массовой информации относятся к бездарным биржевым дельцам с обожанием, как к каким-нибудь рок-звездам.

Занимая столь нетипичную для экономической журналистики позицию, Блумквист когда-то рассорился с коллегами, причем конфликт этот стал достоянием общественности. Некоторые из них, в первую очередь Уильям Борг, стали его злейшими врагами. Микаэль посмел критиковать своих собратьев по журналистскому цеху за то, что те предают интересы своей профессии и потворствуют преуспевающим молодым финансистам. Вместе с ролью критика общественных пороков, разумеется, Микаэль заработал дополнительные очки. Его стали приглашать в качестве оппонента на телепередачи, чтобы он прокомментировал разоблачение какого-нибудь главы компании, растратившего миллиард или около того. Однако одновременно он нажил себе целую когорту непримиримых врагов.

Микаэль даже не сомневался, что нынешним вечером в редакциях некоторых средств массовой информации откупоривали бутылки шампанского. Его поражение многие воспринимали со злорадством.

Эрика разделяла его взгляды на роль журналистики. Когда-то, еще студентами факультета журналистики, они фантазировали, что будут работать в издании, которое будет придерживаться определенных принципов.

Конечно, Микаэль просто не мог представить себе другого шефа, кроме Эрики. Со своими коллегами она поддерживала теплые и доверительные отношения. И в то же время не избегала конфронтации и при необходимости проявляла железную волю. Благодаря хладнокровию и профессиональной интуиции Эрика безошибочно принимала решение о содержании нового номера.

Далеко не всегда они с Микаэлем придерживались единого мнения. Напротив, часто ссорились, но при этом безоговорочно доверяли друг другу и вдвоем составляли непобедимую команду. При этом Микаэль, настоящий трудоголик, добывал материалы, а она обрабатывала и обрамляла их.

«Миллениум» стал их общим детищем, но, как проект, никогда бы не реализовался, если б она не раздобыла источники финансирования. Микаэль, выходец из рабочей среды, и Эрика, представительница высшего класса, составляли удачный союз. Она унаследовала кое-какие капиталы, которые вложила в этот проект, а потом уговорила отца и некоторых знакомых внести туда значительные суммы.

Микаэль часто размышлял над тем, почему Эрика занялась именно «Миллениумом». Конечно, быть совладельцем, а тем более мажоритарным владельцем и главным редактором собственного журнала – престижно. Тем более что никакое другое рабочее место не могло бы обеспечить ей журналистскую независимость. Окончив Высшую школу журналистики, Эрика, в отличие от Микаэля, дебютировала на телевидении. В ней был драйв, она была на редкость телегенична и могла бы бросить вызов кому угодно. Кроме того, она успешно контактировала с чиновниками и бюрократами. Останься Эрика на телевидении, то, бесспорно, сделала бы головокружительную карьеру на одном из каналов и зарабатывала бы куда больше, чем сейчас.

Вместо этого она добровольно выбрала «Миллениум» – очень рискованный, буквально на грани провального, проект, который начинался у черта на рогах – в тесных обшарпанных подвалах в районе Мидсоммаркрансен. Впрочем, «Миллениум» вполне преуспел. И в самом начале 1990-х годов они перебрались в центр, в просторные комфортабельные и уютные помещения на холме Гётгатсбаккен, на Сёдермальме[37].

Кстати, Эрика уговорила стать совладельцем журнала Кристера Мальма – знаменитого гея, который периодически устраивал сеансы эксгибиционизма, позировал репортерам со своим бойфрендом и часто фигурировал на страницах гламурных изданий. Он стал героем светской хроники после того, как съехался с Арнольдом Магнуссоном, называемым Арн, – артистом, который дебютировал в Королевском драматическом театре, но успеха добился, лишь когда согласился сыграть самого себя в модном реалити-шоу. Отношения Кристера с Арном стали в прессе чем-то вроде нескончаемого сериала.

К тридцати шести годам Кристер Мальм обрел популярность как профессиональный фотограф и дизайнер. Он придал выпускам «Миллениума» привлекательный и современный графический вид. Его собственный офис располагался на том же этаже, что и редакция «Миллениума», а в журнале он работал по совместительству, одну неделю в месяц.

В редакции на постоянной основе трудились два сотрудника, и еще трое – по совместительству. Еще одна должность предназначалась для практикантов, которые постоянно менялись.

«Миллениум» по-настоящему никогда не был коммерческим проектом, но благодаря сотрудникам, которые любят свою работу, он завоевал свое место в издательской нише.

Ощутимой прибыли от «Миллениума» ждать не приходилось, но свои расходы журнал окупал, а тираж и доходы от рекламы постоянно росли. Журнал заслужил репутацию серьезного и надежного издания, вызывающего доверие.

Но теперь, похоже, ситуация изменится. Микаэль еще раз пробежал глазами краткий пресс-релиз, который они с Эрикой составили накануне вечером и передали через телеграфное агентство «ТТ», его уже выложили на сайте газеты «Афтонбладет».

ОСУЖДЕННЫЙ РЕПОРТЕР ПОКИДАЕТ «МИЛЛЕНИУМ»

Стокгольм («ТТ»). Журналист Микаэль Блумквист покидает пост ответственного издателя журнала «Миллениум», сообщает Эрика Бергер, главный редактор и основной владелец издания.

Микаэль Блумквист решил оставить «Миллениум» по собственному желанию.

По словам Эрики Бергер, которая теперь взяла на себя роль ответственного издателя журнала, его потрясли драматические события последнего времени, и ему пришлось сделать перерыв.

Микаэль Блумквист стал в 1990 году одним из основателей журнала «Миллениум». По мнению Эрики Бергер, так называемое дело Веннерстрёма не окажет негативного влияния на будущее журнала.

«В следующем месяце журнал выйдет согласно графику, – уверяет Эрика Бергер. – Роль Микаэля Блумквиста в жизни и становлении журнала трудно переоценить, но теперь мы перелистываем эту страницу».

Эрика Бергер считает дело Веннерстрёма просто роковым стечением обстоятельств. Она сожалеет о неприятностях, доставленных Хансу Эрику Веннерстрёму. Получить комментарии от Микаэля Блумквиста не удалось.

– Это просто кошмар какой-то, – сказала Эрика, после того как они отослали пресс-релиз по электронной почте. – Большинство решит, что ты просто лох и дурень, а я хладнокровная змеюка, которая воспользовалась случаем, чтобы тебя ужалить.

– Если учесть, какие слухи о нас и без того ходят, наши друзья обрадуются – мы подбросили им новый повод для сплетен, – попытался

отшутиться Микаэль.

Но Эрике было не до шуток.

– У меня нет другого плана, но, по-моему, мы делаем что-то не так.

– У нас просто нет выхода, – возразил Блумквист. – Если журнал разорится, то все наши усилия окажутся напрасны. Ты ведь знаешь, что мы уже потеряли львиную долю доходов… Кстати, что там у нас с компьютерной фирмой?

Эрика вздохнула:

– Утром они заявили, что не будут размещать рекламу в январском номере.

– Веннерстрём владеет у них солидным пакетом акций. Этого следовало ожидать.

– Ничего страшного, есть и другие клиенты. Веннерстрём хоть и финансовый магнат, но все-таки он владеет не всем и не всеми… У нас есть и свои контакты.

Микаэль обнял Эрику и притянул к себе:

– Наступит день, и мы так врежем Хансу Эрику Веннерстрёму, что на Уолл-стрит все вздрогнут. Но не сегодня. Сейчас мы обязаны вывести «Миллениум» из-под удара, чтобы читатели не утратили доверия к журналу. Этим мы не можем рисковать.

– Я все понимаю! Но если мы с тобой сделаем вид, что расстаемся, то я буду выглядеть жуткой стервой… Да и ты окажешься в нелепой ситуации.

– Рикки, у нас есть шанс, пока мы с тобой доверяем друг другу. Будем действовать, полагаясь на интуицию… А пока нам придется отступить.

Ей пришлось согласиться. Невозможно было устоять перед хладнокровной и суровой логикой Микаэля.

Глава 4
Понедельник, 23 декабря – четверг, 26 декабря

На выходные Эрика осталась у Микаэля. Постель они покидали в основном лишь для того, чтобы сбегать в туалет и приготовить поесть. Но занимались они не только любовью. Часами лежали, обсуждая будущее, оценивали разные варианты, взвешивали свои возможности и шансы. В понедельник, как только рассвело и наступил канун Сочельника, Эрика поцеловала его, попрощалась до следующего раза – и отправилась домой, к мужу.

Блумквист провел понедельник очень плодотворно – он мыл посуду и убирал квартиру, а затем отправился в редакцию, чтобы забрать свои вещи из кабинета. Микаэль ни секунды не сомневался, что еще вернется в журнал. Просто ему в конце концов удалось убедить Эрику, что он вынужден на некоторое время отдалиться от «Миллениума». А пока он намерен работать, сидя у себя дома, на Бельмансгатан.

Микаэль находился в редакции один. Офис уже закрыли на Рождество, и все сотрудники разбежались – кто куда. Он сортировал бумаги и книги, укладывая их в коробку, чтобы взять с собой.

Вдруг зазвонил телефон.

– Я хотел бы поговорить с Микаэлем Блумквистом. Это возможно? – робко спросил незнакомый голос на другом конце провода.

– Я слушаю.

– Извините, что беспокою вас накануне праздника. Меня зовут Дирк Фруде.

Микаэль машинально записал имя собеседника и время звонка.

– Я адвокат и представляю клиента, который очень хотел бы с вами встретиться.

– Ну так попросите его позвонить мне.

– Я имею в виду, что он хотел бы встретиться с вами лично.

– Хорошо, давайте назначим время, и пусть он подойдет ко мне в офис. Только поспешите – я как раз освобождаю свое рабочее место.

– Мой клиент очень просит вас приехать к нему. Он живет в Хедестаде – на поезде всего три часа.

Микаэль буквально остолбенел – он даже перестал перебирать бумаги. Массмедиа обычно притягивают самых разных маньяков, которые звонят

по поводу и без. В редакциях газет и журналов, телерадиовещательных компаний и информагентств постоянно раздаются звонки от уфологов, графологов, сайентологов, конспирологов и попросту параноиков. И так по всему земному шару.

Однажды в Образовательном центре Микаэль слушал лекцию писателя Карла Альвара Нильссона[38], посвященную годовщине убийства премьер-министра Улофа Пальме. Лекция была вполне серьезная, на ней присутствовали Леннарт Будстрём[39] и другие старые друзья Пальме. Но там же присутствовало и несметное количество «частных сыщиков». В их числе была женщина примерно сорока лет, которая, как только докладчику начали задавать вопросы, схватила микрофон и понизила голос до еле слышного шепота, что само по себе предвещало драматическое развитие событий. И никто даже не удивился, когда женщина заявила: «Я знаю, кто убил Улофа Пальме». С трибуны ей подыграли: уж коль скоро женщина обладает такой уникальной информацией, не согласится ли она поделиться ею с комиссией, расследующей убийство Пальме? Но женщина немедленно парировала, также шепотом: «Не могу – это слишком опасно!»

Микаэль предположил, что, возможно, Дирк Фруде – один из таких дотошных правдоискателей и, возможно, он стремится сообщить о суперсекретной психушке, где служба госбезопасности проводит эксперименты по контролю над мозгом.

– Я не езжу к клиентам, – коротко ответил Микаэль.

– Но я вас очень прошу: сделайте, пожалуйста, исключение. Моему клиенту за восемьдесят, и поездка в Стокгольм для него чрезвычайно утомительна. Если вы будете настаивать, мы, разумеется, сможем устроить все как-нибудь по-другому, но было бы очень желательно, чтобы именно вы пошли нам навстречу…

– Кто ваш клиент?

– Подозреваю, что вам доводилось слышать о нем. Мой клиент – Хенрик Вангер.

Ошеломленный Микаэль откинулся на спинку кресла. Разумеется, он слышал о Хенрике Вангере – промышленнике и экс-генеральном директоре концерна «Вангер». Его имя и фамилия в свое время ассоциировались с лесопилками, добычей полезных ископаемых, металлургией и легкой промышленностью, производством и экспортными операциями. В свое время Хенрик Вангер был вполне преуспевающим предпринимателем, у него была репутация порядочного и старомодного патриарха, не подвластного никаким новым веяниям. Он был одним из столпов шведской

экономики и самых респектабельных представителей старой школы. Можно сказать, что в период пребывания социал-демократов у власти он наряду с Маттсом Карлгреном[40] из бумажного концерна «МоДо» и Хансом Вертеном[41] из старого «Электролюкса» составлял становой хребет шведской промышленности.

Однако за последние четверть века концерн «Вангер», который все еще являлся семейным предприятием, утратил былое величие – структурные трансформации, биржевые кризисы, крахи инвестиций, конкуренты из Азии, экспортные неурядицы и другие беды изрядно потрепали клан Вангеров. Сегодня предприятие возглавлял Мартин Вангер – это имя у Микаэля ассоциировалось с корпулентным и пышноволосым мужчиной, как-то раз промелькнувшим на телеэкране, хотя он и представлял его себе довольно смутно. Хенрик Вангер уже наверняка лет двадцать как вышел в тираж, и Микаэль даже не знал, что тот еще жив.

– С какой стати Хенрик Вангер хочет со мной встретиться? – с искренним изумлением спросил он.

– Простите меня. Я – адвокат Хенрика Вангера уже много лет, но поделиться с вами своими планами он должен сам. Я лишь уполномочен сообщить, что Хенрик Вангер намерен предложить вам работу.

– Работу? Но я вовсе не намерен работать на Хенрика Вангера. Вам что, нужен пресс-секретарь?

– Нет-нет, речь идет о другой работе. Не знаю, как объяснить… Могу лишь сказать, что Хенрик Вангер очень хотел бы встретиться с вами и получить консультацию по личному вопросу.

– Звучит не слишком понятно.

– Простите меня. Но могу ли я все же надеяться уговорить вас приехать в Хедестад? Разумеется, мы компенсируем дорожные расходы и выплатим вам достойный гонорар.

– Сказать по правде, ваш звонок сейчас не очень кстати. Я страшно занят… Вы наверняка знаете, что обо мне пишут в последние дни?

– Вы о деле Веннерстрёма? – Дирк Фруде на другом конце провода усмехнулся. – Да-да, конечно. Все это очень занимательно. Но, честно говоря, именно резонанс от процесса и привлек к вам внимание Хенрика Вангера.

– Вот как? И когда же Хенрик Вангер хотел бы, чтобы я нанес ему визит? – поинтересовался Микаэль.

– Чем раньше, тем лучше. Завтра Сочельник, и это время вряд ли будет удобным. А как насчет второго дня Рождества? Или между Рождеством и

Новым годом?

– То есть это срочно. Сожалею, но раз вы не можете сказать мне о цели визита ничего конкретного, то…

– О, уверяю вас, что все это очень серьезно. Никаких розыгрышей. Хенрик Вангер хочет получить консультацию от вас, и ни от кого другого. Если вас это заинтересует, он готов поручить вам важное задание. Я всего лишь посредник. Он сам вам все объяснит.

– Давно я не вел таких бессмысленных разговоров… Мне нужно подумать. Как я могу с вами связаться?

Микаэль положил трубку на рычаг и по-прежнему сидел, созерцая беспорядок на столе. Он никак не мог взять в толк, с какой стати понадобился Хенрику Вангеру. Собственно говоря, ему вовсе не хотелось ехать в Хедестад, но адвокат Дирк Фруде слишком заинтриговал его.

Блумквист включил компьютер, загрузил «Гугл» и ввел в поле поиска «предприятия Вангера». Ему в ответ выдали сотни сайтов и ссылок – концерн «Вангер» хоть и сдал свои позиции, но по-прежнему ежедневно привлекал внимание прессы. Микаэль скопировал примерно дюжину статей, в которых анализировалась деятельность концерна. А затем по очереди набрал в графе «поиск» имена Дирка Фруде, Хенрика Вангера и Мартина Вангера.

Последний многократно упоминался в качестве нового генерального директора предприятий Вангера. Об адвокате Дирке Фруде удалось раздобыть не так много информации: он оказался членом правления гольф-клуба в Хедестаде и о нем упоминали в связи с «Ротари-клубом»[42]. А Хенрик Вангер стал историческим персонажем: он фигурировал только в материалах о прошлом концерна. А еще региональная газета «Хедестадс-курирен» два года назад в связи с восьмидесятилетним юбилеем экс-магната опубликовала его краткую биографию. Микаэль распечатал несколько текстов, в которых, как ему показалось, содержалось самое важное, и у него получилось досье страниц на пятьдесят. Затем он наконец разобрал свой стол, упаковал коробки для перевозки и отправился домой. Блумквист не знал, когда вернется сюда, – да и не был уверен, вернется ли вообще.

А Лисбет Саландер в вечер Сочельника находилась в реабилитационной клинике «Эппельвикен» в городке Уппландс-Весбю[43]. Она накупила рождественские подарки: туалетную воду «Диор» и

английский рождественский бисквит из супермаркета «Оленс». Лисбет пила кофе и смотрела на сорокашестилетнюю женщину, которая пыталась развязать узелок на упаковке подарка. Саландер смотрела на нее с нежностью, хотя по-прежнему не могла поверить в то, что эта чужая женщина напротив – ее мать. При всем желании она не могла найти никакого сходства – ни внешнего, ни внутреннего.

Мать отчаялась развязать узелок и теперь сидела, беспомощно уставясь на пакет с подарками. Да, не повезло ей… Лисбет протянула ей ножницы, все время лежавшие на столе на самом видном месте, и мать расцвела в улыбке, словно вынырнула из забытья.

– Ты, наверное, считаешь меня дурехой!

– Нет, мама. Никакая ты не дуреха. Просто нет в жизни справедливости.

– Ты виделась с сестрой?

– Очень давно.

– Она меня никогда не навещает.

– Знаю. Меня она тоже не навещает.

– Ты работаешь?

– Да, мама. У меня все нормально.

– А где ты живешь? Я ведь даже не знаю, где ты живешь.

– Я живу в твоей старой квартире на Лундагатан. Уже несколько лет. Я заключила контракт на свое имя.

– Может, летом я навещу тебя…

– Конечно-конечно. Летом обязательно.

Мать наконец распаковала пакет и теперь с удовольствием вдыхала аромат туалетной воды.

– Спасибо, Камилла, – сказала она.

– Мама, я Лисбет. Камилла – это моя сестра.

Мать смутилась, и Лисбет предложила ей пойти посмотреть телевизор.

А Микаэль Блумквист проводил Сочельник с дочерью Перниллой на вилле в пригороде Соллентуна – у бывшей жены Моники и ее нового мужа. Они смотрели диснеевские мультики про Калле Анку. Микаэль привез Пернилле рождественские подарки. Они с Моникой посоветовались и решили подарить дочери цифровой mp3-плеер – айпод, размером чуть больше спичечного коробка, который тем не менее мог вместить всю коллекцию дисков Перниллы. А коллекция у нее была весьма обширная, вот и подарок оказался довольно дорогим.

Отец с дочерью провели вдвоем около часа в детской на втором этаже.

Микаэль развелся с Моникой, когда дочери было пять лет, а в семь лет у нее появился новый папа. Блумквист не избегал контактов с дочерью – они с Перниллой встречались примерно раз в месяц. Летом дочь проводила неделю на его даче в Сандхамне. Моника не пыталась препятствовать контактам дочери с отцом, да и Пернилла с удовольствием общалась с Микаэлем. Как правило, они прекрасно ладили. Но Блумквист оставлял за дочерью право решать, насколько часто она хочет с ним общаться, особенно после второго брака Моники. Когда у Перниллы наступил тинейджерский возраст, они почти не виделись. Но в последние годы ей хотелось чаще встречаться с отцом.

Дочь следила за судебным процессом и не сомневалась, что все обстоит именно так, как твердил Микаэль: он невиновен, но доказать обратное не смог.

Она поделилась с ним: у нее, возможно, появился бойфренд из параллельного класса гимназии. Микаэля потрясло то, что она считает себя верующей и начала посещать местную церковную общину. Но он воздержался от комментариев.

Микаэля пригласили остаться на ужин, но он отказался, поскольку уже условился с сестрой, что проведет Сочельник с ее семьей на вилле, расположенной в респектабельном районе Стэкет.

Утром Микаэля также пригласили отпраздновать Рождество с Эрикой и ее мужем в пригороде Сальтшёбаден[44]. Он отказался, считая, что хотя Грегер Бекман и снисходительно относится к любовным треугольникам, но все-таки не следует преступать черту. И лично ему не хотелось выяснять, где именно находится эта черта. Эрика спорила с ним: приглашение исходит как раз от ее мужа, «а ты, дорогой, как раз избегаешь настоящего треугольника». Микаэль засмеялся – Эрика знала, что он исключительно гетеросексуален. И все же отказался проводить Сочельник в компании с ее супругом.

В конце концов Микаэль позвонил в дверь своей сестре – Аннике Блумквист, в замужестве Джаннини. Она, ее итальянский муж, двое детей и многочисленная родня мужа как раз разрезали рождественский окорок. За ужином он отвечал на вопросы о суде и выслушивал разные доброжелательные и совершенно бестолковые советы.

И только сестра Микаэля не комментировала приговор – но, с другой стороны, в этой компании она была единственным адвокатом. Изучив юриспруденцию, Анника несколько лет работала в качестве секретаря судьи и помощника прокурора, а затем вместе с несколькими друзьями

открыла собственную адвокатскую контору с офисом в самом центре Стокгольма, в Кунгсхольмене. Анника стала специалистом по семейному праву, и Микаэль даже не обратил внимания, как это произошло, – но его младшая сестра начала появляться в газетах и на телеэкране в качестве известной феминистки и адвоката. Она часто защищала права женщин, которых преследовали или которым угрожали бывшие мужья или бойфренды.

Когда Микаэль помогал сестре приготовить кофе, она взяла его под локоть и спросила, как он себя чувствует. Блумквист ответил: «Как мешок с дерьмом».

– В следующий раз нанимай грамотного адвоката, – дала она совет.

– В моем случае адвокат вряд ли помог бы.

– Но что, собственно говоря, произошло?

– Давай поговорим об этом в следующий раз, сестричка.

Анника обняла его и поцеловала в щеку, после чего они присоединились ко всей компании, держа в руках кофейные чашки и рождественские бисквиты.

Около семи вечера Микаэль извинился и попросил разрешения воспользоваться телефоном на кухне. Он позвонил Дирку Фруде. В трубке у того раздавались чьи-то голоса.

– Поздравляю вас с Рождеством! – приветствовал его адвокат. – Ну и что вы решили?

– Я сейчас не у дел, а вам удалось меня заинтриговать. Если вы не возражаете, я приеду сразу после Рождества.

– Что ж, это просто здорово! Вы меня очень обрадовали… Простите, но у меня сейчас гости – дети и внуки, и я почти ничего не слышу из того, что вы говорите. Если позволите, я позвоню вам завтра и мы договоримся о времени.

Позже Микаэль сожалел о своем решении; он уже тем же вечером передумал ехать в Хедебю, но позвонить и отменить свой визит постеснялся. Так что утром, на второй день Рождества Блумквист сел на поезд, идущий на север. У него были водительские права, но купить машину он так и не собрался.

Фруде оказался прав – добирался Микаэль недолго. Проехав Уппсалу, поезд помчался мимо промышленных городков вдоль побережья Ботнического залива. Хедестад оказался самым крошечным из них; он находился примерно в часе езды к северу от Евле.

Ночью разыгралась нешуточная метель, но когда Блумквист вышел из

поезда, все стихло. Морозный воздух обжигал кожу. Микаэль пожалел о том, что оделся слишком легко – не по погоде для зимнего Норрланда, – но Дирк Фруде, который сразу же узнал его, перехватил его на перроне и усадил в теплый «Мерседес».

Большие снегоуборочные машины заполонили улицы Хедестада, и Фруде осторожно лавировал между ними. Снег, в отличие от Стокгольма, придавал окрестностям причудливый вид, словно здесь был какой-то чужой, совершенно другой мир. А ведь Микаэль находился всего в трех часах езды от Сергельсторгет[45]. Он взглянул на адвоката: угловатое лицо, редкие, коротко остриженные седые волосы, очки с толстыми стеклами на внушительном носу.

– Вы впервые в Хедестаде? – спросил Фруде.

Микаэль кивнул.

– Старый индустриальный портовый город… Народу здесь живет немного, всего двадцать четыре тысячи жителей. Но людям здесь нравится. Хенрик живет в Хедебю – прямо на въезде в город, с южной стороны.

– И вы тоже там живете?

– Да, я тоже, так уж получилось. Я родился в Сконе[46] и пришел работать к Вангеру сразу же после университета, в шестьдесят втором году. Я юрист в области бизнеса, и с годами мы с Хенриком подружились. Сейчас я уже на пенсии, и Хенрик – мой единственный клиент. Он, естественно, тоже пенсионер и не слишком часто ангажирует меня.

– Но иногда вам все же приходится хватать за шкирку журналистов с подмоченной репутацией…

– Не переживайте. Вы не первый и не последний, кто проиграл в матче против Ханса Эрика Веннерстрёма.

Микаэль покосился на Фруде, не зная, как ему отнестись к этой реплике.

– Вы пригласили меня сюда в связи с Веннерстрёмом? – спросил он.

– Нет, – ответил Фруде. – Но Хенрик Вангер не относится к кругу друзей Веннерстрёма. Он с интересом следил за процессом. Однако с вами он хочет встретиться совсем не по этому поводу.

– Вы что-то темните…

– Вовсе нет. Просто я не уполномочен рассказывать об этом. Вы сможете переночевать в доме у Хенрика Вангера. Если же не захотите, мы снимем вам номер в гостинице; это в самом центре города.

– Возможно, сегодня же вечером я вернусь в Стокгольм.

Когда они въезжали в Хедебю, снег еще не убрали, и Фруде с трудом

вел машину по скользкой снежной трассе. Вдоль Ботнического залива выстроились классические деревянные здания, старые, столь свойственные заводским поселениям побережья. Их окружали виллы – более внушительные и более новые. Город начинался на материке, а затем продолжался за мостом на холмистом острове. На материковой стороне, возле опоры моста, располагалась маленькая церковь из белого камня, а напротив светилась допотопная неоновая реклама «Кафе и пекарня Сусанны». Машина проехала еще примерно сотню метров и, свернув налево, оказалась во дворе, расчищенном от снега. Каменная усадьба была не слишком велика по сравнению с окружающими постройками, но ее солидный вид явно указывал на то, что в ней обитает настоящий хозяин.

– Ну, вот и владения Вангеров, – сказал Дирк Фруде. – Когда-то здесь было много народу и кипела жизнь, а сейчас в доме живут только Хенрик и домоправительница. Но в гостевых комнатах недостатка нет.

Они вышли из машины. Фруде показал на север:

– Традиционно глава концерна «Вангер» всегда жил здесь, но Мартин – приверженец современных тенденций, вот и построил себе другую виллу, в самом конце мыса.

Микаэль огляделся. Он никак не мог понять, с какой стати согласился принять приглашение адвоката Дирка Фруде. И решил во что бы то ни стало вернуться в Стокгольм этим же вечером.

Они еще не успели подняться по каменной лестнице, ведущей к дому, как перед ними отворилась дверь. Микаэль сразу узнал Хенрика Вангера – он видел его фотографии в Сети.

Судя по фотографиям, он должен был выглядеть моложе, но для своих восьмидесяти двух лет старик и сейчас казался на редкость подтянутым: стройный, со скульптурным обветренным лицом и зачесанной назад пышной сединой, – мужчины в его семье явно не были склонны к облысению. Он был одет в безупречно отглаженные темные брюки, белую рубашку и видавший виды коричневый свитер. Лицо его украшали тонкие усы и изящные очки в стальной оправе.

– Я – Хенрик Вангер, – поздоровался он. – Спасибо, что согласились приехать.

– Привет! Ваше приглашение оказалось для меня полной неожиданностью.

– Проходите в дом, здесь тепло. Я приготовил для вас гостевую комнату. Не хотите ли немного освежиться? Ужинать будем попозже. Это Анна Нюгрен, она опекает меня и заботится обо мне.

Микаэль коротко пожал руку миниатюрной женщине лет шестидесяти.

Та взяла его пальто, повесила в шкаф и предложила Микаэлю тапочки – как защиту от холода и сквозняков.

Микаэль поблагодарил ее и повернулся к Хенрику Вангеру:

– Не уверен, что останусь на ужин. Но все будет в какой-то степени зависеть от того, что вы задумали.

Хенрик Вангер и Дирк Фруде переглянулись. Похоже, эти двое понимают друг друга без слов.

– Боюсь, что мне придется оставить вас, – сказал адвокат. – Мне пора домой, иначе мои внуки раздраконят весь дом. – Обращаясь к Микаэлю, он пояснил: – Я живу за мостом направо, в пяти минутах ходьбы. Это за кондитерской, третий дом в сторону воды. Если я буду нужен, звоните.

Между тем Микаэль опустил руку в карман и включил магнитофон.

«Что со мной? Неужели я уже стал параноиком?» – подумал он.

Блумквист даже не догадывался, что от него могло понадобиться Хенрику Вангеру. Но после склоки с Хансом Эриком Веннерстрёмом он решил фиксировать все происходящие вокруг него из ряда вон выходящие события, а неожиданное приглашение в Хедестад определенно было именно таким.

Экс-магнат на прощание похлопал Дирка Фруде по плечу, закрыл за ним входную дверь, а потом обратился к Микаэлю:

– Что ж, давайте перейдем прямо к делу. Уверяю вас, это вовсе не игра. Мне нужно с вами кое-что обсудить. Но боюсь, что мне не удастся изложить вам все кратко, так что нам потребуется немало времени. Только я очень прошу вас – дослушайте меня до конца и только потом принимайте решение. Мне очень нужны услуги журналиста. Ваши услуги. Анна принесла кофе в мой кабинет; поднимемся на второй этаж.

Хенрик Вангер показал дорогу, и Микаэль последовал за ним. Они вошли в прямоугольный кабинет, примерно около сорока квадратных метров, находящийся в торце дома. Вдоль высокой стены – от пола до потолка метров десять – располагались книжные полки, уставленные самыми разными изданиями: романы и новеллы, биографии, книги по истории, справочники по торговле и промышленности, а также увесистые папки с документами. Книги располагались хаотично, но, похоже, стеллажом пользовались, и Микаэль пришел к выводу, что Хенрик Вангер любит читать. Вдоль противоположной стены возвышался письменный стол из темного дуба, расположенный так, чтобы сидящий за ним был обращен лицом к комнате. На стене педантичными рядами в застекленных рамках висела коллекция засушенных цветов.

Из окна в торце открывался вид на мост и церковь. Возле окна стояли диван, мягкие кресла и журнальный столик, который Анна уставила чашками, термосом, домашними булочками и печеньем.

Вангер жестом пригласил гостя сесть, но Микаэль не отреагировал. Он с любопытством прошелся по комнате, осмотрел сначала книжные полки, а затем и стену с цветами. На письменном столе все было аккуратно прибрано, бумаги лежали стопкой. На краю стола в рамке стояла фотография красивой темноволосой девушки с задорным взглядом.

«Эта барышня в возрасте, когда они становятся опасными», – подумал Микаэль. Фотография, видимо, была сделана во время конфирмации. Она выцвела и выглядела очень ветхой. До Микаэля вдруг дошло, что Хенрик Вангер наблюдает за ним.

– Ты ее помнишь, Микаэль? – спросил он.

– Помню? – Блумквист удивленно вздыбил брови.

– Да, вы ведь с нею встречались. Ты уже бывал в этой комнате.

Микаэль огляделся и покачал головой.

– Прости, конечно, но ты не можешь это помнить. Я знал твоего отца. В пятидесятые-шестидесятые годы я неоднократно приглашал Курта Блумквиста налаживать и чинить оборудование. Он был очень одаренным технарем. Я пытался уговорить его учиться и стать инженером. Ты провел здесь все лето шестьдесят третьего года, мы тогда меняли оборудование на бумажном комбинате в Хедестаде. Нам не удалось найти жилье для вашей семьи, и мы поселили вас в маленьком деревянном доме через дорогу. Его видно отсюда, из окна.

Хенрик Вангер подошел к письменному столу и взял в руки портрет.

– Это Харриет Вангер, внучка моего брата Рикарда Вангера. Она присматривала за тобой в то лето. Тебе должно было исполниться три года. Или уже было три – я точно не помню. А ей было двенадцать.

– Извините… я совершенно не помню все то, о чем вы сейчас рассказываете.

На секунду Микаэлю даже показалось, что Хенрик Вангер его обманывает.

– Понимаю. Зато я тебя помню. Ты бегал тут по двору, а Харриет бегала вслед за тобой. Я слышал, как ты кричал, когда спотыкался обо что-нибудь. Помню, как-то раз я подарил тебе игрушку – желтый металлический трактор, с которым я и сам играл в детстве. Он тебе очень понравился. Думаю, что больше всего тебе пришелся по душе его цвет.

Микаэль буквально похолодел. Он действительно помнил желтый трактор. Даже когда он уже повзрослел, трактор по-прежнему украшал

полку его комнаты.

– Ты вспомнил?.. Вспомнил эту игрушку?

– Да, помню… Вам, возможно, будет приятно узнать, что этот трактор все еще жив. Он хранится в Музее игрушек, на Мариаторгет в Стокгольме. Я передал его туда лет десять лет назад, когда они разыскивали аутентичные детские игрушки.

– Неужели?

Хенрик Вангер усмехнулся. Было видно, что он очень доволен.

– Давай я покажу тебе…

Он подошел к стеллажу и вытащил с одной из нижних полок фотоальбом. Микаэль заметил, что нагнулся Хенрик с трудом, а чтобы распрямиться, ему пришлось опереться о стеллаж. Вангер жестом предложил Микаэлю сесть на диван, а сам стал листать альбом. Он знал, что ищет. Вскоре Хенрик, положив альбом на журнальный столик, указал на черно-белую фотографию, явно любительскую. В нижнем углу виднелась тень фотографа. А на переднем плане стоял маленький светловолосый мальчуган в шортах, растерянно и немного испуганно уставившийся прямо в камеру.

– Тебя щелкнули в то самое лето. Твои родители сидят на заднем плане. Твоя мама слегка закрыла Харриет, а мальчик слева от твоего отца – брат Харриет, Мартин Вангер, который сейчас возглавляет концерн «Вангер».

Конечно же, Микаэль сразу узнал своих родителей. Мать на поздней стадии беременности, значит, сестра уже скоро появится на свет. Разглядывая фотографию, он даже немного расстроился. А тем временем Хенрик Вангер налил кофе и подвинул к гостю тарелку с булочками.

– Я знаю, что твой отец умер. А мать? Она жива?

– Нет, умерла три года назад, – ответил Микаэль.

– Она была славная женщина. Я очень хорошо ее помню.

– Я уверен, что вы пригласили меня к себе не для того, чтобы разговаривать о моих родителях.

– Да, ты, безусловно, прав. Я много дней готовился к разговору с тобой, но сейчас, когда ты наконец-то сидишь рядом со мной, даже не знаю, с чего начать… Я не сомневаюсь, что перед поездкой сюда ты навел обо мне кое-какие справки – и знаешь, что в свое время я пользовался авторитетом в среде шведских промышленников и работодателей. Теперь я уже дряхлый старик, и жизнь моя подходит к концу. Так что смерть как раз и станет основной темой нашей с тобой беседы.

Микаэль отхлебнул глоток черного кофе. Интересно, чем закончится

вся эта история?

– У меня болит бедро, и долгие прогулки мне не по силам. Когда-нибудь ты и сам это поймешь: наступает такой возраст, когда тебя начинают покидать силы. Хотя я не болен и не впал в маразм. Признаюсь, я не думаю о смерти постоянно, но в мои годы следует иметь в виду, что время на исходе. Наступает такая минута, когда хочется подвести черту под сделанным, а недоделанное – завершить. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Микаэль кивнул. Хенрик Вангер изъяснялся четко, и голос у него ни разу не дрогнул. Блумквист уже не сомневался в том, что его собеседник вовсе не слабоумен и мыслит вполне здраво.

– Больше всего мне хотелось бы сейчас узнать, по какой причине я оказался здесь, – повторил он.

– Я пригласил тебя сюда, потому как надеюсь, что ты поможешь мне подвести эту самую черту. У меня осталось несколько незавершенных дел.

– Но почему вы выбрали именно меня? Я имею в виду… Почему вы решили, что именно я смогу вам помочь?

– Видишь ли… Именно тогда, когда я решил кого-нибудь нанять, я услышал твое имя в связи с делом Веннерстрёма. Я же знал, кто ты. Может, еще и потому, что ты еще ребенком сидел у меня на коленях…

В знак протеста он замахал рукой.

– Нет-нет, не пойми меня превратно. Я вовсе не рассчитываю, что ты поможешь мне из сентиментальных соображений. Просто объясняю, почему решил связаться именно с тобой.

Микаэль дружелюбно рассмеялся:

– Да, хотя я и совершенно не помню, что сидел у вас на коленях. Но как вы меня вычислили? Как вы узнали, где я и чем занимаюсь? Ведь с тех самых пор, с самого начала шестидесятых, мы с вами не встречались.

– Прости, но я не успел все объяснить. Вы переехали в Стокгольм, когда твоего отца назначили на должность руководителя мастерской на заводе «Зариндерс механиска». Это было одно из многих предприятий концерна «Вангер», и я устроил его на эту работу. И хотя у него не было образования, я знал, что он справится. В те годы мы с твоим отцом частенько виделись, когда я бывал на «Зариндерс». Мы не были близкими друзьями, но когда встречались, всегда останавливались поболтать. В последний раз я видел его за год до кончины, и он поделился со мной, сказал, что ты поступил в Высшую школу журналистики. Он очень гордился тобой. Вскоре после этого вся Швеция узнала о тебе – ты прославился в связи с бандой грабителей, Калле Блумквист и все такое

прочее. Я следил за тобой все эти годы и прочел много твоих статей. Имей в виду, я довольно часто читаю «Миллениум».

– Хорошо, я все понял. Но что именно вы хотели бы мне поручить?

Хенрик Вангер опустил взгляд и затем отхлебнул кофе. Похоже, ему требовалась краткая передышка, чтобы затем перейти к сути дела.

– Микаэль, перед тем как я смогу посвятить тебя в курс дела, я бы хотел заключить с тобой договор. Мне надо, чтобы ты сделал для меня две вещи. Причем они тесно взаимосвязаны.

– Но о каком договоре идет речь?

– Я расскажу тебе историю в двух частях. Первая из них – о семье Вангеров. Это предисловие, оно будет пространным и мрачным, но я постараюсь рассказать тебе только то, что происходило на самом деле, в реальности, без фантазии и прикрас. А во второй части я изложу тебе свою непосредственную просьбу. Вполне возможно, что некоторые фрагменты в моем рассказе покажутся тебе… чересчур жуткими. Важно, чтобы ты выслушал мою историю до конца – прежде чем решишь, берешься за эту работу или нет.

Микаэль вздохнул. Он уже не сомневался, что Хенрик Вангер не намерен четко и кратко изложить свою просьбу, и вряд ли он отпустит его на вечерний поезд. Может случиться и так, что если он позвонит Дирку Фруде с просьбой отвезти его на станцию, тот ответит, что двигатель машины замерз и не заводится.

Вангер наверняка потратил массу времени, чтобы обдумать, каким образом расставить ему западню. Теперь уже Микаэль не сомневался: все, что произошло с момента, когда он вошел в кабинет Хенрика, было театральным розыгрышем, причем заранее срежиссированным. Эффект неожиданности заключался в том, что он, оказывается, встречался с Хенриком Вангером в детстве. Потом ему подсунули фотографию родителей, уверяя, что его отец и Хенрик Вангер были приятелями. И по всему выходит, что старик знал, кто такой Микаэль Блумквист, и много лет подряд издалека следил за его карьерой… Конечно, возможно, все это так и было на самом деле, но все же в ход был пущен самый примитивный психологический расчет. Словом, Хенрик Вангер, обладая многолетним опытом общения, освоил искусство манипуляции, причем с куда более несговорчивой публикой. Иначе разве стал бы он одним из самых преуспевших промышленников Швеции?

А еще Микаэль заключил, что Хенрик Вангер пожелает от него чего-то такого, чего ему наверняка сделать категорически не захочется. Так что

лучше вежливо все выслушать, выразить благодарность и отказаться. И постараться все же попасть на вечерний поезд.

– Извините, но мы так не договаривались, – сказал он и взглянул на часы. – Я нахожусь здесь уже двадцать минут. Допустим, у вас есть еще полчаса, чтобы рассказать мне все, о чем вы хотели бы со мной поделиться. После этого я вызову такси и поеду домой.

На секунду Хенрик Вангер перестал разыгрывать из себя добродушного патриарха, и Микаэль увидел в нем того бескомпромиссного промышленника и банкира, каким он бывал в зените своей карьеры и славы; тогда ему часто приходилось уговаривать и уламывать какого-нибудь строптивого нового члена правления. Он горько усмехнулся:

– Что ж, все ясно.

– Чего уж проще? Наберитесь смелости и выкладывайте, чего вы от меня хотите. А уж я сам решу, возьмусь помочь вам или нет.

– Твоя мысль мне ясна. Иными словами, если я не сумею уговорить тебя за полчаса, то не смогу это сделать и за месяц.

– Именно так.

– Но история, которую я хочу тебе рассказать, сложна и противоречива.

– Постарайтесь изложить все просто и лаконично. Как принято в журналистике. У вас осталось двадцать девять минут.

Хенрик Вангер поднял руку.

– Хватит. Я все понял. Но преувеличение – это всегда психологический просчет. Мне нужен человек, имеющий опыт исследований и обладающий критическим мышлением; кроме того, беспристрастный. Мне кажется, ты как раз такой человек, и я не льщу тебе. Просто хороший журналист должен обладать всеми этими качествами. Я прочел твою книгу «Тамплиеры», и это было весьма интересно. Понятно, свою роль сыграл тот факт, что я был знаком с твоим отцом и знаю, кто ты такой. Как я догадываюсь, после дела Веннерстрёма тебе пришлось уволиться из журнала; в любом случае тебе не пришло бы в голову уходить по собственному желанию. Стало быть, на данный момент у тебя нет постоянной работы, и не нужно особенно напрягаться, чтобы понять: скорее всего, у тебя начинаются финансовые трудности.

– Поэтому вам выпал удобный случай и вы намерены воспользоваться моим положением? Так, что ли?

– Возможно, ты и прав. Но, Микаэль… можно, я буду так тебя называть? Я не собираюсь лгать или изворачиваться. Я слишком стар для подобных трюков. Впрочем, можешь послать меня куда подальше, если

откажешься мне помочь. Тогда мне придется нанять кого-нибудь другого на эту работу.

– Я, в принципе, не против. Но скажите на милость, какую же работу вы хотели бы мне предложить?

– Встречный вопрос: что тебе известно о семье Вангеров?

Микаэль растерялся.

– Вообще-то лишь то, что я успел прочесть в Интернете, после того как в понедельник мне позвонил Фруде. В свое время «Вангер» был одним из ведущих промышленных концернов Швеции, но сейчас он явно уступил свои позиции. Генеральный директор – Мартин Вангер. Ну, может, я знаю еще кое-что… Но что конкретно вас интересует?

– Мартин… Он – дельный парень, но по большому счету не умеет держать удар. Он не способен управиться в кризисной ситуации. Мартин собирается модернизировать производство и провести ребрендинг. Без этого, конечно, не обойтись. Но ему очень трудно реализовать свои проекты и еще труднее обеспечивать финансирование. Двадцать пять лет назад концерн «Вангер» с успехом конкурировал с империей Валленбергов. В Швеции у нас трудились сорок тысяч человек. Мы обеспечивали рабочие места и исправно платили огромные налоги в казну. Сегодня большинство этих рабочих мест переведены в Корею или Бразилию. Сейчас у нас заняты всего около десятка тысяч человек, а через год или два, если Мартину не удастся выкарабкаться из кризиса, мы, скорее всего, станем предприятием с пятью тысячами работников, занятых в основном на мелких производствах. Словом, концерн «Вангер» канет в Лету, и все о нем забудут.

Микаэль кивнул. То, что рассказывал Хенрик Вангер, в целом совпадало с теми выводами, к которым он пришел сам, проведя некоторое время за компьютером.

– Концерн «Вангер» по-прежнему является семейным предприятием, одним из немногих в стране. Приблизительно тридцать членов семьи являются миноритарными акционерами разного масштаба. В этой структуре всегда заключалась и сила концерна, и его слабость.

Хенрик Вангер помолчал. Затем продолжил, и голос его стал жестче:

– Микаэль, потом ты сможешь задавать мне вопросы… Но поверь мне на слово: я терпеть не могу большинство членов семейства Вангеров. Повезло же моей семье… Большинство моих родственников – грабители, скряги, деспоты и дебилы. Я руководил концерном тридцать пять лет. И все это время мне приходилось сражаться – не на жизнь, а на смерть – с остальными членами моей семьи. Представь себе, что твои злейшие враги – не конкуренты, не государство, а твои же собственные родственники…

Он сделал паузу.

– Я сказал, что хочу, чтобы ты сделал для меня две вещи. Во-первых, чтобы ты написал историю семьи Вангеров. Впрочем, можешь называть ее моей биографией. Это будет не какая-нибудь смиренная церковная проповедь, а история ненависти, семейных скандалов и безграничной алчности. Я предоставлю в твое распоряжение все свои дневники и архивы. Ты получишь доступ к моим самым сокровенным тайнам и право публиковать любой обнаруженный тобою компромат – без всяких препятствий. На фоне этой истории сам Шекспир покажется просто автором развлекательных баек.

– Но зачем вам это?

– Зачем я хочу опубликовать скандальную историю нашей семьи? Или почему эту историю должен написать ты?

– И то, и другое.

– Честно говоря, меня не волнует, будет ли издана эта книга. Но я считаю, что эту историю следует составить и напечатать, пусть даже в одном экземпляре, который ты отдашь в Королевскую библиотеку. Я хочу, чтобы эта история, когда я умру, стала достоянием будущих поколений. Причина элементарная – месть.

– Но кому вы хотите отомстить?

– Можешь мне не поверить, но даже будучи капиталистом и промышленником, я пытался оставаться честным человеком. Я горжусь тем, что с моим именем связано представление о человеке, который не бросает слов на ветер и выполняет обещания. Я никогда не играл в политические игры и всегда шел на переговоры с профсоюзами. Некогда даже Таге Эрландер[47] меня уважал. Этические вопросы вовсе не кажутся мне праздными. Я гарантировал хлеб насущный десяткам тысяч людей, я заботился о своей команде. Кстати, Мартин придерживается той же позиции, хотя мы с ним очень разные – и по характеру, и по воспитанию. Он тоже пытается соблюдать этические постулаты. Наверняка нам не все удавалось, но в целом мне особо нечего стыдиться.

– К сожалению, я и Мартин – белые вороны в нашей семье, – продолжил он. – Сегодня судьба концерна оказалась под угрозой, и тому есть много причин. В том числе – алчность и недальновидность, которую проявляли многие мои родственники. Если ты решишь мне помочь, я в деталях объясню, как они вели себя и как все это в конце концов негативно отозвалось на судьбе концерна Вангеров.

Микаэль на время задумался, затем проговорил:

– Что ж. Я тоже буду с вами честен. Чтобы написать такую книгу, мне

потребуется не один месяц. Представьте себе, что меня не тянет, да и просто не хватает сил браться за такую работу.

– Надеюсь, что я смогу тебя уговорить. Я хочу, чтобы ты как журналист препарировал этих типов. Потому и предлагаю написать историю семейства Вангеров именно тебе. Так что можешь смело внедряться в архивы нашей семьи.

– Вряд ли я возьмусь за это. Но вы сказали, что вам понадобятся от меня две вещи. А пока я услышал только ваше предисловие. В чем же заключается ваша вторая просьба?

Хенрик Вангер с большим трудом встал, принес с письменного стола фотографию Харриет и водрузил ее перед Микаэлем.

– На самом же деле мне нужно, чтобы ты разгадал одну загадку. В этом и заключается моя основная просьба.

– Загадку?

– Харриет – внучка моего брата Рикарда. Нас было пять братьев. Рикард – старший из нас, он родился в тысяча девятьсот седьмом году. Я был младшим и родился в двадцатом. Невероятно, как только Господь умудрился создать выводок, который…

На несколько секунд Хенрик Вангер отвлекся и, казалось, погрузился в собственные размышления. Потом взял себя в руки и обратился к Микаэлю:

– Я хотел бы рассказать тебе о своем брате Рикарде. Этот эпизод, возможно, станет ключевым в семейной хронике, которую я предлагаю тебе написать.

Он налил себе кофе и предложил еще Микаэлю.

– В двадцать четвертом году Рикард, которому тогда исполнилось семнадцать лет, стал фанатичным националистом и ненавистником евреев. Он вступил в Шведский национал-социалистический союз борцов за свободу – одно из первых нацистских объединений Швеции. Как это трогательно, что нацисты всегда в своей пропаганде используют слово «свобода»…

Хенрик Вангер достал еще один фотоальбом и нашел нужную страницу.

– Вот Рикард с ветеринаром Биргером Фуругордом[48], который вскоре возглавил так называемое «движение Фуругорда» – нацистское движение, очень популярное в начале тридцатых годов. Но Рикард расстался с ним и примерно через год вступил в «Фашистскую боевую организацию Швеции». Там он познакомился с Пером Энгдалем[49] и другими

подонками, которые позже опозорили нас как нацию.

Хенрик перевернул страницу альбома и показал Микаэлю портрет Рикарда Вангера в военной форме.

– В двадцать седьмом году он, вопреки воле отца, завербовался в армию, а в тридцатые годы переходил из одной нацистской шайки в другую. Если бы у них существовал какой-нибудь завалящий тайный орден, будь уверен, что в списке членов значилось бы его имя. В тридцать третьем году возникло движение Линдхольма[50], оно же Национал-социалистическая рабочая партия. Тебе знакома история шведского нацизма?

– Вообще-то я не историк, но кое-что на эту тему читал.

– В тридцать девятом началась Вторая мировая война, а затем – Зимняя война[51]. Многие активисты движения Линдхольма, равно как и другие добровольцы, отправились в Финляндию. Рикард тоже отправился на войну. К тому времени он получил чин капитана шведской армии. Он погиб в феврале сорок четвертого года, незадолго до заключения мира с Советским Союзом. Нацисты провозгласили его мучеником, его имя даже присвоили воинскому подразделению. Некоторые дебилы и по сей день собираются на кладбище в Стокгольме в годовщину смерти Рикарда Вангера, чтобы почтить его память.

– Понятно.

– В двадцать шестом году, в девятнадцатилетнем возрасте он встретился с Маргаретой, дочерью учителя из Фалуна. Они сблизились на политической почве, и у них возникли отношения, результатом которых стало рождение сына Готфрида в двадцать седьмом году. После этого Рикард и Маргарета поженились. В первой половине тридцатых годов брат поселил жену с ребенком здесь, в Хедестаде. Полк, к которому он был приписан, размещался в Евле, и в свободное время Рикард разъезжал по округе, ведя нацистскую агитацию. В тридцать шестом он повздорил с отцом, после чего тот полностью лишил Рикарда материальной поддержки. Брат переехал с семьей в Стокгольм, и там ему пришлось хлебнуть лиха. Ведь отныне он был вынужден обеспечивать себя и свою семью самому.

– А своей доли собственности у него не было?

– Его наследство было вложено в концерн на безотзывных условиях. Он мог продать его только членам семьи. Не мешает еще заметить, что у Рикарда, бессердечного домашнего тирана, практически не было никаких положительных качеств. Он колотил жену и истязал сына. Готфрид рос забитым и затравленным мальчиком. Рикард погиб, когда Готфриду было

тринадцать лет. Думаю, на тот момент для парня это был самый счастливый день в жизни. Мой отец сжалился над Маргаретой и ее сыном, перевез их в Хедестад, обеспечил их жильем и следил за тем, чтобы Маргарета не осталась без средств к существованию. Но если Рикард воплощал темные и фанатичные фамильные черты, то Готфрид был просто бездельником. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, я стал заботиться о нем – все-таки он был сыном моего умершего брата. Хотя спешу напомнить, что разница в возрасте между нами была пустяковая: я был старше всего на семь лет. К тому времени я уже состоял в правлении концерна, и все считали, что со временем я займу пост моего отца. Готфрида же наша родня считала чужаком.

Хенрик Вангер на секунду прервался, потом продолжил:

– Мой отец не очень-то представлял, как ему вести себя с внуком, и мне пришлось настоять на том, что необходимо предпринять какие-то меры. Я взял его на работу в концерн. Время было послевоенное. Несмотря на все старания, Готфриду почти не удавалось сосредоточиться на работе. Красавец, гуляка и бездельник, он пользовался успехом у женщин и часто злоупотреблял спиртным. Затрудняюсь описать, как я к нему относился. Не то чтобы я считал его никудышним, но, конечно, полагаться на него не мог, и он часто меня огорчал. В конце концов Готфрид окончательно спился и в шестьдесят пятом году утонул. Несчастный случай… Это случилось здесь, в Хедебю; он построил себе домик, где и пьянствовал.

– Значит, он – отец Харриет и Мартина? – спросил Микаэль, показав на портрет девушки.

Рассказ старика, как ни странно, заинтриговал его. Блумквист даже сам от себя этого не ожидал.

– Верно. В конце сороковых годов Готфрид встретил юную немку – Изабеллу Кёниг. Она переехала в Швецию после войны. Изабелла была настоящей красавицей, я мог бы сравнить ее с Гретой Гарбо или с Ингрид Бергман. Внешне Харриет похожа скорее на Изабеллу, чем на Готфрида. Это видно и по фотографии: уже в четырнадцать лет она – настоящая красавица.

Микаэль и Хенрик замолчали и долго смотрели на фотопортрет.

– Итак, с твоего позволения я продолжу. Изабелла родилась в двадцать восьмом году и еще жива. К началу войны ей исполнилось одиннадцать лет… Можно только догадываться, что ей пришлось пережить, когда Берлин подвергался бомбардировкам. Когда Изабелла сошла на берег в Швеции, ей, вероятно, показалось, что она попала в настоящий рай. К сожалению, ей были свойственны те же пороки, что и Готфриду. Она

позволяла себе бездумные траты, устраивала попойки, и их с Готфридом чаще всего можно было принять за собутыльников, а не за супругов. Она очень много колесила по Швеции и нередко ездила за границу, и не знала, что такое чувство ответственности. Конечно, все это сказалось на детях. Мартин родился в сорок восьмом, Харриет – в пятидесятом. Их детство нельзя назвать счастливым. Мать без конца оставляла их на произвол судьбы, а отец стремительно спивался.

В пятьдесят восьмом году мои нервы не выдержали. Готфрид с Изабеллой поселились тогда в Хедестаде – я сделал так, что они переехали сюда. Я не мог больше с этим мириться и решил разомкнуть этот порочный круг. К тому времени Мартин и Харриет были фактически позабыты-позаброшены.

Хенрик Вангер взглянул на часы.

– Те тридцать минут, которые ты мне дал, приближаются к финалу, но скоро я закончу свой рассказ. Ты готов уделить мне еще немного времени?

Микаэль кивнул:

– Конечно.

– Я буду краток. У меня своих детей не было – в отличие от братьев и остальных членов семьи, которые жаждали продолжать род Вангеров. Готфрид с Изабеллой переехали сюда, но их брак уже исчерпал себя. Через год Готфрид перебрался в свою избушку. Он подолгу жил там и возвращался к Изабелле, только когда становилось слишком холодно. А я взял на себя заботы о Мартине и Харриет, и они стали для меня родными детьми. Мартин в юности… Честно говоря, порой я опасался, что он повторит судьбу своего отца. Мартин был безынициативным, замкнутым и угрюмым, хотя иногда мог всех очаровать и заразить своим энтузиазмом. В подростковом возрасте он доставлял окружающим немало хлопот, но когда поступил в университет, исправился. И все-таки Мартин возглавил остатки концерна «Вангер», и на посту генерального директора он попросту незаменим.

– А Харриет? – спросил Микаэль.

– Я берёг Харриет как зеницу ока. Я пытался стать ей опорой в жизни, внушить уверенность в себе. Мы с ней стали самыми близкими людьми. Она стала мне как моя собственная дочь, и я стал ей ближе, чем родители. Харриет была не такой, как все. Она была замкнутой, так же, как и ее брат. В подростковом возрасте она тянулась к вере, и этим разительно отличалась от всех остальных членов нашей семьи. Она была очень одарена и сообразительна. Моральные принципы сочетались в ней с твердостью характера. Уже когда ей исполнилось четырнадцать, я не

сомневался в том, что не ее брат и не окружавшие меня посредственности в лице двоюродных братьев и племянников, а именно она предназначена для того, чтобы в один прекрасный день возглавить концерн «Вангер» – или, по крайней мере, играть в нем ведущую роль.

– Но что же все-таки случилось?

– Наконец-то я могу объяснить тебе истинную причину, почему мне пришло в голову предложить тебе эту работу. Я хотел бы, чтобы ты разузнал, кто из членов моей семьи убил Харриет Вангер и вот уже почти сорок лет пытается довести меня до безумия.

Глава 5
Четверг, 26 декабря

Впервые за то время, пока Хенрик Вангер произносил свой монолог, ему удалось шокировать Микаэля. Блумквисту даже пришлось дважды просить собеседника повторить одно и то же, чтобы убедиться, что он не ослышался. Ни в одном из прочитанных им материалов не было даже намека на то, что в семействе Вангеров было совершено убийство.

– Это случилось двадцать второго сентября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Харриет исполнилось шестнадцать лет, и она только перешла во второй класс гимназии. Та суббота стала самым черным днем в моей жизни. Я перебирал весь ход событий столько раз, что могу по минутам восстановить все, что произошло в тот день. Все, кроме самого главного.

Он махнул рукой.

– Именно здесь, в этом доме, собрались тогда мои родственники – во всяком случае, большинство из них. Совладельцы концерна «Вангер» ежегодно встречались на званом обеде, чтобы обсудить положение дел семьи. Я их просто ненавидел. Эта традиция восходила еще к моему дедушке, и со временем семейные обеды превратились в унылое времяпрепровождение. А в восьмидесятых годах Мартин решил, что все обсуждения, связанные с делами концерна, должны вестись исключительно на заседаниях правления или на собраниях акционеров, и отменил эти обеды. Пожалуй, это самое удачное из всех принятых им решений. Так что уже двадцать лет как наше семейство не устраивает подобных мероприятий.

– Вы сказали, что Харриет убили…

– Не торопи меня, обо всем по порядку. Итак, это была суббота, День детей, и спортивный клуб в Хедестаде устроил праздник – карнавальное шествие для детей. Харриет тоже отправилась в город с одноклассниками, чтобы посмотреть на праздничное шествие. Она вернулась в Хедебю сразу после двух часов дня. А к пяти часам она вместе с остальной молодежью нашей семьи собиралась прийти на обед.

Хенрик Вангер встал и, подойдя к окну, жестом подозвал к себе Микаэля:

– Посмотри туда. Через несколько минут после возвращения Харриет, в четырнадцать пятнадцать, там, на мосту, случилась беда. Водитель по

имени Густав Аронссон, брат крестьянина из Эстергорда – это усадьба на краю острова Хедебю, – заворачивал на мост и столкнулся с автоцистерной, направлявшейся сюда с мазутом. По какой причине произошло лобовое столкновение, так до сих пор и осталось неясным до конца – никаких видимых причин, обзор был стопроцентный. Но оба водителя превысили скорость, и то, что могло бы стать ерундовым дорожно-транспортным происшествием, обернулось катастрофой. Скорее всего, водитель автоцистерны в попытке избежать столкновения инстинктивно резко вывернул руль. Он въехал в перила, и цистерна, завалившись набок, нависла над краем моста. В нее, словно пика, вонзился металлический столб, и из цистерны забил горючий мазут. Густав Аронссон сидел в это время, наглухо заклиненный в своей машине, и орал от страшной боли. Водитель автоцистерны тоже пострадал, однако выбрался наружу самостоятельно.

Хенрик Вангер ненадолго задумался и сел обратно.

– Но Харриет это несчастье обошло стороной. Хотя оно и сыграло крайне важную роль. Когда подоспевшая публика начала помогать пострадавшим, возник страшный кавардак. Угроза пожара была неминуема, и людей охватила паника. Начали прибывать полиция, «Скорая помощь», служба спасения, пожарные, пресса и просто зеваки. Разумеется, все собрались с материковой стороны. А здесь, со стороны острова, мы пытались извлечь Аронссона из покореженной машины, но это оказалось дьявольски тяжело. Его накрепко зажало, и он получил серьезные ранения.

Мы пытались вытащить его своими силами, но бесполезно – кабину следовало разрезать или распилить. Однако подобные действия были исключены, – мы находились посреди огромной лужи мазута, рядом с перевернутой цистерной. Если бы вспыхнула хоть одна искра и цистерна взорвалась, все погибли бы. А еще учти, помощь с материковой стороны подоспела не скоро: ведь грузовик перекрыл мост, а перелезать через цистерну – все равно что прыгать через бомбу.

Микаэля не оставляло ощущение, что рассказ Вангера отрепетирован и что он хочет его заинтриговать. Однако журналист не мог не признать, что Хенрик – великолепный рассказчик и может увлечь кого угодно. И он все еще не имел ни малейшего представления о том, чем эта история может закончиться.

– Следует подчеркнуть, что следующие сутки после аварии мост был закрыт. Только к вечеру воскресенья удалось откачать разлитое топливо, отогнать автоцистерну и возобновить движение на мосту. На протяжении почти двадцати четырех часов остров Хедебю был фактически отрезан от

внешнего мира. Перебраться на материк можно было только на пожарном катере, который спустили на воду, чтобы перевозить людей от лодочной пристани на этой стороне в старую рыболовецкую гавань возле церкви. Несколько часов катер использовали только спасатели. А частных лиц начали перевозить лишь в субботу, поздно вечером. Понимаешь, что это значит?

Микаэль кивнул.

– Вероятно, то, что случилось с Харриет, произошло именно здесь, на острове. Круг подозреваемых ограничивается теми, кто находился тут. Так что предстоит разгадать тайну запертой комнаты. Только вместо комнаты будет остров…

Хенрик Вангер усмехнулся.

– Микаэль, ты даже не представляешь себе, насколько ты прав. Я тоже читал романы Дороти Сэйерс[52]. Но ближе к фактам. Итак, Харриет прибыла сюда, на остров, примерно в десять минут третьего. Всего в этот день сюда приехали около сорока гостей, включая детей и неофициальных жен и мужей. Вместе с персоналом и постоянными жителями здесь или поблизости от усадьбы находились шестьдесят четыре человека. И некоторые из них устраивались в близлежащих домах или гостевых комнатах, чтобы переночевать.

Некогда Харриет жила в доме через дорогу, но, как я уже говорил, ее родители, Готфрид и Изабелла, вели беспорядочный образ жизни. Я не мог видеть, как она страдает. Харриет не могла нормально учиться, и в шестьдесят четвертом году, когда ей исполнилось четырнадцать лет, я разрешил ей переехать ко мне, в этот дом. Изабелла сразу сняла с себя всякую ответственность за свою дочь. Харриет поселилась в комнате наверху, где и обитала последние два года. Так что именно сюда она и пришла в тот день. Мы знаем, что Харриет встретилась с Харальдом Вангером – одним из моих старших братьев – и обменялась с ним парой фраз. Потом поднялась сюда, в мой кабинет, поздоровалась и сказала, что хочет со мною поговорить. В тот момент у меня сидели другие члены семьи, и я не мог уделить ей внимание. Однако для нее этот разговор был явно очень важен, и я пообещал позже зайти к ней. Она кивнула и вышла через эту дверь. С тех пор я ее больше не видел. Буквально через минуту на мосту раздался грохот, и в связи с этим несчастьем пришлось отменить все наши планы.

– Но как же она погибла?

– Не спеши. Все гораздо сложнее, чем тебе кажется, и мне необходимо придерживаться хронологического порядка. Когда столкнулись машины,

все побросали свои дела и кинулись к месту происшествия. Я решил взять руководство на себя и все последующее время был очень занят. Мы знаем, что Харриет тоже спускалась к мосту – ее там видели, – но из-за опасности взрыва я велел всем, кто не участвовал в извлечении Аронссона из разбитой машины, уходить. Так что на месте катастрофы нас осталось пятеро: я и мой брат Харальд, Магнус Нильссон – дворник из моей усадьбы, рабочий с лесопилки Сикстен Нурдландер, владелец дома возле рыболовецкой гавани, и парнишка по имени Йеркер Аронссон. Ему было всего шестнадцать, и мне следовало бы отправить его домой, но он приходился застрявшему в машине племянником и, словно кстати, направлялся в это время в город, поэтому на своем велосипеде оказался у места происшествия буквально через минуту.

Приблизительно в четырнадцать сорок Харриет находилась на кухне у нас в доме. Она выпила стакан молока и обменялась несколькими репликами с кухаркой Астрид. Из окна они обе наблюдали за хаосом на мосту.

В четырнадцать пятьдесят пять Харриет вышла со двора. Ее видела ее мать, Изабелла, но они не обменялись ни единым словом. Через несколько минут ей повстречался Отто Фальк, бывший пастором церкви Хедебю. Его усадьба тогда находилась на том месте, где сейчас расположена вилла Мартина Вангера, так что пастор жил по эту сторону моста. Фальк был простужен и в момент аварии спал у себя дома. Так что он не был свидетелем самой драмы, но его разбудил шум, и он как раз направлялся к мосту. Харриет поприветствовала его и хотела поговорить с ним, но он даже не остановился и поспешил дальше. Отто Фальк оказался последним, кто видел ее живой.

– Но как она погибла? – повторил Микаэль.

– Не знаю, – ответил Хенрик Вангер.

Он выглядел измученным.

– Только около пяти часов мы смогли извлечь Аронссона из машины; он, кстати, выжил, хотя и был сильно изувечен. А вскоре после шести мы решили, что опасность пожара миновала. Остров был по-прежнему изолирован от остального мира, но все вроде бы успокоились. Однако когда около восьми часов вечера мы сели наконец поесть, то обнаружилось, что Харриет пропала. Я послал одну из ее двоюродных сестер к ней в комнату, но та вернулась и сказала, что ее там нет. Меня тогда это не насторожило. Я решил, что она пошла прогуляться или что просто не в курсе, что мы сели пообедать. Вечером я выяснял отношения с семьей. И только на следующий день, когда Изабелла пыталась разыскать Харриет, до нас вдруг

дошло, что никто из нас понятия не имеет, где она, и что со вчерашнего дня ее никто не видел… – Он развел руками. – В тот день Харриет Вангер бесследно исчезла.

– Исчезла? – повторил Микаэль.

– За все эти годы нам так и не удалось напасть на ее след.

– Но если она пропала, то почему вы утверждаете, что ее убили?

– Согласен с тобой. Я тоже так думал. Когда человек бесследно исчезает, есть четыре варианта. Он может убежать и скрываться. Он может стать жертвой несчастного случая и погибнуть. Он может совершить самоубийство. И, наконец, он может стать жертвой преступления. Я рассматривал все эти варианты.

– Но почему вы так уверены в том, что кто-то убил ее?

– Потому, что это – единственно возможный из всех вариантов.

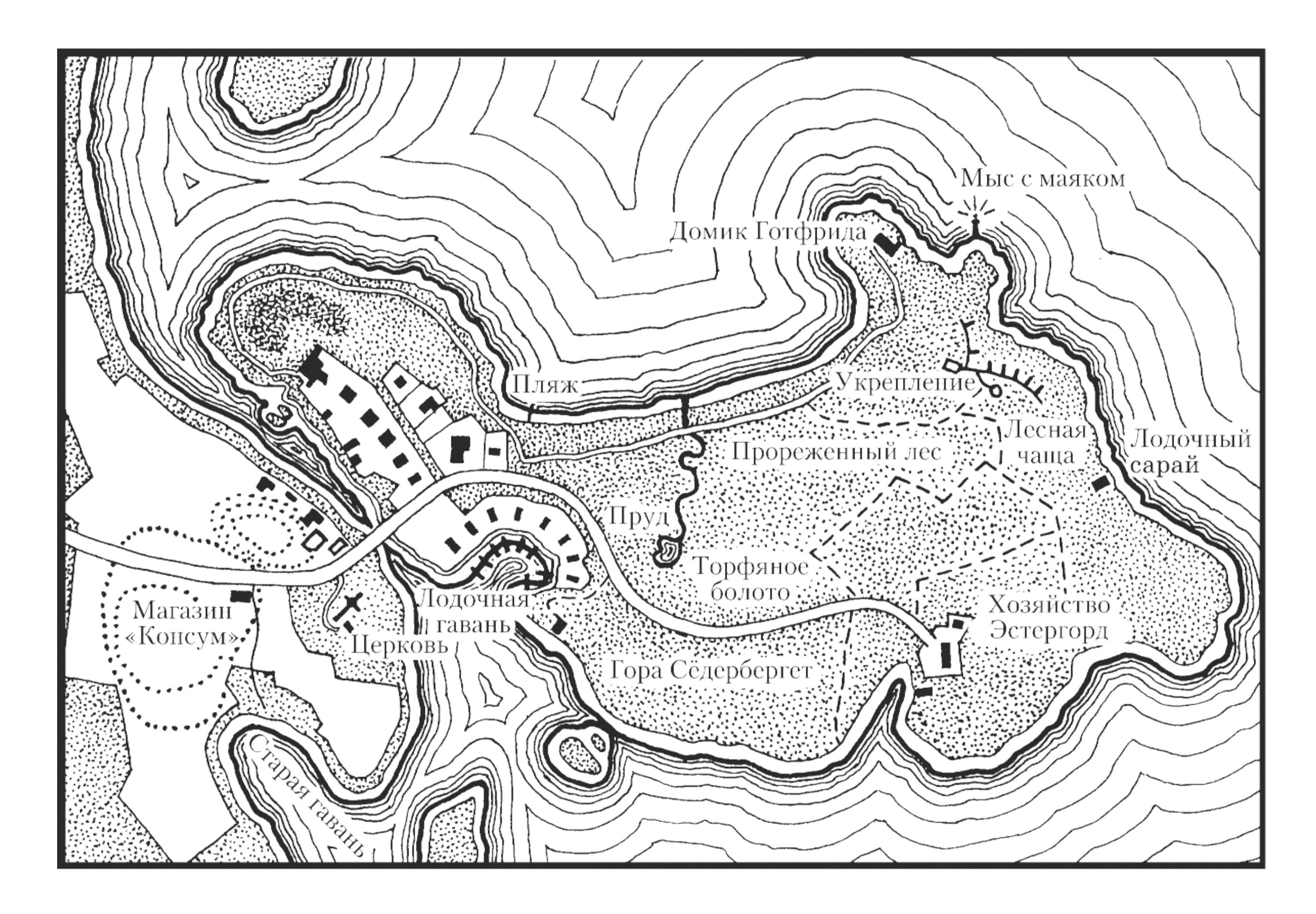
Хенрик поднял палец.

– В самом начале я еще мог надеяться, что она сбежала. Но время шло, и мы все больше убеждались в том, что это не так. Подумай сам, разве смогла бы шестнадцатилетняя девушка из весьма благополучной семьи, пусть даже и очень решительная и предприимчивая, самостоятельно справиться с подобной ситуацией, да еще и скрываться так, чтобы ее не обнаружили? Ведь ей понадобились бы деньги, а откуда она могла бы их взять? Потом, если бы ее даже куда-нибудь приняли бы на работу, то ей пришлось бы заполнить налоговую декларацию и указать какой-нибудь адрес. Понимаешь?..

Теперь он уже поднял два пальца.

– Конечно, я не исключал, что с ней мог произойти несчастный случай… Окажи мне услугу – подойди, пожалуйста, к письменному столу и открой верхний ящик. Там лежит карта.

Микаэль вытащил карту и развернул ее на сервировочном столике. Остров Хедебю имел территорию неправильной формы, был вытянут на три километра в длину, а в самом широком месте едва достигал полутора километров. Бóльшую часть острова занимал лес. Здания располагались ближе к мосту и вокруг маленькой лодочной пристани. А на дальней стороне острова имелось только одно хозяйство, Эстергорд. Именно отсюда и отправился на машине бедняга Аронссон.



– Имей в виду, что она не могла бы покинуть остров, – заметил Хенрик Вангер. – Здесь, на Хедебю, как и в любом другом месте, может случиться все. В человека может ударить молния… впрочем, в тот роковой день грозы не было. Можно попасть под лошадь, свалиться в колодец или провалиться в расщелину. Существуют сотни самых разных злосчастий. Я уже чего только не передумал…

Он поднял третий палец:

– Я даже размышлял над третьим вариантом, в конце концов, она могла бы и покончить с собой. Но тогда где-нибудь на этой обозримой территории мы обязательно обнаружили бы ее тело.

Хенрик Вангер стукнул рукой по карте.

– После ее исчезновения мы сутками прочесывали весь остров. Обошли его весь, вдоль и поперек. Обследовали каждый ручеек, каждый клочок пашни, горной расщелины и бурелома. Проверили каждое здание, каждую дымовую трубу, каждый колодец, каждый сарай и каждый чердак.

Хенрик Вангер перевел взгляд с Микаэля и теперь всматривался в темень за окном. Его голос стал тише – и звучал более задушевно:

– Я искал ее всю осень… Даже после того, как все остальные

отчаялись и перестали исследовать остров. Когда выпадала свободная минутка, я бродил по острову взад и вперед. Но прошла осень, наступила зима, а я так и не обнаружил ее следы. Весной я вновь принялся за поиски, хотя и понимал, что все бесполезно. А летом я нанял троих опытных лесников, которые еще раз все обследовали со специально обученными собаками. Они систематически прошерстили каждую пядь острова. К тому времени я уже начал подозревать убийство, так что лесники искали место, где ее зарыли. Они искали три месяца. Но никаких следов, ни единой зацепки – Харриет исчезла бесследно, словно растворилась в воздухе.

– Но есть и другие варианты, – предположил Микаэль.

– Я весь внимание.

– Она могла бы утонуть… Или утопиться. Здесь, на острове, вода может многое утаить.

– Согласен. Но все же это не слишком вероятно. Ведь если Харриет утонула, то наверняка это произошло бы где-то близко от селения. Имей в виду, что переполох на мосту стал главной драмой Хедебю за несколько десятилетий. А всякая любопытная девушка шестнадцати лет вряд ли при этом отправится бродить на другой стороне острова… Но важно и другое. Течение здесь умеренное, а ветер в это время года дует северный или северо-восточный. Если что-нибудь или кто-нибудь попадает в воду, то позже обязательно всплывет где-нибудь у материка, а там почти везде стоят дома. Конечно, мы анализировали и такую возможность… И, естественно, обследовали все места, где она могла бы утонуть. Я нанял молодежь из клуба дайверов здесь, на Хедестаде. Целое лето тщательно обыскивали дно пролива и ныряли вдоль берега… И ничего не нашли. Я абсолютно убежден, что в воде ее нет, иначе бы мы ее отыскали.

– Но ведь несчастье с ней могло случиться и в другом месте? Мост, конечно, оцепили, но до материка было рукой подать. Она могла добраться туда вплавь или воспользоваться лодкой.

– Был конец сентября, и вода настолько остыла, что Харриет вряд ли отправилась бы купаться, тем более когда поднялся такой невероятный переполох. А если она, вопреки логике, рискнула бы доплыть до материка, ее обязательно заметили бы и подняли тревогу. На мосту находились сотни любопытных глаз, да и на материке вдоль воды стояли две-три сотни людей; они наблюдали за трагедией и ждали развязки.

– А что, если она добиралась на материк на лодке?

– Исключено. В тот день на острове было ровно тринадцать лодок. Большинство прогулочных суденышек уже извлекли на берег. В старой лодочной гавани на воде оставались лишь два катера. Были еще семь

плоскодонок, пять из которых уже лежали на берегу. Еще две плоскодонки под пасторской усадьбой – одна на суше, другая на воде. А дальше у Эстергорда находились еще одна моторная лодка и плоскодонка. Все эти лодки проверили, и они оказались на месте. Если бы Харриет переплыла на лодке на материк, то оставила бы там одну из этих лодок.

Хенрик Вангер поднял четвертый палец:

– Таким образом, остается только одна возможность: Харриет исчезла не по своей воле. Кто-то убил ее и избавился от трупа.

Второй день Рождества Лисбет Саландер посвятила чтению весьма спорной книги Микаэля Блумквиста об экономической журналистике. Книга называлась «Тамплиеры», состояла из двухсот десяти страниц и имела подзаголовок «Повторение пройденного для бизнес-журналистов». Обложку, оформленную Кристером Мальмом, украшала фотография Стокгольмской биржи. Кристер Мальм использовал фотошоп, и до зрителя не сразу доходило, что здание биржи зависло в воздухе, а фундамента у него попросту нет. Эта обложка сразу задавала тон повествованию.

Саландер сразу отметила, что Блумквист – непревзойденный стилист. Он излагал материал доступно и увлекательно, и даже не посвященный в тонкости экономической журналистики читатель мог многое почерпнуть для себя. Тон книги был язвительным и не лишенным сарказма, но прежде всего убедительным.

Уже в первой главе автор объявлял войну своим коллегам, без гламура и сантиментов. За последние двадцать лет шведские журналисты, специализирующиеся на бизнесе и экономике, постепенно превратились в группу сервильных некомпетентных мальчиков на побегушках; они явно страдали завышенной самооценкой, поверили в собственное величие и утратили способность к критическому мышлению. Автор утверждал, что большинство из них просто цитировали директоров предприятий и биржевых спекулянтов и не протестовали, даже когда им сообщали заведомо ложные сведения. Все эти репортеры либо столь наивны, что встает вопрос об их профпригодности, либо – что значительно хуже – сознательно пренебрегают долгом журналиста беспристрастно изучать материалы и предоставлять общественности правдивую информацию.

Блумквист утверждал, что часто испытывает чувство стыда, когда его называют бизнес-журналистом или экономическим обозревателем, потому что при этом его приравнивают к людям, которых он вообще отказывается причислять к категории журналистов.

Он сравнивал работу «экономических обозревателей» с работой

уголовных хроникеров или международников. Подумать только, писал он, какой разразился бы скандал, если бы уголовный хроникер из ведущей дневной газеты во время, например, процесса по обвинению в убийстве стал бы пересказывать полученные от прокурора сведения и выдавать их за истину в последней инстанции. При этом он не получил бы информацию у стороны защиты, не побеседовал бы с семьей жертвы и не составил бы представления о том, что справедливо, а что нет… Блумквист полагал, что и в области экономической журналистики необходимо следовать тем же правилам.

Он приводил доказательства, призванные подтвердить эти тезисы. В развернутой главе журналист анализировал репортажи об известной IT-компании, напечатанные в шести ведущих дневных газетах, а также в «Финанстиднинген» и «Дагенс индустри». Он использовал также блоки экономических новостей на телевидении. Вначале Блумквист цитировал и обобщал высказывания журналистов, а затем сравнивал с реальной картиной, с тем, как ситуация выглядела на самом деле. Он интересовался, почему все эти солидные журналисты так и не задали самые элементарные вопросы.

В другой главе журналист излагал историю распространения акций компании «Телия» – это была самая ироничная глава книги. Он поименно назвал нескольких своих коллег, пишущих об экономике. Среди них был некий Уильям Борг, на которого Микаэль, похоже, затаил особую обиду. И публично разнес его.

В одной из последних глав он сравнивал уровень компетентности шведских и зарубежных экономических обозревателей. Блумквист анализировал, как серьезные журналисты из «Файнэншл таймс», из журнала «Экономист» и нескольких немецких экономических изданий комментировали аналогичные темы. Шведские журналисты явно проигрывали этот раунд.

В заключительной главе автор предлагал собственные рецепты преодоления этого кризиса. Выводы возвращали читателя к предисловию:

> Ни один парламентский репортер не мог бы позволить себе такое: одобрять каждое принятое решение, каким бы неоправданным оно ни было. Или, допустим: политический журналист избегает оценки ситуации. Таких репортеров с треском выгнали бы или, по крайней мере, перевели бы в отдел, где они не смогли бы причинить большого вреда. Однако в мире экономических обозревателей стандартные правила работы

журналистов – критически оценивать ситуацию и объективно доводить полученные сведения до читателя – не действуют. Напротив, здесь принято прославлять самых удачливых мошенников. Все это подрывает остатки доверия к профессиональным журналистам и создает нелицеприятный имидж Швеции будущего.

Словом, Блумквист предъявлял своим коллегам по цеху серьезные обвинения. Причем он издевался и ерничал, и Лисбет стало ясно, почему книга Микаэля Блумквиста вызвала негодование и шквал возмущения, – и в профессиональном издании «Журналист», и в некоторых экономических журналах, а также в передовицах дневных газет. Несмотря на то что в книге были названы поименно лишь несколько человек, Лисбет Саландер понимала, что клан экономических обозревателей сам по себе довольно узок, и все прекрасно понимают, чьи именно газетные статьи цитировались. Так или иначе, Блумквист умудрился нажить себе злейших врагов. Именно поэтому решение суда по делу Веннерстрёма не обошлось без ехидных комментариев.

Лисбет закрыла книгу и взглянула на фото автора на задней стороне обложки. Микаэль Блумквист был снят в полупрофиль. Русая челка небрежно падала на лоб. Создавалось впечатление, что непосредственно перед тем, как фотограф нажал на кнопку, подул ветер. Или, скорее всего, фотограф Кристер Мальм специально избрал для него такой имидж. Блумквист смотрел в камеру с ироничной мальчишеской улыбкой, и лицо его казалось очень привлекательным.

«А он очень даже хорош собой, – отметила про себя Лисбет. – Надо же, и ему предстоит провести три месяца в тюрьме…»

– Ну что ж, Калле Блумквист, – произнесла она вслух. – А ты ведь довольно высокомерен, не так ли?

Ближе к обеду Лисбет Саландер включила свой лэптоп и запустила почтовую программу «Эудора». Она набрала всего одну строчку:

У тебя есть время?

Лисбет подписалась «Оса» и отправила письмо на адрес *Plague_xyz_666@hotmail.com*[53]. На всякий случай она прогнала свое сообщение через программу шифровки PGP.

Затем Саландер натянула черные джинсы, тяжелые зимние ботинки,

теплый свитер, темную короткую куртку, а также перчатки, шапочку и светло-желтый шарф. Затем извлекла кольца из бровей и носа, накрасила губы помадой розового цвета и глянула на себя в зеркало. Теперь она напоминала праздную барышню. Лисбет сочла, что удачно придумала с камуфляжем – теперь можно легко просочиться в тыл врага.

Доехав на метро от станции «Синкенсдамм» до станции «Эстермальмсторг», Лисбет вышла из подземки и двинулась по направлению к Страндвэген. Она шла по аллее, глядя на номера домов. Дойдя до моста, ведущего на остров Юргорден, остановилась и посмотрела на подъезд, который был ей нужен. Затем перешла улицу и замерла в нескольких метрах от двери.

Лисбет обратила внимание, что в этот холодный день после рождественских праздников прохожие гуляли по набережной, и лишь немногие шагали по тротуару возле домов.

Она набралась терпения и прождала почти полчаса, пока со стороны Юргордена не появилась пожилая дама с тростью, которая остановилась и с подозрением уставилась на Саландер. Та приветливо улыбнулась и поздоровалась, кивнув ей как старой знакомой. Дама с тростью поприветствовала ее в ответ, пытаясь вспомнить, откуда она знает эту девицу. Лисбет повернулась спиной и на несколько шагов отдалилась от подъезда, сделав вид, что кого-то поджидает и с нетерпением бродит туда-сюда. Когда она обернулась, дама с тростью уже подошла к двери и теперь набирала номер кодового замка. Саландер без труда запомнила его: 1260.

Лисбет подождала пять минут и только потом подошла к дверям. Когда она набрала пароль, замок щелкнул. Саландер открыла дверь, вошла и огляделась у лестничного пролета. У самого входа висела камера наблюдения. Взглянув на нее, девушка поняла, что можно не опасаться: камера, обслуживаемая «Милтон секьюрити», включалась автоматически только после того, как при взломе квартиры в охраняемом здании срабатывала сигнализация. В глубине, слева от допотопного лифта, имелась еще одна дверь с кодовым замком. Лисбет Саландер на всякий случай набрала те же цифры «1260» и убедилась, что та же самая комбинация годится для входа и в подвал, и в отсек с мусорными контейнерами.

«Вот это да!» Лисбет возмутило легкомыслие управляющей компании.

После трех минут тщательного осмотра подвала она обнаружила там незапертую прачечную и кладовку для крупногабаритного хлама. Затем Лисбет воспользовалась отмычками, захваченными из «Милтон секьюрити», и открыла дверь, которая вела в помещение, вероятно, предназначенное для собраний жильцов. В глубине подвала находилась

комната для проведения занятий кружков по интересам. Наконец Саландер достигла цели своего визита – маленькой каморки, выполнявшей в доме роль электроподстанции. Она исследовала счетчики, шкаф с пробками и раздаточные коробки, а затем достала цифровой аппарат «Кэнон» размером с сигаретную пачку и трижды сняла то, ради чего пришла сюда.

Уже выходя на улицу, Лисбет на секунду бросила взгляд на доску у лифта и прочла имя жильца с верхнего этажа. *Веннерстрём*.

На улице Саландер почти бегом устремилась к Национальному музею. Она зашла в кафе, чтобы согреться и выпить кофе. А уже почти через полчаса вернулась в Сёдер и зашла к себе в квартиру. За это время Лисбет получила ответ с адреса *Plague_xyz_666@hotmail.com*. Когда она расшифровала текст с помощью PGP, оказалось, что он состоит из одного-единственного числа.

20.

Глава 6
Четверг, 26 декабря

Лимит времени в тридцать минут, который Микаэль Блумквист отвел своему собеседнику, давно был исчерпан. Часы показывали половину пятого, и на первый вечерний поезд он явно опоздал. Хотя, конечно, Микаэль еще мог бы успеть на другой вечерний поезд, который уходил в половине десятого. Стоя у окна, он массировал себе шею и рассматривал освещенный фасад церкви по другую сторону моста.

Хенрик Вангер демонстрировал ему вырезки из местных и центральных газет со статьями о происшествии. Какое-то время оно явно находилось в центре внимания прессы. Еще бы: история исчезновения девушки из семьи известных промышленников – просто находка для репортеров всех мастей. Но поскольку тело так и не обнаружили, а поиски преступника окончились ничем, пресса скоро потеряла интерес к этому событию. А теперь, когда прошло более тридцати шести лет, дело Харриет Вангер и вовсе предали забвению. И неважно, что речь шла о бесследном исчезновении близкой родственницы одного из крупных промышленных магнатов. В статьях, написанных в конце шестидесятых годов, похоже, преобладала версия, согласно которой девушка утонула, а тело ее унесло в море – от подобной трагедии не застрахована ни одна семья на свете.

Микаэль, похоже, вопреки своим первоначальным намерениям, по-настоящему увлекся рассказом Хенрика Вангера, но после того как он взял краткий тайм-аут и посетил туалет, к нему вернулся прежний скептический настрой. Однако Хенрик еще не закончил свой рассказ, а Микаэль обещал дослушать историю до конца.

– А сами-то вы как считаете? Что с ней случилось, по-вашему? – спросил он, когда Вангер вернулся в комнату.

– Обычно здесь жили человек двадцать пять, но в тот день – в связи с семейной встречей – на острове находилось около шестидесяти человек. Из них можно, скажем, исключить двадцать – двадцать пять. И я считаю, что кто-то из тех, кто остался – скорее всего, кто-то из членов нашей семьи, – убил Харриет и спрятал тело.

– Я могу выдвинуть дюжину возражений.

– Хотелось бы услышать.

– Самое главное: если, как вы говорите, поиски велись так упорно и так тщательно, тело обязательно нашли бы, даже если кто-то его спрятал.

– Честно говоря, поиски были еще более масштабными, чем я рассказал. Впервые мне пришло в голову, что Харриет убили, только когда я представил себе несколько ситуаций, как могло исчезнуть ее тело. У меня нет доказательств, но в своих предположениях я опираюсь на хронику реальных событий.

– Поделитесь, пожалуйста.

– Харриет исчезла около трех часов дня. Примерно в два пятьдесят пять ее видел пастор Отто Фальк, который спешил на место аварии. Приблизительно в это же время приехал фотограф из местной газеты, который в последующий час сделал множество снимков. Мы – то есть я и полиция – просмотрели все пленки и убедились, что ни на одном из снимков Харриет нет. Зато все остальные люди, находившиеся здесь, за исключением самых маленьких детей, запечатлены хотя бы на одном кадре.

Хенрик Вангер принес новый альбом и положил его на стол перед Микаэлем.

– Здесь фотографии, сделанные в тот самый день. Первый снимок снят в Хедестаде во время детского шествия тем же фотографом примерно в час пятнадцать дня, и на нем присутствует Харриет.

Фотограф снимал, находясь на втором этаже дома; на снимке была видна улица, по которой только что проехали грузовики с клоунами и девицами в купальных костюмах. На тротуаре столпились зрители.

Хенрик Вангер показал на одну из девушек в толпе.

– Это Харриет. Примерно через два часа она исчезнет, а пока гуляет по городу вместе с одноклассниками. Это ее последняя фотография. Но здесь есть еще один очень любопытный снимок.

Он стал листать дальше. На оставшихся страницах в альбоме разместилось около ста восьмидесяти фотографий с шести пленок, посвященных катастрофе на мосту. После услышанного Микаэлю даже стало немного не по себе, когда он увидел Харриет, зафиксированную на резких черно-белых снимках. Фотограф вполне профессионально запечатлел на снимках возникший хаос. Многие фото изображали то, что происходило рядом с перевернутой автоцистерной. Микаэль сразу узнал жестикулирующего сорокашестилетнего Хенрика Вангера. Он был перепачкан мазутом.

– Это мой брат Харальд.

Хенрик указал на мужчину в пиджаке; тот наклонился вперед и показывал на что-то в разбитой машине, где сидел заблокированный Аронссон.

– Мой брат Харальд не внушает симпатии, но, на мой взгляд, его

можно исключить из списка подозреваемых. Он все время находился на мосту, за исключением нескольких минут, когда ему пришлось сбегать в усадьбу, чтобы переобуться.

Вангер продолжил листать альбом. Снимки были самые разные. Вот автоцистерна. На берег стекаются зеваки. Аронссон зажат в покореженной машине. Панорамные снимки. Крупные планы.

– Взгляни сюда, – сказал Хенрик. – Насколько нам удалось установить, этот снимок сделан приблизительно в пятнадцать сорок или пятнадцать сорок пять, то есть примерно через сорок пять минут после того, как Харриет столкнулась с Отто Фальком. А вот наш дом, среднее окно на втором этаже. Это комната Харриет. На предыдущем снимке окно закрыто. А здесь оно открыто.

– Значит, кто-то в этот момент находился в комнате Харриет?

– Я спрашивал всех. Но никто не признался, что открывал окно.

– Следовательно, либо его открыла сама Харриет – и, значит, в этот момент она была еще жива, – либо вам солгали. Но зачем убийце заходить к ней в комнату и открывать окно? И зачем кому-то понадобилось лгать?

Хенрик Вангер покачал головой. У него не нашлось ответов на эти вопросы.

– Харриет исчезла в пятнадцать ноль-ноль или чуть позже. По этим фотографиям можно вычислить, где в это время находилась публика. Так что я могу снять подозрения с части присутствовавших. И, кстати, по той же причине люди, которые отсутствуют на снимках, должны быть включены в число подозреваемых.

– Но вы так и не ответили на вопрос о том, каким образом, по вашему мнению, могло исчезнуть тело… Думаю, что на него есть вполне рациональный ответ. Наверняка кто-то провернул трюк из набора иллюзионистов.

– На самом деле существуют различные рациональные варианты. Убийца принял решение где-то около пятнадцати ноль-ноль. Он или она вряд ли использовали какое-нибудь оружие – иначе мы, конечно, обнаружили бы следы крови. Я предполагаю, что Харриет задушили. И произошло это здесь, во дворе, за стеной. Это место не видно фотографу, и из дома оно не просматривается. Там есть удобная тропинка, ведущая коротким путем от пасторской усадьбы, где Харриет видели в последний раз, на пути обратно к дому. Сейчас там газон и кое-какая растительность, а в шестидесятые годы была засыпанная гравием площадка под автопарковку. Убийце оставалось только открыть багажник и засунуть туда труп Харриет. Ведь, когда на следующий день мы начали поиски, никто и

не думал, что совершено преступление, – мы сосредоточились на осмотре береговой линии, строений и ближайшего к нам участка леса.

– Значит, багажники никто не проверял…

– А на следующий вечер убийца мог спокойно сесть в свой автомобиль, переехать через мост и перепрятать тело в другом месте.

Микаэль кивнул:

– Прямо под носом у тех, кто искал девушку. В таком случае речь идет об очень хладнокровном ублюдке.

Хенрик Вангер горько усмехнулся.

– Ты даже не представляешь, насколько точно сейчас охарактеризовал многих членов семейства Вангеров.

В шесть часов вечера они продолжали беседовать. Анна приготовила к обеду жареного зайца со смородиновым желе и картошкой. Хенрик Вангер поставил на стол дорогое красное вино. Микаэль по-прежнему вполне мог успеть на последний поезд.

«Пора бы и честь знать», – подумал он.

– Я согласен, вы рассказали леденящую душу историю. Но я никак не понимаю, с какой целью.

– А ведь я уже объяснил. Я должен узнать, какая сволочь убила мою внучатую племянницу. И я рассчитываю на твою помощь.

– Но как я могу вам помочь?

Хенрик Вангер отложил нож и вилку.

– Микаэль, скоро тридцать семь лет, как меня мучает вопрос, что произошло с Харриет. С годами я уделяю ее поискам все больше времени.

Он замолчал, снял очки и стал рассматривать какое-то невидимое пятнышко на линзе. Потом взглянул на Микаэля:

– Если уж быть до конца откровенным, именно из-за исчезновения Харриет я постепенно отказался от своих властных полномочий в концерне. Мне было не по себе. Я знал, что убийца находится где-то рядом. Моя рефлексия и погоня за истиной стали мешать работе. И самое страшное, что с годами эта ноша не стала легче. Скорее, наоборот. Примерно в семидесятом году наступило время, когда я желал лишь одного: чтобы меня оставили в покое. К тому времени Мартин уже стал членом правления, и ему приходилось все больше и больше работать за меня. В семьдесят шестом году я подал в отставку, и Мартин стал генеральным директором. Мое место в правлении остается за мною, но после своего пятидесятилетия я мало что сделал, находясь на нем. За последние тридцать шесть лет не было ни одного дня, чтобы я не

размышлял об исчезновении Харриет. Можешь обвинить меня в том, что я просто-напросто помешан на этом… во всяком случае, так считают большинство моих родственников. Впрочем, так оно и есть, скорее всего.

– Леденящая душу история…

– Более того, это событие сломило меня. И с годами мне становится все сложнее смириться с тем, что случилось. Я сам от себя этого не ожидал. Понимаешь ли ты, что я имею в виду?

– Надеюсь, что понимаю.

– Все, что случилось, не отпускает меня. С годами мое восприятие изменилось. В самом начале я не мог опомниться от горя и скорби. Я хотел найти ее и хотя бы похоронить. Тогда душа Харриет обрела бы покой.

– Но что-то изменилось?

– Теперь для меня, пожалуй, стало важнее найти этого хладнокровного ублюдка. Чем старше я становлюсь, тем больше меня поглощает эта идея – найти и отомстить. Это стало как маниакальное хобби.

– Как хобби?

– Ну да, как хобби. Я умышленно употребляю именно это слово. Даже когда полицейское расследование зашло в тупик, я не смог остановиться. Пытался систематизировать всю информацию, все источники и сведения, какие только оказались доступны, – фотографии, результаты полицейского расследования… Расспросил и записал все показания свидетелей о том, что они делали в тот день… Так что почти половину своей жизни я занимаюсь сбором информации об одном-единственном дне.

– Но вы, надеюсь, понимаете, что за тридцать шесть лет убийца, возможно, и сам давно умер и похоронен?

– Не думаю.

Микаэль поднял брови.

– Давай закончим обед и снова поднимемся наверх. Чтобы завершить эту историю, мне не хватает одной детали. Кстати, самой невероятной.

Лисбет припарковала «Тойоту Королла» с автоматической коробкой передач у железнодорожной станции в Сундбюберге[54]. Она взяла ее в гараже фирмы «Милтон секьюрити». Особого разрешения Саландер не спрашивала, но, опять-таки, Арманский никогда не запрещал ей пользоваться казенным транспортом. «Хочешь не хочешь, придется покупать собственную тачку», – подумала она. Автомобиля у нее не было, но зато был байк – видавший виды «Кавасаки» с двигателем в сто двадцать пять «кубиков», на котором она рассекала летом. А зимой он хранился в подвале.

Лисбет прогулялась до Хёгклинтавеген и позвонила в домофон ровно в шесть часов вечера. Через несколько секунд замок запищал, и она поднялась по лестнице на второй этаж, где на табличке стояла заурядная фамилия: «Свенссон». Саландер понятия не имела, кто такой Свенссон и жил ли когда-нибудь в этой квартире человек с такой фамилией.

– Здоро́во, Чума, – поздоровалась она.

– Оса… Ты приходишь в гости, лишь когда тебе что-то нужно.

Парень, на три года старше Лисбет Саландер, был ростом 189 сантиметров при весе 152 килограмма. Сама она была ростом 154 сантиметра и весила 42 килограмма, так что рядом с Чумой чувствовала себя карлицей. Как всегда, в квартире было темно. Слабый свет от единственной горящей лампочки пробирался в прихожую из спальни, по совместительству рабочего кабинета Чумы. Воздух был спертым.

– Видишь ли, ты никогда не ходишь в душ, поэтому у тебя пахнет, как в клетке с обезьянами. Если когда-нибудь соберешься выбраться наружу, я могу проконсультировать тебя насчет мыла. Продается в «Консуме».

Он натянуто улыбнулся, но ничего не ответил и жестом пригласил ее за собой на кухню. Там Чума уселся за стол. Свет здесь тоже не горел, и помещение освещал лишь уличный фонарь за окном.

– Я имею в виду, что и сама не слишком-то люблю убирать, но когда старые пакеты из-под молока начинают пахнуть трупными червями, я собираю их и выбрасываю.

– Я ведь пенсионер по нетрудоспособности, – сказал Чума, – я социально не адаптирован.

– Именно поэтому государство выделило тебе квартиру – и вычеркнуло из списков. А ты не боишься, что когда-нибудь на тебя пожалуются соседи и вызовут социальную службу? И тогда тебя отправят прямиком в дурку.

– Лучше покажи, что принесла.

Лисбет Саландер расстегнула «молнию» на куртке и вытащила пять тысяч крон.

– Это все, что я могу тебе выделить. Мои личные деньги. Мне не хотелось бы заносить тебя в декларацию о служебных расходах.

– Что нужно?

– Манжетку, о которой ты рассказал мне два месяца назад. Ты собрал ее?

Чума улыбнулся и положил перед ней на стол какую-то вещь.

– Расскажи, как с ней обращаться.

Целый час Лисбет Саландер внимательно слушала. Потом она

апробировала манжетку. Возможно, Чума и относится к социально неприспособленным слоям; но вообще-то он, конечно, гений.

Хенрик Вангер стоял возле письменного стола, в ожидании момента, когда Микаэль снова обратит на него внимание.

Блумквист взглянул на свои наручные часы:

– Вы упоминали о какой-то детали?

Хенрик кивнул.

– Я родился первого ноября. Когда Харриет было восемь лет, она подарила мне картинку – засушенный цветок в простой застекленной рамке.

Вангер обошел вокруг письменного стола и показал на первый цветок – колокольчик. Он был вставлен в рамку не слишком аккуратно.

– Эту первую картинку я получил в подарок в пятьдесят восьмом году.

Он показал на следующую рамку:

– Пятьдесят девятый год – лютик. Шестидесятый год – маргаритка. Такая сложилась традиция. Она готовила картинку летом и держала ее до моего дня рождения. Я всегда вешал их здесь, на стене. В шестьдесят шестом году она исчезла, и традиции вроде как настал конец.

Хенрик умолк и показал на пустое место в ряду картин. Микаэль вдруг почувствовал, как у него шевелятся волосы на затылке. Всю стену занимали засушенные цветы в рамках.

– В шестьдесят седьмом, через год после ее исчезновения, я получил ко дню рождения этот цветок. Фиалку.

– Но как вам его доставили? – спросил потрясенный Микаэль.

– По почте. Он был завернут в подарочную упаковку, в плотном конверте. Его прислали из Стокгольма. Без обратного адреса и без записки.

– Вы хотите сказать… – Микаэль махнул рукой.

– Да-да, именно. К моему дню рождения, каждый год, черт побери! Представляешь себе, каково мое состояние? Ведь все это направлено против меня, словно убийца специально изводит меня. И я не могу избавиться от ощущения, что, возможно, Харриет убили именно потому, что кто-то хотел добраться до меня. Я ни от кого не скрывал, что отношусь к Харриет по-особенному и что она для меня стала родной дочерью.

– Но что я могу для вас сделать? – спросил Микаэль; голос его дрогнул.

Поставив «Короллу» обратно в гараж, расположенный под зданием «Милтон секьюрити», Лисбет Саландер решила заодно зайти в офисный

туалет. Она воспользовалась своим магнитным пропуском и поднялась на лифте сразу на третий этаж, минуя главный вход на втором этаже, где сидели дежурные. После туалета она навестила кофейный автомат, который поставил Драган Арманский, осознав наконец, что Лисбет не станет варить кофе лишь потому, что от нее этого ждут. Затем она зашла к себе в кабинет и повесила кожаную куртку на спинку стула.

Ее кабинетик – размером два на три метра – упирался в стеклянную стену. Интерьер составляли письменный стол с видавшим виды компьютером «Делл», офисный стул, корзина для бумаг, телефон и книжная полка. На полке расположилось несколько телефонных справочников и три чистых блокнота. В двух ящиках письменного стола лежали несколько использованных шариковых ручек, скрепки и блокнот. На окне стоял увядший цветок с коричневыми поблекшими листьями. Лисбет внимательно разглядывала цветок, словно увидела его впервые, а потом схватила его и швырнула в корзину для бумаг.

Свой кабинет она посещала редко, не больше шести раз в год, и то в основном когда ей требовалось посидеть в одиночестве и доработать какой-нибудь отчет непосредственно перед тем, как его сдавать. Драган Арманский настаивал на том, чтобы обеспечить ее собственным рабочим местом. Ему казалось, что тогда она будет чувствовать себя частью команды, даже если у нее статус фрилансера. А сама Лисбет подозревала, что Арманский рассчитывал получить таким образом возможность наблюдать за ней и лезть в ее личные дела. Сперва ей выделили комнату побольше и подальше по коридору – правда, этот кабинет она должна была делить с коллегой. Но поскольку Лисбет там никогда не появлялась, начальник в конце концов распорядился перевести ее в эту каморку.

Лисбет Саландер вытащила манжетку, полученную от Чумы, положила перед собой на стол и принялась ее разглядывать, закусив губу и размышляя. Дело шло к полуночи, и она была одна на всем этаже. Ей вдруг стало очень скучно.

Спустя какое-то время она встала, дошла до конца коридора и подергала дверь в кабинет Арманского. Та оказалась запертой. Лисбет огляделась. Конечно же, вряд ли кто-нибудь появится в коридоре в полночь на второй день Рождества. Саландер отперла дверь копией главного ключа, который предусмотрительно сделала для себя несколько лет назад.

В просторном кабинете Арманского, кроме письменного стола и кресел для посетителей, в углу стоял стол для конференций, за которым умещались восемь человек. Здесь все сложено очень аккуратно. Лисбет уже давно не рылась в бумагах Арманского, но раз уж она все равно зашла в его

офис…

Она провела у его письменного стола примерно час и за это время разжилась сведениями об охоте на типа, которого подозревали в промышленном шпионаже. А также узнала о том, что кто-то из ее коллег в строжайшей тайне внедрился на предприятие, где шуровала банда воров. И о мерах по защите клиентки, боявшейся похищения своих детей их собственным отцом.

Наконец Саландер аккуратно вернула все бумаги на место, разложила их так, как они и лежали, закрыла кабинет и отправилась пешком домой на Лундагатан. Она была вполне довольна собой.

Микаэль Блумквист снова покачал головой. Хенрик Вангер, сидя за письменным столом, спокойно наблюдал за ним, словно уже подготовился к любым его возражениям.

– Я не знаю, докопаемся ли мы когда-нибудь до истины, но я не хочу отправиться в могилу, не предприняв последней попытки, – сказал Хенрик Вангер. – Я хочу нанять тебя только для того, чтобы ты еще раз проанализировал все материалы.

– Сдается мне, зря вы все это затеяли, – подытожил Микаэль.

– Почему?

– Я уже немало выслушал. Хенрик, я очень сочувствую вашему горю, но давайте будем откровенны… Фактически вы склоняете меня к пустой трате времени и денег. Вы просите, чтобы я каким-то чудом разгадал загадку, над которой не один год бились уголовная полиция и профессиональные следователи, у которых было куда больше полномочий и возможностей. Вы просите меня раскрыть преступление почти сорокалетней давности. Как я могу это сделать?

– Мы еще не обсуждали твою ставку, – произнес Хенрик Вангер.

– Но это и не требуется.

– Конечно, я не могу тебя заставить, если ты категорически отказываешься. Но послушай, что я предлагаю… Дирк Фруде уже составил контракт. Мы можем обсудить подробности, но там все просто, и не хватает лишь твоей подписи.

– Хенрик, это не имеет смысла. Я не смогу раскрыть тайну исчезновения Харриет.

– Согласно контракту, я и не требую этого от тебя. Я лишь хочу, чтобы ты приложил к этому максимум усилий. Если у тебя не получится, значит, это не угодно Богу. Или, если ты в Него не веришь, – не судьба.

Микаэль вздохнул. Он чувствовал себя не в своей тарелке и хотел

поскорее уехать из Хедебю, но все-таки уступил.

– Так что я, по-вашему, должен делать?

– Я хочу, чтобы ты в течение года жил и работал здесь, в Хедебю. Я хочу, чтобы ты изучил все досье по исчезновению Харриет, документ за документом, чтобы ты на все взглянул свежим незамыленным глазом. Я хочу, чтобы ты подверг сомнению все прежде сделанные выводы, как настоящий журналист из отдела расследований. Я хочу, чтобы ты искал то, что упустили остальные – и я, и полиция, и все, кто занимался расследованием.

– Вы просите меня забыть о моей жизни и о карьере и целый год посвятить бесплодным безрезультатным изысканиям?

Хенрик Вангер улыбнулся.

– Мне показалось, что сейчас твоя карьера не на самом пике.

Микаэль даже не стал парировать.

– Я хочу заплатить тебе за год твоей жизни и твоей работы. Я назначаю тебе зарплату, которая будет выше, чем ты когда-либо рассчитывал получить. Я буду платить тебе по двести тысяч крон в месяц. Итого ты получишь два миллиона четыреста тысяч крон, если согласишься и останешься здесь на год.

Микаэль сидел, не зная, что сказать.

– У меня нет никаких иллюзий. Я знаю, что шансы что-либо разузнать минимальны. Но если тебе, вопреки ожиданиям, удастся решить эту головоломку, я выплачу тебе в качестве бонуса двойное вознаграждение, то есть четыре миллиона восемьсот тысяч крон. Впрочем, не будем мелочными и округлим до пяти миллионов.

Хенрик Вангер откинулся на спинку кресла и склонил голову набок.

– Я могу перевести деньги на любой указанный тобой банковский счет, в любую точку мира. Ты можешь также получать деньги наличными, в сумке, и сам решать, вносить их в налоговую декларацию или нет.

– Но ведь это же сумасбродство, – сказал Микаэль.

– Почему?

Хенрик Вангер казался спокойным.

– Мне за восемьдесят лет, но я по-прежнему пребываю в здравом уме и трезвой памяти. У меня колоссальный личный капитал, которым я распоряжаюсь самостоятельно. Детей у меня нет. И нет также ни малейшего желания дарить деньги родственникам, которых я ненавижу. Я уже составил завещание, согласно которому основная часть моих средств перейдет Всемирному фонду дикой природы. Приличные суммы получат и несколько близких мне людей, в частности, Анна, которую ты уже знаешь.

Блумквист покачал головой.

– Я хотел бы, чтобы ты меня понял. Я стар и скоро отойду в мир иной. На свете мне нужно только одно – получить ответ на вопрос, который не дает мне покоя уже почти четыре десятилетия. Не уверен, что смогу разгадать эту тайну, но, во всяком случае, мое личное состояние позволяет мне хотя бы предпринять последнюю попытку. Так что ничего особенного, если я решил потратить часть своего состояния во имя этой цели… Я считаю, что это мой долг перед Харриет. И перед самим собой.

– Вы собираетесь заплатить мне несколько миллионов крон просто так, ни за что? Ведь я могу подписать контракт – а потом целый год ни черта не делать.

– А вот и нет. Бездельничать тебе не придется. Напротив, ты будешь работать более усердно, чем всегда.

– Откуда такая уверенность?

– Я могу предложить тебе нечто, чего ты не купишь ни за какие деньги, но хочешь больше всего на свете.

– Что же это?

Глаза Хенрика сузились.

– Ханс Эрик Веннерстрём. Я могу сдать его тебе с потрохами. У меня есть доказательства, что он мошенник. Ведь тридцать пять лет назад он начинал свою карьеру здесь, у меня. Так что я могу преподнести тебе его голову на блюде. Разгадай мою загадку, и твое поражение в суде может обернуться полной победой, самым сенсационным событием года.

Глава 7
Пятница, 3 января

Эрика поставила чашку с кофе на стол и повернулась спиной к Микаэлю. Она стояла в его квартире у окна и созерцала вид Старого города. Третье января, девять часов утра. После новогодних праздников от снега не осталось и следа – его смыло дождем.

– Мне всегда нравились эти виды, – сказала она. – Ради такой квартиры я могла бы покинуть Сальтшёбаден.

– У тебя же есть ключи. Пожалуйста, переезжай сюда из своей привилегированной резервации, – предложил Блумквист.

Он закрыл чемодан и поставил его в холле. Эрика обернулась и разочарованно посмотрела на Микаэля.

– Неужели ты все уже решил? – произнесла она. – Не могу поверить своим глазам: мы – на грани банкротства, а ты пакуешь два чемодана и отправляешься жить к черту на рога.

– В Хедестад. Всего в нескольких часах езды на поезде. Да и уезжаю я не навеки.

– А почему бы тебе не отправиться в Улан-Батор? Неужели ты не понимаешь, что это выглядит так, словно ты сбегаешь, поджав хвост?

– А я именно сбегаю, поджав хвост. К тому же в этом году мне еще предстоит отсидеть в тюрьме.

Свидетелем этой сцены был Кристер Мальм, сидевший тут же, на диване. Ему стало не по себе. Впервые с тех пор, как «Миллениум» появился на свет, Микаэль и Эрика ссорились у него на глазах. Все эти годы они жили и работали душа в душу. Конечно, иногда ссорились не на шутку, но в основном в связи с работой. А потом, когда они устраняли все недоразумения, в обнимку отправлялись в ресторан. Или в постель. Последняя осень и без того выдалась не слишком веселой, а теперь уже казалось, что перед ними разверзлась преисподняя. Кристер Мальм решил, что он присутствует при конце «Миллениума».

– У меня нет выбора, – сказал Микаэль. – Вернее, у *нас* нет выбора.

Он налил себе кофе и опустился на стул за кухонный стол. Эрика покачала головой, села напротив и спросила:

– Кристер, а что думаешь ты?

Кристер Мальм развел руками. Он ждал подобного вопроса и боялся этого мгновения – ведь ему сейчас придется занять какую-то позицию.

Кристер являлся третьим совладельцем издательского дома, но все они знали, что «Миллениум» – это прежде всего Микаэль и Эрика. С Кристером советовались исключительно тогда, когда Микаэль с Эрикой не могли прийти к общему решению.

– По правде, – начал Мальм, – вы оба знаете: мое мнение никакой роли не играет.

Он умолк. Ему нравилось работать над изображениями и создавать графические формы. Кристер никогда не считал себя художником, но знал, что он – дизайнер от бога. А что касается интриг и участия в принятии серьезных решений, то тут он не мастак.

«Похоже, это не просто ссора, – думал Мальм. – Похоже, это разрыв».

Микаэль нарушил молчание:

– Хорошо, я готов еще раз озвучить свою позицию. – Он не отрываясь смотрел на Эрику. – Это не значит, что я покидаю «Миллениум». Мы слишком много работали, чтобы сейчас так запросто все бросить.

– Но ведь ты больше не будешь присутствовать в редакции… Так что нам с Кристером придется вкалывать за троих. Ты хоть понимаешь, что сам себя отправляешь в изгнание?

– Это не самое главное. Эрика, мне нужен тайм-аут. Я выдохся и сейчас ни на что не годен. И, может быть, оплаченный отпуск в Хедестаде – это как раз то, что мне сейчас нужно.

– Но все это просто чистое безумие, Микаэль. Ты мог бы с таким же успехом переквалифицироваться в уфологи.

– Подумаешь… Зато мне заплатят почти два с половиной миллиона, чтобы я целый год просиживал штаны. Впрочем, бездействовать я не собираюсь. И потом… Я проиграл первый раунд против Веннерстрёма; он выиграл и послал меня в нокаут. Второй раунд сейчас в разгаре – он попытается утопить «Миллениум». Ведь он прекрасно понимает, что пока существует журнал, существуют и журналисты, которые знают всю его подноготную.

– Точно подмечено. Я это вижу по ежемесячным падениям доходов от рекламы в последние полгода.

– Именно. Поэтому мне *необходимо* сейчас покинуть редакцию. Я для него – как красная тряпка для быка. Веннерстрём как настоящий параноик. Пока я здесь, он будет нас преследовать. А сейчас нам нужно подготовиться к третьему раунду. Чтобы иметь хотя бы малейший шанс на успех в борьбе против Веннерстрёма, мы должны временно отступить – и разработать совершенно новую стратегию. Нам необходимо найти новое орудие борьбы. Этим я и намерен заниматься весь предстоящий год.

– Я все понимаю, – ответила Эрика. – Но ты можешь взять отпуск. Поезжай за границу, посиди месяцок на испанском побережье. Ты вполне мог бы изучить любовные игры испанок. Расслабься, побудь у себя в Сандхамне, глядя на волны…

– Но так ничего не изменится. И когда я вернусь, Веннерстрём сокрушит «Миллениум». Ведь ты это понимаешь. Только если мы разузнаем о нем что-то, что сможем использовать против него… Это единственное, что может его остановить.

– И ты намерен раздобыть такую информацию в Хедестаде?

– Я просмотрел разные газетные материалы. Веннерстрём работал в концерне «Вангер» с шестьдесят девятого по семьдесят второй год. Он сидел в администрации концерна и отвечал за стратегические инвестиции. А потом как-то очень резко уволился. Так что не исключено, что у Хенрика Вангера на него действительно есть компромат.

– Но если он что-то натворил тридцать лет назад, вряд ли мы сможем доказать это сейчас.

– Хенрик Вангер обещал дать мне интервью и выложить все, что знает. Его не оставляет в покое судьба его исчезнувшей родственницы; похоже, это единственное, что его вообще интересует. И если ему потребуется разоблачить Веннерстрёма, вполне вероятно, что он это сделает. В любом случае мы не можем упустить такой шанс. Вангер – первый человек, кто согласился публично выложить все о Веннерстрёме.

– Даже если ты раздобудешь доказательства того, что девушку задушил Веннерстрём, мы не сможем дать им ход. Слишком много времени прошло, и он размажет нас по стенке во время суда.

– Такая мысль посещала меня. Но, увы, когда она исчезла, он учился в Стокгольмском институте торговли и не имел никакого отношения к концерну «Вангер»… – Микаэль сделал паузу, затем продолжил: – Эрика, я ни за что не оставлю «Миллениум». Но мы обязаны притвориться, будто я его оставил. Вы с Кристером будете продолжать выпускать журнал. Если удастся – если вам представится такая возможность, – заключите мир с Веннерстрёмом. А это получится, только если духу моего не будет поблизости.

– Допустим. Ситуация хуже некуда, но ты едешь в Хедестад. Теперь для тебя это та самая соломинка, за которую ты ухватился.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть идея получше?

Эрика пожала плечами.

– Нам бы следовало сейчас найти новые источники – и информации, и финансирования. Начать все сначала – и на этот раз уже не прогадать.

– Рикки, все это уже в прошлом. Забудь!

Эрика сидела, положив руки на стол и в отчаянии уронив на них голову. Потом она заговорила, стараясь не встречаться с Микаэлем взглядом:

– Я зла на тебя как черт. Не за то, что тебе не следовало публиковать эту статью – в этом есть и моя доля вины. И не за то, что ты оставляешь должность ответственного редактора – в данный момент это верное решение. Я даже согласна разыграть спектакль – словно мы с тобой решили расстаться и разделить наши интересы. Это вполне оправданно, если нам надо заставить Веннерстрёма поверить в то, что я бездарь и полная дебилка, а настоящая угроза исходит от тебя.

Она сделала паузу и внимательно посмотрела ему в глаза:

– Но, по-моему, ты ошибаешься. Нам не удастся сблефовать перед Веннерстрёмом. Он и дальше будет стараться похоронить «Миллениум». Разница лишь в том, что с этого момента мне придется сражаться с ним в одиночку, и ты знаешь, что сейчас ты нужен мне в редакции, как никогда. Что ж, я готова вести войну с Веннерстрёмом. Но я не могу смириться с тем, что ты, капитан, так легко покидаешь корабль. Ты уходишь в самый ответственный момент.

Микаэль погладил ее по голове.

– Ты не одна. У тебя есть Кристер и все остальные.

– Янне Дальман не в счет. Кстати, по-моему, зря мы взяли его на работу в штат. Он вполне компетентен, но неприятностей от него больше, чем пользы. Я не могу на него опереться. Всю осень злословил и злорадствовал. Не знаю, может, он рассчитывал занять твое место… Или у него психологическая несовместимость со всеми остальными сотрудниками редакции…

– Боюсь, что ты права, – сказал Микаэль.

– Но что же мне делать? Вытурить его?

– Эрика, ты – главный редактор и основной владелец «Миллениума». Если нужно его вытурить – давай.

– Но мы еще никого не увольняли, Микке. А теперь ты даже это решение возлагаешь на меня… Представляешь, мне стало тяжело попросту приходить утром в редакцию.

Тут Кристер Мальм внезапно поднялся на ноги:

– Если ты хочешь успеть на поезд, нам надо поторапливаться.

Эрика запротестовала, но он поднял руку:

– Подожди, Эрика. Ты хотела услышать мое мнение. Я считаю, что ситуация у нас просто катастрофическая. Но если дела обстоят так, как

говорит Микаэль, – что он слишком устал от всей этой кутерьмы, – то ему действительно надо ехать. Просто ради самого себя. И мы просто обязаны его отпустить.

Микаэль и Эрика изумленно смотрели на Кристера, а тот смущенно поглядывал на Блумквиста.

– Вы оба знаете, что «Миллениум» – это вы. Я тоже совладелец, и вы всегда были честны со мной. Я очень люблю журнал и все, что с ним связано, но ведь вы запросто могли заменить меня любым другим художником. Однако для вас было важно мое мнение, и вы всегда со мной считались. Что же касается Янне Дальмана, то я солидарен с вами. Если ты, Эрика, хочешь его выставить, я позабочусь об этом. Нужно только все грамотно оформить.

После короткой паузы он продолжил:

– Я согласен с тобой: конечно, жаль, что Микаэль уезжает именно сейчас. Но что поделать: выбора у нас нет. – Посмотрел на Микаэля: – Я отвезу тебя на вокзал. Мы с Эрикой будем держать удар, а потом ты вернешься.

Блумквист задумчиво кивнул.

– Боюсь, Микаэль уже не вернется, – еле слышно произнесла Эрика Бергер.

В два часа дня Драган Арманский позвонил Лисбет Саландер, разбудив ее.

– Что случилось? – сонно спросила она. Во рту у нее стоял привкус смолы.

– Микаэль Блумквист. Я только что говорил о нем с нашим заказчиком, адвокатом Фруде.

– Ну и что?

– Он позвонил и сказал, что нам не нужно продолжать дело Веннерстрёма.

– Не нужно? Но ведь я уже начала этим заниматься.

– Я понимаю, но Фруде в этом больше не заинтересован.

– Неужели?

– Он наш заказчик. Не хочет продолжать – значит, так тому и быть.

– Но мы же договаривались о вознаграждении…

– Сколько времени у тебя ушло на это дело?

Лисбет Саландер задумалась.

– Около трех выходных дней.

– Уговор был о потолке в сорок тысяч крон. Я выставлю ему счет на

десять тысяч. Из них тебе причитается половина, это покроет напрасно потраченные три дня. Ему придется заплатить за свою затею.

– А что мне делать с добытым материалом?

– Там есть что-нибудь по-настоящему серьезное?

Лисбет снова задумалась.

– Да нет, ничего особенного.

– Никакого отчета Фруде не требовал. Пока придержи материал, на всякий пожарный, – вдруг он передумает. А если нет, просто уничтожишь. На следующей неделе я собираюсь поручить тебе новое задание.

И Арманский положил трубку.

Какое-то время Лисбет Саландер сидела с телефоном в руках. Потом вышла в гостиную, подошла к своему рабочему закутку, глянула на записи, приколотые булавками к стене, и на кипу бумаг на письменном столе. Пока что ей удалось раздобыть лишь статьи из газет и интернетные тексты. Лисбет взяла все это и засунула в ящик стола, нахмурив брови.

Все-таки интересно, почему Микаэль Блумквист так бездарно вел себя в суде? Да и вообще, бросать начатые дела Лисбет Саландер не любила.

У каждого есть свои тайны. Нужно только разузнать, какие именно.

Часть 2
Анализ и выводы
3 января – 17 марта

48 процентов женщин Швеции подвергались насилию со стороны кого-либо из мужчин.

Глава 8
Пятница 3 января – воскресенье 5 января

Когда Микаэль Блумквист во второй раз сошел с поезда в Хедестаде, небо было нежно-голубого цвета, а воздух леденил кожу. Согласно термометру на фасаде здания вокзала, мороз достигал минус восемнадцати градусов. Микаэль по-прежнему был обут не по погоде – в тонкие цивильные туфли. Но на сей раз не было никакого адвоката Фруде, ожидающего в теплой машине, поскольку Микаэль сообщил лишь день своего приезда, но не уточнил время. Наверное, до Хедебю можно добраться на каком-нибудь автобусе, но у Блумквиста не было никакого желания таскаться с двумя чемоданами и сумкой через плечо в поисках автобусной остановки. Поэтому он пересек привокзальную площадь и направился к стоянке такси.

Между Рождеством и Новым годом на всем побережье Норрланда выпала масса снега, и, судя по расчищенным дорогам и снежным сугробам на обочинах, уборочные работы в Хедестаде шли вовсю. Когда Микаэль спросил, какая была погода, водитель такси, которого, как следовало из удостоверения на ветровом стекле, звали Хусейном, лишь покачал головой. Затем на исконном норрландском диалекте он поведал, что тут бушевала сильнейшая за многие десятилетия снежная буря, и тоскливо посетовал, что не уехал на Рождество куда-нибудь в Грецию.

Микаэль все время показывал водителю дорогу. Так он добрался на такси до только что убранного двора Хенрика Вангера и, поставив чемоданы на лестнице, проводил взглядом машину, которая наконец удалилась в направлении Хедестада. Он сразу почувствовал себя одиноким и растерянным. Что ж, возможно, Эрика была права, утверждая, что вся эта затея – чистейшее безумие.

Услышав, что позади него открывается дверь, Блумквист обернулся. Хенрик Вангер укутался в толстое кожаное пальто, надел прочные ботинки и шапку-ушанку. Сам Микаэль был в джинсах и тонкой кожаной куртке.

– Если собираешься поселиться в наших краях, тебе придется потеплее одеваться в такое время года.

Они пожали друг другу руки.

– А ты уверен, что не хочешь жить в большом доме? Точно? Тогда, пожалуй, пойдем, поселим тебя в новом месте.

Микаэль кивнул. В беседе с Хенриком Вангером и Дирком Фруде он

потребовал, чтобы его поселили отдельно; чтобы он сам мог вести хозяйство и был полностью независим. Хенрик проводил Микаэля обратно на дорогу; они прошли к мосту и свернули к калитке, за которой оказался расчищенный двор перед небольшим бревенчатым домом, стоящим неподалеку от опоры моста. Дверь была не заперта; Вангер открыл ее и, придержав, впустил Блумквиста. Они вошли в небольшую прихожую, где Микаэль смог облегченно вздохнуть и освободить руки от чемоданов.

– Мы называем этот домик гостевым; в нем обычно останавливаются те, кто приезжает сюда надолго. Кстати, именно здесь ты и твои родители жили в шестьдесят третьем году. Кстати, это одно из самых старых зданий в селении; правда, сейчас его уже модернизировали. Я распорядился, чтобы Гуннар Нильссон – он работает в усадьбе дворником – с утра прогрел его.

Весь дом площадью около пятидесяти квадратных метров состоял из просторной кухни и двух маленьких комнатушек. Кухня занимала добрую половину дома и была вполне современной, с электрической плитой, компактным холодильником и раковиной. Возле стены, отделявшей ее от прихожей, находилась старая железная печка, которую сегодня и протапливали.

– Печку нужно топить только в самые суровые морозы. В прихожей стоит ящик для дров, а за домом расположен дровяной сарай. Дом с осени пустует, и мы с утра протопили его, чтобы прогреть. А вообще-то с этим делом обычно справляются и электрообогреватели. Только смотри, не клади на них одежду, а то может вспыхнуть.

Кивнув, Микаэль огляделся. Окна выходили на три стороны. Если подсесть к кухонному столу, отсюда открывался вид на опору моста метрах в тридцати. На кухне имелось также несколько больших шкафов, стулья, старый диван и полка с журналами; сверху лежал номер журнала «Се» за 1967 год. В углу, рядом с кухонным столом, стоял дополнительный столик, который использовался как письменный.

Входная дверь на кухню находилась по одну сторону от железной печки; по другую сторону две узкие двери вели в комнаты. Правая, ближайшая к наружной стене, представляла собой каморку с маленьким письменным столом, стулом и закрепленным на длинной стене стеллажом. Она использовалась как кабинет. Вторая комната, между прихожей и кабинетом, служила спаленкой. Ее меблировка состояла из двуспальной кровати, трюмо и платяного шкафа. На стенах висело несколько пейзажей. Мебель и обои в доме состарились и выцвели, но в доме приятно пахло чистотой. Кто-то на совесть вымыл полы, не жалея моющих средств. В спальне имелась также боковая дверь, ведущая обратно в прихожую, где

находился туалет с маленьким душем, оборудованный в помещении старого чулана.

– Возможны проблемы с водой, – сказал Хенрик Вангер. – Сегодня утром мы проверяли – водопровод работает, но трубы зарыты неглубоко и, если холода пришли надолго, могут замерзнуть. В прихожей есть ведро. Если будет нужно, придешь за водой к нам.

– Мне потребуется телефон, – сказал Микаэль.

– Я уже позаботился об этом, его установят послезавтра… Ну, как? Если передумаешь, сможешь в любое время перебраться в большой дом.

– Мне здесь все очень нравится, – ответил Микаэль.

Хотя в глубине души он был вовсе не уверен в том, что поступил разумно, решив остановиться в маленьком доме.

– Ну и прекрасно. Еще пару часов будет светло. Хочешь, пройдемся? Я покажу тебе окрестности. Только прими мой совет: надень сапоги и теплые шерстяные носки. Они в прихожей, в шкафу.

Утеплившись, Микаэль решил, что завтра же пробежится по магазинам, где купит теплое нижнее белье и зимнюю обувь.

Вангер начал экскурсию с того, что сообщил Микаэлю: его соседом через дорогу будет помощник Хенрика Гуннар Нильссон. Старик все время называл его «мой дворник», хотя он, как вскоре понял Блумквист, обслуживал все дома острова, да к тому же еще несколько зданий в Хедестаде.

– Его отец – Магнус Нильссон – работал у меня дворником в шестидесятых годах; он один из тех, кто помогал во время аварии на мосту. Магнус еще жив, но давно на пенсии. Он живет в Хедестаде. А в этом доме живут Гуннар с женою Хелен. Их дети уже уехали отсюда.

После короткой паузы Хенрик Вангер снова заговорил:

– Помни, Микаэль: ты находишься здесь, чтобы помогать мне писать автобиографию. Это – официальная версия. Она даст тебе возможность проникать во все темные закоулки и задавать вопросы. Твое истинное поручение останется между тобою, мною и Дирком Фруде. Кроме нас троих, о нем никто не знает.

– Понимаю. Но повторю то, что говорил и раньше: это время и деньги, пущенные на ветер. Я не смогу справиться с этой загадкой.

– Мне лишь нужно, чтобы ты попытался. Однако нам следует держаться осторожно, особенно в присутствии других людей.

– О’кей.

– Гуннару сейчас пятьдесят шесть; стало быть, ему было девятнадцать,

когда пропала Харриет. Есть вопрос, на который я до сих пор не нашел ответа: Харриет с Гуннаром дружили, и мне даже кажется, у них был какой-то детский роман; по крайней мере, он проявлял к ней заметный интерес. Правда, в тот день, когда она исчезла, он находился в Хедестаде, в числе тех, кто остался на материковой стороне, когда перекрыли мост. Из-за их отношений его, разумеется, допрашивали особо дотошно. Конечно, вряд ли ему это понравилось, но полиция проверила его алиби и не обнаружила ничего подозрительного. Целый день Гуннар провел с друзьями и вернулся на остров лишь поздним вечером.

– Думаю, вы располагаете исчерпывающим списком тех, кто находился в этот день на острове… И вы также знаете, чем каждый из них занимался в это время.

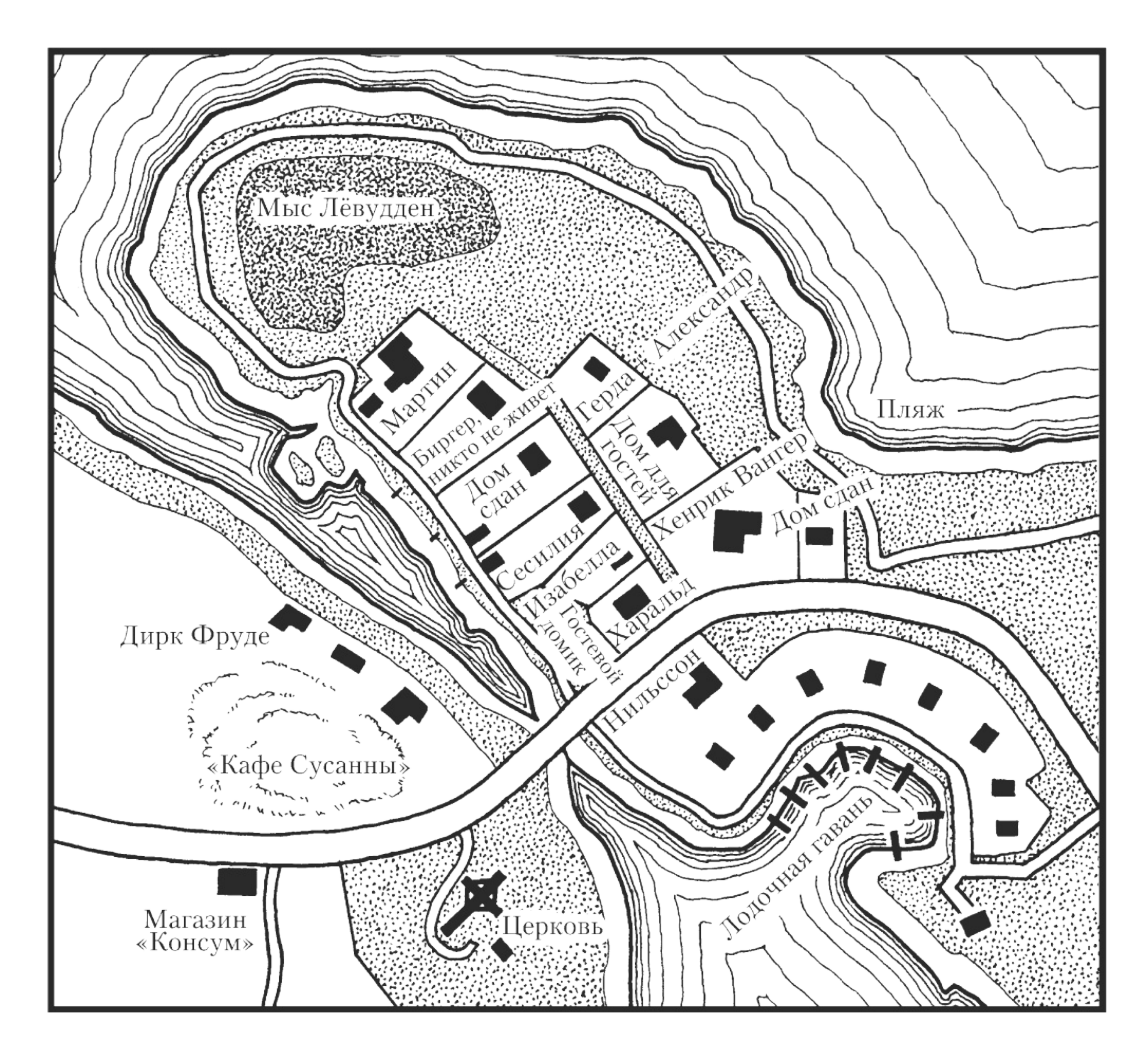
– Ты прав. Ну что, двинемся дальше?

Они остановились у перекрестка, на холме перед усадьбой Вангеров, и Хенрик указал на старую рыбачью гавань.

– Фактически вся земля на острове принадлежит семье Вангеров – вернее, мне, – за исключением хозяйства Эстергорд и нескольких домов в селении. Сараи в рыбачьей гавани относятся к частному сектору, но их используют в качестве летних домиков, а на зиму там почти никто не остается. За исключением самого дальнего дома, – видишь, там из трубы валит дым.

Уже успевший промерзнуть до костей, Микаэль молча кивнул.

– Эту убогую хижину обдувают все ветра, но в ней живут круглый год – а именно Эушен Норман, которому уже семьдесят семь лет, и он считается художником. По-моему, его картины – сплошной китч, хотя он и слывет довольно известным пейзажистом. Такие чудаки, как он, обязательно имеются в каждом селении.



Хенрик Вангер вел Микаэля вдоль дороги в сторону мыса, показывая ему дом за домом. Селение состояло всего из десяти домов – шести на западной стороне дороги и четырех на восточной. Первым и самым ближним к гостевому домику Микаэля и усадьбе Хенрика располагался дом его брата, Харальда. Это четырехугольное двухэтажное каменное здание на первый взгляд казалось необитаемым: занавески на окнах были задернуты, а нерасчищенную тропинку к крыльцу покрывал полуметровый слой снега. Но приглядевшись повнимательнее, можно было заметить чьи-то следы – кто-то явно ходил по снегу между дорогой и входной дверью.

– Харальд у нас отшельник. Мы с ним никогда не могли прийти к согласию. И по поводу концерна всегда ссорились – он ведь совладелец, и вообще практически не разговаривали последние лет шестьдесят. Он

старше меня – ему аж девяносто один, и он единственный из пяти моих братьев, оставшийся в живых. Попозже я расскажу тебе о нем более детально. Харальд выучился на врача и работал в основном в Уппсале. Он переехал обратно в Хедебю, когда ему исполнилось семьдесят лет.

– Я понимаю, вы друг друга не слишком-то жалуете, хоть и обитаете по соседству.

– Я его просто терпеть не могу и предпочел бы, чтобы он оставался в Уппсале, но тем не менее он – владелец этого дома… Что, я рассуждаю как отъявленный негодяй?

– Вы рассуждаете как человек, который не любит своего брата.

– Первые двадцать пять или тридцать лет своей жизни я оправдывал и прощал таких, как Харальд, – ведь все же мы родная кровь. Но с годами я совершил открытие, что родство еще не есть гарантия любви и что у меня нет никаких поводов отвечать за Харальда и его судьбу.

Следующий дом принадлежал Изабелле, матери Харриет Вангер.

– Ей в этом году стукнет семьдесят пять, но она по-прежнему элегантна. И крайне самоуверенна и тщеславна. Кстати, она – единственная из жителей села, кто общается с Харальдом и даже иногда навещает его, хотя их мало что связывает.

– А какие у нее были отношения с Харриет?

– Отличный вопрос, молодец. Мы обязаны включить в круг подозреваемых и женщин. Я уже говорил, что она часто бросала девочку на произвол судьбы. Конечно, я не знаю точно, но думаю, что у нее были благие намерения – и при этом полностью атрофировано чувство ответственности. Они были не слишком близки с Харриет, но и врагами никогда не были. Изабелла может быть грубоватой, а иногда вообще становится сама не своя… Ты поймешь, что я имею в виду, когда встретишься с ней.

По соседству с Изабеллой обитала Сесилия Вангер, дочь Харальда Вангера.

– Раньше она была замужем и жила в Хедестаде, но разошлась с мужем примерно двадцать лет назад. Дом находится в моем владении; я же и предложил ей перебраться сюда. Сесилия – учительница; во многом она полная противоположность своему отцу. Пожалуй, следует добавить, что она тоже общается со своим отцом лишь при крайней необходимости.

– Сколько ей лет?

– Сесилия родилась в сорок шестом; стало быть, ей было двадцать лет, когда исчезла Харриет. Кстати, она была в числе гостей на острове в тот день… – Хенрик задумался. – Сесилия может показаться легковесной в

поведении, но на самом деле она на редкость умна, и не следует ее недооценивать. Пожалуй, она входит в число немногих, кто может догадаться, чем ты на самом деле занимаешься… Что касается меня, то я могу сказать, что она одна из тех родственников, кого я наиболее ценю.

– Это значит, что вы ее не подозреваете?

– Не совсем так… Знаешь, мне хотелось бы, чтобы ты взвешивал все совершенно непредвзято – и независимо от того, что думаю я.

Ближайший к Сесилии дом также принадлежал Хенрику Вангеру, но его арендовала пожилая пара, раньше работавшая в руководстве компании. Они переехали сюда в 1980-х годах, так что не имели никакого отношения к исчезновению Харриет. Следующим был дом Биргера Вангера, брата Сесилии, но с тех пор как хозяин поселился на современной вилле в Хедестаде, он пустовал уже несколько лет.

Большинство жилищ вдоль дороги представляли собой солидные каменные здания, построенные в начале прошлого века. А вот последний дом резко контрастировал со всеми остальными: виллу из белого кирпича с темными простенками между оконными проемами явно соорудил современный архитектор по индивидуальному проекту. Микаэль оценил живописное расположение виллы и отметил, что с верхнего этажа наверняка открывается роскошный вид на море с восточной стороны и на Хедестад – с северной.

– Здесь живет Мартин Вангер, брат Харриет и генеральный директор концерна. Раньше тут был пустырь, и здесь же находилась усадьба пастора, но в семидесятых годах она серьезно пострадала при пожаре, так что Мартин, ставший в семьдесят восьмом генеральным директором, построил тут себе виллу.

В крайнем доме с восточной стороны дороги жили Герда Вангер, вдова Грегера, брата Хенрика, и ее сын Александр Вангер.

– Герда страдает ревматизмом. Александру принадлежит небольшой пакет акций концерна, но у него есть и собственные предприятия, например, рестораны. Обычно он по несколько месяцев находится на Барбадосе, в Вест-Индии. Кстати, там же он вложил часть своих денег в туристический бизнес.

Между домами Герды и Хенрика Вангера расположился участок с двумя маленькими зданиями, которые обычно пустовали и использовались как гостевые домики для разных членов семьи, приезжающих сюда время от времени. По другую сторону от усадьбы Хенрика находился дом, купленный еще одним пенсионером, бывшим сотрудником концерна, но сейчас он пустовал, поскольку хозяин с супругой традиционно проводили

зиму в Испании.

Они вернулись обратно к перекрестку, и экскурсия подошла к концу. Смеркалось. Микаэль нарушил молчание:

– Хенрик, я еще раз повторяю, что этот эксперимент вряд ли даст результаты. Но, разумеется, я буду выполнять работу, на которую вы меня наняли. Я буду писать вашу биографию, а также ради вашего спокойствия критически и как можно более тщательно изучу все материалы о Харриет Вангер. Хочу лишь подчеркнуть: смиритесь с тем, что я не частный детектив, и не возлагайте на меня неоправданных надежд.

– А я ни на что особенное и не надеюсь. Я хочу лишь в последний раз попытаться докопаться до истины.

– Тогда мы сможем друг друга понять.

– Вообще-то я сова, – объяснил Хенрик Вангер, – так что обычно доступен начиная с обеда и далее. Я подготовлю у себя в доме рабочий кабинет, который в любое время будет в твоем распоряжении.

– Спасибо, это лишнее. Кабинета в гостевом домике вполне достаточно, там я и буду работать.

– Как тебе будет удобно.

– Когда мне понадобится поговорить с вами, мы сможем посидеть в вашем кабинете, но я не буду бросаться на вас с расспросами уже сегодня вечером.

– Хорошо.

Хенрик Вангер показался Микаэлю подозрительно покладистым.

– Пару недель я буду читать материалы. Наша с вами работа пойдет в двух направлениях. Будем встречаться на несколько часов в день, чтобы я мог расспрашивать вас и собирать материал для биографии. По мере возникновения у меня вопросов о Харриет, которые потребуют обсуждения, я буду их вам задавать.

– Согласен.

– Работать я буду по свободному графику, без жесткого распорядка.

– Ты вправе сам решать, как тебе будет удобно.

– Вы, думаю, знаете, что мне придется провести в тюрьме три месяца. Не могу сказать точно, когда именно, но обжаловать приговор я не намерен. Следовательно, это случится в течение года.

Хенрик Вангер нахмурился:

– Вот незадача. Но попробуем к тому времени что-нибудь придумать. Ты ведь можешь попросить отсрочку?

– Если к тому времени я уже наберу достаточно материала, то смогу работать над книгой о вашей семье и в тюрьме. Мы решим этот вопрос

позже. Есть еще одно обстоятельство, о котором я хотел бы вас предупредить: я по-прежнему являюсь совладельцем «Миллениума», а журнал сейчас находится в критической ситуации. Если случится что-нибудь, что потребует моего присутствия в Стокгольме, мне придется все приостановить и поехать туда.

– Я не намерен устраивать тут рабский режим. Просто мне надо, чтобы ты как следует вник в то дело, которое я тебе доверил. А распорядок работы, естественно, ты определяешь сам, по собственному разумению. Если тебе понадобится свободное время – пожалуйста. Но если я замечу, что ты манкируешь своими рабочими обязанностями, то сочту это нарушением нашего договора.

Микаэль согласно кивнул.

Хенрик смотрел в сторону моста. Он был худощав, и Блумквисту вдруг пришло в голову сравнение Вангера с грустным огородным пугалом.

– Относительно кризиса «Миллениума» мы еще с тобой поговорим… Возможно, я смогу как-то помочь.

– Конечно! Если вы на самом деле хотите мне помочь, то выдайте мне голову Веннерстрёма на блюде прямо сейчас.

– Ну нет, я не собираюсь этого делать. – Хенрик с осуждением уставился на Микаэля. – Ты взялся за эту работу лишь потому, что я пообещал тебе разоблачить Веннерстрёма. Но если я сделаю это сейчас, ты в любой момент можешь бросить работу. Так что получишь от меня информацию не раньше чем через год.

– Хенрик, извините за прямоту… Но у меня нет полной уверенности в том, что через год вы еще будете живы.

Хенрик Вангер вздохнул и задумчиво посмотрел в сторону рыбачьей гавани.

– Это понятно… Что ж, я поговорю с Дирком Фруде, и мы наверняка что-нибудь придумаем. Не исключено, что я все же смогу помочь с «Миллениумом». Насколько я знаю, рекламодатели покидают журнал…

Микаэль кивнул.

– Да, рекламодатели – это проблема, но вполне решаемая. К сожалению, кризис гораздо глубже. Все дело в доверии публики. Если она перестанет покупать журнал, то какая разница, сколько у нас будет рекламодателей…

– Понимаю. Однако я, хотя и не слишком активен ныне, по-прежнему являюсь членом правления довольно солидного концерна. И нам тоже приходится где-то размещать рекламу… Давай побеседуем об этом позже. Если ты проголодался…

– Нет. Для начала обустроюсь и прогуляюсь до магазина, заодно и осмотрюсь. А завтра сгоняю в Хедестад и закуплюсь зимней одеждой.

– Неплохая идея.

– И мне хотелось бы, чтобы архив с материалами о Харриет переехал ко мне.

– Но имей в виду…

– Я понимаю, не волнуйтесь. Я буду беречь его как зеницу ока.

Микаэль вернулся к себе в домик, стуча зубами от холода. Закрыв за собою дверь, взглянул на уличный термометр за окном. Тот показывал пятнадцать градусов мороза… Не бог весть какой холод, но Микаэль не мог припомнить, чтобы когда-нибудь так промерзал, как после этой двадцатиминутной прогулки.

Ближайшие пару часов он обустраивался в комнатах, которым на следующий год предстояло стать его жильем. Одежду из чемодана развесил и разложил в шкафу спальни, а туалетные принадлежности разложил в ванной. Из второго чемодана на колесиках Блумквист вытащил книги, компакт-диски и CD-проигрыватель, блокноты, маленький диктофон «Саньо», портативный сканер «Микротек» и такой же черно-белый принтер, цифровой фотоаппарат «Минолта» и все прочее, что было ему необходимо в этой добровольной ссылке сроком на год.

Книги и компакт-диски Микаэль разложил на книжной полке в кабинете, рядом с двумя папками, содержавшими досье на Ханса Эрика Веннерстрёма. Никакой особой ценности эти материалы не представляли, но он не мог с ними расстаться. Эти две папки могли бы сыграть значительную роль в его дальнейшей карьере.

В конце он открыл сумку на ремне и выложил на письменный стол лэптоп. Затем осекся и огляделся вокруг с растерянным выражением лица. Вот он, «идиотизм сельской жизни» в действии. До него вдруг дошло, что ему не к чему подключить сетевую плату своего компьютера. Тут не было даже телефонной розетки, чтобы подсоединить старый модем.

Микаэль вернулся на кухню и со своего мобильника позвонил в компанию «Телия». После некоторых препирательств он узнал, что Хенрик Вангер заказал подключение гостевого домика к Интернету. Блумквист спросил, позволяют ли технические данные провести асимметричную цифровую абонентскую линию, и получил ответ, что это можно сделать через реле в Хедебю; процедура займет несколько дней.

Часы показывали уже начало пятого, когда Микаэль наконец привел

все в порядок. Затем он снова надел толстые шерстяные носки, натянул сапоги и влез в еще один свитер. У дверей остановился – ключи от дома ему не дали, а его столичные привычки не позволяли ему оставить входную дверь открытой. Блумквист вернулся на кухню и стал шарить по ящикам. Наконец ему удалось найти ключ в шкафу на гвоздике.

Столбик термометра показывал минус семнадцать градусов. Микаэль быстро миновал мост, оставил позади церковь и поднялся в гору. Отсюда дорога до магазина «Консум» составляла всего метров триста. Микаэль доверху наполнил разнообразным съестным два больших бумажных пакета и, оттащив их домой, снова перешел через мост. На этот раз он остановился возле «Кафе Сусанны». За стойкой стояла женщина лет пятидесяти.

Поинтересовавшись, не ее ли зовут Сусанной, Микаэль представился и сообщил, что в дальнейшем намерен стать ее постоянным клиентом. Он оказался единственным посетителем в кафе. Когда журналист заказал бутерброд и купил хлеб и плетенку, Сусанна выставила ему кофе за счет заведения. Прихватив с газетной стойки «Хедестадс-курирен», Блумквист сел за столик, откуда открывался вид на мост и освещенный фасад церкви. В темноте эта картина напоминала рождественскую открытку.

Газету Микаэль пробежал за четыре минуты. Из всего потока новостей лишь одна показалась ему мало-мальски интересной: местный политик по имени Биргер Вангер из Народной партии хочет создать в Хедестаде «Ай-Ти Техцентр» – центр развития информационных технологий. Микаэль просидел в кафе еще полчаса, до шести часов, когда заведение закрывалось.

В половине восьмого Микаэль позвонил Эрике, но ему сообщили, что абонент «находится вне зоны действия сети». Он сел на диван в кухне и попробовал читать роман, который, судя по аннотации на обратной стороне обложки, был сенсационным дебютом некоей юной феминистки. Автор романа пыталась разобраться в своей сексуальной жизни во время поездки в Париж. Микаэль задумался: интересно, причислили бы его к феминистам, если бы он в духе школьных баек написал роман о собственных сексуальных похождениях. Вряд ли. Микаэль купил этот роман, поскольку издательство позиционировало дебютантку как «новую Карину Рюдберг»[55], но был разочарован, потому что восторженные характеристики не соответствовали действительности. Ни по содержанию, ни по стилю автор явно не дотягивал до заявленного уровня. Через некоторое время он отложил произведение новоявленной звезды и стал

читать вестерн о Хопалонге Кэссиди[56], напечатанный в журнале «Рекорд» в 1950-е годы.

Каждые полчаса Блумквист слышал короткий глухой удар церковного колокола. Окна дворника Гуннара Нильссона по другую сторону дороги были освещены, но Микаэлю не удалось разглядеть кого-нибудь в доме. В доме Харальда Вангера было темно. Около девяти часов через мост проследовала машина и уехала куда-то в сторону мыса. В полночь освещение церкви отключили. На этом и закончилась вся ночная жизнь Хедебю в пятницу в начале января. Воцарилась невероятная тишина.

Микаэль предпринял еще одну попытку дозвониться до Эрики, но на этот раз услышал автоответчик, который предлагал оставить сообщение, что Микаэль и сделал. Затем он погасил свет и лег спать. Перед тем как заснуть, он подумал, что при такой жизни в Хедебю, пожалуй, станет абсолютным дикарем.

Такое непривычное ощущение – проснуться в полнейшей тишине. Пробуждение после глубокого сна заняло у Микаэля буквально секунду, а потом он просто лежал и прислушивался. В комнате стоял холод. Блумквист повернул голову и посмотрел на часы, которые положил на табуретку возле кровати. Восемь минут восьмого… Он никогда не считал себя «жаворонком» и просыпался обычно с большим трудом, с помощью как минимум двух будильников. Сейчас же он проснулся самостоятельно и чувствовал себя свежим и отдохнувшим.

Микаэль поставил воду для кофе, а затем отправился в душ. Интересно было бы представить, как он сейчас выглядит со стороны. Ни дать ни взять, Калле Блумквист – ученый-путешественник вдали от цивилизации.

Смеситель постоянно переключался с ледяной воды на кипяток. На кухонном столе отсутствовала утренняя газета. Масло замерзло до состояния льда. В ящике с ножами и вилками не было сырорезки. На улице по-прежнему была кромешная тьма. На термометре застыло минус двадцать один. Ничего себе суббота…

Автобус в Хедестад отходил от остановки прямо напротив «Консума», и Микаэль решил начать свою жизнь в изгнании с похода по магазинам, который был запланирован еще вчера. Он сошел на остановке напротив вокзала, а затем прогулялся по центру города. Там Блумквист разжился теплыми зимними ботинками, двумя парами зимних кальсон, несколькими теплыми фланелевыми рубашками, удлиненной зимней курткой, теплой шапкой и меховыми перчатками. В магазине техники он взял компактный

переносной телевизор с телескопической антенной. Продавец заверил, что уж по крайней мере центральные шведские каналы ему в Хедебю поймать удастся. Микаэль заявил, что потребует деньги обратно, если выяснится, что продавец его надул.

Затем он зашел в библиотеку и после того, как ему выписали читательский билет, взял себе два детектива Элизабет Джордж[57]. В канцелярском магазине были приобретены ручки и блокноты. А еще – спортивная сумка, чтобы уложить покупки.

Под конец Микаэль взял пачку сигарет. Вообще-то он бросил курить десять лет назад, но иногда в нем просыпалась тяга к никотину, и он не мог устоять. Не открывая пачку, он засунул ее в карман куртки. Напоследок посетил оптику, где заказал новые контактные линзы и купил раствор для их хранения.

Около двух часов Блумквист вернулся в Хедебю. Срывая ценники с новой одежды, он услышал, как открывается входная дверь. Блондинка лет пятидесяти постучала о дверной косяк кухни и тут же переступила через порог. В руках она держала поднос с бисквитным кексом.

– Здравствуйте! Я только хотела поприветствовать вас. Меня зовут Хелен Нильссон, я живу через дорогу. Значит, мы с вами соседи…

Микаэль протянул ей руку и представился.

– Я видела вас по телевизору. И очень рада, что в гостевом домике теперь вечерами будет гореть свет…

Микаэль поставил кофе. Хелен запротестовала, но тем не менее подсела к кухонному столу. Затем глянула в окно:

– Сюда идут Хенрик с моим мужем, тащат какие-то коробки…

В этот момент у дома остановились Хенрик Вангер и Гуннар Нильссон с тележкой, и Микаэль поспешил на улицу, чтобы поздороваться и помочь занести в дом четыре картонные коробки. Их поставили на полу возле железной печки, а Микаэль достал еще кофейные чашки и разрезал принесенный Хелен кекс.

Гуннар и Хелен Нильссон оказались очень милыми людьми. Похоже, они не слишком интересовались, с какой целью Микаэль находится в Хедестаде; их вполне устраивало объяснение, что он работает на Хенрика. Наблюдая за ними, Микаэль пришел к выводу, что в отношениях между Нильссонами и Вангером нет напряженности, характерной для начальника и подчиненных. Они сидели и спокойно беседовали о делах в селении, вспоминали того, кто построил гостевой домик – нынешнее жилище Микаэля. Супруги Нильссон поправляли Вангера, когда его подводила память. А тот, в свою очередь, припомнил смешную историю о том, как

Гуннар Нильссон однажды вечером по пути домой обнаружил, что один местный кретин с другой стороны моста ломится в гостевой домик через окно. Гуннар подошел и спросил, почему бы не зайти через незапертую дверь. Нильссон недоверчиво оглядел маленький телевизор Микаэля и пригласил журналиста приходить к ним по вечерам, если у него возникнет желание посмотреть какую-нибудь передачу – у них есть спутниковая антенна.

Вскоре после ухода Нильссонов ушел и Хенрик Вангер. Он хотел, чтобы Микаэль сам разобрался с архивом, и пригласил его заходить и задавать вопросы, если таковые возникнут. Микаэль поблагодарил старика и заявил, что все будет хорошо.

Оставшись наконец в одиночестве, он перенес коробки в кабинет и начал их разбирать.

На протяжении последних тридцати шести лет Хенрик Вангер занимался частным расследованием обстоятельств исчезновения внучки своего брата. Микаэль затруднялся определить, что именно было важнее для его нынешнего работодателя – одержимость самой идеей или же с годами эта затея превратилась для него в своеобразную интеллектуальную игру. Впрочем, в одном не оставалось никаких сомнений – патриарх занимался поисками так же основательно и систематично, как археологи-любители гонялись за кладами – документы занимали без малого семь метровых полок.

Материалы уголовного дела об исчезновении Харриет Вангер занимали двадцать шесть увесистых папок. Микаэль даже при всем желании не мог бы себе представить, чтобы в связи с исчезновением обычного смертного возник такой колоссальный объем документов. С другой стороны, Хенрик Вангер, безусловно, обладал таким авторитетом, чтобы заставить полицию Хедестада проверить каждую деталь, каждый реальный и нереальный след.

Помимо полицейских протоколов, имелись еще подшивки статей, фотоальбомы, карты, сувениры, буклеты и брошюры о Хедестаде и предприятиях концерна «Вангер», дневник самой Харриет Вангер – в котором, впрочем, было не так много страниц, – школьные тетради, медицинские справки и еще много чего самого разного. Например, как минимум шестнадцать переплетенных томов формата А4, каждый по сотне страниц. В них Хенрик Вангер собственноручно описывал ход расследования. Здесь он аккуратным почерком делился собственными размышлениями и наблюдениями, а также самыми невероятными

гипотезами. Микаэль немного полистал эти тома наобум. Ему показалось, что текст очень похож на художественное произведение и что перед ним набело переписанные многочисленные старые блокноты. Потом он обнаружил десятки папок с материалами о разных членах семейства Вангер. Страницы этого архива печатались на пишущих машинках, а сам архив наверняка собирался в течение долгого времени.

Хенрик Вангер собирал досье на собственную семью.

Около семи вечера Микаэль услышал громкое мяуканье и открыл входную дверь. Мимо него в теплое помещение стремительно проскользнула рыжая кошка.

– Да уж, понимаю тебя, – сказал Блумквист.

Некоторое время кошка обнюхивала дом. Журналист налил в блюдечко немного молока, которое незваная гостья с удовольствием вылакала. Затем прыгнула на диван на кухне и свернулась в клубочек. Она решила здесь поселиться.

Часы уже показывали начало одиннадцатого, когда Микаэль разобрал материалы и расставил их по полкам в понятном ему порядке. Затем он вышел на кухню, сварил кофе и соорудил два бутерброда. Угостил кошку кусочком колбасы и печеночным паштетом. За весь день Микаэль ни разу нормально не поел, но чувства голода почему-то не испытывал. Выпив кофе, достал из кармана куртки пачку сигарет и открыл ее.

Потом он прослушал автоответчик на мобильнике. Эрика так и не позвонила. Блумквист попробовал с нею связаться, но снова услышал только текст автоответчика.

Для начала своего расследования Микаэль отсканировал карту острова Хедебю, одолженную у Хенрика Вангера. Пока память еще удерживала имена, услышанные от старика во время вчерашней экскурсии, он надписал на своей карте, кто где живет. В итоге Микаэль пришел к выводу, что клан Вангеров составляет весьма пространную галерею образов и ему понадобится немало времени, чтобы запомнить, кто есть кто.

Около полуночи Микаэль надел теплую одежду и новые ботинки и пошел прошвырнуться через мост. Он спустился на прибрежную дорогу, ближе к церкви. Пролив и старая гавань покрылись льдом, но чуть подальше Блумквист увидел темную полоску открытой воды. Не успел он опомниться, как освещение фасада церкви погасло, и все вокруг погрузилось во мрак. Стоял мороз, и все небо усыпали звезды.

Вдруг на Микаэля накатила страшная тоска. Наверняка он так никогда и не поймет, каким образом поддался на уговоры Хенрика Вангера и взялся за эту абсолютно безнадежную задачу. Сейчас он раскаивался, что отмахнулся от Эрики, а ведь она предупреждала: это безрассудная и пустая трата времени. Конечно, ему нужно было бы сейчас находиться в Стокгольме – например, в постели с нею – и разрабатывать планы военных действий против Ханса Эрика Веннерстрёма. Правда, и это нисколько не вдохновляло Микаэля, поскольку он не имел ни малейшего представления, как браться за это дело.

Если бы сейчас был день, он отправился бы к Хенрику, аннулировал контракт и уехал домой. Но находясь возле церкви, Блумквист мог убедиться, что в усадьбе Вангера уже темно и тихо. Отсюда ему были видны все строения на этой стороне острова. В доме Харальда Вангера тоже было темно. Зато у Сесилии Вангер горел свет, так же как и на ближайшей к мысу вилле Мартина Вангера и в доме, который сдавался. В лодочной гавани светился продуваемый всеми ветрами домик художника Эушена Нормана, и из его трубы фонтаном вылетали искры. Горел свет и на верхнем этаже кафе. Микаэлю стало любопытно, живет ли там сама Сусанна, и если да, то одна ли она там сейчас.

Воскресным утром Микаэль позволил себе выспаться, хотя и проснулся в некоторой панике от того, что гостевой домик дрожал от немыслимого гула. Когда он пришел в себя, то сообразил, что это церковные колокола зовут на мессу. Стало быть, уже почти одиннадцать. Блумквист не чувствовал себя отдохнувшим и потому повалялся еще немного. Только когда от двери раздалось жалобное мяуканье, он вылез из постели и выпустил кошку на улицу.

К полудню Микаэль принял душ и позавтракал, а потом, собрав волю в кулак, прошел в кабинет и достал первую папку с полицейскими протоколами. Но увидев в окно рекламный щит «Кафе Сусанны», передумал. Затем засунул папку в сумку и надел куртку.

Он немало удивился, обнаружив, что кафе до отказа забито посетителями. Так вот почему этому заведению удается не прогореть в такой дыре, как Хедебю… Основной доход владелице кафе Сусанне приносят посетители церкви, а также те, кто не прочь выпить кофе после похорон и других церковных мероприятий.

Блумквист решил не заходить в кафе, а просто прогуляться. «Консум» по воскресеньям закрыт, и Микаэль прошел еще несколько сотен метров по дороге, ведущей в Хедестад, и купил газеты на бензоколонке, которая

работала по выходным дням. Еще час он гулял по Хедебю и знакомился с материковой стороной селения. Район неподалеку от церкви и «Консума» считался центром городка и был застроен двухэтажными каменными домами, которые возводились, как прикинул Микаэль, в 1910-х или 1920-х годах и выстраивались в короткую улицу. К северу от шоссе возвышались многоквартирные дома для семей с детьми. Вдоль воды, южнее церкви, по бо́льшей части располагались виллы. Хедебю вполне можно было считать местом, подходящим для проживания власть предержащих и чиновников Хедестада.

Когда Микаэль вернулся к мосту, посетителей в кафе Сусанны стало значительно меньше, но хозяйка еще хлопотала, убирая со столов грязную посуду.

– Воскресный аншлаг? – спросил журналист в качестве приветствия.

Сусанна кивнула, убрав непослушную прядь волос за ухо:

– Привет, Микаэль!

– Вы помните, как меня зовут?

– Еще бы! Ведь я видела вас по телевизору на судебном процессе накануне Рождества.

Микаэль вдруг смутился.

– Ничего не попишешь, нужно же чем-то заполнять выпуски новостей, – пробормотал он и двинулся к угловому столику с видом на мост.

Сусанна улыбнулась.

В три часа дня хозяйка сообщила, что заведение закрывается.

К тому времени поток публики из церкви сменился отдельными посетителями. Микаэль успел прочитать примерно пятую часть первой папки полицейского расследования об исчезновении Харриет Вангер. Он захлопнул папку, сунул ее вместе с блокнотом в сумку и торопливо направился домой через мост.

На ступеньках его поджидала кошка. Микаэль огляделся вокруг, пытаясь понять, чья же она. Наконец он впустил ее в дом – хоть какая, а компания.

Блумквист снова попытался позвонить Эрике, но опять угодил на автоответчик. Не оставалось никаких сомнений в том, что Эрика сердится на него. Он, конечно, мог бы позвонить ей в редакцию или домой, но решил проявить упрямство, – он и так уже оставил ей много сообщений. Вместо этого Микаэль сварил себе кофе, сдвинул кошку, разлегшуюся на диване, в сторону, сел за кухонный стол и открыл папку.

Он читал обстоятельно и вдумчиво, чтобы не упустить какую-нибудь деталь. Когда поздно вечером журналист отложил папку в сторону, несколько страниц его блокнота были исписаны памятками и вопросами, ответы на которые он надеялся получить в следующих папках. Материал располагался в хронологическом порядке: то ли его так расставил Хенрик Вангер, то ли такой методы придерживались полицейские в шестидесятых годах.

Самая первая страница представляла собой фотокопию сделанной от руки записи звонка, поступившего в отдел охраны полиции Хедестада. Полицейский, который принял заявку, подписался как «Н. о. Рюттингер». Эту аббревиатуру «н. о.» Микаэль расшифровал как «начальник охраны». В качестве заявителя был указан Хенрик Вангер, тут же указывались его адрес и телефон. Рапорт был датирован так: 11.14, воскресенье, 23 сентября 1966 года. Текст был краток:

> *Звонок от Хрк. Вангера, сообщ., что его племянница (?) Харриет Ульрика ВАНГЕР, рожд. 15 янв. 1950 г. (16 лет), исчезла из своего дома на о-ве Хедебю во 2-й полов. дня в субботу. Заявит. выражает большое беспокойство.*

В 11.20 имеется запись о распоряжении направить на место происшествия «П-014» (Полицейскую машину? Патруль? Полицейский катер?).

В 11.35 вписано еще более неразборчивым почерком, чем у Рюттингера:

> *Конст. Магнуссон долож., что мост на о. все еще закрыт. Трансп. катером.*

На полях стояла неразборчивая подпись.

В 12.14 опять Рюттингер:

> *Телсвязь: конст-ль Магнуссон долож., что Харриет Вангер (16 л.) пропала днем в субб. Семья крайне обеспокоена. Считает, что д-ка не ночевала дома. Не могла покинуть о-в из за аварии. Никто из опрошен. членов семьи не знает о месте нахожд. Х. В.*

В 12.19:

> *Г. М. доложили о происшеств. по тел.*

Последняя запись, сделанная в 13.42, сообщала:

Г. М. на месте в Х-бю; принял дело.

Прочитав следующую страницу, Микаэль догадался, что за таинственными инициалами «Г. М.» скрывался Густав Морелль, который прибыл на остров на катере, возглавил поисковую операцию и составил форменный рапорт об исчезновении Харриет Вангер. В отличие от первых записей с их нелепыми сокращениями, рапорты Морелля были отпечатаны на машинке и составлены вполне удобоваримым языком. Затем очень скрупулезно и детально, что весьма удивило Микаэля, сообщалось о принятых мерах.

Морелль подошел к делу очень добросовестно и неформально. Сначала он опросил Хенрика Вангера вместе с Изабеллой Вангер, матерью Харриет. Потом по очереди побеседовал с Ульрикой Вангер, Харальдом Вангером, Грегером Вангером, братом Харриет Мартином Вангером, а также с Анитой Вангер. Микаэлю показалось, что их опрашивали по какому-то ранжиру, по убыванию степени важности.

Ульрика, мать Хенрика, в семействе Вангеров имела статус вдовствующей королевы. Она обитала в усадьбе Вангеров, но никакими сведениями со следователями поделиться не могла. Накануне вечером она рано отправилась спать, да и вообще не видела Харриет много дней. Похоже, Ульрика настояла на встрече с инспектором Мореллем с единственной целью – изложить свою точку зрения, которая заключалась в том, что полиция обязана немедленно принять меры.

Харальд Вангер, брат Хенрика, в списке влиятельных членов семьи числился под номером два. Он заявил, что мельком видел Харриет Вангер, когда та вернулась с праздника в Хедестаде, но что он «не видел ее с момента аварии на мосту и не имеет ни малейшего представления о том, где она находится в настоящее время».

Грегер Вангер, брат Хенрика и Харальда, сообщил, что видел пропавшую, когда она, вернувшись из Хедестада, зашла в кабинет Хенрика Вангера, желая поговорить с ним. Сам Грегер с ней не разговаривал, они только поздоровались. Он не знал, где она может находиться, но предположил, что она, вероятно, не поставив кого-либо в известность, просто отправилась к кому-нибудь из друзей и наверняка скоро объявится. Однако на вопрос о том, как она в таком случае могла покинуть остров, он ответить не смог.

Мартина Вангера опрашивали бегло. Он учился в последнем классе

гимназии в Уппсале, где жил у Харальда Вангера. Ему не хватило места в машине Харальда, поэтому он поехал в Хедебю на велосипеде и прибыл к мосту поздно, когда машины уже столкнулись. Так что он застрял на другой стороне и сумел перебраться на катере только поздно вечером. Его опрашивали в надежде на то, что сестра могла посвятить его в свои планы и намекнуть ему о своем будущем побеге. Этот вопрос вызвал протесты со стороны матери Харриет, хотя комиссар Морелль тогда рассматривал версию побега как самую оптимистичную. Но Мартин, начиная с летних каникул, не видел сестру и никакими ценными сведениями о ней не располагал.

Анита Вангер была дочерью Харальда Вангера, и Харриет приходилась ей двоюродной племянницей, но их почему-то назвали кузинами. Она училась на первом курсе университета в Стокгольме; прошлое лето провела в Хедебю. Они с Харриет были практически ровесницами и крепко подружились. Анита сообщила, что прибыла на остров в субботу вместе с отцом и очень хотела встретиться с Харриет, но они так и не успели повидаться. Анита Вангер очень беспокоилась, поскольку Харриет никак не могла бы куда-нибудь исчезнуть, не предупредив семью, – это на нее не похоже. Ее мнение разделяли также Хенрик и Изабелла Вангер.

Пока инспектор уголовной полиции Морелль опрашивал членов семьи, констебли Магнуссон и Бергман, составлявшие патруль 014, по приказу опять-таки инспектора Морелля до наступления темноты провели первый марш-бросок по местности. Поскольку мост по-прежнему оставался непроезжим, получить подкрепление с материка было невозможно, так что первая поисковая цепочка состояла примерно из тридцати случайных людей разного пола и возраста. В тот день были обысканы пустующие домики у рыбачьей гавани, побережье у мыса и вдоль пролива, ближайшая к селению часть леса и так называемая гора Сёдербергет, что над рыбачьей гаванью. Гору стали обыскивать после того, как возникло предположение, что Харриет могла забраться туда, чтобы получше разглядеть происходившее на мосту. Патрули направили также в Эстергорд и на другую сторону острова, в дом Готфрида, где Харриет появлялась время от времени.

Однако поиски не дали никаких результатов и прекратились только после наступления темноты, около десяти вечера. Ночью температура опустилась до нуля градусов.

Инспектор Морелль еще днем устроил свой штаб на первом этаже усадьбы, который Хенрик Вангер предоставил в его распоряжение, и уже

предпринял некоторые меры.

Вместе с Изабеллой Вангер он обследовал комнату Харриет с целью выяснить, все ли осталось на своих местах. Мало ли что: возможно, исчезла какая-нибудь одежда, сумка или что-то в этом роде. Такие сведения могли бы пролить свет на тот факт, что девушка сбежала из дома. Изабелла Вангер помогала ему без особого энтузиазма. Вообще-то она вроде бы даже не слишком хорошо знала гардероб дочери. *«Она любила носить джинсы, но ведь они практически все одинаковые»,* – вот и все, что она смогла сказать. Сумочка Харриет обнаружилась на ее письменном столе. В ней лежали удостоверение личности, бумажник с десятью кронами и пятьюдесятью эре, расческа, зеркало и носовой платок. После осмотра комнату опечатали.

Морелль допросил нескольких членов семьи и прислугу и четко запротоколировал их показания.

После того как участники первой экспедиции вернулись без результатов, инспектор решил, что поиски нужно проводить более систематично. Вечером и ночью собирали подкрепление – в частности, Морелль попросил помощи у председателя клуба спортивного ориентирования в Хедебю. Он договорился о том, что сможет вызывать по телефону членов клуба для обследования местности. Около полуночи ему сообщили, что в усадьбу Вангеров к семи часам утра прибудут пятьдесят три спортсмена, в основном юниоров. А Хенрик Вангер просто вызвал часть утренней смены – пятьдесят мужчин – с расположенной поблизости целлюлозно-бумажной фабрики своего концерна. Он обеспечил также еду и напитки.

Блумквист мог только представить себе сцены, которые разыгрывались в усадьбе Вангеров в те драматические сутки. Конечно, авария на мосту способствовала полному хаосу в первые часы. С одной стороны, авария препятствовала возможности получить подкрепление с материка, а с другой стороны, именно из-за нее многие сочли, что два драматических события, произошедшие в одном месте и в одно время, непременно каким-то образом связаны друг с другом. Когда цистерну подняли, инспектор Морелль даже вышел на мост, дабы убедиться в том, что Харриет Вангер непостижимым образом не очутилась под ней.

Это был, с точки зрения Микаэля, единственный иррациональный шаг в действиях комиссара – ведь некоторые свидетели уверяли, что видели исчезнувшую девушку на острове уже после катастрофы. Однако руководитель следственной группы не мог отделаться от мысли, что оба происшествия связаны друг с другом.

Но надеждам на скорый и счастливый исход дела не суждено было сбыться. Постепенно после первых суток настроение ожидания сменилось депрессией. Следствие придерживалось двух основных концепций. Конечно, судя по всему, исчезнуть с острова было просто нереально, однако Морелль никак не мог расстаться с версией, согласно которой Харриет Вангер сбежала. Он решил, что ее следует разыскивать, и велел патрулирующим в Хедестаде полицейским быть начеку, чтобы не пропустить пропавшую девушку. Также инспектор поручил одному из коллег в уголовной полиции опросить шоферов автобусов и персонал железнодорожной станции, чтобы узнать, не видел ли ее кто-нибудь из них.

По мере поступления негативной информации стало очевидно, что с Харриет Вангер случилась беда. На этой ноте прошли следующие сутки разыскных мероприятий.

Через два дня после исчезновения девушки местность прочесывали уже более масштабно, метр за метром. Насколько мог судить Микаэль, поиски были проведены по всем правилам. Их организовывали опытные полицейские и пожарные. Конечно, на острове имелись труднодоступные территории, но сама по себе сфера поисков все-таки была определена его небольшими размерами. В течение дня весь остров прочесали целиком. Один полицейский катер и два катера с добровольцами обыскали акваторию вокруг острова.

На следующий день поиски продолжались сокращенным составом участников. На этот раз патрули получили распоряжение еще раз обследовать самые труднопроходимые участки, а также территорию, именуемую Фортом, – заброшенную систему бункеров, возведенную береговой охраной во время Второй мировой войны. В тот день обыскали также самые потайные места, колодцы, земляные погреба и чердаки.

На третий день после исчезновения масштабные поиски прекратились, а в служебных записках сквозило некоторое разочарование. Густав Морелль, конечно, еще не подозревал, что на тот момент достиг пика в своем расследовании и продвинуться дальше ему уже не удастся. Он был растерян и затруднялся предложить дальнейший план действий или же обозначить место, где следовало бы продолжить поиски. Харриет Вангер словно испарилась.

Так начался почти сорокалетний крестный путь Хенрика Вангера.

Глава 9
Понедельник, 6 января – среда, 8 января

Микаэль допоздна читал материалы и утром в праздник Богоявления встал очень поздно. Перед домом Хенрика Вангера был припаркован почти новенький темно-синий «Вольво». Не успел Микаэль взяться за ручку двери, как ее распахнул выходивший из дома мужчина лет пятидесяти. Они почти столкнулись – мужчина очень спешил.

– Что вам угодно?

– Я к Хенрику Вангеру, – ответил Микаэль.

Взгляд незнакомца потеплел. Он улыбнулся и протянул руку:

– Вы, вероятно, Микаэль Блумквист, который будет помогать Хенрику писать семейную хронику?

Микаэль кивнул и пожал его руку. Чтобы объяснить пребывание журналиста в Хедестаде, Хенрик Вангер придумал «легенду» и, как видно, уже начал ее популяризировать. Мужчина казался чрезмерно упитанным – результат многолетнего сидения в офисах и на совещаниях. Микаэль сразу заметил в его чертах сходство с Харриет Вангер.

– Меня зовут Мартин Вангер, – представился незнакомец. – Добро пожаловать в Хедестад.

– Спасибо.

– Не так давно я видел вас по телевизору.

– Похоже, весь мир видел меня по телевизору.

– Веннерстрём… Он не слишком популярен в нашей семье.

– Я слышал об этом от Хенрика. И с нетерпением жду продолжения истории.

– Несколько дней назад он сообщил, что нанял вас. – Мартин улыбнулся. – И сказал, что вы согласились на эту работу, скорее всего, из-за Веннерстрёма.

Микаэль колебался секунду, затем решился сказать правду:

– Это действительно было значимой причиной. Но, по правде говоря, мне надо было уехать из Стокгольма, а тут меня очень вовремя пригласили в Хедестад. Но я не могу притворяться, что результаты суда меня не касаются – ведь мне придется сесть в тюрьму.

Мартин Вангер кивнул, уже безо всякой улыбки.

– Возможно ли подать апелляцию?

– В моем случае это ничего не даст.

Мартин посмотрел на часы:

– Вечером я должен быть в Стокгольме, поэтому мне нужно спешить. Я вернусь через несколько дней. Приходите как-нибудь ко мне на ужин. Мне очень хотелось бы узнать из первых уст, что на самом деле происходило на суде.

Они снова обменялись рукопожатием. Подойдя к «Вольво» и открыв дверцу, Мартин Вангер обернулся и крикнул Микаэлю:

– Хенрик на втором этаже. Поднимайтесь.

Хенрик Вангер сидел в своем кабинете на диване. Стол перед ним был завален газетами – «Хедестадс-курирен», «Дагенс индустри», «Свенска дагбладет» и обе вечерние газеты.

– У входа я встретил Мартина.

– Он отправился спасать империю, – произнес Хенрик Вангер и поднял со стола термос. – Хочешь кофе?

– Спасибо, с удовольствием, – ответил Микаэль.

Он опустился на диван. «Интересно, отчего это Хенрик Вангер так развеселился?»

– Похоже, пресса о тебе не забыла.

Хенрик протянул ему вечернюю газету, открытую на заголовке «Короткое замыкание массмедиа». Автором текста был колумнист в полосатом пиджаке, который раньше работал в журнале «Финансмагасинет монополь» и прославился как фельетонист, который может высмеять любого, кто принимает в чем-нибудь активное участие или горячо отстаивает свою позицию, так что феминисты, антирасисты и защитники окружающей среды всегда могли рассчитывать на изрядную порцию его иронии. Правда, сам колумнист никогда не высказывал собственные дискуссионные взгляды. Теперь он, судя по всему, переключился на критику массмедиа. Хотя процесс по делу Веннерстрёма закончился уже несколько недель назад, теперь он всю свою энергию сконцентрировал на Микаэле Блумквисте, которого указывал по имени и описывал как безнадежного идиота. А Эрику Бергер изображал как профана в журналистике:

> Ходят упорные слухи, что журнал «Миллениум» стремительно приближается к краху, несмотря на то, что его главный редактор – феминистка в мини-юбке, которая пафосно позирует на телеэкране. Несколько лет журналу удавалось удержаться на плаву – за счет разрекламированного имиджа:

молодые журналисты, занимающиеся расследованиями и разоблачающие аферистов из числа предпринимателей. Подобные рекламные трюки, возможно, и производят впечатление на юных анархистов, которым хочется услышать именно это. Но суд остается к ним равнодушен. В чем недавно пришлось убедиться Калле Блумквисту.

Микаэль включил свой мобильник и проверил, не было ли звонков от Эрики. Но никаких звонков и сообщений не было. Тем временем Хенрик Вангер молча ждал. Микаэль вдруг понял, что ему предоставляют право высказаться первым.

– Это он идиот, а не я, – сказал Микаэль.

Хенрик Вангер засмеялся, но отозвался без особых сантиментов:

– Пускай. Но ведь осудили не его.

– Верно. Ему это и не грозит. Он никогда не высказывает собственного особого мнения, но не отказывает себе в удовольствии бросить камень в осужденного, не скупясь при этом на самые унизительные и оскорбительные выражения.

– За свою жизнь я повстречал немало таких экземпляров. И могу дать тебе совет, если, конечно, захочешь им воспользоваться: сделай вид, что не замечаешь его ругани, однако как только представится удобный случай, дай ему сдачи. Но не сейчас, когда он находится в более выгодном положении.

Микаэль вопросительно взглянул на него.

– За мою жизнь у меня было много врагов, – продолжал Хенрик. – Я научился не лезть в драку, если знаю, что не смогу одержать победу. В то же время никогда нельзя позволить тому, кто нанес тебе оскорбление, остаться безнаказанным. Надо улучить момент и нанести ответный удар, когда почувствуешь, что преимущества на твоей стороне. Даже если у тебя уже не будет необходимости в этом ударе.

– Спасибо за лекцию по философии. А теперь мне хотелось бы услышать рассказ о вашей семье. – Микаэль поставил диктофон на стол между ними и включил его на запись.

– Что ты хотел бы узнать?

– Я прочитал первую папку с документами. Об исчезновении Харриет и о первых днях поисков. Но там упоминается такое бесконечное количество Вангеров, что я не могу в них разобраться.

Перед тем как позвонить, Лисбет Саландер простояла не меньше десяти минут на пустой лестнице, уставясь на латунную табличку с

надписью: «Адвокат Н. Э. Бьюрман». Наконец дверной замок щелкнул.

Был вторник. Она встречалась с этим человеком всего второй раз, но почему-то предчувствовала неладное.

Лисбет не боялась адвоката Бьюрмана – она вообще редко боялась кого-нибудь или чего-нибудь. Но новый опекун вызывал у нее чувство явной неприязни. Предшественник Бьюрмана, адвокат Хольгер Пальмгрен, был слеплен из другого теста: корректный, вежливый и дружелюбный. Их отношения прервались три месяца назад, когда у Пальмгрена случился удар. И Саландер, вследствие каких-то неисповедимых бюрократических процедур, досталась по наследству Нильсу Эрику Бьюрману.

За те без малого двенадцать лет, в течение которых Лисбет являлась объектом социальной и психиатрической опеки, включая два года, проведенные в детской клинике, ей никогда – ни разу – не задали самый простой вопрос: «Как ты себя сегодня чувствуешь?»

Когда ей исполнилось тринадцать, суд, следуя закону об опеке над несовершеннолетними, постановил, что Лисбет Саландер следует направить для стационарного лечения в детскую психиатрическую клинику Святого Стефана в Уппсале. Суд принял это решение в основном потому, что ее признали подростком, имеющим психические отклонения, выражающиеся в проявлении опасной жестокости по отношению к сверстникам, а возможно, и к себе самой.

Такой вывод опирался скорее на формальные эмпирические оценки, чем на тщательно проведенный анализ. Любые попытки со стороны врачей, властей или представителей общественности побеседовать о ее чувствах, внутреннем мире или состоянии здоровья Лисбет воспринимала в штыки: упорно молчала, разглядывая пол, потолок и стены, скрещивала руки на груди и отказывалась участвовать в психологических тестах. Она откровенно сопротивлялась любым попыткам ее измерять, взвешивать, исследовать, анализировать и воспитывать. Точно так же Саландер относилась и к учебе в школе – ее могли отвести в класс и приковать цепью к парте, но никто не смог бы уговорить ее не затыкать уши или взять авторучку, чтобы писать на уроках. Лисбет так и бросила школу, не получив аттестата.

Так что само по себе тестирование ее интеллектуальных способностей было сопряжено с большими трудностями. Общаться с закрытой Лисбет Саландер было чрезвычайно тяжело.

В том году, когда ей исполнилось тринадцать, было также принято решение о выделении ей наставника, который помогал бы соблюдать ее интересы, пока Саландер не достигнет совершеннолетия. Таким человеком

стал адвокат Хольгер Пальмгрен, который, несмотря на первоначальные сложности, сумел все-таки добиться результатов там, где не преуспели профессионалы – психологи и врачи. Со временем ему удалось заслужить доверие этой непростой девушки и даже некоторую ее симпатию.

Когда Лисбет исполнилось пятнадцать лет, врачи пришли практически к единому мнению, что она не проявляет видимой жестокости по отношению к окружающим и не представляет непосредственной опасности для самой себя. Поскольку ее семью признали неблагополучной, а родственников, которые могли бы о ней позаботиться, не нашлось, было решено, что путь Лисбет Саландер из детской психиатрической клиники Уппсалы к обществу должен пролечь через приемную семью.

Путь этот, впрочем, оказался тернистым. Из первой приемной семьи она сбежала уже через две недели. Семьи номер два и номер три отпали очень скоро. После чего Пальмгрен затеял с ней серьезный разговор и со всей прямотой объяснил, что если она будет продолжать в том же духе, то наверняка вновь окажется в каком-нибудь казенном доме. Угроза подействовала, и Лисбет смирилась с семьей номер четыре – пожилой парой, проживавшей в районе Мидсоммаркрансен.

Однако это не означало, что она исправилась. Семнадцатилетнюю Лисбет Саландер четыре раза забирали в полицию: дважды она оказывалась настолько пьяной, что ей потребовалась неотложная медицинская помощь, и один раз она несомненно находилась под воздействием наркотиков. В одном из этих случаев Лисбет, пьяная вдугаря и полураздетая, находилась на заднем сиденье машины, припаркованной на набережной Стокгольма, причем в обществе столь же нетрезвого мужчины, значительно старше ее.

В последний раз Саландер забрали в полицию за три недели до ее восемнадцатилетия: будучи вполне трезвой, она перед турникетами станции метро в Старом городе врезала какому-то мужчине ногой по голове, и ее задержали за причинение физического ущерба. Свой поступок Лисбет объяснила тем, что мужчина приставал к ней, а поскольку выглядела она скорее на двенадцать лет, чем на восемнадцать, Саландер решила, что мужик – педофил. Конечно, если считать, что она вообще что-либо объясняла. Ее слова, однако, подтвердил какой-то свидетель, и в результате прокурор закрыл дело.

Тем не менее ее биография не давала окружающим покоя, и суд вынес решение о проведении судебно-медицинской экспертизы. Поскольку Лисбет не изменяла своим привычкам и отказывалась отвечать на вопросы

и участвовать в обследованиях, врачи, консультировавшие социальную службу, сформулировали свой вердикт, основанный на «наблюдениях за пациенткой». При этом осталось неясным, что конкретно могли дать наблюдения за девушкой, молча сидевшей на стуле, скрестив руки и выпятив нижнюю губу. Но сомнений не оставалось: Саландер страдала психическими отклонениями, так что требовалось принять серьезные меры. В заключении судебных медиков было назначено лечение в закрытом психиатрическом учреждении. К тому же исполняющий обязанности руководителя муниципальной социальной службы в письменной форме полностью соглашался с результатами экспертизы.

В эпикризе перечислялись ее особые «заслуги» и утверждалось, что существует «большой риск злоупотребления алкоголем и наркотиками» и что больная страдает «отсутствием способности к самоанализу». Кондуит к этому времени пополнился отягощающими формулировками, такими как «интроверт», «социальная заторможенность», «отсутствие эмпатии», «эгоцентризм», «психопатическое и асоциальное поведение», «неконтактность» и «неспособность усваивать учебный материал». Тот, кто прочитал бы ее эпикриз, мог легко прийти к выводу, что она серьезно отстает в умственном развитии. Негативной характеристикой стал также тот факт, что уличный патруль социальной службы неоднократно наблюдал ее с различными мужчинами в районе площади Мариаторгет. Кроме того, однажды ее застукали в парке Тантулунден, и снова в компании мужчины значительно старше ее. Можно было предположить, что Лисбет Саландер, возможно, занимается или вскоре начнет заниматься проституцией.

Когда окружной суд – инстанция, которой предстояло определить ее будущее, – собрался, чтобы вынести свой вердикт, последний казался предопределенным. Саландер безусловно являлась проблемным подростком, и вряд ли суд мог принять решение, которое расходилось бы с рекомендациями судебно-психиатрической и социальной комиссии.

Утром в тот день, когда был назначен суд, Лисбет забрали из детской психиатрической клиники, куда ее заключили после инцидента в Старом городе. Она ощущала себя сидельцем-лагерником и даже не надеялась пережить все это. Первым в зале суда Лисбет увидела Хольгера Пальмгрена и даже не сразу поняла, что он присутствует тут не в качестве наставника, а выступает как ее адвокат и правозащитник. В тот день она увидела его с совершенно новой стороны.

К удивлению Лисбет, Пальмгрен несомненно выступал в ее пользу и категорически возражал против ее помещения в закрытый интернат. Девушка даже бровью не повела, ничем не выказала своего удивления – ни

единый мускул не дрогнул на ее лице, – но внимательно вслушивалась в каждое его слово. Пальмгрен на протяжении двух часов вел перекрестный допрос врача, некоего доктора Йеспера Х. Лёдермана, который подписался под рекомендацией засунуть Саландер в интернат. Адвокат придирался к каждой детали заключения и требовал у врача четко обосновать каждый пункт с научной точки зрения. Так постепенно стало очевидно, что, поскольку пациентка полностью отказалась от участия в тестах, заключение врачей на самом деле было основано на догадках, а не на объективных данных.

Под конец судебного разбирательства Пальмгрен заявил, что принудительное помещение ее в интернат не только откровенно противоречит постановлению риксдага относительно подобных случаев, но в данном случае даже послужит поводом к политическим дискуссиям и жесткой критике в прессе. Так что следует найти альтернативное решение, устраивающее всех. Обычно при рассмотрении подобных дел такая лексика не употреблялась, и судьи беспокойно зашевелились.

В итоге суд пришел к компромиссу. Его решение гласило, что Лисбет Саландер признается психически больной, но сейчас она находится в состоянии ремиссии, и необязательно помещать ее в соответствующее закрытое учреждение. В то же время суд принял во внимание рекомендации руководителя социальной службы установить над нею опекунство. Тут председатель суда с ехидцей обратился к Хольгеру Пальмгрену, который до сего момента оставался ее наставником, с вопросом, не возьмет ли тот на себя такую ответственность. Он, очевидно, полагал, что адвокат под каким-нибудь благовидным предлогом откажется. Но тот, напротив, с готовностью заявил, что безусловно возьмет на себя обязанность опекуна фрёкен Саландер – однако с одним условием.

– Только если фрёкен Саландер питает ко мне доверие и согласна, чтобы я стал ее опекуном, – сказал он, обращаясь прямо к ней.

Лисбет надоели реплики, которыми целый день обменивались в ее присутствии. Более того, до этого момента ее мнения никто не спрашивал. Она долго смотрела на Хольгера Пальмгрена, а потом молча кивнула.

В адвокате Пальмгрене примечательным образом совмещались качества юриста и социального работника старого образца. Много лет назад политическая партия избрала его членом муниципальной социальной комиссии, и почти всю свою жизнь он посвятил общению с трудными подростками. Даже самая сложная из его подопечных питала к адвокату уважение, и их союз почти граничил с дружбой.

Их общение продолжалось в общей сложности одиннадцать лет – с того дня, когда ей исполнилось тринадцать, и до прошлой зимы, когда за несколько недель до Рождества Пальмгрен не пришел на одну из запланированных ежемесячных встреч. Тогда Лисбет отправилась к нему домой. Дверь никто не открыл, но из квартиры доносились какие-то звуки, и тогда Саландер проникла внутрь через балкон третьего этажа, забравшись на него по водосточной трубе. Она обнаружила своего опекуна на полу в прихожей; он был в сознании, но не мог говорить и двигаться по причине внезапного инсульта. Ему тогда было всего шестьдесят четыре года. Лисбет вызвала «Скорую помощь» и поехала с ним в больницу. Ее охватила паника. В течение трех суток Саландер почти не покидала коридор перед реанимационным отделением. Будто преданная сторожевая собака, она следила за каждым шагом сновавших туда-сюда врачей и медсестер; бродила, словно неприкаянная, взад и вперед по коридору, отмечая взглядом каждого медика, оказывавшегося поблизости. Наконец какой-то врач, имя которого так и осталось для Лисбет неизвестным, завел ее в свой кабинет и объяснил всю серьезность сложившейся ситуации. После тяжелого кровоизлияния в мозг положение Хольгера Пальмгрена оказалось критическим. Врачи даже полагали, что сознание больше не вернется к нему. Саландер не заплакала, даже выражение ее лица не изменилось. Она встала, вышла из больницы – и больше туда не возвращалась.

Через пять недель Лисбет вызвали в опекунский совет муниципалитета – на первую встречу с ее новым опекуном. Первым ее побуждением было проигнорировать вызов, но Пальмгрен успел внушить ей, что за каждый поступок придется отвечать. К этому времени Лисбет уже усвоила – сначала нужно проанализировать последствия своих действий, а уж только потом действовать. После некоторых размышлений она пришла к выводу, что самым оптимальным решением будет пойти навстречу опекунскому совету, сделав вид, будто она прислушивается к его рекомендациям.

Итак, в декабре она сделала короткую паузу в сборе досье на Микаэля Блумквиста и послушно явилась в офис Бьюрмана на площади Санкт-Эриксплан, где пожилая представительница совета вручила адвокату толстую папку с документами Лисбет. Женщина любезно поинтересовалась самочувствием подопечной, и, похоже, ее вполне устроил ответ в виде глухого молчания. Через полчаса она возложила заботу о Саландер на плечи адвоката Бьюрмана.

Лисбет невзлюбила своего нового опекуна уже через пять секунд

после того, как они пожали друг другу руки.

Она исподлобья смотрела на него, пока он изучал ее досье. Возраст – за пятьдесят. Хорошо натренирован – играет в теннис по вторникам и пятницам. Блондин, начинает лысеть. Ямочка на подбородке. Пользуется одеколоном «Босс». Синий костюм, красный галстук с золотой булавкой и пафосные запонки с инициалами НЭБ. Очки в стальной оправе. Серые глаза. Судя по журналам на столике, хобби – охота и стрельба.

За те десять лет, пока они встречались, Пальмгрен при встречах постоянно угощал ее кофе, и они беседовали. Его не выводили из себя даже самые предосудительные поступки подопечной, побеги из приемных семей и постоянные прогулы школы. Лишь один-единственный раз Пальмгрен по-настоящему рассердился – когда Лисбет задержали за то, что она врезала тому уроду, который лапал ее в Старом городе. «Понимаешь, что ты натворила? Лисбет, ты причинила вред другому человеку». Пальмгрен выглядел и говорил как старый учитель. Она терпеливо игнорировала его упреки – от первого до последнего слова.

Бьюрман же не располагал к доверительным беседам. Он сразу отметил несоответствие между обязанностями, предписанными Хольгеру Пальмгрену законом об опекунстве, и тем фактом, что тот, по всей видимости, позволял Лисбет Саландер самостоятельно вести хозяйство и распоряжаться деньгами. Бьюрман устроил ей своеобразный допрос. «Сколько ты зарабатываешь? Мне нужна выписка о твоих доходах и расходах. С кем ты общаешься? Вовремя ли вносишь плату за квартиру? Употребляешь ли спиртное? А Пальмгрен позволял тебе делать пирсинг и носить кольца на лице? Как у тебя дела с личной гигиеной?»

Да пошел ты, блин…

Пальмгрен стал наставником Лисбет сразу после того, как случилась «Вся Та Жуть». Он настоял на том, чтобы встречаться с ней по расписанию, минимум один раз в месяц, а иногда чаще. После того как Саландер переехала обратно на Лундагатан, они плюс ко всему оказались почти соседями; он жил на Хурнсгатан, всего в двух кварталах от нее, и они, частенько сталкиваясь на улице, ходили вместе пить кофе в «Гриффи» или в какое-нибудь другое близлежащее кафе. Пальмгрен никогда не навязывал ей свое общество, но иногда навещал ее и дарил какой-нибудь пустяковый сувенир на день рождения. Он приглашал ее заходить в любое время. Правда, этой привилегией Лисбет пользовалась редко, но после переезда начала праздновать у него Рождество, после того как посещала мать. Они ели рождественский окорок, а потом играли в шахматы. Игра совершенно не интересовала девушку, но, усвоив правила, она не проиграла ни одной

партии. Пальмгрен был вдовцом, и Саландер вменяла себе в обязанность скрашивать ему одиночество в праздники. Она считала это долгом по отношению к опекуну, а свои долги Лисбет привыкла возвращать.

Именно Пальмгрен сдавал квартиру, принадлежащую ее матери, пока Лисбет не понадобилось собственное жилье. Квартира в сорок девять квадратных метров давно требовала ремонта, но, так или иначе, это была крыша над головой.

Теперь, когда Лисбет осталась одна, без Пальмгрена, оборвалась еще одна нить, связывавшая ее с окружающим миром. Нильс Бьюрман же был совершенно другим человеком. Во всяком случае, проводить у него дома Сочельник она не намеревалась.

Для начала новый опекун установил новые правила пользования счетом в «Хандельсбанке», на который ей переводили зарплату. Пальмгрен запросто вышел за рамки закона об опекунстве и позволил ей самой распоряжаться своими средствами. Лисбет сама оплачивала свои счета, а сэкономленные деньги тратила по собственному разумению.

Когда за неделю до Рождества Бьюрман пригласил ее на встречу, она, заранее подготовившись, попыталась объяснить, что его предшественник доверял ей и что она его ни разу не подвела. Пальмгрен предоставил ей полную свободу действий и не вторгался в ее личную жизнь.

– Вот в этом-то и загвоздка, – ответил Бьюрман, постучав пальцем по ее журналу.

Он выдал целую лекцию о законах и государственных предписаниях относительно опекунства, а затем объявил ей, что отныне они будут следовать новым правилам.

– Значит, говоришь, он предоставлял тебе полную свободу? Интересно, и каким образом это сходило ему с рук?

«Потому что он, чокнутый социал-демократ, посвятил трудным детям почти сорок лет своей жизни».

– Я уже не ребенок, – сказала Лисбет вслух, словно это могло все объяснить.

– Да, уже не ребенок. Но меня назначили твоим опекуном, и пока я им являюсь, я несу за тебя ответственность – и юридическую, и экономическую.

Первым делом Бьюрман открыл новый счет на ее имя, о котором ей предстояло сообщить в расчетный отдел «Милтон секьюрити» и в дальнейшем пользоваться только им. Саландер поняла, что для нее наступили черные времена: адвокат Бьюрман будет сам оплачивать ее счета и выдавать ей каждый месяц фиксированную сумму на карманные расходы.

К тому же за них она должна будет отчитываться перед ним, предъявляя кассовые чеки. «На еду, одежду, походы в кино и тому подобное» Бьюрман выделил ей тысячу четыреста крон в неделю.

Лисбет Саландер зарабатывала около ста шестидесяти тысяч крон в год и легко могла бы удвоить эту сумму, если бы перешла на полный рабочий день и бралась бы за все задания, которые ей предлагал Драган Арманский. Но у нее было не так уж и много потребностей, и она тратила не очень много денег. Плата за квартиру отнимала около двух тысяч крон в месяц, и, несмотря на скромные доходы, на счету у Лисбет накопилось девяносто тысяч крон. А теперь она лишалась к ним доступа…

– Дело в том, что я отвечаю за твои доходы и расходы, – объяснил адвокат. – Ты должна позаботиться о своем будущем. Но не волнуйся, я займусь этим сам.

«Подонок! Я сама занимаюсь всем этим с тех пор, как мне исполнилось десять лет!»

– В общественном плане ты вполне адаптировалась, так что тебя уже не требуется помещать в интернат, но общество несет за тебя ответственность.

Бьюрман подробно расспрашивал, каковы ее конкретные рабочие обязанности в «Милтон секьюрити». Лисбет инстинктивно солгала о роде своих занятий. Она описала самые первые недели своего пребывания в офисе, и у адвоката сложилось впечатление, что она варит кофе и разбирает почту – вполне, на его взгляд, подходящее занятие для не вполне адекватной девицы. Так что ответы его вполне устроили.

Почему она скрыла правду, Саландер не знала, но не сомневалась, что приняла мудрое решение. Если бы Бьюрман даже значился в списке насекомых, которые находятся на грани исчезновения, она не раздумывая раздавила бы его каблуком.

Микаэль Блумквист провел в обществе Хенрика Вангера пять часов. А после бо́льшую часть ночи понедельника и весь вторник переписывал набело свои заметки и приводил родословную Вангеров в более или менее сносный вид. История семьи, которую поведал Хенрик, решительным образом отличалась от публичных представлений об этом клане. Микаэль знал, что у каждой семьи есть «скелеты в шкафу». А у Вангеров их набиралось целое кладбище.

К тому времени Микаэлю уже не раз приходилось напоминать самому себе, что его наняли не для того, чтобы написать историю семьи Вангеров, а для того, чтобы он разобрался в обстоятельствах исчезновения Харриет

Вангер. Он согласился взяться за это задание в полной уверенности, что пробездельничает целый год, а работа, которую он будет выполнять для Хенрика Вангера, – в действительности просто игра на публику. Через год ему выдадут огромную зарплату; контракт, составленный Дирком Фруде, уже подписан. А настоящей платой за его работу, как он надеялся, станет информация о Хансе Эрике Веннерстрёме, которую ему пообещал выдать Хенрик Вангер.

После общения со своим работодателем Микаэль начал полагать, что совсем не обязательно проводить этот год впустую. Уже сама по себе книга о семье Вангеров явно представляла интерес и могла бы стать хитом сезона.

Он ни секунды не тешил себя иллюзией, что ему удастся найти убийцу Харриет Вангер – если ее и в самом деле убили. В конце концов, она могла погибнуть в результате какого-нибудь нелепого несчастного случая или просто исчезнуть каким-нибудь иным образом. В этом плане Микаэль был единодушен с Хенриком: он считал невероятным, чтобы шестнадцатилетняя барышня сбежала из дома и на протяжении тридцати шести лет успешно скрывалась от всех бюрократических инстанций. Зато он не мог исключить, например, того, что Харриет Вангер направилась, предположим, в Стокгольм, и по пути с нею приключилась какая-то беда.

Хенрик почему-то был убежден, что Харриет убили и что это сделал кто-то из членов семьи – возможно, в сговоре еще с кем-то посторонним. Он пришел к такому выводу потому, что Харриет пропала в те драматические часы, когда остров был отрезан от внешнего мира, а все внимание сфокусировалось на катастрофе.

Да, Эрика права: если его действительно нанимали для того, чтобы раскрыть загадку убийства, то это было лишено здравого смысла. В то же время Микаэль пришел к выводу, что судьба Харриет Вангер сыграла огромную роль в жизни семьи, и прежде всего – Хенрика. Причем неважно, прав тот или нет: его подозрения относительно родственников, которые он на протяжении более тридцати лет даже почти не скрывал, наложили отпечаток на семейные собрания и подогревали нездоровую атмосферу, что, в сущности, дестабилизировало весь концерн. Изучение обстоятельств исчезновения Харриет должно было стать особой темой книги и основным стержнем в истории семьи, благо материалов на эту тему хоть отбавляй. Вне зависимости от того, считал ли он загадку исчезновения Харриет Вангер своим основным заданием или же намеревался написать семейную хронику, для начала следовало составить карту действующих лиц. Именно о них Микаэль и беседовал с Хенриком целый день.

Клан Вангеров состоял из сотни персонажей, если считать всех внучатых племянников и троюродных братьев и сестер. Чтобы охватить всех членов семьи, Микаэлю пришлось создать у себя в лэптопе отдельную базу данных. Он использовал программу «Ноутпэд» (www.ibrium.se) – гениальный продукт, который родился в творческом союзе двух ребят из стокгольмского Королевского технологического института. Авторы распространяли его через Интернет как демоверсию. Микаэль считал, что эта программа совершенно незаменима при журналистских расследованиях. Каждому члену семьи в базе данных отводился отдельный документ-файл.

Генеалогическое древо семьи достоверно прослеживалось до начала XVI века, когда предки Хенрика носили фамилию Вангеерсад. Сам Хенрик считал, что она, возможно, происходила от голландской фамилии ван Геерстад. Если это так, то их родословная восходила к XII веку.

Позже семья проживала в Северной Франции и оказалась в Швеции вместе с Жаном Батистом Бернадотом[58] в начале XIX века. Александр Вангеерсад был военным; лично короля он не знал, но в любом случае прославился как талантливый начальник гарнизона и в 1818 году получил имение Хедебю в благодарность за многолетнюю и честную службу. У Александра имелись также собственные средства, которые он потратил на покупку больших лесных массивов в Норрланде. Его сын Адриан родился во Франции, но по воле отца переехал в находившийся далеко от парижских салонов провинциальный норрландский городишко Хедебю, дабы управлять имением. Он занимался сельским и лесным хозяйством, используя новые методы, которые практиковались на континенте, и заложил целлюлозную фабрику, вокруг которой и возник город Хедестад.

Внука Александра звали Хенриком; именно он сократил фамилию, так они стали именоваться Вангер. Хенрик торговал с Россией и построил небольшой торговый флот; его шхуны в середине XIX века ходили в Балтию, Германию и Англию – центр мировой сталелитейной промышленности. Он расширил семейный бизнес – основал достаточно скромный по тем временам горный промысел и несколько первых в регионе металлургических заводов. После него осталось двое сыновей, Биргер и Готфрид, которые превратили Вангеров в клан финансистов.

– Ты знаешь старые законы наследования? – спросил Хенрик Вангер.

– Вообще-то не очень.

– Прекрасно тебя понимаю. Я и сам вечно путаюсь в этом деле. Биргер и Готфрид, как гласит семейное предание, не ладили. Они, как кошка с

собакой, ожесточенно боролись за власть и влияние на семейный бизнес. В конце концов этот конфликт все осложнил и начал потенциально угрожать перспективам бизнеса. Поэтому их отец перед смертью решил сделать так, чтобы каждый член семьи наследовал некую долю всего предприятия. Затея сама по себе вполне здравая, но, к сожалению, сложилась ситуация, когда мы, вместо того чтобы подключать компетентных специалистов и партнеров извне, получили в наследство концерн, правление которого состояло из родственников с одним или несколькими процентами голосов.

– Неужели все это актуально и по сей день?

– В том-то и дело. Если кто-нибудь из членов семьи захочет продать свою долю, то сделка может состояться только внутри клана. На ежегодное собрание акционеров сейчас съезжается около пятидесяти носителей фамилии Вангер и их потомков. У Мартина примерно десять процентов акций. У меня – пять, поскольку много акций я продал, кстати, тому же Мартину. Мой брат Харальд владеет семью процентами, а большинство остальных владеют только одним процентом или половиной процента.

– Я об этом ничего не знал… Попахивает каким-то Средневековьем.

– Да бред чистейший. На деле это означает, что Мартин сначала должен заручиться поддержкой по крайней мере двадцати – двадцати пяти процентов совладельцев, что, поверь мне, не так-то легко, а потом уже предпринимать те или иные действия.

Затем Хенрик продолжил рассказ о семействе.

– Готфрид Вангер умер в тысяча девятьсот первом году, не оставив наследников. Правда, у него было четыре дочери, но в то время женщин в расчет не принимали. То есть им выделялась определенная доля дохода, но дела вели исключительно мужчины. И лишь когда, уже в двадцатом веке, женщины получили право голосовать на выборах, они смогли участвовать и в собраниях акционеров.

– Надо же, настоящая либеральная революция…

– Ирония неуместна. Тогда были другие времена и другие нравы. Далее… У брата Готфрида, Биргера Вангера, имелось три сына – Юхан, Фредрик и Гидеон Вангеры; все они родились в конце девятнадцатого века. Гидеон не в счет – он продал свою долю и уехал в Америку, где до сих пор остались Вангеры, его потомки. А вот Фредрик и Юхан управляли акционерным обществом вплоть до того момента, когда был создан современный концерн «Вангер».

Хенрик снова извлек свой альбом и показал фотографии. На снимках начала прошлого века были запечатлены двое мужчин с массивными подбородками и прилизанными волосами. Они уставились прямо в

объектив: строгие лица без тени улыбок.

– Юхана Вангера в семье считали самородком. Он получил образование и стал инженером, постоянно совершенствуя производство и внедряя собственные запатентованные изобретения. Концерн специализировался на стали и железе, но расширялся и за счет других отраслей – например, текстильной. Юхан Вангер умер в пятьдесят шестом году, оставив трех дочерей – Софию, Мэрит и Ингрид, первых женщин, автоматически получивших право участвовать в собраниях акционеров.

Второй брат, Фредрик Вангер, – мой отец. Он был бизнесменом и руководителем производства и использовал изобретения Юхана, чтобы наращивать доходы. Отец умер в шестьдесят четвертом. До самой смерти он активно участвовал в руководстве концерном, хотя еще в пятидесятые годы передал мне ведение дел. Получилось точь-в-точь как у предыдущего поколения, но наоборот. У Юхана Вангера были только дочери. – Хенрик Вангер показал фотографии женщин с мощными бюстами, в широкополых шляпах и с зонтами в руках. – А у Фредрика – моего отца – рождались одни сыновья. Всего нас было пятеро братьев: Рикард, Харальд, Грегер, Густав и я.

Чтобы не запутаться окончательно в многочисленных членах семейства Вангеров, Микаэль скрепил скотчем несколько листов формата А4 и принялся вычерчивать генеалогическое древо. Особо он выделил имена членов семьи, которые находились на острове во время роковой встречи 1966 года и хотя бы теоретически могли иметь отношение к исчезновению Харриет Вангер.

ФРЕДРИК ВАНГЕР
(1886—1964)
жена Ульрика (1885—1969)

Рикард (1907—1940)
жена Маргарета (1906—1959)

Готфрид (1927—1965)
жена Изабелла (1928–)

Мартин (1948–)
Харриет (1950–?)

Харальд (1911–)
жена Ингрид (1925—1992)

Биргер (1939–)
Сесилия (1946–)
Анита (1948–)

Грегер (1912—1974)
жена Герда (1922–)

Александр (1946–)

Густав (1918—1955)
Неженат, бездетен

Хенрик (1920–)
жена Эдит (1921—1958)
бездетен

ЮХАН ВАНГЕР
(1884—1956)
жена Герда (1888—1960)

София (1909—1977)
муж Оке Шёгрен (1906—1967)

Магнус Шёгрен (1929—1994)
Сара Шёгрен (1931–)

Эрик Шёгрен (1951–)
Хокан Шёгрен (1955–)

Мэрит (1911—1988)
муж Альгот Гюнтер (1904—1987)

Оссиан Гюнтер (1930–)
жена Агнес (1933–)

Якоб Гюнтер (1952–)

Ингрид (1916—1990)
муж Харри Карлман (1912—1984)

Гуннар Карлман (1942–)
Мария Карлман (1944–)

Детей до двенадцати лет Микаэль не принимал во внимание – конечно, с Харриет Вангер могло случиться все, что угодно, но все же пренебрегать здравым смыслом не следовало. Немного поразмыслив, он вычеркнул и Хенрика Вангера – если старик имел какое-то отношение к исчезновению внучки своего брата, то все его действия за последние тридцать шесть лет носят чисто психопатический характер. Отпадала также мать Хенрика, которая в 1966 году пребывала в почтенном возрасте – ей был восемьдесят

один год. Оставалось всего-навсего двадцать три члена семейства, которых, по мнению Хенрика, можно было зачислить в группу «подозреваемых». Семеро из них за это время умерли, а несколько человек достигли весьма преклонного возраста.

Однако Микаэль не мог безоговорочно согласиться с Хенриком Вангером в том, что к исчезновению Харриет непременно причастен кто-то из членов семьи. В список подозреваемых следовало бы включить еще несколько посторонних людей.

Дирк Фруде начал работать у Хенрика Вангера адвокатом весной 1962 года. Далее, если исключить господ, кто из прислуги присутствовал в то время, когда пропала Харриет? Нынешний «дворник» Гуннар Нильссон – есть у него алиби или нет, – ему тогда было девятнадцать лет; и его отец Магнус Нильссон… Оба имели к острову самое непосредственное отношение. Так же, как и художник Эушен Норман и пастор Отто Фальк… Был ли Фальк женат? Хозяин Эстергорда Мартин Аронссон и его сын Йеркер жили на острове и к тому же общались с Харриет на протяжении всего ее детства – какие у них были отношения? Был ли женат Мартин Аронссон? Кто еще был тогда в имении?

Постепенно список Микаэля увеличился примерно до сорока человек. Наконец он нервно бросил фломастер на стол. Стрелки часов уже показывали половину четвертого утра, а термометр застыл на двадцать одном градусе ниже нуля. Похоже, холода затянутся. Блумквисту ужасно захотелось в свою кровать на Бельмансгатан.

В девять часов утра среды Микаэля разбудил стук в дверь – приехали специалисты из компании «Телия», чтобы устанавливать телефонную розетку и модем. В одиннадцать часов Блумквист наконец получил доступ к Всемирной паутине и теперь почувствовал себя полностью «упакованным».

Однако его мобильный телефон по-прежнему молчал. Эрика не отвечала на звонки Микаэля целую неделю; наверное, не на шутку разозлилась. А теперь и Блумквист решил продемонстрировать упрямство – он категорически не будет звонить ей в офис. Когда он звонит на мобильный, она видит, что это он, и имеет возможность выбрать, ответить или нет. Значит, просто не хочет отвечать.

Микаэль залез в свою электронную почту, на которой скопилось около трехсот пятидесяти сообщений, присланных ему за последнюю неделю. Штук двенадцать он оставил, остальные же потер – они оказались спамом

или рассылками. Первое же открытое им письмо пришло с адреса «demokrat88@yahoo.com» и состояло из такой фразы:

> НАДЕЮСЬ, ЧТО В ТЮРЬМЕ ТЕБЯ ОПЕТУШАТ, СВИНЬЯ ТЫ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ.

Микаэль сохранил письмо в папке под названием «Интеллектуальная критика». Сам же отправил короткое послание на адрес: «erikaberger@millenium.se».

> Привет, Рикки. Вероятно, ты на меня очень злишься, поскольку не отвечаешь на звонки и не звонишь сама. Хочу только сообщить, что у меня теперь есть доступ к Сети, и когда ты наконец почувствуешь, что можешь меня простить, надеюсь, что отправишь мне мейл. Кстати, Хедебю – кошмарное местечко, но достойно того, чтобы почтить его своим присутствием. М.

Когда подошло время обеда, Микаэль уложил свой лэптоп в сумку и прогулялся до «Кафе Сусанны», где припарковался к своему любимому столику в углу. Сусанна принесла ему кофе и бутерброд, с любопытством посмотрела на компьютер и поинтересовалась, над чем сейчас работает журналист. Микаэль впервые воспользовался своей «легендой», объяснив, что его нанял Хенрик Вангер для написания истории своей семьи. Они обменялись любезностями. Затем Сусанна предложила Микаэлю обратиться к ней, когда он захочет настоящих разоблачений.

– Я прислуживала у Вангеров целых тридцать пять лет и знаю множество сплетен об этой семье, – сказала она и важно прошествовала на кухню.

Судя по генеалогическому древу, которое набросал Микаэль, род Вангеров упорно размножался. Включая детей, внуков и правнуков – последних он даже не стал вносить в таблицу, – потомство братьев Фредрика и Юхана Вангеров насчитывало около пятидесяти человек. Микаэль также обратил внимание на то, что представители династии отличались завидным долголетием. Фредрик Вангер дожил до семидесяти восьми, его брат Юхан – до семидесяти двух. Ульрика умерла в восемьдесят четыре года. Из оставшихся в живых братьев Харальду был девяносто один, а Хенрику – восемьдесят два.

Исключение составлял брат Хенрика Густав, который умер от болезни

легких в возрасте тридцати семи лет. Хенрик говорил, что Густав всегда был болезненным и держался немного особняком. Холостяк, он не имел детей.

В прочих случаях ранняя смерть членов семьи объяснялась не болезнью, а иными причинами. Рикард Вангер отправился добровольцем на Зимнюю войну и погиб на Карельском фронте, когда ему исполнилось тридцать три года. Готфрид Вангер, отец Харриет, утонул за год до ее исчезновения. Сама Харриет пропала в шестнадцать.

Микаэль отметил парадокс: именно эту ветвь рода в трех поколениях – дедушку, отца и дочь – постигали несчастья. После Рикарда остался только Мартин Вангер, который к пятидесяти пяти годам был еще не женат и бездетен. Правда, Хенрик сообщил Микаэлю, что у Мартина есть гражданская жена, проживающая самостоятельно в Хедестаде.

Мартину Вангеру было восемнадцать лет, когда исчезла его сестра. Он принадлежал к небольшому числу ближайших родственников, которых более или менее уверенно можно было вычеркнуть из списка подозреваемых. В ту осень Мартин жил в Уппсале, где учился в последнем классе гимназии. Он спешил на семейную встречу, но прибыл только ближе к вечеру, и когда его сестра бесследно исчезла, находился среди тех, кто наблюдал за аварией с другой стороны моста.

Микаэль отметил еще две особенности генеалогического древа. Во-первых, Вангеры сплошь были моногамны, браки у них заключались один раз и на всю жизнь. Никто из клана не разводился и не вступал в повторный брак, даже если овдовел еще в молодости. Микаэль задумался о том, насколько такой его вывод коррелирует с реальной статистикой. Сесилия Вангер разъехалась со своим мужем несколько лет назад, но официально по-прежнему оставалась замужем.

Во-вторых, семья в географическом отношении оказалась разделена на мужскую и женскую половины. Потомки Фредрика Вангера, к которым принадлежал Хенрик, традиционно играли ведущую роль в концерне и в основном жили в Хедестаде или в его окрестностях. Юхан же Вангер произвел на свет исключительно девиц, которые в итоге вышли замуж и перебрались в разные регионы Швеции. Представители этой ветви Вангеров жили в основном в Стокгольме, Мальмё и Гётеборге или за границей и приезжали в Хедестад только на летние каникулы или на важные корпоративные встречи. Единственное исключение составляла Ингрид Вангер, чей сын Гуннар Карлман проживал в Хедестаде и являлся главным редактором местной газеты «Хедестадс-курирен».

Выступая как частный детектив, Хенрик пришел к выводу, что

«скрытый мотив убийства Харриет» следует искать внутри семейного предприятия. Во-первых, он ни от кого не скрывал, что придерживается очень высокого мнения относительно выдающихся способностей Харриет. А во-вторых, вполне могло статься, что тот, кто убил Харриет, целился в самого Хенрика, зная, как он ее любит. Кроме того, нельзя было исключить и того, что Харриет, например, раздобыла какую-то приватную информацию, касающуюся концерна, и тем самым стала представлять для кого-то угрозу. Все это были лишь версии, которые, впрочем, позволили определить группу из тринадцати человек. Их Хенрик считал «особенно перспективными».

После вчерашней беседы со стариком Микаэлю многое стало ясно. Например, почему Хенрик ненавидит свое семейство. Вначале Микаэлю казалось, это из-за того, что Хенрик считает свою семью причастной к исчезновению Харриет. Но теперь он пришел к выводу, что бывший глава концерна, в общем-то, вполне трезво оценивает своих родственников.

Семейство, которое на финансовом и общественном поприщах добивалось успехов, в частной жизни выглядело откровенно неблагополучным.

Отец Хенрика был холодным и бесчувственным человеком; он производил на свет детей и взваливал заботы об их воспитании на плечи жены. До шестнадцатилетнего возраста дети почти не видели своего отца – разве что на особых семейных торжествах, где они должны были присутствовать, но держаться незаметно. Хенрик не мог припомнить ни единого намека на проявление любви со стороны отца. Зато тот никогда не отказывал себе в удовольствии упрекнуть сына, которого вообще часто подвергал беспощадной критике. До телесных наказаний дело доходило нечасто, да этого и не требовалось. Правда, в конце концов Хенрику удалось заслужить уважение отца, но гораздо позже, когда он стал приносить пользу концерну Вангеров.

Старший брат, Рикард, наконец взбунтовался и после серьезного конфликта, причины которого в семье никогда не обсуждались, уехал учиться в Уппсалу. Там он примкнул к рядам нацистов и в конце концов оказался в окопах Карельского фронта.

О том, что тем же политическим путем пошли еще два брата, Хенрик Вангер тогда не упомянул.

Харальд и Грегер Вангеры в 1930 году отправились вслед за старшим братом в Уппсалу. Между собой эти двое были очень близки, но насколько тесно они общались с Рикардом, Хенрик Вангер наверняка не знал.

Известно, что братья примкнули к фашистскому движению Пера Энгдаля «Новая Швеция», и все последующие годы Харальд преданно следовал за Пером Энгдалем: он вступил сначала в Шведский национальный союз, затем – в «Шведскую оппозицию» и наконец – в «Новошведское движение», которое возникло после окончания войны. Его членом Харальд оставался вплоть до смерти Пера Энгдаля в 1990-х годах, а порою даже оказывал солидную финансовую поддержку шведскому фашизму, который уже дышал на ладан.

В Уппсале Харальд Вангер изучал медицину и почти сразу попал в круги, которые проявляли большой интерес к теориям расовой гигиены и расовой биологии. Некоторое время он работал в Шведском институте расовой биологии и как врач стал одним из инициаторов кампании за стерилизацию «элементов нежелательного населения».

> Цитата, Хенрик Вангер, том 2, 02950:
>
> Но Харальд на этом не остановился. В 1937 году он стал соавтором – слава богу, под псевдонимом – книги «Новая Европа народов». Об этом мне стало известно только в 1970-х годах. У меня есть копия, которую я дам вам почитать. Возможно, это одна из самых отвратительных книг, когда-либо выходившая на шведском языке. Харальд выступал не только за стерилизацию, но и за эвтаназию – за активную помощь в умерщвлении тех людей, которые не соответствовали его эстетическим вкусам и не вписывались в его представление об идеальной шведской нации. Иными словами, он агитировал за массовые убийства в книге, написанной безупречным академическим языком и содержащей все мыслимые медицинские аргументы. Надо избавиться от инвалидов. Не допускать увеличения доли саамского населения, которое отмечено монгольским влиянием. Психически неполноценные воспримут смерть как избавление. Это ведь так? Беспутные женщины, бродяги, цыгане и евреи… Можете продолжить сами. С точки зрения моего брата, Освенцим вполне мог располагаться в Даларна.

Грегер Вангер после войны стал преподавателем, а затем и директором гимназии в Хедестаде. Хенрик тогда предполагал, что после войны брат расстался с партией и навсегда выкинул из головы идеи нацизма. Умер Грегер в 1974 году, и, только разбирая его архивы, из его переписки Хенрик узнал, что в 1950-х годах брат примкнул к абсолютно бессмысленной и

идиотской секте – к Северной рейхспартии (NRP). В ее рядах он и оставался до самой смерти.

> Цитата, Хенрик Вангер, том 2, 04167:
>
> Получается, что трое из моих братьев были в политическом отношении больными людьми. Насколько больными они были в других отношениях?

Единственным братом, к которому Хенрик Вангер относился с симпатией, был Густав, который скончался от болезни легких в 1955 году. Его нисколько не интересовала политика, он считался отрешившейся от мира артистической натурой и не проявлял ни малейшего интереса ни к бизнесу, ни к работе в концерне.

Микаэль спросил Хенрика:

– Значит, сейчас в живых остались только вы и Харальд. Почему он переехал обратно в Хедебю?

– Он вернулся домой в семьдесят девятом году, незадолго до своего семидесятилетнего юбилея. У него здесь дом.

– Наверное, странно жить бок о бок с братом, которого ненавидишь…

Хенрик Вангер с удивлением посмотрел на Микаэля.

– Ты меня неправильно понял. Я скорее жалею своего брата, чем ненавижу; он – полный идиот… И это он меня ненавидит.

– Вот как?

– Именно. Думаю, поэтому он и вернулся – чтобы провести последние годы, ненавидя меня на более близком расстоянии.

– Но откуда такое отношение?

– Дело в моей женитьбе.

– Объясните…

С детства Хенрик Вангер не слишком ладил со старшими братьями. Он, единственный из них, проявлял склонность к занятиям бизнесом, и отец возлагал на него большие надежды. Хенрик не интересовался политикой и не стремился попасть в Уппсалу, выбрав изучение экономики в Стокгольме. После того как ему стукнуло восемнадцать, он проводил все каникулы на должности практиканта в каком-нибудь из многочисленных офисов концерна «Вангер» и в итоге досконально изучил все нюансы семейного предприятия.

10 июня 1941 года, посреди разбушевавшейся Второй мировой войны, Хенрика на шесть недель отправили в Германию, в торговое

представительство концерна «Вангер» в Гамбурге. Ему тогда только исполнился двадцать один год, и в качестве наставника и компаньона к нему приставили немецкого представителя концерна, ветерана предприятия Хермана Лобака.

– Не хочу загружать вас деталями, но, когда я собирался в дорогу, Гитлер со Сталиным считались добрыми друзьями и никакого Восточного фронта еще не было и в помине. Всем еще казалось, что Гитлер непобедим. Чувства оптимизма и отчаяния тогда нельзя было назвать взаимоисключающими. И хотя прошло более полувека, но по-прежнему трудно подобрать слова, чтобы охарактеризовать те настроения. Поймите меня правильно – я никогда не был нацистом, и Гитлер представлялся мне комичным опереточным персонажем. Но рядовых жителей Гамбурга вдохновляли надежды на счастливое будущее. А война неумолимо приближалась, и за то время, что я там провел, Гамбург несколько раз подвергался бомбардировкам. Но народу казалось, что это временные и случайные неприятности, все ждали, что скоро наступит мир и Гитлер выстроит свою Neuropa – новую Европу. Людям хотелось верить в то, что Гитлер – бог; во всяком случае, так утверждала пропаганда.

Хенрик Вангер открыл один из многочисленных фотоальбомов.

– Вот Херман Лобак. Он пропал без вести в сорок четвертом году – скорее всего, погиб при бомбежке. О его судьбе мы так никогда ничего и не узнали. За недели, проведенные в Гамбурге, мы с ним подружились. Я тогда гостил у него и его семьи в прекрасной квартире, расположенной в престижном квартале Гамбурга, и мы ежедневно общались. Он был так же далек от нацизма, как и я, но для удобства вступил в нацистскую партию. Членский билет открывал ему нужные двери и облегчал возможность заниматься бизнесом от имени концерна «Вангер» – чем мы, собственно, и занимались. Мы строили товарные вагоны для их поездов – меня всегда интересовало, не отправлялась ли их часть в Польшу. Мы продавали ткань для их униформы и лампы для их радиоприемников – хотя официально, разумеется, не знали, как использовались эти товары. Херману Лобаку удавалось заключать выгодные контракты, он был веселым и приятным малым. Просто идеальным нацистом. Впоследствии я понял, что все это время ему приходилось тщательно скрывать свою тайну.

В ночь на двадцать второе июня Херман Лобак постучался ко мне в спальню и разбудил меня. Моя комната располагалась по соседству со спальней его жены, и он знаками предложил мне одеться и следовать за ним. Мы спустились на этаж ниже и уселись в курительном салоне. Я понял, что Лобаку даже не удалось сомкнуть глаз. Радио было включено, и

я понял, что произошло что-то трагическое. Началась операция «Барбаросса». Германия напала на Советский Союз в праздник летнего солнцестояния.

В знак отчаяния Хенрик Вангер всплеснул руками.

– Херман достал две рюмки и налил их по полной шнапсом. Он явно был в шоке. Когда я спросил его, что теперь будет, он ответил: теперь наступит конец Германии и нацизма. Я не поверил ему – ведь Гитлер казался непобедимым, – но Лобак выпил со мной за гибель Германии. А потом перешел к делу.

Микаэль кивнул в знак того, что внимательно следит за рассказом.

– Во-первых, он не смог связаться с моим отцом, чтобы получить распоряжения, но по собственной инициативе решил прервать мое пребывание в Германии и как можно скорее отправить меня домой. Во-вторых, он хотел попросить меня об одном одолжении.

Хенрик Вангер указал на пожелтевшую фотографию темноволосой женщины в полупрофиль.

– Херман был женат уже сорок лет, но в девятнадцатом году он встретил женщину редкой красоты и к тому же вдвое моложе себя – всего лишь бедную простую швею. Он влюбился в нее до бесчувствия и стал за ней ухаживать. Как многие другие состоятельные мужчины, он мог себе позволить поселить ее в квартире, расположенной недалеко от офиса. Она стала его любовницей и в двадцать первом году родила ему дочь, которую назвали Эдит.

– Состоятельный пожилой господин, бедная молоденькая барышня и дитя любви – вряд ли этот сюжет может стать поводом для скандала, даже в то время, – прокомментировал Микаэль.

– Безусловно. Но дело в том, что женщина была еврейкой, и Лобак, соответственно, стал отцом еврейки. И все это происходит в самом сердце нацистской Германии. И его причислили к предателям расы.

– Ах, вот что… Это меняет дело. И что же дальше?

– Мать Эдит схватили в тридцать девятом году. Она исчезла, и мы можем только догадываться, как трагично сложилась ее судьба. Но ведь все знали, что у нее осталась дочь, которая пока не значилась в списках для депортации, и ее разыскивал отдел гестапо, занимавшийся охотой на беглых евреев. Летом сорок первого года, в ту же неделю, когда я прибыл в Гамбург, в гестапо пронюхали о связи матери Эдит с Херманом Лобаком. Его, разумеется, вызвали на допрос. Он не стал отрицать ни любовную связь, ни отцовство, но заявил, что не общался с дочерью уже десять лет и не имеет понятия о ее местонахождении.

– А где же на самом деле находилась его дочь?

– Я ежедневно встречал ее в доме Лобака. Это была симпатичная замкнутая двадцатилетняя девушка, которая убирала мою комнату и помогала подавать ужин. В тридцать седьмом году – а к тому времени преследования евреев продолжались уже несколько лет – мать Эдит стала умолять Лобака о помощи. И он помог – Херман любил свою внебрачную дочь так же сильно, как и детей от законного брака.

Он умудрился спрятать свою дочь в самом невероятном месте – прямо под носом у всех. Выправил ей фальшивые документы и нанял ее к себе в дом в качестве экономки.

– А его жена знала, кто такая на самом деле эта служанка?

– Нет, не имела об этом ни малейшего понятия.

– И что же потом?

– Так продолжалось четыре года, и все вроде бы шло хорошо, но теперь Лобак чувствовал, что петля на его шее затягивается. Рано или поздно гестаповцы появились бы на пороге его дома. Он поведал мне обо всем этом ночью, за пару недель до моего возвращения в Швецию. Потом привел дочь и представил нас друг другу. Она очень стеснялась и даже боялась встретиться со мной взглядом. Лобак умолял меня спасти ей жизнь.

– Но как?

– Он уже обо всем позаботился. Изначально я должен был остаться еще на три недели, затем доехать поездом до Копенгагена и пересечь пролив на корабле – такая поездка даже тогда считалась относительно безопасной. Но всего через два дня после нашего разговора из Гамбурга должен был отправиться грузовой пароход, принадлежавший концерну «Вангер», и взять курс на Швецию. Лобак хотел, чтобы я незамедлительно покинул Германию на этом пароходе. Чтобы скорректировать планы и маршрут, требовалось разрешение службы безопасности, но хлопоты с этими бюрократами Лобак брал на себя. А пока ему было важно, чтобы я оказался на борту.

– И наверняка вместе с Эдит?

– Эдит должна была проникнуть на корабль, укрывшись в одном из трехсот ящиков с оборудованием. Предполагалось, что я смог бы ее защитить, если б ее обнаружили до того, как мы покинем немецкие территориальные воды, и помешать капитану совершить какую-нибудь оплошность. При благополучном же развитии событий мне следовало дождаться, пока мы отплывем подальше от Германии, и выпустить ее из ящика.

– Неплохо.

– Задумано-то все было действительно неплохо, но поездка обернулась сущим кошмаром. Капитана корабля звали Оскар Гранат, и он не обрадовался тому, что ему придется отвечать за наследника его работодателя. Мы покинули Гамбург в конце июня, около девяти часов вечера. Не успел корабль покинуть гавань, как раздался сигнал воздушной тревоги. Начался налет английских бомбардировщиков – самый мощный из тех, что мне довелось пережить, – и, разумеется, они метили в гавань. Не скрою, я почти описался, когда поблизости от нас начали рваться бомбы. Однако нас спасло просто чудо, с поврежденным двигателем кораблю удалось прорваться сквозь жуткий шторм – ночью! – и не нарваться на установленные в воде мины. На следующий день мы прибыли в Карлскруну… Вас, наверное, интересует, что произошло с девушкой?

– Мне кажется, я уже знаю.

– Мой отец, разумеется, взбесился. Я рисковал всем чем можно и чем нельзя – это была настоящая горячка. Девушку могли депортировать в любую секунду – ведь шел сорок первый год. Но к тому времени я уже был без памяти влюблен в нее, как когда-то Лобак влюбился в ее мать. Я был непреклонен и поставил своему отцу ультиматум: либо он благословляет меня на этот брак, либо пусть ищет другого подающего надежды наследника для семейного предприятия. Отец сдался.

– Она что, умерла?

– Да, она ушла из жизни слишком рано. В пятьдесят восьмом году. Мы прожили вместе около шестнадцати лет. У нее оказался врожденный порок сердца. И к тому же выяснилось, что я бесплоден – поэтому наш брак оказался бездетным. Вот почему мой брат меня ненавидит.

– Только потому, что вы на ней женились?

– Потому, что я – используя его терминологию – женился на грязной жидовской шлюхе. Он считал, что я совершил предательство по отношению к расе, народу, морали – ко всем принципам, которые он отстаивал.

– Да он просто чокнутый…

– Ты даже не представляешь, насколько прав.

Глава 10
Четверг, 9 января – пятница, 31 января

Согласно метеосводкам газеты «Хедестадс-курирен», первый месяц, проведенный Микаэлем вдали от цивилизации, оказался рекордно холодным, или, по крайней мере, как сообщил ему Хенрик Вангер, самым холодным с военной зимы 1942 года. Микаэль был с этим вполне согласен. Уже после недели, проведенной в Хедебю, он близко познакомился с такими предметами одежды, как кальсоны, вязаные шерстяные носки и утепленные фуфайки.

В середине января ему пришлось пережить несколько кошмарных дней, когда температура опускалась до немыслимой отметки – тридцать семь градусов мороза. Ничего подобного ему прежде испытывать не приводилось, даже в тот год, когда он служил в армии, в Кируне. А однажды утром в его домике даже замерз водопровод. Гуннар Нильссон снабдил Блумквиста двумя большими пластиковыми канистрами, чтобы он смог приготовить еду и умыться. Но холод буквально парализовал все и вся. От мороза на окнах расцвели ледяные цветы. И хотя Микаэль топил печку, он никак не мог согреться. Каждый день он подолгу колол дрова в сарае за домом.

Порой Микаэль был готов взвыть; ему хотелось вызвать такси, доехать до города и сесть на ближайший поезд, идущий куда-нибудь на юг. Но он стоически натягивал второй свитер и укутывался в одеяло, а потом садился за кухонный стол, пил кофе и штудировал старые полицейские протоколы.

Но вскоре погода переменилась, и – подумать только – температура поднялась до вполне приемлемых минус десяти градусов.

Между тем Микаэль уже начал знакомиться с обитателями Хедебю. Мартин Вангер сдержал свое обещание и пригласил его на ужин собственного приготовления: к столу он подал жаркое из лосятины и красное итальянское вино. Генеральный директор не был женат, но тесно общался с Эвой Хассель, которая тоже была приглашена на ужин. Она оказалась очень милой женщиной, с ней было интересно общаться, и Микаэль нашел ее весьма привлекательной. Эва работала зубным врачом и жила в Хедестаде, но уик-энды проводила у Мартина Вангера. Слово за слово, и Микаэль выяснил, что они знали друг друга много лет, но начали встречаться уже в зрелом возрасте и не видели смысла заключать брачный

союз.

– Ведь она мой зубной врач, – со смехом пояснил Мартин Вангер.

– А породниться с твоими чокнутыми родственниками – вовсе не предел моих мечтаний, – заметила Эва Хассель и ласково похлопала своего приятеля по колену.

Вилла Мартина Вангера выглядела как мечта холостяка, воплощенная архитектором – с черной, белой и хромированной мебелью. Даже ценителя стиля Кристера Мальма могли бы вдохновить дорогие дизайнерские изделия. Кухня была оснащена оборудованием для профессионального повара, а в гостиной имелся высококлассный проигрыватель и уникальная коллекция джаза, от Томми Дорси до Джона Колтрейна. Мартин Вангер, будучи весьма состоятельным господином, оборудовал дорогой и комфортабельный, но начисто лишенный индивидуальности дом. Микаэль отметил, что вместо картин на стенах висят репродукции и постеры, какими торгуют в «ИКЕА», – эффектные, но в целом безликие. Книжные полки – по крайней мере, в той части дома, в которой находился Микаэль, – были полупустые; на них свободно размещалась Национальная энциклопедия и несколько подарочных книг, которые обычно дарят на Рождество. Судя по всему, Мартин Вангер тяготел к двум хобби: музыке и приготовлению пищи. В связи с первым он собрал около трех тысяч долгоиграющих дисков, а благодаря второму стал грузным и круглым.

В Мартине сочетались такие трудно совместимые черты, как упрямство, резкость и любезность. Не требовалось особых аналитических способностей, чтобы заключить, что генеральный директор был личностью неоднозначной. Пока они слушали композицию «Ночь в Тунисе», беседа вращалась в основном вокруг концерна «Вангер». Мартин даже не скрывал, что его компания борется за выживание. Сам по себе выбор темы смутил Микаэля. Ведь Мартин Вангер прекрасно сознавал, что у него в гостях находится журналист – экономический обозреватель, и тем не менее обсуждал внутренние проблемы концерна столь откровенно, что это выглядело как проявление легкомыслия.

Но он явно исходил из того, что Микаэль работал на Хенрика Вангера, и этого было достаточно, чтобы Мартин считал его «своим». Так же, как и бывший генеральный директор, его преемник считал: в том, что концерн находится в столь плачевном состоянии, семья Вангеров должна винить только себя. Правда, в отличие от патриарха, он относился к этому факту не так серьезно и не питал ненависти к родственникам. Казалось, что Мартина Вангера просто смешил неисправимый идиотизм его родных. Эва Хассель

лишь кивала, воздерживаясь от комментариев. Конечно, они обсуждали эти вопросы и раньше.

Мартин Вангер уже знал, что Микаэль получил задание написать семейную хронику, поэтому он спросил, как продвигается работа. Микаэль улыбнулся и ответил, что с трудом осваивает даже имена многочисленных родственников, и попросил разрешения зайти еще раз и задать несколько вопросов, если это будет удобно. Он уже подумывал, не завести ли разговор о навязчивой идее Хенрика относительно исчезновения Харриет. Блумквист не сомневался, что Хенрик Вангер не раз терзал брата пропавшей девушки своими идеями на этот счет. Кроме того, Мартин и сам должен понимать, что раз Микаэль занялся написанием семейной хроники, то от него едва ли удастся скрыть бесследное исчезновение одного из членов семьи. Однако Мартин, похоже, не собирался упоминать о том происшествии, и Микаэль решил обождать. Рано или поздно непременно появится повод обсудить историю Харриет.

Они засиделись. Наконец выпили на посошок несколько рюмок водки и расстались только около двух часов ночи. Триста метров по скользкой тропинке до своего дома Микаэлю пришлось одолевать в весьма приподнятом настроении. Но в целом он считал, что провел приятный вечер.

Микаэль уже вторую неделю гостил в Хедебю.

Как-то в сумерках в дверь его домика кто-то постучал. Он отложил в сторону папку с полицейскими протоколами, которую только-только успел раскрыть – это была шестая по счету, – и, предусмотрительно прикрыв дверь в кабинет, впустил в дом разодетую в меха блондинку лет пятидесяти.

– Привет. Вот… просто хотела познакомиться. Меня зовут Сесилия Вангер.

Они пожали друг другу руки, и Микаэль достал кофейные чашки.

Сесилия Вангер, дочь нациста Харальда Вангера, оказалась искренней и очень привлекательной женщиной. Микаэль вспомнил, что Хенрик Вангер отзывался о ней очень тепло и говорил, что она не общается с отцом, хоть и живет по соседству с ним. Они немного поболтали, а потом гостья перешла к цели своего визита.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь написать книгу о нашей семье. Не совсем уверена, что мне нравится эта идея, – сказала она. – В любом случае я хотела бы знать, что вы за человек.

– Меня нанял Хенрик Вангер. На самом деле я должен написать

историю его жизни.

– Вот именно. Добрейший Хенрик не вполне нейтрально относится к собственной семье.

Микаэль недоуменно взглянул на нее; он не понимал, что она хотела сказать.

– Вы не хотите, чтобы я писал книгу о семье Вангеров?

– Я этого не говорила. Да и мое мнение, вероятно, ни на что не повлияет. Но думаю, вы уже поняли, что быть членом этого семейства во все времена было очень нелегко.

Микаэль не имел никакого понятия о том, что ей рассказывал Хенрик и насколько Сесилия осведомлена о его задании. Он развел руками:

– Хенрик Вангер заключил со мной контракт – я обещал написать семейную хронику. Сам он, возможно, и не слишком-то жалует некоторых членов своей семьи, но я намерен опираться исключительно на документы.

Сесилия сдержанно улыбнулась:

– Мне хотелось бы знать, не придется ли мне отправиться в ссылку или эмигрировать, когда эта книга будет опубликована?

– Не думаю, – ответил Микаэль. – Читатели не дураки и вполне могут оценить, кто есть кто.

– Ну еще бы… Мой отец, например.

– Ваш отец – нацист? – спросил Микаэль.

Сесилия Вангер закатила глаза:

– Мой отец – психопат. Я встречаюсь с ним не чаще раза в год, хотя мы и живем рядышком.

– Но почему вы не хотите с ним встречаться?

– Минутку. Прежде чем вы закидаете меня вопросами… Вы собираетесь меня цитировать? Или я могу свободно общаться с вами, не боясь, что меня представят в невыгодном свете?

Микаэль подбирал слова, не зная, как лучше сформулировать свою мысль.

– Мне поручили написать книгу о жизни семьи, начиная с того момента, как Александр Вангеерсад вместе с Бернадотом сошли на шведские берега, и заканчивая нынешним днем. Я намерен изложить историю промышленной империи, которая просуществовала много десятилетий. Но, естественно, я не смогу обойти своим вниманием и тот факт, что эта империя сейчас разрушается. Мне также не удастся умолчать и об имеющихся в семье противоречиях. В таком эпическом полотне никак невозможно обойтись без этого. Однако это не означает, что я намерен очернить династию или демонизировать ее отдельных представителей.

Например, я уже встречался с Мартином Вангером, который кажется мне симпатичным, и я хотел бы представить его именно таким, каким он мне показался.

Сесилия Вангер никак не прокомментировала откровения Микаэля.

– О вас я знаю, что вы учительница…

– На самом деле еще хуже: я – директор гимназии в Хедестаде.

– Извините. Я знаю, что Хенрик Вангер к вам хорошо относится; знаю, что вы замужем, но живете с мужем раздельно… Вот, пожалуй, и все. Конечно, вы можете беседовать со мной и не бояться, что вас процитируют или выставят на всеобщее обозрение. Но как-нибудь я постучу к вам в дверь и попрошу ответить на вопросы относительно того или иного конкретного события, на которое вы поможете мне пролить свет. Тогда уже речь пойдет об интервью, и вам самой решать, отвечать вам на мои вопросы или нет. В любом случае я заранее предупрежу вас, когда наша беседа войдет в официальное русло.

– Значит, я смогу разговаривать с вами… не под запись, как это у вас принято называть?

– Конечно.

– А этот наш разговор идет не под запись?

– Сейчас вы просто моя соседка, зашедшая познакомиться и выпить чашечку кофе, вот и всё.

– Ладно. Тогда можно задать вам один вопрос?

– Конечно.

– Какая часть этой книги будет посвящена Харриет Вангер?

Микаэль закусил губу и, секунду поколебавшись, постарался ответить непринужденно:

– Честно сказать, пока не имею представления. Конечно, возможно, ей будет посвящена целая глава. Нельзя отрицать, что это драматическое событие оказало огромное влияние на Хенрика Вангера.

– Сдается мне, вы приехали сюда как раз для того, чтобы разобраться в причинах и обстоятельствах ее исчезновения.

– С чего вы взяли?

– Я знаю, что Гуннар Нильссон притащил сюда четыре коробки. Они очень напоминают архив частного расследования Хенрика за все эти годы. При этом, когда я заглянула в бывшую комнату Харриет, где Хенрик обычно хранил свои бумаги, их там не оказалось.

А Сесилия Вангер, оказывается, неглупа.

– На самом деле эту тему вам нужно обсуждать с Хенриком Вангером, а не со мною, – ответил Микаэль. – Разумеется, он посвятил меня в

некоторые подробности исчезновения Харриет, и я решил, что мне следовало бы ознакомиться с этими материалами.

Сесилия Вангер заученно улыбнулась.

– Я никак не могу понять, кто из них более сумасшедший – мой отец или мой дядя. Я обсуждала с Хенриком эпизод исчезновения Харриет, вероятно, уже не одну тысячу раз.

– А что, на ваш взгляд, с ней все-таки произошло?

– Этот вопрос – уже начало интервью?

– Нет, – засмеялся Микаэль. – Этот вопрос я задал просто из чистого любопытства.

– А теперь мне стало любопытно: неужели вы тоже чокнутый? Это Хенрик заразил вас своей манией или же на сей раз он опять завелся благодаря вам?

– А по-вашему, Хенрик чокнутый?

– Дело в том, что Хенрик – очень славный и заботливый. Я очень хорошо к нему отношусь. Но когда речь заходит о Харриет, он буквально сходит с ума.

– Но ведь у него есть веская причина сходить с ума. Харриет действительно исчезла.

– Кто бы знал, насколько мне осточертела эта история… Она уже много лет отравляет нам всем жизнь и, похоже, никогда не закончится.

Внезапно Сесилия поднялась и стала натягивать меховую куртку.

– Мне пора. Что ж, вы действительно милый человек. Мартин тоже так считает, но на его мнение не всегда можно полагаться. Заходите ко мне на чашечку кофе в любое время, если будет желание. По вечерам я практически всегда у себя.

– Спасибо, – ответил Микаэль.

Когда Сесилия уже подходила к входной двери, он крикнул ей вслед:

– Вы не ответили на вопрос, не являющийся началом интервью!..

Она задержалась в дверях и произнесла, не глядя на него:

– Я понятия не имею о том, что случилось с Харриет. Но уверена, что в конце концов правда всплывет наружу. И она будет настолько проста, что мы будем потрясены. Если когда-нибудь узнаем ее…

Она обернулась и улыбнулась Блумквисту. Впервые ее улыбка выглядела искренней. Потом Сесилия помахала рукой и ушла.

Микаэль по-прежнему сидел за кухонным столом, задумавшись. Имя Сесилии Вангер, так же, как и имена некоторых других членов семьи, находившихся на острове в день исчезновения Харриет, в его записях было выделено жирным шрифтом.

Но если знакомство с Сесилией Вангер в целом оказалось приятным, то встреча с Изабеллой Вангер произвела на Блумквиста тяжелое впечатление. Матери Харриет уже стукнуло семьдесят пять лет. Хенрик оказался прав: она выглядела очень эффектно и чем-то напоминала постаревшую Лорен Бэколл[59].

Стройная, в черной каракулевой шубе и такой же шапке, с черной тростью в руке, эта женщина, как стареющий вампир, была по-прежнему красива, но ядовита, как змея. Микаэль столкнулся с нею однажды утром, направляясь в «Кафе Сусанны». Изабелла Вангер, скорее всего, возвращалась домой с прогулки. Она окликнула его от перекрестка:

– Послушайте-ка, юноша. Подойдите поближе.

Поначалу Микаэль не понял, что эта фраза в приказном тоне обращена именно к нему. Но когда он огляделся по сторонам, то убедился, что вокруг никого нет и что, стало быть, этот призыв относится к нему.

– Я – Изабелла Вангер, – представилась женщина.

– Привет! А меня зовут Микаэль Блумквист.

Он протянул руку, но она сделала вид, что не заметила ее.

– Это вы копаетесь в наших семейных дрязгах?

– Это со мной Хенрик Вангер заключил контракт, чтобы я помог ему написать книгу об истории его семьи.

– Вас это не касается.

– Что вы имеете в виду? То, что Хенрик Вангер предложил мне контракт, или то, что я его подписал? В первом случае я уверен, что решать Хенрику, а во втором – мне.

– Вы понимаете, что я имею в виду. Мне не нравится, когда чужие копаются в моей жизни.

– Что ж, лично я не буду копаться конкретно в вашей жизни. Обо всем остальном вам придется договариваться с Хенриком.

Вдруг Изабелла Вангер подняла трость и ткнула наконечником в грудь Микаэля. Толчок был несильным, но от неожиданности журналист отступил.

– Держитесь от меня подальше.

Изабелла Вангер развернулась и проследовала к своему дому. Микаэль застыл. Его не покидало ощущение, будто он только что повстречался с персонажем какого-нибудь сериала. Взгляд его скользнул по окнам кабинета Хенрика. Стоя с кофейной чашкой в руках, тот приподнял ее, показывая, что пьет за здоровье Микаэля. Блумквист развел руками, покачал головой и направился в кафе Сусанны.

За первый месяц пребывания в Хедебю Микаэль предпринял лишь одну поездку – к бухте озера Сильян. Он позаимствовал у Дирка Фруде «Мерседес» и отправился через снежные пейзажи, чтобы повидаться с инспектором уголовной полиции Густавом Мореллем. Микаэль пытался составить себе представление о нем, опираясь на материалы полицейского расследования. Его встретил еще вполне крепкий старик, который, правда, передвигался очень медленно и говорил не торопясь.

Микаэль привез с собой блокнот, в который записал около десятка вопросов, возникших у него во время чтения полицейских материалов. Морелль обстоятельно ответил на каждый из них. В конце концов Микаэль отложил блокнот и признался, что вопросы эти были лишь поводом для встречи с вышедшим на пенсию инспектором. На самом деле ему очень хотелось задать единственный важный вопрос: было ли в расследовании что-нибудь, не отразившееся в материалах дела? Может быть, у Морелля в то время возникла какая-нибудь идея? Или интуиция подсказывала ему что-нибудь, чем он мог бы поделиться?

Поскольку Морелль, как и Хенрик Вангер, все эти тридцать шесть лет размышлял над загадкой исчезновения Харриет, Блумквист полагал, что его визит будет воспринят с некоторой долей скептицизма: нате вам, явился какой-то новичок и бродит по зарослям, в которых сам Морелль когда-то заплутал. Однако Микаэля восприняли без всякой враждебности. Морелль аккуратно набил трубку и чиркнул спичкой.

– Да, конечно, кое-какие мысли у меня возникали. Но они такие нечеткие и расплывчатые, что я даже и не знаю, как их лучше сформулировать.

– А как вы полагаете, что же все-таки произошло с Харриет?

– Я думаю, ее убили. Тут я солидарен с Хенриком. Это единственная прочная версия. Но что правда, то правда – мы так и не докопались до мотива. Я считаю, что ее убили по какой-то определенной причине – причем убийца не был психом, насильником или кем-то в этом роде. Если б мы докопались до мотива, то вычислили бы, кто ее убил.

Морелль задумался.

– Убийство могло быть совершено спонтанно. Я имею в виду, кто-то мог воспользоваться случаем, когда после аварии началась та кутерьма. Убийца спрятал труп и вывез его позже, пока мы блуждали по окрестностям.

– Значит, убийца был чрезвычайно хладнокровен.

– Тут еще вот что… Харриет заходила в кабинет к Хенрику, желая с

ним поговорить. Уже после этих событий ее поведение показалось мне примечательным – ведь она прекрасно знала, что по дому Хенрика бродят многочисленные родственники. Мне кажется, что Харриет могла представлять для кого-то угрозу – она ведь хотела что-то рассказать Хенрику, и убийца понял, что она… его выдаст.

– А Хенрик в тот момент общался с другими членами семьи…

– Помимо Хенрика, в комнате находились четыре человека: его брат Грегер, сын его кузины Магнус Шёгрен и двое детей Харальда Вангера – Биргер и Сесилия. Но это ни о чем не говорит. Допустим, Харриет обнаружила, что кто-то похитил деньги с корпоративного счета компании – ну, к примеру. Она знает об этом уже несколько месяцев, а может, даже неоднократно обсуждает это с преступником. Пытается, скажем, его шантажировать, а может, даже сочувствует ему и сомневается, надо ли его выдавать. Внезапно она решается – и сообщает об этом преступнику. И тот в отчаянии ее убивает.

– Вы говорите «его»…

– Статистика говорит, что большинство убийц – мужчины. Правда, среди женщин клана Вангеров есть настоящие чертовки.

– Я уже встречался с Изабеллой.

– Да, она – одна из них. Но есть и другие. От Сесилии Вангер можно ждать всяких неожиданностей… А Сару Шёгрен вы видели?

Микаэль покачал головой.

– Она – дочь Софии Вангер, одной из кузин Хенрика. Вот уж действительно весьма отталкивающая и жестокая особа. Но она жила в Мальмё, и, насколько я смог установить, у нее не имелось мотива убивать Харриет.

– Ну, и что дальше?

– Но проблема заключается в том, что, как бы мы ни старались, нам никак не удается выяснить мотив. А это самое главное. Если мы определим мотив, то узнаем, что произошло и кто виноват.

– Вы очень тщательно расследовали этот эпизод. Но, возможно, осталось что-нибудь, что вам не удалось довести до конца?

Морелль усмехнулся.

– Нет, Микаэль. Я посвятил этому делу бесконечное количество времени и не могу припомнить, чтобы не довел чего-нибудь до конца. Даже после того, как меня повысили и я смог уехать из Хедестада.

– Смогли уехать?

– Да, родом я не из Хедестада. Я служил там с шестьдесят третьего по шестьдесят восьмой год. Потом дослужился до комиссара и перебрался в

Евле, в местную полицию, и работал там до выхода на пенсию. Но даже там я не переставал размышлять над исчезновением Харриет.

– Вероятно, вам не давал покоя Хенрик Вангер.

– Разумеется. Но не только поэтому. Загадка Харриет и сегодня не отпускает меня. Я хочу сказать… Знаете, у каждого полицейского имеется своя неразгаданная тайна. Когда я служил в Хедестаде, как-то раз за чашкой кофе более опытные коллеги рассказали мне о случае с Ребеккой. Особенно один полицейский по имени Торстенссон – он уже умер давным-давно – из года в год возвращался к этому делу. Он думал о нем и в свободное время, и в дни отпуска. Когда местные хулиганы не досаждали ему, он обычно вытаскивал старые папки и размышлял.

– Та девушка тоже бесследно исчезла?

Комиссар Морелль не сразу понял, что Микаэль имеет в виду. А потом сообразил, что он ищет какую-то взаимосвязь, и улыбнулся:

– Нет, я привел этот пример по другой причине. Я имел в виду, что у полицейских очень болит душа, когда какие-то дела остаются нераскрытыми. Случай с Ребеккой произошел еще до рождения Харриет, и уже много лет назад дело закрыто за давностью. В сороковые годы в Хедестаде какие-то подонки напали на женщину, изнасиловали и убили ее. Рядовой эпизод для криминалистов; каждому полицейскому за годы службы приходится расследовать такие дела. Но некоторые из них врезаются в память и проникают в душу. Ту девушку убили самым жутким образом. Убийца связал ее и положил головой в догорающие угли костра. Невозможно представить себе, сколько времени несчастная девушка умирала и какие страдания ей пришлось пережить.

– Черт возьми!

– Вот именно. Дикость и жестокость. Бедняга Торстенссон оказался первым на месте преступления, когда ее обнаружили, и убийство осталось нераскрытым, хотя к нему привлекались эксперты из Стокгольма. Так вот, он так никогда и не смог смириться со своим поражением в этом деле.

– Понимаю…

– Для меня же дело Харриет – как для него «дело Ребекки». Мы даже не знаем, как умерла Харриет. Собственно, мы даже не можем доказать, что имело место убийство. Но меня эта история не отпускает многие годы.

Немного помолчав, он продолжил:

– Расследование убийств – занятие для одиночек. Друзья жертвы волнуются и приходят в отчаяние, но рано или поздно – через несколько недель или месяцев – их жизнь возвращается на круги своя. Ближайшим родственникам требуется больше времени, но даже они преодолевают горе

и тоску. Жизнь продолжается. Однако нераскрытые убийства терзают. И только один человек продолжает думать о жертве и пытается восстановить справедливость – полицейский, остающийся один на один со старым делом.

Из семьи Вангеров на острове проживали еще трое. Сын третьего брата, Грегера, Александр Вангер, родившийся в 1946 году, жил в отреставрированном деревянном доме начала XX века. Хенрик сообщил Микаэлю, что сейчас он находится в Вест-Индии и предается своим любимым занятиям – парусному спорту и полному безделью. Судя по тому, что Хенрик позволял себе довольно резкие высказывания о племяннике, Микаэль пришел к выводу: с Александром Вангером связаны некие серьезные разногласия. Журналист узнал лишь, что Александру было двадцать лет, когда пропала Харриет, и что он вместе с другими родственниками находился в тот день на острове.

Вместе с Александром проживала его мать Герда, восьмидесятилетняя вдова Грегера Вангера. Микаэль ее не видел, поскольку она болела и в основном лежала в постели.

Третьим членом семьи был Харальд Вангер. За первый месяц Микаэлю не удалось даже мельком увидеть старого приверженца расовой теории. Жилище Харальда находилось поблизости от домика Микаэля, производя зловещее впечатление своими плотно зашторенными окнами. Несколько раз Микаэль, проходя мимо, замечал, что занавески колышутся, а однажды, очень поздно, уже перед сном, он заметил свет в комнате верхнего этажа, где шторы были чуть раздвинуты. Минут на двадцать Микаэль застыл у кухонного окна, как завороженный, наблюдая за освещенными окнами, а потом махнул рукой и лег спать. Утром все окна снова были плотно зашторены.

Харальд Вангер казался неким бесплотным существом, которое своим невидимым присутствием накладывает определенный отпечаток на жизнь всего селения. В глазах Микаэля Харальд представал как злобный Горлум[60], шпионящий за окружающими из-за штор и занимающийся в своем заколоченном логове колдовскими ритуалами.

Раз в день пожилая женщина из социальной службы навещала Харальда Вангера, принося ему еду. Ей приходилось с трудом пробираться через сугробы, поскольку он отказывался расчищать дорогу к дому. «Дворник» Гуннар Нильссон только печально покачал головой, когда Микаэль пытался его расспросить. Он объяснил, что пытался предлагать

свои услуги, но Харальд решительно не хотел, чтобы кто-то заходил на его участок. В ту зиму, когда Харальд вернулся в Хедебю, Гуннар Нильссон завернул к его дому на тракторе, чтобы расчистить двор, как он всегда делал это в других хозяйствах, но Харальд Вангер выскочил на улицу и буянил до тех пор, пока Нильссон не убрался восвояси.

К сожалению, Гуннар не мог расчищать двор у Микаэля, поскольку его трактор не мог проехать в слишком узкие ворота, и Блумквисту приходилось полагаться только на свою лопату.

В середине января Микаэль Блумквист попросил своего адвоката разузнать, когда ему предстоит отбывать трехмесячный срок в тюрьме. Он хотел как можно скорее разделаться с этим делом. Попасть за решетку оказалось легче, чем он предполагал. После недельных препирательств было решено, что 17 марта Микаэль сядет в тюрьму Руллокер под Эстерсундом – в пенитенциарное учреждение общего режима для лиц, совершивших не особо тяжкие преступления. Адвокат также сообщил Микаэлю, что срок его пребывания под стражей, скорее всего, будет немного сокращен.

– Вот и хорошо, – отозвался Микаэль без особого энтузиазма.

В это время он сидел за кухонным столом и ласкал пятнистую кошку, привыкшую раз в несколько дней ночевать у Микаэля. От живущей через дорогу Хелен Нильссон он узнал, что кошку зовут Чёрвен и что она ничейная – просто бродит от дома к дому.

Со своим работодателем Микаэль встречался почти ежедневно – иногда чтобы обменяться буквально парой фраз, а иногда они часами обсуждали исчезновение Харриет Вангер и различные моменты в частном расследовании Хенрика.

Порой Микаэль выдвигал какую-нибудь теорию, а Хенрик ее опровергал. Блумквист пытался не слишком увлекаться, чтобы не потерять профессиональное чутье, но вместе с тем он чувствовал, что в какие-то моменты его не на шутку затягивала головоломка, в которую превратилось исчезновение Харриет Вангер.

Накануне отъезда Микаэль заверял Эрику, что параллельно будет разрабатывать стратегию борьбы с Хансом Эриком Веннерстрёмом, но за месяц пребывания в Хедестаде он ни разу не открыл старые папки, материалы из которых довели его до суда. Наоборот, он старался забыть обо всем этом.

Каждый раз, когда Блумквист думал о Веннерстрёме и о ситуации, в

которой он оказался, его одолевала депрессия и он утрачивал интерес к жизни. Иногда Микаэль даже беспокоился, уж не стал ли он таким же маньяком, как Хенрик. Его профессиональная карьера разлеталась, как карточный домик, а он спрятался в глухомани и охотится за призраками… К тому же ему не хватало Эрики.

Хенрик Вангер присматривался к своему новому сотруднику со сдержанным беспокойством. Он чувствовал, что временами журналист теряет равновесие. В конце концов Хенрик принял неожиданное для себя самого решение. Он снял трубку и позвонил в Стокгольм. Беседа заняла двадцать минут, и речь шла в основном о Микаэле Блумквисте.

Эрика сменила гнев на милость только через месяц. Она позвонила в один из последних дней января, в десять часов вечера, и спросила вместо приветствия:

– Ты еще долго собираешься там торчать?

Микаэль уже и не ожидал услышать ее голос, поэтому смутился и сразу даже не нашел, что ответить. Потом улыбнулся и поплотнее укутался в одеяло.

– Привет, Рикки. Ты могла бы и сама сюда приехать.

– Вот еще! Неужели жизнь у черта на куличках обладает особым шармом?

– Я только что почистил зубы ледяной водой. Все пломбы ноют.

– Сам виноват… Впрочем, в Стокгольме тоже адский холод.

– Ну, давай, рассказывай.

– Мы потеряли две трети постоянных рекламодателей. Никто ничего толком не объясняет, но…

– Знаю. Составляй список тех, кто отпадает. Когда-нибудь мы напишем о них в соответствующей манере.

– Микке… Я подсчитала: если у нас не появятся новые рекламодатели, к осени мы обанкротимся. Только и всего.

– Скоро все изменится к лучшему.

Эрика усмехнулась на другом конце провода:

– Тебе хорошо мечтать, сидя в своей лапландской дыре.

– Послушай, до ближайшей саамской деревни не меньше пятисот километров.

Она замолчала.

– Эрика, я…

– Знаю, знаю. Мужчина должен делать то, что должен, и прочая фигня[61]. Не надо ничего объяснять. Извини, что я вела себя, как стерва, и

не отвечала на твои звонки. Давай начнем все сначала… Может, мне набраться храбрости и навестить тебя?

– Приезжай, я жду тебя всегда.

– Мне придется взять с собой ружье и волчью картечь?

– Пока не стоит. Мы наймем нескольких лопарей с собачьей упряжкой. Когда ты приедешь?

– В пятницу вечером. Согласен?

Тут жизнь сразу показалась Микаэлю значительно милосерднее.

Не считая узенькой расчищенной тропинки, участок Микаэля до самой двери был покрыт метровым слоем снега. Журналист долго и недоверчиво смотрел на лопату, а потом отправился к Гуннару Нильссону и спросил, нельзя ли Эрике на время своего визита поставить «БМВ» у них. Пожалуйста, конечно, можно. В гараже полно места, и даже можно поставить обогреватель для двигателя.

Эрика отправилась в путь в середине дня и прибыла в Хедебю около шести вечера. Они несколько секунд разглядывали друг друга, а потом долго обнимались.

Улицы тонули во мраке, и осматривать было почти нечего, за исключением подсвеченного здания церкви. «Консум» и «Кафе Сусанны» как раз закрывались, поэтому журналисты отправились прямиком домой. Пока Микаэль стряпал ужин, Эрика внимательно изучала его жилье, выдавала комментарии в адрес журнала «Рекордмагазинет» 1950-х годов и изучала лежавшие в кабинете папки. Потом они ели бараньи отбивные с тушеной картошкой и сливочным соусом – перебор калорий – и запивали все это красным вином. Микаэль пытался вернуться к начатому по телефону разговору, но Эрика не была настроена обсуждать проблемы «Миллениума». Вместо этого они два часа беседовали о своих собственных делах и о том, как продвигается работа Микаэля. А потом пришла пора проверить кровать – вместит ли она их двоих.

Третья встреча с адвокатом Нильсом Бьюрманом была сначала отменена, затем перенесена и снова назначена на ту же пятницу, но уже на пять часов. Во время предыдущих визитов Лисбет Саландер встречала женщина лет пятидесяти пяти, пахнущая мускусом и выполняющая в офисе роль секретаря. На сей раз ее уже не было на месте, поскольку рабочий день закончился, а от адвоката Бьюрмана попахивало алкоголем. Он жестом велел Саландер сесть в кресло для посетителей, а сам продолжал с отсутствующим видом листать бумаги, пока вроде как вдруг

не вспомнил о ее существовании.

Опекун устроил ей очередной допрос. На этот раз его интересовала сексуальная жизнь Лисбет Саландер, которую она считала исключительно своим личным делом и категорически ни с кем обсуждать не собиралась.

Уже выйдя от Бьюрмана, Лисбет поняла, что вела себя не так, как надо. Сперва она молчала и пыталась уклониться от его вопросов. Адвокат решил, что она или чересчур скромна, или отстает в развитии, или намерена что-то скрыть. И начал прессовать ее, чтобы заставить отвечать.

Саландер убедилась, что он не успокоится, и начала отвечать примитивно и односложно; эти ответы, как ей казалось, соответствовали ее психологическим данным. Она выбрала для своей легенды какого-то Магнуса, которого изобразила своим ровесником и программистом по профессии. Он держался с ней весьма порядочно, приглашал в кино и иногда спал с нею. Вымышленный образ Магнуса в ее повествовании обретал все новые краски. Зато Бьюрман вцепился в него и целый час посвятил анализу сексуальной жизни Лисбет.

– Как часто у вас бывает секс?

– Время от времени.

– Кто обычно инициатор – ты или он?

– Я.

– Вы используете презервативы?

– Конечно. Я знаю о СПИДе.

– Какую позицию ты обычно предпочитаешь?

– Ну… обычно на спине.

– Ты любишь оральный секс?

– Подождите минутку…

– Ты когда-нибудь занималась анальным сексом?

– Нет, мне не нравится анальный секс! Но вам-то, черт побери, какое до этого дело?

Первый и единственный раз Лисбет не смогла скрыть свои эмоции в обществе Бьюрмана. Она уже понимала, что ее взгляд может ее выдать, и уставилась в пол. Когда Саландер вновь посмотрела на адвоката, сидевшего по другую сторону письменного стола, он ухмыльнулся. Девушка почувствовала, что в ее жизни вот-вот начнутся драматические перемены.

Она покинула офис адвоката Бьюрмана, испытывая отвращение. К такому повороту событий Лисбет оказалась не готова. Пальмгрену никогда даже в голову не пришло бы устраивать подобный допрос. Напротив, он всегда был готов обсуждать с ней то, что ее волновало. Правда, такая потребность возникала у нее весьма нечасто.

Бьюрман с самого начала был для нее занозой в заднице. Но теперь, похоже, он начал превращаться в реальную проблему.

Глава 11
Суббота, 1 февраля – вторник, 18 февраля

В субботу, в разгар короткого зимнего дня, пока еще было светло, Микаэль и Эрика отправились на прогулку мимо гавани по дороге, ведущей к хутору Эстергорд. Хотя Блумквист прожил в Хедебю целый месяц, он прежде никогда не заходил в глубь острова: мороз и метели не располагали к подобным экспериментам. Но эта суббота выдалась настолько ясной и солнечной, словно Эрика привезла в Норрланд первые признаки наступающей весны. Было всего пять градусов мороза. Расчищенную дорогу обрамляли сугробы метровой высоты. Микаэль с Эрикой миновали рыбачьи домики – и сразу оказались в густом еловом лесу. Блумквист удивился, какая, оказывается, огромная вблизи гора Сёдербергет. Она возвышалась над домиками и казалась выше и неприступнее, чем когда он созерцал ее из селения. На секунду Микаэль задумался о том, сколько раз Харриет Вангер играла здесь в детстве, но потом быстро вернулся к реальности. Через несколько километров лес кончился, и тропа уперлась в изгородь, за которой начиналась территория Эстергорда. Микаэль и Эрика увидели белый деревянный дом и большое темно-красное здание скотного двора. Решив не заходить на хутор, они развернулись и двинулись обратно.

Когда они проходили мимо въезда в усадьбу Вангеров, Хенрик громко постучал в окно на втором этаже и настойчиво помахал им рукой, приглашая зайти. Микаэль и Эрика переглянулись.

– Хочешь познакомиться с легендой шведской индустрии? – спросил Микаэль.

– А он кусается?

– Кажется, по субботам нет.

Хенрик встретил гостей в дверях кабинета и пожал им руки.

– Я знаю вас. Вы, полагаю, фрёкен Бергер, – сказал он вместо приветствия. – Микаэль даже не намекнул о том, что вы собираетесь посетить нас.

Одним из самых располагающих качеств Эрики была ее общительность и способность с ходу завязывать добрые отношения с кем угодно. Микаэль не раз наблюдал, как она очаровывала пятилетних мальчишек, и те через десять минут уже были готовы ради нее бросить родную мать. Точно так же она покоряла своим обаянием и

восьмидесятилетних старцев. Перед ее ямочками на щеках вообще мало кто мог устоять. Через пару минут Эрика с Хенриком Вангером вообще позабыли про Микаэля и болтали так, будто знакомы с детства – вернее, учитывая разницу в возрасте, по крайней мере с детства Эрики.

Бергер начала с того, что принялась нещадно ругать Хенрика Вангера – с какой стати он заманил в глушь ее ответственного редактора. Патриарх защищался: насколько он понял из сообщений в прессе, она его уже уволила, а если нет, то, вероятно, нынче самое время избавить редакцию от балласта. Эрика сделала театральную паузу, вроде бы обдумывая это предложение и придирчиво разглядывая Микаэля. В любом случае, заявил Хенрик, недолгое приобщение к сельской жизни наверняка пойдет молодому господину Блумквисту на пользу. С этим тезисом Эрика согласилась.

Минут пять они подшучивали над его недостатками. Микаэль откинулся в кресле и притворился обиженным, но по-настоящему нахмурился, лишь когда Эрика позволила себе несколько замаскированных двусмысленных реплик, которые могли относиться как к его профессиональным минусам – как журналиста, – так и к некоторым аспектам его сексуальных способностей. Хенрик Вангер хохотал как безумный.

Микаэль был крайне удивлен. Никогда раньше он не видел старика таким довольным и непринужденным. Теперь можно было запросто представить Хенрика на пятьдесят – или пусть даже на тридцать – лет моложе. Микаэль подумал, что он был, вероятно, очень обаятельным, легко завоевывал и притягивал женщин. При этом он так и не женился снова. Конечно, женщины встречались в его жизни, но уже почти полвека он оставался холостяком.

Микаэль выпил глоток кофе и снова насторожился. Сейчас беседа перешла на серьезные рельсы – речь зашла о делах «Миллениума».

– Насколько я понимаю, у вас возникли проблемы с изданием.

Эрика покосилась на Блумквиста.

– Нет, Микаэль не обсуждал со мной ваши служебные проблемы, но надо быть слепым и глухим, чтобы не понять, что ваш журнал, как и концерн «Вангер», движется к концу.

– Думаю, мы как-нибудь выкарабкаемся, – осторожно предположила Эрика.

– Сомневаюсь в этом.

– Почему?

– Давайте прикинем, сколько у вас сотрудников. Шесть? Издание

тиражом в двадцать одну тысячу экземпляров, периодичность раз в месяц, печать, дистрибуция, аренда помещений… Ваш годовой оборот должен составлять около десяти миллионов, и примерно половину этой суммы должны составлять доходы от рекламы.

– И что из этого следует?

– Ханс Эрик Веннерстрём – злопамятный и мелочный мерзавец, который ни за что не оставит вас в покое. Сколько рекламодателей ушли от вас за последние месяцы?

Эрика молча наблюдала за Хенриком Вангером. Микаэль даже затаил дыхание. Раньше, когда они с патриархом обсуждали проблемы «Миллениума», тот либо отпускал язвительные комментарии, либо оценивал, насколько продуктивно Микаэль сможет работать для него в Хедестаде. Но хотя и Микаэль, и Эрика являлись основателями и совладельцами журнала, сейчас старец обращался исключительно к Эрике, как руководитель к руководителю. Они посылали друг другу сигналы, которые Микаэль не мог ни уловить, ни понять. Возможно, всему виной было его происхождение – все-таки он родом из бедной рабочей семьи, из Норрланда; Эрика же с рождения вращалась в высших слоях, и в ее родне были аристократы самых разных мастей.

– Можно еще кофе? – спросила Эрика.

Хенрик Вангер тут же взялся за термос.

– Ладно, вы хорошо подготовились, – признала она. – Мы балансируем на грани выживания. И что дальше?

– Сколько вы еще сможете продержаться?

– У нас есть полгода, чтобы изменить ситуацию. Максимум восемь или девять месяцев. На большее у нас просто не хватит денег.

Вангер смотрел в окно, сохраняя непроницаемое выражение лица. Церковь по-прежнему стояла на своем месте.

– Вы знали, что когда-то я был владельцем газет?

Микаэль с Эрикой замотали головами. Неожиданно Хенрик рассмеялся:

– В пятидесятых-шестидесятых годах мы владели шестью норрландскими ежедневными газетами. Идея приобрести их принадлежала моему отцу – он полагал, что наличие массмедиа выгодно в политическом отношении. У нас по-прежнему осталась газета «Хедестадс-курирен», а Биргер Вангер является у нас председателем правления. Он – сын Харальда, – уточнил Хенрик для Микаэля.

– И, кстати, он – политик муниципального уровня, – добавил Микаэль.

– Мартин тоже входит в правление. Приглядывает за Биргером.

– Но почему вы отказались от остальных газет? – спросил Микаэль.

– В шестидесятые годы мы провели реструктуризацию концерна. К изданию газет мы относились скорее как к хобби, чем как к бизнесу. Когда в семидесятые годы нам пришлось урезать бюджет, среди первых активов мы избавились от газет. Но, безусловно, я в курсе, что значит владеть периодическими изданиями… Можно личный вопрос?

Вопрос был обращен к Эрике. Она приподняла бровь и кивнула.

– Микаэля я об этом не спрашивал; если не хотите, можете не отвечать. Но меня интересует, почему вы угодили в эту историю. У вас были факты или нет?

Микаэль и Эрика переглянулись. Теперь настала очередь Блумквиста сидеть с каменным лицом. Секунду подумав, Эрика заговорила:

– Материал у нас был. Но на деле он оказался вовсе не таким неопровержимым, как мы полагали.

Хенрик кивнул, словно ему все стало понятно, хотя даже сам Микаэль ничего не понял.

– Я не хотел бы это обсуждать, – вмешался он. – Я изучил материалы и написал текст. У меня имелись все необходимые источники. А потом все покатилось в тартарары.

– Но у вас ведь был источник информации?

Микаэль кивнул.

– Не стану притворяться и говорить, что понимаю, как вас угораздило подорваться на такой мине. Я не могу припомнить подобной истории, разве что дело Лундаля в газете «Экспрессен» в шестидесятые годы… Если, конечно, вы, молодежь, слышали о таком. Ваш источник тоже был мифотворцем?.. – Хенрик Вангер покачал головой и, понизив голос, обратился к Эрике: – Я уже был издателем и могу тряхнуть стариной. Не нужен ли вам еще один партнер?

Для Микаэля этот вопрос прозвучал как гром среди ясного неба, но Эрика, похоже, ни капельки не удивилась.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Как долго вы пробудете в Хедестаде? – ответил Хенрик вопросом на вопрос.

– Я уезжаю завтра.

– Вы могли бы – конечно, вместе с Микаэлем – уважить старика и прийти сегодня ко мне на ужин? Скажем, в семь вечера?

– Отлично. С удовольствием. Но вы так и не ответили на мой вопрос. Почему вы хотите стать совладельцем «Миллениума»?

– Я обязательно отвечу на ваш вопрос. Но думаю, что лучше нам будет

обсудить его за трапезой. Прежде чем принять решение, мне необходимо поговорить с моим адвокатом Дирком Фруде. В двух словах могу сказать, что у меня имеются свободные средства. Если журнал выживет и снова станет прибыльным, я выгадаю. Если нет – ничего страшного, в свое время я терял и не такие деньги.

Микаэль уже собирался открыть рот, когда Эрика опустила руку ему на колено.

– Мы с Микаэлем долго боролись за то, чтобы обрести полную независимость.

– Ерунда. Полностью независимых людей не бывает. Но я не стремлюсь отнять у вас журнал и не намерен контролировать его содержание. Раз уж этот чертяка Стенбек извлек для себя выгоду, издавая «Модерна тидер», то я вполне могу стать соиздателем «Миллениума». Тем более что журнал вполне достойный.

– Это как-то связано с Веннерстрёмом? – вдруг спросил Микаэль.

Хенрик Вангер улыбнулся:

– Микаэль, мне уже за восемьдесят. И мне жаль, что есть дела, которые остались незавершенными, и люди, с которыми я не успел полностью расквитаться. Кстати, – снова обратился он к Эрике, – я бы вложил в журнал капиталы при по крайней мере одном непременном условии.

– Я вся внимание, – сказала Эрика.

– Микаэль Блумквист должен вновь занять должность ответственного редактора.

– Ну уж нет, – тут же возразил Микаэль.

– Это обязательно, – сказал Хенрик Вангер столь же резко. – Веннерстрёма хватит кондрашка, если мы объявим через пресс-службу о том, что концерн «Вангер» начинает поддерживать «Миллениум» и что одновременно ты возвращаешься в кресло ответственного редактора. Тем самым мы ясно даем понять: всё остается на своих местах и редакционная политика не меняется. И уж тогда рекламодатели, которые собрались уходить из журнала, задумаются и смогут все взвесить еще раз. Веннерстрём не Господь Бог, враги у него тоже имеются, и найдутся фирмы, которые захотят разместить у вас свою рекламу.

– Что за дела, черт побери? И о чем была речь? – спросил Микаэль, как только они с Эрикой вышли от Хенрика Вангера.

– По-моему, речь идет о зондировании почвы перед заключением сделки, – ответила она. – А ты не говорил мне, что Хенрик Вангер такой милый.

Микаэль преградил ей дорогу.

– Рикки, ты с самого начала знала, чем закончится этот разговор.

– Эй, малыш, сейчас только три часа, и я хочу, чтобы до ужина меня хорошенько развлекли.

Блумквист буквально кипел от злости. Но ему никогда не удавалось долго злиться на Эрику.

Эрика надела черное платье, короткий пиджак и лодочки на высоком каблуке, которые она перед поездкой на всякий случай кинула в маленькую дорожную сумку. Она заставила Микаэля сменить форму одежды со спортивной на парадную. Так что ему пришлось нарядиться – он надел черные брюки, серую рубашку, темный галстук и серый пиджак. Когда они, не опоздав ни на минуту, прибыли к Хенрику Вангеру, то обнаружили в числе гостей еще и Дирка Фруде и Мартина Вангера. Все были в костюмах и при галстуках, кроме Хенрика, который красовался в коричневом свитере и в бабочке.

– Преимущество девятого десятка заключается в том, что никто не обращает внимания на то, как ты одет, – заявил он.

Эрика на протяжении всего ужина пребывала в хорошем настроении.

А позже они перебрались в каминный салон и, попивая коньяк из рюмок, приступили к серьезному обсуждению своих дел и планов. Они проговорили почти два часа, прежде чем выработали проект соглашения.

Дирку Фруде поручили создать компанию, полностью принадлежащую Хенрику Вангеру. В правление вошли сам Хенрик, Дирк Фруде и Мартин Вангер. Она должна была в течение четырех лет инвестировать сумму, которая покрывала бы разницу между доходами и расходами «Миллениума». Деньги перечислялись из личных средств Хенрика Вангера. Взамен тот получал один из руководящих постов в издательстве. Договор заключался на четыре года, но «Миллениум» оговаривал право расторгнуть его через два года. Однако досрочное расторжение договора потребовало бы значительных средств, поскольку выкупить долю Хенрика можно было, только выплатив ему всю вложенную им сумму.

В случае внезапной смерти Хенрика на оставшийся срок действия контракта в правлении его заменял Мартин Вангер. По истечении этого срока последнему предоставлялось право решать, продлевать участие в этом проекте или нет. Мартин, казалось, радовался возможности свести счеты с Хансом Эриком Веннерстрёмом, и Микаэлю стало любопытно, что же такое между ними могло произойти.

Когда рабочий вариант контракта был готов, Мартин Вангер начал

доливать всем коньяк. Хенрик, пользуясь паузой, склонился к Микаэлю и прошептал ему на ухо, что этот договор никаким образом не повлияет на их деловые отношения.

Переговорщики решили, что объявят о своем союзе в тот день, когда Микаэль Блумквист в середине марта сядет в тюрьму, – тогда это произведет на массмедиа максимальное впечатление. С точки зрения пиара объединять эти два события было настолько нелепо, что неизбежно должно было озадачить недоброжелателей Микаэля и привлечь самое пристальное внимание к Хенрику Вангеру. На самом же деле здесь была своя логика: эти действия подчеркивали, что рано хоронить издательский дом «Миллениум» и что у журнала появляются новые покровители, готовые действовать. Да, предприятия концерна переживают не самые лучшие времена, но Вангеры по-прежнему обладают авторитетом и при необходимости могут атаковать.

Условия контракта обсуждали с одной стороны Эрика, с другой – Хенрик и Мартин. Мнения Блумквиста никто не спрашивал.

Поздно ночью Микаэль, уложив свою голову Эрике на грудь, заглянул ей в глаза.

– И долго же вы с Хенриком обсуждали это соглашение? – спросил он.

– Примерно неделю, – ответила она и улыбнулась.

– Кристер в курсе?

– Разумеется.

– Почему вы мне ничего не сказали?

– С какой стати я должна была обсуждать это с тобой? Ты отказался от поста ответственного редактора, бросил журнал и поселился в лесу.

Микаэль задумался.

– Так что, по-твоему, я заслужил, чтобы со мной обходились как с полным придурком?

– О да, – многозначительно сказала она.

– Значит, ты действительно на меня разозлилась.

– Микаэль, я никогда не чувствовала себя настолько взбешенной, обманутой и брошенной, как в тот день, когда ты ушел из редакции. Никогда прежде я так не злилась на тебя.

Она схватила его за волосы и сбросила его голову со своей груди.

В воскресенье Эрика уехала. Микаэль был настолько зол на Хенрика Вангера, что встречаться с ним или с кем-нибудь другим из династии опасался. Он отправился в Хедестад и всю вторую половину дня гулял по городу. По дороге зашел в библиотеку и кондитерскую. А вечером

отправился в кино и наконец посмотрел «Властелина колец»; раньше он этот фильм не видел, хотя премьера состоялась уже год назад. Микаэль вдруг подумал, что орки – гораздо более понятные и бесхитростные существа, чем люди.

После кино он посетил «Макдоналдс» в Хедестаде и вернулся на остров на последнем автобусе, около полуночи. Дома заварил кофе, уселся за кухонный стол и достал папку. Он читал до четырех утра.

В деле Харриет Вангер оставались некоторые загадки, которые, по мере того как Микаэль углублялся в документы, все больше завладевали его вниманием. Ни к каким неожиданным выводам он так и не пришел. Эти же загадки не давали покоя комиссару Густаву Мореллю на протяжении долгого времени, особенно на досуге.

В последний год до исчезновения Харриет Вангер изменилась. Конечно, отчасти это могло объясняться сложностями тинейджерского возраста, так называемого переходного периода, через который проходят все. Харриет начала взрослеть, и все опрошенные – одноклассники, учителя, родные – утверждали, что она стала более скрытной и замкнутой.

Еще два года назад Харриет ничем не выделялась из среды своих сверстников и была милой веселой барышней, но теперь она начала отдаляться от своего окружения. В школе она по-прежнему общалась с друзьями, но, по словам одной из ее подруг, «стала безразличной». Эта формулировка показалась довольно необычной, и Морелль записал ее и продолжал задавать вопросы. В частности, он разузнал, что Харриет перестала откровенничать, ее не интересовали сплетни и разные секреты.

В детстве Харриет Вангер, как и все ее сверстники, посещала воскресную школу, по вечерам читала молитвы и прошла обряд конфирмации. В ее религиозной жизни не происходило никаких примечательных событий. Но в последний год она, похоже, стала глубоко верующей, читала Библию и регулярно ходила в церковь. Однако к местному пастору Отто Фальку, другу семьи Вангеров, она не обращалась, а ездила в Хедестад, в общину пятидесятников. Правда, интерес к ним Харриет проявляла недолго. Уже через два месяца она покинула эту общину и начала штудировать книги о католицизме.

Что это было – типичная религиозная одержимость, свойственная подросткам? Возможно. Но в семье Вангеров особой набожностью не отличался никто, и почему с Харриет произошли такие разительные перемены, так и осталось неясным. Конечно, девушка могла приблизиться к Богу из-за внезапной смерти ее отца, утонувшего год назад. Во всяком

случае, Густав Морелль считал, что в жизни Харриет что-то произошло, что-то повлияло на нее, но что именно, ему так и не удалось установить. Как и Хенрик Вангер, Морелль очень подолгу беседовал с ее подругами, пытаясь найти кого-нибудь, кому Харриет могла доверять.

Определенные надежды возлагались на Аниту Вангер, дочь Харальда Вангера. Она была на два года старше Харриет, провела лето 1966 года в Хедебю и считала, что они очень сблизились. Однако Анита тоже не смогла ничего прояснить. Они общались все лето – купались, гуляли, болтали о кинематографе, поп-музыке и литературе. Харриет часто сопровождала Аниту на уроки вождения. Однажды они стащили из дома бутылку вина и здорово надрались; еще как-то раз несколько недель прожили одни на краю острова, в хижине Готфрида – бревенчатом домике, который отец Харриет построил в 1950-е годы.

О чем на самом деле думала Харриет, что она чувствовала – эти вопросы остались без ответа. Микаэль, однако, заметил одну нестыковку: скрытной ее называли школьные друзья и некоторые родственники. А вот Анита Вангер отнюдь не считала подругу таковой. Блумквист решил как-нибудь при случае обсудить это с Хенриком.

Особое внимание Морелля привлекла страничка из ежедневника Харриет Вангер – тетради в эффектном переплете; ее девушке подарили на Рождество за год до исчезновения. В нем она записывала планы на день, напоминания о встречах, даты контрольных работ в гимназии, домашние задания и прочее. В ежедневнике осталось много свободного места для более пространных записей, поскольку Харриет вела дневник крайне нерегулярно. В январе она решила стать настоящим хроникером: записала, с кем встречалась на рождественские каникулы, и прокомментировала некоторые фильмы, которые успела посмотреть. Но до окончания учебного года так и не записала ничего личного. А потом, судя по некоторым записям, можно было сделать вывод, что в этот период Харриет серьезно увлеклась каким-то юношей, чье имя не упомянула.

Страницы, отведенные под номера телефонов, содержали некую загадку. Здесь аккуратно в алфавитном порядке перечислялись родственники, одноклассники, некоторые учителя, несколько членов общины пятидесятников и другие лица из ее окружения, которых легко можно было идентифицировать. На последней страничке, уже не относящейся к алфавитной книжке, имелось пять имен и столько же номеров телефонов. Три женских имени и два инициала.

Магда – 32016
Сара – 32109
РЯ – 30112
РЛ – 32027
Мари – 32018

Пятизначные номера, начинавшиеся на «32», в 1960-е годы относились к Хедестаду. Третий номер, начинавшийся с номера «30», указывал на местечко Норрбю, за пределами Хедестада. Но в том-то и дело, что, приложив массу усилий и опросив весь круг знакомых Харриет, инспектор Морелль так и не смог выяснить, кому принадлежат эти номера телефонов.

Первый номер, который вроде бы относился к некоей Магде, казался перспективным. Через него инспектор вышел на магазин тканей и швейных принадлежностей на Паркгатан, 12; он принадлежал Маргот Лундмарк. Магдой звали ее мать, которая иногда подрабатывала в магазине. Но абоненту было шестьдесят девять лет, и она понятия не имела о том, кто такая Харриет Вангер. Сама же Харриет шитьем не увлекалась, и не нашлось никаких свидетельств тому, что она когда-либо посещала этот магазин.

Второй номер, указывавший на Сару, привел в семью по фамилии Турессон, которая жила в западной части города, по другую сторону от железной дороги. Семья состояла из супругов Андерса и Моники и их сыновей Юнаса и Петера, в то время еще дошкольников. Никакой Сары в семье не обнаружилось, а о Харриет Вангер они узнали только тогда, когда о ее исчезновении оповестили средства массовой информации. Единственная связь между Харриет и семьей Турессон, которую удалось проследить, состояла в том, что Андерс, по профессии кровельщик, годом раньше в течение нескольких недель менял черепицу на здании школы, где Харриет тогда училась в девятом классе. Значит, все же существовала чисто теоретическая возможность, что они встречались, – впрочем, весьма эфемерная.

Оставшиеся три номера тоже не дали никаких зацепок. Номер 32027, с инициалами «РЛ», действительно когда-то принадлежал Росмари Ларссон, но, к сожалению, она уже несколько лет назад скончалась.

Зимой 1966–1967 года инспектор Морелль, как ни бился, так и не смог разгадать, почему Харриет записала эти имена и телефоны.

Следуя логическим построениям, он решил, что телефонные номера записывались с использованием своего рода персонального кода. Морелль пытался воспроизвести ход рассуждений девочки-подростка. Поскольку

число «32» явно указывало на Хедестад, он решил переставить остальные три цифры. Варианты «32601» и «32160» не привели его ни к какой Магде. Правда, углубляясь в эту мистическую игру в номера, Морелль обнаружил, что если менять достаточно много цифр, то какую-то связь с Харриет так или иначе удастся обнаружить. Например, когда он пытался увеличивать на единицу каждую из последних трех цифр в номере «32016», получался номер «32127», принадлежавший адвокатской конторе Дирка Фруде в Хедестаде. Но дело в том, что эта связь ровным счетом ничего не объясняла. Кроме того, ему так и не удалось найти код, подходивший сразу ко всем пяти номерам.

Морелль рискнул расширить сферу своих поисков. Возможно, цифры означали нечто другое? К примеру, автомобильные номера 1960-х годов. Скажем, они состояли из буквы, обозначающей лен, и пяти цифр… Но нет, опять ложный след.

Потом комиссар забыл про цифры и сосредоточился на именах. Он даже составил список всех жительниц Хедестада, которых звали Мари, Магда и Сара, а также тех, у кого были инициалы «РЛ» и «РЯ». В общей сложности получилось триста семь человек. Среди них двадцать девять человек имели какое-то отношение к Харриет – например, юношу, который учился вместе с нею в девятом классе, звали Роланд Якобссон, то есть инициалы «РЯ» ему подходили. Однако молодые люди были знакомы лишь поверхностно, а после того как Харриет перешла в гимназию, их общение и вовсе прекратилось. И к тому же этот Роланд не имел никакого отношения к указанному номеру телефона.

Тайна телефонной книжки так и осталась тайной.

Четвертая встреча Лисбет Саландер с адвокатом Бьюрманом оказалась незапланированной. Просто самой Лисбет пришлось выйти с ним на связь.

Во вторую неделю февраля ее лэптоп пал жертвой несчастного случая. Обстоятельства этого инцидента были настолько нелепыми, что ей от отчаяния хотелось кого-нибудь убить. Саландер приехала в «Милтон секьюрити» на встречу и закатила свой велосипед в гараже за столб. Когда она положила рюкзак на пол, чтобы дотянуться до велосипедного замка, какой-то темно-красный «Сааб» сдал назад. Лисбет стояла к нему спиной и ничего не заметила, пока не услышала хруст. Водитель ничего не заметил и спокойно выехал из гаража.

В рюкзаке находился ее белый лэптоп «Эппл Ай-бук 600» с винчестером объемом в 25 гигабайт и с RAM-диском в 420 мегабайт. Он был произведен в январе 2002 года и снабжен четырнадцатидюймовым

экраном. На момент покупки этот лэптоп представлял собой последнее слово техники. Свои компьютеры Лисбет всегда оснащала новейшими – и дорогими – программами; это оборудование составляло для нее самую существенную статью ее расходов.

Саландер открыла рюкзак и увидела, что крышка компьютера сломана. Она воткнула сетевой шнур и попыталась запустить лэптоп, но тот не подавал никаких признаков жизни. Лисбет отнесла останки в мастерскую Тимми «Макджизус шоп» на Бреннчюркагатан в надежде, что удастся спасти хотя бы какую-то часть жесткого диска. Тимми возился с ним недолго и не задержался с вердиктом.

– Извини, без мазы, – констатировал он. – Тебе остается только с почетом проводить его в последний путь.

Потеря компьютера стала для Лисбет страшным ударом – в течение года она с ним буквально сроднилась. Хотя саму по себе эту утрату вряд ли можно было бы назвать непоправимой катастрофой. Дома у нее имелись резервные копии всех документов, а также более старый стационарный «Мак G-3» и купленный еще пять лет назад лэптоп «Тошиба», которыми вполне можно было пользоваться. Но – черт побери! – ей, конечно же, требовался быстродействующий и современный компьютер.

Само собой разумеется, что Саландер интересовал самый лучший из всех возможных вариантов – как раз в продаже только что появился «Эппл Пауэрбук G4/1.0» в алюминиевом корпусе, с мощным процессором «Пауэр ПК 7451» и технологией «Алтивек велосити энджин», с 960 мегабайт RAM и винчестером на 60 гигабайт. К тому же он был оснащен системой Bluetooth и встроенным CD и DVD-плеером.

Этот лэптоп, первый в мире, имел семнадцатидюймовый экран, графическую карту NVIDIA и разрешение 1440 на 900 пикселей, которое буквально поражало фанатов «персоналок» и превосходило все, что к тому времени мог предложить рынок компьютерной техники.

Среди переносных компьютеров он мог бы сравниться с последней моделью «Роллс-Ройса» посреди других автомобилей. Но по-настоящему Лисбет поразилась тому, что клавиши подсвечивались изнутри и, следовательно, лэптопом можно было пользоваться даже в полной темноте. Ведь это же так просто. Ну почему никто не додумался до этого раньше?

Это была любовь с первого взгляда.

Лэптоп стоил тридцать восемь тысяч крон плюс налог.

А вот это уже тяжко.

Саландер все-таки оставила заказ в фирме «Макджизус», где обычно покупала всякую компьютерную технику и поэтому пользовалась солидной

скидкой.

Через несколько дней Лисбет взвесила свои финансовые возможности. Страховка за погибший компьютер покрывала значительную часть стоимости нового, но все равно недоставало восемнадцати тысяч крон. Дома в банке из-под кофе Лисбет припрятала десять тысяч, чтобы всегда иметь под рукой наличные, но этого тоже не хватало. Она послала проклятья в адрес адвоката Бьюрмана и, хотя ей это страшно претило, позвонила своему опекуну и объяснила, что ей требуются деньги на непредвиденные расходы. Бьюрман ответил, что будет занят целый день и что у него нет на нее времени. Саландер заметила, что выписать чек на десять тысяч крон займет у него двадцать секунд. Адвокат заявил, что не может выписывать ей деньги без достаточно веских оснований, но потом уступил и, немного подумав, велел ей явиться после окончания рабочего дня, в половине восьмого вечера.

Микаэль признавал, что он недостаточно компетентен, чтобы судить о профессионализме следователя, но, с его точки зрения, инспектор Морелль проявил себя наилучшим образом и сделал намного больше, чем требовал его служебный долг. И даже когда Микаэль уже закончил штудировать материалы дела, он по-прежнему часто встречал имя Морелля в личных записях Хенрика. Вангер и Морелль очень подружились, и Микаэль даже подумал, уж не заразился ли инспектор одержимостью от Хенрика. Так или иначе, но Морелль, казалось, ничего не упустил и полиция провела расследование чуть ли не идеально. Однако тайна Харриет Вангер так и осталась неразгаданной. Все возможные вопросы были поставлены, все нити прослежены, все версии отработаны, даже откровенно абсурдные.

Микаэль еще не успел прочитать все материалы дела, но чем дальше он продвигался, изучая разные версии, тем на более зыбкой почве себя ощущал. Он ожидал найти что-нибудь, что упустил его предшественник, и совершенно не представлял себе, как ему подобраться к этому делу. В конце концов Блумквист принял решение, как ему казалось, единственно верное: ему нужно попытаться выяснить психологические мотивы всех, кто причастен к этой истории.

И самый главный вопрос касался самой Харриет.

Кто она была на самом деле?

Из своего окна Микаэль видел, что около пяти часов на верхнем этаже дома Сесилии Вангер включили свет. Он позвонил в ее дверь около половины восьмого, как раз когда по телевидению начиналась программа новостей. Дверь открыла хозяйка – она была в халате, с желтым махровым

полотенцем на мокрых волосах. Микаэль извинился за вторжение и решил немедленно ретироваться, но она жестом пригласила его пройти на кухню.

Сесилия поставила кофе и на несколько минут поднялась на второй этаж. Когда она вновь спустилась, на ней были джинсы и клетчатая фланелевая рубашка.

– Я уж начала думать, что вы так и не зайдете ко мне в гости.

– Мне следовало бы сначала позвонить, но я увидел свет и не смог удержаться.

– Я вижу, что у вас по ночам горит свет. И вы часто гуляете после полуночи. Вы «сова»?

Микаэль пожал плечами:

– Ну да, скорее всего, так и есть… – Он посмотрел на стопку школьных учебников, возвышавшуюся на кухонном столе. – Вы по-прежнему преподаете, хотя вы и директор гимназии?

– Нет, я уже не успеваю. Работа директора отнимает все время. Но ведь я была учителем истории, Закона Божьего и обществоведения. И мне придется преподавать еще несколько лет.

– Еще несколько?

Она улыбнулась:

– Мне пятьдесят шесть. Скоро стану пенсионеркой.

– Никогда не скажешь, что вам за пятьдесят, вам скорее можно дать сорок с мелочью.

– Вы мне льстите… А вам сколько лет?

– Сорок с хвостиком, – ответил Микаэль и улыбнулся.

– А ведь совсем недавно было двадцать… Как быстро летят годы, верно?

Сесилия Вангер разлила кофе по чашкам и спросила, не голоден ли Микаэль. Он ответил, что недавно ужинал. И это была правда, но весьма относительная. Он ленился готовить и фактически перешел целиком на бутербродное питание.

– Итак, вы пришли, чтобы задать мне те самые вопросы?

– Честно говоря… Я пришел не для того, чтобы задавать вопросы. Просто захотелось зайти в гости.

Сесилия Вангер вновь улыбнулась:

– Вас ожидает тюрьма, вы переезжаете в Хедебю, копаетесь в материале, который является священным для Хенрика, не спите по ночам, совершаете долгие ночные прогулки, несмотря на адский холод… Я все перечислила?

– Моя жизнь дала трещину, – улыбнулся в ответ Микаэль.

– А кто эта женщина, что приезжала к вам на выходных?
– Эрика… Она главный редактор «Миллениума».
– Герлфренд?
– Не совсем. Она замужем. Скорее, я ее друг и occasional lover[62].
Сесилия Вангер расхохоталась.
– Что вас так рассмешило?
– То, как вы это сказали. «Occasional lover». Хорошее выражение.
Микаэль тоже засмеялся. Сесилия Вангер вдруг стала ему нравиться.
– Что ж, я бы тоже не отказалась от occasional lover, – сказала она, сбросила тапочки и положила ногу ему на колено.
Микаэль автоматически опустил руку и коснулся ее кожи. На секунду он почувствовал себя неуверенно, чувствуя, что попал в совершенно неожиданную и незнакомую стихию, однако стал осторожно массировать большим пальцем ее ступню.
– Я тоже замужем, – сказала Сесилия Вангер.
– Знаю. В клане Вангеров разводов не бывает.
– Я не видела своего мужа уже почти двадцать лет.
– У вас что-то случилось?
– Это вас не касается. Я не занималась сексом… уже три года.
– Как-то не верится.
– Почему? Это всего лишь вопрос спроса. Мне совершенно не нужен бойфренд, законный или гражданский муж. Я вполне самодостаточна. А с кем мне заниматься сексом? С кем-нибудь из школьных учителей? Ну уж нет. С каким-нибудь учеником? Вот была бы сенсация для теток-сплетниц… С людей по фамилии Вангер не спускают глаз. А все обитатели Хедебю либо мои родственники, либо женатые мужики.
Она наклонилась и поцеловала его в шею.
– Я вас шокирую?
– Нет. Но я не уверен, что это хорошая идея… Я ведь работаю на вашего дядю.
– Ну уж я-то, конечно, вряд ли ему донесу. Но, по правде говоря, Хенрик не стал бы возражать.
Сесилия уселась к нему на колени и поцеловала в губы. Ее еще влажные волосы пахли шампунем. Немного запнувшись на пуговицах, Микаэль стянул фланелевую рубашку с ее плеч и убедился, что Сесилия не удосужилась надеть бюстгальтер. Он начал целовать ее грудь, и она крепко прижалась к нему.

Обойдя вокруг стола, адвокат Бьюрман продемонстрировал

балансовый отчет по счету Лисбет Саландер, который она и так знала наизусть – до последнего эре, – но которым отныне не могла распоряжаться сама. Опекун стоял у нее за спиной. Внезапно он начал массировать ей шею, его рука скользнула через левое плечо ей на грудь и там остановилась. Лисбет не посмела протестовать, и тогда он сдавил ей грудь. Саландер сидела абсолютно неподвижно. Она чувствовала на своем затылке его дыхание и изучала лежавший на письменном столе канцелярский нож для разрезания конвертов. Лисбет могла с легкостью дотянуться до него свободной рукой.

Однако она ничего не делала. В свое время Хольгеру Пальмгрену удалось убедить ее в одном: импульсивные поступки чреваты осложнениями, а осложнения могут привести к крайне нежелательным последствиям. С тех пор Лисбет никогда ничего не предпринимала, не взвесив предварительно, к чему это может привести.

Эта сексуальная прелюдия на юридическом языке определялась как развратные действия и принуждение к сексуальному контакту заведомо зависимого лица. Теоретически все это могло бы закончиться для Бьюрмана сроком до двух лет тюрьмы, хотя и продолжалось всего лишь несколько секунд; но этого было достаточно, чтобы безвозвратно пересечь границу дозволенного. Лисбет Саландер восприняла этот эпизод как демонстрацию агрессивных намерений вражеских войск. И хотя их связывали четко определенные юридические отношения, она сейчас находилась в полной зависимости от него, причем была безоружной. Когда через несколько секунд их глаза вновь встретились, рот Бьюрмана был приоткрыт, а лицо искажено похотью. Сама же Саландер осталась полностью безучастной.

Опекун вернулся обратно на свою сторону стола и опустился в удобное кожаное кресло.

– Я не могу просто так выдавать тебе деньги, – заявил он. – Зачем тебе такой дорогой компьютер? Есть значительно более дешевые устройства, на которых можно играть в игры.

– Я хочу распоряжаться своими деньгами, как было прежде.

Адвокат бросил на нее сочувствующий взгляд.

– С этим придется повременить. Сначала ты должна научиться контактировать с людьми.

Глаза Лисбет ничего не выражали, но если бы Бьюрман смог прочесть ее мысли, его улыбка, возможно, стерлась бы с его лица.

– Уверен, что мы с тобою можем стать добрыми друзьями, – сказал он. – Мы должны доверять друг другу.

Не дождавшись ответа, он решил уточнить:

– Ты ведь уже взрослая женщина, Лисбет.

Она кивнула.

– Подойди сюда, – сказал опекун, протягивая руку.

Саландер на несколько секунд задержала взгляд на ноже, а потом встала и подошла к нему. *Последствия.* Бьюрман схватил ее руку и прижал к своей промежности. Сквозь темные габардиновые брюки Саландер почувствовала его мужское естество.

– Если ты будешь добра ко мне, то и я буду добр к тебе, – произнес он.

Она словно окаменела, а он обвил ее свободной рукой за шею и вынудил встать на колени, лицом к своей ширинке.

– Тебе ведь это уже знакомо, – сказал он, расстегивая пуговицы.

От него пахло так, словно он только что помылся с мылом.

Лисбет отвернула лицо и попыталась встать, но он крепко схватил ее. Конечно, чисто физически она ему уступала, поскольку весила около сорока килограммов – против его девяноста пяти. Бьюрман обеими руками схватил ее за голову и повернул лицо так, что их глаза встретились.

– Если ты будешь добра ко мне, то и я буду добр к тебе, – повторил он. – А будешь артачиться, я упеку тебя в психушку до конца дней. Тебе ведь этого не захочется?

Она ничего не ответила.

– Не захочется, да?

Она снова не ответила.

Бьюрман подождал, и она опустила взгляд. Он решил, что она покорилась. Потом подвинул ее поближе. Лисбет открыла рот и взяла его пенис. Бьюрман все время крепко держал ее за шею, с силой прижимая к себе. В течение десяти минут, пока он вихлял тазом, ее непрерывно подташнивало. Наконец он закончил и прижал к себе с такой силой, что Лисбет едва не задохнулась.

Он позволил ей воспользоваться маленьким туалетом, находившимся прямо в офисе. Пока Саландер умывалась и пыталась отчистить свитер от пятен, ее всю трясло. Она пожевала его зубную пасту, чтобы избавиться от рвотных ощущений. Когда девушка вернулась в комнату, Бьюрман преспокойно сидел за письменным столом и перелистывал бумаги.

– Сядь, Лисбет, – указал он, не глядя на нее.

Она села. Наконец опекун поднял взгляд и улыбнулся:

– Ты ведь уже взрослая, правда, Лисбет?

Она кивнула.

– Тогда ты должна уметь играть во взрослые игры, – сказал он таким

тоном, каким разговаривают с ребенком.

Лисбет не ответила. У него на лбу пролегла небольшая морщина.

– Полагаю, будет лучше, если ты никому не станешь рассказывать об этих играх. Да и сама подумай – кто тебе поверит? Ведь по документам ты неполноценная.

Снова не дождавшись ответа, он продолжил:

– Твое слово станет против моего. И кому, как ты думаешь, скорее поверят?

Когда Саландер опять ничего не ответила, Бьюрман вздохнул. Он вдруг разозлился, потому что она сидела молча и просто смотрела на него, но сдержался.

– Мы с тобой станем добрыми друзьями. Ты молодец, что пришла ко мне сегодня. Можешь обращаться ко мне когда угодно.

– Мне нужны десять тысяч крон на компьютер, – вдруг тихо произнесла Лисбет, словно продолжая начатый до перерыва разговор.

Адвокат Бьюрман поднял брови.

«А она не промах, – подумал он. – Она же вроде как недоразвитая, черт возьми…»

Он протянул ей чек, который успел выписать, пока она была в туалете.

«С нею даже лучше, чем с проституткой – я могу рассчитываться ее же деньгами».

Бьюрман улыбнулся снисходительной улыбкой. Лисбет Саландер взяла чек и ушла.

Глава 12
Пятница, 19 февраля

Если бы Лисбет Саландер была рядовой гражданкой, то, едва покинув офис адвоката Бьюрмана, она, скорее всего, позвонила бы в полицию и заявила бы об изнасиловании. Синяки на затылке и шее, а также «автограф» насильника в виде пятен спермы с его ДНК на ее теле и одежде стали бы неоспоримым доказательством. Даже если бы адвокат Бьюрман вздумал выкручиваться, утверждая, что «*она не протестовала*», или «*она меня спровоцировала*», или «*она сама захотела сделать мне минет*», или привел бы другие стандартные аргументы насильников, он все равно столько раз нарушил закон об опекунстве, что его немедленно лишили бы права вмешиваться в ее дела – и это как минимум.

Если бы Лисбет Саландер заявила в полицию, ей наверняка предоставили бы грамотного адвоката, который хорошо разбирается именно в вопросах насилия по отношению к женщинам. И вся эта катавасия обязательно привела бы к тому, что на повестке дня опять встал бы вопрос о ее дееспособности.

Понятие «недееспособный» по отношению к взрослым начиная с 1989 года больше не применяется.

Есть два вида попечительства – наставничество и опекунство.

Наставник выступает в качестве добровольного помощника – он помогает тем, кто по разным причинам не может справляться с повседневными проблемами, с оплатой счетов или личной гигиеной. Таким наставником часто назначают кого-нибудь из родственников или близких друзей. Если таковых не имеется, наставника могут выделить органы социальной опеки. Наставничество является умеренной формой попечительства, при которой тот, кого объявили недееспособным, по-прежнему сам распоряжается своими доходами, а решения принимаются ими вместе.

Опекунство – гораздо более жесткая форма контроля, при которой подопечный лишен права самостоятельно распоряжаться своими средствами и принимать решения по каким бы то ни было вопросам. Точная формулировка гласит, что опекун берет на себя ответственность за все «правовые действия» опекаемого. В Швеции около четырех тысяч человек имеют опекунов. Чаще всего опекунов назначают тем, кто страдает резко выраженными психическими заболеваниями, зачастую в сочетании с

сильной алкогольной или наркотической зависимостью. Незначительную часть составляют те, кто страдает деменцией. Но, как ни странно, опекуны преимущественно приставлены к молодежи в возрасте до тридцати пяти лет. Лисбет Саландер как раз относилась к этой возрастной группе.

Лишить человека контроля над собственной жизнью, сиречь над банковским счетом, – одна из самых унизительных мер со стороны демократических институтов, особенно в случаях с молодыми людьми. Это – унижение, даже если подобная мера считается благой и социально оправданной. Поэтому опекунство – один из самых потенциально уязвимых социальных институтов, и законы в этой сфере регулируются строгими рамками постановлений и контролируются опекунским советом муниципалитета. А тот подотчетен правлению лена и, в свою очередь, парламентскому омбудсмену.

Как правило, опекунскому совету муниципалитета приходится нелегко. Несмотря на то что он в основном занимается весьма деликатными вопросами, в прессу просачивается не так уж много жалоб или скандалов.

Изредка все-таки появляются сообщения о том, что возбуждено дело против какого-нибудь наставника или опекуна, который присвоил деньги или без разрешения продал жилье клиента, прикарманив большую сумму. Но такое случается крайне редко, что, в свою очередь, может объясняться двумя причинами. Первая из них – совет работает так, что невозможно придраться. И вторая – подопечные не имеют возможности пожаловаться и их не слышат ни журналисты, ни чиновники.

Опекунский совет муниципалитета обязан ежегодно проверять, не появились ли основания для отмены опекунства. Поскольку Лисбет Саландер с завидной регулярностью отказывалась проходить психиатрические обследования – она никогда даже не здоровалась со своими врачами, – у совета никогда не появлялось повода изменить прежнее решение. Следовательно, сохранялся статус-кво, и девушка год за годом продолжала находиться под опекой.

Закон предусматривает, что необходимость в опекунстве «должна рассматриваться индивидуально в каждом отдельном случае». Хольгер Пальмгрен понимал это таким образом, что позволял Лисбет Саландер самой распоряжаться своими деньгами и жизнью. Он скрупулезно выполнял требования совета, подавая ежемесячные и ежегодные отчеты, но в остальном относился к Лисбет Саландер как к любой другой молодой женщине и не пытался влиять на ее образ жизни или определять ее круг общения. Пальмгрен считал, что это не его дело – и тем более не дело

общественности, – если молодая дама хочет носить кольцо в носу и татуировку на шее. Такой не вполне стандартный подход к решению суда и позволял ему так хорошо ладить с подопечной.

Пока опекуном Лисбет был Хольгер Пальмгрен, она не слишком задумывалась о своем юридическом статусе. Но похоже, что адвокат Нильс Бьюрман толковал закон об опекунстве совершенно иным образом.

Лисбет Саландер вряд ли можно было причислить к сообществу нормальных граждан. Она обладала лишь самыми элементарными знаниями по части юриспруденции – у нее никогда не появлялось повода углубляться в эту область. И не слишком-то жаловала полицейских. К полиции Лисбет относилась как к некоей враждебной силе, которая все эти годы лишь мешала ей жить и унижала ее. В последний раз она общалась с полицией в мае прошлого года. Она направлялась в «Милтон секьюрити» по Гётгатан и вдруг столкнулась нос к носу с полицейским, экипированным для борьбы с уличными беспорядками, который ни с того ни с сего огрел ее дубинкой по плечу. Ей захотелось сразу же врезать ему в обратку бутылкой кока-колы, которую она держала в руке. К счастью, полицейский развернулся и помчался дальше, пока Лисбет приходила в себя. Потом она узнала, что недалеко от этого места проходила демонстрация «Верните нам улицы».

Ей даже не приходила в голову мысль посетить полицейский участок и написать заявление о сексуальных домогательствах Нильса Бьюрмана. А, кстати, о чем именно она будет заявлять? Бьюрман схватил ее за грудь? Любой полицейский, бросив взгляд на ее миниатюрные кнопки, решил бы, что это маловероятно, а если уж такое произошло, то ей следовало бы скорее радоваться, что кто-то вообще ею заинтересовался. А история с минетом – тут ее слову будет противостоять его слово, а слова других обычно оказывались весомее. Так что вариант с полицией Лисбет даже не рассматривала.

Покинув офис Бьюрмана, она поехала домой, приняла душ, съела два бутерброда с сыром и соленым огурцом и уселась на потрепанный диван в гостиной, чтобы поразмышлять.

Равнодушие, с которым она отнеслась к учиненному над ней насилию, обычный человек воспринял бы как еще одно доказательство отклонения от нормы.

У нее было не так уж много знакомых, и в основном это были не представители обеспеченного среднего класса, проживающие в своих виллах за городом. К своим восемнадцати годам Лисбет Саландер не знала

ни одной девчонки, которую по крайней мере хотя бы один раз не принуждали к каким-либо сексуальным действиям. Чаще всего в роли насильников выступали бойфренды постарше, которые добивались своего, пользуясь своими физическими преимуществами. Лисбет знала, что подобные инциденты оборачивались слезами и эмоциональными катаклизмами, но никто и никогда не заявлял в полицию.

В ее окружении такие эпизоды считались вполне заурядными. Девушку считали доступной, особенно если та надевала потертую кожаную куртку, делала пирсинг на бровях, татуировку и к тому же обладала нулевым социальным статусом.

И что толку реветь?

Но о том, чтобы адвокат Бьюрман мог безнаказанно заставлять ее делать ему минет, не могло быть и речи. Такое оскорбление Лисбет Саландер не спустила бы. Да и вообще всепрощение было не в ее характере.

Однако неоднозначная ситуация с юридическим статусом сильно портила ей жизнь. С тех пор как она себя помнила, ее воспринимали как социально опасную и немотивированно агрессивную личность. Первые записи о ее неадекватном поведении перекочевали в школьный журнал из карточки медсестры. Ученицу начальных классов Лисбет Саландер отправили домой, потому что она затащила одноклассника в раздевалку и избила до крови. Свою тогдашнюю жертву она по-прежнему вспоминала с раздражением: жиртрест по имени Давид Густафссон всегда дразнил ее и кидал в нее разные предметы. Он вообще подавал надежды будущего садиста.

Тогда Лисбет еще не знала, что означает слово «садизм», но когда на следующий день пришла в школу и Давид пригрозил ей отомстить, она свалила его с ног прямым ударом справа, к тому же держа в руке мяч для гольфа. Итак – еще одна кровавая рана и новая запись в журнале.

Ее всегда шокировала система взаимоотношений в школе. Лисбет старалась заниматься своими делами и не вмешивалась в чужие. Тем не менее всегда находился кто-нибудь, кто ни за что не хотел оставлять ее в покое.

В средних классах ее часто отправляли домой после серьезных стычек с одноклассниками. Пацанам из ее класса, хотя они и были физически значительно сильнее, пришлось усвоить, что драка с этой тщедушной девчонкой может окончиться очень плохо. В отличие от других девочек в классе, Лисбет никогда не отступала и, не колеблясь ни секунды, использовала для обороны кулаки или что попадется под руку. Она считала,

что пусть лучше ее изобьют до смерти, чем она будет терпеть эту хрень.

К тому же она умела мстить.

В шестом классе Лисбет Саландер подралась с парнем, который значительно превосходил ее – и по габаритам, и по силе. Она не была ему ровней чисто физически. Сперва он несколько раз словно шутя сбил ее с ног. А потом, когда она попыталась перейти в наступление, отвесил оплеуху. Однако ничего не помогало: несмотря на превосходящие силы противника, эта дурочка все продолжала нападать, и через некоторое время даже одноклассникам стало казаться, что это уже слишком. Она выглядела столь беззащитной, что эта сцена уже никого не развлекала. Под конец парень так врезал ей кулаком, что у нее треснула губа и из глаз посыпались искры. Ее оставили лежать на земле за гимнастическим залом. Два дня Лисбет просидела дома, а на третье утро подстерегла своего обидчика и битой для игры в лапту съездила ему по уху. За эту выходку ее вызвали к директору, который решил заявить на нее в полицию, обвинив в причинении физического вреда. В конце концов по этому инциденту пришлось созвать особую социальную комиссию.

Одноклассники обращались с ней как с неполноценной. Никакой симпатии к ней не питали и учителя; временами они даже воспринимали ее как наказание. Саландер не отличалась словоохотливостью, никогда не тянула руку и часто попросту не отвечала на вопросы учителей. Конечно, все это сказывалось на ее оценках, хотя вряд ли кто-нибудь мог сказать, почему она молчит: то ли не выучила уроки, то ли по другой причине. Ее поведение учителя неоднократно обсуждали на своих коллегиальных советах. Все признавали, что у нее есть проблемы, но никто не хотел взять на себя ответственность за эту девочку с трудным характером. Поэтому она очутилась в ситуации, когда даже преподаватели делали вид, что ее не существует. Так что ей оставалось просто сидеть и мрачно молчать.

Однажды новый учитель, не знавший особенностей ее поведения, вынудил ее ответить на вопрос по математике. У Лисбет начался приступ истерики, и она набросилась на учителя. Закончив средние классы, Саландер перешла в другую школу. На старом месте у нее не осталось ни одного товарища, с кем ей захотелось бы попрощаться. Так что эту юродивую никто не любил.

Затем приключилась «Вся Та Жуть», о которой ей и думать не хотелось; она как раз вступила в подростковый возраст. Последняя вспышка ее гнева довершила картину, так что пришлось извлечь на свет записи из журналов начальной школы. После этого с юридической точки зрения ее причислили к… шизикам. Фрикам. Правда, Лисбет Саландер и

без всяких справок знала, что она не такая, как все остальные. С другой стороны, это ее ничуть не волновало, пока ее опекуном считался Хольгер Пальмгрен, которого она в случае чего могла обвести вокруг пальца.

С появлением Бьюрмана статус недееспособной начал чрезвычайно мешать ей. К кому бы и куда бы ни обратилась Лисбет, она могла бы попасть в западню… А вдруг она проиграет? Что тогда? Ее запрут в интернате? Или отправят в психушку? Ну уж нет, рисковать нельзя.

Поздно ночью, когда они уже умиротворенно лежали, с переплетенными ногами, и грудь Сесилии уютно покоилась под боком у Микаэля, она взглянула на него.

– Спасибо. Давно я не испытывала таких эмоций. А ты в постели просто гигант.

Микаэль улыбнулся. Он всегда радовался, как дитя, когда женщины восторгались его сексуальными способностями.

– И мне стало хорошо, – сказал он. – Неожиданно, но приятно.

– Я не прочь повторить, – отозвалась Сесилия Вангер. – Если у тебя появится желание.

Микаэль посмотрел на нее:

– Ты имеешь в виду, что тебе нужен любовник?

– Occasional lover, – уточнила Сесилия Вангер. – Но я хочу, чтобы сейчас ты отправился домой. Тебе незачем видеть меня рано утром, пока я не привела себя в порядок. И потом, не следует посвящать всю округу в наши отношения.

– Вообще-то я и не собирался, – ответил Микаэль.

– И уж тем более я не хочу, чтобы об этом узнала Изабелла. Она такая стерва.

– И твоя ближайшая соседка… Я с ней уже познакомился.

– Да, но, к счастью, из ее дома моя входная дверь не видна. Микаэль, пожалуйста, будь осмотрителен.

– Я буду осмотрителен.

– Спасибо. Ты пьешь?

– Иногда.

– Мне хочется чего-нибудь фруктового с джином. Присоединишься?

– Еще бы!

Сесилия завернулась в простыню и спустилась на первый этаж. Микаэль воспользовался случаем, отправился в туалет, в душ и ополоснулся. Он стоял голый и разглядывал книжную полку, когда она вернулась с графином ледяной воды и двумя порциями джина с лаймом.

Они выпили.

– Для чего ты вообще пришел ко мне? – спросила Сесилия.

– Без особой причины. Просто я…

– Ты сидишь дома и читаешь все эти бумаги Хенрика. А потом вдруг заявляешься ко мне. Легко догадаться, о чем ты размышлял.

– А ты сама читала эти бумаги?

– Не то чтобы очень. Но я слышу об этом почти всю свою сознательную жизнь. Невозможно общаться с Хенриком и не быть посвященным в загадку Харриет.

– Но эта история действительно захватывает. Я хочу сказать, что это как тайна запертой комнаты в масштабе целого острова. Все в этом деле перечит законам логики. Любой вопрос остается без ответа, любая нить заводит в тупик.

– Да уж, все это просто бесит.

– Ты ведь была на острове в тот день?

– Да. Я была здесь, и вся эта катавасия мне весьма памятна. Вообще-то я тогда жила в Стокгольме и училась в университете. Очень жаль, что в те выходные я не осталась дома.

– Какой она на самом деле была? Похоже, что все воспринимали ее совершенно по-разному.

– То, что я скажу, не предназначено для печати или для записи…

– Конечно. Говори…

– Не имею понятия, что тогда творилось у Харриет в голове. Тебя, конечно, интересует последний год… Так вот. Один день она могла быть фанатичной богомолкой. А на следующий день красилась, как шлюха, и отправлялась в школу в обтягивающем свитере. Чтобы понять, что она чувствовала себя глубоко несчастной, не обязательно быть психологом. Но я, повторяю, здесь не жила и слышала только сплетни.

– Но в чем все же заключались ее проблемы?

– В Готфриде и Изабелле, разумеется. Их брак был союзом двух психопатов. Они или пьянствовали, или воевали друг с другом. Не физически – Готфрид был не из задир-рукоприкладчиков, он сам побаивался Изабеллу. Она просто кошмарная особа. Где-то в начале шестидесятых он поселился в домике на краю острова, а Изабелла никогда там не появлялась. Порой он бродил по округе как настоящий голодранец. А потом трезвел, аккуратно одевался и даже искал себе работу.

– Неужели никто не хотел помочь Харриет?

– Хенрик, конечно, хотел. Ведь в конце концов она переехала к нему. Но не забывай, что тогда он играл роль великого промышленника. Он

много ездил и не мог уделять Харриет и Мартину много внимания и времени. Я многое пропустила из этого периода, поскольку жила сначала в Уппсале, а потом – в Стокгольме. Но, честно говоря, имея такого отца, как Харальд, я тоже не могу похвастаться счастливым детством. Но потом спустя годы поняла: Харриет никогда никому не открывала душу. И в этом заключалась ее главная проблема. Она, напротив, притворялась, что у них счастливая семья.

– Наверняка из чувства противоречия.

– Безусловно. Но после того, как утонул ее отец, она изменилась. Делать вид, что все хорошо, стало невозможно. До этого Харриет была… я даже не знаю, как объяснить… вполне обычной девочкой подросткового возраста, хотя и очень одаренной и не по годам развитой. В последний же год она по-прежнему выделялась интеллектуальными способностями – пятерки по всем тестам и тому подобное, – но словно лишилась души.

– А как утонул ее отец?

– Готфрид? Очень прозаично. Он выпал из лодки прямо под домом. У него была расстегнута ширинка, а содержание алкоголя в крови было выше всяких норм, так что сам можешь догадаться, как все случилось. А обнаружил его Мартин.

– Я этого не знал…

– Как ни странно, Мартин стал очень приличным человеком. А ведь если бы ты спросил меня тридцать пять лет назад, я бы сказала, что если кому-то из этой семьи и нужен психиатр, то это именно ему.

– Что ты имеешь в виду?

– От семейных коллизий страдала не только Харриет, но и Мартин. Он много лет был настолько молчаливым и замкнутым, что его даже можно было назвать дикарем. Им обоим приходилось нелегко. Да и, в общем-то, нам всем. Я тоже не слишком-то ладила со своим отцом. Мне кажется, ты уже и сам понял, что он абсолютно чокнутый. И моя сестра Анита, и кузен Александр тоже страдали от тех же проблем. Словом, счастливого детства в семействе Вангеров не было ни у кого.

– А что случилось с твоей сестрой?

– Анита живет в Лондоне. Она поехала туда в семидесятые годы поработать в шведской турфирме – и осталась насовсем. Вышла замуж, но скоро они разъехались, и Анита так и не успела представить его своей семье. Сейчас она – топ-менеджер на одной из авиалиний «Бритиш эруэйз». Мы с нею прекрасно ладим, но общаемся не слишком часто, встречаемся примерно раз в два года. Она никогда не приезжает домой в Хедестад.

– Почему?

– Наш отец – психопат. По-твоему, этого мало?

– Но ведь ты же осталась.

– Я и Биргер, мой брат.

– Биргер – политик?

– Не смеши меня. Биргер старше нас с Анитой. Мы никогда не были особенно близки. Ему кажется, что он очень значительный политик, что его выберут в риксдаг или он получит пост министра, если правые придут к власти. На самом же деле он – весьма посредственный муниципальный чиновник, к тому же в захолустье, и похоже, что его карьера на этом закончится.

– Больше всего меня восхищает в семействе Вангеров то, что все друг друга терпеть не могут.

– Я бы так не сказала. Я очень хорошо отношусь к Мартину и Хенрику. И всегда с удовольствием общаюсь с сестрой, хоть мы и не слишком часто встречаемся. Я не переношу Изабеллу и не слишком люблю Александра. С отцом же и вовсе не разговариваю. Получается примерно пятьдесят на пятьдесят. Биргер… он скорее пафосный дурак, чем плохой человек. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Скорее всего, дело в том, что представители клана Вангеров с детства начисто лишены дипломатических навыков. Мы говорим то, что думаем.

– Да, я заметил, что вы слишком прямолинейны. – Микаэль протянул руку и коснулся ее груди. – Не успел я пробыть здесь и пятнадцати минут, как ты меня атаковала.

– Честно говоря, меня разбирало любопытство, каков ты в койке, еще с нашей первой встречи. И подумала, что стоит проверить это на практике.

Впервые в жизни Лисбет Саландер настоятельно потребовалось с кем-нибудь посоветоваться. Однако для этого нужно было кому-то довериться, а это означало, что она должна была раскрыть все свои тайны. Но кому ей исповедоваться? Она просто-напросто не умела общаться с людьми.

Лисбет Саландер насчитала десять человек из своей записной книжки, которых могла назвать своими знакомыми. Это если по максимуму.

Можно было поговорить с Чумой, ведь он занимал достаточно стабильное место в ее жизни. Но называть его другом она бы не стала. И, уж конечно, он не сможет помочь в решении ее проблемы. Это не вариант.

Сексуальный опыт Лисбет Саландер вовсе не был столь убогим, каким она пыталась описать его адвокату Бьюрману. Правда, сама она всегда – или, во всяком случае, часто – диктовала условия, на которых могла бы

согласиться на сексуальные отношения. За время, прошедшее с ее пятнадцатилетия, у Лисбет было около пятидесяти партнеров. В среднем по пятеро в год – вполне нормально для одинокой девушки, которая с годами стала рассматривать секс как приятный способ времяпровождения.

Преобладающее большинство этих случайных связей выпало на двухлетний период на исходе подросткового возраста, в те бурные годы, как раз когда ей следовало обретать самостоятельность. Тогда Лисбет Саландер находилась на перепутье; она утратила контроль над собственной жизнью, и ее будущее вполне могло превратиться в триллер – бесконечные протоколы о потреблении наркотиков и алкоголя и отправки в различные лечебницы. Но с тех пор, как ей исполнилось двадцать и она начала работать в «Милтон секьюрити», Лисбет взяла себя в руки и – как она сама считала – отрегулировала свою жизнь.

Ей больше не приходилось угождать какому-нибудь козлу, кто брал для нее в шалмане три кружки пива, и уже не нужно было заявляться домой вместе с алкашом, который толком не усвоил ее имя. В последний год она ограничивалась одним-единственным постоянным сексуальным партнером. Так что запись в журнале о ней как о девице, которая с семнадцати лет ведет беспорядочную половую жизнь, уже утратила свою актуальность.

Нередко Лисбет занималась сексом с кем-нибудь из компании друзей, к которой она вообще-то не принадлежала, но где ее принимали, поскольку она знала Силлу Нурен. Лисбет Саландер встретила ее в девятнадцать лет, когда уступила настоятельному требованию Хольгера Пальмгрена и пыталась получить недостающие для аттестата оценки в школе для взрослых. У Силлы были красно-синие волосы с отдельными черными прядями, черные кожаные брюки, кольцо в носу и столько же заклепок на поясе, как у самой Лисбет. На первом уроке они подозрительно разглядывали друг друга.

По какой-то не вполне понятной Лисбет причине они начали общаться. Чтобы дружить с Лисбет, требовались особые душевные качества, особенно в те годы, но Силла игнорировала ее молчание и таскала с собой по злачным местам. Благодаря ей Лисбет стала членом группы «Персты дьявола», которая первоначально объединяла четырех девчонок из пригорода, любивших тяжелый рок. По вторникам они встречались в кафе «Мельница», чтобы позлословить о парнях, поболтать о феминизме, пентаграммах, музыке и политиках и вволю оттянуться пивом средней крепости. Таким образом они полностью оправдывали свое название.

Саландер, конечно, душой компании не стала и редко участвовала в беседах, но ее принимали такой, какая она есть, – она могла появляться в

любое время и целый вечер молча тянуть пиво. Они также приглашали ее в гости на дни рождения, рождественский глинтвейн и тому подобное; правда, чаще всего она не приходила.

За те пять лет, что Лисбет общалась с «Перстами дьявола», девушки изменились. Волосы обрели более стандартный цвет, одежду они покупали скорее в магазине «H&M», а не в секонд-хенде. Они уже учились или работали, а одна девушка даже стала мамой. Лисбет казалось, что только она одна из них всех ничуть не изменилась, и можно было подумать, что она застряла на одном месте.

Однако они по-прежнему радовались, когда встречали друг друга. Пожалуй, Лисбет только в компании «Перстов дьявола» ощущала свою принадлежность к какой-то социальной группе. Она вполне комфортно чувствовала себя и среди парней, с которыми встречались девушки из группы.

«Персты дьявола» выслушали бы ее и даже оказали бы ей поддержку. Но они понятия не имели о том, что Лисбет Саландер по решению суда является юридически неправомочной. Конечно, ей бы не хотелось, чтобы они тоже начали смотреть на нее косо.

А значит, это не вариант, вот к какому выводу она пришла.

В адресной книжке Лисбет не значилось никого из бывших одноклассников. У нее практически не было никакого круга знакомств, групп поддержки или контактов в среде власть имущих. Так к кому же ей следовало обратиться, чтобы рассказать о своих проблемах с адвокатом Нильсом Бьюрманом?

Один человек, пожалуй, имелся. Лисбет долго и тщательно взвешивала возможность довериться Драгану Арманскому – зайти к нему и описать свою ситуацию. Он говорил, что если ей потребуется помощь, она может не раздумывая обращаться к нему. Лисбет не сомневалась, что он говорил это на полном серьезе.

Арманский тоже однажды к ней приставал, но по-дружески; он не хотел ее унизить или оскорбить и, главное, не пытался ее подчинить. Но просить его о помощи она бы не рискнула. Он – ее начальник, и доверив ему такие серьезные проблемы, она окажется в зависимости от него. Лисбет представила, как преобразилась бы ее жизнь, если бы ее опекуном был не Бьюрман, а Арманский… Она улыбнулась. Не такая уж и абсурдная идея. Правда, Арманский, вероятно, взялся бы за поручение с такой ответственностью, что утопил бы ее в своей заботе.

«Что ж, возможно, это и вариант…»

Конечно, Лисбет знала, что есть такая штука, как женский кризисный

центр, но ей никогда не пришло бы в голову самой туда обратиться. Подобные центры, с ее точки зрения, предназначались для жертв, а она себя к ним никогда не причисляла. Следовательно, ей оставалось сделать то, чего прежде делать не приходилось, – самой принять решение и самой же разрешить свои проблемы.

Похоже, это был единственный вариант.

Адвокату Нильсу Бьюрману это ничего хорошего не предвещало.

Глава 13
Четверг, 20 февраля – пятница, 7 марта

В последнюю неделю февраля Лисбет Саландер работала по особому графику и по особому заданию, которое сама же себе и поручила: она составляла досье на адвоката Нильса Эрика Бьюрмана, 1950 года рождения. Саландер почти по шестнадцать часов в сутки изучала подробности личной биографии своего персонажа и работала гораздо тщательнее, чем обычно. Она привлекла все доступные архивы и официальные документы, изучила все его ближайшее окружение, вникла в финансовое положение и детально исследовала карьеру и каждое дело в отдельности.

Результат оказался зубодробительным.

Бьюрман был юристом, членом Коллегии адвокатов и автором пространной, но исключительно скучной диссертации по торговому праву. Адвокат обладал безупречной репутацией. Он ни разу не облажался. Один-единственный раз на него заявляли в Коллегию адвокатов – обвинение в посредничестве при нелегальной покупке квартиры около десяти лет назад, – но ему удалось доказать свою непричастность, и дело закрыли. Его финансовое положение не вызывало никаких нареканий. Адвокат Бьюрман считался человеком вполне состоятельным, его капиталы исчислялись как минимум десятью миллионами. Он исправно платил налоги – иногда даже больше, чем требовалось, – являлся членом «Гринписа» и «Международной амнистии», а также жертвовал деньги в Фонд помощи страдающим сердечными и легочными заболеваниями. В массмедиа его имя фигурировало редко, но несколько раз он подписывал официальные воззвания в поддержку политических заключенных в странах третьего мира. Он жил в пятикомнатной квартире на Упландсгатан, неподалеку от площади Уденплан, и являлся секретарем своего жилищного кооператива. В графе «Семейный статус» Лисбет отметила: разведен, детей нет.

Саландер сосредоточилась на его бывшей жене Елене. Та родилась в Польше, но всю жизнь прожила в Швеции. Она работала в реабилитационном центре и, похоже, обрела счастье во втором браке с коллегой Бьюрмана. Придраться решительно не к чему. Брак с Бьюрманом продлился четырнадцать лет, а развод прошел без осложнений.

Считалось, что адвокат Бьюрман помогал молодежи, у которой возникали проблемы с правосудием. До того, как стать опекуном Лисбет Саландер, он был наставником четырех подростков. В этих случаях речь

шла о малолетних, и по достижении ими совершеннолетия по решению суда его освободили от этой роли. Один из его бывших подопечных по-прежнему пользовался услугами Бьюрмана как адвоката, так что и здесь, похоже, никаких конфликтов не скрывалось. Если даже Бьюрман регулярно злоупотреблял доверием своих подзащитных, то он очень хорошо это скрывал. Словом, сколько Лисбет ни копала, ей так и не удалось обнаружить никаких намеков на что-либо противозаконное. Все четверо его подопечных вполне благоденствовали: у них были «половинки», работа, жилье и кредитные карточки.

Лисбет позвонила каждому из четырех клиентов и представилась социальным работником, занимающимся изучением того, как дети, ранее имевшие наставника, организуют свою жизнь по сравнению с другими детьми. Разумеется, гарантируется полная анонимность. Саландер составила анкету из десяти вопросов, которые и задавала по телефону. Несколько вопросов она сформулировала так, что клиентам приходилось рассказывать о пользе наставничества. И если бы они затаили что-нибудь против Бьюрмана, это бы обязательно всплыло. Но никто не сказал о нем ни единого худого слова.

Завершив свое досье, Лисбет Саландер собрала всю документацию в бумажный пакет из супермаркета ICA и выставила его в прихожую к двадцати другим мешкам с газетами. Адвокат Бьюрман оказался безупречен – по крайней мере, с виду. В его прошлом вообще не было ничего такого, что Лисбет могла бы использовать как компромат. Она твердо знала, что он подонок и мерзавец, но так и не нашла ни единого факта, который помог бы ей это доказать.

Придется искать другие варианты. После того как она проанализировала все, оставался лишь один. И этот вариант казался ей наиболее привлекательным или, по крайней мере, вполне реалистичным. Самый простой выход из создавшегося положения – если бы Бьюрман попросту исчез из ее жизни. Внезапный инфаркт, и все кончено. Но в том-то и вся загвоздка – у омерзительных пятидесятипятилетних мужиков не случается инфарктов на заказ.

Хотя над этим можно поразмышлять.

Микаэль Блумквист общался с Сесилией Вангер очень бережно. Сесилия требовала соблюдения трех условий.

Никто не должен знать об их встречах.

Ему следовало приходить только по ее звонку, когда она бывала в хорошем настроении.

И он должен был ночевать у себя дома.

Для Микаэля она стала настоящей загадкой. Когда они невзначай сталкивались в «Кафе Сусанны», она держалась вполне дружелюбно, но прохладно, и держалась на расстоянии. У себя же в спальне эта женщина сбрасывала маску и становилась просто неукротимой дикаркой.

Микаэлю не хотелось копаться в ее личной жизни, хотя его ведь наняли именно для того, чтобы копаться в личной жизни всего семейства Вангеров. Он испытывал двоякие чувства – ему было немного не по себе и в то же время его не оставляло любопытство. Однажды он спросил у Хенрика Вангера, за кем была замужем Сесилия и что у них произошло. Он задал свой вопрос, когда занимался биографиями Александра, Биргера и других членов семьи, находившихся на острове в день исчезновения Харриет.

– Сесилия? По-моему, она не имела к Харриет никакого отношения.

– А ее прошлое?

– Она вернулась сюда после учебы и начала работать учительницей. Тогда же познакомилась с неким Джерри Карлссоном, который, к сожалению, работал в концерне «Вангер». Они поженились. Я думал, что они стали счастливой парой – по крайней мере, поначалу. Однако через пару лет я стал замечать, что у них далеко не все ладится. Он ее избивал. Обычная история – он над ней издевался, а она терпела и защищала его. В конце концов Карлссон перегнул палку, и Сесилия попала в клинику с серьезными травмами. Я поговорил с ней и предложил помочь. Она переехала сюда, на остров, и с тех пор не желает встречаться с мужем. Я распорядился, чтобы его уволили.

– Но она по-прежнему официально замужем за ним.

– Не знаю, почему Сесилия не оформила официальный развод. Но поскольку она так и не собралась снова замуж, это, вероятно, было неважно.

– А этот Джерри Карлссон, он мог иметь какое-то отношение к…

– …к Харриет? Нет, в шестьдесят шестом году он в Хедестаде не жил и в концерне еще не работал.

– Ясно.

– Микаэль, я люблю Сесилию. С ней не всегда легко, но она одна из самых лучших представительниц нашего семейства.

Целую неделю Лисбет Саландер с бюрократической дотошностью планировала устранение адвоката Нильса Бьюрмана. Она репетировала – и отвергала – разные сценарии, до тех пор пока не отобрала несколько вполне

реальных вариантов. Никаких импульсивных действий. В самом начале ей пришло в голову попытаться организовать несчастный случай, но вскоре Лисбет пришла к выводу, что с таким же успехом можно осуществить и откровенное убийство.

Требовалось соблюсти лишь одно условие. Адвокат Бьюрман должен умереть таким образом, чтобы ни одна ниточка следствия не привела лично к ней. То, что она будет фигурировать в предстоящем полицейском расследовании, ей казалось более или менее неизбежным. Ее имя рано или поздно всплывет, когда начнут изучать деятельность Бьюрмана. Но ведь она была лишь песчинкой из целого потока его нынешних и прежних клиентов и встречалась с ним всего несколько раз. Если только сам Бьюрман не записал у себя в ежедневнике, что заставил ее делать ему минет – а это казалось ей маловероятным, – у нее не возникло бы никакого мотива убивать его. Не должно быть ни малейших намеков на то, что его смерть каким-то образом связана с его клиентами. В конце концов, имеются бывшие подруги, родственники, случайные знакомые, коллеги и так далее. Кстати, сплошь и рядом случается даже то, что на юридическом языке принято называть random violence[63], когда преступник и жертва вообще не знают друг друга.

Если же речь зайдет о ней, то выяснится, что она – всего лишь беспомощная недееспособная девушка с документами об умственной неполноценности. Значит, было бы очень хорошо, если бы Бьюрмана убили таким изощренным способом, чтобы умственно отсталую девушку никак нельзя было в этом заподозрить.

Стрелковое оружие Лисбет отвергла сразу. Раздобыть его не составило бы для нее особого труда, но полиция как раз очень хорошо разбирается во всем, что связано с оружием, и таким образом сможет вычислить ее.

Следующий вариант – нож, который можно купить в ближайшей скобяной лавке. Но Лисбет отвергла и его. Даже если она появится внезапно и вонзит ему в спину нож, нет никакой гарантии, что он умрет сразу и без звука или что он умрет вообще. А значит, может подняться шум, который привлечет всеобщее внимание, и на ее одежде могут остаться пятна крови, грозящие стать вескими уликами против нее.

Саландер даже подумывала о какой-нибудь бомбе, но этот вариант казался ей чересчур сложным. Изготовить бомбу самой ничего не стоит – в Интернете полно инструкций по производству самых смертоносных орудий. Однако взрывное устройство проблематично установить так, чтобы не подвергать риску невинных обывателей, случайно оказавшихся в радиусе поражения. Кроме того, опять-таки никакой гарантии, что

Бьюрман действительно погибнет.

Как раз в эту секунду зазвонил телефон.

– Привет, Лисбет, это Драган. У меня есть для тебя работа.

– У меня нет времени.

– Это важно.

– Я занята, – сказала Лисбет и дала отбой.

В конце концов она остановилась на неожиданном варианте – выбрала яд. Этот вариант поначалу удивил даже ее саму, но при ближайшем рассмотрении Лисбет сочла эту идею оптимальной. Несколько суток она провела, тщательно прочесывая Интернет в поисках подходящего яда. Вариантов предлагалось много. Например, можно взять один из самых смертоносных ядов, известных науке, – цианистый водород, именуемый также синильной кислотой.

Цианистый водород используется как компонент в некоторых химических производствах – например, для изготовления красителей. Чтобы убить человека, достаточно нескольких миллилитров. А один литр в резервуаре с водой вполне может уничтожить город средних масштабов.

По понятным причинам производство и хранение этого смертоносного вещества находится под строжайшим контролем. Однако если какой-нибудь фанатик, задумавший скандальное политическое убийство, не может зайти в ближайшую аптеку и попросить десять миллилитров цианистого водорода, то на обычной кухне этот яд можно произвести в почти неограниченных количествах. Требуется лишь элементарное лабораторное оборудование, которое продается в составе детских химических наборов за несколько сотен крон, и набор ингредиентов, которые легко найти в самом обычном хозяйственном магазине. Инструкция по изготовлению есть в Интернете.

Следующим вариантом был никотин. Из одного блока сигарет можно извлечь достаточное количество миллиграммов, а потом сварить быстро испаряющийся сироп. А еще более подходящим веществом – правда, и более сложным в производстве – является сульфат никотина. Он обладает свойством впитываться через кожу. То есть достаточно надеть резиновые перчатки, наполнить водяной пистолет и выстрелить адвокату Бьюрману в лицо. В течение двадцати секунд он потеряет сознание, а через несколько минут помрет.

До сих пор Лисбет Саландер даже представления не имела о том, что так много самых обычных продуктов из ближайшего хозяйственного магазина можно превратить в смертельное оружие. Посвятив несколько дней изучению этой темы, она убедилась, что никаких технических

препятствий для того, чтобы разобраться с опекуном в кратчайшие сроки, не существует.

Оставалось только две проблемы. Во-первых, смерть Бьюрмана еще не гарантирует ей возможности самой распоряжаться своей жизнью. А во-вторых, как знать, вдруг преемник Бьюрмана окажется во сто крат хуже его?

Прежде чем предпринять какие-либо действия, нужно досконально проанализировать последствия.

Как бы ей сделать так, чтобы взять своего опекуна под контроль и тем самым управлять собственным положением? Целый вечер Лисбет просидела на старом диване в гостиной, вновь и вновь обмозговывая ситуацию. К концу вечера она похоронила идею убийства с помощью яда и создала альтернативный план.

Возможно, он и не был идеальным и предполагал, что она вновь позволит Бьюрману на нее наброситься. Но если у нее все получится, то она выйдет победительницей.

Так ей казалось.

К концу февраля Микаэль уже адаптировался в Хедебю, и его жизнь шла по накатанной колее. Каждое утро он вставал в девять, завтракал и до двенадцати изучал новый материал. Затем, невзирая на погоду, совершал часовую прогулку. Во второй половине дня он продолжал работать у себя или в «Кафе Сусанны» – обрабатывал прочитанное утром или набрасывал фрагменты будущей биографии Хенрика. Между тремя и шестью часами дня Блумквист чаще всего бывал свободен. Ходил за покупками, стирал, ездил в Хедестад и занимался другими хозяйственными делами. Около семи вечера Микаэль навещал Хенрика Вангера и задавал накопившиеся за день вопросы. Часам к десяти он возвращался домой и читал до часу или двух ночи, систематизируя собранные Хенриком Вангером документы.

Микаэль обнаружил, что работа над биографией Хенрика, как ни странно, движется вперед семимильными шагами. Он уже записал около ста двадцати страниц чернового варианта семейной хроники, охватывающей период от прибытия Жана Батиста Бернадота в Швецию и приблизительно до 1920-х годов. После этого работа застопорилась, и он продвигался вперед с изрядным трудом.

Через хедестадскую библиотеку Микаэль заказал книги о возникновении нацизма в Швеции, и в частности, докторскую диссертацию Хелены Лёв «Свастика и сноп Васы». Он написал еще примерно сорок страниц о Хенрике и его братьях, причем Хенрика поместил в центр всего

повествования. Микаэль составил подробный план своих изысканий. Ему нужно было понять, как выглядело и как работало в разное время семейное предприятие. Так, он обнаружил, что клан Вангеров был тесно связан с империей Ивара Крюгера[64] – еще одна боковая линия сюжета, которая требовала внимания. В общей сложности ему оставалось написать триста страниц текста. По его собственному графику, он намеревался к первому сентября представить Хенрику Вангеру полный черновой вариант, а осенью заняться доработкой текста.

Но в деле Харриет Микаэль не продвинулся ни на йоту. Он читал и перечитывал объемистый материал, вникал в каждую деталь, но у него так и не появилось ни единого повода заподозрить, что в расследовании были допущены какие-то огрехи.

Как-то субботним вечером в конце февраля Блумквист довольно долго беседовал с Хенриком. Он уверял, что не смог добиться успехов. Вангер терпеливо слушал, пока Микаэль перечислял все тупики, в которых ему пришлось блуждать.

– Короче говоря, я не нашел в расследовании никаких изъянов.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Я и сам бился до потери пульса. И все же не сомневаюсь, что мы что-то упустили. Идеальных преступлений не бывает.

– Но ведь мы даже не можем с уверенностью утверждать, что преступление действительно было совершено.

Хенрик Вангер огорченно вздохнул и развел руками.

– Не останавливайся, – попросил он. – Пожалуйста, доведи работу до конца.

– Это бессмысленно.

– Вполне возможно. А ты не сдавайся.

Микаэль вздохнул.

– Номера телефонов, – произнес он наконец.

– Да.

– Они должны что-то означать.

– Должны.

– Они записаны не просто так.

– Согласен.

– Но мы не можем их расшифровать.

– Не можем.

– Или просто расшифровываем неправильно.

– Вот именно.

– Это не номера телефонов. Они означают нечто другое.

– Возможно.

Микаэль снова вздохнул и отправился домой, чтобы продолжить штурм.

Адвокат Нильс Бьюрман вздохнул с облегчением, когда Лисбет Саландер вновь позвонила ему и заявила, что ей опять нужны деньги. От их последней запланированной встречи она отказалась, сославшись на то, что у нее много работы. Но что-то все-таки угнетало его, что-то беспокоило. Неужели Саландер снова становится неуправляемым проблемным тинейджером? Но в любом случае она пропустила последнюю встречу и не получила карманных денег, так что рано или поздно ей все равно придется к нему обратиться. К тому же адвокат беспокоился: а вдруг Саландер рассказала кому-нибудь о его поступке?

Ее звонок с просьбой выдать ей карманные деньги убедил Бьюрмана в том, что он контролирует ситуацию. Но девчонку следует обуздать, решил опекун. Ей нужно дать понять, кто тут все решает, и только тогда у них смогут сложиться более приемлемые отношения. Поэтому на сей раз он назначил ей встречу не в офисе, а у себя дома, на Уденплан. Услышав это, Лисбет Саландер на другом конце провода надолго замолчала – чертова тупая сучка! – но потом все-таки согласилась.

Она-то планировала встретиться с ним так же, как и в прошлый раз, у него в офисе. Теперь же ей придется общаться с ним на незнакомой территории. Встречу адвокат назначил на вечер пятницы. Код к домофону он продиктовал Лисбет Саландер по телефону. Она позвонила в дверь квартиры только в половине девятого, на полчаса позже назначенного времени. Эти полчаса на темной лестнице потребовались ей для того, чтобы в последний раз уточнить свои планы, взвесить альтернативные варианты, сосредоточить всю волю в кулак и решиться.

Около восьми вечера Микаэль захлопнул лэптоп и надел куртку. Он не стал выключать свет в кабинете и вышел на улицу – ясное небо было усыпано звездами, температура приближалась к нулю градусов.

Микаэль быстро поднимался вверх по дороге, ведущей в Эстергорд. Сразу за домом Хенрика Вангера он свернул налево и пошел по нерасчищенной, но протоптанной тропинке вдоль берега. На воде мигали бакены, а в темноте живописно светился огнями Хедестад. Микаэлю требовался глоток свежего воздуха, но самое главное, ему бы не хотелось попасть в поле зрения бдительной Изабеллы Вангер. Возле дома Мартина он опять вернулся на дорогу и в самом начале десятого оказался у Сесилии.

Они сразу направились в ее спальню.

Встречались они не более пары раз в неделю. В этой глуши Сесилия стала для Микаэля не только любовницей, но и человеком, которому он начал доверять. Кстати, журналист извлекал гораздо больше пользы, обсуждая историю Харриет Вангер с ней, а не с Хенриком.

План Лисбет чуть не провалился.

Адвокат Нильс Бьюрман открыл ей дверь, одетый в халат. Он уже был раздражен ее опозданием и просто махнул ей рукой. Лисбет была одета в джинсы, черную футболку и неизменную кожаную куртку. На ногах черные ботинки, а на перекинутом через грудь ремне висел небольшой рюкзачок.

– Ты что, даже на часы не научилась смотреть? – раздраженно поприветствовал ее Бьюрман.

Саландер не ответила. Она осматривалась. Квартира выглядела приблизительно так, как она и представляла себе после изучения ее планировки в архиве Городского управления жилищного строительства. В квартире стояла светлая мебель, из березы и бука.

– Заходи, – сказал Бьюрман уже более приветливым тоном.

Он слегка обнял ее за плечи и повел через холл, в глубь квартиры. Никаких тебе экивоков. Он просто открыл дверь в спальню. Никаких сомнений в том, каких именно услуг он от нее ожидал, не оставалось.

Лисбет Саландер поспешно оглядывалась. Холостяцкая меблировка. Двуспальная кровать с высокой спинкой из нержавеющей стали. Комод, он же одновременно и ночной столик. Торшеры с приглушенным светом, гардероб с зеркалом вдоль стены, ротанговый стул и маленький столик в углу, возле двери.

Бьюрман взял ее за руку и подвел к кровати.

– Поделись, зачем тебе понадобились деньги на этот раз. Опять компьютерные игрушки?

– На еду, – уточнила она.

– Ну конечно. Я мог бы и сам догадаться, ты ведь пропустила нашу последнюю встречу…

Он взял ее за подбородок и поднял ее лицо так, что их взгляды встретились.

– Как ты себя чувствуешь?

Лисбет пожала плечами.

– Ты обдумала то, что я сказал в прошлый раз?

– Что именно?

– Лисбет, не притворяйся глупышкой. Я хочу, чтобы мы с тобой стали

друзьями и помогали друг другу.

Саландер не ответила. Адвокат Бьюрман сдержался, хотя ему захотелось влепить ей пощечину, чтобы немного взбодрить.

– Тебе в прошлый раз понравилась наша игра для взрослых?

– Нет.

Он поднял брови:

– Лисбет, давай без глупостей.

– Мне нужны деньги, чтобы купить еду.

– Именно об этом мы и говорили в прошлый раз. Если ты будешь добра ко мне, то и я буду добр к тебе. Но если ты начнешь со мной ссориться, то…

Его рука еще крепче сжала ее подбородок, но она высвободилась.

– Мне нужны мои деньги. Что вы хотите, чтобы я сделала?

– Ты прекрасно знаешь.

Он схватил ее за плечо и потащил к кровати.

– Подождите, – быстро сказала Лисбет.

Она бросила на него покорный взгляд и коротко кивнула. Потом сняла рюкзачок и кожаную куртку с заклепками и огляделась. Положила куртку на ротанговый стул, поставила рюкзак на круглый столик и сделала несколько нерешительных шагов в сторону кровати. И остановилась, словно призадумавшись.

Бьюрман подошел поближе.

– Подождите, – произнесла Лисбет так, словно надеялась его привести в чувство. – Я не хочу, чтобы вы заставляли меня делать минет каждый раз, когда мне будут нужны деньги.

У Бьюрмана мгновенно изменилось выражение лица. Внезапно он ударил ее ладонью по лицу. Саландер вытаращила глаза, но прежде чем она успела хоть как-то отреагировать, он схватил ее за плечо и швырнул на кровать, лицом вниз. Неожиданная атака застигла Лисбет врасплох. Она попыталась перевернуться, но Бьюрман придавил ее к кровати и сел на нее верхом.

Все повторилось, как и в прошлый раз: девушка безнадежно уступала ему в физической силе. Оказать сопротивление она могла, только если бы вцепилась ему в глаза ногтями или врезала по голове каким-нибудь предметом. От разработанного ею сценария пришлось отказаться. «Ах ты, скотина!» – подумала Лисбет Саландер, когда он сорвал с нее футболку. Холодея, она поняла, что ситуация снова складывается не в ее пользу.

Потом Бьюрман открыл ящик комода, и Саландер услышала звяканье металла. Она не сразу поняла, в чем дело. Но потом увидела, что на ее

запястье защелкивается кольцо наручников. Опекун вытянул ей руки вверх, пропустил цепь кольца вокруг одного из столбиков спинки кровати и замкнул его на другом запястье. Ему не составило большого труда стянуть с нее обувь и джинсы. Наконец Бьюрман сдернул с нее трусы и выпрямился, держа их в руке.

– Лисбет, ты должна научиться доверять мне, – сказал он. – Я научу тебя играть в игры для взрослых. Если ты будешь артачиться, я тебя накажу. А если будешь мне угождать, мы станем друзьями.

Он вновь уселся на нее верхом:

– Значит, тебе не нравится анальный секс…

Лисбет Саландер открыла рот, чтобы закричать. Бьюрман схватил ее за волосы и пропихнул в рот трусы. Она почувствовала, как он чем-то обматывает ей щиколотки, раздвигает ноги и крепко привязывает; Лисбет оказалась обездвиженной и полностью в его власти. Она слышала, как он перемещается по комнате, но видеть его не могла, поскольку лицо ей закрывала футболка. Несколько минут он медлил. Лисбет с трудом вдыхала воздух. Потом, когда он с силой вонзил ей что-то в задний проход, она ощутила невыносимую боль.

Одно из незыблемых правил Сесилии Вангер по-прежнему гласило, что Микаэль должен ночевать у себя дома. В начале третьего ночи он стал одеваться, а она продолжала голая лежать на кровати, улыбаясь ему.

– Ты мне нравишься, Микаэль. С тобою мне хорошо.

– Ты тоже мне нравишься.

Сесилия притянула его обратно к кровати и стащила с него рубашку, которую он только что надел. Блумквист задержался еще на час…

На обратном пути, когда Микаэль шел мимо дома Харальда Вангера, он заметил, как ему показалось, что одна из занавесок на втором этаже дрогнула. Правда, было слишком темно, чтобы утверждать это наверняка.

Только ранним субботним утром, около четырех часов утра, Лисбет Саландер смогла одеться. Она взяла кожаную куртку и рюкзак и поплелась к выходу, где ее уже поджидал только что принявший душ и аккуратно одетый Бьюрман. Он протянул ей чек на две с половиной тысячи крон и сказал, открывая дверь:

– Я отвезу тебя домой.

Переступив порог адвокатской квартиры, Лисбет обернулась и взглянула на него. Она казалась изломанной, лицо ее опухло от слез, и, когда их взгляды встретились, Бьюрман даже отпрянул. Еще никогда ему не

доводилось сталкиваться с такой откровенной ненавистью. Лисбет Саландер производила впечатление именно такой сумасшедшей, как ее описывал журнал.

– Нет, – произнесла она так тихо, что он едва расслышал. – Я доберусь сама.

Он положил ей руку на плечо:

– Ты уверена?

Она кивнула. Рука у нее на плече сжалась.

– Не забудь, о чем мы договорились. Ты придешь сюда в следующую субботу.

Лисбет снова кивнула. Она казалась покоренной.

Бьюрман отпустил ее.

Глава 14
Суббота, 8 марта – понедельник, 17 марта

Лисбет Саландер провела в постели целую неделю. Ее донимали боли внизу живота, кровотечение из прямой кишки и менее заметные травмы, которые придется долго залечивать. То, что ей довелось пережить на этот раз, разительно отличалось от первого изнасилования в его офисе. Теперь Бьюрман позволил себе уже не просто насилие и унижение. Он практиковал систематическую жестокость.

Лисбет слишком поздно поняла, что недооценивала Бьюрмана.

В самом начале она воспринимала его как чиновника, облеченного властью и любящего диктовать свою волю. А он оказался маньяком и садистом. Он продержал ее закованной в наручники целую ночь. Несколько раз ей казалось, что он собирается ее убить, а один раз даже прижал ей лицо подушкой – до тех пор, пока Лисбет перестала что-либо ощущать и почти потеряла сознание.

Она не плакала. Не проронила ни единой слезинки. Если не считать слез, вызванных физической болью в процессе насилия.

Покинув квартиру Бьюрмана, Лисбет с трудом добралась до стоянки такси у площади Уденплан, доехала до дома и еле поднялась к себе. Там она приняла душ и смыла с себя кровь. Потом выпила пол-литра воды, приняла две таблетки снотворного «Рогипнол», дотащилась до кровати и накрылась одеялом с головой.

В воскресенье Лисбет проснулась ближе к обеду. Голова раскалывалась от боли, мышцы ныли, низ живота разрывался. Она выбралась из постели, выпила два стакана молока и съела яблоко. Потом приняла еще две таблетки снотворного и снова легла в постель.

Встать с нее Саландер смогла только во вторник. Она вышла на улицу, купила большую упаковку пиццы, сунула два куска в микроволновку и налила кофе в термос. Ночь она провела за чтением в Интернете статей и диссертаций о психопатологии и садизме.

Особенно внимательно Саландер изучала статью, опубликованную группой исследовательниц из США. Авторы утверждали, что садист точно угадывает личность подходящей жертвы, а самой желанной для него является та, которая сама идет ему навстречу, полагая, будто у нее нет выбора. Садист предпочитает людей, находящихся в зависимом положении, и обладает интуитивной способностью вычислять подходящие

кандидатуры.

Адвокат Бьюрман выбрал в качестве жертвы ее.

Это ее насторожило.

Лисбет вдруг начала понимать, как ее воспринимает окружающий мир.

В пятницу, через неделю после второго изнасилования, Лисбет Саландер прогулялась от своего дома до салона татуировщика. Она заранее позвонила и записалась на определенное время, но других посетителей в салоне не было. Владелец ее узнал и приветливо кивнул.

Лисбет выбрала маленькую несложную татуировку в виде узкой цепочки и попросила нанести ее на голеностопный сустав.

– Тут тонкая кожа. Здесь будет очень больно, – сказал татуировщик.

– Ничего, – ответила Лисбет Саландер, сняла брюки и задрала ногу.

– Значит, цепочку… У тебя уже много татуировок. Уверена, что хочешь еще одну?

– Она мне будет кое о чем напоминать, – ответила Саландер.

Из «Кафе Сусанны» Микаэль Блумквист вышел в два часа дня в субботу, когда оно закрылось. Целый день он провел за компьютером, обрабатывая свои записи. А потом прошелся до магазина «Консум», купил еды и сигарет и отправился домой. Как ни странно, здесь он пристрастился к жареным потрохам с картошкой и свеклой – раньше это блюдо его нисколько не привлекало, но на деревенском воздухе почему-то шло просто на ура.

Около семи вечера Блумквист стоял на кухне у окна и размышлял. Сесилия Вангер не звонила. Он встретил ее днем, когда она покупала еду в кафе, но женщина, казалось, погружена в раздумья. Похоже, сегодня она звонить не собирается. Микаэль покосился на маленький телевизор, которым почти не пользовался, но потом передумал, уселся на кухонный диван и открыл детективный роман Сью Графтон.

В субботу вечером, в назначенное время, Лисбет Саландер навестила Нильса Бьюрмана в его квартире на Уденплан. Опекун открыл ей дверь и любезно улыбнулся.

– Ну, как ты себя чувствуешь сегодня, дорогая Лисбет? – спросил он вместо приветствия.

Девушка не ответила. Он приобнял ее за плечи и сказал:

– В прошлый раз я, возможно, немного перегнул палку. Ты выглядела расстроенной.

Она криво усмехнулась, и адвокат вдруг на мгновение ощутил неуверенность.

«Эта девка психованная, – напомнил он себе. – Не следует об этом забывать».

Он уже усомнился, а получится ли ему вообще с ней сладить.

– Ну что? Пошли в спальню? – спросила Лисбет.

«С другой стороны, может, она и поняла, что к чему…»

Бьюрман повел ее, обнимая за плечи, как и в прошлый раз.

«Сегодня буду с ней поосторожнее. Нужно завоевывать доверие».

На комоде уже лежали заранее приготовленные наручники. Только подойдя поближе к кровати, адвокат понял: что-то не так. Начать с того, что не он подвел ее к кровати, а она его. Бьюрман остановился, растерянно глядя, как Саландер что-то вынимает из кармана куртки. Сначала он решил, что это мобильный телефон. А потом увидел ее глаза.

– Скажи: «Спокойной ночи», – велела Лисбет.

Затем она приставила к его левой подмышке электрошокер и врубила заряд в семьдесят пять тысяч вольт. Когда у него начали слабеть ноги, она уперлась в него плечами и, напрягая все свои силы, толкнула его на кровать.

Сесилия Вангер слегка опьянела. Она решила не звонить Микаэлю Блумквисту. Их отношения превратились в пошлый постельный фарс. Микаэлю приходилось красться закоулками, чтобы проникнуть к ней незамеченным, а сама Сесилия выступала в роли влюбленной барышни, которая не в силах совладать со своими желаниями. В последние недели ее поведение вообще выходило за всякие рамки приличия.

«Проблема в том, что он мне слишком нравится, – подумала она. – В конце концов он ранит меня».

Она долго сидела и думала: хоть бы Микаэль никогда не приезжал в Хедебю.

Потом Сесилия откупорила бутылку вина и выпила в одиночестве два бокала. Она включила «Новости» и решила узнать, что происходит в мире. Но ее воротило от комментариев – политобозреватели убеждали всех, что президенту Бушу необходимо разбомбить Ирак и сровнять его с землей. Тогда она уселась на диван в гостиной и достала книгу Геллерта Тамаса[65] «Человек-лазер», но, прочитав несколько страниц, отложила. Книга напомнила Сесилии об отце. Интересно, чем он дышит и о чем думает…

В последний раз они общались в 1984 году, когда она с ним и братом Биргером отправилась поохотиться на зайцев к северу от Хедестада. Биргер

хотел испытать новую охотничью собаку – гончую по кличке Гамильтон, которую только что купил. Харальду Вангеру было семьдесят три года, и Сесилия честно пыталась смириться с его безумием, которое превратило в кошмар ее детство и наложило отпечаток на всю ее взрослую жизнь.

Никогда еще она не ощущала себя такой беспомощной, как тогда. Три месяца назад распался ее брак. Насилие по отношению к женщинам – это звучит так банально. Не то чтобы ее избивали до синяков и кровоподтеков. Но ей постоянно доставались затрещины и тычки. Ей периодически угрожали; время от времени ее валили на пол в кухне. Муж срывался всегда по необъяснимым причинам. Он редко обходился с ней настолько жестоко, чтобы она получала физические увечья. По крайней мере, он старался не пускать в ход кулаки. Поэтому Сесилия терпела.

Но однажды она вдруг дала ему сдачи, муж вышел из себя и полностью утратил над собой контроль. Он швырнул в нее ножницы, и те застряли у нее в лопатке.

Он, конечно, тут же раскаялся, запаниковал, отвез ее в больницу и расписал историю о несчастном случае, в правдивость которой никто из персонала не поверил. Сесилия буквально сгорала от стыда. Ей наложили двенадцать швов и оставили в больнице на пару дней. Потом ее забрал Хенрик и отвез к себе домой. С тех пор она ни разу не общалась с мужем.

В тот солнечный осенний день, через три месяца после их разрыва, Харальд пребывал в прекрасном настроении и держался почти дружелюбно. Но совершенно неожиданно, прямо посреди леса, он обрушил на свою дочь поток грубостей и оскорблений по поводу ее сексуальных повадок. Он называл ее шлюхой, мол, поэтому она и не смогла удержать мужа.

А ее брат вроде бы даже не заметил, что каждое слово отца хлещет ее, как удар кнута. Биргер вдруг засмеялся, обнял отца и высказался в таком духе: «Уж тебе ли не знать, каковы эти бабы». Затем беспечно подмигнул Сесилии и предложил Харальду отправиться на горку и затаиться в засаде.

Сесилия, глядя на отца с братом, на какую-то долю секунды вдруг осознала, что держит в руках заряженное охотничье ружье, и закрыла глаза. Ей хотелось вскинуть оружие и выстрелить из обоих стволов, чтобы убить этих двух мерзавцев. Но Сесилия бросила ружье на землю, под ноги, развернулась и пошла обратно к машине. Она оставила их в лесу и одна уехала домой. С того дня она разговаривала с отцом очень редко, только в случае крайней необходимости. К себе домой она его не пускала и сама никогда не ходила к нему.

«Ты испортил мне жизнь, – подумала Сесилия. – Испортил мне жизнь

еще в детстве».

В половине девятого вечера она подняла трубку, позвонила Микаэлю Блумквисту и попросила его прийти.

У адвоката Нильса Бьюрмана все болело. Мышцы стали ватными. Тело казалось парализованным. Он не знал, терял ли сознание, но никак не мог вспомнить, что же все-таки произошло. Когда он потихоньку вновь начал чувствовать свое тело, то обнаружил, что лежит на спине в своей постели в голом виде, с наручниками на запястьях и до предела растянутыми в разные стороны ногами. В тех местах, где электроды соприкасались с кожей, болезненно ощущались ожоги.

Лисбет Саландер сидела на ротанговом стуле, придвинутом к кровати, и терпеливо ждала, закинув ноги в ботинках на матрас и покуривая сигарету. Бьюрман хотел что-то сказать, но понял, что его рот заклеен широкой изолентой. Он завертел головой. Оказывается, Лисбет вытащила и перевернула ящики его комода.

– Я нашла твои игрушки, – сказала она.

Она подняла хлыст и указала им на коллекцию пенисов, уздечек и резиновых масок на полу.

– Для чего ты все это используешь?

Она подняла огромный анальный вибратор.

– Нет, и не пытайся говорить – я все равно тебя не услышу. Это его ты испробовал на мне на прошлой неделе? Просто кивни мне, и все.

Она склонилась над ним.

Нильс Бьюрман вдруг ощутил, как леденящий страх разрывает ему грудь, и, потеряв самообладание, заметался в путах.

«Она перехватила власть! – пронзила его паническая мысль. – Какой кошмар!»

Он ничего не мог поделать, когда Лисбет Саландер подалась вперед и засунула анальный вибратор между его ягодиц.

– Значит, ты садист, – констатировала она. – Тебе нравится втыкать в людей разные штуки.

Она не сводила с него глаз, а лицо ее оставалось неподвижным, как маска.

– Причем без смазки.

Когда Лисбет грубо раздвинула ему ягодицы и использовала вибратор по назначению, Бьюрман дико заорал сквозь изоленту.

– Прекрати ныть, – сказала Лисбет Саландер, подражая ему. – Если будешь дергаться, мне придется тебя наказать.

Она встала и обошла вокруг кровати.

«Какого черта?» – подумал Бьюрман, провожая ее беспомощным взглядом.

Оказывается, Лисбет Саландер прикатила сюда из гостиной его тридцатидвухдюймовый телевизор, а на полу пристроила его же DVD-проигрыватель. Затем посмотрела на него, по-прежнему поигрывая хлыстом:

– Ты меня слушаешь внимательно? Не пытайся говорить – тебе достаточно кивнуть. Слышишь, что я говорю?

Он кивнул.

– Отлично. – Она наклонилась и подняла рюкзачок. – Узнаешь?

Опекун вновь кивнул.

– Этот рюкзак был у меня с собой, когда я приходила к тебе в гости в прошлый раз. Очень практичная штука. Я одолжила ее в «Милтон секьюрити».

Она расстегнула «молнию» в нижней части рюкзака.

– Это цифровая видеокамера. Ты смотришь «Инсайдер» по третьему каналу? Именно такие рюкзачки используют папарацци, когда снимают что-нибудь скрытой камерой.

Она застегнула «молнию».

– Тебе интересно, где объектив? В том-то и перец. Широкоугольный объектив с волоконной оптикой. Он выглядит как пуговица и спрятан в пряжке ремня. Ты, может, помнишь, что я поставила рюкзачок тут, на стол, прежде чем ты вскарабкался на меня. Я повернула его так, чтобы объектив был направлен на кровать.

Она взяла диск и сунула в DVD-проигрыватель. Затем развернула ротанговый стул и уселась так, чтобы ей был виден экран телевизора. Закурила новую сигарету и нажала на пульт дистанционного управления. Адвокат Бьюрман увидел на экране себя, открывающего дверь перед Лисбет Саландер.

«Ты что, даже на часы не научилась смотреть?» – раздраженно осведомился он у нее.

Она прокрутила ему весь фильм. Запись закончилась через девяносто минут посреди сцены, когда голый адвокат Бьюрман сидит, откинувшись на спинку кровати, пьет вино и наблюдает за Лисбет Саландер, лежащей скрючившись со сцепленными за спиной руками.

Она выключила телевизор и минут десять сидела на ротанговом стуле молча, не глядя на своего опекуна. Тот не смел даже шелохнуться. Потом она встала и вышла в ванную. Вернувшись, вновь села на стул. Ее голос

был сухим и жестким, как наждачная бумага:

– На прошлой неделе я совершила ошибку. Я думала, что ты снова заставишь меня делать минет, что совершенно мерзко в твоем случае, но не настолько, чтобы я не могла это стерпеть. Я надеялась по-легкому добыть весомое доказательство, что ты гнусный старый развратник. Однако я тебя недооценила. Не поняла, что ты сраный извращенец… Теперь я буду выражаться четко и ясно. На этой записи видно, как ты насилуешь умственно отсталую двадцатичетырехлетнюю девушку, которую тебя назначили опекать. Ты даже не представляешь, насколько умственно отсталой я могу оказаться, если будет нужно. Любой, кто посмотрит эту пленку, поймет, что ты не только подонок, но и долбанутый садист. Этот фильм я смотрела во второй раз; надеюсь, что в последний. Но если его посмотрит кто-нибудь еще, то он незамедлительно примет меры. Так что, думаю, в соответствующее учреждение посадят тебя, а не меня. Согласен?

Лисбет подождала. Бьюрман не реагировал, но было видно, как он дрожит. Она схватила хлыст и стегнула его по пенису.

– Ты согласен со мной? – повторила она значительно громче.

Он кивнул.

– Отлично. Тогда мы понимаем друг друга.

Она подтащила ротанговый стул поближе и села так, чтобы видеть его глаза.

– И как ты думаешь, что мы будем с этим делать?

Адвокат ничего не мог ответить.

– У тебя есть какие-нибудь светлые идеи на этот счет?

Не дождавшись ответа, Лисбет протянула руку, ухватилась за его мошонку и стала тянуть, пока лицо Бьюрмана не перекосилось от боли.

– У тебя есть светлые идеи? – повторила она.

Он покачал головой.

– Отлично. А то я очень разозлюсь, если тебе вдруг и вправду что-нибудь придет в голову. Особенно в будущем.

Саландер откинулась на стуле и зажгла новую сигарету.

– А делать мы будем вот что. На следующей неделе, как только тебе удастся выковырять эту здоровую резиновую пробку из своей задницы, ты известишь мой банк о том, что я – и только я – буду иметь доступ к своему счету. Ты меня понимаешь?

Бьюрман кивнул.

– Умница. Далее. Ты больше никогда не будешь со мной связываться. Встречаться мы теперь будем исключительно по моему желанию. То есть тебе запрещается меня посещать.

Бьюрман несколько раз кивнул и вдруг с облегчением выдохнул. Он понял, что она не собирается его убивать.

– Если ты хоть раз попробуешь домогаться до меня, копии этого диска появятся в редакциях всех стокгольмских газет. Ты понял?

Адвокат несколько раз кивнул. «Я должен раздобыть эту запись», – мелькнуло в его сознании.

– Раз в год ты будешь посылать отчет о моем хорошем самочувствии в опекунский совет муниципалитета. Ты должен сообщать, что я веду вполне нормальный образ жизни, имею постоянную работу, справляюсь со всеми задачами и что ты не замечаешь абсолютно никаких отклонений в моем поведении. Ты меня понял?

Он кивнул.

– Каждый месяц ты будешь составлять фиктивный письменный отчет о наших встречах. Ты должен подробно рассказывать о том, какая я положительная и как у меня все хорошо. Копии будешь отсылать мне по почте. Понятно?

Он снова кивнул. Лисбет отсутствующим взглядом отметила, что на лбу у него выступил пот.

– Через несколько лет – скажем, года через два – ты начнешь хлопотать в суде об отмене решения о моей недееспособности. Ты найдешь невропатолога, который подтвердит то, что я абсолютно нормальная. Ты будешь очень стараться и сделаешь все, что в твоих силах, чтобы меня объявили дееспособной.

Он кивнул.

– Знаешь, почему ты будешь стараться изо всех сил? Потому что у тебя имеется на то веская причина. Если ты не сделаешь что-либо из вышеперечисленного, то я обнародую запись.

Бьюрман вслушивался буквально в каждый слог, произносимый Лисбет Саландер. Внезапно в его глазах вспыхнула ненависть. О, она совершила ошибку, оставив его в живых.

«Я тебе это припомню, сука проклятая. Рано или поздно. Я тебя уничтожу», – думал он, однако продолжал с энтузиазмом кивать в ответ на каждый вопрос.

– То же самое произойдет, если ты снова решишь меня лапать. – Она обхватила себя за горло ладонью. – И тогда прощай, твоя квартирка, твое замечательное звание и твои миллионы в зарубежных банках.

Когда Лисбет упомянула про деньги, у адвоката расширились глаза.

«Откуда, черт возьми, она знает, что…»

Саландер улыбнулась и сделала глубокую затяжку. Потом загасила

сигарету, бросила ее на ковровое покрытие и раздавила подошвой.

– Мне нужны дубликаты ключей от твоей квартиры и от твоего офиса.

Бьюрман нахмурил брови. Лисбет наклонилась над ним и сладко улыбнулась:

– Имей в виду, я буду держать твою жизнь под контролем. Когда ты будешь ожидать этого меньше всего – например, когда ты мирно спишь, – я вдруг буду возникать в спальне с этой штукой в руке.

Она подняла электрошокер.

– Я буду за тобой послеживать. И если хоть раз обнаружу тебя с девушкой – независимо от того, добровольно она сюда придет или нет, – если я вообще хоть раз застукаю тебя с женщиной…

Лисбет Саландер опять обхватила шею пальцами.

– Если же я умру… стану жертвой несчастного случая, попаду под машину и что-нибудь в том же духе, – копии записи будут отправлены в газеты по почте. Вместе с увлекательным и подробным изложением истории о том, какой ты замечательный опекун. И еще одно…

Она склонилась так низко, что ее лицо оказалось буквально в нескольких сантиметрах от его лица.

– Если ты еще хоть раз прикоснешься ко мне, я тебя убью. Поверь мне на слово.

Бьюрман на сей раз действительно ей поверил. Выражение ее глаз не оставляло никакой надежды на то, что она блефует.

– Помни, что я психопатка.

Он кивнул.

Лисбет кинула на его задумчивый взгляд и серьезно произнесла:

– Вряд ли мы с тобой сейчас стали добрыми друзьями. Ты небось лежишь и торжествуешь, что я – дуреха этакая – оставляю тебя в живых. Тебе кажется, что, даже будучи моим пленником, ты продолжаешь контролировать меня, поскольку, раз уж я тебя не убиваю, мне остается лишь отпустить тебя. Следовательно, ты надеешься, что снова сумеешь перехватить власть.

Бьюрман замотал головой; его охватили мрачные предчувствия.

– Я подарю тебе одну штуку, которая всегда будет напоминать тебе о нашем уговоре.

Криво усмехнувшись, Саландер залезла на кровать и встала на колени у него между ногами. Адвокат Бьюрман не понимал, что она намерена сделать с ним, но очень испугался.

Потом он увидел у нее в руке иголку.

Адвокат затряс головой и начал извиваться – до тех пор, пока она не

надавила коленом на его промежность.

– Не брыкайся. Я никогда раньше не пользовалась этим устройством.

Лисбет сосредоточенно работала в течение двух часов. Когда она заканчивала, Бьюрман уже даже не выл, почти что впав в обморок.

Наконец Саландер слезла с кровати и склонила голову, так и сяк рассматривая свое произведение. Ее художественные способности оставляли желать лучшего. Извивающаяся надпись навевала ассоциации со стилем импрессионистов. Большими красно-синими буквами, в пять рядов, полностью покрывая живот Бьюрмана от сосков почти до самого пениса, был вытатуирован текст: «Я САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК».

Лисбет собрала татуировальные принадлежности и сложила их в рюкзак. Потом вымыла руки в ванной. Вернувшись в спальню, она почувствовала, что вот теперь ей хорошо.

– Спокойной ночи, – сказала Саландер.

Перед уходом она отстегнула один наручник и положила ключ Бьюрману на живот. Свой фильм и его связку ключей она забрала с собой.

Уже за полночь, когда они по очереди затягивались одной сигаретой, Микаэль сообщил Сесилии, что некоторое время они не смогут видеться.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она, повернувшись к нему.

Ему почему-то стало стыдно.

– В понедельник я на три месяца сажусь в тюрьму.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Сесилия надолго замолчала: она вдруг почувствовала, что вот-вот расплачется.

Драган Арманский глазам своим не поверил, когда в понедельник, во второй половине дня, Лисбет Саландер вдруг появилась в офисе и постучала в дверь его кабинета. Она бесследно исчезла, после того как он в начале января закрыл расследование дела Веннерстрёма, а каждый раз, когда Драган ей звонил, она либо не отвечала, либо говорила, что занята, и бросала трубку.

– У тебя есть для меня работа? – спросила она без лишних предисловий и приветствий.

– Привет. Рад тебя видеть и слышать. Я уже думал, что ты умерла или что-то в этом духе.

– Мне пришлось кое с чем разобраться.

– У тебя весьма часто возникают дела, с которыми приходится разбираться.

– Это было срочно. Теперь я вернулась. Так у тебя есть для меня работа?

Арманский покачал головой.

– Прости, но в данный момент ничего нет.

Лисбет Саландер смотрела на него не мигая.

Через некоторое время он выдохнул и продолжил:

– Лисбет, ты знаешь, что я хорошо отношусь к тебе и с удовольствием даю тебе работу. Но тебя не было два месяца, а я просто зашивался. На тебя нельзя полагаться. Мне пришлось отдать твою работу другим, а сейчас у меня ничего нет.

– Прибавь громкость.

– Чего?..

– Радио.

– *…журнал «Миллениум». Информация о том, что ветеран промышленности Хенрик Вангер становится совладельцем и членом правления «Миллениума», появилась в тот же день, когда бывший ответственный редактор Микаэль Блумквист начал отбывать трехмесячное тюремное наказание за клевету на бизнесмена Ханса Эрика Веннерстрёма. Главный редактор «Миллениума» Эрика Бергер на пресс-конференции сообщила, что по окончании срока Микаэль Блумквист вновь займет пост ответственного редактора.*

– Ни черта себе, – произнесла Лисбет Саландер, но так тихо, что Арманский заметил лишь, как у нее шевельнулись губы.

Она внезапно встала и направилась к двери.

– Подожди. Ты куда?

– Домой. Надо кое-что проверить. Позвони, когда у тебя появится что-нибудь для меня.

Новость о том, что Хенрик Вангер вошел в состав акционеров «Миллениума», оказалась гораздо более значительным событием, чем ожидала Лисбет Саландер. В интернет-версии газеты «Афтонбладет» уже разместили развернутую справку Шведского телеграфного агентства, в которой излагалась карьера Хенрика Вангера. Также подчеркивалось, что это первое публичное выступление старого промышленного магната за последние двадцать лет. Новость о том, что он становится совладельцем «Миллениума», выглядела столь же сенсационной, как если бы Петер Валленберг[66] или Эрик Пенсер[67] вдруг выступили в качестве совладельцев газеты «Эт сетера» или спонсоров журнала «Урдфронт магазин».

Событие приобрело такой масштаб, что телепрограмма новостей, выходящая в эфир в 19.30, отвела ему в своем рейтинге третье место и посвятила целых три минуты. Эрику Бергер интервьюировали в редакции «Миллениума», она находилась в комнате для пресс-конференций. Неожиданно дело Веннерстрёма вновь обрело актуальность.

– В прошлом году мы допустили серьезный просчет, и в результате журнал осудили за клевету. Мы об этом очень сожалеем… и при удобном случае снова вернемся к этой истории.

– Вы вернетесь к этой истории? Что вы имеете в виду? – спросил репортер.

– Я имею в виду, что мы изложим свою версию событий. Ведь мы до сих пор этого не сделали.

– Но вы могли бы выступить в суде.

– Мы предпочли воздержаться от этого. Но, разумеется, по-прежнему будем заниматься журналистскими расследованиями.

– Означает ли это, что вы по-прежнему готовы представить доказательства своей правоты?

– Сегодня я воздержусь от комментариев по этому вопросу.

– Но после решения суда вы уволили Микаэля Блумквиста…

– Вы ошибаетесь. Прочтите наш пресс-релиз. Ему требовался перерыв. Так что после паузы в работе он вновь займет должность ответственного редактора. Это произойдет еще в нынешнем году, только чуть позже.

Пока объектив камеры скользил по помещению редакции, репортер бегло пересказывал бурную историю «Миллениума» – нетипичного и дерзкого издания. Микаэль Блумквист никаких комментариев давать не мог: его только что заключили в тюрьму Руллокер, расположенную близ озера, прямо посреди леса, километрах в десяти от Эстерсунда, в Йемтланде.

Зато Лисбет Саландер заметила, как в самом углу телевизионной картинки, в дверях вдруг промелькнул Дирк Фруде. Она нахмурилась и задумчиво прикусила губу.

Понедельник оказался малособытийным, и в девятичасовом выпуске «Новостей» Хенрику Вангеру отвели целых четыре минуты. У него брали интервью в студии местного телевидения в Хедестаде. Репортер начал с того, что «легендарный промышленник Хенрик Вангер впервые после двадцати лет нарушил обет молчания и вновь появился в свете рампы».

Затем следовала биография Хенрика Вангера, проиллюстрированная

кадрами черно-белой хроники, где тот выступал вместе с Таге Эрландером на открытии фабрик в 1960-х годах. Потом камера взяла крупным планом стоявший в студии диван, на котором, расслабленно откинувшись на спинку и скрестив ноги, расположился Хенрик Вангер. На нем была желтая рубашка, узкий зеленый галстук и темно-коричневый пиджак свободного покроя. Внешне он походил на тощее древнее огородное пугало. Но говорил Хенрик четко и рассудительно. И к тому же искренне.

Для начала репортер спросил его: что вдохновило его стать совладельцем «Миллениума».

– «Миллениум» – интересный журнал, за которым я внимательно слежу уже несколько лет. Но сейчас он подвергается массированной целенаправленной атаке. У него есть могущественные враги, которые организуют бойкот со стороны рекламодателей с целью его полного разорения.

Репортера такой ответ явно ошарашил, но он сразу сообразил, что и без того нестандартная история приобретает совершенно неожиданную перспективу.

– Но кто конкретно стоит за этим бойкотом?

– Это как раз один из тех вопросов, в которых нам предстоит тщательно разобраться. Но пользуясь случаем, я считаю себя обязанным заявить: «Миллениум» не позволит так легко себя потопить.

– Поэтому вы и стали совладельцем журнала?

– Если некоторые личности в целях защиты своих особых интересов получат возможность заставить замолчать неугодные им голоса из медиапространства, это может крайне негативно повлиять на свободу слова.

Хенрик Вангер сейчас выступал как этакий культурный радикалист и борец за открытое и свободное общество. Микаэль Блумквист, впервые в этот вечер заглянувший в тюремную телевизорную, ни с того ни с сего расхохотался. Остальные заключенные с тревогой покосились на него.

Позже, лежа на койке у себя в камере, напоминавшей тесный номер мотеля, с маленьким столиком, стулом и закрепленной на стене полкой, Блумквист признал, что Хенрик и Эрика представили эту новость именно так, как ее следовало представить. Он еще даже не успел ее ни с кем обсудить, но уже понимал, что в отношении общественности к «Миллениуму» уже кое-что изменилось.

Хенрик Вангер своим выступлением объявил войну Хансу Эрику Веннерстрёму. И недвусмысленно дал ему понять: отныне ты будешь сражаться не против журнала с шестью сотрудниками и годовым

бюджетом, равным представительскому обеду компании «Веннерстрём груп». Теперь тебе предстоит воевать с концерном Вангеров, от былого величия которого хоть и осталось немногое, но который все-таки является значительно более мощным противником. Теперь у тебя есть лишь один выбор: либо отступиться, либо уничтожить заодно и империю Вангеров.

Фактически Хенрик Вангер заявил публично, по телевидению, что готов к войне. Возможно, шансов против Веннерстрёма у него и нет, но тому эта война обойдется недешево.

Выступая, Эрика тщательно подбирала слова. Она, в общем-то, не сказала ничего конкретного, но ее реплика о том, что журнал «еще не изложил свою версию», дала понять: им есть что излагать. Таким образом она заявила, причем весьма дипломатично: несмотря на то, что Микаэля привлекли к ответственности, осудили и в настоящее время он находится в тюрьме, на самом деле Блумквист невиновен и есть другая правда.

Слово «невиновный» во всеуслышание не прозвучало, но невиновность Микаэля становилась очевидной, если не для всех, то для многих. Бергер утверждала: его возвращение на должность ответственного редактора – вопрос решенный, и «Миллениуму» нечего стыдиться. Убедить общественность ничего не стоило – все питают слабость к конспирационным теориям, и вполне понятно, на чьей стороне окажутся симпатии публики, когда придется выбирать между преуспевающим богатым бизнесменом – и смелым и внешне эффектным главным редактором. Конечно, массмедиа не так-то легко убедить. Но Эрика, возможно, обезоружила целую армию критиков, которые теперь не посмеют открыть рот.

По большому счету ни одно из событий дня не изменило ситуацию, но «Миллениум» выиграл время и слегка изменил соотношение сил. Микаэль мог представить себе, что для Веннерстрёма этот вечер стал не очень приятным. Ведь тот не мог знать, сколько им известно – много или мало. И, прежде чем сделать следующий ход, ему придется это узнать.

Эрика сначала посмотрела собственное выступление, а затем – запись интервью Хенрика Вангера, после чего с мрачным выражением лица выключила телевизор и видеоприставку. Взглянула на часы – без четверти три ночи – и решила не звонить Микаэлю. Он сидит взаперти, и вряд ли ему разрешили держать в камере мобильник. На свою загородную виллу в Сальтшёбадене Эрика вернулась поздно, когда ее муж уже спал. Она подошла к бару и, налив себе изрядную порцию «Аберлау»[68] – а спиртное она пила примерно раз в год, – села к окну и начала смотреть на залив

Сальтшён и на маяк у выхода в пролив.

После того как Эрика заключила контракт с Хенриком Вангером, она осталась с Микаэлем наедине, и они не на шутку поссорились. За все эти годы они много раз ссорились и спорили из-за того, как следует подавать материал, какой выбрать дизайн, достоверны ли источники и из-за тысячи других вещей, касавшихся закулисной жизни редакции. Но ссора в гостевом домике Хенрика Вангера вспыхнула из-за принципиальных вопросов, и Эрика чувствовала себя неуверенно.

– Даже не знаю, что мне теперь делать, – сказал Микаэль. – Хенрик Вангер нанял меня, чтобы я написал его биографию. До сих пор я мог все бросить, если бы он попытался заставить меня исказить факты. А теперь он – один из совладельцев нашего журнала, причем единственный, кому хватит денег, чтобы спасти журнал от банкротства. И я вдруг оказался сразу на двух стульях, и вряд ли эта позиция понравится комиссии по профессиональной этике.

– А что ты предлагаешь? – спросила Эрика. – Если у тебя есть более креативная идея, то самое время ее выложить, пока мы не составили окончательный вариант договора и не поставили под ним свои подписи.

– Боюсь, Рикки, что Вангер использует нас для сведения личных счетов с Хансом Эриком Веннерстрёмом.

– Ну и что? Нам-то что за дело до их вендетты?

Микаэль отвернулся от нее и закурил. Он был раздражен. Они еще довольно долго пикировались, пока Эрика не отправилась в его спальню, не разделась и не заползла в постель. Через два часа Микаэль лег рядышком с ней, но она притворилась спящей…

А сегодня вечером репортер из «Дагенс нюхетер» задал ей вопрос:

– Разве «Миллениум» может теперь всерьез говорить о своей независимости?

– Что вы имеете в виду?

Репортер удивленно поднял брови. Он считал, что задал достаточно примитивный вопрос, но все-таки прокомментировал:

– Ведь «Миллениум» постоянно проводит расследования по поводу финансового состояния разных предприятий. Как теперь вы докажете общественности, что объективно анализируете ситуацию на предприятиях Вангеров?

Эрика посмотрела на него удивленно, так, словно не ожидала этого вопроса:

– Вы имеете в виду, что объективность «Миллениума» пострадает от того, что его начнет поддерживать известный крупный промышленник?

– Да. Думаю, совершенно ясно, что теперь вы не сможете объективно оценивать деятельность предприятий Вангеров.

– Разве в отношении «Миллениума» существуют особые правила?

– Прошу прощения…

– Я хочу сказать, что вы, например, работаете в газете, которой владеют люди, имеющие очень серьезные экономические интересы. Означает ли это, что ни одна из газет, выпускаемых холдингом «Бонниер», не является объективной? «Афтонбладет» принадлежит крупному норвежскому предприятию, которое, в свою очередь, играет важную роль в сфере компьютерных коммуникаций; означает ли это, что проводимый газетой мониторинг предприятий, занимающихся электроникой, необъективен? «Метро» принадлежит концерну Стенбека. Неужели вы хотите сказать, что все шведские издания, за которыми стоят те или иные финансовые магнаты, не заслуживают доверия?

– Нет, я не стану этого утверждать.

– В таком случае почему вы полагаете, что объективность «Миллениума» пострадает, если нас начнут поддерживать финансисты?

Репортер поднял руки вверх.

– Хорошо, я снимаю этот вопрос.

– Нет, не надо. Я хочу, чтобы вы точно воспроизвели мои слова. И можете добавить, что если «Дагенс нюхетер» пообещает уделять дополнительное внимание предприятиям Вангера, то мы будем тщательнее присматриваться к холдингу «Бонниер».

…И все же этическая дилемма существует.

Микаэль работает на Хенрика Вангера, который, в свою очередь, имеет возможность похоронить «Миллениум» одним взмахом пера. А что, если Микаэль с Хенриком из-за чего-нибудь поссорятся?

Ну, и самое главное: какова цена ее собственной объективности? И в какой момент она из независимого главного редактора превратилась в коррумпированного редактора? Ни сами эти вопросы, ни возможные ответы на них Эрике не нравились.

Лисбет Саландер вышла из Интернета и закрыла лэптоп. Она осталась без работы, зато ей хотелось есть. Первое обстоятельство ее не слишком расстраивало, с тех пор как она восстановила доступ к своему банковскому счету, а адвокат Бьюрман обрел статус досадной помехи, уже канувшей в прошлое. С чувством голода Лисбет разобралась – пошла на кухню и включила кофеварку. Перед этим она долгое время ничего не ела и теперь сделала себе три больших бутерброда с сыром, икрой и яйцами вкрутую.

Свои бутерброды она жевала, сидя на диване в гостиной, а тем временем обрабатывала добытую информацию.

Дирк Фруде из Хедестада нанял ее, чтобы она собрала персональное досье на Микаэля Блумквиста, которого отправили в тюрьму за клевету на Ханса Эрика Веннерстрёма. Через несколько месяцев в правлении «Миллениума» возникает Хенрик Вангер, тоже из Хедестада, и утверждает, что существует некий заговор, цель которого – ликвидация журнала. И это происходит в тот же самый день, когда за Микаэлем Блумквистом захлопывается дверь тюрьмы.

Самым любопытным материалом Лисбет назвала бы статейку двухлетней давности под названием «С пустыми руками», посвященную Хансу Эрику Веннерстрёму и найденную в интернет-версии журнала «Финансмагазинет монополь». Там отмечалось, что Веннерстрём начинал свой aufmarsch[69] в финансовом мире в 1960-е годы как раз на предприятиях Вангера.

Не нужно обладать особыми талантами, чтобы понять: эти события каким-то образом связаны между собой. Тут явно зарыта какая-то собака, а Лисбет Саландер любила раскапывать зарытых собак. К тому же у нее сейчас не было ничего более занимательного.

Часть 3
Слияния и союзы
16 мая – 14 июля

13 процентов женщин в Швеции подвергались брутальным формам сексуального насилия.

Глава 15
Пятница, 16 мая – суббота, 31 мая

Микаэля Блумквиста выпустили из тюрьмы в пятницу, 16 мая, через два месяца после начала заключения. В тот же день, когда журналист оказался в этом учреждении, он подал прошение об условно-досрочном освобождении, правда, без особой надежды на успех. Он так и не понял, чем заслужил такое великодушие со стороны законников. Но, возможно, сыграло роль, во-первых, то, что он ни разу не воспользовался своим правом покидать тюрьму на выходные. А во-вторых, то, что в тюрьме, рассчитанной на тридцать одно место, находились сорок два заключенных. В любом случае директор тюрьмы – сорокалетний польский эмигрант Петер Саровский, с которым Микаэль нашел общий язык, – обратился к властям с рекомендацией сократить ему срок.

Можно сказать, что дни в Руллокере не были ничем омрачены. Это заведение, как выражался Саровский, было предназначено для возмутителей спокойствия и любителей порулить в нетрезвом виде, а не для настоящих преступников. По распорядку и режиму она скорее напоминала турбазу. Из сорока одного заключенного половину составляли иммигранты во втором поколении. Микаэля они воспринимали как белую ворону, каковой он, собственно, и являлся. Блумквист был единственным среди всех заключенных, которого даже показывали по телевидению, однако серьезным преступником никто из собратьев по несчастью его не считал.

Не считал его таковым и директор тюрьмы. В первый же день Микаэля пригласили на беседу. Ему предложили помощь психотерапевта, образовательные курсы для взрослых или другие варианты обучения, а также помощь в профессиональной ориентации. Микаэль ответил, что не нуждается в социальной адаптации, что он закончил учебу несколько десятилетий назад и профессионально вполне востребован. Он попросил разрешения держать в камере лэптоп, чтобы продолжать работу над книгой, которую обязался написать. Его просьба не вызвала никаких возражений, и Саровский даже предоставил ему запирающийся шкаф, чтобы журналист мог оставлять компьютер в камере без присмотра, не опасаясь, что его украдут или выведут из строя. Хотя вряд ли кто-нибудь из заключенных сделал бы что-то подобное – они относились к Микаэлю скорее покровительственно.

Таким образом, Блумквист провел два относительно благополучных месяца, работая ежедневно примерно по шесть часов в день над семейной хроникой Вангеров. Но на несколько часов в день ему приходилось отвлекаться – на уборку и отдых. Вместе с двумя заключенными, один из которых оказался из шведского городка Шёвде, а второй был родом из Чили, Микаэлю полагалось каждый день убирать гимнастический зал тюрьмы. Время, отведенное на отдых, заполнялось просмотром телепередач, играми в карты или занятиями на тренажерах. Микаэль выяснил, что вполне прилично играет в покер, но каждый день проигрывает по несколько монеток в пятьдесят эре. Согласно тюремным правилам, игра на деньги разрешалась при общем банке до пяти крон.

О том, что его выпускают досрочно, Микаэль узнал буквально накануне, когда Саровский пригласил его к себе в кабинет и угостил рюмкой водки. Весь вечер Блумквист упаковывал вещи и записные книжки.

Вновь оказавшись на свободе, Микаэль поехал прямо в Хедебю. Не успел он подняться на крыльцо домика, как услышал мяуканье и обнаружил рыже-коричневую кошку, которая терлась о его ноги, приветствуя его.

– Ладно, заходи, – сказал он. – Но имей в виду, я еще не успел купить молока.

Микаэль распаковал багаж. Почему-то он не мог отделаться от ощущения, будто он побывал в отпуске. Даже показалось, что ему не хватает Саровского и друганов-заключенных. Блумквист нисколько не жалел о том, что ему пришлось провести некоторое время в Руллокере. Известие об освобождении оказалось столь неожиданным, что он даже не успел никого предупредить.

В начале седьмого вечера Микаэль помчался в магазин, пока тот не закрылся, и закупил основные продукты. Вернувшись домой, он включил мобильный телефон и набрал Эрику, но от автоответчика узнал, что в данный момент абонент недоступен. Микаэль оставил сообщение – он предлагал созвониться на следующий день.

Потом он прогулялся до дома Хенрика Вангера, которого встретил на первом этаже. При виде Микаэля старик удивленно вздыбил брови.

– Ты сбежал? – первым делом спросил он.

– Все законно. Выпущен досрочно.

– Вот так сюрприз!

– Да, я тоже очень рад. Мне сообщили об этом только вчера вечером.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, а потом Хенрик, удивив

Микаэля, обнял его и заключил в дружеские объятия.

– Я как раз собирался поесть. Присоединяйся.

Анна подала запеканку со шкварками и брусникой. Они просидели в столовой и проговорили почти два часа. Микаэль отчитался, как далеко он продвинулся с семейной хроникой и где у него остались лакуны. О Харриет Вангер речи не заходило, зато они обстоятельно обсудили дела «Миллениума».

– У нас уже состоялись три заседания правления. Фрёкен Бергер и ваш партнер Кристер Мальм были столь любезны, что перенесли две встречи сюда, а на третьей, в Стокгольме, меня представлял Дирк. Будь я на несколько лет помоложе, все было бы хорошо, а сейчас, честно говоря, ездить в такую даль для меня тяжеловато. Но летом я все же попробую выбраться в Стокгольм.

– Думаю, они могут проводить заседания и здесь, – ответил Микаэль. – Ну, и как вы себя чувствуете в роли совладельца журнала?

Хенрик Вангер усмехнулся:

– Это оказалось самое приятное из моих занятий за много лет. Я проверил финансовые документы, и все выглядит вполне прилично. Мне даже не придется вкладывать столько денег, сколько я предполагал вначале, – разрыв между доходами и расходами сокращается.

– Мы с Эрикой разговаривали пару раз в неделю. Насколько я понимаю, положение с рекламой улучшается…

Хенрик кивнул:

– Да. И все же потребуется время. Для начала предприятия концерна «Вангер» закупили рекламные полосы. Но главное то, что уже вернулись обратно двое прежних рекламодателей – фирма мобильных телефонов и турбюро.

Он широко улыбнулся.

– Мы работаем также со старыми врагами Веннерстрёма, с каждым отдельно. И поверь мне, их список обширен.

– А от самого Веннерстрёма что-нибудь слышно?

– Напрямую – нет. Но мы обвинили Веннерстрёма в том, что это он устроил бойкот «Миллениума». И теперь в глазах общественности он выглядит мелочным и мстительным типом. Говорят, журналист из «Дагенс нюхетер» задавал ему какие-то вопросы, а тот огрызался.

– Вам это доставляет удовольствие?

– Удовольствие – немного не то слово. Надо было заняться этим много лет назад.

– Что же все-таки произошло между вами и Веннерстрёмом?

– И не заикайся об этом. Ты узнаешь все ближе к Новому году.

В воздухе чувствовался опьяняющий запах весны. Когда Микаэль вышел от Хенрика около девяти часов, уже начинало темнеть. Немного посомневавшись, он постучался к Сесилии Вангер.

Блумквист и сам не знал, чего ожидать. Сесилия уставилась на него, не выказав особого энтузиазма, но впустила Микаэля в прихожую. Там они и остались стоять; обоим было как-то не по себе. Она тоже спросила, не сбежал ли он, и Микаэль объяснил, как обстояло дело.

– Просто хотел поздороваться. Я не вовремя?

Сесилия старательно отводила глаза, и Микаэль сразу понял, что она не слишком рада встрече.

– Нет, что ты… заходи. Хочешь кофе?

– С удовольствием.

Он последовал за ней на кухню, а она повернулась спиной и стала наливать в кофеварку воду. Микаэль подошел к ней и положил руку ей на плечо. Она застыла.

– Сесилия, похоже, что тебе совсем не хочется угощать меня кофе.

– Я ждала тебя только через месяц, – сказала она. – Ты застал меня врасплох.

В ее голосе слышалось недовольство, и Микаэль развернул ее так, чтобы увидеть лицо. Они немного постояли молча. Женщина по-прежнему отводила глаза в сторону.

– Сесилия, черт с ним, с кофе. Скажи, что случилось?

Она покачала головой, глубоко вдохнула и сказала:

– Микаэль, я хочу, чтобы ты ушел. Ничего не спрашивай. Просто уходи.

Блумквист отправился к себе домой. Но у калитки он остановился в нерешительности. Наконец, вместо того чтобы войти в дом, спустился к воде недалеко от моста и присел на камень. Закурил, пытаясь разобраться во всем, что случилось, и понять, почему отношение Сесилии Вангер к нему так резко изменилось.

Вдруг он услышал звук мотора. Под мостом, направляясь в пролив, проплыло большое белое судно. Когда оно поравнялось с Микаэлем, тот разглядел у штурвала Мартина Вангера. Тот внимательно следил, чтобы не наскочить на мель. Ничего себе – двенадцатиметровая крейсерская яхта…

Микаэль поднялся и пошел по дорожке вдоль берега. Он увидел, что возле причалов уже качается довольно много разных катеров и парусников.

Среди них было несколько спортивных катеров конструкции «Петерссон», а возле одного причала покачивалась на волне яхта IF. Все остальные суда были побольше и подороже. Блумквист обратил внимание на круизную парусную яхту фирмы «Халлберг Рэсси». С приближением лета обнажились социальные различия в морской жизни обитателей Хедебю. Судя по всему, самая пафосная яхта в округе принадлежала Мартину Вангеру.

Микаэль дошел до дома Сесилии Вангер и поглядел на светящееся окно на втором этаже. Потом все-таки вернулся домой, поставил кофе и зашел в свой кабинет.

Перед отъездом в тюрьму бо́льшую часть документов, связанных с Харриет, он отнес обратно к Хенрику. Ему не хотелось на время своего отсутствия оставлять архивы в пустом доме, и теперь полки пустовали. Из всех материалов у Блумквиста остались только пять блокнотов, исписанных Хенриком Вангером; он брал их с собой в тюрьму и к этому моменту уже почти выучил наизусть. А еще один фотоальбом, как выяснилось, лежал забытый на верхней полке.

Микаэль достал его и взял с собой на кухню. Налив себе кофе, сел и стал его перелистывать.

Он разглядывал фотографии, сделанные в день исчезновения Харриет. Начинался альбом с последнего снимка девушки, где она была запечатлена во время праздника в честь Дня детей в Хедестаде. За ним следовало более ста восьмидесяти качественных фотографий, зафиксировавших аварию на мосту. Микаэль уже многократно разглядывал этот альбом с лупой, снимок за снимком. Теперь же он просматривал его рассеянно, будучи в полной уверенности, что не обнаружит здесь уже ничего нового. Внезапно Блумквист почувствовал, что загадка Харриет Вангер его утомила, и с шумом захлопнул альбом.

В беспокойстве он подошел к кухонному окну и уставился в темноту. Потом снова взглянул на альбом. Микаэль не мог объяснить, что произошло, но ощущение, словно он только что увидел что-то важное, не покидало его. Какая-то смутная догадка промелькнула – и испарилась. На секунду ему даже показалось, что какое-то невидимое существо легонько дунуло ему в ухо.

Журналист сел и снова раскрыл альбом. Он внимательно просматривал его, страницу за страницей, задерживаясь на каждом снимке моста. Взглянул на Хенрика Вангера, забрызганного мазутом и почти на сорок лет моложе нынешнего. Потом – на такого же Харальда Вангера, человека, который пока был знаком ему лишь по тени за занавеской. На

снимках мелькали сломанные перила моста, дома, окна и машины. В толпе зрителей Микаэль сразу различил двадцатилетнюю Сесилию Вангер. Она была в светлом платье под темным жакетом. И ее можно было обнаружить еще как минимум на двадцати фотографиях.

Почему-то Микаэль разнервничался. С годами он научился доверять своей интуиции и теперь чувствовал: в этом альбоме было что-то настораживающее, но что именно, он не мог сказать.

Блумквист по-прежнему сидел за кухонным столом и разглядывал фотографии. Около одиннадцати часов он вдруг услышал, как открывается входная дверь.

– Я могу войти? – спросила Сесилия Вангер.

Не дожидаясь ответа, она уселась напротив него, по другую сторону стола. У Микаэля возникло ощущение дежавю. Женщина была одета в широкое тонкое светлое платье и серо-синий жакет – почти так же, как на фотографиях 1966 года.

– Я не знаю, что мне делать, – сказала она.

Микаэль поднял брови.

– Извини, но ты застал меня врасплох, когда появился сегодня вечером. Теперь я совсем потеряла покой и даже не могу спать. Я так несчастна…

– Но почему ты несчастна?

– Неужели ты не понимаешь?

Блумквист покачал головой.

– А ты не будешь смеяться?

– Обещаю.

– Соблазнив тебя зимой, я поддалась минутной слабости. Мне хотелось развлечься. И больше ничего. В тот первый вечер я воспринимала это как забавное происшествие и вовсе не собиралась завязывать с тобою серьезные отношения. Но все сложилось иначе. Те недели, когда ты был моим occasional lover, стали самыми счастливыми в моей жизни. Я хочу, чтобы ты это знал.

– Мне тоже было с тобой очень хорошо.

– Микаэль, я все время лгала – и тебе, и самой себе. Я никогда не отличалась сексуальной раскрепощенностью. За всю жизнь у меня было пять партнеров. Я начала в двадцать один год. Затем, когда мне было двадцать пять, я познакомились со своим будущим мужем, но он оказался подонком. А потом я несколько раз встречалась еще с тремя мужчинами, с перерывом в несколько лет. Но ты разбудил меня по-настоящему, я

постоянно хотела быть рядом с тобой. Ты не требовал от меня ничего, чего я не могла бы тебе дать…

– Сесилия, не надо…

– Пожалуйста, не перебивай меня. Иначе я не сумею все рассказать.

Микаэль решил помолчать.

– В тот день, когда ты отправился в тюрьму, я почувствовала себя несчастной. Ты вдруг исчез, словно тебя и не бывало никогда. В моей постели стало холодно и пусто, и я вновь превратилась в пятидесятишестилетнюю кошелку.

Она сделала короткую паузу и посмотрела Микаэлю в глаза.

– Зимой я влюбилась в тебя. Никак не думала, что так выйдет, но это факт, и от него никуда не денешься. И тут до меня вдруг дошло, что ты пробудешь здесь недолго и в один прекрасный день уедешь навсегда, а я останусь тут до конца своих дней. Мне стало так страшно и так больно, что я решила не подпускать тебя к себе, когда ты вернешься из тюрьмы.

– Прости меня.

– Ты не виноват.

Они немного посидели молча.

– Когда ты сегодня ушел, я разревелась. Как бы мне хотелось получить шанс и прожить свою жизнь заново! Но все-таки в конце концов я решила…

– Что именно?

Она опустила глаза.

– Что прекратить с тобой встречаться только потому, что ты однажды отсюда уедешь, – полный идиотизм. Микаэль, мы можем начать все сначала? Ты сможешь забыть то, что сегодня произошло?

– Уже забыто, – сказал Микаэль. – Спасибо, что ты мне все объяснила.

Сесилия по-прежнему не отрывала глаз от стола.

– Если тебе хорошо со мной, то я тебе признаюсь – мне тоже очень и очень хорошо с тобой.

Она снова взглянула на него, потом встала и направилась в спальню. Сбросила на пол жакет и на ходу стянула платье через голову.

Микаэль с Сесилией проснулись одновременно от того, что хлопнула дверь и кто-то прошел на кухню. На пол рядом с плитой бросили сумку. Потом внезапно в дверях спальни возникла Эрика с улыбкой на лице, которая немедленно сменилась выражением ужаса.

– О! Прошу прощения!

Она отступила назад.

– Привет, Эрика, – сказал Микаэль.

– Привет… Простите. Тысяча извинений за то, что я к вам ворвалась. Мне следовало постучать.

– А нам следовало бы запереть входную дверь. Эрика, это Сесилия Вангер. Сесилия – это Эрика Бергер, главный редактор «Миллениума».

– Привет, – сказала Сесилия.

– Привет, – отозвалась Эрика.

Похоже, она не могла решить, следует ей подойти и вежливо пожать руку или просто уйти.

– Может, мне стоит пойти прогуляться…

– А может, ты лучше поставишь кофе?

Микаэль бросил взгляд на будильник на ночном столике: начало первого.

Эрика кивнула и закрыла дверь спальни. Микаэль с Сесилией посмотрели друг на друга. Женщина выглядела напуганной. Они занимались любовью и болтали до четырех часов утра, а потом Сесилия сказала, что останется у него до завтра и ей наплевать, если кто-то узнает об их с Микаэлем интимных отношениях. Она спала, повернувшись к нему спиной, но все время чувствуя его руки у себя на груди.

– Не переживай, пожалуйста, – сказал Микаэль. – Эрика – замужняя дама, а не моя подружка. Мы иногда встречаемся, но ее совершенно не волнуют мои отношения с кем-то другим. Наверное, она просто смутилась от неожиданности.

Когда они чуть позже вышли на кухню, Эрика уже поставила на стол кофе, сок, апельсиновый джем, сыр и тосты. На кухне витали вкусные запахи. Сесилия сразу направилась к Эрике и протянула руку:

– Мы толком так и не поздоровались. Привет!

– Дорогая Сесилия, извини, что я нарушила ваше уединение и ворвалась сюда, как бешеный слон, – произнесла глубоко несчастная Эрика.

– Ради бога, забудь об этом. И давайте пить кофе.

– Привет, – сказал Микаэль и обнял Эрику, перед тем как сесть. – Как ты тут оказалась?

– Разумеется, приехала сегодня утром на машине. Около двух ночи я получила твое сообщение и пыталась позвонить.

– Я отключил телефон, – объяснил Микаэль и улыбнулся Сесилии.

После завтрака Эрика оставила Микаэля с Сесилией вдвоем, заявив, что должна повидать Хенрика Вангера. Сесилия убирала со стола,

повернувшись к Микаэлю спиной. Он подошел и обнял ее.

– Что теперь будет? – спросила Сесилия.

– Ничего. Ведь Эрика – мой лучший друг. Мы с ней периодически встречаемся уже двадцать лет и, надеюсь, будем вместе еще двадцать. Но мы никогда не считали себя парой и никогда не препятствовали романам друг друга.

– А разве у нас с тобой роман?

– Не знаю, как это называется, но нам очень хорошо вместе.

– А где она будет сегодня ночевать?

– Мы ее где-нибудь устроим. У Хенрика, например, есть комнаты для гостей. Не волнуйся, в моей постели она спать не будет.

Сесилия ненадолго задумалась.

– Не знаю, как я справлюсь с этим. Может, вы с ней считаете иначе, но я не знаю… я никогда…

Она покачала головой.

– Я пойду к себе домой. Мне надо немного подумать.

– Сесилия, я ведь уже рассказывал тебе о наших с Эрикой отношениях, когда ты спрашивала об этом. Так что ее присутствие в моей жизни не могло оказаться для тебя сюрпризом.

– Это правда. Но пока она пребывала на приемлемой дистанции, в Стокгольме, я могла о ней не думать.

Сесилия надела жакет.

– Забавная ситуация, – усмехнулась она. – Приходи ко мне вечером ужинать, и Эрику бери с собой. Думаю, мы с нею поладим.

Эрика уже самостоятельно решила, где будет ночевать. Приезжая в Хедебю для встреч с Хенриком Вангером, она ночевала в одной из его гостевых комнат; теперь Эрика напрямую спросила старика, не сможет ли он вновь ее приютить. Не скрывая своей радости, тот заверил, что он всегда ей несказанно рад.

Решив все организационные вопросы, Микаэль и Эрика прогулялись через мост и уселись на террасе «Кафе Сусанны», хотя до закрытия оставалось совсем немного времени.

– Я так расстроилась, – сказала Эрика. – Я ехала сюда, чтобы поздравить тебя с возвращением на свободу, а обнаружила в постели с местной femme fatale[70]…

– Прости.

– Как долго вы с мисс Большие Сиськи… – Эрика сделала характерный жест пальцами.

– Примерно с тех пор, как Хенрик стал нашим партнером.

– Ага…

– Что «ага»?

– Просто любопытно.

– Сесилия – хорошая женщина. Она мне нравится.

– Я вовсе не собираюсь тебя упрекать. Просто обидно, что мне придется поголодать… Скажи-ка, а как ты провел время в тюрьме?

– Почти как в рабочем отпуске. А как дела в журнале?

– Уже лучше. И хотя мы по-прежнему с трудом сводим концы с концами, но впервые за этот год объемы рекламы стали увеличиваться. До прошлогоднего уровня еще далековато, но мы, во всяком случае, снова обретаем силу. Это благодаря Хенрику. Самое удивительное, что растет число подписчиков.

– Оно всегда немного колеблется.

– В пределах нескольких сотен. Но за последние три месяца их стало больше на три тысячи. Причем рост довольно стабильный, примерно по двести пятьдесят в неделю. Сначала я думала, что это случайность, но новые подписчики по-прежнему появляются. Такого заметного увеличения тиража у нас еще не было. А это поважнее, чем доходы от рекламы. Да и наши прежние читатели, похоже, упорно продлевают подписку.

– Интересно, как это можно объяснить? – озадаченно спросил Микаэль.

– Не знаю. И никто из нас не понимает. Не было никакой рекламной кампании. Кристер целую неделю посвятил выборочному анкетированию и выяснил следующее: во-первых, это совершенно новые подписчики. Во-вторых, семьдесят процентов – женщины, хотя обычно семьдесят процентов подписчиков – мужчины. В-третьих, они почти все – жители пригородов, квалифицированные специалисты со средними доходами: учителя, руководящий персонал начального уровня и госслужащие.

– Что это – бунт среднего класса против крупного капитала?

– Не могу сказать. Но если так будет продолжаться и дальше, состав подписчиков до неузнаваемости изменится. Две недели назад на редакционном совещании мы решили понемногу добавлять в журнал новые материалы. Я хочу публиковать побольше статей о регулировании трудовых отношений, о Центральном объединении профсоюзов служащих и тому подобном. И побольше аналитических статей – например, о женских проблемах.

– Только менять профиль нужно осторожно, без фанатизма, – посоветовал Микаэль. – Если у нас появляются новые подписчики, значит,

их устраивает журнал в его нынешнем виде.

Сесилия Вангер пригласила на ужин также Хенрика Вангера – возможно, затем, чтобы его присутствие удержало беседу подальше от неудобных тем. Она приготовила жаркое из дичи и подала к нему красное вино. Эрика с Хенриком в основном обсуждали развитие «Миллениума» и приток новых подписчиков, но постепенно разговор перешел и на другие темы. Неожиданно Эрика обратилась к Микаэлю с вопросом, как продвигается его работа.

– Я рассчитываю закончить черновой вариант хроники вашей семьи примерно через месяц и представить его на суд Хенрика.

– Хроника в духе семейства Аддамс[71], – усмехнулась Сесилия.

– Но вообще-то я пишу документальную хронику, – уточнил Микаэль.

Сесилия взглянула на старика.

– Микаэль, в действительности семейная хроника Хенрика не слишком-то интересует. Он хочет, чтобы ты разгадал тайну исчезновения Харриет.

Микаэль замолчал. С самого начала он говорил с Сесилией о Харриет совершенно открыто. Та уже догадалась, какое ему конкретно поручили задание, хотя он в этом не признавался. Но и Хенрику Блумквист никогда не рассказывал о том, что обсуждает данную тему с Сесилией. Густые брови старика немного сдвинулись. Эрика молчала.

– Послушай, – сказала Сесилия Хенрику. – Я ведь не совсем тупая. Не знаю точно, какой у вас с Микаэлем договор, но в Хедебю он находится из-за Харриет.

Хенрик кивнул и покосился на Микаэля:

– Я же говорил тебе, что голова у нее работает как надо.

Потом он обратился к Эрике:

– Ну, уж вам-то Микаэль объяснил, чем он занимается в Хедебю?

Та кивнула.

– И вы наверняка считаете, что это совершенно бессмысленное занятие. Можете даже не отвечать. Да, это глупое и бессмысленное занятие. Но мне все равно – я не могу отступиться.

– Я не слишком-то вникаю в эти дела, – дипломатично сказала Эрика.

– Разумеется, вникаете. – Хенрик взглянул на Микаэля. – Прошло уже почти полгода. Расскажи, тебе удалось найти что-нибудь, чего мы еще не проверили?

Микаэль старался не встречаться взглядом с Хенриком. Он не мог забыть то особое чувство, которое возникло у него накануне, когда он

рассматривал альбом. Это чувство преследовало его весь день, но потом он так и не нашел время, чтобы снова вернуться к фотографиям. Конечно, наверняка он что-то нафантазировал, но вполне вероятно, что он набрел на какую-то подсказку. Возможно, приблизился к разгадке…

Наконец Микаэль поднял глаза на Хенрика Вангера и покачал головой:

– Я не продвинулся ни на шаг.

Старик устремил на него пристальный взгляд и ничего не ответил. А затем кивнул:

– Не знаю, как вы, молодые, но лично мне уже пора. Спасибо за ужин, Сесилия. Спокойной ночи, Эрика. И зайди-ка ко мне утром перед отъездом.

Когда Хенрик Вангер закрыл за собой входную дверь, в комнате воцарилось молчание. Первой заговорила Сесилия:

– Микаэль, что все это значит?

– Это значит, что Хенрик Вангер, как сейсмограф, реагирует на самые мелкие колебания других людей. Вчера вечером, когда ты пришла, я рассматривал фотоальбом.

– Ну и что?

– Я что-то заметил. Я и сам не знаю, что именно, и не могу толком объяснить. Но это что-то меня очень занимает.

– Но о чем ты все-таки думал?

– Даже не знаю. А потом, когда ты пришла, у меня появились более приятные темы для размышления…

Сесилия покраснела. Затем, стараясь не встретиться взглядом с Эрикой, поспешила на кухню, чтобы поставить кофе.

Стоял теплый солнечный майский день. Пышным цветом распустилась зелень, и Микаэль поймал себя на том, что напевает «Близится время цветенья».

Эрика провела ночь в гостевой комнате Хенрика Вангера. После ужина Микаэль спросил Сесилию, нужна ли ей компания, но та ответила, что будет готовиться к обсуждению оценок, к тому же она устала и хочет спать. Эрика поцеловала Микаэля в щеку и ранним утром понедельника покинула Хедебю.

В середине марта, когда Микаэль отправился в тюрьму, повсюду еще лежал мощный покров снега. А теперь уже зазеленели березы, и вокруг его домика раскинулся пышный сочный газон.

Впервые у Микаэля появилась возможность осмотреть Хедебю целиком. Около восьми утра он отправился в усадьбу, чтобы одолжить у Анны термос. Заодно журналист перекинулся несколькими словами с

Хенриком, который только что встал, и позаимствовал у него карту острова. Особенно его интересовал домик Готфрида, который несколько раз упоминался в полицейских протоколах, поскольку Харриет бывала там много раз. Хенрик объяснил, что домик принадлежит Мартину Вангеру, но все эти годы в основном пустует, и лишь несколько раз им пользовался кто-то из родственников.

Мартина Микаэль поймал как раз тогда, когда тот направлялся на работу в Хедестад. Он изложил свою проблему и попросил разрешения взять ключи. Мартин посмотрел на него и весело улыбнулся:

– Сдается мне, семейная хроника дошла до главы о Харриет…

– Мне просто хотелось бы осмотреться.

Мартин попросил его подождать и тотчас вернулся с ключами.

– Значит, я могу туда заглянуть?

– Что до меня, можете хоть поселиться там, если захотите. В общем-то, этот домик даже приятнее, чем там, где вы сейчас обитаете. Единственный минус – он располагается на другом конце острова.

Микаэль сварил кофе и сделал несколько бутербродов. Затем взял бутылку воды, засунул еду в рюкзак, перекинул его через плечо и направился вдоль бухты, по узкой и наполовину заросшей дорожке, огибавшей остров Хедебю с северной стороны. Домик Готфрида располагался на мысе, примерно в двух километрах от селения, и Микаэль не спеша преодолел это расстояние всего за полчаса.

Мартин Вангер оказался прав. Когда Блумквист обогнул мыс, ему открылся утопавший в зелени участок земли возле самой воды. Вид отсюда открывался очень живописный: устье реки Хедеэльвен и гостевая гавань слева, промышленная гавань справа.

Странно, однако, что в домике Готфрида так никто и не поселился. Собственно говоря, это строение представляло собой сложенную из пропитанных темной морилкой бревен избу в деревенском стиле, с черепичной крышей, зелеными оконными рамами и маленькой террасой перед входом, открытой солнечным лучам. Но за домом явно давно не ухаживали; краска на дверных и оконных косяках облупилась, а на месте аккуратного газона выросли метровые кусты. Чтобы расчистить участок, потребовалось бы денек хорошенько поработать косой и кусторезом.

Микаэль отпер дверь и развинтил изнутри оконные ставни. Похоже, домик был перестроен из старого сарая площадью около тридцати пяти квадратных метров. Изнутри он был обшит досками и состоял из одной просторной комнаты с широкими, выходящими на воду окнами по обе стороны от входной двери. В глубине имелась лестница, ведущая к

открытой спальне под самой крышей, растянувшейся на половину дома. Под лестницей располагалась небольшая ниша с газовой плитой, раковиной и душевой кабиной. Дом был меблирован очень просто – вдоль длинной стены слева от двери находились прикрученная к стене скамья, потертый письменный стол и металлический стеллаж с полками из тикового дерева. Чуть подальше у той же стены высились три платяных шкафа. Справа от двери располагался круглый обеденный стол с пятью стульями, а посреди короткой стены – камин.

Электричества в доме не провели, зато имелось несколько керосиновых ламп. На окне стоял старенький транзистор фирмы «Грюндиг» со сломанной антенной. Микаэль включил его, но батарейки вышли из строя.

Поднявшись по узкой лестнице, Блумквист осмотрелся в спальне: здесь находилась двуспальная кровать, матрас без простыней, ночной столик и комод.

Некоторое время журналист уделил обследованию дома. В комоде лежало несколько полотенец и маек с легким запахом плесени. В шкафах обнаружилась старая рабочая одежда, комбинезон, пара резиновых сапог, стоптанные спортивные тапочки и керосиновый обогреватель. Ящики письменного стола содержали бумагу, карандаши, чистый блокнот для рисования, колоду карт и несколько закладок для книг. В кухонном шкафу Микаэль увидел посуду, кофейные чашки, стаканы, свечи, а также несколько пачек соли, пакетики с чаем и тому подобное. В одном из ящиков кухонного стола лежали столовые приборы.

На стеллаже над письменным столом обнаружились некоторые следы интеллектуальной деятельности. Микаэлю пришлось вгромоздить на стол кухонный стул и залезть на него, чтобы обследовать стеллаж. На нижней полке лежали старые номера разных журналов конца 1950-х и начала 1960-х годов – «Смотреть», «Рекордмагасинет», «Времяпрепровождение», «Лектюр». Здесь были номера журнала «Иллюстрации» за 1965-й и 1966 год, а также сборники комиксов «Роман моей жизни», «91-й», «Фантом» и «Романс». Микаэль открыл номер журнала «Лектюр» за 1964 год и решил, что изображенная там красотка выглядит вполне невинно.

На полках покоилось около пятидесяти книг. Примерно половину составляли детективы в формате покетбука из «Манхэттенской серии» издательства «Валльстрём»: Микки Спиллейн с названиями типа «Месть – мое личное дело» и классическими обложками Бертиля Хегланда. Он нашел также с полдюжины книжек из серии «Китти», несколько книг Энид

Блайтон[72] и детектив Сивара Альрюда «Загадка метро». Микаэль улыбнулся старым знакомым. Три книги Астрид Линдгрен: «Мы все из Бюллербю», «Калле Блумквист и Расмус» и «Пеппи Длинныйчулок». На верхней полке стояли книжка о коротковолновом радио, две книги по астрономии, справочник о птицах, книга под названием «Империя зла» о Советском Союзе, книга о Зимней войне, катехизис Мартина Лютера, Псалтирь и Библия.

Микаэль открыл Библию и прочел на внутренней стороне обложки: «Харриет Вангер, 12/5 1963». Конфирмационная Библия Харриет. Он помрачнел и поставил книгу на место.

Прямо за домом находился дровяной сарай, в котором хранился разный инвентарь: коса, грабли, молоток, коробка с кучей разных гвоздей, рубанки, пила и много чего еще. Туалет располагался в лесу, метрах в двадцати к востоку. Микаэль немного побродил и вернулся в дом. Затем вытащил на террасу стул, уселся, налил из термоса кофе, закурил сигарету и начал сквозь зеленую пелену побегов разглядывать бухту Хедестада.

Домик Готфрида оказался значительно более непритязательным, чем он предполагал. Значит, сюда перебрался отец Харриет и Мартина, когда в конце 1950-х годов его брак с Изабеллой дал трещину… Здесь он поселился и начал спиваться. А потом утонул где-то внизу, возле пристани. Экспертиза обнаружила большое количество алкоголя в его крови. В летнее время в домике, вероятно, жилось неплохо, но когда температура ползла вниз и приближалась к нулевой отметке, наверняка становилось промозгло и противно. Хенрик утверждал, что Готфрид продолжал работать в концерне – с перерывами на периодические запои – вплоть до 1964 года. То, что он, проживая в этом домике более или менее постоянно, все-таки умудрялся появляться на работе свежевыбритым и вымывшимся, в пиджаке и при галстуке, все-таки свидетельствовало: несмотря ни на что, он не утратил самодисциплины.

В этом месте Харриет Вангер бывала так часто, что его осматривали среди первых. Хенрик рассказывал, что в последний год Харриет часто приходила сюда на выходные или во время каникул, чтобы ее никто не беспокоил. В последнее лето она прожила здесь три месяца, хоть и появлялась в селении каждый день. Здесь у нее в течение шести недель гостила подруга – Анита Вангер, сестра Сесилии.

Чем же она занималась тут в одиночестве? Сборники комиксов «Роман моей жизни» и романы из серии «Китти» говорили сами за себя. Возможно, блокнот для рисования принадлежал именно ей. Тут же находилась и ее

Библия.

Может, ей хотелось держаться поближе к месту смерти отца и таким образом быстрее избыть свое горе? Неужели все объясняется так незамысловато? Или дело было в ее новообретенной набожности? Обстановка здесь весьма аскетична; может, ей казалось, что она живет в монастыре?

Микаэлю хотелось пройтись вдоль берега в юго-восточном направлении, но там было много расщелин и кустов можжевельника, и местность оказалась практически непроходимой. Он вернулся обратно к домику и прошел немного в сторону Хедебю. Если верить карте, через лес вела тропинка к тому сооружению, которое называлось Фортом, и спустя двадцать минут Блумквист ее все-таки отыскал.

Форт оказался остатками береговых оборонительных сооружений времен Второй мировой войны – здесь были бетонные бункеры с траншеями, разбросанные рядом с командным пунктом и сплошь заросшие густым лесом.

Микаэль по тропинке прошел к поляне возле моря, к лодочному сараю. Возле него обнаружились останки катера «Петерссон». Вернувшись обратно к Форту, Микаэль двинулся по дорожке, которая привела его к изгороди, – он подошел к хозяйству Эстергорд с задней стороны.

Потом тропа, петляя через лес, провела его вдоль поля, принадлежавшего тому же хозяйству. Она оказалась труднопроходимой и кое-где пролегала по таким топким местам, что ему приходилось сходить с нее и пробираться как придется. В конце концов он дополз до торфяного болота с сараем. Похоже, тропинка тут заканчивалась, хотя Микаэль находился всего в ста метрах от дороги на Эстергорд.

По другую сторону дороги возвышалась гора Сёдербергет. Блумквист поднялся по крутому склону, а остаток пути ему даже пришлось карабкаться. Гору венчала почти отвесная скала, обращенная к воде. Оттуда Микаэль по хребту направился обратно в Хедебю. Над селением он остановился и полюбовался видом на старую рыбацкую гавань, церковь и собственный домик, потом уселся на скале и выпил остатки теплого кофе.

Микаэль не знал, что он забыл в Хедебю, но этот вид ему определенно нравился.

Сесилия Вангер соблюдала дистанцию, и Микаэлю не хотелось ей навязываться, но через неделю он все-таки пошел и постучался к ней. Она впустила его и поставила кофе.

– Ты, вероятно, считаешь меня забавной пятидесятишестилетней учительницей, которая ведет себя как девчонка.

– Сесилия, ты взрослый человек и имеешь право поступать как хочешь.

– Знаю. Поэтому и решила прекратить с тобой встречаться. Мне не выдержать того, что…

– Ты не обязана мне ничего объяснять. Я надеюсь, что мы по-прежнему друзья.

– Мне очень хочется, чтобы мы оставались друзьями. Но отношений с тобой я не выдержу. С подобными связями у меня всегда получалось плохо. Думаю, мне надо немного побыть одной.

Глава 16
Воскресенье, 1 июня – вторник, 10 июня

После шести месяцев бесплодных поисков и раздумий в деле Харриет Вангер наметился сдвиг. За несколько дней первой недели июня Микаэль нашел три абсолютно новых кусочка головоломки. Два из них он обнаружил благодаря собственным усилиям, а с третьим ему помогли.

После отъезда Эрики Блумквист раскрыл альбом и несколько часов кряду исследовал фотографию за фотографией, пытаясь понять, что же тогда привлекло его внимание. Наконец он отложил альбом в сторону и продолжил работу над семейной хроникой.

В первых числах июня Микаэль поехал в Хедестад. Он сидел, размышляя о чем-то постороннем, когда автобус свернул на Йернвегсгатан, и вдруг понял, что именно не давало ему покоя. Эта мысль поразила его как гром среди ясного неба. Блумквист настолько оторопел от неожиданности, что проехал до конечной остановки у вокзала и, не выходя из автобуса, отправился обратно в Хедебю, чтобы проверить, не ошибается ли он.

Ему нужно было снова взглянуть на самый первый снимок в альбоме.

Последняя фотография Харриет Вангер была сделана в тот роковой день на Йернвегсгатан, в Хедестаде – девушка смотрела на карнавальное шествие детского праздника.

Этот снимок оказался особенным, единственным в своем роде. Он один из почти ста восьмидесяти фотографий не фиксировал аварию на мосту и находился в альбоме только потому, что относился к тому же дню. Внимание Микаэля, как и, вероятно, многих, кто до него изучал эти страницы, было обращено на людей и детали снимков на мосту. Сами по себе изображения праздничной толпы в Хедестаде, сделанные за несколько часов до трагических событий, ничего угрожающего не содержали.

Хенрик Вангер наверняка разглядывал эту фотографию тысячи раз, сожалея, что больше никогда не увидит Харриет. Разве что, вполне вероятно, его раздражало, что снимок сделан с такого большого расстояния и что девушка оказалась на нем лишь одной из многих.

Однако Микаэль среагировал совсем на другое.

Снимок был сделан с другой стороны улицы, возможно, из окна второго этажа. Крупным планом были выхвачены кабина и часть кузова одного из грузовиков. В кузове стояли девушки в блестящих купальниках и

гаремных шароварах и бросали в публику конфеты. Кто-то из них, похоже, танцевал. Перед грузовиком публику развлекали три клоуна.

Харриет стояла в первом ряду публики, на тротуаре. Рядом с ней находились три одноклассницы, а вокруг толпилось не меньше сотни других жителей Хедестада.

Именно эта картинка запечатлелась у Микаэля в голове – и внезапно всплыла, когда автобус проезжал именно то место, которое он видел на снимке.

Публика вела себя как обычно в таких случаях. Зрители на теннисных и хоккейных матчах всегда следят взглядом за мячом или за шайбой. Люди с левого края тротуара смотрели на клоунов, которые находятся прямо перед ними. Взгляды тех, кто находятся поближе к грузовику, устремились к кузову с фривольно одетыми девушками. Дети показывали пальцами, взрослые смеялись… Все казались веселыми и беззаботными.

Все, кроме одного человека.

Харриет Вангер смотрит куда-то в сторону. Ее одноклассницы и остальные вокруг нее были увлечены клоунами, но Харриет повернула лицо градусов на тридцать или тридцать пять направо. Ее взгляд, кажется, был устремлен к чему-то или к кому-то на другой стороне улицы. И это что-то или этот кто-то находился за нижним левым углом фотографии.

Микаэль извлек лупу и попробовал рассмотреть детали. Снимок был сделан со слишком большого расстояния, чтобы утверждать с уверенностью, однако, в отличие от остальных лиц, лицо Харриет не выражало радости. Ее губы были сжаты в узкую полоску, глаза широко раскрыты, руки бессильно опущены.

Вид у нее был испуганный. Или даже сердитый.

Микаэль вытащил фотографию из альбома, засунул ее в пластиковый конверт и на следующем автобусе снова отправился в Хедестад. На Йернвегсгатан он вышел и встал примерно на том месте, откуда, вероятно, был сделан снимок. В то время здесь заканчивался центр Хедестада. Тут находилось двухэтажное деревянное здание, где располагались видеомагазин и «Бутик модной мужской одежды Сундстрёма», основанный, согласно табличке у входа, в 1932 году. Микаэль зашел в бутик и сразу отметил, что он размещается на двух уровнях – винтовая лестница вела на второй этаж. На верхней площадке лестницы имелись два окна, выходившие на улицу. Здесь-то и стоял фотограф в тот роковой день.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил немолодой продавец, когда Микаэль достал конверт с фотографией.

Покупателей в магазине практически не было.

– Мне, собственно, хотелось только посмотреть, откуда сделали этот снимок. Можно, я на секунду открою окно?

Микаэль получил разрешение и распахнул створку, держа перед собой фотографию. Отсюда он хорошо видел то место, где когда-то стояла Харриет Вангер. Одно из двух запечатленных за ней деревянных зданий к этому времени исчезло, его место занял квадратный кирпичный дом. А в том деревянном здании, которое уцелело, в 1966 году торговали канцелярскими принадлежностями. Теперь же там разместились магазин продуктов здорового питания и солярий. Микаэль закрыл окно и извинился за доставленные хлопоты.

Оказавшись на улице, он встал на то самое место, где тогда стояла Харриет. Окно бутика и дверь солярия являлись удобными ориентирами. Микаэль повернул голову так же, как Харриет на фотографии. Получалось, что она смотрела на угол здания, где помещался «Бутик Сундстрёма». Самый обычный угол дома, за которым начинается поперечная улица.

«Что же ты там увидела, Харриет?» – мысленно задал он вопрос.

Микаэль спрятал фотографию в висевшую на плече сумку, дошел до привокзального парка, сел в открытом кафе и заказал кофе латте. Сейчас он почувствовал, что все произошедшее его потрясло. По-английски это называется «new evidence»[73], что звучит несколько иначе, чем шведское выражение «новые вещественные доказательства». Он вдруг увидел нечто новое, на что никто из тех, кто проводил расследование и топтался на одном месте в течение тридцати семи лет, не обратил никакого внимания.

Проблема заключалась лишь в том, что Блумквист не был уверен в ценности своего открытия. И все же оно показалось ему важным.

Тот сентябрьский день, когда пропала Харриет, был особенным в нескольких отношениях. В Хедестаде отмечали праздник, и по улицам гуляли несколько тысяч человек, от молодежи до стариков. В Хедебю, на острове, собрались на ежегодную встречу родственники клана Вангеров. Уже эти два события нарушили привычный ритм жизни большинства жителей города. К тому же авария с автоцистерной на мосту затмила все остальные события.

Инспектор Морелль, Хенрик Вангер и все прочие, кто раздумывал над исчезновением Харриет, сосредоточили внимание на событиях на острове. Морелль, кстати, даже отметил в своих записях, что не может отделаться от ощущения: авария и исчезновение Харриет каким-то образом связаны между собой. Но Микаэль почему-то был уверен, что эти подозрения

Морелля не оправданны.

Цепь событий начала тянуться не на острове, а в Хедестаде, за несколько часов до аварии. Харриет Вангер увидела на улице кого-то или что-то, о чем немедленно захотела поделиться с Хенриком Вангером, у которого, к сожалению, не нашлось на нее времени. Потом произошло несчастье на мосту. И тогда убийца нанес свой удар…

Микаэль сделал паузу. Впервые он сам сформулировал гипотезу, что Харриет убили. Поначалу он засомневался, но потом понял, что теперь разделяет убеждение Хенрика Вангера. Харриет мертва, и теперь ему нужно найти убийцу.

Блумквист вернулся к материалам расследования. Из досье в несколько тысяч страниц лишь мизерная часть была посвящена часам, проведенным Харриет в Хедестаде. Она была там вместе с тремя одноклассницами, каждую из которых следователи попросили поделиться наблюдениями. В тот день они встретились у привокзального парка в девять часов утра. Одной из девушек понадобилось купить джинсы, и остальные составили ей компанию. Они выпили кофе в ресторане универмага «ЭПА», а потом отправились на стадион, где бродили между павильонами парка тиволи и прудами. Там они встретились с другими одноклассниками, а после двенадцати двинулись обратно к центру города, чтобы посмотреть карнавальное шествие детского праздника. Незадолго до двух часов дня Харриет вдруг объявила, что ей надо поехать домой, и рассталась с компанией на автобусной остановке около Йернвегсгатан.

Никто из подруг ничего странного не заметил. Одна из них, Ингер Стенберг, была той самой девушкой, которая отмечала «безразличие» Харриет Вангер в последний год. По словам Ингер, весь тот день Харриет, как обычно, отмалчивалась и безропотно следовала за остальными.

Инспектор Морелль опросил всех, кто встречался с Харриет в тот роковой день, даже если они лишь поздоровались с нею на празднике. Когда она исчезла, ее фотографию напечатали в местной газете. Многие жители Хедестада связывались с полицией, сообщая, что вроде как видели ее в тот день, но никто из них не заметил ничего необычного.

Микаэль целый вечер размышлял, в каком направлении ему следовать дальше в своих изысканиях. На следующее утро он отправился к Хенрику. Старик как раз завтракал.

– Вы говорили, что семья Вангеров по-прежнему имеет акции в «Хедестадс-курирен».

– Так и есть.

– Мне нужно получить доступ к фотоархиву газеты за шестьдесят шестой год.

Хенрик Вангер поставил на стол стакан с молоком и вытер губы.

– Микаэль, ты что-то нашел?

Блумквист посмотрел ему в глаза.

– Пока ничего конкретного. Но мне кажется, что мы могли заблуждаться относительно того, как все происходило.

Он показал фотографию и рассказал о своих выводах. Хенрик долго молчал.

– Если я прав, то надо обратить внимание на те события, которые произошли в тот день в Хедестаде, а не на то, что происходило на острове, – сказал Микаэль. – Не знаю, как можно воспроизвести их ход спустя столько лет, но во время праздника наверняка было сделано много снимков, которые никогда не публиковались. Именно они меня и интересуют.

Хенрик схватил телефон, висевший на стене кухни, и позвонил Мартину. Он объяснил ему, в чем дело, и спросил, кто теперь отвечает в газете за иллюстрации. Через десять минут Микаэль уже знал, к кому нужно обратиться.

Отдел иллюстраций «Хедестадс-курирен» возглавляла Мадлен Блумберг, или попросту Майя, и на вид ей было лет шестьдесят. За многие годы работы в сфере, где фотосъемка по-прежнему считалась исключительно мужским делом, Микаэль впервые повстречал на этой должности женщину.

Вообще-то по субботам редакция не работала, но оказалось, что Майя Блумберг живет всего в пяти минутах ходьбы и уже поджидает Микаэля у входа. Эта женщина посвятила газете «Хедестадс-курирен» бóльшую часть своей жизни. Она начинала свою карьеру в 1964 году в должности корректора, потом стала ассистентом фотографа и не один год провела в темной комнате. Часто ее отправляли на съемки, когда не хватало штатных фотографов. Затем ее назначили редактором, а когда старый начальник ушел на пенсию, она возглавила весь отдел иллюстраций. Хотя его трудно было назвать крупным подразделением: несмотря на то, что десять лет назад к нему присоединили отдел рекламы, он и теперь состоял всего из шести человек, которые по очереди выполняли всю работу и были взаимозаменяемы.

Микаэль поинтересовался, по какому принципу организован фотоархив.

– Честно сказать, он находится в известном беспорядке. После того, как мы обзавелись компьютерами и цифровой фототехникой, архив хранится на CD-дисках. У нас был практикант, который сканировал самые старые важные фотографии, но успел обработать лишь несколько процентов от всех снимков, занесенных в каталог. Старые фотографии рассортированы по датам в папках с негативами. Они хранятся либо в редакции, либо в хранилище на чердаке.

– Меня интересуют фотографии шествия с детского праздника шестьдесят шестого года, а также все снимки, сделанные в ту неделю.

Майя Блумберг внимательно посмотрела на Микаэля.

– Значит, нужна та неделя, когда пропала Харриет Вангер?

– Вам знакома эта история?

– Проработать всю жизнь в «Хедестадс-курирен» и не знать о ней невозможно; ну а уж когда Мартин Вангер звонит мне рано утром в воскресенье, я, естественно, делаю соответствующие выводы… Я читала корректуру статей, которые были написаны об этом деле в шестидесятые годы. Но почему вы вернулись к этой истории? Появилось что-то новое?

Майя Блумберг явно обладала чутьем газетчика. Микаэль улыбнулся и покачал головой, а затем изложил свою «легенду»:

– Нет. И я сомневаюсь, получим ли мы когда-нибудь ответ на вопрос, что с нею произошло. Возможно, это секрет на весь свет, но я просто пишу биографию Хенрика Вангера. История об исчезнувшей Харриет – отдельная глава, но обойти эту тему просто невозможно. Я ищу снимки, которые иллюстрируют тот день, с Харриет и ее подругами.

Майя Блумберг, может, и усомнилась бы, но Микаэль говорил так убедительно, что у нее не нашлось повода ему не поверить.

Газетный фотограф в среднем снимает от двух до десяти пленок – ежедневно. А во время торжественных и особенно памятных мероприятий – и в два раза больше. Каждая пленка содержит тридцать шесть негативов. Легко подсчитать, что в газете часто скапливается до трехсот снимков ежедневно. При этом из них публикуются лишь единицы. В тех редакциях, где подобралась организованная команда, пленки разрезают, а негативы укладывают в специальные кармашки, по шесть штук. Одна пленка занимает примерно страницу папки для негативов, а в папку помещается около ста десяти пленок, итого за год набирается от двадцати до тридцати папок. С годами их скапливается великое множество. В большинстве случаев эти материалы не представляют никакой ценности, зато постепенно начинают заполнять все редакционные помещения. Тем не менее ни одного фотографа и ни один отдел иллюстраций невозможно

переубедить в том, что фотографии являются историческими документами чрезвычайной важности. Так что никто ничего и никогда не выбрасывает.

Газета «Хедестадс-курирен» начала выходить в 1922 году, а отдел иллюстраций открылся с 1937 года, так что чердачное хранилище газеты содержало около тысячи двухсот папок с негативами, рассортированных по датам. Снимки за сентябрь 1966 года помещались в четырех дешевых картонных папках.

– Как лучше сделать? – спросил Микаэль. – Мне бы сесть за стол с подсветкой и копировать то, что покажется интересным…

– Темной комнаты у нас больше нет. Теперь мы все сканируем. Вы умеете обращаться со сканером для негативов?

– Да, мне приходилось работать с фотографиями, и у меня есть сканер «Агфа» для негативов. И я знаю программу «Фотошоп».

– Значит, вы используете то же оборудование, что и мы.

Майя Блумберг провела для Микаэля экспресс-экскурсию по их маленькой редакции, выделила ему место за столом с подсветкой и включила компьютер и сканер. А заодно показала место, где стоит кофейный автомат. Они договорились, что Микаэль будет работать самостоятельно, но обязательно позвонит Майе, когда соберется уходить, чтобы та пришла, заперла редакцию и включила сигнализацию. Затем она оставила Микаэля и пожелала ему «приятного времяпровождения».

Чтобы прошерстить папки, Микаэлю потребовалось несколько часов. В тот период, который его интересовал, в газете работали два фотографа. В тот самый день съемку проводил Курт Нюлунд, с которым Микаэль вообще-то издавна был знаком. В 1966 году Курту Нюлунду было около двадцати лет. Позднее он переехал в Стокгольм и стал очень востребован как профессионал. Он работал и в качестве стороннего фотографа, и в статусе сотрудника фотоагентства «Прессенс бильд» в Мариеберге. В 1990-е годы их пути неоднократно пересекались, когда «Миллениум» приобретал у «Прессенс бильд» фотоматериалы. Микаэль запомнил его как худого мужчину с зарождающейся лысиной. Курт Нюлунд, как и многие фоторепортеры, использовал мелкозернистую пленку для дневного света.

Блумквист вытащил архив с фотографиями юного Нюлунда и, поместив его на стол с подсветкой, начал при помощи лупы изучать негатив за негативом. Искусство читать негативы требует определенных навыков, коими Микаэль не обладал. Для того чтобы определить, содержится ли в снимках какая-нибудь ценная информация, ему пришлось бы сканировать каждую фотографию, а потом рассматривать их все на экране компьютера.

Это заняло бы массу времени. Поэтому он решил сначала приблизительно определить, какие снимки могут представлять интерес.

Микаэль начал отбирать все снимки, сделанные на месте аварии. Он отметил, что в папке Хенрика Вангера со ста восемьюдесятью фотографиями есть не все. Тот, кто делал Хенрику копии – возможно, это был сам Нюлунд, – отбраковал около тридцати снимков; видимо, посчитал их не пригодными для печати. Отключив редакционный компьютер, Микаэль подключил сканер к своему лэптопу. На сканирование оставшихся снимков у него ушло два часа.

Один снимок сразу привлек его внимание. Где-то в промежутке между 15.10 и 15.15, в тот самый момент, когда исчезла Харриет, кто-то открыл окно в ее комнате, а потом Хенрик Вангер тщетно пытался выяснить, кто это был. И вот на экране компьютера появилась фотография, снятая, вероятно, именно в тот миг, когда окно открывали. На ней были видны фигура и лицо, хотя и нечетко. Микаэль решил сначала загрузить в компьютер все фотографии, а уж потом проанализировать снимок.

А потом он разглядывал снимки с детского праздника. Курт Нюлунд отснял шесть пленок, в целом около двухсот кадров. На них были запечатлены дети с шариками, взрослые, уличная толпа вокруг торговцев хот-догами, само шествие, местный артист на сцене и раздача каких-то призов.

В конце концов Микаэль решил пересканировать все. Через шесть часов он собрал папку с девятью десятками фотографий. Да, придется ему еще раз посетить «Хедестадс-курирен»…

Около девяти вечера он позвонил Майе Блумберг, поблагодарил ее и поехал обратно на остров.

Вернулся он в воскресенье, в девять утра. Когда Майя Блумберг впускала его, в редакции по-прежнему никого не было. Микаэль совсем забыл, что сейчас Троица и что газета должна выйти только во вторник. Он снова занял тот же рабочий стол, что и накануне, и весь день посвятил сканированию. К шести часам вечера ему оставалось обработать около сорока снимков с детского праздника. Просмотрев негативы, Микаэль решил, что милые детские лица, выхваченные объективом крупным планом, или снимки выступавшего на сцене артиста никакого интереса для него не представляют. Зато он отсканировал сцены на улице и толпы людей.

Второй день Троицы Микаэль посвятил изучению новых фотоматериалов, что привело его к двум открытиям: первое его расстроило,

а второе заставило сердце биться чаще.

Первым открытием стало лицо в окне Харриет Вангер. Снимок отличался расплывчатыми контурами, и, наверное, поэтому его изъяли из первоначальной коллекции. Фотограф стоял на холме возле церкви и снимал мост. На заднем плане виднелись здания. Микаэль обрезал фотографию так, что осталось только окно, которое его интересовало. Он экспериментировал с контрастностью и резкостью до тех пор, пока не выбрал самый качественный, на его взгляд, вариант.

В результате получился зернистый снимок с минимальным затемнением, изображавший четырехугольное окно, занавеску, часть руки и расплывчатое, в форме полумесяца, лицо внутри комнаты.

Микаэль пришел к выводу, что это была не Харриет Вангер, у которой были волосы цвета воронова крыла, а кто-то светло-русый.

Далее он мог различить более темные пятна – глаза, нос и рот, – но оказалось, что придать четкость чертам лица невозможно. Почему-то Блумквист не сомневался, что на фотографии изображена женщина – светлое пятно от лица спускалось на уровень плеч, распущенные волосы тоже казались атрибутом женской прически. К тому же незнакомка была одета в светлую одежду.

Микаэль сравнил рост загадочной фигуры и высоту окна. Возможно, это была женщина ростом примерно 170 сантиметров.

Просмотрев другие фотографии с места аварии, он пришел к выводу: на фотографии изображена двадцатилетняя Сесилия Вангер.

Из окна бутика Сундстрёма на втором этаже Курт Нюлунд сделал всего восемнадцать снимков. Харриет Вангер была изображена на семнадцати из них.

Девушка и ее одноклассницы подошли к Йернвегсгатан как раз в тот момент, когда Курт Нюлунд начал снимать. Микаэль прикинул, что съемка продолжалась примерно пять минут. На первой фотографии Харриет с подругами шли по улице по направлению к фотокамере. На снимках со второго по седьмой девушки стояли, глядя на шествие. Затем они переместились по улице метров на шесть. На самой последней фотографии, возможно, снятой чуть позже, этой группы уже не было.

На серии изображений Микаэль обрезал портрет Харриет по пояс и обработал так, чтобы получить максимальную контрастность. Поместив снимки в отдельную папку, он загрузил программу «Графический конвертер» и запустил опцию слайд-шоу. Получилось что-то типа немого фильма, в котором каждый снимок-кадр демонстрировался по две секунды.

Харриет появляется, снимок в профиль. Она останавливается и смотрит на улицу. Поворачивается лицом к улице. Открывает рот, чтобы что-то сказать подруге. Смеется. Левой рукой дотрагивается до уха. Улыбается… Внезапно Харриет напрягается, лицо развернуто на двадцать градусов влево от фотоаппарата. У нее застывший взгляд, она перестает улыбаться, губы распрямляются в узкую черточку. Харриет смотрит куда-то с тревогой. В ее лице читается… что? Печаль? Потрясение? Злость? Харриет опускает взгляд. И исчезает.

Микаэль раз за разом прокручивал свое слайд-шоу.

Снимки со всей очевидностью подтверждали сформулированную им теорию. На Йернвегсгатан в Хедестаде что-то случилось. Начала выстраиваться логическая цепочка.

Харриет видит что-то – или кого-то – на противоположной стороне улицы. Ее реакция – шок. Потом она отправляется к Хенрику Вангеру и хочет с ним побеседовать один на один, но безуспешно. После этого она бесследно исчезает.

Что-то произошло в тот день. Но что именно, об этом снимки умалчивали.

В два часа ночи с понедельника на вторник Микаэль сварил кофе, сделал бутерброды и уселся на кухонный диван. Он был и расстроен, и возбужден. Вопреки собственным ожиданиям, ему удалось обнаружить новые факты. И хотя они придавали событиям новый поворот, однако ни на йоту не приближали его к разгадке тайны.

Блумквист размышлял: интересно, какую роль в этой драме сыграла Сесилия Вангер. Хенрик, невзирая на лица, тщательно анализировал, чем занимались в течение дня все замешанные в эту историю, в том числе и Сесилия. В 1966 году она жила в Уппсале, но за два дня до роковой субботы приехала в Хедестад и остановилась в гостевой комнате у Изабеллы Вангер. Она утверждала, что, возможно, рано утром и видела Харриет, но не общалась с ней. В субботу Сесилия поехала в Хедестад – по кое-каким делам. Харриет она там не встречала и вернулась на остров около часа дня, приблизительно в то время, когда Курт Нюлунд фотографировал праздник на Йернвегсгатан. Затем, переодевшись, около двух часов дня помогала накрывать столы к обеду.

В качестве алиби это звучало не слишком убедительно. Время она каждый раз называла приблизительно, особенно когда речь шла об эпизоде ее возвращения на остров, однако Хенрик Вангер ни разу не нашел повода не поверить ей. Сесилия принадлежала к числу самых любимых

родственников и родственниц Хенрика. Кроме того, она была любовницей Микаэля. Так что и он не мог до конца оставаться объективным. И почти не мог представить себе ее в роли убийцы.

Теперь же забракованный когда-то снимок доказывал: Сесилия лгала. И, вопреки собственным утверждениям, заходила в комнату Харриет. Микаэль пытался понять, что это могло означать.

«Если ты солгала в этом, значит, ты могла солгать еще в чем-то?»

Блумквист подытожил все факты, всё, что он знал о Сесилии. Она казалась глубоко замкнутой женщиной, которую тяготит собственное прошлое. Она жила одна, без сексуальных партнеров и друзей. С людьми соблюдала дистанцию, а когда однажды расслабилась, то кинулась на шею Микаэлю – чужаку, оказавшемуся тут случайно и ненадолго. Потом Сесилия заявила: она намерена порвать с ним, поскольку не может примириться с мыслью, что он столь же внезапно, как и появился, исчезнет из ее жизни. Микаэль полагал, что именно потому она и сделала шаг навстречу ему и выбрала его: раз он скоро уедет, и она не боится, что он изменит ее жизнь…

Микаэль вздохнул и бросил заниматься психоанализом.

Второе прозрение осенило его глубокой ночью. Ключ к разгадке – и он уже был в этом убежден – заключался в том, *что* увидела Харриет в Хедестаде на Йернвегсгатан. Но чтобы узнать, что же это было, ему пришлось бы изобрести машину времени, встать позади Харриет и взглянуть через ее плечо.

В это самое мгновение Микаэля осенило – он хлопнул себя по лбу и бросился обратно к лэптопу. Вывел на экран необрезанные снимки, зафиксировавшие марш на Йернвегсгатан, глянул на них и…

Наконец-то!

Позади Харриет Вангер, примерно на метр вправо от нее, стояла молодая пара: он в полосатом свитере и она в светлой куртке. Женщина держала в руке фотоаппарат. Увеличив снимок, Микаэль решил, что это, похоже, «Кодак» со встроенной вспышкой – дешевый аппарат для отпускников, которые не умеют фотографировать.

Женщина держала аппарат на уровне подбородка. Потом она подняла его и сфотографировала клоунов именно в тот момент, когда Харриет изменилась в лице.

Микаэль сравнил ракурс с направлением взгляда последней. Женщина снимала именно то, на что смотрела Харриет.

Журналист вдруг почувствовал, как сильно у него стучит в висках. Он

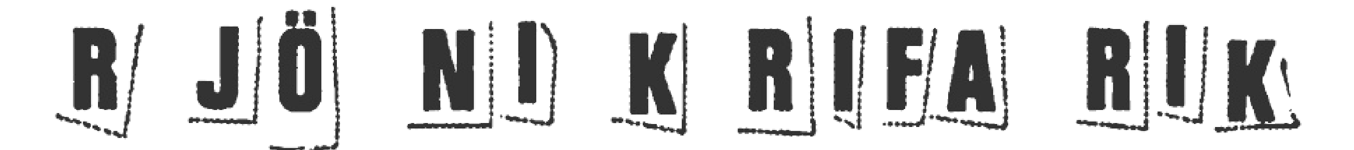
откинулся на спинку стула и вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет. Кому-то удалось заснять именно то, что он так стремится увидеть. Но как узнать, кто эта женщина? Как можно раздобыть сделанные ею снимки? Проявляли ли вообще эту пленку и сохранилась ли именно эта фотография?

Микаэль открыл папку со снимками Курта Нюлунда, запечатлевшими толпу на празднике. Весь следующий час он посвятил тому, что увеличивал каждую фотографию и вглядывался в каждый квадратный сантиметр. Только на самом последнем снимке Блумквист снова обнаружил ту пару. Курт Нюлунд сфотографировал клоуна с шариками в руке, который, смеясь, позировал перед камерой. Съемка велась на стоянке у входа на стадион, где проходил праздник. Было, скорее всего, начало третьего. А потом Нюлунд узнал об аварии на мосту и прекратил съемку праздника.

Женщину было почти не видно, зато профиль мужчины в полосатом свитере был виден отчетливо. Держа в руке ключи, он наклонился, чтобы открыть дверцу машины. Фокус наводился на клоуна на переднем плане, и изображение машины получилось слегка размытым. Номерной знак был частично скрыт, но начинался на «АСЗ» и что-то там еще.

В 1960-е годы номерные знаки начинались с буквы, обозначавшей лен, и Микаэль еще в детстве научился распознавать, откуда приехала машина. На «АСЗ» начинались номера Вестерботтена[74].

Потом Блумквист заметил и еще кое-что. На заднем стекле имелась какая-то наклейка. Он увеличил масштаб, но текст совершенно расплывался. Журналист вырезал наклейку и долго экспериментировал, меняя контрастность и резкость. Он все еще не мог прочитать текст, но пытался угадать за расплывчатыми линиями, что там могло быть написано. Многие буквы были обманчиво похожи. «О» легко путалось с «D», а «В» походило на «Е» и на некоторые другие. Повозившись с бумагой и ручкой и исключив ряд букв, Микаэль получил непонятный текст.



Он долго вглядывался в картинку, пока у него не заслезились глаза. И вдруг ясно увидел текст:

NORSJÖ SNICKERIFABRIK

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩАЯ ФАБРИКА НУРШЁ

Далее следовали мелкие значки, которые было совершенно немыслимо разобрать, но, вероятно, они представляли собой номер телефона.

Глава 17
Среда, 11 июня – суббота, 14 июня

Наконец Микаэль вложил в пазл третий фрагмент. И помощь в этом деле пришла с совершенно неожиданной стороны.

Проработав всю ночь с фотографиями, он продрых до середины дня. Проснулся с тяжелой головой, принял душ и отправился завтракать в «Кафе Сусанны». Ему было трудно сосредоточиться. Следовало бы навестить Хенрика Вангера и доложить о своих открытиях. Однако вместо этого Микаэль пошел и позвонил в дверь Сесилии Вангер. Ему хотелось задать ей вопрос, что она делала в комнате Харриет и почему солгала, будто не заходила туда.

Но никто не открыл.

Блумквист уже собрался уходить, но тут услышал голос:

– Твоей шлюхи нет дома.

Горлум выполз из своего укрытия. Он оказался высоким, под два метра ростом; правда, его так согнуло от возраста, что глаза теперь оказались на уровне глаз Микаэля. Вся кожа была покрыта темными пигментными пятнами. Он был одет в пижаму, поверх которой набросил коричневый халат, и опирался на палку. Типичный злобный голливудский персонаж.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что твоей шлюхи нет дома.

Микаэль подошел так близко, что почти уткнулся носом в Харальда Вангера.

– Это так ты называешь свою собственную дочь, ты, грязная свинья?

– Это не я шныряю здесь по ночам, – ответил тот, обнажая беззубый рот.

От него отвратительно пахло. Микаэль обошел Харальда и, не оборачиваясь, двинулся дальше.

Он застал Хенрика Вангера в кабинете.

– Я только что встретил вашего брата. – Микаэль был очень раздражен.

– Харальда? Вот как! Значит, он все-таки посмел высунуться. Он вылезает из своего логова один или пару раз в году.

– Он возник, когда я звонил в дверь Сесилии. И сказал дословно: «Твоей шлюхи нет дома». Конец цитаты.

– Это так типично для Харальда, – спокойно ответил Хенрик.

– Он назвал собственную дочь шлюхой.

– Он называет ее так уже много лет. Поэтому они и не общаются.

– Но почему?

– Сесилия потеряла невинность, когда ей был двадцать один год. Это произошло здесь, в Хедестаде, после романа, который у нее приключился летом, через год после исчезновения Харриет.

– Ну и что же?

– Парня, в которого она влюбилась, звали Петер Самуэльссон; он работал младшим экономистом на нашем предприятии. Вполне дельный, кстати, парень. Сейчас он служит в компании «АВВ». Будь она моей дочерью, я был бы рад заполучить такого парня в качестве зятя. Но у него имелся некий минус.

– Неужели это то, о чем я подумал?

– Харальд измерил его череп, или проверил его родословную, или что-то в этом плане – и обнаружил, что он на четверть еврей.

– Господи, помилуй…

– С тех самых пор он и называет ее шлюхой.

– Он знал, что мы с Сесилией…

– Об этом, скорее всего, знает все селение, кроме разве что Изабеллы, поскольку никто, находясь в своем уме, не станет ей ничего сообщать, а у нее, слава богу, есть одно положительное свойство – она засыпает около восьми вечера. Что же до Харальда, то он наверняка следит за каждым твоим шагом.

Микаэль сел, вид у него был довольно глупый.

– То есть вы хотите сказать, что всем известно…

– Разумеется.

– А вы меня не осуждаете?

– Дорогой Микаэль, меня это совершенно не касается.

– А, кстати, куда делась Сесилия?

– Учебный год закончился. В субботу она улетела в Лондон, чтобы навестить сестру. А потом поедет в отпуск… э-э-э… кажется, во Флориду. Вернется примерно через месяц.

Микаэль почувствовал себя не в своей тарелке.

– Мы вроде бы приостановили на время наши отношения…

– Я понимаю. И опять-таки это не мое дело. Лучше скажи, как продвигается твоя работа.

Микаэль налил себе кофе из стоявшего на столе термоса и взглянул на Хенрика:

– Я нашел новый материал. А еще, думаю, мне придется одолжить у кого-нибудь машину.

Свои выводы Блумквист излагал довольно долго. Достав из сумки лэптоп, он запустил слайд-шоу, чтобы Хенрик мог увидеть Харриет на Йернвегсгатан и ее реакцию. Он сообщил также, что обнаружил зрителей с любительским фотоаппаратом и их машину с наклейкой деревообрабатывающей фабрики в Нуршё. Когда он закончил, Хенрик попросил запустить слайд-шоу еще раз.

Наконец Вангер оторвался от экрана компьютера. Микаэль вдруг увидел, что старик стал буквально серого цвета. Журналист испугался и положил руку на его плечо. Но Хенрик жестом показал, что все в порядке. Некоторое время он сидел молча.

– Черт побери! Ты сделал то, что я считал невозможным. Ты обнаружил нечто совершенно новое… Что ты собираешься делать дальше?

– Я должен найти этот снимок, если он еще существует.

Микаэль ни слова не упомянул о лице в окне и своих подозрениях относительно Сесилии. Что, конечно же, свидетельствовало о том, что он отнюдь не был объективным частным сыщиком.

Когда Микаэль снова вышел на улицу, Харальд Вангер уже, скорее всего, уполз обратно в свое логово. Завернув за угол, Микаэль обнаружил, что на крыльце его домика кто-то сидит к нему спиной и читает газету. На секунду ему померещилось, что это Сесилия Вангер. Но он сразу же понял, что это не так. На ступеньках сидела темноволосая девушка, и, только подойдя поближе, Блумквист узнал ее.

– Привет, папа, – сказала Пернилла Абрахамссон.

Микаэль крепко обнял дочь.

– Как, скажи на милость, ты здесь очутилась?

– Естественно, приехала из дома. По дороге в Шеллефтео[75]. Я только переночевать.

– А как ты меня нашла?

– Мама знала, где ты находишься. Я спросила в кафе, где ты обитаешь, и меня направили сюда. Ты что, мне не рад?

– Конечно, я очень рад. Заходи. Если бы ты предупредила, я бы купил чего-нибудь вкусного.

– Я решила остановиться здесь случайно; ничего такого не планировала. Но мне очень хотелось поздравить тебя с выходом из тюрьмы. А ты так и не позвонил…

– Извини.

– Да ничего страшного. Мама говорит, что ты вечно погружен в свои

мысли.

– Значит, вот какого она мнения обо мне?

– Приблизительно. Но это не имеет значения. Я тебя все равно люблю.

– Я тоже тебя люблю, но ты знаешь…

– Знаю. Но мне кажется, что я уже достаточно взрослая.

Микаэль заварил чай и достал печенье. До него дошло, что дочь действительно права. Она уже не маленькая девочка, ей почти семнадцать лет; еще немного – и она станет взрослой женщиной. Пора бы ему прекратить обращаться с ней, как с малым неразумным дитем.

– Ну и как тебе?

– Что именно?

– Тюрьма.

Микаэль рассмеялся:

– Ты не поверишь, если я скажу, что воспринял свое пребывание там как оплаченный отпуск, во время которого получил возможность размышлять и писать…

– Почему же, конечно, поверю. Я не думаю, что тюрьма сильно отличается от монастыря, а в монастырь люди всегда уходили, чтобы найти себя.

– Ну да, можно и так сказать. Надеюсь, у тебя не возникло проблем из-за того, что твой отец побывал арестантом?

– Нисколько. Я горжусь тобой и при каждом удобном случае напоминаю, что мой отец сидел в тюрьме за свои убеждения.

– За убеждения?

– Я видела по телевизору Эрику Бергер.

Микаэль побледнел. Он даже не подумал о дочери, когда Эрика излагала их стратегию, и Пернилла наверняка считала, что он белый и пушистый, как только что выпавший снег.

– Пернилла, я не был невиновен. К сожалению, я не могу обсуждать с тобой все, что произошло, но меня осудили не просто так. Суд исходил из того, что выяснилось во время процесса.

– Но ты никогда не излагал свою версию.

– Нет, не излагал, потому что не могу ее доказать. Я совершил катастрофическую глупость и поэтому был вынужден сесть в тюрьму.

– Ладно. Тогда ответь мне – Веннерстрём подонок или нет?

– Он один из самых отъявленных мерзавцев, с какими мне доводилось встречаться.

– Отлично. Мне этого достаточно… У меня есть для тебя подарок.

Дочь достала из сумки пакет. Микаэль открыл его и обнаружил внутри CD-диск с лучшими хитами «Eurythmics»[76]. Она знала, что ему давно нравится эта группа. Микаэль обнял дочь, сразу же включил лэптоп, и они вместе послушали композицию «Sweet dreams»[77].

– А что ты собираешься делать в Шеллефтео? – спросил Микаэль.

– Там в летнем лагере работает библейская школа общины «Свет жизни», – ответила Пернилла так, словно это само собой разумеется.

Микаэль даже вздрогнул.

Он вдруг подумал о том, насколько похожи его дочь и Харриет Вангер. Пернилле сейчас шестнадцать; столько же было и Харриет, когда та исчезла. Обе росли без отцов, обеих потянуло к религиозным сектам: Харриет – к местной общине пятидесятников «Слово жизни», а Перниллу – к таким же нелепым сектантам, которые именуют себя «Свет жизни».

Микаэль даже не знал, как ему относиться к тому, что его дочь проявила интерес к религии. Он боялся вторгаться, чтобы не лишить ее права на выбор своего пути. В то же время данная секта явно была из таких, о которых они с Эрикой обязательно опубликовали бы в «Миллениуме» негативный репортаж. При первом же удобном случае ему следовало бы обсудить этот вопрос с матерью Перниллы.

Дочь спала в постели Микаэля, а сам он устроился на ночь на диване на кухне. В конце концов он проснулся с болью в шее и в мышцах. Пернилла спешила продолжить свой путь, поэтому Микаэль покормил ее и отвез на вокзал. У них образовалось немного времени, они купили кофе в «Пресс-бюро», уселись на скамейке в конце перрона и начали болтать обо всем на свете. Перед самым прибытием поезда Пернилла вдруг сказала:

– А тебе не нравится, что я еду в Шеллефтео.

Микаэль даже не знал, что ответить.

– В этом нет ничего страшного. Но ты ведь не крещен?

– Нет. Во всяком случае, добропорядочным христианином меня назвать нельзя.

– Ты не веришь в Бога?

– Нет, в Бога я не верю, но я уважаю твою веру. Все люди должны во что-то верить.

Когда подошел ее поезд, они обнимались до тех пор, пока Пернилла не заскочила в вагон. На полпути она обернулась:

– Папа, я не буду миссионерствовать. Ты можешь верить во что хочешь, я все равно буду тебя любить. Но я считаю, что тебе следует

продолжать самостоятельно изучать Библию.

– Что ты имеешь в виду?

– Я видела цитаты у тебя на стенке, – сказала она. – Только почему ты выбрал такие мрачные и невротические? Целую. Пока.

Она помахала рукой и исчезла. Микаэль, растерянный, глядел вслед поезду, который направлялся на север. Только когда состав скрылся за поворотом, до него дошел смысл ее замечания и у него похолодело в груди.

Микаэль выскочил с вокзала и посмотрел на часы. Автобуса до Хедебю оставалось ждать еще сорок минут. Но ждать так долго он просто не мог. Он побежал через площадь к стоянке такси и отыскал Хусейна, водителя с норрландским диалектом.

Через десять минут Блумквист рассчитался с таксёром и прошел прямо к себе в кабинет. Над письменным столом у него была скотчем прикреплена записка:

Магда – 32016
Сара – 32109
РЯ – 30112
РЛ – 32027
Мари – 32018

Блумквист оглянулся по сторонам и сообразил, что Библии тут нет. Тогда он взял с собой записку, нашел ключи, которые оставил на окне, и пробежал до домика Готфрида. У него почти дрожали руки, когда он снимал с полки Библию Харриет.

Оказывается, она записывала не номера телефонов, а цифры, которые отсылали к главам и стихам из Левита, Третьей книги Моисеевой. Законы о наказаниях.

> *(Магда)* Третья книга Моисеева, глава 20, стих 16:
>
> Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них.
>
> *(Сара)* Третья книга Моисеева, глава 21, стих 9:
>
> Если дочь священника осквернит себя блудодеянием, то она бесчестит отца своего: огнем должно сжечь ее.

(РЯ) Третья книга Моисеева, глава 1, стих 12:

И рассекут ее на части, отделив голову ее и тук ее; и разложит их священник на дровах, которые на огне, на жертвеннике.

(РЛ) Третья книга Моисеева, глава 20, стих 27:

Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них.

(Мари) Третья книга Моисеева, глава 20, стих 18:

Если кто ляжет с женою во время болезни кровеочищения и откроет наготу ее, то он обнажил истечения ее, и она открыла течение кровей своих: оба они да будут истреблены из народа своего.

Микаэль вышел из дома и уселся на крыльце. Он уже не сомневался, что, записывая цифры в телефонную книжку, Харриет имела в виду именно эти фрагменты: каждая из указанных цитат была в ее Библии тщательно подчеркнута. Микаэль закурил сигарету и прислушался к пению птиц.

Теперь он понимал значение цифр, но имена по-прежнему оставались загадкой. При чем здесь Магда, Сара, Мари, РЯ и РЛ?

Вдруг догадка пронзила Микаэля, и перед ним разверзлась преисподняя. Он вспомнил сожженную в Хедестаде жертву, о которой рассказывал комиссар Густав Морелль. Дело Ребекки – девушки, которую в конце 1940-х годов зверски изнасиловали и убили, положив ее голову на раскаленные угли.

«И рассекут ее на части, отделивши голову ее и тук ее; и разложит их священник на дровах, которые на огне, на жертвеннике». Ребекка. Инициалы «РЯ».

Какая же у нее была фамилия?

Господи помилуй, но во что же они втянули Харриет?

Хенрик Вангер внезапно захворал, и когда ближе к вечеру Микаэль пришел к нему, он обнаружил, что тот уже в постели. Анна все-таки впустила журналиста и позволила ему поговорить с больным несколько минут.

– Летняя простуда, – шмыгая носом, заявил Хенрик. – Я тебе нужен?

– Да, я хочу задать вам вопрос.

– Задавай.

– Вы слышали об убийстве, которое вроде произошло в Хедестаде где-то в сороковые годы? Девушку по имени Ребекка убили, сунув головой в костер.

– Ребекка Якобссон, – сразу же ответил Хенрик Вангер. – Ее имя не скоро забудешь. Правда, мне о ней не доводилось слышать уже много лет.

– Но об убийстве вам известно?

– Еще бы. Ребекке Якобссон было двадцать три или двадцать четыре года, когда ее убили. Это, скорее всего, случилось… да, точно, в сорок девятом году. Тогда это преступление очень обстоятельно расследовали, и даже я сам немного в нем участвовал.

– Вы? – удивленно воскликнул Микаэль.

– Да. Ребекка Якобссон работала в нашем концерне секретаршей. Она была очень красивой девушкой и пользовалась огромным успехом… Но почему ты вдруг о ней спрашиваешь?

Микаэль даже не знал, что ответить. Он встал и подошел к окну.

– Я и сам, честно сказать, не знаю. Хенрик, возможно, я кое-что обнаружил, но мне необходимо сперва все хорошенько обдумать.

– Ты намекаешь на то, что между Ребеккой и Харриет может обнаружиться какая-то связь? Но между этими инцидентами прошло около семнадцати лет.

– Я немного подумаю – и загляну завтра, если вам станет получше.

Но на следующий день Микаэль с Хенриком Вангером так и не встретился. Около часа ночи он по-прежнему сидел за кухонным столом, читая Библию Харриет, и вдруг услышал шум мотора – мост на большой скорости пересекала машина. В кухонном окне он увидел, как промелькнул проблесковый маячок «Скорой помощи».

Понимая, что это не к добру, Микаэль выскочил на улицу и кинулся вслед за «Скорой». Та остановилась у дома Хенрика Вангера. На первом этаже повсюду горел свет, и Микаэль сразу понял: что-то случилось. Он в два прыжка преодолел лестницу, ведущую в дом, и в холле увидел растерянную Анну Нюгрен.

– Сердце, – сказала она. – Он разбудил меня и пожаловался на боль в груди, а потом упал.

Микаэль обнял домоправительницу.

Персонал «Скорой» вынес из дома носилки, на которых неподвижно лежал Хенрик Вангер. Следом появился обеспокоенный Мартин. Он уже успел лечь спать, когда раздался звонок Анны, и теперь был в тапках на

босу ногу и с незастегнутой ширинкой. Мартин едва кивнул Микаэлю и обратился к Анне:

– Я поеду с ним в больницу. Позвоните Биргеру и Сесилии. И сообщите Дирку Фруде.

– Я могу сходить к Фруде, – предложил Микаэль.

Анна растроганно кивнула.

После полуночи обычно являются с недобрыми вестями, думал Блумквист, давя пальцем на кнопку звонка. Прошло несколько минут, прежде чем в дверях появился заспанный адвокат.

– У меня плохие новости. Хенрика Вангера только что увезли в больницу. Похоже, инфаркт. Мартин просил сообщить вам.

– О господи! – вздохнул Дирк Фруде.

Он взглянул на наручные часы и растерянно добавил:

– Пятница, тринадцатое…

Микаэль вернулся к себе домой около половины третьего ночи. После некоторых раздумий он решил отложить разговор с Эрикой до утра.

Только в десять утра, поговорив по мобильному телефону с Дирком Фруде и убедившись в том, что Хенрик Вангер по-прежнему жив, он позвонил Эрике и сообщил, что нового совладельца «Миллениума» отвезли в больницу с инфарктом. Как и следовало ожидать, эта новость очень расстроила и встревожила ее.

Поздно вечером к Микаэлю явился Дирк Фруде и подробно рассказал о состоянии Хенрика Вангера.

– Он жив, но больше ничем порадовать не могу. Он перенес обширный инфаркт и плюс ко всему еще и подхватил какую-то инфекцию.

– Вы его видели?

– Нет. Он лежит в реанимации, рядом с ним находятся Мартин и Биргер.

– Каковы его шансы?

Адвокат махнул рукой.

– Если он смог пережить инфаркт, то это уже добрый знак. У Хенрика вообще-то завидное здоровье. Но и возраст у него тоже серьезный… Посмотрим.

Они немного посидели молча, раздумывая над тем, как непрочна человеческая жизнь. Микаэль налил кофе. Фруде выглядел подавленным.

– Я вынужден спросить, что же будет дальше, – произнес Блумквист.

Дирк взглянул на него:

– Условия вашей работы не меняются. Они оговорены в контракте,

действующем до конца года, независимо от того, будет ли жив Хенрик Вангер. Для беспокойства нет причин.

– Я не беспокоюсь об условиях, я имел в виду совсем другое. Меня интересует, перед кем мне отчитываться в его отсутствие.

Дирк Фруде вздохнул.

– Микаэль, вы знаете не хуже меня, что вся эта история с Харриет для Хенрика была своего рода хобби.

– Не согласен.

– Что вы имеете в виду?

– Я обнаружил новые факты и обстоятельства, – сказал Микаэль. – Вчера я проинформировал об этом Хенрика. Боюсь, что это могло спровоцировать инфаркт.

Дирк Фруде изумленно посмотрел на Микаэля:

– Вы шутите.

Тот покачал головой.

– За последние дни я раскопал больше данных об исчезновении Харриет, чем все официальное расследование за последние тридцать лет. Но сейчас я понимаю: моя проблема заключается в том, что мы не обговорили, перед кем я должен отчитываться в отсутствие Хенрика.

– Ну, если вас устроит моя кандидатура…

– Вполне. Ведь мне нельзя останавливаться на достигнутом. У вас есть немного времени?

Микаэль решил преподнести информацию о своих открытиях в наиболее доступной форме. Он продемонстрировал серию снимков с Йернвегсгатан и изложил свою концепцию. Затем объяснил, как его дочь раскрыла тайну телефонной книжки. А под конец упомянул про жестокое убийство Ребекки Якобссон в 1949 году.

Правда, Блумквист утаил то, что сумел разглядеть лицо Сесилии Вангер в окне комнаты Харриет. Он предпочитал сам поговорить с нею, прежде чем бросить на Сесилию тень подозрения.

Дирк Фруде выглядел озабоченным. Услышанное озадачило его.

– Вы полагаете, что убийство Ребекки имеет отношение к исчезновению Харриет?

– Не знаю. На первый взгляд, это выглядит невероятным. Но невозможно отмахнуться от факта: Харриет записала в телефонной книжке инициалы «РЯ», а также сослалась на закон о сожжении жертвы. Ребекку Якобссон сожгли. Связь с семьей Вангеров несомненна – убитая работала в концерне «Вангер».

– А как вы сами все это объясняете?

– Пока никак. Но я двинусь дальше. Вы теперь представляете интересы Хенрика, и вам придется принимать решения за него.

– Возможно, следует поставить в известность полицию?

– Нет. Во всяком случае, без разрешения Хенрика мы не будем этого делать. Дело об убийстве Ребекки закрыто за давностью лет, и полицейское расследование прекращено. Никого уже не интересует убийство, совершенное пятьдесят четыре года назад.

– Понимаю… Но вы-то что собираетесь делать?

Микаэль встал и прошелся по кухне.

– Во-первых, я хочу проверить свою версию с фотографией. Если мы узнаем, что увидела Харриет… думаю, это сможет стать подсказкой к дальнейшим изысканиям. Во-вторых, мне нужна машина, чтобы добраться до Нуршё и посмотреть, куда приведет этот след. И, в-третьих, нужно проверить цитаты из Библии. Мы уже связали одну цитату со страшным отвратительным убийством. Остается еще четыре. Вот тут-то мне и понадобится помощь.

– Помощь? Но в каком плане?

– Мне требуется ассистент в расследовании – помощник, который сможет перекопать старые пресс-архивы и отыскать Магду, Сару и остальных, кого перечислила Харриет. Если я прав, то Ребекка – не единственная жертва.

– Вы хотите сказать, что придется посвятить еще кого-то…

– Да. Просто в ходе работы неожиданно выяснилось, что необходимо провести колоссальную архивную работу. Если бы я был полицейским и занимался расследованием, то смог бы распределить время и ресурсы и отрядить сотрудников рыться в бумагах. Мне нужен профессионал, который умеет работать в архивах, и в то же время надежный и заслуживающий доверия.

– Понял… Вообще-то я знаю одного компетентного исследователя, – сказал Дирк Фруде. – Она, в частности, занималась составлением вашего досье…

В ту же минуту он сообразил, что сказал лишнее.

– Кто занимался… и чем? – спросил Микаэль Блумквист с металлом в голосе.

«Видимо, старею», – подумал Фруде, а вслух сказал:

– Я просто размышлял вслух. Не обращайте внимания.

– Вы собирали на меня персональное досье?

– Но это же вполне стандартная ситуация, Микаэль. Мы хотели нанять вас и проверяли, кто вы и что вы.

– Так вот почему мне всегда казалось, что Хенрик Вангер знает обо мне буквально все… И насколько же обстоятельным было это досье?

– Весьма обстоятельным.

– Значит, там излагались и проблемы «Миллениума»?

Дирк Фруде пожал плечами:

– Тогда это было актуально.

Микаэль закурил сигарету, уже пятую за этот день. Снова он становится курильщиком…

– Полагаю, что досье изложено в письменной форме?

– Микаэль, поверьте, там нет ничего из ряда вон выходящего.

– Я хочу прочитать его.

– Дорогой мой, там и вправду нет ничего особенного. Мы просто хотели проверить вас, прежде чем нанять на работу.

– Я хочу прочитать отчет, – повторил Микаэль.

– Только Хенрик может дать разрешение на это.

– Неужели? Что ж, тогда имейте в виду: отчет должен быть у меня в руках в течение часа. Если я не получу его, то немедленно самоотстраняюсь от работы и уезжаю в Стокгольм ночным поездом. Где отчет?

Дирк Фруде и Микаэль Блумквист несколько секунд смотрели друг на друга. Потом старый адвокат вздохнул и опустил глаза.

– У меня дома, в кабинете.

История Харриет Вангер, безусловно, оказалась самой загадочной из всех, какими Блумквисту вообще приходилось заниматься. В принципе, весь последний год, начиная с того момента, как он опубликовал материал о Хансе Эрике Веннерстрёме, превратился для него в американские горки, где самыми популярными участками стали крутые спуски. И похоже, что конца этим приключениям не было видно.

Дирк Фруде возился очень долго. Лишь в шесть вечера досье Лисбет Саландер оказалось в руках Микаэля. Оно включало примерно восемьдесят страниц собственно отчета и сто страниц копий – статьи, аттестаты и прочие документы, детально освещавшие жизнь Микаэля.

Было непривычно читать о самом себе текст, который при ближайшем рассмотрении оказался произведением, написанным в жанре синтеза биографии и служебного расследования. Микаэля поразила подробность отчета. Лисбет Саландер раскопала такие детали и эпизоды, которые, как он думал, были навеки погребены в недрах истории. Она добралась до его юношеской связи с женщиной, которая тогда была пламенной

синдикалисткой, а теперь стала респектабельным политиком.

Черт побери, интересно, кто же ей все это выдал?

Она даже разыскала его рок-группу «Бутстрэп», которая сегодня предана забвению, и провела доскональный анализ его финансовой ситуации.

Как ей это удалось?

Журналист Микаэль Блумквист и сам много лет раскапывал информацию о самых разных людях и мог чисто профессионально оценить качество ее работы. Так что он оценил Лисбет Саландер как первоклассную ищейку. Микаэль даже усомнился, что сам смог бы собрать такое классное досье о совершенно незнакомом ему человеке.

Он также был вынужден констатировать, что им с Эрикой вовсе не обязательно было соблюдать деликатную дистанцию в общении с Хенриком Вангером, который уже во всех подробностях знал об их многолетних отношениях и любовном треугольнике с участием Грегера Бекмана. Лисбет Саландер сумела еще и на редкость точно оценить финансовое состояние «Миллениума». Так что вступая в контакты с Эрикой и предлагая свое участие, Хенрик прекрасно знал, что их дела обстоят не просто плохо, а из рук вон плохо.

Какую же игру на самом деле затеял Хенрик Вангер?

О деле Веннерстрёма в досье упоминалось лишь вскользь, но автор досье, несомненно, присутствовала в качестве зрителя на одном из судебных заседаний. И ее немало удивило поведение Микаэля, когда тот отказался выступать на процессе.

А девица-то не промах, кем бы она ни была.

Продолжая листать досье на самого себя, Микаэль даже вздрогнул. Лисбет Саландер коротко излагала свою версию дальнейшего развития событий после суда. Она почти дословно воспроизвела пресс-релиз, который они с Эрикой разослали, когда Микаэль покинул пост ответственного редактора «Миллениума».

Лисбет Саландер использовала его собственный черновик.

Микаэль взглянул на обложку отчета. Тот был датирован тремя днями раньше, чем он получил на руки постановление суда.

Это просто нереально.

В тот день пресс-релиз физически находился лишь в одном-единственном месте на свете – в личном компьютере Микаэля. Даже не в рабочем компьютере в редакции, а в его личном лэптопе. Он никогда не распечатывался. Даже Эрика Бергер не имела копии, хотя они и обсуждали его общем и целом.

Ошеломленный Микаэль положил отчет Лисбет Саландер на стол. Он решил больше не курить. Вместо этого надел куртку и вышел прогуляться. Стояла светлая ночь – до дня летнего солнцестояния оставалась неделя. Блумквист не спеша шел вдоль берега пролива, мимо дома Сесилии и шикарной яхты рядом с виллой Мартина, погруженный в раздумья. Под конец он присел на камень и уставился на огни бакенов в бухте Хедестада. Из всего этого напрашивался только один вывод.

– Вы залезли в мой компьютер, фрёкен Саландер, – сказал он вслух. – Ах ты, чертова хакерша…

Глава 18
Среда, 18 июня

Лисбет с трудом отходила после тяжелого забытья. Ее подташнивало. И даже не обязательно было поворачивать голову, чтобы понять: Мимми уже ушла на работу. Но ее запах все еще чувствовался в спертом воздухе спальни. Накануне в кафе, на еженедельной встрече с «Перстами дьявола», которые устраивались по вторникам, Лисбет выпила слишком много пива. Мимми появилась перед самым закрытием, и потом они вместе отправились домой – и в койку.

В отличие от Мимми, Лисбет Саландер никогда всерьез не считала себя лесбиянкой. И не задумывалась над тем, к какому клану себя причислить: к гетеросексуалам, гомосексуалам или, возможно, к бисексуалам. Вопросы этикета нисколько не занимали ее, и она считала, что никого не касается, с кем она спит ночью. Если бы все же ей пришлось заявить о своих сексуальных преференциях, то она отдала бы предпочтение парням – во всяком случае, они лидировали в ее рейтинге. Но проблема заключалась лишь в том, чтобы найти парня, который не был бы недоумком, но при этом годился бы на что-нибудь в постели. А Мимми удавалось ее зажечь, и отношения с ней Лисбет считала весьма недурным компромиссным вариантом. Она встретила Мимми год назад в пивном павильоне на «Европрайде», фестивале секс-меньшинств, и только ее единственную Лисбет сама привела к «Перстам дьявола». В прошлом году они встречались время от времени, но их отношения по-прежнему оставались для обеих лишь приятным времяпрепровождением. К теплому и мягкому телу Мимми было так здорово прижиматься. К тому же Лисбет нравилось просыпаться и завтракать вместе с нею.

Часы на ночном столике показывали половину десятого утра. Лисбет все еще пыталась понять, что же ее разбудило, как в дверь снова позвонили. Девушка озадаченно села. Обычно никто не посещал ее в такое время суток. Да и вообще в ее дверь звонили редко. Наполовину сонная, Саландер завернулась в простыню, слегка покачиваясь, направилась в прихожую и открыла дверь.

И встретилась взглядом с Микаэлем Блумквистом.

Почему-то ее охватила паника, и она инстинктивно отступила назад.

– Доброе утро, фрёкен Саландер, – дружелюбно поздоровался тот. – Я понимаю, что вчера вы поздно пришли домой. Могу я войти?

Не дождавшись разрешения, журналист переступил через порог и закрыл за собой дверь. Пока он с любопытством разглядывал сложенную на полу прихожей кучу одежды и горы пакетов с газетами, параллельно косясь на дверь спальни, Лисбет Саландер никак не могла сообразить – как, что, кто? Блумквист с улыбкой смотрел на ее широко открытый рот.

– Кажется, ты еще не завтракала, поэтому я прихватил с собой бейглы. Один с ростбифом, один с индейкой и дижонской горчицей и один вегетарианский, с авокадо. Я не знаю, что ты любишь. Ростбиф?

Он исчез на кухне, с ходу нашел ее кофеварку и крикнул:

– Где у тебя тут кофе?

Саландер стояла в прихожей как парализованная, пока не услышала звук льющейся воды, и в три шага оказалась на кухне.

– Стой!

Она почувствовала, что кричит, и понизила голос.

– Ты врываешься сюда и распоряжаешься так, словно живешь тут, черт бы тебя побрал! А ведь мы даже не знакомы.

Микаэль остановился, держа кувшин над кофеваркой, и, повернув к ней голову, ответил без всякого юмора в голосе:

– Неправда. Ты знаешь меня лучше, чем большинство других людей. Не отпирайся!

Он повернулся к ней спиной, долил воду в кувшин, а затем начал открывать банки на кухонном столе.

– Кстати, я знаю, как и чем ты занимаешься. Я узнал твои тайны.

Лисбет Саландер прикрыла глаза. Ей очень хотелось бы, чтобы пол перестал раскачиваться у нее под ногами. Она находилась в состоянии интеллектуального паралича, никак не могла отойти от похмелья. Ситуация была совершенно нереальной, и ее мозг отказывался работать. Раньше она никогда не сталкивалась ни с кем из своих объектов лицом к лицу.

Он знает, где я живу!

Он стоит посреди ее кухни. Это невозможно. Такого просто не может быть.

Он знает, кто я!

Лисбет обнаружила, что простыня сползла, и обмотала ее потуже. Блумквист что-то сказал, но она не сразу его поняла.

– Нам надо поговорить, – повторил он. – Но думаю, ты сперва захочешь принять душ.

Она решила действовать напрямую.

– Слышь, если ты явился сюда, чтобы устроить скандал, то обратился

не по адресу. Я только выполняла поручение. Тебе нужно поговорить с моим шефом.

Микаэль встал перед ней и поднял руки ладонями вперед. *Я безоружен*. Универсальный жест доброй воли.

– С Драганом Арманским я уже побеседовал. Он, кстати, просил, чтобы ты ему позвонила, а то вчера вечером твой мобильник не отвечал.

Блумквист приблизился к ней. Никакой угрозы он для нее не представлял, она это сразу почувствовала, но все же отступила на несколько сантиметров, когда он коснулся ее руки и указал на дверь ванной. Ей не нравится, когда ее трогают без ее разрешения, пусть даже и с дружескими намерениями.

– Я не собираюсь устраивать никаких скандалов, – сказал он спокойно. – Но я очень хотел бы с тобой поговорить. Когда ты, конечно, проснешься. Пока ты будешь одеваться, кофе как раз подоспеет. Так что марш в душ! Бегом!

Она безвольно подчинилась.

«Лисбет Саландер никогда не бывает безвольной», – тут же подумала она.

Уже в ванной комнате девушка прислонилась к двери и попробовала сосредоточиться. Лисбет, конечно, испытала настоящее потрясение. Она от себя такого даже не ожидала. Вообще-то она только сейчас почувствовала, что у нее вот-вот лопнет мочевой пузырь и что после ночных эскапад душ – не просто удачная идея, а настоятельная необходимость.

Лисбет привела себя в порядок, проскользнула в спальню, натянула на себя трусы, джинсы и футболку с надписью «Armageddon was yesterday – today we have a serious problem»[78].

Секунду помешкав, она отыскала брошенную на стул кожаную куртку. Затем достала из кармана электрошокер, убедилась, что он заряжен, и сунула в задний карман джинсов. Запах кофе уже витал по всей квартире. Лисбет сделала глубокий вдох и снова вышла на кухню.

– Ты что, никогда здесь не убираешь? – произнес Блумквист вместо приветствия.

Он заполнил раковину грязной посудой, вытряхнул пепельницы, выбросил старые пакеты из-под молока, очистил стол от скопившихся за пять недель газет, вытер, поставил на него кофейные чашки и разложил бейглы, которые, как оказалось, и в самом деле принес. Все это выглядело очень привлекательно, а после ночи с Мимми Лисбет и впрямь чертовски проголодалась.

«Что ж, посмотрим, чем все это закончится».

Саландер уселась напротив и вопросительно уставилась на него.

– Ты мне так и не ответила. Ростбиф, индейка или авокадо?

– Ростбиф.

– Тогда я возьму индейку.

Они завтракали молча, рассматривая друг друга со взаимным интересом. Она съела свой бейгл и умяла еще оставшуюся половину вегетарианского. Потом взяла с подоконника мятую пачку и вытащила сигарету.

– Ну хорошо, кое-что я теперь знаю, – сказал Микаэль, прервав молчание. – Я, возможно, не такой крутой охотник за персональной информацией, как ты, но тем не менее теперь знаю, что ты не из касты веганов[79] и не страдаешь анорексией, как считает Дирк Фруде. Так что я смогу занести эти сведения в свое досье о тебе.

Саландер уставилась на него с изумлением, но по его лицу поняла, что он над ней подшучивает. У Микаэля был такой веселый и разудалый вид, что она решила не грубить ему и одарила его кривой улыбкой. Ситуацию при всем желании трудно было бы назвать стандартной. Она отодвинула от себя тарелку. А у него, кстати, вполне дружелюбный взгляд. Кем бы он ни был, у него, вероятно, нет дурных помыслов, решила Лисбет. Судя по тем данным, которые она о нем раздобыла, ничто не указывало на то, что он злодей, способный жестоко обращаться со своими подружками, или что-то подобное. Ведь это она знает о нем все, а не наоборот, вспомнила девушка.

Знание – это власть.

– Ну и чего ты тут выпендриваешься? – спросила она.

– Прости, пожалуйста. Честно говоря, я не собирался появиться здесь таким образом и не хотел тебя пугать. Но видела бы ты свое лицо, когда открывала мне дверь… Ты была неподражаема. Я не удержался и решил немного тебя разыграть.

Они помолчали. К своему удивлению, Лисбет вдруг обнаружила, что общество этого незваного гостя кажется ей приемлемым; во всяком случае, он не вызывает у нее отвращения.

– Так что можешь считать мое вторжение моей страшной местью за то, что ты копалась в моей личной жизни, – сказал он миролюбиво. – Ты меня боишься?

– Нет, – ответила Саландер.

– Отлично. Я пришел к тебе не для того, чтобы навредить тебе или устроить скандал.

– Если ты попытаешься навредить мне, я тебя покалечу. Без шуток.

Микаэль оглядел ее. Она была ростом примерно полтора метра и вряд ли могла бы оказать ему серьезное сопротивление, если бы он ворвался к ней в квартиру с целью учинить насилие. Но лицо ее не выражало никаких эмоций.

– Это не имеет смысла, – сказал он наконец. – У меня нет никаких дурных намерений. Мне надо с тобой поговорить. Если хочешь, чтобы я ушел, только скажи.

Блумквист на секунду задумался.

– Все это кажется забавным… – Он не договорил.

– Что именно?

– Хочешь верь, хочешь не верь, но еще четыре дня назад я не знал о твоем существовании. А потом прочел то, что ты обо мне написала…

Он покопался в сумке и нашел отчет.

– Это, конечно, не развлекательное чтиво… – Он замолчал и некоторое время смотрел в кухонное окно. – Можно стрельнуть у тебя сигарету?

Лисбет кинула ему пачку.

– Ты сказала, что мы не знаем друг друга, а я ответил, что, конечно же, знаем. – Микаэль кивнул на отчет. – Я пока не поспеваю за тобой – всего лишь провел дежурную разыскную работу, чтобы раздобыть твой адрес, год рождения и тому подобное. Но ты определенно знаешь обо мне более чем достаточно. Причем много такого, что носит сугубо личный характер и известно только самым близким моим людям. А теперь я сижу у тебя на кухне и ем с тобой бейглы. Мы познакомились только полчаса назад, а у меня вдруг возникло ощущение, что мы знакомы уже не один год. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она кивнула.

– У тебя красивые глаза, – сказал он.

– А у тебя милые глаза, – ответила она.

Микаэль не мог понять, иронизирует она или нет.

Они снова помолчали.

– Зачем ты явился сюда? – наконец спросила она.

Калле Блумквист – она вспомнила его прозвище и чуть было не произнесла его вслух – вдруг сделался серьезным. В его взгляде сквозила усталость. Самоуверенность, которую он продемонстрировал в самом начале, когда только-только к ней ворвался, куда-то испарилась. И она сделала вывод, что паясничанье закончилось, или, по крайней мере, отложено на время. Теперь Блумквист вдруг стал серьезным и внимательно ее разглядывал. Она, конечно, не могла знать, что творится у него в голове. Но теперь она уже не сомневалась – он явился не просто так. Все очень

серьезно.

Лисбет Саландер понимала, что спокойствие ее лишь напускное и она не может полностью справиться с нервным напряжением. Неожиданный визит Блумквиста буквально потряс ее – такого в ее работе прежде никогда не случалось. Она шпионила за людьми и таким образом зарабатывала себе на хлеб. Лисбет, собственно, никогда не считала настоящей работой задания, которые ей поручал Драган Арманский. Ей казалось, что она скорее посвящает время какому-то хобби, которое требует некоторых усилий.

А все дело в том, что ей нравилось копаться в жизни других людей и разоблачать тайны, которые они пытаются скрыть. Так или иначе, Саландер занималась этим столько, сколько себя помнила. И продолжала заниматься этим по сей день – кстати, не только по поручению Арманского, но порой и просто ради собственного удовольствия, ради адреналина. Это напоминало ей заумную компьютерную игру, только здесь речь шла о живых людях. А теперь вдруг персонаж из ее компьютерных хобби сидит на кухне и угощает ее бейглами… Ситуация казалась абсурдной.

– Вот какое дело, – сказал Микаэль. – Скажи, когда ты собирала обо мне досье для Дирка Фруде… ты знала, как его собираются использовать?

– Нет.

– Информация обо мне потребовалась потому, что Фруде – вернее, его клиент – хотел нанять меня на временную работу.

– Ясно.

Блумквист улыбнулся.

– Когда-нибудь мы с тобой обсудим моральные аспекты копания в чужой личной жизни. Но сейчас у меня совершенно другая проблема… Работа, которую мне поручили и за которую я взялся по какой-то неведомой мне самому причине, безусловно, самая эксцентричная из всего того, чем мне до сих пор приходилось заниматься. Лисбет, я могу тебе доверять?

– В смысле?..

– Драган Арманский считает, что на тебя можно полностью полагаться. Но я все же хочу спросить тебя саму. Могу я доверять тебе тайны и быть уверенным в том, что ты о них никому не расскажешь?

– Погоди. Значит, ты говорил с Драганом. Так это он прислал тебя сюда?

Я убью тебя, чертов безмозглый армяшка.

– Не совсем. Ты ведь не единственная, кто умеет добывать чужие адреса, и я проделал это совершенно самостоятельно. Я поискал тебя в

разделе регистрации по месту жительства. Там значатся три женщины по имени Лисбет Саландер, и две другие мне явно не подходили. Но вчера я общался с Арманским, и мы с ним долго беседовали. Он тоже сначала решил, что я собираюсь учинить скандал из-за того, что ты сунула нос в мою личную жизнь, но в конце концов я убедил его, что у меня совершенно другие цели.

– Ну и какие же у тебя цели?

– Как я уже сказал, клиент Дирка Фруде нанял меня для работы. И теперь я на таком этапе, что мне нужна помощь компетентного и оперативного охотника за информацией. Фруде рассказал мне о тебе, утверждая, что ты как раз подходишь под эти параметры. Просто он случайно проговорился, и я узнал о том, что ты собирала сведения обо мне. Вчера я беседовал с Арманским и объяснил ему, что мне надо. Он дал добро и попытался до тебя дозвониться, но ты так и не ответила, – поэтому я здесь. Если хочешь, можешь позвонить своему шефу и проверить.

На поиски мобильного телефона под кучей одежды, которую накануне Мимми помогла ей с себя стянуть, ушло немало времени. Микаэль с любопытством наблюдал за Лисбет, которая не могла ничего найти в собственной квартире. Ее мебель производила такое впечатление, будто принесена с помойки. Зато на маленьком рабочем столике в гостиной Блумквист заметил дорогостоящий лэптоп, последнее слово техники. На полке стоял CD-проигрыватель, но коллекция дисков казалась случайной – жалкий десяток альбомов каких-то групп, о которых Микаэль даже не слышал, а музыканты на обложках напоминали вампиров из космического пространства. Он решил, что музыка – не ее стихия.

Обнаружив телефон, Лисбет убедилась, что Арманский звонил ей как минимум семь раз накануне вечером и два раза утром. Она набрала его номер, а Микаэль прислонился к дверному косяку и стал прислушиваться к разговору.

– Это я… Извини, но он был отключен… Я знаю, что он хочет меня нанять… Нет, он сейчас у меня в гостиной… – Она повысила голос. – Драган, я с бодуна, у меня башка трещит, так что кончай трепаться. Ты дал добро на работу или нет?.. Спасибо.

Щелк.

Через дверь гостиной Лисбет покосилась на Блумквиста. Тот перебирал ее пластинки, снимал с полки книги и как раз обнаружил коричневый медицинский пузырек без этикетки и с любопытством поднес его к свету. Когда он собрался открутить пробку, Лисбет отобрала у него пузырек, вернулась на кухню, села на стул и начала массировать себе лоб.

Микаэль снова уселся напротив нее.

– Правила просты, – сказала она. – Все наши с тобой переговоры, со мной или с Драганом Арманским, не станут достоянием окружающих. Мы подпишем контракт, по которому «Милтон секьюрити» гарантирует конфиденциальность. Прежде чем решить, возьмусь я за работу или нет, я хочу знать, в чем она состоит. Я сохраню в тайне все, о чем ты мне расскажешь, независимо от того, возьмусь ли я за эту работу или нет. А если возьмусь, то при условии, что это не имеет отношения к криминалу. А если имеет, то мне придется доложить Драгану, а он, в свою очередь, известит полицию.

– Отлично. – Микаэль замялся. – Арманский, возможно, не совсем понял, для чего я хочу тебя нанять…

– Он сказал, что ты хочешь, чтобы я помогла тебе с каким-то историческим расследованием.

– Да, верно. Но я хочу, чтобы ты помогла мне вычислить убийцу.

Больше часа Микаэль излагал все детали запутанной истории Харриет Вангер. Он ничего не утаил. Фруде дал ему разрешение нанять Саландер, а чтобы сделать это, Блумквист должен был ей полностью довериться.

Микаэль рассказал даже о своей связи с Сесилией Вангер и о том, как признал ее лицо в окне Харриет на старом фотоснимке. Он поделился с Лисбет всем, что разузнал об этой женщине. Журналист и сам уже понимал, что Сесилия переместилась в самое начало списка подозреваемых. Правда, он пока никак не мог понять, каким образом она могла быть связана с тем первым убийством, совершенным в то время, когда она была еще маленьким ребенком.

Напоследок он дал Лисбет Саландер копию списка из телефонной книжки Харриет.

Магда – 32016
Сара – 32109
РЯ – 30112
РЛ – 32027
Мари – 32018

– Что я должна сделать, как ты считаешь?

– Я выяснил, что РЯ – это Ребекка Якобссон, и связал ее гибель с библейской цитатой, где говорится о сожженной жертве. Ее убили, сунув головой в догорающий костер, что очень напоминает именно этот

фрагмент. Если я окажусь прав, то мы обнаружим еще четыре жертвы: Магду, Сару, Мари и РЛ.

– Ты думаешь, что они мертвы? Их убили?

– Да. Какой-то убийца действовал в пятидесятые и, возможно, в шестидесятые годы. И каким-то образом все это связано с Харриет Вангер. Я пролистал архив газеты «Хедестадс-курирен». Пока мне удалось только обнаружить, что убийство Ребекки – единственное кошмарное преступление, связанное с Хедестадом. Я хочу, чтобы ты продолжила поиски в других частях Швеции.

Лисбет Саландер надолго замолчала. Микаэль ждал ее ответа и нетерпеливо ерзал на стуле. А вдруг он ошибся в ней…

Наконец она подняла взгляд.

– Хорошо. Я берусь за эту работу. Но ты должен подписать контракт с Арманским.

Драган Арманский распечатал контракт, который Микаэлю Блумквисту следовало отвезти в Хедестад на подпись Дирку Фруде. Вернувшись к кабинету Саландер, он через стекло увидел, что они с Микаэлем Блумквистом стоят, склонившись над ее лэптопом. Микаэль положил руку ей на плечо – *он ее коснулся!* – и что-то ей показывал. Арманский замедлил шаг.

Журналист сказал что-то, привлекшее внимание Лисбет. В ответ она громко засмеялась.

Драган никогда прежде не слышал ее смех, хотя несколько лет пытался завоевать ее доверие. Микаэль Блумквист знал ее всего пять минут – а она уже смеялась…

Внезапно Арманский воспылал ненавистью к Микаэлю Блумквисту – такой сильной, что даже сам удивился. Открывая двери, он на всякий случай кашлянул и положил перед ними пластиковую папку с контрактом.

После обеда Микаэль успел ненадолго заскочить в редакцию «Миллениума». Он зашел туда впервые после того, как перед Рождеством забрал свои вещи, и столь хорошо знакомая лестница вдруг почему-то показалась ему чужой. Код замка не изменили, и Микаэль смог незамеченным проскользнуть в дверь редакции. Он немного постоял, оглядываясь и заново привыкая.

Офис «Миллениума» имел форму буквы «L». Прямо сразу за входом располагался просторный холл, которому не находилось почти никакого применения, и они расположили здесь диван и два кресла, чтобы

принимать посетителей. За диваном находились столовая с мини-кухней, туалеты и два чулана с книжными полками и архивом. Там стоял также письменный стол для приходящих практикантов. Справа от входа в редакцию стеклянная стена отделяла рабочее пространство Кристера Мальма. Его собственная фирма тоже располагалась здесь, занимая восемьдесят квадратных метров и имея собственный вход с лестницы. Слева приблизительно на ста пятидесяти квадратных метрах располагалось помещение непосредственно редакции, со стеклянным фасадом, выходившим на Гётгатан.

Интерьерами занималась Эрика. Это она решила установить застекленные перегородки, которыми отделялись три персональных кабинета. Все остальные сотрудники находились в общем офисном помещении. Себе она выбрала самый просторный кабинет, в глубине редакции, а Микаэля разместила в другом конце офиса. Его кабинет оказался единственным, куда можно было заглянуть, никуда не сворачивая. Микаэль отметил, что в его рабочее помещение так никто и не переехал.

Третий кабинет находился чуть подальше, и его занимал шестидесятилетний Сонни Магнуссон, который несколько лет занимался рекламой в «Миллениуме». В компании, где он проработал бо́льшую часть жизни, затеяли сокращения, и Сонни остался без работы. Вот тогда-то Эрика и встретила его. К тому времени Сонни пребывал в таком возрасте, что уже не рассчитывал найти себе постоянную работу. Эрика схватила его за шкирку, предложила небольшую ежемесячную зарплату и проценты с доходов от рекламы. Санни согласился, и ни одна из сторон не пожалела об этом.

Однако в последний год его опыт уже не спасал, и доходы от рекламы резко сократились, а вместе с ними и ужалась зарплата Сонни. Но он не искал себе другую работу, а потуже затянул пояс и великодушно остался на своем посту.

«В отличие от меня, ставшего причиной этой катастрофы», – подумал Микаэль.

Наконец он собрался с духом и вошел в полупустую редакцию. Эрика сидела в своем кабинете, прижав к уху телефонную трубку. Кроме нее, на рабочих местах находились еще двое. Одна из них, Моника Нильссон, тридцати семи лет, журналист общего профиля, специализировалась на освещении политических событий и являлась, вероятно, самым искушенным и циничным журналистом из всех, кого Микаэль когда-либо встречал. Она проработала в «Миллениуме» девять лет, и ей здесь очень

нравилось. Двадцатичетырехлетний Хенри Кортез, самый юный сотрудник редакции, появился у них два года назад в качестве практиканта, прямо после Высшей школы журналистики, и заявил, что хочет работать только в «Миллениуме». Из-за усеченного бюджета Эрика не могла зачислить его в штат, но предложила ему письменный стол в углу и постоянно снабжала работой.

При виде Микаэля оба, издав радостные возгласы, бросились к нему, расцеловали его в щеки и похлопали по спине. Они с ходу спросили, не собирается ли он вернуться на работу, и разочарованно вздохнули, когда Блумквист объяснил, что его командировка в Норрланд продлится еще полгода и что он зашел только поприветствовать всех и пообщаться с Эрикой.

Бергер тоже очень обрадовалась встрече. Налив обоим кофе и закрыв дверь кабинета, первым делом она поинтересовалась состоянием Хенрика Вангера. Микаэль объяснил, что его единственный источник информации – Дирк Фруде. По словам адвоката, старик пока жив, но находится в тяжелом состоянии.

– А ты что здесь делаешь?

Микаэль почему-то смутился. Он заходил в «Милтон секьюрити», всего в нескольких кварталах от редакции, и зашел сюда, просто поддавшись порыву. Сейчас ему не хотелось объяснять Эрике, что он нанял частного консультанта, который не так давно взламывал его компьютер. Поэтому Блумквист пожал плечами и сказал, что ему пришлось приехать в Стокгольм по делу, связанному с Вангером, и что ему нужно сразу же возвращаться обратно. Он спросил, как идут дела в редакции.

– Есть обнадеживающие новости – объем рекламы увеличивается, число подписчиков растет. Но вместе с тем не могу умолчать об одном досадном обстоятельстве.

– То есть?

– Я беспокоюсь по поводу Янне Дальмана.

– Ну да, я догадываюсь…

– Мне пришлось провести с ним беседу в апреле, сразу после того, как мы сообщили, что Хенрик Вангер стал совладельцем. Не знаю, то ли он ко всему настроен исключительно негативно в силу своего характера, то ли тут что-то посерьезнее… Может, он ведет двойную игру?

– Но что же все-таки случилось?

– Я больше не могу ему доверять. Когда мы подписали соглашение с Хенриком Вангером, нам с Кристером предстояло выбрать: либо тотчас информировать всю редакцию о том, что теперь мы уже точно не закроемся

к осени, либо…

– Либо информировать сотрудников, но не всех, а избирательно.

– Вот именно. Возможно, я чересчур все утрирую, но мне не захотелось рисковать – мне показалось, что Дальман может проболтаться. Поэтому мы решили информировать всю редакцию в день, когда о соглашении будет объявлено официально. То есть мы молчали больше месяца.

– И что же потом?

– Вообще-то это была первая хорошая новость за год. И представь себе, все ликовали, кроме Дальмана. Понимаешь, мы ведь не самая крупная редакция в мире. В результате радовались три человека, плюс один практикант… А один страшно разозлился: мол, почему мы не сообщили о соглашении раньше…

– Он, наверное, обиделся…

– Я понимаю. Но дело в том, что он без конца муссировал эту тему, и поэтому в редакции воцарилось подавленное настроение. Через две недели после этого эпизода я вызвала его к себе в кабинет и призналась, что не доверяла ему и не хотела, чтобы он разболтал все раньше времени, и именно поэтому не проинформировала всю редакцию.

– И как он это воспринял?

– Конечно, он очень обиделся и рассердился. Но я не стала с ним церемониться и выдвинула ему ультиматум: либо он возьмет себя в руки, либо пусть ищет другую работу.

– А он что?

– Он взял себя в руки. Но ни с кем теперь не контачит. Между ним и остальной редакцией ощущается нервное напряжение. Кристер его не выносит и вполне откровенно демонстрирует это.

– И все-таки, в чем конкретно ты подозреваешь Дальмана?

Эрика вздохнула:

– Сама не знаю. Мы приняли его на работу год назад, когда уже поссорились с Веннерстрёмом. Доказательств у меня нет, но мне кажется, что он работает не на нас.

Микаэль кивнул:

– Возможно, ты права.

– А может, он просто попал не на свое место и поэтому деморализует всю редакцию…

– И такое может быть. Но в одном я с тобой согласен – напрасно мы наняли его.

Через двадцать минут Микаэль уже повернул на север от станции

«Слуссен» на машине, которую одолжил у супруги Дирка Фруде. Своим «Вольво» двадцатилетней давности она все равно не пользовалась, и Микаэлю предложили брать его когда угодно.

Возможно, Блумквист и не обратил бы внимания на эти мелочи и детали, не будь он столь бдителен. Пачка бумаг на столе слегка перекосилась, а одна папка высунулась с полки. Ящик письменного стола был задвинут до упора, а Микаэль точно помнил, что тот оставался немного приоткрытым, когда он накануне уезжал с острова в Стокгольм.

Журналист посидел какое-то время неподвижно, прикидывая, не изменяет ли ему память, но уже почти не сомневаясь, что кто-то похозяйничал в его доме.

Микаэль вышел на крыльцо и осмотрелся. Дверь он запирал, но она была оснащена стандартным допотопным замком, который ничего не стоит вскрыть небольшой отверткой; да и еще вопрос, сколько ключей от него раскиданы по разным местам. Он вернулся в дом и методично проверил кабинет, пытаясь выяснить, не пропало ли что-нибудь, и в результате убедился, что все вроде как на своих местах.

Однако факт оставался фактом – кто-то заходил в дом, кто-то сидел в его кабинете, кто-то просматривал бумаги и папки. Компьютер Блумквист возил с собой, так что до него они не добрались. Возникало, как минимум, два вопроса. Во-первых, кто это был? И во-вторых, многое ли удалось разнюхать этому таинственному посетителю?

Папки, которые находились на столе, были из коллекции Хенрика Вангера – Микаэль перенес их обратно в домик, когда вернулся из тюрьмы. Ничего нового в них не содержалось. В записях из блокнотов, лежавших на письменном столе, непосвященный не разобрался бы. Но тот, кто рылся в его бумагах, – был ли он и в самом деле непосвященным?

Однако посреди письменного стола лежала маленькая пластиковая папка, а в ней был список «телефонов» и аккуратно переписанные, в соответствии с цифрами, цитаты из Библии. Вот это уже серьезно. Тот, кто обыскивал кабинет, теперь знал о том, что Микаэль раскрыл библейский код.

Но кто это был?

Хенрик Вангер лежал в больнице. Домоправительницу Анну Микаэль не подозревал. Дирк Фруде? Но с ним он и так уже поделился всем, что знал. Сесилия, которая отменила поездку во Флориду и вернулась вместе с сестрой из Лондона? После ее приезда Микаэль с нею не встречался, но видел, как накануне она проехала на машине через мост. Мартин? Харальд?

Биргер? Тот ведь присутствовал на семейном совете, куда Микаэля не пригласили, через день после того, как у Хенрика случился инфаркт. Александр? Изабелла, самая антипатичная особа из всего семейства Вангеров?

С кем из них успел побеседовать Фруде? Что он им рассказал? И сколько ближайших родственников теперь в курсе того, что Микаэль раскрутил расследование по новой?

Часы показывали начало девятого вечера. Микаэль позвонил в круглосуточную ремонтную мастерскую в Хедестаде и попросил, чтобы ему врезали новый замок. Слесарь объяснил, что сможет приехать только на следующий день. Блумквист пообещал заплатить по двойному тарифу, если тот приедет немедленно. Они договорились, что слесарь появится около половины одиннадцатого и вставит новый цилиндровый замок.

В ожидании слесаря Микаэль около половины девятого отправился к Дирку Фруде. Жена хозяина усадила его в саду за домом и предложила холодного пива, которое Микаэль с удовольствием выпил. Ему хотелось разузнать, как дела у Хенрика Вангера.

Адвокат покачал головой.

– Его прооперировали. У него обызвествление коронарных сосудов. Врач говорит: тот факт, что он вообще жив, вселяет надежду, но в ближайшее время он, скорее всего, не сможет выйти из критического состояния.

Некоторое время они молча пили пиво, и каждый размышлял о своем.

– Вы с ним разговаривали?

– Нет. Он пока не в состоянии говорить. А как все прошло в Стокгольме?

– Лисбет Саландер согласилась. Вот контракт от Драгана Арманского. Подпишите и отправьте по почте.

Фруде просмотрел бумаги.

– А ее услуги стоят недешево, – заметил он.

– Думаю, что Хенрик не разорится.

Адвокат кивнул, достал из нагрудного кармана ручку и расписался.

– Лучше завизировать, пока Хенрик еще жив… Вам нетрудно дойти до почтового ящика у «Консума»?

Микаэль лег спать уже около полуночи, но заснуть сразу ему никак не удавалось. До сих пор его пребывание в Хедебю было связано с расследованием событий и эпизодов, уже канувших в омут истории. Но

если кто-то настолько заинтересовался его находками, что вторгся к нему в кабинет, то это прошлое, возможно, значительно ближе к настоящему, чем он считал.

Микаэль вдруг подумал, что его работа на семью Вангеров могла потревожить самых разных людей. Тот факт, что Хенрик неожиданно стал членом правления «Миллениума», вряд ли ускользнул от внимания Ханса Эрика Веннерстрёма. Или, может, все-таки у него начинается психоз? Паранойя?

Микаэль вылез из постели, встал нагишом возле кухонного окна и, задумчиво глядя на церковь, закурил сигарету.

Он думал о Лисбет Саландер, о ее оригинальном стиле общения с долгими паузами посреди разговора. В ее доме царил беспорядок, а если точнее, полный хаос – горы мешков с газетами в прихожей и грязь на кухне, которую уже год или больше не убирали. Одежда кучами валялась на полу, а вечер накануне она явно провела в кабаке. Да и ночь, судя по засосам на шее, провела явно не в одиночестве. Ее украшают многочисленные татуировки, на лице (а может, и в других местах, которых он не видел) – пирсинг. Короче говоря, личность она явно необычная.

С другой стороны, Арманский заверял его, что она – самый лучший его эксперт. Ее исчерпывающее досье на самого Микаэля, безусловно, свидетельствовало о том, что работать она умеет… Короче, самобытная девица, ничего не скажешь.

Лисбет Саландер сидела за компьютером и оценивала, какие впечатления у нее остались после встречи с Микаэлем Блумквистом. Никогда прежде за свою взрослую жизнь она не позволяла никому переступать порог своего дома без особого приглашения, а тех, кто все же удостоился такой чести, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Микаэль же ворвался в ее жизнь в качестве незваного гостя, а она даже не оказала ему должного сопротивления.

Так мало того – он еще и посмеялся над ней.

Обычно в таких случаях Лисбет снимала пистолет с предохранителя, пусть и мысленно. Но она не почувствовала с его стороны никакой угрозы или враждебности. У Блумквиста был повод устроить скандал или даже заявить на нее в полицию – ведь он догадался, что она взламывала его компьютер. А он даже это воспринял как шутку.

Они обменялись любезностями. Микаэль, казалось, сознательно не стал развивать эту тему, и она в конце концов не удержалась и начала сама:

– Ты сказал, что знаешь, как я действовала.

– Ты – хакер, и ты побывала в моем компьютере.

– А с чего ты это взял?

Лисбет не сомневалась в том, что не оставила никаких следов и что ее вторжение можно обнаружить только в том случае, если бы квалифицированный эксперт по безопасности сканировал жесткий диск в тот самый момент, когда она вторгалась в компьютер.

– Ты сама себя выдала.

Микаэль объяснил, что она процитировала вариант текста, который хранился исключительно в его компьютере, и больше нигде.

Лисбет Саландер долго сидела молча. А потом взглянула на него так, словно смотрит сквозь него.

– Но как ты это сделала? – спросил он.

– Это мой секрет… Ну и что ты со мной сделаешь?

Микаэль пожал плечами:

– А что я могу сделать? Возможно, мне следовало бы побеседовать с тобой об этике и морали и о том, как опасно рыться в чужой личной жизни…

– А разве журналисты не этим занимаются?

Блумквист кивнул:

– Да, конечно. Именно поэтому к журналистам приставили комиссию по этике, которая следит за моральными аспектами их деятельности. Если я пишу, например, о банковском афeристе, то не затрагиваю при этом его сексуальную жизнь. Или если женщина, которая подделывает чеки, лесбиянка или занимается сексом со своей собакой, я не пишу об этом. Даже самые отъявленные подонки имеют право на частную жизнь. Словом, лучше не влезать в частную жизнь и не высмеивать стиль жизни своих персонажей. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Понимаю.

– Следовательно, ты посягаешь на неприкосновенность моей персоны. Зачем, скажи, моему работодателю знать, с кем я занимаюсь сексом? Это касается только меня.

Лисбет Саландер усмехнулась:

– Ты считаешь, мне не следовало об этом упоминать?

– В моем случае это не слишком важно – про наши с Эрикой отношения знает полгорода. Здесь главное принцип.

– В таком случае ты, возможно, захочешь узнать, что у меня тоже имеются принципы, как и у твоей комиссии по этике. Я называю их «кодекс Саландер». Я считаю, что подонок – он и есть всегда подонок, и если я могу досадить ему, раскопав о нем разное дерьмо, то он только того и

заслуживает. Я просто воздаю ему должное.

– Что ж, – улыбнулся Микаэль Блумквист. – Мне понятен ход твоих рассуждений, но…

– Но, составляя досье на того или иного персонажа, я еще учитываю то, какое впечатление производит на меня этот человек. Я не могу быть нейтральной. Если человек кажется мне хорошим, то я могу кое-что и не выпячивать.

– Неужели?

– Как, например, в твоем случае. О твоей сексуальной жизни я могла бы написать целую книгу. Я, например, могла бы рассказать Фруде, что Эрика Бергер в прошлом входила в «Клаб экстрим» и в восьмидесятые годы практиковала БДСМ[80]. А учитывая вашу с ней сексуальную связь, это неизбежно могло бы навести на кое-какие ассоциации.

Микаэль Блумквист встретился с Лисбет Саландер взглядом. Немного позже он посмотрел в окно и рассмеялся:

– Ты действительно глубоко копаешь… Почему же ты не включила этот фрагмент в свой отчет?

– Вы с Эрикой Бергер взрослые люди и явно хорошо друг к другу относитесь. То, что вы делаете в постели, никого не касается, а напиши я о ней что-то вроде этого, это могло бы лишь навредить вам или дать кому-нибудь повод для шантажа. Кто знает – я ведь не знакома с Дирком Фруде, а досье вполне могло бы попасть в руки Веннерстрёма.

– А тебе не хотелось снабжать Веннерстрёма информацией?

– Если бы мне пришлось выбирать, за кого болеть в матче между ним и тобой, я бы, пожалуй, оказалась на твоей стороне.

– У нас с Эрикой… наши отношения…

– Поверь, мне наплевать на ваши отношения. Но ты так и не ответил мне. Как ты собираешься использовать информацию о том, что я взломала твой компьютер?

Блумквист выдержал почти такую же долгую паузу, какую обычно выдерживала она.

– Лисбет, я пришел к тебе вовсе не ради того, чтобы ссориться. И не собираюсь тебя шантажировать. Я хочу попросить тебя помочь мне в одном расследовании. Ты можешь ответить «да» или «нет». Если ты откажешься, я найду кого-нибудь другого, и ты больше никогда обо мне не услышишь.

Он немного подумал и улыбнулся:

– Если, конечно, я не поймаю тебя снова в моем компьютере.

– Ну и что с того?

– Ты знаешь обо мне очень многое – и часть информации сугубо

личного и частного свойства. Но что упало, то пропало. Я только надеюсь, что ты не используешь во вред мне или Эрике Бергер раздобытые тобой сведения.

Она взглянула на него – рассеянно и вскользь.

Глава 19
Четверг, 19 июня – воскресенье, 29 июня

Следующие два дня Микаэль по-прежнему изучал материалы и с нетерпением ждал известий о состоянии Хенрика Вангера. Он постоянно контактировал с Дирком Фруде. В четверг вечером адвокат заявился к нему и сообщил, что кризис на данный момент, похоже, миновал.

– Он еще слаб, но сегодня мне уже позволили с ним немного поговорить. Он хочет как можно поскорее повидать вас.

Накануне праздника летнего солнцестояния, около часа дня, Микаэль поехал в больницу Хедестада и отыскал отделение, где находился Хенрик Вангер. Здесь он застал раздраженного Биргера Вангера, который преградил ему путь и официальным тоном заявил, что Хенрик не принимает посетителей. Микаэль продолжал спокойно стоять, разглядывая муниципального советника.

– Не может быть. Хенрик Вангер только что передал мне сообщение, что хочет сегодня встретиться со мной.

– Вы не член семьи, и вам тут нечего делать.

– Вы правы, я действительно не член вашей семьи. Но я подчиняюсь Хенрику Вангеру и действую согласно его распоряжениям.

Дело чуть не дошло до бурной перепалки, но в этот момент из палаты Хенрика как раз вышел Дирк Фруде.

– А вот и вы! Хенрик только что спрашивал про вас.

Адвокат открыл дверь, и Микаэль мимо Биргера прошмыгнул в палату.

За эту неделю Хенрик Вангер, казалось, постарел на десяток лет. Он лежал с полузакрытыми глазами, из носа торчала кислородная трубка, а волосы были более всклокочены, чем обычно. Медсестра взяла Микаэля за руку и предупредила:

– Две минуты, не больше. И не волнуйте его.

Микаэль кивнул и сел на стул для посетителей так, чтобы видеть лицо Хенрика. Он почувствовал неожиданный для себя и внезапный приступ нежности, протянул руку и осторожно дотронулся до бессильной кисти старика. Вангер с трудом выговорил:

– Есть новости?

Микаэль кивнул:

– Я полностью отчитаюсь, как только вам станет немного лучше. Конечно, загадку я пока не разгадал, но обнаружил новый материал и

проверяю некоторые обстоятельства. Через одну или пару недель я смогу сказать, куда ведут эти следы.

Хенрик сделал попытку кивнуть – скорее даже, моргнул в знак того, что все понял.

– Мне придется уехать на несколько дней.

Хенрик нахмурил брови.

– Нет, я не покидаю корабль. Мне надо поехать, чтобы продолжить свои расследования. Я договорился с Дирком Фруде о том, что буду отчитываться ему. Вы не против?

– Дирк… мой поверенный… во всех отношениях.

Микаэль снова кивнул.

– Микаэль… если я не… выкарабкаюсь… я хочу, чтобы ты закончил… работу в любом случае.

– Обещаю.

– Дирк имеет все… полномочия.

– Хенрик, я очень хочу, чтобы вы поправились. Я чертовски разозлюсь, если вы вздумаете умереть как раз тогда, когда я так серьезно продвинулся вперед.

– Две минуты, – сказала медсестра.

– Мне пора. Когда я приду в следующий раз, мы сможем пообщаться с вами подольше.

В коридоре его поджидал Биргер Вангер. Когда Микаэль вышел, тот остановил его, положив руку ему на плечо:

– Я хочу, чтобы вы больше не беспокоили Хенрика. Он тяжело болен, и его нельзя тревожить и волновать.

– Я понимаю ваше беспокойство и разделяю его. Я не буду волновать Хенрика.

– Все понимают, что Хенрик нанял вас, чтобы вы помогли ему… Ох, уж это его хобби… Насчет Харриет. Дирк Фруде сказал, что перед тем, как у Хенрика случился инфаркт, он очень разволновался во время одной из бесед с вами. Дирк сказал, что вы считаете себя виновником инфаркта.

– Нет, я так больше не считаю. Оказалось, что у Хенрика Вангера серьезное обызвествление сосудов. Он мог бы получить инфаркт после посещения туалета, например. Вам ведь это сейчас тоже известно.

– Я должен иметь полную информацию обо всей этой вашей ерунде. Ведь вы копаетесь в делах моего семейства.

– Как уже было сказано, я работаю на Хенрика, а не на ваше семейство.

Биргер Вангер явно не привык к тому, чтобы его так бесцеремонно отшивали. Он свирепо, как ему казалось, посмотрел на Микаэля, но на самом деле вовсе не напугал его, как ему хотелось бы. Просто он стал похож на надутого лося. А потом развернулся и прошел в палату Хенрика.

Микаэлю стало смешно, но он сдержался. Было бы неприлично смеяться в больничном холле рядом с палатой, где Хенрик, возможно, обретет свое последнее пристанище. Микаэль вдруг вспомнил книжку Леннарта Хюланда[81] со стихами о буквах алфавита: в 1960-е годы ее читали для детей по радио, и он, по какой-то непостижимой причине, запомнил ее наизусть, когда учился читать и писать. В памяти всплыла строфа о букве «Л». Там были стихи о лосе, который очутился один посреди леса и улыбался.

У выхода из больницы Микаэль столкнулся с Сесилией Вангер. Он много раз набирал номер ее мобильного телефона после ее возвращения из прерванного отпуска, но она не отвечала. Каждый раз, когда он звонил к ней в дверь, ее не оказывалось дома.

– Привет, Сесилия, – сказал он. – Поверь мне, я очень переживаю насчет Хенрика.

– Спасибо, – ответила она и кивнула.

Микаэль пытался уловить ее настроение, но не почувствовал с ее стороны ни тепла, ни холода.

– Нам надо поговорить, – сказал он.

– Извини, что я захлопнула перед тобой дверь. Я понимаю, что ты злишься, но сейчас я совершенно сама не своя.

Микаэль удивленно заморгал, но потом понял, на что она намекает. Он поспешно взял ее за руку и улыбнулся:

– Подожди, ты меня неправильно поняла. Я вовсе не сержусь на тебя. Я надеюсь, что мы можем оставаться друзьями, но если ты не хочешь со мной общаться… если ты так решила, то я готов подчиниться.

– Я не умею оставаться друзьями, – сказала Сесилия.

– Я тоже. Давай выпьем кофе? – Блумквист кивнул в сторону больничного кафетерия.

Она чуть было не согласилась, но потом взяла себя в руки:

– Нет, не сегодня. Я хочу навестить Хенрика.

– Ладно. Но мне все-таки необходимо с тобой поговорить. Это важно.

– О чем? – насторожилась она.

– Помнишь, когда мы впервые встретились, ну, когда ты пришла ко мне в январе? Я сказал, что наш разговор не предназначен для печати и что,

если мне придется задавать тебе серьезные вопросы, я скажу об этом заранее… Так вот, это касается Харриет.

Лицо Сесилии Вангер внезапно перекосилось.

– Ах ты, чертова ищейка!

– Сесилия, я обнаружил вещи, о которых мне просто необходимо с тобой поговорить.

Она отступила на шаг.

– Неужели ты не понимаешь, что вся эта охота за призраком проклятой Харриет для Хенрика просто имитация бурной деятельности? Ты хоть понимаешь, что он там сейчас, может быть, умирает? И последнее, в чем он нуждается, так это в том, чтобы его снова волновали и внушали ему напрасные надежды… – Она умолкла.

– Возможно, для Хенрика это и хобби, но я сейчас обнаружил больше нового материала, чем остальные вместе взятые накопали за последние тридцать пять лет. Появились вопросы, на которые нужно найти ответы, и я работаю над ними по заданию Хенрика.

– Если Хенрик умрет, всему твоему чертовому расследованию моментально придет конец. Тогда тебя сразу же отсюда выпрут, – сказала Сесилия Вангер и прошла мимо него.

Все было закрыто. Хедестад практически полностью опустел – наверное, все разъехались по своим летним домикам отмечать праздник летнего солнцестояния. Наконец Микаэль все же нашел работающее кафе на террасе городской гостиницы. Там он смог заказать кофе с бутербродом и почитать вечерние газеты. Но в мире за это время ничего важного не произошло.

Блумквист отодвинул от себя газеты и задумался о Сесилии Вангер. Он так и не сообщил ни Хенрику, ни Дирку Фруде о том, что в тот роковой день окно в комнате Харриет открывала именно она. Он боялся навлечь на нее подозрения, и меньше всего ему хотелось навредить ей. Но рано или поздно этот вопрос все же придется задать.

Просидев в кафе с час, Микаэль решил отложить все проблемы в сторону и посвятить праздник летнего солнцестояния чему-нибудь, не связанному с семейством Вангеров. Его мобильник молчал. Эрика куда-то уехала и, вероятно, развлекалась со своим мужем, и поговорить ему было не с кем.

Он вернулся на остров около четырех часов пополудни, приняв твердое решение – окончательно бросить курить. Со времен службы в армии Микаэль не переставал тренироваться – посещал спортзал и

совершал пробежки по южному берегу озера Меларен, но забросил тренировки, когда начались проблемы с Хансом Эриком Веннерстрёмом. Только в тюрьме Руллокер он снова начал тренироваться, просто так, без особого фанатизма, но после того как вышел на свободу, опять все забросил.

Теперь пора вернуться к занятиям. Микаэль решительно надел тренировочный костюм и совершил медленную пробежку по дороге до домика Готфрида, а потом свернул к Форту. Отсюда он уже набрал скорость и побежал по пересеченной местности. Микаэль не занимался ориентированием со времен армии, но ему всегда больше нравилось бегать по лесу, чем по ровным дорожкам. Шагая вдоль изгороди хозяйства Эстергорд, он вернулся обратно в селение. На последних шагах к своему домику Блумквист уже тяжело дышал и чувствовал себя совершенно разбитым.

Около шести он принял душ, отварил картошку и вынес на колченогий столик возле дома селедку в горчичном соусе, зеленый лук и яйца. Затем налил рюмку водки и, поскольку находился в полном одиночестве, выпил за свое здоровье. Затем открыл детектив Вэл Макдермид «Песни сирен».

В семь часов к нему пришел Дирк Фруде и тяжело опустился на садовый стул напротив него. Микаэль плеснул ему немного водки.

– Вы сегодня кое-кого вывели из себя, – сказал Фруде.

– Я это понял.

– Биргер Вангер – кретин.

– Я знаю.

– Но Сесилия Вангер вовсе не глупа, а она просто в бешенстве.

Микаэль кивнул.

– Она требует, чтобы я проследил за вами. Она не хочет, чтобы вы продолжали копаться в семейных делах.

– Понимаю. И что же вы ответили?

Дирк Фруде посмотрел на рюмку с водкой и одним махом осушил ее.

– Я ответил: Хенрик дал четкие инструкции относительно ваших изысканий. Пока он их не изменил, вы работаете согласно подписанному нами контракту. Я надеюсь, вы сделаете все ради того, чтобы выполнить свою часть условий контракта.

Микаэль кивнул и взглянул на небо – надвигались грозовые облака.

– Да уж, погода не балует, – сказал Фруде. – Если будет слишком сильно штормить, я вас поддержу.

– Спасибо.

Они немного помолчали.

– Можно мне еще рюмку? – спросил адвокат.

Всего через несколько минут после того, как Дирк Фруде отправился домой, перед домиком Микаэля затормозил автомобиль Мартина Вангера и припарковался у обочины. Мартин подошел к нему и поздоровался, Микаэль пожелал ему веселого праздника и спросил, не налить ли ему рюмочку.

– Нет, мне лучше воздержаться. Я заехал только переодеться, а потом поеду обратно в город, чтобы провести вечер с Эвой.

Микаэль молчал, ожидая, что будет дальше.

– Мы разговаривали с Сесилией. Она сейчас немного взволнована – они с Хенриком очень близки. Надеюсь, вы простите ее за то, что она вам наговорила.

– Я очень хорошо отношусь к Сесилии, – ответил Микаэль.

– Я понимаю. Но с ней бывает нелегко. Я только хочу, чтобы вы знали: она категорически возражает против того, что вы копаетесь в прошлом нашей семьи.

Микаэль вздохнул. Теперь уже все в Хедестаде догадались, для чего Хенрик его нанял.

– А вы?

Мартин Вангер махнул рукой:

– Хенрик буквально помешан на этой истории с Харриет, вот уже несколько десятилетий. Я не знаю… Харриет – моя сестра, но прошло столько лет, и столько воды утекло за это время… Дирк Фруде сказал мне: ваш контракт составлен так, что расторгнуть его может только сам Хенрик. Но боюсь, что в его теперешнем состоянии это скорее навредит ему, чем пойдет на пользу.

– Значит, вы хотите, чтобы я продолжал?

– А вам удалось продвинуться?

– Извините, Мартин, но если я что-нибудь расскажу вам без ведома Хенрика, то нарушу условия нашего договора.

– Я понимаю. – Мартин улыбнулся. – В Хенрике есть черты конспиролога-теоретика. Но мне бы не хотелось, чтобы вы зря его обнадеживали.

– Это я могу обещать. Я излагаю ему лишь факты, которые могу подтвердить документально.

– Что ж, хорошо… Кстати, а ведь у нас с вами имеется другой контракт, о котором тоже не следует забывать. Поскольку Хенрик заболел и не может выполнять свои обязанности в правлении «Миллениума», я

обязан его заменить там.

Микаэль выжидающе смотрел на него.

– Нам, наверное, придется созвать правление и обсудить сложившуюся ситуацию.

– Неплохая идея. Но, насколько я знаю, уже решено, что следующее заседание правления состоится только в августе.

– Вот именно. Но нам, скорее всего, придется созвать его пораньше…

Микаэль изобразил вежливую улыбку:

– Возможно, но вы обращаетесь не по адресу. Я ведь сейчас не вхожу в правление «Миллениума». Я покинул журнал в декабре и не имею никакого влияния на решения его руководства. Так что вам лучше всего обратиться к Эрике Бергер.

Такого ответа Мартин не ожидал. Немного подумав, он встал.

– Безусловно, вы правы. Я с нею поговорю.

На прощание он похлопал Микаэля по плечу и направился к машине.

Блумквист задумчиво смотрел ему вслед. Ничего конкретного сказано не было, но в воздухе словно повисла угроза. Мартин Вангер положил на чашу весов «Миллениум».

Через некоторое время Микаэль налил себе еще водки и снова взялся за книжку Вэл Макдермид.

Около девяти появилась пятнистая кошка и потерлась о его ноги. Он поднял ее к себе на колени, почесал за ушами и сказал:

– Что ж, будем с тобой скучать вдвоем в праздничный вечер.

Когда на землю упали первые капли дождя, Микаэль вошел в дом и лег спать. Кошка осталась на улице.

Лисбет Саландер извлекла из подвала свой «Кавасаки» и весь праздничный день потратила на его детальную проверку. Ее легкий и маневренный байк с двигателем в сто двадцать пять кубов был, возможно, и не самым козырным мотоциклом на земле, но он принадлежал ей, и уж она-то знала, как с ним обращаться. Саландер собственноручно перебрала его – гайку за гайкой – и добилась полного ажура, и даже чуть больше.

После обеда она надела шлем и кожаный комбинезон и отправилась в клинику в район Эппельвикена[82], где провела вечер в парке вместе с матерью. Ей все время казалось, что она виновата перед матерью. А та казалась еще более рассеянной, чем обычно. За те три часа, которые мать и дочь провели вместе, они обменялись лишь несколькими фразами, и у Лисбет сложилось впечатление, что мать не понимает, кто сейчас перед нею.

Микаэль потратил не один день на то, чтобы идентифицировать автомобиль с маркировкой «АС». Он очень долго возился, и только после того, как в конце концов проконсультировался с бывшим автомехаником из Хедестада, ему удалось установить марку машины: «Форд Англия» – бюджетная модель, о которой он прежде и не слышал. Затем Блумквист связался со служащим из бюро регистрации автотранспорта и попробовал заказать список всех «Фордов Англия», которые в 1966 году ездили с регистрационными номерами «АС3» и дальше еще что-то. Ему ответили, что подобные археологические раскопки в реестре, скорее всего, возможны, однако потребовали бы слишком много времени; к тому же подобная информация является фактически закрытой для публичного пользования.

Только через несколько дней после праздников Микаэль вновь взял «Вольво» и двинулся в северном направлении по дороге Е-4. Он никогда не любил быстрой езды и вел машину сдержанно. Перед самым хернёсандским мостом журналист остановился и выпил кофе в кондитерской Вестерлунда.

Следующую остановку Микаэль сделал в Умео[83]; там он заехал в мотель, съел бизнес-ланч и купил атлас автомобильных дорог. Затем продолжил свой путь до Шеллефтео, а оттуда свернул налево, к Нуршё. К шести часам Блумквист был на месте и остановился в гостинице «Нуршё».

Он начал поиски с самого раннего утра. В телефонном справочнике деревообрабатывающая фабрика не числилась, а девушка лет двадцати, сидевшая за стойкой администратора, никогда не слыхала о таком предприятии.

– А кто мог бы знать?

На секунду девушка смутилась, но потом ее осенило, и она сказала, что позвонит отцу. Через две минуты она вернулась и сообщила, что деревообрабатывающая фабрика в Нуршё закрылась в 1980-е годы. Если Микаэлю хочется поговорить с кем-нибудь, кто знает о предприятии больше, он может обратиться к некоему Бурману, который работал там мастером; он живет на улице Сульвендан.

Нуршё оказался маленьким городком, с главной улицей под названием, разумеется, Стургатан, то есть Большая улица, которая действительно была его основной артерией. На ней размещались магазины, а на параллельных улицах – жилые дома. На въезде в Нуршё с восточной стороны находились небольшой промышленный район и конюшня. На западном выезде располагалась живописнейшая деревянная церковь. Микаэль отметил, что и

у миссионеров, и у пятидесятников были в городке свои храмы. Афиша на доске объявлений автобусной остановки рекламировала Музей охоты и лыжного спорта. Судя по еще одной афише, на праздниках тут пела какая-то Вероника. Путь из конца в конец городка занял бы примерно двадцать минут пешком.

Улица Сульвендан находилась в пяти минутах ходьбы от гостиницы, и на ней в основном расположились частные дома. На звонок Микаэля Бурман дверь не открыл. Было половина десятого, и Блумквист решил, что хозяин либо ушел на работу, либо – если он на пенсии – просто отправился по своим делам.

Следующий визит Микаэль нанес в хозяйственный магазин на Стургатан: он вполне трезво рассудил, что сюда время от времени приходят все жители Нуршё. В торговом зале было два продавца; Микаэль выбрал того, что постарше, на вид лет пятидесяти.

– Здравствуйте, я разыскиваю пару, которая, по всей видимости, жила в Нуршё в шестидесятых годах. Муж, возможно, работал на деревообрабатывающей фабрике. Их имена я не знаю, но у меня есть две фотографии, снятые в шестьдесят шестом году.

Продавец долго и внимательно изучал снимки, но в конце концов покачал головой, заявив, что не узнает ни мужчину, ни женщину.

Подошло время обеда, и Микаэль перекусил хот-догом в киоске у автобусного вокзала. Он решил не ходить в магазины и посетил муниципалитет, библиотеку и аптеку. В полицейском участке никого не оказалось, и журналист начал наудачу опрашивать пожилых людей. Часа в два ему встретились две молодые женщины, которые, конечно, не знали пару на снимке, но высказали логичную мысль:

– Если снимок сделан в шестьдесят шестом году, этим людям сейчас должно быть около шестидесяти. Вы можете навестить дом для престарелых возле Сульбакки и пообщаться там с пенсионерами.

В канцелярии богоугодного заведения Микаэль представился женщине лет тридцати и объяснил ей, что его интересует. Вначале она отнеслась к нему настороженно, но под конец поддалась уговорам. Микаэль проследовал за ней в гостиную, где в течение получаса показывал фотографии многим обитателям дома в возрасте от семидесяти и старше. При всем своем желании помочь, никто из них не смог опознать пару, сфотографированную в Хедестаде в 1966 году.

Около пяти Блумквист снова вернулся на улицу Сульвендан и позвонил к Бурману. На этот раз ему повезло больше. Супруги Бурманы, оба пенсионеры, только что вернулись домой. Его пригласили на кухню, где

жена тотчас поставила варить кофе, а Микаэль тем временем изложил суть своей проблемы.

Но в этот день ему вообще не везло. Раскурив трубку, Бурман почесал в затылке и немного погодя заявил, что пара на снимке ему незнакома. Супруги говорили друг с другом на местном диалекте, и Микаэль порою даже не понимал их.

– Но вы совершенно правы, что это логотип нашей фабрики, – сказал Бурман. – Молодец вы какой, что углядели его… Беда только в том, что им пользовались все кому не лень – транспортники, покупатели и поставщики древесины, ремонтники, машинисты и многие другие.

– Надо же, найти эту пару оказалось сложнее, чем я думал…

– А зачем они вам нужны?

Микаэль решил, что если его спросят, он расскажет все как есть. Любые попытки фальсифицировать какие-нибудь истории о людях, изображенных на снимке, звучали бы неправдоподобно и могли бы только помешать.

– Это долго рассказывать. Я расследую преступление, совершенное в Хедестаде в шестьдесят шестом году, и есть вероятность, хоть и крохотная, что люди на снимке могли видеть что-то важное. Их ни в чем не подозревают, и, скорее всего, они и сами знать не знают, что обладают информацией, способной помочь раскрыть это преступление.

– Преступление? Что за преступление?

– Простите, но я ничего не могу больше добавить. Я понимаю, что все это выглядит очень странно. Кто-то вдруг появляется – спустя почти сорок лет и пытается разыскать каких-то людей… Но преступление осталось не раскрыто, и только в последнее время вдруг появились новые факты.

– Понимаю… Да, дело ваше действительно довольно необычное.

– Сколько людей работало на фабрике?

– Обычно в штате насчитывалось сорок человек. Я работал там с семнадцати лет, с середины пятидесятых, и до самого закрытия фабрики. Потом стал товар перевозить.

Бурман немного подумал.

– Могу сказать лишь, что парень на снимке у нас на фабрике никогда не работал. Возможно, он был перевозчиком, хотя я бы его тогда узнал… Но есть и другая возможность. Например, на фабрике мог работать его отец или кто-то из родственников. Или это просто не его машина.

Микаэль кивнул:

– Я понимаю, что есть множество версий. А как вы думаете, с кем бы я еще мог поговорить? У вас есть какие-нибудь идеи на этот счет?

– Есть, – кивнув, сказал Бурман. – Приходите завтра с утра. Мы съездим и пообщаемся с несколькими стариками.

Лисбет Саландер пришлось решать важную методологическую проблему. Она считалась экспертом по сбору информации о ком угодно, но свои поиски всегда начинала с имени и персонального идентификационного номера конкретной личности.

Если объект присутствовал в компьютерной базе данных – а там, как правило, присутствуют все без исключения, – то он быстро попадал в ее паутину. А уж если человек имел компьютер, подключенный к Интернету, адрес электронной почты и, возможно, даже собственный сайт – а почти все персонажи, которые становились объектами ее исследования, имели таковой, – ей не составляло особого труда выведать его самые страшные тайны.

Но работа, которую поручил ей Микаэль Блумквист, требовала совершенно других навыков и качеств. Иными словами, нужно было идентифицировать четырех человек, опираясь на крайне скудные сведения. Кроме того, речь шла о событиях, которые происходили несколько десятилетий назад, а, следовательно, ни в каких компьютерных базах данных этих личностей и в помине не было.

Основываясь на деле Ребекки Якобссон, Микаэль выдвинул версию, что и она, и другие женщины стали жертвами убийцы. То есть они должны были упоминаться в разных незаконченных полицейских расследованиях. Сведения о том, когда и где эти убийства были совершены, отсутствовали; известно лишь, что трагедии произошли до 1966 года. Ситуация требовала от Лисбет применить какие-то совершенно новые методы поиска.

«Ну и что же мне прикажете делать?» – призадумалась она. После чего включила компьютер, зашла на «www.google.com» и сформулировала запрос на тему: [Магда] + [убийство].

Как ни странно, но самый примитивный из доступных вариантов поиска, к изумлению Лисбет, дал неплохой урожай. Первая же ссылка указывала на программу передач «ТВ Вермланд» из Карлстада, которая анонсировала фрагмент из сериала «Вермландские убийства» – он демонстрировался в 1999 году. Потом она обнаружила короткий синопсис программы в газете «Вермландс фолькблад»:

> Теперь в сериале «Вермландские убийства» очередь дошла до Магды Лувисы Шёберг из Ранмутреска – жертвы жуткого загадочного преступления, которое несколько десятилетий назад

расследовала полиция Карлстада. В апреле 1960 года сорокашестилетняя жена фермера Лувиса Шёберг была обнаружена мертвой в собственном хлеву. Ее жестоко убили. Журналист Клас Гуннарс описывает последние часы ее жизни и тщетные поиски убийцы. В свое время эта смерть потрясла общественность, и высказывалось множество версий в отношении личности преступника.

В программе выступит младший родственник жертвы. Он расскажет о том, как негативно обвинение повлияло на его жизнь. Смотрите в 20.00.

Еще более полезную информацию она обнаружила в статье «Убийство Лувисы потрясло всех жителей края», опубликованной в журнале «Вермландскультур». Эти материалы позднее полностью выкладывались в Интернете. Здесь, как в детективном романе, очень увлекательно и интригующе описывалась эта макабрическая история. Муж Лувисы Шёберг, лесоруб Хольгер Шёберг, вернувшись около пяти часов вечера с работы, нашел свою жену мертвой. Ее подвергли грубому сексуальному насилию, нанесли ей несколько ножевых ранений, а потом убили, заколов вилами. Убийство произошло в хлеву, на ферме семьи Шёбергов, но особое внимание привлекло то, что убийца, завершив свое черное дело, поставил тело жертвы на колени в стойле и крепко привязал.

Позже обнаружилось, что одна из коров была ранена ножом в шею.

Первым в убийстве заподозрили мужа, но у него было железное алиби. Он с шести утра вместе с коллегами находился на вырубке в сорока километрах от дома. А Лувиса Шёберг в десять часов была еще жива, как утверждала соседка, которая к ней заходила. Никто ничего не видел и не слышал – хутор Шёбергов располагался примерно в четырехстах метрах от ближайших соседей.

После того как с мужа сняли подозрения, полицейские и следователи переключили внимание на племянника убитой, двадцатиоднолетнего юношу. Он не слишком-то ладил с законом, очень нуждался в деньгах и несколько раз одалживал у своей тетки небольшие суммы. Его алиби казалось не очень убедительным, и некоторое время его продержали в тюрьме, а потом выпустили, что называется, за отсутствием состава преступления. Тем не менее в деревне многие считали виновником именно его.

Полиция проверила и другие версии. Например, некоторое время искали какого-то загадочного коммивояжера, который вроде бы появлялся в

этих местах. А потом проверяли слухи о таборе «вороватых цыган», которые совершали вроде бы «гастрольное турне» по округе. С какой стати они совершили жестокое убийство с сексуальным насилием, но так ничего и не украли, – этот вопрос напрашивался сам собой, но ответа на него получить не удалось.

В преступлении подозревали также соседа из деревни, холостяка, которого в молодости обвиняли в преступлении гомосексуального характера – в то время гомосексуальность еще преследовалась по закону. Многие считали, что этот тип не внушает доверия, потому что он «какой-то странный». Но зачем гомосексуалисту совершать сексуальное насилие над женщиной? Этот вопрос тоже так и повис в воздухе – и остался безответным.

Так что ни одна из этих версий так и не была доказана, никого так и не задержали, обвинительный приговор никому не вынесли.

Преступление без наказания.

Лисбет Саландер считала, что в телефонной книжке Харриет Вангер, несомненно, речь шла именно об этом преступлении. Библейская цитата из Третьей книги Моисеевой, глава 20, стих 16 гласила:

> *«Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них».*

То, что хозяйку хутора по имени Магда обнаружили мертвой в хлеву, помещенной в стойло и привязанной, не могло быть случайностью.

Но почему Харриет Вангер записала имя Магда вместо имени Лувиса? Ведь в быту жертва пользовалась только им… Если бы в аннотации к сериалу не было приведено ее полное имя, Лисбет едва ли смогла бы наткнуться на этот случай.

Но, разумеется, самым главным оставался вопрос, имеется ли связь между убийством Ребекки в 1949 году, убийством Магды Лувисы в 1960-м и исчезновением Харриет Вангер в 1966-м. И откуда Харриет могла узнать об этих делах?

Бурман вместе с Микаэлем совершили субботнюю прогулку по Нуршё, но результат оказался неутешительным. До обеда они посетили пятерых бывших работников фабрики, которые жили относительно неподалеку: трое в центре городка, а двое – на окраине, в Сёрбюн. Все угощали их кофе, изучали фотографии – и мотали головами.

После обеда на скорую руку у Бурманов они взяли машину, чтобы нанести визиты тем, кто обитал подальше, и посетили четыре селения в окрестностях Нуршё, где жили бывшие работники деревообрабатывающей фабрики. В каждом из домов хозяева тепло приветствовали Бурмана, но помочь ничем не могли. Микаэль уже начал отчаиваться и думать, что зря он затеял эту поездку в Нуршё и что этот след ведет в тупик.

Около четырех часов Бурман привез Микаэля в окрестности селения Нуршёваллен, расположенного к северу от Нуршё. Здесь он остановил машину возле хутора с типичным для Вестерботтена темно-красным домом и представил гостя Хеннингу Форсману, бывшему мастеру столярного цеха.

– Да ведь это же сынок Ассара Бреннлунда, – сказал Хеннинг Форсман, как только Микаэль показал ему фотографию.

Вот она, удача!

– Вот как, сынок Ассара? – переспросил Бурман и, обращаясь к Микаэлю, добавил: – Он был закупщиком.

– Где я могу его увидеть?

– Этого парня? Ну, для этого вам придется заняться археологическими раскопками. Его звали Гуннаром, и он работал на фирму «Булиден». Погиб при взрыве в середине семидесятых годов.

Вот черт!

– Но жена его жива, вот эта, что на снимке. Ее зовут Милдред, и она живет в Бьюрселе.

– Что такое Бьюрселе?

– Надо проехать примерно милю по дороге на Бастутреск. Она живет в продолговатом красном домике, по правую сторону, как въедешь в деревню. Третий дом. Я довольно хорошо знаю эту семью.

> *Здравствуйте!*
>
> *Меня зовут Лисбет Саландер, и я пишу диссертацию по криминологии о насилии над женщинами в XX веке. Я бы хотела посетить полицейский участок Ландскруны*[84] *и ознакомиться с документами одного дела 1957 года. Я имею в виду убийство сорокапятилетней женщины по имени Ракель Лунде. Известно ли вам, где сейчас находятся эти документы?*

Деревня Бьюрселе выглядела как на рекламной картинке сельской местности Вестерботтена. Она состояла примерно из двадцати домов, выстроившихся компактным полукругом вдоль оконечности озера. В

центре деревни находилась развилка с указателями – на Хемминген, 11 км, и на Бастутреск, 17 км. Возле развилки располагался маленький мост через речку – как предположил Микаэль, здесь находился тот самый плес – «сель» – на речке Бьюр, в честь которого и назвали деревню. Сейчас, в разгар лета, эти виды можно было фотографировать на почтовую открытку.

Микаэль припарковался во дворе перед закрытым магазином «Консум», через дорогу от третьего домика по правой стороне. Он позвонил в дверь, но дома никого не оказалось.

После этого Блумквист совершил часовую прогулку по дороге на Хемминген, добрался до того места, где плес сменялся бурлящими порогами, встретил двух котов, понаблюдал за косулей и вернулся обратно, так и не увидев ни единого человека. Дверь Милдред Бреннлунд по-прежнему оставалась запертой.

На столбе возле моста Микаэль обнаружил потрепанную афишу от 2002 года, приглашавшую посетить ЧБУА, что расшифровывалось как Чемпионат Бьюрселе по укрощению автомобилей. «Укрощение» автомобиля, явно бывшее популярным зимним развлечением, заключалось в том, что транспортное средство доводили до состояния негодности, гоняя его по скованному льдом озеру. Микаэль задумался, разглядывая афишу.

Он прождал до десяти вечера, а потом поехал обратно в Нуршё, где съел поздний ужин и улегся в постель дочитывать детектив Вэл Макдермид. Финал книги оказался кошмарным.

В десять вечера после долгих сомнений и многочасовых размышлений Лисбет Саландер прибавила к «списку Харриет Вангер» еще одно имя.

Лисбет искала факты окольными путями. Статьи о нераскрытых убийствах публиковались регулярно, и в воскресном приложении к одной из вечерних газет она обнаружила статью 1999 года под заголовком «Многие убийцы женщин по-прежнему разгуливают на свободе». В этом материале суммировались некоторые сведения, и там она нашла имена и фотографии нескольких жертв громких преступлений, в частности, Сольвейг из Норртелье, Аниты из Норрчёпинга, Маргареты из Хельсингборга и еще нескольких женщин.

В обзоре упоминались убийства, совершенные в 1960-е годы, и ни одно из них не соответствовало данным, полученным ею от Микаэля. Но один случай все-таки привлек внимание Лисбет.

В июне 1962 года тридцатидвухлетняя проститутка Леа Перссон из Гётеборга поехала в Уддеваллу[85], чтобы навестить свою мать и девятилетнего сына. Лия провела с родными несколько дней, а потом

воскресным вечером обняла мать, попрощалась и уехала, чтобы сесть на поезд и вернуться обратно в Гётеборг. Через два дня ее обнаружили за старым контейнером на заброшенном промышленном пустыре. Ее изнасиловали и с исключительной жестокостью надругались над телом.

Убийство Леа, конечно, не прошло незамеченным. Газета все лето, из номера в номер, публиковала о нем материалы, но убийцу так и не нашли. В списке Харриет Вангер Леа не упоминалась. И убийство не соответствовало ни одной из отобранных ею библейских цитат.

И все же одна деталь заставила Лисбет немедленно отреагировать. Примерно в десяти метрах от тела Лии был обнаружен цветочный горшок, а внутри его – голубь. Кто-то обвязал шею голубя веревкой и пропустил ее в дырочку на дне горшка. Затем горшок поместили на маленький костер, устроенный между двумя кирпичами. И вроде бы издевательство над птицей не имело никакого отношения к убийству Лии. Вполне возможно, что какие-то дети просто играли в летние садистские игры, но пресса почему-то окрестила этот эпизод «Убийством голубки».

Вообще-то Лисбет Саландер Библию не читала, и у нее даже не было своего экземпляра. Но этим вечером она прогулялась в церковь Хёгалид и после некоторых усилий смогла ее одолжить. Затем она уселась на скамейку в парке перед церковью и начала читать Третью книгу Моисееву. Добравшись до главы 12, стиха 8, она вздрогнула. 12-я глава повествовала об очищении рожениц.

> *«Если же она не в состоянии принести агнца, то пусть возьмет двух горлиц или двух молодых голубей, одного во всесожжение, а другого в жертву за грех, и очистит ее священник, и она будет чиста».*

Леа вполне могла значиться в телефонной книжке Харриет Вангер как «Леа – 31208».

И тут до Лисбет Саландер наконец дошло, что ни одно из проведенных ею ранее исследований по масштабу не может сравниться с нынешним.

Около десяти утра в воскресенье Микаэль Блумквист вновь появился у дома Милдред Бреннлунд, по второму мужу Милдред Берггрен, и постучал в дверь. На этот раз хозяйка открыла. Женщина была теперь почти на сорок лет старше и примерно на столько же килограммов тяжелее, но Микаэль сразу же узнал ее по фотографии.

– Здравствуйте, меня зовут Микаэль Блумквист. Вы, вероятно,

Милдред Берггрен?

– Да, верно.

– Прошу прощения, что явился без предупреждения, но я уже некоторое время разыскиваю вас… Это связано с делом, которое в двух словах не объяснишь. – Микаэль улыбнулся. – Позвольте мне войти? Я отниму у вас немного времени.

Муж и тридцатипятилетний сын Милдред были дома, так что она без колебаний пригласила Микаэля на кухню. Он пожал всем руки. За последние несколько суток Блумквист выпил больше кофе, чем когда-либо, но к этому моменту он уже усвоил, что в Норрланде считается неприличным отказываться. Наполнив всем чашки, Милдред уселась и спросила, чем она может ему помочь. Микаэль с трудом понимал местный диалект, и она перешла на государственный вариант шведского языка.

Журналист набрал в грудь воздуха:

– Это долгая и очень запутанная история. В сентябре шестьдесят шестого года вы вместе с тогдашним мужем, Гуннаром Бреннлундом, приезжали в Хедестад.

Женщина не могла скрыть изумления. Когда она кивнула, Блумквист положил перед нею фотографию с Йернвегсгатан.

– Этот снимок был сделан тогда. Вы помните эти события?

– О господи, – произнесла Милдред Берггрен. – Ведь с тех пор прошла целая вечность.

Ее нынешний муж и сын стояли позади нее и смотрели на фотографию.

– У нас было свадебное путешествие. Мы ездили на машине в Стокгольм и Сигтуну, а на обратном пути где-то останавливались… Хедестад, вы сказали?

– Да, Хедестад. Снимок был сделан примерно в час дня. Я уже некоторое время пытаюсь вас найти, но дело оказалось не из легких.

– Неужели вы нашли меня по одной старой фотографии, которую случайно обнаружили?.. Даже не могу себе представить, как вам это удалось.

Микаэль выложил фотографию с автостоянки.

– Я нашел вас благодаря этому снимку, сделанному в тот же день, но чуть позже.

Микаэль объяснил, как он через деревообрабатывающую фабрику Нуршё нашел Бурмана, а тот, в свою очередь, привел его к Хеннингу Форсману из Нуршёваллен.

– Полагаю, для ваших поисков имелись веские причины.

– Да. Девушку, которая стоит перед вами на этой фотографии, звали Харриет. Она исчезла как раз в тот самый день, и все указывает на то, что ее убили. Я могу показать вам, что произошло.

Микаэль достал лэптоп и, пока тот загружался, вкратце объяснил ситуацию. Потом он прокрутил слайд-шоу и показал, как менялось выражение лица Харриет.

– Вас я обнаружил, когда просматривал эти старые снимки. Вы стоите с камерой в руках позади Харриет и чуть сбоку – и, похоже, фотографируете именно то, на что она смотрит и что вызывает у нее такую реакцию. Я понимаю, что у меня практически нет шансов. Но я искал вас для того, чтобы спросить, не сохранились ли у вас фотографии, сделанные в тот самый день?

Микаэль готовился к тому, что Милдред Берггрен отмахнется и скажет: да что вы, тех снимков давно уже нет, пленки так и не проявили, или мы их давно выбросили… Но она посмотрела на него своими ярко-голубыми глазами и ответила, словно по-другому и быть не могло, что, разумеется, она хранит все свои старые фотографии, сделанные в отпуске.

Женщина ушла в комнату и буквально через минуту вернулась с коробкой, в которой лежали альбомы с множеством фотографий. Некоторое время она искала фотографии, сделанные в тот день. В Хедестаде она сделала всего три снимка. Один был нечетким и показывал главную улицу. На втором оказался ее тогдашний муж. Третий запечатлел клоунов и праздничное шествие.

Микаэль с большим интересом разглядывал эту фотографию. На другой стороне улицы он увидел лишь какую-то фигуру. Ничего не прояснилось.

Глава 20
Вторник, 1 июля – среда, 2 июля

Вернувшись в Хедестад, Микаэль прямо с утра отправился к Дирку Фруде, чтобы справиться о состоянии Хенрика Вангера. Он очень обрадовался, узнав, что за прошедшую неделю старику стало значительно лучше. Конечно, Хенрик был по-прежнему слаб и не в лучшей своей форме, но уже мог сидеть в постели. Доктора считали, что опасность миновала.

– Слава богу, – сказал Микаэль. – Я ведь действительно привязался к нему.

Адвокат кивнул:

– Я это знаю. Хенрик вас тоже полюбил. Как ваша поездка в Норрланд?

– Поездка оказалась успешной, но нерезультативной. Я отчитаюсь перед вами попозже. А сейчас у меня есть один вопрос.

– Пожалуйста.

– Что случится с «Миллениумом», если Хенрик вдруг умрет?

– Ничего. Его место в правлении займет Мартин.

– А не может ли оказаться так, чисто теоретически, что Мартин начнет вставлять палки в колеса «Миллениуму», если я не прекращу расследовать обстоятельства исчезновения Харриет?

Дирк Фруде вдруг испуганно посмотрел на Микаэля:

– Что-то случилось?

– Да, собственно говоря, ничего не случилось…

Микаэль пересказал ему их беседу с Мартином Вангером в праздничный вечер.

– Когда я возвращался домой из Нуршё, мне позвонила Эрика. Она сказала, что Мартин в беседе с нею подчеркнул, что мое присутствие в редакции просто необходимо.

– Понимаю. Могу предположить, что на него надавила Сесилия. Но я не верю, что Мартин начнет вас шантажировать. Он для этого слишком порядочен. И не забудьте, что я тоже вхожу в правление маленькой дочерней компании, которую мы образовали, когда приобретали акции «Миллениума».

– А если ситуация осложнится, какова будет ваша позиция?

– Я буду выполнять условия контракта и прослежу, чтобы все

остальные делали то же самое. Я работаю на Хенрика. Мы с ним дружим сорок пять лет и в подобных ситуациях действуем единым фронтом. Если Хенрик умрет, то его долю в дочерней компании унаследую я, а не Мартин. У нас подписан контракт, согласно которому мы обязаны поддерживать «Миллениум» в течение четырех лет. Если Мартин захочет что-нибудь предпринять против вас – но это исключено, с моей точки зрения, – он сможет, например, отсечь небольшую часть новых рекламодателей.

– Но «Миллениум» жив благодаря рекламе и рекламодателям…

– Подумайте, чтобы вам навредить, нужно потратить уйму времени. Мартин сейчас борется за выживание своих предприятий и вкалывает по четырнадцать часов в сутки. Ни на что другое у него просто не остается времени.

Микаэль задумался.

– Знаю, что это не мое дело, но могу ли я спросить – как обстоят дела в концерне?

Дирк Фруде посерьезнел:

– У нас, конечно, есть масса проблем.

– Ну, это понятно даже такому простому смертному из числа экономических обозревателей, как я. Я имею в виду, насколько они серьезны?

– Между нами?

– Сугубо между нами.

– За последние недели мы лишились двух крупных заказов в электронной промышленности. К тому же нас пытаются вытеснить с российского рынка. В сентябре нам придется уволить тысячу шестьсот рабочих и служащих работников в Эребру[86] и Тролльхеттане. Люди, проработавшие в концерне много лет, воспримут увольнение очень болезненно. Каждый раз, когда мы закрываем какую-нибудь фабрику или какой-нибудь цех, это бьет по репутации концерна.

– Да уж, Мартину Вангеру не позавидуешь…

– Он настоящий трудоголик. Но все время ходит по тонкому льду.

Микаэль пошел к себе домой и позвонил Эрике. Он не застал ее в редакции и поговорил с Кристером Мальмом.

– Видишь ли, вчера, когда я возвращался из Нуршё, мне позвонила Эрика. Мартин Вангер общался с нею и, как бы это выразиться, высказал пожелание, чтобы она заставила меня более активно участвовать в жизни редакции.

– Я тоже думаю, что тебе следовало бы держаться к нам поближе, –

сказал Кристер.

– Понимаю. Но дело в том, что я подписал контракт с Хенриком Вангером и не могу его нарушить. А Мартин действует по поручению кое-кого из местных… Кое-кому хочется, чтобы я прекратил копаться в архивах их семьи и уехал. То есть фактически Мартин пытается меня отсюда выпихнуть.

– Понятно.

– Передай Эрике, что я вернусь в Стокгольм, как только закончу тут все дела. Не раньше.

– Ясно. Ты окончательно свихнулся. Я так и передам.

– Послушай, Кристер. Здесь происходит что-то непонятное, и я вовсе не намерен отступать.

Мальм тяжело вздохнул.

Микаэль отправился к Мартину Вангеру. Дверь открыла Эва Хассель и с улыбкой поприветствовала его.

– Здравствуйте. Мартин дома?

Тут же откуда-то вынырнул Мартин Вангер с портфелем в руке. Он поцеловал Эву в щеку и поприветствовал Микаэля.

– Я еду в офис. Вы хотите со мной поговорить?

– Если вы спешите, то это может подождать.

– Выкладывайте.

– Я не уеду и не начну работать в «Миллениуме», пока не выполню задание, которое поручил мне Хенрик. Я информирую вас об этом сейчас, чтобы вы не рассчитывали на мое участие в делах правления до конца года.

Мартин Вангер опешил.

– Ясно. Вы считаете, что я хочу от вас отделаться? – Пауза. – Микаэль, давайте поговорим об этом позже. У меня и в самом деле нет времени на посторонние хобби вроде «Миллениума», и я уже жалею, что согласился на предложение Хенрика войти в правление. Но поверьте мне – я сделаю все, что смогу, чтобы журнал выжил.

– Я в этом никогда и не сомневался, – вежливо ответил Микаэль.

– Давайте на следующей неделе выкроим время, чтобы рассмотреть финансовые вопросы, и я изложу свою позицию. Мой главный аргумент заключается в следующем: я считаю, что «Миллениум» не может себе позволить, чтобы один из его ведущих сотрудников сидел в Хедебю и бил баклуши. Лично мне журнал нравится, и я уверен, что вместе мы сможем усилить его позиции, но для пользы дела вы должны находиться в стенах редакции. Я оказался перед моральным выбором: либо угодить Хенрику,

либо стать образцовым членом правления «Миллениума».

Микаэль переоделся в спортивный костюм и пробежался по пересеченной местности до Форта и домика Готфрида, а потом почти пешком не спеша вернулся обратно вдоль берега. За садовым столиком сидел Дирк Фруде. Он терпеливо ждал, пока Микаэль выпьет бутылку воды и переведет дыхание.

– Едва ли полезно бегать в такую жару…

– Ух, – отозвался Микаэль.

– Я ошибался. Больше всего на Мартина давит не Сесилия. Это Изабелла мобилизует весь клан Вангеров, чтобы окунуть вас в смолу и перья, а может, еще и сжечь на костре. Ее поддерживает Биргер.

– Изабелла?..

– Она мелочная и склочная ведьма и по большому счету никого не любит. Сейчас она, видимо, особенно возненавидела именно вас. Распространяет слухи о том, что вы махинатор, и сначала склонили Хенрика нанять вас на работу, а потом расстроили его до такой степени, что у него случился инфаркт.

– И кто-нибудь этому верит?

– Всегда найдутся люди, которые охотно верят злым языкам.

– Но ведь я пытаюсь выяснить, что произошло с ее дочерью, а она меня ненавидит… Если бы такое случилось с моей дочерью, я бы реагировал иначе.

Около двух часов у Микаэля зазвонил мобильник.

– Привет! Меня зовут Конни Турссон, я корреспондент газеты «Хедестадс-курирен». Не могли бы вы найти время ответить на мои вопросы? До нас дошли сведения, что вы поселились в Хедебю.

– Да уж, сведения доходят до вас с большим опозданием… Я живу здесь уже с Нового года.

– Я не знал. А что вы делаете в Хедестаде?

– Пишу. Я здесь нахожусь вроде как в творческом отпуске на год.

– Над чем работаете?

– Извините, но вы узнаете об этом, когда книга будет опубликована.

– Вас только что выпустили из тюрьмы…

– Неужели?

– Как вы относитесь к журналистам, которые фальсифицируют материал?

– Журналисты, которые фальсифицируют материал, придурки.

– Вы хотите сказать, что вы придурок?
– При чем здесь я? Я не занимаюсь фальсификацией материала.
– Но ведь именно вас осудили за клевету.
– И что из этого?
Репортер Конни Турссон замолчал, и так надолго, что Микаэлю пришлось немного ему помочь:
– Меня осудили за клевету, а не за фальсификацию материала.
– Но вы ведь опубликовали эти материалы.
– Если вы звоните, чтобы обсуждать со мной приговор, тогда – без комментариев.
– Я хотел бы приехать и взять у вас интервью.
– Сожалею, но мне нечего сказать по этому поводу.
– Значит, вы не хотите обсуждать судебный процесс?
– Совершенно верно, – ответил Микаэль и прекратил разговор.
Он довольно долго сидел в раздумьях, а потом вернулся к компьютеру.

Согласно полученным инструкциям, Лисбет Саландер отправилась на своем «Кавасаки» через мост, к островной части Хедебю, и остановилась возле первого домика на левой стороне. Здесь было захолустье, но пока работодатель платит, она отправится хоть на Северный полюс. К тому же мчаться на большой скорости по дороге Е-4 – настоящее удовольствие. Саландер припарковала мотоцикл и отстегнула от багажника сумку с вещами для ночевки.
Микаэль Блумквист открыл дверь и помахал ей рукой. Потом вышел и начал с откровенным восхищением изучать ее «агрегат».
– Круто. Значит, ты байкер.
Лисбет ничего не ответила, но бдительно следила за тем, как он осматривает руль и трогает регулятор газа. Она вообще не любила, когда кто-нибудь прикасался к ее вещам. Но увидев его мальчишескую улыбку, она смягчилась. Обычно реальные байкеры пренебрежительно фыркали при виде ее маломощного «Кавасаки».
– У меня был мотоцикл, когда мне было девятнадцать лет, – сказал он, обернувшись к ней. – Молодец, что приехала. Заходи, будем с тобой обустраиваться.
Микаэль одолжил раскладушку у Нильссонов, живших через дорогу, и постелил Лисбет в кабинете. Она с подозрением прошлась по дому, но не обнаружила никаких признаков коварной ловушки и вроде как расслабилась. Микаэль показал, где находится ванная комната.
– Если хочешь, можешь принять душ и освежиться.

– Я должна переодеться. Я не собираюсь ходить тут в кожаном комбинезоне.

– Тогда давай, а я займусь ужином.

Микаэль приготовил бараньи отбивные в винном соусе и, пока Лисбет Саландер принимала душ и переодевалась, накрыл стол на улице, под лучами вечернего солнца. Девушка вышла босиком, в черной майке и короткой потертой джинсовой юбке. Еда пахла очень аппетитно, и она проглотила две большие порции. Микаэль разглядывал татуировки у нее на спине.

– Пять плюс три, – сказала Лисбет Саландер. – Пять случаев из списка твоей Харриет, и три, которые, по-моему, тоже могли туда попасть.

– Рассказывай.

– Я работала над этим только одиннадцать дней и попросту не успела раскопать обстоятельства всех дел. Какие-то материалы уже сданы в городские архивы, другие по-прежнему находятся в полицейском округе. Я три дня ездила по округа́м, но не успела объехать все. Однако пять нужных случаев идентифицированы.

Лисбет Саландер выложила на стол внушительную пачку бумаг, около пятисот листов формата А4, и быстро рассортировала материал по разным стопкам.

– Я буду показывать в хронологическом порядке.

И она протянула Микаэлю список.

1949 – Ребекка Якобссон, Хедестад (30112)
1954 – Мари Хольмберг, Кальмар (32018)
1957 – Ракель Лунде, Ландскруна (32027)
1960 – (Магда) Лувиса Шёберг, Карлстад (32016)
1960 – Лив Густавссон, Стокгольм (32016)
1962 – Лия Перссон, Уддевалла (31208)
1964 – Сара Витт, Роннебю (32109)
1966 – Лена Андерссон, Уппсала (30112)

– Первой в этой серии, похоже, оказалась Ребекка Якобссон, про которую тебе уже все известно, в деталях, – сорок девятый год. Потом я нашла Мари Хольмберг, тридцатидвухлетнюю проститутку из Кальмара, которую убили у нее дома в октябре пятьдесят четвертого. Точная дата ее смерти неизвестна, поскольку она какое-то время пролежала, прежде чем ее обнаружили. Вероятно, дней девять или десять.

– А почему ты решила, что она могла попасть в список Харриет?

– Она была связана и страшно избита, но причина смерти – удушение. Убийца засунул ей в горло гигиеническую прокладку.

После короткой паузы Микаэль открыл указанную под шифром страницу Библии – 20-ю главу, 18-й стих Третьей книги Моисеевой:

> *«Если кто ляжет с женою во время болезни кровеочищения и откроет наготу ее, то он обнажил истечения ее, и она открыла течение кровей своих: оба они да будут истреблены из народа своего».*

Лисбет кивнула.

– Харриет Вангер понимала это так же, – сказал Микаэль. – Хорошо. Следующая.

– Май пятьдесят седьмого года, Ракель Лунде, сорока пяти лет. Она работала уборщицей и слыла большой чудачкой. Например, увлекалась гаданием на картах, по руке и так далее. Ракель жила под Ландскруной, в доме на отшибе. И там же ее, одним ранним утром, и убили. Ее обнаружили голую, привязанную к сушилке на заднем дворе, с заклеенным скотчем ртом. Смерть наступила в результате того, что ее забросали тяжелыми камнями. У нее было множество ссадин и переломов.

– Черт подери, Лисбет, какой ужас.

– Дальше будет хуже. Инициалы «РЛ» соответствуют – видишь цитату?

– Конечно, вижу.

> *«Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них».*

– Дальше следует Лувиса Шёберг из Ранму, под Карлстадом. Ее Харриет обозначила как Магду. Ее полное имя Магда Лувиса, но звали ее просто Лувисой.

Микаэль внимательно слушал, пока Лисбет рассказывала об убийстве в Карлстаде, со всеми страшными подробностями. Когда она закурила, он взглядом указал на пачку. Она подтолкнула пачку к нему.

– Значит, убийца напал и на животное?

– Библейская цитата звучит так: если женщина занимается сексом с животным, то следует убить обоих.

– Вероятность того, что эта женщина занималась сексом с коровой, равна нулю.

– Возможно, библейская цитата была истолкована буквально. Ведь любая фермерша, безусловно, ежедневно тесно общается с животными.

– Ладно. Давай дальше.

– Следующим в списке Харриет обозначено имя Сара. По моим сведениям, имеется в виду Сара Витт, тридцати семи лет, проживавшая в Роннебю. Ее убили в январе шестьдесят четвертого года. Она была найдена связанной в собственной постели. Ее подвергли грубому сексуальному насилию, но причина смерти – удушение. Задушили, то есть. Убийца также совершил поджог. Он, вероятно, хотел спалить весь дом дотла, но огонь отчасти погас сам по себе, да и пожарные приехали очень быстро.

– А она как связана со списком?

– А вот послушай. Сара Витт была дочерью пастора и женой пастора. В те выходные ее муж куда-то уехал.

«Если дочь священника осквернит себя блудодеянием, то она бесчестит отца своего: огнем должно сжечь ее».

– Согласен. Похоже, что этот случай из нашего списка. Ты сказала, что обнаружила и другие совпадения.

– Я нашла еще трех женщин, которых убили при столь загадочных обстоятельствах, что они должны были бы присутствовать в списке Харриет. Первый случай – это женщина по имени Лив Густавссон. Ей было двадцать два, и она жила в стокгольмском районе Фарста. Она была наездницей – участвовала в соревнованиях и, скорее всего, у нее были все шансы преуспеть на этом поприще. Они с сестрой держали также небольшой зоомагазин.

– И что же?

– Именно в магазине ее и нашли. Она осталась там после работы с бухгалтерскими отчетами и была одна. Убийцу она, вероятно, впустила добровольно. Ее изнасиловали и задушили.

– Но этот случай не вполне типичен для списка Харриет?

– Не совсем, но есть одна деталь. Убийца под конец засунул ей во влагалище попугая и выпустил всех имевшихся в магазине животных. Кошек, черепах, белых мышей, кроликов, птиц… Даже рыбок из аквариума вытащил. Так что утром ее сестра обнаружила просто зловещую картину.

Микаэль кивнул.

– Ее убили в августе шестидесятого года, через четыре месяца после

убийства фермерши Магды Лувисы из Карлстада. В обоих случаях женщины тесно общались с животными, и в обоих случаях жертвами стали также животные. Корова из Карлстада выжила, но мне кажется, что корову не так-то легко убить колющим оружием. С попугаем, конечно же, проще. Кроме того, в качестве жертвы возникает еще одно животное.

– Какое?

Лисбет рассказала о странном «Убийстве голубки» – о деле Лии Перссон из Уддеваллы. Микаэль замолчал так надолго, что даже Саландер начала терять терпение.

– Ладно, – сказал он наконец. – Я могу согласиться с твоей теорией. Но остается еще один случай.

– Еще один из тех, которые я раскопала. Даже не знаю, сколько случаев я упустила.

– Расскажи об этом.

– Февраль шестьдесят шестого года, Уппсала. Самой молодой жертвой оказалась семнадцатилетняя гимназистка Лена Андерссон. Она пропала после вечеринки с одноклассниками. Ее обнаружили только через три дня – она лежала в канаве на Уппсальской равнине, на приличном удалении от города. Ее убили где-то в другом месте, а потом перетащили туда.

Микаэль кивнул.

– Об этом убийстве очень и очень много писали, но нигде не сообщалось о точных обстоятельствах смерти. Девушку чудовищно истязали. Я читала отчет патологоанатома. Ее пытали огнем. У нее были сильно обожжены руки и грудь, и все тело раз за разом прижигали в самых разных местах. На ней обнаружили пятна стеарина, то есть убийца явно использовал свечу, но руки у нее были настолько обуглены, что их, несомненно, держали на более сильном огне. Под конец убийца отпилил ей голову и бросил ее рядом с телом.

Микаэль побледнел.

– О господи, – произнес он.

– Я так и не нашла подходящей к этому случаю цитаты, но во многих главах говорится о сожжении и о жертвоприношении за грех, а в нескольких местах предписывается расчленять жертвенное животное – чаще всего тельца, – отделяя голову от туловища. А то, что убийца использовал огонь, напоминает также о первом убийстве – смерти Ребекки в Хедестаде.

Когда ближе к вечеру их начали атаковать комары, Микаэль с Лисбет убрали еду и напитки с садового столика и перебрались на кухню.

– То, что точно подходящие к случаю цитаты отсутствуют, особого значения не имеет, цитаты тут – не главное. Эта чудовищная пародия на библейский текст – скорее попытка вызвать ассоциации с отдельными постулатами.

– Вот именно. Тут даже логика хромает. Взять хотя бы цитату о том, что если кто-то занимается сексом с девушкой, у которой месячные, то надо уничтожить обоих. Если толковать ее буквально, то преступнику следовало бы покончить с собой.

– Но что же, по-твоему, из этого следует? – поинтересовался Микаэль.

– Либо у твоей Харриет было единственное в своем роде хобби – подбирать подходящие цитаты из Библии к убийствам, о которых ей доводилось слышать… Либо ей было известно, что все эти убийства как-то связаны между собой.

– Все эти убийства совершены между сорок девятым и шестьдесят шестым годами, но, возможно, были и другие случаи – и до, и после. Получается, что как минимум семнадцать лет по Швеции гастролировал серийный убийца и маньяк, садист с Библией под мышкой, и истреблял женщин, и никому не пришло в голову как-то связать эти преступления между собой. В это просто невозможно поверить.

Лисбет задвинула стул и принесла с плиты еще кофе для них обоих. Затем закурила, и дым окутал ее. Блумквист мысленно молча обругал себя и стрельнул у нее еще одну сигарету.

– Да нет, в принципе, это не так уж невероятно, – сказала девушка и подняла палец. – За двадцатый век в Швеции не раскрыты убийства нескольких десятков женщин. Профессор криминологии Перссон, который ведет по телевидению программу «Разыскивается», однажды сказал, что серийные убийцы – большая редкость для Швеции, но при этом некоторые из них наверняка просто не попались в руки правосудия.

Микаэль кивнул. Лисбет подняла второй палец.

– Эти убийства совершались на протяжении очень долгого времени и в самых разных местах страны. Два убийства произошли одно за другим в шестидесятом году, но обстоятельства преступления были достаточно разными – фермерша в Карлстаде и тридцатидвухлетняя женщина в Стокгольме.

Она подняла третий палец.

– Отсутствует четкая схема. Убийства совершались разными способами, и единый почерк не прослеживается, однако повторяющиеся детали все же наблюдаются. Животные. Огонь. Грубое сексуальное насилие. И, как ты верно отметил, намеки на библейский текст. Но никто из

полицейских и следователей попросту не пытался истолковывать смысл действий, опираясь на Библию.

Микаэль кивнул и взглянул на свою напарницу. Лисбет Саландер, с ее хрупким телосложением, в черной майке, с татуировками и кольцами на лице, смотрелась в гостевом домике Хедебю по крайней мере не очень органично. Когда за обедом Блумквист попытался вовлечь ее в беседу на свободные темы, она отвечала односложно и почти не поддерживала разговор. Но о делах, связанных с работой, говорила как заядлый профессионал. Ее квартира в Стокгольме выглядела так, словно ее только что разбомбили, но Микаэль пришел к выводу, что с головой у Лисбет Саландер, безусловно, все нормально… Вот так парадокс!

– Вряд ли легко проследить связь между проституткой из Уддеваллы, убитой за контейнером на пустыре, и женой пастора из Роннебю, которую задушили и пытались сжечь. Если, конечно, не иметь в виду ключ, который нам дала Харриет.

– Но в связи с этим возникает следующий вопрос, – заметила Лисбет.

– Каким образом, черт возьми, Харриет оказалась втянутой в эту авантюру? Шестнадцатилетняя барышня, которая обитала во вполне благополучной среде…

– Есть только один ответ, – произнесла Саландер.

Микаэль снова кивнул:

– Эти убийства имеют какое-то отношение к семейству Вангеров.

К одиннадцати вечера они уже так детально вникли в серию убийств, обсудили связь между ними и отметили разные отдельные подробности, что мысли в голове у Микаэля начали путаться. Он потер глаза, потянулся и спросил, не хочет ли Лисбет Саландер пойти прогуляться. Судя по ее виду, она считала подобные променады пустым времяпрепровождением, но после некоторых колебаний согласилась. Поскольку комары вечерами активизировались, Микаэль предложил ей надеть длинные брюки.

Они сделали крюк, прошли под мостом, мимо лодочной гавани, и направились в сторону мыса Мартина Вангера. Микаэль показывал по пути разные дома, рассказывая, кто в них живет. У дома Сесилии Вангер он начал запинаться, и Лисбет покосилась на него.

Они миновали роскошную яхту Мартина, вышли на мыс, уселись на камень и выкурили одну сигарету на двоих.

– У всех убитых женщин есть еще кое-что общее, – внезапно сказал Микаэль. – Возможно, ты уже об этом думала.

– И что же?

– Имена.

Лисбет Саландер задумалась, потом покачала головой.

– Все имена – библейские, – подсказал Микаэль.

– Это не так, – сразу откликнулась Лисбет. – Лив и Лена в Библии не упоминаются.

Микаэль покачал головой:

– На самом деле они там есть. Лив означает «жить», а библейское имя Ева означает «жизнь». А теперь подумай, Салли: Лена – сокращенная версия какого имени?

Лисбет Саландер чуть не поперхнулась от досады и выругалась про себя. Микаэль опередил ее по части сообразительности, а она не могла с этим смириться.

– Магдалена.

– Блудница, первая женщина, Дева Мария… И вот уже все героини Библии в сборе. Эти задачки даже психологу окажутся не по плечам. Вообще-то я сейчас подумал о другом, вспоминая об этих именах.

Лисбет терпеливо ждала.

– Это еще и традиционные еврейские имена. В семье Вангеров хватает антисемитов, нацистов и теоретиков конспирологии. Харальд Вангер, который живет здесь и которому сейчас за девяносто, находился в шестидесятые годы в расцвете сил. Единственный раз, когда я его видел, он прошипел, что его собственная дочь – шлюха. Без сомнения, он – женоненавистник.

Вернувшись домой, они сделали бутерброды, чтобы перекусить на ночь, и разогрели кофе. Микаэль с ужасом взирал на те пятьсот страниц, которые ему подготовила любимая сотрудница Драгана Арманского.

– Ты выполнила колоссальную работу за рекордно короткий срок, – сказал он. – Спасибо тебе. И спасибо за то, что ты так любезно согласилась приехать сюда и отчитаться.

– А что теперь будет? – спросила Лисбет.

– Завтра я поговорю с Дирком Фруде, и мы с тобой рассчитаемся.

– Я не это имела в виду.

Микаэль посмотрел на нее.

– Ну, то, что я просил тебя раскопать, ты вроде бы уже сделала, – осторожно сказал он.

– Еще не сделала.

Микаэль откинулся на спинку кухонного дивана и посмотрел ей в глаза. Но прочитать что-либо в ее взгляде он не смог. Полгода журналист

размышлял над исчезновением Харриет в одиночку. И вдруг неожиданно появился кто-то другой – опытный поисковик, настоящий профессионал. И Блумквист принял решение, поддавшись порыву.

– Я знаю. Меня эта ситуация тоже напрягает. Я поговорю завтра с Дирком Фруде. Мы наймем тебя еще на пару недель в качестве… ассистента исследователя. Не уверен, что он захочет платить по тем же расценкам, что платит Арманскому, но приличную месячную зарплату мы, пожалуй, из него вытянем.

Лисбет Саландер внезапно растаяла и улыбнулась. На самом деле ей совершенно не хотелось, чтобы ее отстранили, и она была готова продолжать работать даже бесплатно.

– Меня клонит в сон, – заявила девушка и сразу ушла к себе, закрыв за собой дверь.

Через две минуты она открыла дверь и высунула голову:

– Думаю, ты ошибаешься. Это не серийный убийца-психопат, начитавшийся Библии. Это самый заурядный подонок, который ненавидит женщин.

Глава 21
Четверг, 3 июля – четверг, 10 июля

На следующий день Лисбет Саландер встала около шести утра, когда Микаэль еще спал. Она поставила воду для кофе и приняла душ. Когда Блумквист проснулся в половине восьмого, она уже сидела у включенного лэптопа и читала его соображения относительно дела Харриет Вангер. Он вышел на кухню, завернувшись в простыню и протирая сонные глаза.

– На плите есть кофе, – сказала Лисбет.

Микаэль заглянул через ее плечо:

– Этот документ защищен паролем.

Она повернула голову и взглянула на него:

– Чтобы загрузить из Интернета программу, которая взламывает пароли «Ворда», требуется тридцать секунд.

– Нам придется договариваться о том, где проходит граница между твоим и моим, – заявил Блумквист и отправился в душ.

Когда он оттуда вышел, Лисбет уже закрыла его компьютер и вернула на место в кабинет. Теперь она включила свой лэптоп. Микаэль почти не сомневался в том, что Саландер уже перенесла все содержимое его компьютера в свой собственный.

Лисбет была самым настоящим компьютерным гиком с весьма условными представлениями об этике и морали.

Только Микаэль сел за стол, чтобы позавтракать, как во входную дверь постучали. Он пошел открывать. Вид у стоявшего на пороге Мартина Вангера был довольно мрачный, и Микаэль на секунду подумал, что тот пришел сообщить о смерти Хенрика.

– Нет, у Хенрика все так же, как и вчера, – сказал Мартин. – Я к вам по другому вопросу… Могу я зайти на минуту?

Микаэль впустил его и представил своему «ассистенту-исследователю» Лисбет Саландер. Та взглянула на магната одним глазом, быстро кивнула и вернулась к своему компьютеру. Мартин машинально поздоровался, но казался настолько рассеянным, что, похоже, вообще даже не обратил на нее внимания. Микаэль налил ему кофе и предложил сесть.

– В чем дело?

– Вы выписываете «Хедестадс-курирен»?

– Нет. Я иногда читаю газету в «Кафе Сусанны».

– Значит, сегодняшний номер вы еще не читали.

– Судя по вашему тону, мне нужно его прочесть.

Мартин Вангер положил на стол перед Микаэлем свежий номер «Хедестадс-курирен». Микаэлю посвятили две колонки на первой полосе, с продолжением на четвертой. Он посмотрел на заголовок.

ЗДЕСЬ СКРЫВАЕТСЯ ЖУРНАЛИСТ, ОСУЖДЕННЫЙ ЗА КЛЕВЕТУ

К тексту прилагалась фотография, снятая телеобъективом с церковного холма с другой стороны моста. На ней Микаэль был изображен выходящим из дверей домика.

Репортеру Конни Турссону удалось с успехом выступить в жанре памфлета. В статье кратко излагалось дело Веннерстрёма и подчеркивалось, что Микаэль позорно бежал из «Миллениума» и только что вышел из тюрьмы. Текст завершался вполне привычной сентенцией, что Микаэль отказался давать интервью «Хедестадс-курирен». По тону статьи жители Хедестада должны были понять: по их городку разгуливает столичный типчик с чертовски подмоченной репутацией. Ни к одному слову нельзя было придраться, чтобы подать в суд за клевету, но Микаэля изобразили как весьма подозрительную личность. А по стилистике статья напоминала те, в которых описываются политические террористы. «Миллениум» называли «агитационным журналом», не слишком заслуживающим доверия, а книгу Микаэля об экономической журналистике автор статьи характеризовал как сборник «противоречивых утверждений» об уважаемых профессионалах.

– Микаэль… Мне не хватает слов, чтобы выразить мои чувства по поводу этой статьи. Это чернуха.

– Это заказуха, – спокойно сказал Микаэль и внимательно посмотрел на собеседника.

– Надеюсь, вы понимаете, что я не имею к этому ни малейшего отношения… Я чуть кофе не подавился, когда это увидел.

– Но кто за этим стоит?

– Я позвонил утром осведомленным людям… Конни Турссон кого-то замещает на лето. Но статью он написал по заданию Биргера.

– Неужели Биргер имеет влияние на редакцию? Ведь он как-никак муниципальный советник и политик.

– Формально – не имеет. Но главным редактором газеты является

Гуннар Карлман, сын Ингрид Вангер, – это линия Юхана Вангера. Биргера с Гуннаром связывает многолетняя дружба.

– Вот оно что… Понятно.

– Турссона незамедлительно уволят.

– Сколько ему лет?

– Честно говоря, я не знаю. Я с ним никогда не встречался.

– Не увольняйте его. Он звонил мне; судя по голосу, это молодой и неопытный репортер.

– Но такие акции нельзя оставлять без последствий.

– Если хотите знать мое мнение, то ситуация, когда главный редактор газеты, принадлежащей семье Вангеров, нападает на журнал, совладельцем и членом правления которого является Хенрик Вангер, представляется мне несколько абсурдной. Получается, что главный редактор Карлман нападает на вас с Хенриком.

Мартин Вангер задумался, затем медленно покачал головой:

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Но я должен возложить ответственность на действительного виновника. Карлман является совладельцем концерна и ведет против меня давнюю войну, но этот случай гораздо больше похож на месть Биргера за то, что вы осадили его в коридоре больницы. Вы для него как соринка в глазу.

– Я знаю. Поэтому и считаю, что Турссон здесь ни при чем. Разве может юный практикант или стажер отказаться, когда главный редактор диктует ему, что писать и как писать?

– Я могу потребовать, чтобы перед вами завтра же извинились, причем на первой полосе.

– Не стоит. Это приведет к долгой войне, которая крайне осложнит ситуацию.

– Значит, вы считаете, что мне не следует что-либо предпринимать?

– Это бессмысленно. Карлман будет сопротивляться, и вас могут выставить в невыгодном свете: мол, владелец газеты пытается незаконно повлиять на свободу слова и общественное мнение.

– Простите, Микаэль, но я с вами не согласен. У меня ведь тоже есть право на свое мнение. Я считаю эту статью предвзятой и клеветнической и намерен открыто заявить о своей позиции. Я ведь замещаю Хенрика в правлении «Миллениума» и в этой роли не могу допустить, чтобы подобные нападки на наш журнал оставались без ответа.

– Ну что ж, согласен.

– Я потребую, чтобы моя реплика была опубликована. И я выставлю Карлмана полным идиотом. Пусть пеняет на себя.

– Что ж, вы имеете право поступать согласно собственным убеждениям.

– Для меня также важно убедить вас в том, что я не имею никакого отношения к этому позору.

– Я вам верю, – сказал Микаэль.

– Кроме того, я не хочу сейчас касаться этой темы, но после этой статьи становится еще более актуально то, о чем мы уже говорили. Вам необходимо вернуться в редакцию «Миллениума», чтобы мы могли выступать единым фронтом. Пока вас там нет, вся эта брехня не затихнет. Лично я верю в «Миллениум» и убежден, что вместе мы в силах выиграть это сражение.

– Мне понятна ваша позиция, но теперь уже моя очередь не согласиться с вами. Я не могу разорвать контракт с Хенриком и на самом деле вовсе не хочу этого делать. Видите ли, я действительно привязался к Хенрику. А вся эта история с Харриет…

– Да?

– Я понимаю, что для вас это тяжело и что Хенрик сосредоточен на этой истории уже много лет…

– Между нами говоря, я очень люблю Хенрика, и он мой учитель, но когда речь заходит о Харриет, он буквально теряет чувство реальности…

– В самом начале, когда Хенрик предложил мне эту работу, я относился к ней как к пустой трате времени. Но дело в том, что вопреки ожиданиям мы обнаружили новые материалы. Не исключено, что очень скоро мы, возможно, сумеем дать ответ на вопрос, что же с ней произошло.

– А вы не можете сказать, что именно нашли?

– Согласно контракту, я не имею права обсуждать это с кем-либо без личного разрешения Хенрика.

Мартин упер подбородок в руку, и Микаэль прочитал в его глазах сомнение. В конце концов Вангер принял решение:

– Ладно, в таком случае самое лучшее, что мы можем сделать, – как можно скорее разобраться с загадкой Харриет. Тогда договоримся так: я буду оказывать вам всяческую поддержку, чтобы вы как можно скорее смогли успешно завершить свою работу и вернуться в «Миллениум».

– Отлично. Мне бы не хотелось сражаться еще и с вами.

– Сражаться со мною не нужно. Я буду полностью вас поддерживать. Если у вас возникнут проблемы, можете на меня рассчитывать. Я буду прессовать Биргера, чтобы тот не смел чинить вам никаких препятствий. А еще поговорю с Сесилией и постараюсь успокоить ее.

– Спасибо. Мне необходимо задать ей кое-какие вопросы, а она уже

месяц игнорирует мои попытки с ней поговорить.

Мартин Вангер внезапно улыбнулся:

– Возможно, вам следует для начала просто выяснить с ней отношения… Но уж тут я ни при чем.

Они пожали друг другу руки.

Лисбет Саландер молча прислушивалась к беседе Микаэля и Мартина. Когда последний ушел, она потянулась за «Хедестадс-курирен» и пробежала глазами статью. Потом отодвинула газету, но ее содержание комментировать не стала.

А Микаэль задумался.

Гуннар Карлман родился в 1942 году, и, следовательно, в 1966-м ему было двадцать четыре года. И он тоже находился на острове в тот день, когда исчезла Харриет.

После завтрака Микаэль усадил «ассистента-исследователя» читать полицейские протоколы по поводу исчезновения Харриет. Кроме того, он передал ей материалы частного расследования Хенрика, а также все фотографии аварии на мосту. А сам отправился к Дирку Фруде и попросил его составить контракт, согласно которому они нанимали Лисбет сотрудником сроком на месяц.

Вернувшись в дом, Блумквист обнаружил, что девушка перешла в сад и сидит, с головой погруженная в полицейские протоколы. Микаэль зашел в дом и подогрел кофе, параллельно наблюдая за ней из окна кухни. Саландер, казалось, просто перелистывала дела, уделяя каждой странице не более десяти или пятнадцати секунд. Микаэля изумило, каким образом она при таком небрежном подходе к материалам умудряется отпускать такие компетентные комментарии. Он взял с собой две чашки кофе и составил ей компанию за столиком в саду.

– Ты написал вот это об исчезновении Харриет до того, как тебе пришло в голову, что мы ищем серийного убийцу? – спросила она.

– Да. Я записывал то, что считал важным – вопросы, которые я хотел задать Хенрику Вангеру, и все прочее. Ты наверняка обратила внимание, что весь материал изложен довольно бессистемно. До сих пор я, собственно говоря, просто бродил в потемках наугад, пытаясь написать некую историю – в формате одной главы из биографии Хенрика Вангера.

– А что теперь?

– Раньше все внимание исследователей было сосредоточено на острове и на происходивших там событиях. Теперь же я уверен, что история

началась в Хедестаде, на несколько часов раньше. Это меняет угол зрения.

Лисбет кивнула. Она задумалась.

– А ты просто молодец, что сообразил насчет тех снимков, – сказала она.

Микаэль поднял брови. Лисбет Саландер, казалось, не слишком склонна расточать похвалы, и он почувствовал себя крайне польщенным. С другой стороны, с журналистской точки зрения, он действительно достиг в этом деле успеха.

– Теперь тебе пора уточнить детали, – продолжала она. – Кстати, чем закончилась история с тем снимком, за которым ты охотился в Нуршё?

– Ты хочешь сказать, что не посмотрела снимки в моем компьютере?

– Еще не успела. Мне хотелось прочитать, каким образом ты рассуждал и какие сделал выводы.

Микаэль вздохнул, включил лэптоп и загрузил папку с фотографиями.

– Ты не поверишь. Посещение Нуршё оказалось успешным, но результат меня полностью разочаровал. Иными словами, ту фотографию я нашел, но толку от нее почти никакого. Та женщина, Милдред Берггрен, аккуратно вклеивала в альбом и хранила все до единой отпускные фотографии – и большие, и маленькие. Среди них была и эта, снятая на дешевой цветной пленке. За тридцать семь лет она поблекла и местами сильно пожелтела, но у Милдред в коробке из-под туфель сохранились негативы. Она отдала их мне, чтобы я отсканировал все негативы из Хедестада. Вот то, что увидела Харриет.

Он кликнул на фотографию с номером документа [Harriet/bd-19.esp].

Лисбет поняла, почему он так расстроен. Она увидела снятую широким объективом не слишком четкую фотографию, на которой плясали клоуны на детском празднике. На заднем плане просматривался угол магазина модной мужской одежды Сундстрёма. На тротуаре, тоже в отдалении, стояли человек десять, между клоунами и капотом движущегося грузовика.

– Я полагаю, что она смотрела вот на этого человека. Во-первых, потому, что использовал методику триангуляции, с учетом угла поворота ее лица – я точно изобразил этот перекресток. А во-вторых, потому, что только этот человек, похоже, смотрит прямо в объектив. То есть он смотрит на Харриет.

Лисбет увидела нечеткую фигуру, стоящую чуть позади зрителей, возле самого угла поперечной улицы. На нем (или на ней) была темная стеганая куртка с красными вставками на плечах и темные брюки, возможно, джинсы. Микаэль увеличил фотографию так, что верхняя часть

фигуры – выше талии – заполнила весь экран. Изображение сразу стало еще более расплывчатым.

– Это мужчина. Рост примерно метр восемьдесят, телосложение обычное. У него средней длины русые волосы, бороды нет. Но различить черты лица невозможно, равно как и прикинуть возраст – он может колебаться от подросткового до среднего.

– С фотографией можно поработать…

– Я пробовал. Даже посылал ее Кристеру Мальму из «Миллениума», а ему в этом деле нет равных.

Микаэль кликнул на другую фотографию.

– Вот самый лучший вариант из тех, что удалось получить. Но снимок сделан очень примитивной фотокамерой и на слишком большом расстоянии.

– А ты кому-нибудь его показывал? Люди могут узнать его по осанке…

– Я показывал снимок Дирку Фруде. Он понятия не имеет, кто это может быть.

– Дирк Фруде, как вариант, не самый наблюдательный человек в Хедестаде.

– Да, но ведь я работаю на него и на Хенрика Вангера. Я хочу сперва показать снимок Хенрику, а потом уже двигаться дальше.

– Он может быть просто случайным персонажем.

– Не исключено. Однако, похоже, именно он произвел на Харриет такое мощное впечатление.

Всю следующую неделю практически все время Микаэль и Лисбет занимались делом Харриет, если не считать часов, потраченных на сон. Лисбет продолжала читать материалы следствия и по-прежнему задавала Микаэлю вопросы, на которые тот отвечал или пытался отвечать. Она требовала точных и однозначных ответов; любая неясность приводила к продолжительным дискуссиям. Они потратили почти целый день на то, что изучали передвижения всех фигурантов дела во время аварии на мосту.

А Лисбет все больше и больше покоряла Микаэля, он открывал в ней новые черты. Всего лишь бегло листая материалы расследования, в каждом эпизоде она безошибочно находила самые запутанные и противоречивые детали.

Во второй половине дня, когда их донимала жара в саду, они делали перерыв. Несколько раз ходили купаться в канале или прогуливались до террасы «Кафе Сусанны». Его хозяйка, кстати, вдруг стала обращаться с Микаэлем демонстративно холодно. Блумквист предполагал, что причина –

в Лисбет. Ведь Саландер выглядела намного моложе своих лет, и в глазах Сусанны он, похоже, превратился в типа с замашками педофила. Ничего себе…

Каждый вечер Микаэль совершал пробежки. Когда он, весь мокрый и запыхавшийся, возвращался домой, Лисбет воздерживалась от комментариев, но беготня по пересеченной местности явно не соответствовала ее представлениям о летних удовольствиях.

– Мне сорок с небольшим, – объяснил ей Микаэль. – Чтобы моя талия не расползлась безобразным образом, я должен двигаться.

– Угу.

– Ты никогда не тренируешься?

– Иногда боксирую.

– Боксируешь?

– Ага. Ну, знаешь, в перчатках.

Микаэль пошел в душ и попытался представить себе Лисбет на боксерском ринге. Она вполне могла над ним и подшучивать, и это стоило уточнить.

– В каком весе ты боксируешь?

– Ни в каком. Просто иногда боксирую с парнями в клубе.

«Почему-то я не удивлен», – подумал Микаэль.

Однако он отметил, что Саландер наконец-то хоть что-то рассказала о себе. Впрочем, основные факты ее биографии оставались для него по-прежнему загадкой: как получилось, что она стала работать у Арманского, какое у нее образование или чем занимаются ее родители. Как только Микаэль пытался задавать ей вопросы о личной жизни, Лисбет сразу закрывалась, как ракушка, и отвечала односложно – или не отвечала вовсе.

Однажды днем девушка вдруг отложила папку и взглянула на Микаэля, нахмурив брови:

– Что тебе известно об Отто Фальке? О пасторе?

– Почти ничего. Теперь здесь пастор – женщина. В начале года я несколько раз встречался с нею в церкви, и она рассказала, что Фальк еще жив, но находится в гериатрическом центре в Хедестаде. У него болезнь Альцгеймера.

– А откуда он родом?

– Из Хедестада. Учился в Уппсале, примерно в тридцатилетнем возрасте вернулся домой.

– Он не был женат. И Харриет с ним общалась.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я просто отметила, что этот сыскарь, Морелль, допрашивал его довольно обходительно.

– В шестидесятые годы священники все еще занимали довольно высокое положение в обществе. И то, что он жил на острове, так сказать, рядом с власть имущими, было вполне нормально.

– Меня интересует, насколько тщательно полиция обыскивала пасторскую усадьбу. На снимках виден большой деревянный дом; там наверняка имелось много мест, где можно было ненадолго спрятать тело.

– Верно. Однако ничто в материале не указывает на связь пастора с серийными убийствами или с исчезновением Харриет.

– Как раз напротив, – возразила Лисбет Саландер и усмехнулась. – Во-первых, он пастор, а у пасторов особое отношение к Библии. Во-вторых, он был последним человеком, который видел Харриет и разговаривал с ней.

– Но он ведь сразу же направился к месту аварии и провел там несколько часов. Он виден на многих снимках, особенно в то время, когда, предположительно, исчезла Харриет.

– Я могу опровергнуть его алиби. Но вообще-то мне сейчас подумалось о другом. Тут речь идет о садисте, убивающем женщин.

– И что из этого?

– Я тут… Короче, у меня весной образовалось немного свободного времени, и я кое-что почитала о садистах, совершенно по другому поводу. В частности, мне попалось руководство, выпущенное ФБР, где утверждается, что подавляющее большинство серийных убийц, которых удалось поймать и разоблачить, происходят из проблемных семей и что они еще в детстве любили издеваться над животными. Кроме того, в Штатах многие серийные убийцы были пойманы при поджогах.

– Ты имеешь в виду принесение в жертву животных и сожжение тел?

– Да. Во всех отмеченных Харриет убийствах фигурируют издевательства над животными и огонь. Но вообще-то я имела в виду то, что пасторская усадьба в конце семидесятых сгорела.

Микаэль задумался.

– Не очень убедительно, – сказал он наконец.

Лисбет Саландер кивнула:

– Согласна. Но это стоит взять на заметку. В расследовании я ничего не обнаружила о причинах пожара, и было бы любопытно узнать, происходили ли в шестидесятых годах другие «странные» пожары. Кроме того, неплохо бы проверить, не отмечались ли тогда в этих краях случаи издевательства над животными или нанесения им увечий.

Когда на седьмой вечер своего пребывания в Хедебю Лисбет отправилась спать, она несколько злилась на Микаэля Блумквиста. Всю неделю она проводила с ним практически каждую минуту, конечно, кроме времени, отведенного на сон. Обычно же оказывалось достаточным семи минут в обществе другого человека, чтобы у нее начиналась головная боль.

Лисбет давно уже отметила, что ей не так-то легко общаться с окружающими, и она уже свыклась с жизнью затворника. И она бы вполне ее удовлетворяла, только бы окружающие оставляли ее в покое и не мешали заниматься своими делами. Но, к сожалению, окружающие не проявляли достаточной мудрости и терпения. Ей приходилось отбиваться от разных социальных структур, детских воспитательно-исправительных учреждений, опекунского совета муниципалитета, налоговых управлений, полиции, кураторов, психологов, психиатров, учителей и гардеробщиков, которые (за исключением уже знавших ее вахтеров кафе «Мельница») не хотели пропускать ее в шалманы, хотя ей уже исполнилось двадцать пять лет. Целая толпа людей, казалось, не могла найти себе более достойного применения, кроме как при малейшей возможности пытаться контролировать ее жизнь и вносить свои коррективы в избранный ею способ существования.

Лисбет рано усвоила, что слезами горю не поможешь. Она также поняла, что любая попытка привлечь чье-либо внимание к обстоятельствам ее жизни только портит эту самую жизнь. Следовательно, она должна была сама решать свои проблемы и использовать те методы, которые считала оптимальными. Адвокату Нильсу Бьюрману довелось испробовать это на себе.

Микаэль Блумквист, как и все остальные, не мог отказать себе в удовольствии копаться в ее личной жизни и задавать вопросы, на которые ей не хотелось отвечать. Зато реагировал он совершенно не так, как остальные.

Когда она игнорировала его вопросы, он только пожимал плечами, переключался на другую тему и оставлял ее в покое. Вот это да!

Когда в первое утро Лисбет добралась до его лэптопа, она, разумеется, перекачала оттуда всю информацию в свой компьютер. Теперь уже неважно, отстегнет ли он ее от дальнейшей работы, – доступ к материалу у нее все равно есть.

Потом она попыталась намеренно спровоцировать его, демонстративно читая документы в его лэптопе. Она ожидала взрыва раздражения. А он лишь посмотрел на нее с каким-то побитым видом, попытался что-то сострить, отправился в душ, а потом начал обсуждать с

ней то, что она прочла. Вот чудик. Она чуть не поверила в то, что он ей доверяет.

Но вот то, что он в курсе ее хакерских замашек, представлялось ей делом серьезным. Лисбет Саландер знала, что хакерство, которым она занималась – и выполняя свои рабочие задания, и в качестве хобби, – на юридическом языке называлось незаконным проникновением в чужую компьютерную систему, квалифицировалось как компьютерное преступление и могло закончиться тюремным заключением сроком до двух лет. Для Лисбет это было очень чувствительно – конечно, ей не хотелось сидеть взаперти, а еще в тюрьме у нее, скорее всего, отнимут компьютер, лишив тем самым единственного занятия, которое у нее действительно хорошо получалась. Ей даже в голову не приходило делиться с Драганом Арманским или с кем-нибудь еще, каким образом она добывает информацию, за которую они платят.

За исключением Чумы и нескольких персонажей из Сети – таких же, как и она, профессиональных хакеров, большинство из которых знали ее только как Осу и понятия не имели, кто она такая и где живет, – в ее тайну проник только Калле Блумквист. Он разоблачил ее, потому что она совершила оплошность, которой не позволит себе даже двенадцатилетний сопливый «зеленый» хакер, и это свидетельствовало о том, что она утратила бдительность и заслуживает приличной порки. Но он не пришел в бешенство и не перевернул все вверх дном, а вместо этого предложил ей работу.

Поэтому Лисбет и злилась на него.

Когда они съели по бутерброду на ночь и собрались идти спать, он вдруг спросил ее, классный ли она хакер. К собственному удивлению, Саландер ответила не задумываясь:

– Наверное, лучший в стране. Ну, может, есть еще двое или трое моего уровня.

В своей правоте Лисбет ничуть не сомневалась. Когда-то Чума был лучше ее, но она давно его опередила.

В то же время ей было непривычно произносить эти слова вслух, раньше она никогда такое не говорила. Да собственно, ей и некому было об этом рассказывать, и вдруг ей стало приятно, что Блумквист восхищается ее способностями. Но потом, когда он спросил, как она освоила хакерские премудрости, Саландер напряглась.

Да она и не знала, что отвечать. «Я всегда это умела», – могла бы она сказать. Но ничего не ответила, ушла и легла спать, даже не пожелав Микаэлю спокойной ночи.

Тот никак не отреагировал на эту выходку – наверное, чтобы еще больше разозлить ее. Лисбет лежала, прислушиваясь к тому, как он перемещается по кухне, убирает и моет посуду. Он всегда ложился позже нее, но сейчас явно тоже отправится спать. Она слышала, что он прошел в ванную, а потом пошел к себе в спальню и закрыл дверь. Через некоторое время до нее донесся скрип его кровати, находившейся в полуметре от нее, за стеной.

За неделю, которую она прожила у Блумквиста, он ни разу не попытался с ней флиртовать. Надо же – он работал вместе с ней, он интересовался ее мнением, он поправлял ее, когда она заблуждалась, он признавал ее правоту, когда она его отчитывала… Он обращался с ней по-человечески. Черт побери!

Лисбет внезапно осознала, что ей нравится общество Микаэля Блумквиста и что она даже может ему доверять. Раньше она никому не доверяла, разве что Хольгеру Пальмгрену. Правда, совершенно по другой причине: Пальмгрен был предсказуемым и к тому же благодетелем.

Лисбет встала, подошла к окну и, волнуясь, уставилась в темноту. Самым трудным для нее всегда было впервые показаться голой другому человеку. Она была уверена в том, что ее жилистое тело производит отталкивающее впечатление. Грудь – не грудь, просто насмешка какая-то, о бедрах и говорить нечего… С ее точки зрения, предлагать ей было особенно нечего. Но тем не менее она была самой обычной женщиной, с теми же плотскими желаниями, что и у других. Почти двадцать минут Лисбет раздумывала, а потом, собравшись с духом, приняла решение.

Микаэль улегся и открыл роман Сары Парецки[87], как вдруг услышал скрип открывающейся двери и встретился взглядом с Лисбет Саландер, замотанной в простыню. Она молча стояла в дверях, словно о чем-то размышляла.

– Что случилось? – спросил Микаэль.

Она покачала головой.

– Тебе что-нибудь нужно?

Она подошла к нему, взяла книгу и положила ее на ночной столик. Потом наклонилась и поцеловала Микаэля в губы. Какие еще нужны намеки? Затем быстро проскользнула в его кровать, уселась и посмотрела на него изучающим взглядом. Опустила руку на простыню у него на животе. Поскольку никакого протеста с его стороны не последовало, она склонилась и укусила его за сосок.

Микаэль пришел в полное замешательство. Через мгновение он

схватил ее за плечи и отодвинул от себя, чтобы разглядеть ее лицо. Он нервничал.

– Лисбет… не думаю, что это удачная идея. Нам ведь предстоит вместе работать.

– Я хочу заняться с тобой сексом. Я буду по-прежнему работать с тобой, но мне будет с тобой чертовски трудно общаться, если ты меня отсюда выставишь.

– Но мы ведь едва знаем друг друга.

Девушка вдруг коротко усмехнулась, словно кашлянула:

– Когда я собирала о тебе досье, то убедилась, что прежде тебе это не мешало. Наоборот, ты из тех, кто не пропускает ни одной юбки. В чем же дело? Ты считаешь, что мне не хватает сексуальности?

Микаэль покачал головой, пытаясь подобрать какие-нибудь убедительные доводы. Не дождавшись ответа, Лисбет стянула с него простыню и уселась на него верхом.

– У меня нет презервативов, – сказал Блумквист.

– Ну и фиг с ними.

Когда Микаэль проснулся, Лисбет уже встала. Он услышал, как она возится с кофейником на кухне. Стрелка приближалась к семичасовой отметке. Ему удалось поспать всего два часа, поэтому он еще немного повалялся с закрытыми глазами.

Микаэль совершенно не понимал Лисбет Саландер. До этого она ни разу даже взглядом не намекнула, что проявляет к нему какой-то личный интерес.

– Доброе утро, – сказала Лисбет, заглянув в дверь.

Она улыбалась.

– Привет, – отозвался Микаэль.

– У нас кончилось молоко. Я съезжу на бензоколонку. Они открываются в семь.

Она развернулась так быстро, что Микаэль не успел ответить. Он слышал, как Саландер надела туфли, взяла сумку и мотоциклетный шлем и выскользнула за дверь. Он закрыл глаза. Потом услышал, как входная дверь снова открылась, и буквально через несколько секунд Лисбет опять возникла в дверях. На этот раз она не улыбалась.

– Тебе лучше выйти и посмотреть, – сказала она.

Голос ее звучал непривычно.

Микаэль тут же вскочил и натянул джинсы.

Ночью кто-то посетил гостевой домик и оставил зловещий сюрприз.

На крыльце лежал наполовину обугленный труп расчлененной кошки. Ей отрубили голову и лапы, после чего содрали шкуру и вытащили кишки и желудок. Их остатки валялись возле трупа, который скорее всего поджигали на огне. Голову оставили нетронутой и прикрепили к седлу мотоцикла Лисбет Саландер. Микаэль узнал рыже-коричневую шкурку.

Глава 22
Четверг, 10 июля

Они молча завтракали в саду и пили кофе без молока. Лисбет достала маленький цифровой фотоаппарат «Кэнон» и запечатлела кошмарное зрелище, а потом Микаэль принес мешок для мусора и убрал все. Он поместил кошачьи останки в багажник одолженной машины, но пока не знал, что ему с ними делать. Наверняка следовало бы сообщить в полицию об издевательстве над животным и, возможно, об угрозе насилия, но он плохо представлял себе, как ему объяснить этот кошмарный эпизод.

В половине девятого мимо них в сторону моста прошествовала Изабелла Вангер. Она их не заметила – или притворилась, что не заметила.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спросил Микаэль.

– Нормально.

Она озадаченно посмотрела на него. «Ладно. Значит, ему хочется, чтобы я разволновалась», – отметила она.

– Когда я найду эту сволочь, которая замучила невинную кошку только для того, чтобы запугать нас, я пущу в ход бейсбольную биту.

– А ты считаешь, что это запугивание?

– А у тебя есть объяснение получше? Кстати, это означает еще кое-что.

Микаэль кивнул:

– Как бы там ни было, мы явно задели кого-то настолько, что спровоцировали его на дикую выходку. Но тут есть и еще один аспект.

– Знаю. В пятьдесят четвертом и шестидесятом годах животных приносили в жертву. Но маловероятно, чтобы убийца, который действовал пятьдесят лет назад, теперь бегал тут и раскладывал на твоем пороге останки замученных животных.

Микаэль согласился.

– Ну, тогда речь может идти только о Харальде Вангере и Изабелле Вангер. Есть и другие родственники солидного возраста по линии Юхана Вангера, но в здешних местах никто из них не живет.

– Изабелла – жуткая стерва, – вздохнул Микаэль. – Она, конечно, могла бы убить кошку, но вряд ли она носилась по стране и убивала женщин в пятидесятых годах. Харальд Вангер… Я, конечно, не дам голову на отсечение, но он кажется таким беспомощным, что едва ходит, и мне трудно себе представить, чтобы он выскользнул ночью из дома, поймал кошку и вытворил все это.

– Если тут не действовали двое. Старик и кое-кто помоложе.

До Микаэля донесся шум мотора, он поднял взгляд и увидел, что в сторону моста удаляется машина Сесилии.

«Харальд и Сесилия?» – подумал он.

Однако подозревать эту парочку в сговоре он не мог: отец с дочерью не общаются и даже не разговаривают друг с другом. Несмотря на заверения Мартина Вангера, что он поговорит с Сесилией, она по-прежнему не отвечала на звонки Микаэля.

– Это должен быть кто-то, кому стало известно, что мы что-то раскопали и движемся вперед, – сказала Лисбет Саландер.

Она встала и пошла в дом. Когда вернулась, на ней уже был кожаный комбинезон.

– Я еду в Стокгольм. Вернусь вечером.

– Что ты задумала?

– Я должна кое-что привезти. Если у кого-то настолько съехала крыша, что он расчленил кошку, он или она может с таким же успехом напасть в следующий раз на нас самих. Или запалить дом ночью. Я хочу, чтобы ты сегодня съездил в Хедестад и купил два огнетушителя и два пожарных датчика. Один из огнетушителей должен быть хладоновым.

Не сказав больше ни слова, она надела шлем, завела мотоцикл и укатила через мост.

Микаэль выкинул останки кошки в мусорный бак у бензоколонки, а потом поехал в Хедестад и купил огнетушители и пожарные датчики. Он сложил их в багажник машины, после чего отправился в больницу. Микаэль заранее созвонился с Дирком Фруде и договорился о встрече в больничном кафетерии, где рассказал ему об утреннем инциденте. Адвокат побледнел.

– Микаэль, я никак не ожидал, что вся эта история может оказаться опасной.

– Серьезно? Но ведь поручение заключается в том, чтобы найти и разоблачить убийцу.

– Но кто же мог… Да ведь это же за пределами здравого смысла. Если вашим с фрёкен Саландер жизням что-то угрожает, мы должны остановить наше дело. Я могу поговорить с Хенриком…

– Ни в коем случае. Я не хочу, чтобы он получил еще один инфаркт.

– Он все время спрашивает, как у вас идут дела.

– Передайте ему, что я продолжаю распутывать историю и намерен двигаться дальше.

– Но что именно вы собираетесь делать?

– У меня накопилось несколько вопросов. Первый инцидент произошел сразу после того, как у Хенрика случился инфаркт, когда я на день уезжал в Стокгольм. Кто-то обыскивал мой кабинет. К тому времени я как раз раскрыл библейский код и обнаружил снимки с Йернвегсгатан. Я рассказал об этом вам и Хенрику. Мартин оказался в курсе, поскольку помогал мне попасть в «Хедестадс-курирен». Кто еще мог быть в курсе?

– Не скажу наверняка, с кем Мартин мог обсуждать эту тему. Однако Биргер с Сесилией знали. Они комментировали вашу охоту за снимками. Александр тоже знал. А еще Гуннар и Хелен Нильссоны. Они тогда как раз навещали Хенрика и присутствовали при разговоре. И Анита Вангер.

– Анита? Та, что живет в Лондоне?

– Да, сестра Сесилии. Когда у Хенрика случился инфаркт, она прилетела сюда вместе с Сесилией, но остановилась в отеле и, насколько мне известно, на остров не приезжала. Анита, как и Сесилия, не хочет встречаться с отцом. Но неделю назад она улетела обратно, когда Хенрика перевели из реанимации.

– А где сейчас живет Сесилия? Я видел, как она утром переезжала через мост, но у нее в доме темно и все заперто.

– Вы ее подозреваете?

– Нет, просто интересуюсь, где она находится.

– Она живет у своего брата Биргера. Оттуда близко до больницы, и до Хенрика можно дойти пешком.

– Вы знаете, где она сейчас?

– Нет. Но, во всяком случае, не в больнице.

– Спасибо, – сказал Микаэль и встал.

Семейство Вангеров буквально оккупировало больницу Хедестада. Через холл, в сторону лифтов, направлялся Биргер Вангер. Микаэль не горел желанием сталкиваться с ним и подождал, пока тот скрылся, а затем вышел в холл. Зато в дверях, почти на том же месте, где Блумквист встретился с Сесилией Вангер во время прошлого посещения больницы, он столкнулся с Мартином Вангером. Они поздоровались и пожали друг другу руки.

– Вы навещали Хенрика?

– Нет, у меня была встреча с Дирком Фруде.

Мартин Вангер выглядел уставшим, глаза ввалились. А ведь за полгода их знакомства Мартин здорово постарел, подумал Микаэль. Борьба за спасение империи обходилась ему дорого, и неожиданная болезнь Хенрика только прибавляла хлопот.

– Как ваши дела? – спросил Мартин.

Микаэль еще раз подчеркнул, что не собирается прекращать работу и уезжать в Стокгольм.

– Спасибо, неплохо. Ситуация с каждым днем становится все более любопытной. Когда Хенрику станет лучше, я надеюсь, что смогу удовлетворить его интерес.

Биргер Вангер жил в одном из домов из белого кирпича по другую сторону дороги, всего в пяти минутах ходьбы от больницы. Его окна выходили на море и гостевую гавань. Микаэль позвонил в дверь, но никто не открыл. Позвонил Сесилии на мобильный, но тоже без успеха. Он немного посидел в машине, постукивая пальцами по рулю. Биргер Вангер был джокером в этом семействе. Он родился в 1939 году, стало быть, к моменту убийства Ребекки Якобссон ему было десять лет. Однако когда исчезла Харриет, ему уже стукнуло двадцать семь.

По мнению Хенрика, Биргер и Харриет почти не общались. Он вырос в Уппсале, где тогда жила его семья, и переехал в Хедестад, чтобы работать в концерне, но через пару лет увлекся политикой. Правда, когда убили Лену Андерссон, он был в Уппсале.

Распутать эту историю Микаэль не мог, но инцидент с кошкой не оставлял сомнений – над ним нависла угроза и ему необходимо поторопиться.

Когда исчезла Харриет, прежнему пастору Хедебю Отто Фальку было тридцать шесть лет. Сейчас ему исполнилось уже семьдесят два года, он был моложе Хенрика Вангера, но по части интеллектуальной кондиции значительно уступал патриарху шведской индустрии.

Микаэль нашел его в больничном пансионате «Ласточка» – желтом кирпичном здании, расположенном поблизости от реки Хедеон, на другом конце города. Журналист представился больничному персоналу и попросил разрешения поговорить с пастором Фальком. Он объяснил, что знает про болезнь Альцгеймера у пастора, и поинтересовался, насколько тот коммуникабелен. Старшая сестра ответила, что диагноз пастору Фальку поставили три года назад и что болезнь стремительно прогрессирует. Он вполне общителен, но плохо помнит недавние события, не узнает некоторых родственников, и вообще с каждым днем его сознание тает все больше и больше. Микаэля также предупредили, что у старика может начаться паника, если ему задавать вопросы, на которые он не в силах ответить.

Старый пастор сидел на скамейке в парке, вместе с тремя другими пациентами и санитаром. Микаэль целый час пытался разговорить его.

Пастор Фальк утверждал, что прекрасно помнит Харриет Вангер. Он моментально просветлел и отозвался о ней как об очаровательной девушке. Однако Микаэль быстро понял: пастор благополучно забыл о том, что она пропала почти тридцать семь лет назад. Он говорил о ней так, словно виделся с нею лишь недавно, и просил Микаэля передать ей привет и уговорить ее как-нибудь его навестить. Блумквист пообещал выполнить его просьбу.

Когда он спросил о том, что произошло в день исчезновения Харриет, пастор растерялся. Он явно забыл про аварию на мосту. Только к концу беседы старик выдал что-то, что заставило журналиста насторожиться.

Когда Микаэль напомнил о том, что Харриет интересовалась религией, пастор вдруг призадумался. По его лицу словно скользнуло облачко. Он немного посидел, раскачиваясь взад и вперед, а потом внезапно взглянул на Микаэля и спросил, кто он такой. Блумквист снова представился, и старик подумал еще немного. Затем он сердито покачал головой:

– Она все еще не нашла то, что ей нужно. Ей надо проявить бдительность, и вы должны ее предостеречь.

– От чего я должен ее предостеречь?

Пастор Фальк вдруг разволновался. Он вновь покачал головой и насупил брови:

– Ей нужно прочитать *sola scriptura*[88] и понять *sufficientia scripturae*[89]. Только так она сможет сохранить *sola fide*[90]. Иосиф их решительно исключает. Их никогда не включают в канон.

Микаэль решительно ничего не понял, но записал все слово в слово. Потом пастор Фальк склонился к нему и доверительно прошептал:

– Я думаю, она католичка. Она тяготеет к мистике и еще не обрела своего Бога. И нуждается в наставлении на путь истинный.

Слово «католичка» пастор Фальк произнес с витимой неприязнью.

– Я думал, что ее интересовало движение пятидесятников.

– Нет-нет, не пятидесятники. Она ищет запретную истину. Она еще не стала настоящей христианкой.

После этого пастор Фальк позабыл о Микаэле и о теме их беседы и начал общаться с другими пациентами.

В начале третьего Блумквист вернулся на остров. Он прогулялся до дома Сесилии Вангер, но безрезультатно, потом опять позвонил ей на

мобильник – и вновь остался без ответа.

Он смонтировал пожарные датчики на кухне и в прихожей. Один огнетушитель разместился возле железной печки, перед дверью в спальню, а второй – возле двери в туалет. Потом Микаэль приготовил себе вместо обеда кофе и бутерброды, уселся в саду и набрал на лэптопе все свои заметки, сделанные во время разговора с пастором Фальком. Он надолго задумался, а потом взглянул в сторону церкви.

Новой пасторской усадьбой в Хедебю стала самая обычная современная вилла. Она находилась в нескольких минутах ходьбы от церкви. Около четырех часов Микаэль постучал в дом пастора Маргареты Странд и объяснил, что ему нужна консультация по теологии. Маргарета была шатенка, возраста примерно того же, что и Микаэль, одета в джинсы и фланелевую рубашку. Открывать дверь она вышла босиком, и Микаэль отметил, что у нее накрашены ногти на ногах. Он и раньше несколько раз сталкивался с нею в «Кафе Сусанны» и разговаривал о пасторе Фальке. Женщина приняла его радушно и пригласила пройти в сад.

Микаэль рассказал о своей беседе с пастором Фальком и воспроизвел его слова, признавшись, что ничего не понял. Маргарета Странд выслушала его и попросила повторить все дословно. Затем задумалась. Наконец она произнесла:

– Меня назначили в Хедебю только три года назад, и я никогда не встречалась с пастором Фальком. Он вышел на пенсию несколькими годами раньше, но, насколько я поняла, он был приверженцем старых церковных традиций. А сказал он вам примерно следующее: надлежит придерживаться исключительно Священного Писания – sola scriptura – и что оно sufficientia scripturae. Последнее означает, что Писания достаточно для верующих, понимающих его буквально. Sola fide означает «одну лишь веру» или «чистую веру».

– Я понимаю.

– Все это, так сказать, базовые догмы. По большому счету, это платформа, на которой стоит церковь, и ничего более. То есть он хотел сказать вам лишь следующее: «Читайте Библию – она дает достаточное знание и гарантирует чистоту веры».

Микаэль почему-то смутился.

– А могу ли я спросить вас, в каком контексте возник этот разговор?

– Я беседовал с ним о человеке, которого он знал много лет назад и о котором я сейчас пишу.

– О человеке, искавшем путь к вере?

– Что-то в этом роде.

– Хорошо. Думаю, я понимаю смысл. Пастор Фальк сказал еще две вещи – что «Иосиф их решительно исключает» и что «в каноне они всегда отсутствуют». Может быть, вы ослышались и он сказал Иосефус, а не Иосиф? Собственно, по сути дела, это то же самое имя.

– Не исключено, – ответил Микаэль. – Я записал разговор на пленку, так что его можно послушать.

– Нет особой необходимости. Эти две фразы не оставляют сомнений в том, что он имел в виду. Иосефус, или Иосиф Флавий, был иудейским историком, и сентенция «в каноне они всегда отсутствуют», вероятно, означает, что их никогда не включали в иудейский канон.

– И что это означает?

Пастор улыбнулась.

– Пастор Фальк утверждает, что тот человек увлекался эзотерическими источниками, а точнее, апокрифами. Слово «апокрифос» означает «тайный, сокровенный». Следовательно, апокрифы суть сокровенные книги, которые одни считают спорными, а другие полагают, что их следовало бы включить в Ветхий Завет. К ним относятся книги Товита, Юдифи, Эсфири, Варуха и Сираха, книги Маккавеев и некоторые другие.

– Простите мое невежество. Я многое слышал об апокрифах, но не читал их. Что в них особенного?

– В общем, ничего особенного в них нет, просто они возникли несколько позже остальной части Ветхого Завета, поэтому и не включаются в еврейскую Библию – не из-за того, что иудейские книжники не доверяли их содержанию, а просто потому, что во время их написания Книга Откровений Господа уже была закончена. Зато апокрифы присутствуют в старом греческом переводе Библии. Они не противоречат, например, догматам римско-католической церкви.

– Понятно.

– Однако протестантская церковь считает их спорными. При Реформации теологи придерживались старой еврейской Библии. Мартин Лютер удалил апокрифы из Библии эпохи Реформации. А Кальвин еще позднее заявил, что апокрифы никак не могут быть положены в основу религиозных убеждений. То есть их содержание противоречит claritas scripturae – ясности Писания.

– Иными словами, он подверг Священное Писание цензуре.

– Вот именно. В апокрифах, например, утверждается, что можно практиковать магию, что ложь в некоторых случаях допустима. Есть и другие отклонения, а это, естественно, возмущает тех, кто толкует Писание догматически.

– Я понимаю. Значит, если кто-то тяготеет к религии, то он вполне может читать апокрифы, а такого человека, как пастор Фальк, это должно возмущать.

– Точно. Если тебя интересует Библия или ты тяготеешь к католической вере, то ты неизбежно сталкиваешься с апокрифами. И также их будет читать человек, просто интересующийся эзотерикой.

– А у вас, случайно, нет экземпляра апокрифов?

Она засмеялась. По-дружески и без подвоха.

– Разумеется, есть. Апокрифы, кстати, были изданы в восьмидесятые годы в серии официальных документов Библейской комиссии.

Драган Арманский был очень заинтригован, когда Лисбет Саландер попросила его о личной встрече. Он закрыл дверь и жестом пригласил ее сесть в кресло для посетителей. Девушка сообщила, что работа для Микаэля Блумквиста завершена – Дирк Фруде заплатит до конца месяца, – но что она решила продолжать участвовать в расследовании. А Микаэль предложил ей существенно меньшую зарплату.

– У меня своя фирма, – сказала Лисбет. – До сих пор я не брала никакой работы, кроме той, которую ты мне поручал, согласно нашему договору. Мне хотелось бы знать, что будет, если я займусь работой на стороне, без твоего участия.

Драган Арманский развел руками:

– Ты являешься индивидуальным предпринимателем и можешь сама выбирать себе задания и устанавливать оплату по собственному разумению. Я только одобрю, если ты что-то заработаешь самостоятельно. Вместе с тем с твоей стороны будет нелояльно переманивать к себе клиентов, которых мы нашли для тебя.

– Я не намерена этого делать. Я полностью выполнила задание в соответствии с контрактом, который мы заключили с Блумквистом. Эта работа закончена. Речь идет о том, что мне самой хочется продолжить расследование. Я согласилась бы работать даже бесплатно.

– Никогда и ничего не делай бесплатно.

– Ты меня понял. Я имею в виду, что мне хочется узнать, чем закончится эта история. Я уговорила Микаэля Блумквиста, чтобы он попросил Дирка Фруде нанять меня для дальнейшей работы в качестве ассистента-исследователя.

Она протянула Арманскому контракт, и он пробежал его глазами.

– Да уж, при такой зарплате можно считать, что ты работаешь бесплатно… Лисбет, у тебя талант. Тебе незачем вкалывать за гроши. Ты

знаешь, что можешь зарабатывать у меня гораздо больше, если перейдешь на полный рабочий день.

– Я не хочу работать полный день. Но, Драган, мне важно знать, как ты к этому относишься. Ты ведь с самого начала приютил и выручил меня. Я хочу знать, не испортит ли такой контракт наши отношения и не будет ли у нас потом каких-нибудь разногласий.

– Понятно… – Он задумался. – Все нормально. Спасибо, что спросила. Если в дальнейшем будут возникать подобные ситуации, я хотел бы, чтобы ты всегда меня спрашивала, и тогда никаких недоразумений не возникнет.

Лисбет Саландер минуту сидела молча, взвешивая, надо ли что-нибудь добавить. Затем она посмотрела на Драгана Арманского, кивнула, встала и ушла – как всегда, ничего не сказав на прощание. Получив ответ, который ей хотелось услышать, она полностью потеряла интерес к Арманскому.

Драган улыбнулся. То, что она вообще пришла к нему за советом, означало новую ступень ее социальной адаптации.

Он открыл папку с отчетом об обеспечении безопасности в музее, где собирались открыть большую выставку французских импрессионистов. Потом отложил ее и взглянул на дверь, в которую только что вышла Лисбет Саландер. Он вспомнил, как она смеялась вместе с Микаэлем Блумквистом у себя в кабинете, и задумался: означает ли все это, что она начинает взрослеть, или все дело в Блумквисте? Внезапно он забеспокоился. Ему никак не удавалось отделаться от ощущения, что Лисбет Саландер потенциально является идеальной жертвой, а теперь она еще и укатила куда-то в глушь и гоняется там за какими-то психами…

По пути на север Лисбет Саландер завернула в больницу «Эппельвикен» и навестила мать. Она не планировала заранее этот визит. Но в последний раз девушка виделась с матерью в Рождество, не считая краткой встречи в день летнего солнцестояния. Ей не давали покоя угрызения совести, потому что она слишком редко выкраивала время для матери. Фактически она бывала здесь раз в несколько недель.

Мать сидела в общей гостиной. Лисбет провела с ней примерно час, и они вместе прогулялись до пруда по парку, разбитому за пределами больницы. Мать продолжала путать Лисбет с сестрой. Она забывалась, но, похоже, визит дочери разволновал ее.

Когда Лисбет стала прощаться, мать не хотела выпускать ее руку. Девушка пообещала скоро приехать опять, но мать смотрела ей вслед с тревогой и печалью.

Словно у нее было предчувствие неизбежной катастрофы.

Микаэль провел два часа в саду за домом, пытаясь читать апокрифы, но убедился лишь в том, что понапрасну тратит время.

Зато его осенила одна идея. Насколько набожной на самом деле была Харриет Вангер? Интерес к изучению Библии проснулся у нее в последний год перед тем, как она бесследно исчезла. Она подобрала несколько цитат к серии убийств, а потом внимательно прочитала не только Библию, но и апокрифы, и к тому же заинтересовалась католицизмом.

А что, если она провела то же исследование, что Микаэль Блумквист и Лисбет Саландер тридцать семь лет спустя? Может, ее интерес к этим текстам был вызван поисками убийцы, а не набожностью? Пастор Фальк намекал, что она (с его точки зрения) только находилась в поисках веры, но пока так и не стала истинной христианкой.

Его размышления прервал звонок Эрики.

– Я хочу только сказать, что мы с Грегером на следующей неделе уезжаем в отпуск. На четыре недели.

– Куда вы едете?

– В Нью-Йорк. У Грегера там выставка, а потом мы поедем на Карибы. Мы арендуем дом у знакомого Грегера на Антигуа и пробудем там две недели.

– Как я рад за вас! Желаю вам удачной поездки. Передай привет Грегеру.

– Я ведь целых три года не отдыхала. Новый номер готов, и мы почти целиком подготовили следующий. Конечно, я бы хотела оставить на месте редактора тебя, но Кристер обещал, что справится сам.

– Если ему потребуется помощь, он всегда может мне позвонить. Как дела с Янне Дальманом?

Она ненадолго замолчала.

– Он тоже уходит в отпуск на следующей неделе. На должность ответственного секретаря я временно назначила Хенри. Они с Кристером останутся у руля.

– Хорошо.

– Я не доверяю Дальману. Хотя он ведет себя вполне пристойно. Я вернусь седьмого августа.

Примерно в семь часов Микаэль пять раз звонил Сесилии Вангер. Потом послал ей сообщение с просьбой позвонить ему, но ответа так и не дождался.

Захлопнув книгу апокрифов, он надел тренировочный костюм, запер

дверь и отправился на ежедневную пробежку.

Блумквист пробежал по узкой дорожке вдоль берега, а потом свернул в лес. С максимальной скоростью он преодолел заросли кустарника и бурелом и добрался до Форта, совершенно выбившись из сил. Сердце у него чуть не выпрыгивало из груди. Он остановился возле одного из старых дотов и в течение нескольких минут упражнялся и растягивался.

Внезапно Микаэль услышал резкий хлопок. Одновременно в серую бетонную стену в нескольких сантиметрах от его головы ударила пуля. Потом он почувствовал боль у границы волос – осколки бетона вонзились глубоко в кожу.

Микаэлю показалось, что прошла целая вечность. Он стоял как вкопанный и никак не мог понять, что случилось. Потом опрометью бросился на дно траншеи и ударился плечом о землю так сильно, что чуть не покалечился. Второй выстрел раздался в тот самый миг, когда он упал. Пуля угодила в бетонный фундамент, в то место, где он только что стоял.

Микаэль поднялся на ноги и огляделся. Он находился примерно в середине Форта. Направо и налево вели узкие, метровой глубины, заросшие ходы к траншеям, растянувшимся примерно на двести пятьдесят метров. Пригнувшись, Блумквист побежал через лабиринт в южном направлении.

Внезапно ему вспомнился неподражаемый голос капитана Адольфссона на зимних учениях стрелковой школы в Кируне:

«Черт подери, Блумквист, опусти чердак, если не хочешь, чтобы тебе прострелили подвал!»

До сих пор, двадцать лет спустя, Микаэль помнил учения, которыми обычно командовал капитан Адольфссон.

Примерно через шестьдесят метров он остановился и перевел дух. Сердце колотилось; журналист не слышал ничего, кроме собственного дыхания.

«Движущаяся мишень обнаруживается гораздо быстрее, чем неподвижные формы и фигуры. Поэтому двигайся медленно, когда проводишь разведку».

Микаэль осторожно глянул поверх края траншеи. Солнце било в глаза и не давало разглядеть детали, но никакого движения он не заметил.

Снова опустив голову, Блумквист добежал до последней траншеи.

«Неважно, насколько крутое у противника оружие, поскольку если ему тебя не видно, он в тебя не попадет. Опасайся того, чтобы оказаться на виду».

Теперь Микаэль очутился примерно в трехстах метрах от границы

хозяйства Эстергорд. В сорока метрах от него располагались почти непроходимые заросли разросшихся кустов. Чтобы добраться туда, ему надо было вылезти из траншеи и спуститься по отвесному склону, на котором его будет отлично видно. Но другого пути не было – за спиной у него находилось море.

Микаэль сел на корточки и задумался. Он вдруг ощутил боль в виске и увидел, что рана здорово кровоточит, так что футболка уже вся пропиталась кровью. Осколки бетонной стены оставили глубокое рассечение у самых корней волос.

«Раны в голову кровоточат бесконечно», – подумал Микаэль и попытался вновь сосредоточиться на том, что произошло.

Один выстрел мог оказаться случайным. Шальная пуля, к примеру. Но два выстрела означали, что кто-то пытался его убить. Тот, кто стрелял, вполне мог не уйти, а перезарядить оружие и ждать, пока он высунется.

Микаэль пытался успокоиться и мыслить рационально. Одно из двух: надо либо выжидать, либо пробовать выбираться отсюда. Если стрелок еще на месте, то второй вариант решительно не подходит. Однако если остаться сидеть и ждать, охотник сможет спокойно дойти до Форта, найти его и расстрелять с близкого расстояния.

«Ему – или ей – неизвестно, пойду я направо или налево», – прикинул Микаэль свои шансы.

Но какое ружье? Возможно, штуцер для охоты на лося. Возможно, с оптическим прицелом. Если стрелок следил за ним через линзу, значит, у него ограниченный обзор.

«*Если ты попал в затруднительное положение, возьми инициативу в свои руки*».

Это лучше, чем ждать. Микаэль посидел еще две минуты, прислушиваясь к звукам, затем выпрыгнул из траншеи и стремительно скатился с обрыва.

Третий выстрел раздался, когда он был уже на полпути к зарослям, но пуля пролетела далеко в стороне от него. В следующее мгновение Блумквист с размаху бросился сквозь завесу молодых побегов и прокатился через заросли крапивы. Быстро вскочил на ноги и, пригнувшись, побежал в сторону от стрелка. Метров через пятьдесят остановился и прислушался. Между ним и укреплениями хрустнула ветка. Он осторожно лег на живот.

«Ползание посредством скольжения» – Микаэль вспомнил еще одно излюбленное выражение капитана Адольфссона. Следующие сто пятьдесят метров он преодолел ползком, прячась в траве и кустах и стараясь двигаться беззвучно. Дважды до его слуха из зарослей раздавалось какое-то

потрескивание. Первый раз оно вроде как раздалось в непосредственной близости – возможно, метров на двадцать правее. Блумквист лежал совершенно неподвижно, не смея даже поднять глаза. Через несколько мгновений он осторожно поднял голову и огляделся, но никого не увидел. Микаэль пролежал довольно долго, не смея шевельнуться, с напряженными до предела нервами, готовый к дальнейшему бегству или, возможно, к отчаянному сопротивлению, если враг нападет на него. Но в следующий раз треск донесся с гораздо более дальнего расстояния. А потом наступила тишина.

«Он знает, что я здесь. Вопрос в том, устроился ли он где-нибудь рядом и поджидает, когда я шевельнусь, – или уже убрался восвояси».

Блумквист продолжал двигаться ползком, пока не добрался до изгороди пастбища Эстергорда.

Это был следующий критический момент. Вдоль изгороди бежала тропинка. Микаэль лежал на земле и вглядывался в даль. Впереди, метрах в сорока, на невысоком холме, виднелись дома; справа от них паслась дюжина коров.

«Но почему никто не услышал выстрелы и не вышел, чтобы узнать, что происходит? Сейчас лето; может быть, никого нет дома…»

О том, чтобы выбежать на пастбище, не могло быть и речи – там он будет представлять собой идеальную мишень. С другой стороны, если бы Микаэль сам собирался кого-нибудь пристрелить, то расположился бы именно вдоль изгороди, на прямой тропинке. Здесь был свободный обзор. Блумквист осторожно продолжил путь сквозь кусты, пока они не остались позади и не начался редкий сосняк.

Домой Микаэль отправился в обход, вокруг хутора Эстергорд и горы Сёдербергет. Проходя мимо Эстергорда, он отметил, что машины нет на месте. На вершине горы Сёдербергет Блумквист остановился и взглянул на Хедебю. В старых рыбацких хижинах возле лодочной гавани разместились дачники. На мостках сидели и болтали несколько женщин в купальниках. В воздухе разносился запах гриля, в гавани у мостков плескались дети.

Микаэль посмотрел на часы – начало девятого. Стреляли пятьдесят минут назад. Гуннар Нильссон, обнаженный до пояса и в шортах, поливал газон на своем участке.

«Интересно, сколько времени ты уже поливаешь?»

В доме Хенрика была только домоправительница Анна Нюгрен. Дом Харальда, как всегда, казался необитаемым. Вдруг Микаэль увидел Изабеллу, сидевшую в саду, позади своего дома. Она, похоже, с кем-то

беседовала. В следующее мгновение Микаэль сообразил, что ее собеседница – болезненная старушка Герда Вангер, 1922 года рождения, проживающая с сыном Александром Вангером в одном из домов позади резиденции Хенрика. Он никогда с нею не пересекался, но несколько раз видел ее на участке возле дома. В доме Сесилии вроде бы никого не было…

Вдруг Микаэль увидел, что у нее на кухне зажегся свет.

«Она дома. А может, стреляла женщина?»

В том, что Сесилия умеет обращаться с оружием, Блумквист ни секунды не сомневался.

Вдалеке он увидел машину Мартина Вангера, припаркованную во дворе перед домом.

«Сколько времени ты уже дома?»

А может, стрелял кто-то, о ком он еще даже не подумал? Фруде? Александр? Слишком много вариантов.

Микаэль спустился с горы Сёдербергет, прошел по дороге в селение и, никого не встретив, отправился прямо к себе домой. Первое, что он увидел, была приоткрытая входная дверь, и он инстинктивно присел. Потом до него донесся запах кофе, а в окне кухни мелькнула Лисбет Саландер.

Лисбет услышала, как Микаэль вошел в прихожую, и обернулась ему навстречу. От ужаса и неожиданности зрелища она застыла. Его лицо, все в засохшей и подсыхающей крови, выглядело жутко. Левая сторона белой футболки стала красной. Он сразу схватил и прижал к голове тряпку.

– Ничего страшного, это просто царапина, но сильно кровоточит, – объяснил Микаэль, прежде чем она успела что-либо сказать.

Саландер повернулась и вытащила из шкафа коробку с перевязочным материалом. Там обнаружились лишь две упаковки пластыря, средство от комаров и маленький рулон хирургического пластыря. Микаэль стянул с себя одежду, бросил ее на пол, а потом пошел в ванную и посмотрелся в зеркало.

«Царапина» на виске оказалась приблизительно три сантиметра длиной и такой глубокой, что Микаэль мог приподнять большой кусок оторванной кожи. Рана по-прежнему кровоточила, и ее следовало бы зашить; но если заклеить ее пластырем, она, вероятно, и так заживет. Так он подумал. А потом намочил полотенце и обтер лицо.

С полотенцем у виска Блумквист встал под душ и закрыл глаза. Потом врезал кулаком по кафелю, да так, что поцарапал костяшки.

«Ну, мать твою… – подумал он. – Я тебя все равно поймаю».

Когда Лисбет коснулась его руки, Микаэль вздрогнул, как от удара

током, и взглянул на нее с такой ненавистью, что девушка невольно отступила. Она дала ему мыло и, ни слова не говоря, ушла обратно на кухню.

После душа Микаэль наложил на рану три куска пластыря. Потом пошел в спальню, надел чистые голубые джинсы и новую футболку и прихватил папку с распечатанными фотографиями.

– Оставайся здесь! – рявкнул он Лисбет.

Затем дошел до дома Сесилии Вангер и надавил на кнопку звонка. Звонил он минуты полторы, прежде чем ему открыли.

– Я не желаю с тобой встречаться, – сказала она.

Потом взглянула на его голову, на которой пластырь уже пропитался кровью.

– Что случилось?

– Впусти меня. Нам необходимо поговорить.

Сесилия не решалась:

– Нам не о чем разговаривать.

– Теперь нам есть о чем поговорить. И тебе придется выбирать: ты беседуешь со мною либо здесь, на ступеньках, либо на кухне.

Голос Микаэля звучал так решительно, что Сесилия сделала шаг в сторону и впустила его. Он прошел прямо к ее кухонному столу.

– Что с тобой случилось? – снова спросила она.

– Ты утверждаешь, что мои попытки разгадать тайну исчезновения Харриет Вангер являются для Хенрика совершенно бессмысленным занятием, формальной трудотерапией. Возможно. Но час назад кто-то попытался прострелить мне голову, а сегодня ночью на мое крыльцо подбросили расчлененный кошачий трупик.

Женщина открыла рот, чтобы что-то сказать, но Микаэль оборвал ее:

– Сесилия, мне наплевать на твои отговорки и на то, что один мой вид приводит тебя в ярость. Я никогда больше не приближусь к тебе, и тебе нечего бояться, что я стану тебя тревожить или преследовать. В данный момент я больше всего хотел бы никогда и ничего не слышать ни о тебе, ни о ком-либо еще из семейства Вангеров. Но я хочу получить ответы на свои вопросы. И чем быстрее ты ответишь, тем скорее от меня избавишься.

– Что ты хочешь знать?

– Первое: где ты была час назад?

Лицо Сесилии потемнело.

– Час назад я была в Хедестаде. Я приехала сюда полчаса назад.

– Кто-нибудь может подтвердить, где ты находилась?

– Насколько мне известно, нет. Я не обязана перед тобой отчитываться.

– Второе: зачем ты открыла окно в комнате Харриет в тот день, когда она исчезла?

– Что?

– Ты слышала вопрос. Все эти годы Хенрик пытался узнать, кто открыл окно в комнате Харриет, причем как раз в те критические минуты, когда она исчезла. Все отрицают этот факт. Но кто-то при этом лжет.

– Но почему, черт возьми, ты решил, что это я?

– Взгляни на эту фотографию, – сказал Микаэль и бросил расплывчатый снимок на кухонный стол.

Сесилия подошла к столу и взглянула на фотографию. На ее лице отразились удивление и испуг. Потом она подняла на него глаза. Микаэль вдруг почувствовал, как маленькая струйка крови потекла по его щеке и закапала на футболку.

– В тот день на острове было человек шестьдесят, – сказал он. – Из них двадцать восемь женщин. У пяти или шести были светлые волосы до плеч. И только одна из них была в светлом платье.

Сесилия уставилась на фотографию.

– И ты думаешь, что это обязательно я?

– Если это не ты, то я бы очень хотел знать, кто это, по твоему мнению. Этот снимок раньше никто не видел. Я держу его у себя уже несколько недель и безуспешно пытаюсь с тобой поговорить. Вероятно, я – полный идиот, но я не показывал его ни Хенрику, ни кому-либо еще, потому что боялся навлечь на тебя подозрения или как-то навредить. Но я должен знать ответ.

– Ты его получишь.

Сесилия подняла фотографию и протянула ему.

– В тот день в комнате Харриет меня не было. И на снимке не я. И вообще я не имею ни малейшего отношения к ее исчезновению.

Она подошла к входной двери.

– Ты получил ответ. А теперь я хочу, чтобы ты ушел. Думаю, тебе следует показать свою рану врачу.

Лисбет Саландер отвезла Микаэля в больницу Хедестада. На рану наложили два шва и залепили пластырем. Ему также дали кортизоновую мазь, чтобы мазать ожоги от крапивы на шее и руках.

Выйдя из больницы, Микаэль долго сидел и размышлял, не следует ли ему сходить в полицию. Вдруг перед его глазами всплыли будущие заголовки. «Осужденный за клевету журналист – участник драмы со стрельбой». Он покачал головой.

– Поезжай домой, – сказал он Лисбет.

Когда они вернулись на остров, уже стемнело. Именно этого и ждала Саландер. Она поставила на кухонный стол спортивную сумку.

– Я одолжила в «Милтон секьюрити» кое-какие технические новинки, и сейчас самое время ими воспользоваться. А ты пока поставь кофе.

Она разместила вокруг дома четыре детектора движения, работающие на батарейках, и объяснила, что если кто-нибудь подойдет ближе чем на шесть-семь метров, то радиосигнал будет передан небольшому сигнальному устройству, которое она установила у Микаэля в спальне, и оно отзовется писком. Одновременно Лисбет повесила на деревья спереди и сзади дома две светочувствительные видеокамеры, которые начнут посылать изображение на лэптоп, стоящий в шкафу, в прихожей. При этом она замаскировала камеры темной тканью так, что остались видны только объективы.

Третью камеру она установила в скворечнике над дверью. Чтобы провести в дом кабель, просверлила в стене дыру. Объектив был направлен на дорогу и на тропинку, ведущую от калитки к входной двери. Камера каждую секунду делала снимки низкого разрешения, которые сохранялись на жестком диске еще одного лэптопа, в гардеробе.

Потом она уложила в прихожей чувствительный к нажатию коврик. Если кому-нибудь удастся проскользнуть мимо инфракрасных детекторов и войти в дом, то включится сирена в 115 децибел. Лисбет продемонстрировала, как нужно отключать детекторы ключом от коробочки, которую она поместила в гардеробе. Девушка также разжилась биноклем ночного видения, который положила на столе в кабинете.

– Ты мало что оставляешь на волю случая, – сказал Микаэль, наливая ей кофе.

– Еще вот что. Больше никаких пробежек, пока мы не разберемся с этим делом.

– Уж поверь мне, к этому делу я утратил интерес.

– Это не шутка. Все начиналось с исторической загадки, но сегодня утром на крыльце лежала мертвая кошка, а вечером кто-то попытался отстрелить тебе башку. Мы явно наступили кому-то на любимую мозоль.

Ужин состоял из холодных закусок и картофельного салата. Микаэль вдруг почувствовал, что очень устал, и у него сильно разболелась голова. Он был не в состоянии даже говорить и отправился спать.

Лисбет Саландер до двух часов ночи сидела и читала документы. Задание, которое они взялись выполнить в Хедебю, теперь превратилось в опасную для жизни игру.

Глава 23
Пятница, 11 июля

Микаэль проснулся в шесть часов – его разбудило солнце, которое било через щелку между занавесками прямо ему в лицо. Голова раскалывалась, дотрагиваться до пластыря было больно. Лисбет Саландер лежала на животе, обхватив Микаэля рукой. Он разглядывал дракона, растянувшегося у нее на спине от правой лопатки до ягодицы.

Потом он посчитал ее татуировки. Помимо дракона на спине и осы на шее, у нее имелась одна цепочка вокруг щиколотки, другая – вокруг бицепса правой руки, какой-то китайский символ на бедре и розочка на голени. За исключением дракона, все татуировки были маленькие и не слишком выразительные.

Микаэль осторожно выбрался из постели и задернул занавески. Потом пошел в туалет, бесшумно прокрался обратно и залез в постель, не разбудив Лисбет.

Часа через два они завтракали в саду. Саландер посмотрела на Микаэля:

– Нам нужно разгадать загадку. Как же к ней подступиться?

– Обобщить уже имеющиеся факты. И попытаться отыскать новые.

– Первый факт – кто-то находится рядом с нами и охотится за тобой.

– Вопрос только – почему? Потому что мы близки к разгадке дела Харриет или потому, что мы нашли неизвестного серийного убийцу?

– Наверняка одно связано с другим.

Микаэль кивнул:

– Если Харриет удалось разузнать о существовании серийного убийцы, то наверняка это был кто-то из ее окружения. Если взглянуть на весь список людей, фигурировавших в событиях шестидесятых годов, то там имеется по меньшей мере пара дюжин кандидатов. Сегодня почти никого из них нет в живых, за исключением Харальда Вангера. Но мне, конечно, не верится в то, что он в свои девяносто два года бегает по лесу с ружьем. У него едва ли хватит сил даже поднять его. Подозреваемые из этого списка либо слишком стары, чтобы представлять опасность в наши дни, либо слишком молоды, чтобы злодействовать в пятидесятых годах. И мы опять возвращаемся туда, откуда начали.

– Если только тут не задействованы двое. Старый и помоложе.

– Харальд и Сесилия… Не думаю. Я считаю, что она говорит правду,

утверждая, что в окне стояла не она.

– Но кто же тогда?

Они открыли лэптоп Микаэля и весь следующий час еще раз детально рассматривали всех людей на фотографиях с места аварии на мосту.

– Я почти уверен, что все без исключения жители селения сбежались, чтобы посмотреть на суматоху. Был сентябрь, большинство надели куртки и свитера. Но только у одной из них длинные светлые волосы и светлое платье.

– Сесилия Вангер присутствует на массе снимков. Похоже, она бегает взад-вперед между домами и людьми, которые созерцают эту драму. Вот она разговаривает с Изабеллой. Здесь стоит с пастором Фальком. А тут – с Грегером Вангером, средним братом.

– Погоди, – вдруг сказал Микаэль. – А что у Грегера в руке?

– Что-то четырехугольное. Похоже на коробку.

– Это же камера «Хассельблад». Стало быть, у него тоже был фотоаппарат…

Они еще раз прокрутили снимки. Грегер был виден на нескольких фотографиях, но его постоянно кто-нибудь заслонял. На одном снимке было отчетливо видно, что у него в руках четырехугольная коробка.

– Думаю, ты прав. Это фотоаппарат.

– Значит, нам придется снова начинать охоту за снимками.

– Хорошо, но пока мы повременим с этим, – сказала Лисбет Саландер. – У меня есть гипотеза.

– Пожалуйста.

– А если кто-то из младшего поколения знает, что некто из старшего поколения был серийным убийцей, и не хочет, чтобы это всплыло на поверхность? Честь семьи и прочая чушь… В таком случае тут замешаны два человека, но они не сотрудничают. Убийца, возможно, давно умер, а другой хочет только того, чтобы мы все бросили и уехали домой.

– Я тоже об этом думал, – ответил Микаэль. – Но зачем в таком случае подкладывать расчлененную кошку нам на крыльцо? Ведь это откровенный намек на убийства. – Он постучал по Библии Харриет. – Пародия на закон о всесожжении.

Лисбет Саландер откинулась на спинку стула и, обратив взгляд к церкви, стала цитировать Библию, словно разговаривая сама с собой:

– И заколет тельца перед Господом; сыны же Аароновы, священники, принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания. И снимет кожу с жертвы всесожжения и рассечет ее на части…

Она умолкла и заметила, что Микаэль напряженно смотрит на нее. Он открыл Библию на книге «Левит».

– А ты знаешь и двенадцатый стих?

Лисбет молчала.

– И рассекут ее… – начал Микаэль и кивнул ей:

– И рассекут ее на части, отделивши голову ее и тук ее; и разложит их священник на дровах, которые на огне, на жертвеннике.

Ему показалось, что у нее ледяной голос.

– А следующий?

Саландер резко поднялась.

– Лисбет, у тебя фотографическая память! – восхищенно воскликнул Микаэль. – Поэтому-то ты и читаешь страницы расследования за десять секунд.

Она отреагировала как метеор. Бросила свирепый взгляд на Микаэля, потом в ее глазах появилось отчаяние; внезапно она развернулась и побежала к калитке.

– Лисбет! – закричал ей вслед Микаэль.

Но Саландер уже мчалась по дороге.

Микаэль внес в дом компьютер Лисбет, включил сигнализацию, запер дверь и отправился ее искать. Через двадцать минут он нашел ее на одном из причалов лодочной гавани: она сидела, свесив ноги в воду, и курила сигарету. Когда она услышала его шаги, ее плечи немного напряглись. Блумквист остановился в двух метрах от нее.

– Я не знаю, что случилось, но я не хотел тебя сердить.

Она не ответила.

Микаэль подошел, сел рядом с ней и осторожно положил руку ей на плечо.

– Лисбет, будь добра, поговори со мной.

Она повернула голову и посмотрела на него:

– Не о чем даже говорить. Просто я фрик. Урод. Вот и всё.

– Если бы у меня была хотя бы наполовину такая прекрасная память, как у тебя, я был бы счастлив.

Она выкинула окурок в воду.

Микаэль довольно долго сидел молча.

«Что я могу сказать? Ты абсолютно нормальная девушка. Просто у тебя есть некоторые особенности. Почему ты себя недооцениваешь?»

– С первого мгновения, как я тебя увидел, я понял, что ты замечательная девушка, – наконец сказал он вслух. – И знаешь, что я тебе

скажу? Мне уже давно никто так не нравился с первого же взгляда.

Из домика на другой стороне гавани выскочила ватага ребятишек и с шумом бросилась в воду. Эушен Норман, художник, с которым Микаэль еще не успел перекинуться даже словом, сидел в кресле перед своим домом, курил трубку и наблюдал за Микаэлем и Лисбет.

– Я очень хочу стать твоим другом, если ты, конечно, захочешь этого, – сказал Микаэль. – Но ты сама должна это решить. Я пойду домой и сварю кофе. Возвращайся, когда будешь в настроении.

С этими словами Блумквист ушел. Не успел он еще преодолеть холм, как услышал позади ее шаги. Они возвращались домой вместе, не говоря ни слова.

Когда они подошли к дому, Лисбет остановила его:

– Я хотела сказать… Мы говорили о том, что все это – пародия на Библию. Конечно, он расчленил кошку, но где бы он мог раздобыть быка? И все же в основном он следует написанному. Любопытно…

Она посмотрела на церковь.

– И покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания…

Они прошли через мост, приблизились к церкви и огляделись. Микаэль потрогал дверь, но она была заперта. Они побродили вокруг, осмотрели могильные плиты и подошли к часовне, расположенной чуть подальше, ближе к воде. Микаэль вдруг вытаращил глаза. Да это же не часовня, а склеп! Над входом он смог прочесть высеченное имя ВАНГЕР и строку на латыни, значения которой он не знал.

– «Покойся до скончания времен», – подсказала Лисбет.

Перехватив его взгляд, она пожала плечами:

– Я уже где-то видела эту строчку.

Микаэль вдруг захохотал. Лисбет застыла и сначала разозлилась, но когда поняла, что он смеется не над ней, а над самой ситуацией, успокоилась.

Блумквист потрогал дверь – склеп был заперт. После некоторых размышлений он велел Лисбет сидеть и ждать его, а сам пошел к Анне Нюгрен и объяснил, что хочет осмотреть семейный склеп Вангеров, и спросил, где у Хенрика хранятся ключи. Анна посмотрела на него неуверенно, но Микаэль напомнил ей, что работает непосредственно на Хенрика. Тогда она уступила и принесла ключ, который нашла на письменном столе.

Открыв дверь склепа, Микаэль с Лисбет сразу поняли, что оказались правы. Воздух здесь пропитался тяжелым запахом паленой шкуры и

обугленных останков. Но мучитель кошки костра не разводил. В углу стояла паяльная лампа; такую обычно используют, чтобы подогреть лыжную смазку. Лисбет достала из кармана джинсовой юбки цифровой аппарат и сделала несколько снимков. Паяльную лампу она взяла с собой.

– Потенциальная улика. Тут могут быть отпечатки пальцев, – сказала она.

– А мы запросто попросим всех членов семьи Вангеров предоставить нам отпечатки своих пальцев… – с иронией произнес Микаэль. – Хотел бы я посмотреть, как ты будешь добывать их у Изабеллы. Вот будет зрелище.

– Есть разные способы, – ответила Лисбет.

На полу остались многочисленные следы крови и лежали болторезные кусачки, которые наверняка использовали, чтобы отрезать голову кошке.

Микаэль огляделся. Над всеми остальными захоронениями возвышалось надгробие Александру Вангеерсаду, а в четырех могилах в полу обрели покой самые первые члены семьи. Более поздние представители клана Вангеров предпочитали кремацию. Почти в трех десятках ниш в стене висели таблички с именами покойных Вангеров. Но здесь явно присутствовали не все, кого он знал. И Микаэль задумался: а где же хоронят тех членов семьи, кто не заслужил места в семейном склепе?

– Теперь мы знаем, – сказал Блумквист, когда они шли через мост. – Мы охотимся за настоящим психопатом.

– Что ты имеешь в виду?

Микаэль остановился и прислонился к перилам.

– Если бы это был обычный псих, который пытался напугать нас, он бы отправился жечь кошку в гараж или даже в лес. А этот выбрал семейный склеп, что уже выдает навязчивую идею. Подумай, как он рисковал. Сейчас лето, народ по ночам гуляет… Дорога через кладбище – самый короткий путь между северной и южной частями Хедебю. Даже если он закрыл дверь, кошка наверняка вопила, да и наверняка пахло паленым.

– Он?

– Не думаю, что Сесилия Вангер орудовала прошлой ночью паяльной лампой.

Лисбет пожала плечами:

– Я не доверяю никому из них, включая Фруде и Хенрика. Этот клан наверняка надует тебя, как только ему представится такой шанс.

Они немного помолчали. Потом Микаэль не выдержал и спросил:

– Я уже выведал довольно много твоих тайн. Сколько народу знает о том, что ты хакер?

– Никто.

– Ты хочешь сказать, никто, кроме меня.
– На что ты намекаешь?
– Я хочу знать, нормально ли ты ко мне относишься. Доверяешь ли мне?
Лисбет долго смотрела на него, а потом снова пожала плечами:
– Ничего не поделаешь.
– Ты мне доверяешь? – повторил Микаэль.
– Пока да, – ответила она.
– Вот и хорошо. Тогда давай зайдем к Дирку Фруде.

Жена адвоката Фруде, впервые видевшая Лисбет Саландер, разглядывала ее с откровенным любопытством, но тем не менее любезно проводила их в сад позади дома. При виде Лисбет Фруде расцвел в улыбке, встал и почтительно поздоровался.
– Я рад нашей встрече, – сказал он. – Я ругал себя за то, что не имел возможности поблагодарить вас за великолепную работу, которую вы для нас проделали. И зимой, и сейчас.
Лисбет уставилась на него с подозрением.
– Мне за это платят, – сказала она.
– Дело не в этом. При нашей первой встрече у меня сложилось предвзятое мнение о вас. Так что простите меня, пожалуйста.
Микаэль был поражен. Оказалось, что Дирк Фруде способен попросить прощения у двадцатипятилетней девушки с пирсингом и татуировками за то, за что ему абсолютно не требовалось извиняться. Так что Микаэль изменил свое мнение об адвокате. Лисбет же смотрела прямо перед собой, ничего и никого не замечая.
Фруде взглянул на Микаэля:
– Что с вами случилось? Что за повязка у вас на лбу?
Они сели, и Микаэль рассказал о событиях последних суток. Услышав, что кто-то трижды стрелял в него возле Форта, Фруде аж подпрыгнул. Казалось, он не на шутку перепуган.
– Но это же беспредел!
Он сделал паузу и уставился на Микаэля.
– Мне очень жаль, но этому необходимо положить конец. Я не могу рисковать вашими жизнями. Я должен поговорить с Хенриком и аннулировать наш контракт.
– Сядьте, – сказал Микаэль.
– Вы не понимаете…
– Я понимаю только одно: мы с Лисбет подошли так близко, что

преступника охватила паника, он буквально на грани потери рассудка. У нас есть к вам несколько вопросов. Для начала: сколько всего ключей от склепа семьи Вангеров и у кого они находятся?

Фруде задумался.

– Честно сказать, не знаю. Полагаю, что доступ к склепу имеют несколько членов семьи. У Хенрика точно есть ключ, и Изабелла иногда там бывает. Правда, мне неизвестно, есть ли у нее собственный ключ или же она берет его у Хенрика.

– Допустим. Вы ведь по-прежнему член правления концерна. Существует ли какой-нибудь его архив? Библиотека или что-то в этом роде, где собирается вся информация о концерне за все прошлые годы?

– Конечно, существует. Все это находится в штаб-квартире компании, в Хедестаде.

– Нам нужно получить туда доступ. А старые досье, документы дирекции по персоналу и тому подобное там тоже хранятся?

– И опять вынужден ответить, что не знаю. Сам я не был в архиве как минимум лет тридцать. Но вы можете поговорить с дамой по имени Будиль Линдгрен, которая отвечает за хранение всех архивов концерна.

– Вы не могли бы позвонить ей и договориться, чтобы Лисбет дали возможность посетить архив уже сегодня во второй половине дня? Она хочет прочитать старые статьи о концерне. Очень важно, чтобы она получила доступ ко всему, что может представлять интерес.

– Конечно, я могу это устроить. А что-нибудь еще нужно сделать?

– Да. У Грегера Вангера в день аварии на мосту был в руках фотоаппарат. Это значит, что он тоже мог фотографировать. Куда эти снимки могли попасть после его смерти?

– Трудно сказать. Но, по логике вещей, – к его вдове или сыну.

– Не могли бы вы…

– Я позвоню Александру и спрошу.

– И все же, что мне сейчас нужно искать? – спросила Лисбет Саландер, когда они вышли от Фруде и направились обратно на остров через мост.

– Газетные вырезки и издания для внутреннего пользования. Я хочу, чтобы ты прочла все, что сможешь найти, связанное с теми датами, когда совершались убийства в пятидесятых и шестидесятых годах. Записывай все, что привлечет внимание или покажется примечательным. Думаю, именно тебе следует этим заняться. Насколько я понял, память у тебя лучше, чем у меня.

Саландер ткнула его кулаком в бок.

Через пять минут ее мотоцикл протарахтел через мост.

Микаэль и Александр Вангер обменялись рукопожатием. Бо́льшую часть времени, проведенного Блумквистом в Хедебю, Александр находился в отъезде, и Микаэль прежде встречался с ним только мельком. Когда пропала Харриет, ему было двадцать лет.

– Дирк Фруде сказал, что вы хотите посмотреть старые фотографии.

– У вашего отца была камера «Хассельблад».

– Верно. Она сохранилась, но ею никто не пользуется.

– Вы, вероятно, знаете, что я по заданию Хенрика изучаю обстоятельства исчезновения Харриет.

– Я уже это понял. И многих это не слишком-то радует.

– Что ж поделаешь. Вы, естественно, не обязаны мне ничего показывать.

– Ладно уж. А что именно вы хотите посмотреть?

– Снимки, которые, возможно, сделал ваш отец в тот день, когда исчезла Харриет.

Они поднялись на чердак, и Александр за несколько минут отыскал коробку с множеством фотографий.

– Можете взять все домой, – сказал он. – Если что-то и сохранилось, то только здесь.

Микаэлю пришлось потратить целый час, чтобы разобрать фотографии в коробке, оставшейся после Грегера Вангера. Там оказались уникальные кадры семейной хроники, и в том числе – множество фотографий Грегера Вангера вместе с лидером шведских нацистов 1940-х годов Свеном Улофом Линдхольмом. Микаэль отложил их в сторону.

Он обнаружил несколько конвертов с фотографиями, которые сделал сам Грегер Вангер. Тот запечатлел самых разных людей и семейные встречи, а также массу типичных отпускных снимков с рыбалки и семейной поездки в Италию. Например, они посещали Пизанскую башню.

После некоторых поисков Микаэль нашел четыре фотографии аварии на мосту. Несмотря на наличие профессиональной камеры, Грегер оказался бесталанным фотографом. Он снимал крупным планом автоцистерну и людей со спины. На одной из фотографий была изображена Сесилия Вангер в полупрофиль.

Микаэль отсканировал эти фотографии, хотя вряд ли они могли пролить новый свет на давние события, затем упаковал все снимки обратно

в коробку и съел бутерброд. После некоторых размышлений около трех часов дня он отправился к Анне Нюгрен.

– Мне хотелось бы знать, есть ли у Хенрика еще фотоальбомы, помимо тех, что относятся к делу Харриет?

– Да, Хенрик, насколько я понимаю, уже с молодости увлекался фотографией. У него в кабинете много альбомов.

– Вы можете мне их показать?

Анну Нюгрен смутила его просьба. Одно дело дать ключ от склепа – там хозяйничает Господь. И совсем другое дело – впустить Микаэля в кабинет Хенрика Вангера. Ведь там хозяйничает тот, кто по ее иерархии выше Господа. Микаэль предложил Анне позвонить Дирку Фруде, если она сомневается. В конце концов женщина, после некоторых сомнений, согласилась впустить Микаэля в кабинет.

Нижняя полка, примерно на метр от пола, была уставлена исключительно папками с фотографиями. Микаэль уселся за рабочий стол Хенрика и открыл первый альбом.

Хенрик Вангер хранил все семейные снимки. Многие из них были явно сняты задолго до его рождения. Несколько самых старых были датированы 1870-ми годами и изображали суровых мужчин и строгих женщин. Были здесь фотографии родителей Хенрика и других родственников. На одном из снимков отец Хенрика в 1906 году праздновал с друзьями день летнего солнцестояния в Сандхамне. Другой запечатлел Фредрика Вангера и его жену Ульрику вместе с Андерсом Цорном[91] и Альбертом Энгстрёмом[92] за столом с открытыми бутылками. Микаэль разглядывал одетого в костюм совсем юного Хенрика Вангера на велосипеде. На других фотографиях изображались люди на производстве и в помещениях дирекции. Микаэль обнаружил также фото морского офицера Оскара Граната, который в разгар войны перевозил Хенрика с его возлюбленной Эдит Лобак в безопасную Карлскруну.

Анна принесла кофе ему в кабинет. Микаэль поблагодарил. К этому времени он уже добрался до более обозримых времен и просматривал снимки, запечатлевшие Хенрика в расцвете сил, на открытии фабрики или пожимающего руку Таге Эрландеру. На одной из фотографий начала 1960-х годов Хенрик стоял рядом с Маркусом Валленбергом. Капиталисты строго уставились друг на друга – сразу видно, что друг друга они, мягко говоря, недолюбливали.

Перелистывая альбом дальше, Микаэль вдруг остановился на развороте, где Хенрик карандашом написал: «Семейный совет, 1966». Две

цветные фотографии изображали мужчин, которые беседовали и курили сигары. Микаэль узнал Хенрика, Харальда, Грегера и многочисленных зятьев по линии Юхана Вангера. Два снимка запечатлели ужин – человек сорок мужчин и женщин сидели за столом и смотрели в объектив. Микаэль вдруг догадался, что фотография сделана после драматических событий на мосту, еще до того, как обнаружилось, что Харриет исчезла. Он стал изучать лица. Ведь и она должна была присутствовать на этом ужине. Знал ли уже кто-то из этих господ о ее исчезновении? Но фотографии ответа не давали…

Микаэль поперхнулся кофе. Он откашлялся и резко выпрямился.

В конце стола сидела Сесилия Вангер в светлом платье и улыбалась в объектив. А рядом с ней – другая блондинка с длинными волосами и точно в таком же светлом платье. Они были настолько похожи, что вполне могли сойти за двойняшек.

Наконец-то пазл сложился в единую мозаику. В комнате Харриет у окна стояла не Сесилия Вангер, а ее сестра Анита, которая на два года младше ее. Она живет теперь в Лондоне.

Лисбет говорила: «Сесилия Вангер присутствует на многих фотографиях. Она, похоже, бегает туда-сюда». Вовсе нет. Это два разных персонажа, которые по чистой случайности ни разу не попали вместе в один кадр. На снятых издали черно-белых фотографиях они выглядели совершенно одинаково. Хенрик, разумеется, различал двух сестер, но Микаэлю и Лисбет они казались настолько похожими друг на друга, что они принимали их за одно и то же лицо. И никто не объяснил, что они ошибались, поскольку им даже не приходило в голову задать такой вопрос.

Микаэль перевернул страницу и вдруг почувствовал, как у него волосы встали дыбом, будто поднятые холодным ветром.

Он наткнулся на фотографии, снятые на следующий день после того, как обнаружилось исчезновение Харриет и ее начали искать. Молодой следователь Густав Морелль инструктировал группу из двух полицейских в униформе и десятка мужчин в сапогах, которые собирались идти прочесывать местность. На Хенрике Вангере был плащ до колен и английская шляпа с узкими полями. Слева от него стоял молодой упитанный мужчина с длинными светлыми волосами. На нем была темная стеганая куртка с красными вставками на плечах. Снимок был четким, и Микаэль сразу же узнал его, но на всякий случай вынул фотографию, спустился к Анне Нюгрен и спросил, знает ли она, кто это.

– Конечно, знаю, – ответила она. – Это Мартин. Здесь ему около восемнадцати лет.

Вырезки о концерне «Вангер» Лисбет Саландер читала в хронологическом порядке, год за годом. Она начала с 1949 года и двигалась вперед. Проблема заключалась в том, что подборка оказалась гигантской. В интересующий ее период о концерне пресса упоминала почти ежедневно, и не только в центральных изданиях, но и в местных. Целая лавина информации, в том числе экономические анализы, профсоюзные проблемы, хроника переговоров и угроз, репортажи об открытии и закрытии фабрик, годовые финансовые отчеты, сообщения о смене директоров, презентации новой продукции… Она сконцентрировалась и запоминала информацию из пожелтевших подшивок.

Вскоре ей пришла в голову идея. Она обратилась к заведующей архивом Будиль Линдгрен и спросила, имеется ли у них перечень мест, где в пятидесятых и шестидесятых годах располагались фабрики или предприятия концерна.

Будиль Линдгрен оглядела Лисбет Саландер подозрительным холодным взглядом. Ей категорически не нравилось, что совершенно постороннему человеку разрешили вторгаться в святая святых концерна и просматривать любые бумаги, да к тому же девчонке, выглядевшей как пятнадцатилетняя чокнутая анархистка. Однако Дирк Фруде дал ей совершенно четкие указания: Лисбет Саландер разрешено смотреть все, что ей угодно. И без задержек. Так что заведующая архивами принесла опубликованные годовые отчеты за те годы, которыми интересовалась Лисбет. К каждому отчету прилагалась карта расположения филиалов концерна по Швеции.

Взглянув на карту, Лисбет отметила, что у концерна было много фабрик, офисов и торговых точек. В каждом месте, где совершалось убийство, имелась красная точка, а иногда и несколько точек, отмечавших присутствие там концерна «Вангер».

Лисбет обратила внимание на 1957 год. Ракель Лунде из Ландскруны обнаружили убитой на следующий день после того, как компания «V&C Строй» получила в этих краях многомиллионный заказ на строительство нового центра. Под инициалами «V&C» подразумевались фамилии Вангер и Карлен, и это предприятие было частью концерна «Вангер». Местная газета напечатала интервью с Готфридом Вангером, приезжавшим подписывать контракт.

Лисбет припомнила, что она вычитала в пожелтевшем полицейском протоколе в государственном архиве Ландскруны. Ракель Лунде, увлекавшаяся гаданием, по основному роду занятий была уборщицей.

Работала она в компании «V&C Строй».

Около семи часов вечера Микаэль раз двенадцать пытался позвонить Лисбет, и каждый раз ее мобильный телефон был отключен. Ей не хотелось, чтобы ее отрывали от работы в архиве.

Он бродил по дому и не знал, куда себя девать. Достал записи Хенрика о том, чем занимался Мартин в момент исчезновения Харриет.

В 1966 году Мартин Вангер учился в последнем классе гимназии в Уппсале.

Уппсала. Лена Андерссон, семнадцатилетняя ученица гимназии. Голова отделена от тука.

Хенрик как-то упоминал об этом, но пока Микаэль не заглянул в свои записи, он не мог найти этот фрагмент. Мартин рос угрюмым и замкнутым. Старшие Вангеры переживали за него. Когда его отец утонул, Изабелла решила послать Мартина для смены обстановки в Уппсалу, где он поселился у Харальда Вангера.

Харальд и Мартин? Это казалось маловероятным.

В тот роковой день Мартину Вангеру не хватило места в машине, ехавшей в Хедестад. Направляясь на семейную встречу, он опоздал на поезд, прибыл во второй половине дня и остался по другую сторону моста. До острова он добрался на катере только после шести вечера; его встречали несколько человек, в том числе и сам Хенрик Вангер. По этой причине Хенрик сдвинул Мартина в самый конец списка тех, кто мог иметь отношение к исчезновению Харриет.

Мартин Вангер утверждал, что не встречался с Харриет в тот день.

Он лгал. В Хедестад он тогда приехал раньше и лицом к лицу столкнулся со своей сестрой на Йернвегсгатан. Теперь Микаэль мог документально опровергнуть его ложь, выложив на стол фотографии, которыми никто не интересовался без малого сорок лет.

Встреча с братом привела Харриет Вангер в состояние шока. Она отправилась на остров, чтобы поговорить с Хенриком, но исчезла, так и не поговорив с ним.

«О чем ты хотела рассказать? О случае в Уппсале? Но Лена Андерссон из Уппсалы в твоем списке не значилась. Ты о ней не знала».

Но у Микаэля так и не складывалась общая цельная картина. Харриет исчезла около трех часов дня. В это время Мартин точно находился по другую сторону моста. Его видно на фотографиях с церковного холма. Так что он в принципе не мог причинить вреда Харриет, которая находилась на

острове. Микаэлю по-прежнему не хватало одного фрагмента мозаики.

«Или у него был соучастник? Анита Вангер?»

Опираясь на архивные материалы, Лисбет пришла к выводу, что положение Готфрида Вангера в концерне с годами менялось. Он родился в 1927 году. В двадцатилетнем возрасте встретил Изабеллу, и та сразу забеременела. Мартин родился в 1948-м, и молодым пришлось пожениться.

Когда Готфриду стукнуло двадцать два года, Хенрик забрал его в штаб-квартиру концерна. Он подавал большие надежды. Уже в двадцать пять лет он обеспечил себе место в правлении и стал заместителем начальника отдела развития предприятия. Ни дать ни взять – восходящая звезда индустрии.

Но примерно в середине 1950-х годов его карьера бесславно завершилась.

Он запил, брак с Изабеллой трещал по швам, дети, Харриет и Мартин, страдали, и тогда в их судьбу вмешался Хенрик. Карьера Готфрида достигла своего апогея. В 1956 году учредили еще одну должность заместителя начальника отдела развития, чтобы второй заместитель делал всю работу в те периоды, когда Готфрид запивает и отсутствует на службе.

Однако Готфрид продолжал оставаться Вангером, к тому же не лишенным обаяния и ораторских талантов. С 1957 года его деятельность, похоже, сводилась к тому, чтобы разъезжать по стране и открывать фабрики, разрешать местные конфликты и внушать иллюзию, что руководство концерна неравнодушно к проблемам на местах. «Мы посылаем одного из наших сыновей вам в помощь. Мы воспринимаем вас и ваши заботы серьезно».

Второе совпадение Лисбет обнаружила в половине седьмого. Готфрид участвовал в переговорах в Карлстаде, где концерн Вангеров приобрел местное деревообрабатывающее предприятие. На следующий день нашли убитой фермершу Магду Лувису Шёберг.

Буквально через пятнадцать минут она обнаружила третью нить. Уддевалла, 1962 год. В тот день, когда исчезла Лия Перссон, местная газета брала интервью у Готфрида Вангера – в беседе обсуждались возможности расширить порт.

Через три часа Лисбет Саландер могла констатировать, что Готфрид Вангер по меньшей мере в пяти из семи случаев находился там, где происходило убийство, за несколько дней до или после. Ей не хватало информации об убийствах 1949 и 1954 годов. Она присмотрелась к его

фотографии в одной из статей. Красивый стройный мужчина с русыми волосами, он походил на Кларка Гейбла из фильма «Унесенные ветром».

«В сорок девятом году тебе было двадцать два года. Первое убийство произошло дома, в Хедестаде. Жертвой стала Ребекка Якобссон, секретарша из концерна. Где вы встречались? Что ты ей обещал?»

Когда Будиль Линдгрен в семь часов собралась закрыть архив и отправиться домой, Лисбет Саландер рявкнула, что она еще занята. Заведующая может спокойно уходить, пусть только оставит ключи, чтобы Лисбет смогла запереть. Будиль Линдгрен, к тому времени уже очень раздраженная из-за того, что вынуждена плясать под дудку этой соплюшки, позвонила Дирку Фруде домой в ожидании дальнейших инструкций. Адвокат сразу сказал, что Лисбет может, если захочет, оставаться в архиве хоть на всю ночь. Не будет ли фру Линдгрен так любезна сообщить охраннику офиса, чтобы тот выпустил ее, когда она соберется уходить?

Лисбет Саландер закусила нижнюю губу. Конечно, еще одна загвоздка заключалась в том, что Готфрид Вангер утонул в состоянии опьянения в 1965 году, тогда как последнее убийство произошло в Уппсале в феврале 1966-го. Лисбет задумалась, не совершила ли она ошибку, включив в список семнадцатилетнюю гимназистку Лену Андерссон. Но потом решила, что нет, не ошиблась. Почерк убийцы, правда, немного отличается, но присутствует тот же намек на Библию. Тут есть какая-то связь.

В девять часов начало темнеть. На улице похолодало, начал моросить дождь. Микаэль сидел за кухонным столом, постукивая по нему пальцами, когда через мост, в сторону мыса проехала машина Мартина Вангера. Это накалило ситуацию до предела.

Микаэль не знал, что ему делать. Он больше не мог себя сдерживать, он жаждал задавать вопросы, он хотел конфронтации… Конечно, это не самая мудрая линия поведения, если он подозревает, что Мартин Вангер и есть тот маньяк и убийца, который прикончил собственную сестру и девушку из Уппсалы и к тому же пытался пристрелить самого Микаэля. В то же время Мартин притягивал его, как магнит. Он ведь не знает, что Микаэлю все известно, и можно прийти к нему под предлогом… ну, скажем, чтобы вернуть ключ от домика Готфрида.

Микаэль запер дверь и не спеша направился в сторону мыса.

В доме Харальда Вангера, как всегда, было темно. У Хенрика светилось лишь одно окно – в комнате, выходящей во двор. Анна уже легла спать. Дом Изабеллы погрузился в темноту, дом Сесилии – тоже. У Александра Вангера на втором этаже горел свет. А в двух домах, где жили

люди, не принадлежавшие к клану Вангеров, света не было. Блумквист не встретил ни единой живой души.

Он в нерешительности остановился перед домом Мартина Вангера, достал мобильник и набрал номер Лисбет. По-прежнему никакого ответа. Тогда он отключил телефон, чтобы тот не зазвонил не вовремя.

На первом этаже горел свет. Микаэль пересек газон и остановился в двух метрах от кухонного окна, но не заметил никакого движения. Он обошел вокруг дома, однако Мартина Вангера так и не увидел. Зато обнаружил, что ворота гаража приоткрыты.

«Не будь кретином».

И все же он не смог устоять перед искушением заглянуть туда.

На верстаке лежала открытая коробка с патронами для штуцера. Это было первое из того, что он увидел. Затем взгляд его наткнулся на две канистры с бензином, которые стояли на полу, под скамейкой.

«Что, Мартин, опять готовишься к ночным приключениям?»

– Заходите, Микаэль. Я видел, что вы идете сюда.

У Блумквиста ёкнуло сердце. Он медленно повернул голову и в полумраке, возле входной двери, увидел Мартина Вангера.

– Трудно было пройти мимо, правда?

Голос у него был спокойный, почти дружелюбный.

– Привет, Мартин, – ответил Микаэль.

– Заходите, – повторил Мартин Вангер. – Сюда.

Он шагнул вперед и в сторону и махнул левой рукой, приглашая гостя войти. Поднял правую руку, и Микаэль увидел матовый отблеск металла.

– У меня в руке «глок». Так что осторожнее. С такого расстояния я не промахнусь.

Микаэль медленно направился к нему. Приблизившись, он остановился и посмотрел ему в глаза.

– Я пришел сюда, чтобы задать несколько вопросов.

– Понятно. Шагай в дверь.

Микаэль медленно вошел в дом и двинулся к холлу, в сторону кухни, но, прежде чем он успел туда дойти, Мартин Вангер дотронулся рукой до его плеча и остановил его.

– Стой. Теперь поверни направо. Открывай боковую дверь.

Погреб.

Когда Микаэль уже наполовину спустился по лестнице, Мартин Вангер повернул выключатель и включил свет. Справа находилась котельная. Откуда-то спереди доносился запах моющих средств. Мартин направил его налево, в кладовку со старой мебелью и коробками. В глубине

имелась еще одна дверь – стальная, с цилиндровым замком.

– Сюда, – сказал Мартин и бросил Микаэлю связку ключей. – Открывай.

Блумквист отпер дверь.

– Выключатель налево.

Микаэль очутился в аду.

Около девяти часов Лисбет вышла в коридор и купила в автомате кофе и завернутый в пленку бутерброд. Потом она продолжила перелистывать старые бумаги, пытаясь найти какой-нибудь след Готфрида Вангера в Кальмаре в 1954 году. Но ей это так и не удалось.

Она подумала, не позвонить ли Микаэлю, но решила до ухода посмотреть еще журналы, предназначенные для внутреннего пользования.

Комната была площадью примерно пять на десять метров. Микаэль мог только предположить, что в географическом отношении она располагается вдоль северной, короткой стены дома.

Мартин Вангер очень тщательно и с большим вкусом обставил и оборудовал свою личную камеру пыток. Слева – цепи, металлические петли на потолке и полу, стол с кожаными ремнями, где он привязывал своих жертв. Плюс видеооборудование. Студия записи. В глубине комнаты располагалась стальная клетка, куда Мартин мог на долгое время заключать своих «гостей». Справа от двери – кровать и телевизионный уголок. На полке Микаэль увидел множество видеофильмов.

Как только они вошли в комнату, Мартин Вангер направил на Микаэля пистолет и велел ему лечь животом на пол.

Тот отказался.

– Ну что ж, – сказал Мартин, – тогда я прострелю тебе коленную чашечку.

Он прицелился.

Микаэль капитулировал. У него не было выбора.

Теперь он мог только надеяться, что Мартин хоть на десятую долю секунды утратит бдительность – в драке Микаэль получил бы фору. У него еще оставался шанс там, наверху, когда Мартин положил руку ему на плечо, но он замешкался. А после этого Мартин к нему не приближался. С простреленной же коленной чашечкой у Микаэля и вовсе не останется ни единого шанса. И ему пришлось подчиниться. Он лег на пол.

Мартин подошел сзади, велел Микаэлю положить руки на спину и замкнул на них наручники. Затем врезал Микаэлу в пах. А потом еще и

еще.

Все, что происходило дальше, показалось Микаэлю горячечным кошмаром. Состояние Мартина стремительно менялось – он демонстрировал образец рационального поведения и в то же время проявлял себя как буйный пациент психиатрической клиники. Он успокаивался – и снова начинал метаться как зверь в клетке.

Несколько раз он принимался бить Микаэля ногами. А тот мог лишь пытаться защищать голову, подставляя под удары мягкие части тела. Через несколько минут его тело превратилось в огромную болевую точку.

За первые полчаса Мартин не проронил ни слова, он стал неконтактным. Потом, похоже, немного успокоился. Принес цепь, обмотал ее вокруг шеи Микаэля и пристегнул висячим замком к петле в полу. Минут на пятнадцать он оставил своего узника в одиночестве. Вернувшись, принес с собой литровую бутылку питьевой воды. Он уселся на стул и начал пить, глядя на Микаэля.

– Можно мне воды? – спросил Блумквист.

Мартин наклонился и щедро дал ему напиться из горлышка. Микаэль жадно глотал.

– Спасибо.

– Ты все такой же вежливый, Калле Блумквист.

– Зачем ты меня так истязаешь? – спросил Микаэль.

– Ты меня очень разозлил. И заслужил наказание. Почему ты не уехал домой? Ты ведь так был нужен в «Миллениуме»… Я говорил серьезно – мы могли бы превратить его в значительный журнал и сотрудничать долгие годы.

Микаэль скорчил гримасу и попытался принять более комфортное положение. Он был беззащитен и мог действовать только силой убеждения.

– Наверное, ты считаешь, что этот шанс уже упущен, – сказал Микаэль.

Мартин Вангер рассмеялся.

– Мне очень жаль, Микаэль. Но надеюсь, ты, конечно, понимаешь, что тебе придется здесь умереть.

Микаэль кивнул.

– Каким образом, черт побери, вы на меня вышли, ты и эта анорексичная шлюха, которую ты подбил на это дело?

– Ты солгал, когда рассказывал о том, что ты делал в день исчезновения Харриет. Я могу доказать, что ты был в Хедестаде во время карнавального шествия. Тебя сфотографировали, когда ты стоял и смотрел на Харриет.

– За этим ты и ездил в Нуршё?

– Да, чтобы найти снимок. Его сделала пара, которая случайно оказалась в Хедестаде. Они там ненадолго останавливались.

Мартин Вангер покачал головой.

– Ты все врешь, черт бы тебя подрал, – сказал он.

Микаэль крепко задумался: ему нужно было бы сказать что-нибудь, что могло бы отменить его казнь или хотя бы отсрочить ее.

– Где этот снимок сейчас?

– Негатив? Лежит в моей банковской ячейке, здесь, в Хедестаде… Ты ведь не знал, что я арендовал банковскую ячейку?

Микаэль вдохновенно врал.

– Копии есть в разных местах. В моем компьютере и в компьютере Лисбет, на сервере иллюстраций «Миллениума» и на сервере «Милтон секьюрити», где работает Лисбет.

Мартин Вангер сделал паузу, пытаясь понять, блефует Микаэль или нет.

– Как много знает Лисбет Саландер?

Блумквист не знал, что отвечать. Лисбет Саландер оставалась сейчас его единственной надеждой на спасение. Что она сделает, когда вернется домой и обнаружит, что он исчез? Он положил роковой снимок Мартина Вангера на кухонный стол. Сообразит ли она? Поднимет ли тревогу? Она не из тех, кто звонит в полицию. Но настоящий кошмар начнется, если она отправится к Мартину, позвонит в дверь и начнет выяснять, где Микаэль.

– Отвечай! – холодно произнес Мартин Вангер.

– Я думаю. Лисбет знает примерно столько же, сколько и я, а возможно, даже больше. Да, скорее всего, больше. Она сообразительная. Например, она включила в этот список Лену Андерссон.

– Лену Андерссон? – Мартин Вангер выглядел пораженным.

– Семнадцатилетнюю девушку, которую ты замучил до смерти в Уппсале в феврале шестьдесят шестого. Только не говори, что ты забыл о ней.

Постепенно взгляд Мартина прояснился; на его лице впервые за этот вечер отразилось потрясение. Он не предполагал, что кто-то раскопает тот случай, – Лена Андерссон не упоминалась в телефонной книжке Харриет.

– Мартин, – сказал Микаэль твердым голосом. – Все кончено. Конечно, ты можешь меня убить, но тебе конец. Слишком много людей уже знают обо всем, и на этот раз ты попался.

Вангер вскочил как угорелый и снова принялся расхаживать по комнате. Вдруг он ударил кулаком по стене.

«Я не должен забывать, что он психопат. Кошка. Он мог принести кошку сюда, но отправился с нею в семейный склеп. Он действует не самым рациональным образом».

Мартин повернулся к нему:

– А вот я думаю, ты врешь. В курсе только ты и Саландер. Вы ни с кем не говорили, иначе полиция уже прискакала бы сюда. Грандиозный пожар в гостевом домике – и никаких доказательств не останется.

– А если ты ошибаешься?

Мартин вдруг улыбнулся:

– Если я ошибаюсь, то тогда мне действительно конец. Но я так не думаю. Я уверен, что ты блефуешь. А какой у меня выбор?

Он задумался.

– Единственный рискованный момент – только эта чертова сучка. Я должен ее найти.

– Она днем уехала в Стокгольм.

Мартин Вангер засмеялся:

– Вот как!.. Каким же образом она в таком случае просидела весь вечер в архиве концерна?

Сердце Микаэля забилось с удвоенной частотой.

«Он знал. Он все это время знал».

– Верно. Она собиралась зайти в архив, а потом ехать в Стокгольм, – ответил Микаэль по возможности спокойно. – Я не думал, что она так надолго задержится.

– Хватит трепаться. Заведующая архивом сообщила мне, что Дирк Фруде разрешил Саландер сидеть там сколько угодно. Это значит, что ночью она вернется домой. Охранник позвонит мне, как только она выйдет из офиса.

Часть 4
Hostile Takeover[93]
11 июля – 30 декабря

92 процента женщин Швеции, подвергавшихся сексуальному насилию, не заявляли о последнем случае насилия в полицию.

Глава 24
Пятница, 11 июля – суббота, 12 июля

Мартин Вангер наклонился и обыскал карманы Микаэля. В одном из них нашлись ключи.

– А ловко вы придумали – поменять замок, – заметил он. – Я займусь твоей подружкой, когда она явится домой.

Микаэль не ответил. Он понимал, что Мартин, как опытный бизнесмен, обладает навыками ведения переговоров и, стало быть, хорошо умеет распознавать блеф.

– Но зачем?

– Что зачем?

– Зачем ты затеял все это? – Блумквист обвел взглядом комнату.

Мартин наклонился, сунул руку Микаэлю под подбородок и приподнял голову так, что их взгляды встретились.

– Неужели не ясно? – сказал он. – Женщины исчезают – одна за другой. Их никто не ищет. Они никому не нужны. Иммигрантки. Шлюхи из России. Через Швецию ежегодно циркулируют тысячи и тысячи людей.

Мартин отпустил голову Микаэля и выпрямился. Похоже, он гордился тем, как все тут обустроил. Его слова поразили Микаэля, словно удар кулаком.

«Господи. Эта вовсе не историческая загадка. Мартин Вангер убивает женщин и сегодня. А я наивно угодил прямо к нему в лапы…»

– В данный момент гостей у меня нет. Но тебя наверняка позабавит то, что, пока вы с Хенриком трепались всю зиму и весну, здесь находилась девушка. Ее звали Ирина, она приехала из Беларуси. Когда ты у меня ужинал, она сидела запертой в этой клетке. Это был такой незабываемый вечер…

Мартин Вангер уселся на стол и начал болтать ногами. Микаэль закрыл глаза. Он вдруг почувствовал резкую изжогу и судорожно сглотнул.

– А что ты делаешь с телами?

– У меня тут у пристани стоит яхта. Я отвожу их далеко в море. В отличие от отца, я не оставляю после себя никаких следов. Но он тоже был мастак. Находил себе жертвы по всей стране.

Последние кусочки пазла начали вставать на свои места. Готфрид Вангер. С сорок девятого по шестьдесят пятый. В шестьдесят шестом его дело продолжил Мартин Вангер, в Уппсале.

– Так ты восхищаешься своим отцом?

– Это он меня научил. Он провел обряд инициации, когда мне было четырнадцать лет.

– Уддевалла. Лия Перссон.

– Вот именно. Я присутствовал. Только смотрел, только присутствовал.

– Шестьдесят четвертый, Сара Витт из Роннебю.

– Мне было шестнадцать. Я тогда впервые овладел женщиной. Готфрид меня учил. И я задушил ее.

«Он хвастается. Господи, помилуй, ну и чертова садистская семейка…»

– Но ты хотя бы понимаешь, что это ненормально?

Мартин слегка пожал плечами:

– Тебе, я думаю, не понять, какое это божественное ощущение, когда ты наделен полной властью над жизнью и смертью человека.

– Но ведь ты получаешь наслаждение от того, что терзаешь и убиваешь женщин.

Глава концерна на минуту задумался, уставившись в одну точку на стене позади Микаэля, а потом улыбнулся своей обаятельной обезоруживающей улыбкой:

– Вообще-то я так не думаю. Если серьезно проанализировать мой статус, то я скорее серийный насильник, чем серийный убийца. Собственно говоря, я серийный похититель. Убийство становится, так сказать, неизбежным следствием, потому что ведь мне приходится заметать следы. Понимаешь меня?

Микаэль не знал, что ответить, и лишь кивнул.

– Разумеется, мои действия социально неприемлемы, но ведь я совершаю в первую очередь преступление против условностей общества. Смерть приходит к моим гостям только в самом конце, когда они мне становятся в тягость. Всегда так занятно видеть их разочарование…

– Разочарование? – изумленно спросил Микаэль.

– Вот именно. Разочарование. Они думают, что выживут, если будут мне угождать. Они принимают мои правила игры. Начинают доверять мне, вступают со мной в дружеские отношения и до самого конца надеются, что дружба что-то значит. А когда они вдруг обнаруживают, что их обманули, наступает разочарование.

Мартин Вангер обошел вокруг стола и оперся о стальную клетку.

– Тебе, с твоим мелкобуржуазным воспитанием, никогда этого не понять, но самое занимательное во всем этом – разработать план

похищения. Тут нельзя допускать никаких импульсивных действий – те, кто так делает, всегда попадаются. Это целая наука; приходится учитывать тысячу деталей. Мне надо наметить себе добычу и разузнать о ее жизни все. Кто она? Откуда? Как я могу ее заполучить? Как мне надо себя вести, чтобы оказаться наедине со своей добычей, оставаясь анонимом? Чтобы мое имя не всплыло потом в каком-нибудь полицейском расследовании?

«Я больше не могу», – подумал Микаэль.

Мартин Вангер рассуждал о похищениях и убийствах почти в академическом стиле, словно излагал свою особую точку зрения по какому-то теологическому вопросу.

– Тебе действительно интересно это, Микаэль?

Он наклонился и потрепал Блумквиста по щеке. Его прикосновение показалось почти нежным.

– Ты ведь понимаешь, что наша с тобой встреча неизбежно близится к финалу. И финал у нее может быть только один. Ты не против, если я закурю?

Микаэль помотал головой.

– Можешь и меня угостить сигаретой, – ответил он.

Мартин зажег две сигареты, осторожно поместил одну из них между губами Микаэля, дал ему затянуться и вынул ее.

– Спасибо, – автоматически сказал Микаэль.

Мартин Вангер снова засмеялся:

– Вот видишь. Ты уже начал усваивать принципы покорности. Твоя жизнь в моих руках, Микаэль. Ты знаешь, что я могу убить тебя в любую секунду. Ты просил меня немного улучшить качество твоей жизни и ради этого использовал разумные аргументы, добавив немного лести. И получил вознаграждение.

Микаэль кивнул. Сердце почти выскакивало у него из груди.

В четверть двенадцатого Лисбет перелистывала статьи и пила воду из своей пластиковой бутылки. Но в отличие от Микаэля, она не поперхнулась, а лишь вытаращила глаза, обнаружив еще одно совпадение.

Клик!

На протяжении двух часов Саландер перекопала внутреннюю прессу концерна «Вангер» во всех уголках – и в Швеции, и за рубежом. Основной журнал назывался очень просто – «Информация о предприятии». Его украшал логотип концерна – развевающийся на ветру шведский флаг на флагштоке в виде стрелы. Журнал подготовил к выпуску рекламный департамент штаба концерна; его авторы имели целью убедить сотрудников

в том, что все они являются членами одной большой семьи.

В феврале 1967 года, во время спортивных каникул, Хенрик Вангер проявил благородство и щедрость, пригласив пятьдесят служащих головного офиса поехать с семьями на неделю покататься на лыжах в Херьедален[94]. Таким образом он хотел выразить благодарность за проделанную работу, поскольку в предыдущем году концерн добился рекордных результатов. Группу сопровождал сотрудник отдела по связям с общественностью, который подготовил репортаж с лыжной базы, снятой для сотрудников.

Во время спуска с гор было сделано много снимков, снабженных забавными подписями. Несколько фотографий запечатлели вечеринку в баре, где веселящиеся, румяные с мороза сотрудники поднимали первую или вторую кружку пива. Две фотографии были сделаны во время летучки, на которой Хенрик Вангер объявил сорокаоднолетнюю служащую офиса Уллу Бритт Мугрен «Лучшим сотрудником года». Ей вручили премию в пятьсот крон и хрустальный кубок.

Премию вручали на террасе гостиницы, непосредственно перед тем, как народ собирался вновь ринуться в горы. На фотографии можно было увидеть человек двадцать.

С правого края, прямо за Хенриком Вангером, стоял мужчина со светлыми волосами. На нем была темная стеганая куртка со вставками на плечах. Поскольку журнал был черно-белым, о цветах одежды можно было только догадываться, но Лисбет Саландер готова была биться об заклад, что плечи красные.

Подпись под фотографией гласила:

> *«Крайний справа – девятнадцатилетний Мартин Вангер, который сейчас учится в Уппсале. О нем уже говорят как о надежде концерна».*

– Ага, попался! – тихо сказала Лисбет Саландер.

Она погасила настольную лампу и оставила журналы в беспорядке на столе – этой суке Будиль Линдгрен будет чем заняться завтра.

Лисбет вышла на стоянку через боковую дверь. Уже приблизившись к мотоциклу, вспомнила, что обещала сообщить охраннику, когда будет уходить. Она остановилась и оглядела стоянку. Охранник сидел с другой стороны здания, а значит, обратно ей придется идти вокруг дома.

«Наплевать», – решила она.

Подойдя к мотоциклу, Саландер включила мобильный телефон и набрала номер Микаэля. Она услышала, что абонент находится вне зоны доступа. Зато обнаружила, что Блумквист пытался звонить ей не меньше тринадцати раз между половиной четвертого и девятью. Последние два часа он не звонил.

Лисбет набрала номер стационарного телефона гостевого домика, но никто не взял трубку. Она нахмурилась, пристегнула сумку с компьютером, надела шлем и завела мотоцикл. Путь до острова занял десять минут. На кухне горел свет, но в доме было пусто.

Лисбет вышла на улицу и осмотрелась. Сначала она решила, что Микаэль отправился к Дирку Фруде, но уже с моста девушка могла убедиться в том, что в доме Фруде, на другом берегу, свет погашен. Она посмотрела на часы: без двадцати двенадцать.

Вернувшись в дом, Лисбет открыла гардероб и достала компьютер, на который передавались сведения с размещенных ею камер наружного наблюдения. Скоро она уже знала, как развивались события.

В 15.32 Микаэль пришел домой.

В 16.03 он вышел в сад и пил там кофе. С собой у него была папка, которую он изучал. За проведенный в саду час Блумквист сделал три коротких звонка. Это были именно те звонки, на которые она не ответила.

В 17.21 Микаэль решил пройтись. Отсутствовал он не более пятнадцати минут.

В 18.20 он подходил к калитке и смотрел на мост.

В 21.03 он вышел и больше не возвращался.

Лисбет быстро просмотрела снимки с другого компьютера, показывавшего калитку и дорогу перед входной дверью. Она увидела, кто проходил мимо в течение дня.

В 19.12 к своему дому прошел Гуннар Нильссон.

В 19.42 кто-то проехал в сторону Хедестада на «Саабе», принадлежавшем хозяевам Эстергорда.

В 20.02 машина вернулась; на ней ездили то ли в киоск, то ли на бензоколонку.

Потом ничего не происходило вплоть до 21.00, когда проехал автомобиль Мартина Вангера. Через три минуты Микаэль вышел из дома.

Чуть меньше чем через час, в 21.50, в поле зрения объектива вдруг оказался Мартин Вангер. Минуту или чуть дольше он постоял у калитки, осматривая дом и заглядывая в окно кухни. Потом поднялся на крыльцо, подергал дверь и достал ключ. Вероятно, обнаружив, что в двери поменяли замок, немного постоял на месте, а потом развернулся и ушел.

Лисбет Саландер вдруг почувствовала, как у нее холодеет в груди.

Мартин Вангер вновь надолго оставил Микаэля одного. Тот неподвижно лежал в страшно неудобном положении со сцепленными за спиной руками; шея его тонкой цепью была притянута к петле в полу. Он пощупал наручники, но понял, что расстегнуть их не сможет: они были стянуты настолько плотно, что руки у него онемели.

Шансов у него не было никаких. Блумквист закрыл глаза.

Он не знал, сколько прошло времени, как вдруг опять услышал шаги Мартина. Его взору предстал лидер концерна «Вангер». Он выглядел встревоженным.

– Неудобно?

– Да, – ответил Микаэль.

– Сам виноват. Надо было тебе ехать домой.

– Ради чего ты убиваешь?

– Я сделал этот выбор. Мы могли бы с тобой всю ночь обсуждать моральные и умственные аспекты моих действий, но факт есть факт. Так что не усложняй. Человек – это всего лишь оболочка из кожи, которая содержит в себе клетки, кровь и химические компоненты. История хранит лишь имена единиц. Большинство же бесследно исчезают.

– Ты убиваешь женщин.

– Мы – и такие, как я, – убиваем ради наслаждения… Я ведь не одинок, у многих такое хобби, и мы живем полной жизнью.

– Но зачем ты убил Харриет? Собственную сестру?

Лицо Мартина Вангера внезапно изменилось. Единым рывком он очутился возле Микаэля и схватил его за волосы.

– Что с нею случилось?

– Что ты имеешь в виду?

Микаэлю было очень трудно говорить. Он попытался повернуть голову так, чтобы приглушить боль у корней волос. Цепь вокруг шеи тут же натянулась.

– Ты и Саландер. Что вы разнюхали?

– Отпусти меня. Мы же просто беседуем.

Мартин Вангер отпустил его волосы и уселся перед Микаэлем, скрестив ноги. Внезапно в его в руке появился нож. Он приставил кончик лезвия к коже прямо под глазом пленника. Микаэль заставил себя взглянуть на своего палача.

– Что, черт подери, с нею случилось?

– Я не знаю. Я думал, что ты убил ее.

Мартин долго смотрел на Микаэля, затем встал и принялся расхаживать по комнате. Он задумался. Затем бросил нож на пол, засмеялся и повернулся к Микаэлю:

– Харриет, Харриет, вечно эта Харриет… Мы пытались… уговорить ее. Готфрид пытался ее научить. Мы думали, что она – одна из нас, и начнет исполнять свой долг… Но она оказалась всего лишь обыкновенной сучкой. Я считал, что держу ее под контролем, но она собиралась обо всем рассказать Хенрику, и я понял, что не могу ей доверять. Рано или поздно она бы меня выдала.

– И ты убил ее.

– *Хотел* убить. Я собирался, но опоздал. Не смог перебраться через мост.

Микаэль никак не мог усвоить эту информацию – у него возникало такое ощущение, будто в голове выскакивает окошко с надписью: «Information overload»[95]. Неужели Мартин Вангер действительно не знает, что случилось с его сестрой?

Внезапно тот вынул из пиджака мобильный телефон, посмотрел на дисплей и положил его на стул рядом с пистолетом.

– Пора с этим заканчивать. Мне надо еще успеть заняться твоей анорексичной сучкой.

Он открыл шкаф, вытащил узкий кожаный ремень и надел его, как удавку, на шею Микаэлю. Потом отстегнул цепь, которой Блумквист был привязан к полу, поднял его на ноги и толкнул к стене. Затем продел кожаный ремень в петлю над головой журналиста и затянул настолько, что тому пришлось встать на цыпочки.

– Не слишком туго? Дышать можешь?

Он ослабил ремень на сантиметр и пристегнул его к стене.

– Я не хочу, чтобы ты сразу задохнулся.

Удавка так сильно врезалась Микаэлю в горло, что он был не в силах что-нибудь ответить. Мартин внимательно смотрел на него.

Внезапно он расстегнул на Микаэле брюки и стянул их вместе с трусами. Когда он стягивал брюки, Микаэль на секунду лишился точки опоры и повис на удавке, но потом его пальцы вновь коснулись пола. Мартин пошел к шкафу, достал оттуда ножницы, разрезал футболку Микаэля и бросил обрезки в кучу на пол. Потом встал и оглядел свою жертву.

– Парней у меня тут еще не было, – сказал Мартин серьезным голосом. – Я никогда не прикасался к другому мужчине… за исключением отца. Но тогда это был мой долг.

В висках у Микаэля стучало. Он не мог перенести тяжесть тела на ноги, не рискуя удавиться. Попытался было ухватиться пальцами за бетонную стену позади, но зацепиться было не за что.

– Ну, вот и все, – сказал Мартин Вангер.

Он положил руку на ремень и надавил. Микаэль почувствовал, как удавка сразу же глубоко впилась ему в горло.

– Меня всегда интересовало, каковы мужчины на вкус.

Он сильнее надавил на ремень и внезапно поцеловал Микаэля в губы.

В тот же самый миг в комнате раздался ледяной голос:

– Ну ты, козел вонючий, а ну-ка отойди от него!

Микаэль услышал Лисбет словно сквозь красный туман. Ему удалось сфокусироваться и разглядеть ее силуэт в дверном проеме. Она хладнокровно смотрела на Мартина Вангера.

– Нет, нет… беги, – прохрипел Микаэль.

Микаэль не видел выражения лица Мартина, но смог почти физически почувствовать, какой шок тот испытал, когда обернулся. На секунду время остановилось. Потом Вангер потянулся за пистолетом, который оставил на стуле.

Лисбет Саландер сделала три быстрых шага вперед и взмахнула клюшкой для гольфа, которую скрывала до этого момента. Описав большую дугу, та своей ударной частью опустилась Мартину на ключицу, ближе к плечу. Удар оказался такой силы, что Микаэль услышал хруст сломанной кости. Вангер взвыл.

– Тебе ведь нравится боль? – спросила Саландер.

Голос ее стал жестким, как наждак. Микаэлю никогда в жизни не забыть ее лица, когда девушка перешла в наступление. Она оскалила зубы, будто дикий зверь. Глаза отливали антрацитовым блеском; она двигалась стремительно и сосредоточенно, как паук, атакующий добычу. Саландер вновь взмахнула клюшкой и врезала Мартину по ребрам.

Он зацепился за стул и упал. Пистолет свалился на пол к ногам Лисбет, и она ногой отшвырнула его подальше от Мартина.

Третий удар поразил Вангера, как раз когда он пытался встать на ноги. С громким шлепком клюшка обрушилась на его бедро, и из горла Мартина вырвался страшный вопль. Четвертый удар влетел ему в лопатку.

– Лис…бет… – прохрипел Микаэль.

Он уже почти потерял сознание, а боль в висках стала невыносимой.

Лисбет повернулась к Блумквисту и увидела, что у него лицо цвета помидора, глаза дико вытаращены, а язык уже вываливается изо рта.

Она быстро огляделась и увидела на полу нож. Потом бросила взгляд на Мартина Вангера – тот поднялся на колени и пытался отползти от нее, рука его беспомощно болталась. В ближайшие секунды он не смог бы доставить ей неприятности. Саландер бросила клюшку и схватила нож. Кончик у него был острым, но лезвие оказалось тупое. Лисбет встала на цыпочки и лихорадочно начала перепиливать ремень. Еще несколько секунд – и Микаэль наконец свалился на пол, но удавка вокруг его шеи стянулась еще больше.

Лисбет Саландер бросила еще один взгляд на Мартина Вангера. Тот поднялся на ноги, но стоял согнувшись в три погибели. Решив, что пока он безвреден, Лисбет повернулась к Микаэлю и попробовала засунуть пальцы под удавку. Резать она сперва не решалась, но потом всунула под ремень кончик ножа. Пытаясь ослабить петлю, она поцарапала Микаэлю шею, но в конце концов удавка поддалась, и Блумквист сделал несколько хриплых вдохов.

Доли секунды он испытывал неведомое до тех пор чувство: его тело и душа воссоединялись. Зрение обострилось, так что он мог различить в комнате каждую пылинку. То же самое со слухом – журналист слышал каждый вдох и шорох одежды так ясно, словно звуки раздавались из наушников. А еще он чувствовал запах кожаной куртки и пота Лисбет Саландер. Потом, когда кровь начала приливать к голове и его лицо вернуло себе нормальный цвет, иллюзия рассеялась.

Лисбет повернула голову в тот миг, когда Мартин Вангер прошмыгнул в дверь. Она быстро встала, схватила пистолет, проверила магазин и сняла с предохранителя. Микаэль отметил, что ей, похоже, уже приходилось обращаться с оружием. Оглядевшись, Саландер выхватила взглядом ключи от наручников, лежавшие на столе, прямо на виду.

– Он мой, – сказала она и бросилась к двери.

Выбегая из подвала, она схватила ключи и, не оборачиваясь, кинула их на пол рядом Микаэлем. Тот пытался крикнуть ей, чтобы она подождала, но из его горла вырвался какой-то глухой звук, а она уже скрылась за дверью.

Лисбет, конечно, не забыла о том, что у Мартина Вангера где-то хранится ружье. Выйдя в проход между кухней и гаражом, она остановилась, вскинув готовый к стрельбе пистолет. Но, сколько ни прислушивалась, она не смогла различить ни единого звука, который подсказал бы, где находится сбежавший. Саландер инстинктивно двинулась в сторону кухни и уже почти добралась до нее, когда услышала, что во дворе заводится автомобиль.

Она помчалась обратно, через потайную дверь выскочила к воротам гаража – и увидела горящие красным задние фонари машины, проезжавшей мимо дома Хенрика Вангера и повернувшей на мост. Лисбет ринулась следом, сунув пистолет в карман куртки, и, позабыв про шлем, завела свой мотоцикл. Через несколько секунд она уже мчалась через мост.

Когда девушка подъехала к кольцевой развязке у выезда на шоссе Е-4, Мартин уже опередил ее примерно на полторы минуты и скрылся из виду. Она затормозила, заглушила мотор и прислушалась.

Небо затянули темные тучи, но на горизонте уже виднелся первый рассветный луч. Потом Лисбет услышала звук мотора и увидела, как по Е-4 мчится машина Мартина Вангера – он удалялся в южном направлении. Лисбет снова завела мотоцикл, нажала на газ и проскочила под путепроводом. В поворот при выезде на шоссе она вошла на скорости восемьдесят километров в час. Теперь ее ждал прямой участок дороги. Транспорта не было видно. Саландер до предела нажала на газ и помчалась вперед. Когда дорога начала извиваться вдоль длинного горного хребта, Лисбет мчалась на скорости в сто семьдесят – почти максимальной, которую можно было выжать на спуске из ее свежеперебранного легкого мотоцикла. Через две минуты она увидела машину Мартина Вангера – он двигался примерно в четырехстах метрах впереди нее.

«Нужно все просчитать и все предусмотреть… Что же мне делать теперь?»

Саландер сбросила газ до благовидных ста двадцати в час и поехала с ним на одной скорости. На крутых поворотах она на несколько секунд теряла его из виду, но потом снова начинался длинный прямой участок. Теперь она отставала метров на двести.

Вангер, должно быть, увидел фару ее мотоцикла и в начале длинного поворота резко увеличил скорость. Саландер до отказа нажала на газ, но на поворотах все равно отставала.

Уже издалека Лисбет увидела огни грузовика. Их увидел и Мартин Вангер. Он увеличил скорость еще больше и, когда до грузовика оставалось метров сто пятьдесят, выскочил на встречку. Лисбет видела, как грузовик тормозит и отчаянно мигает фарами, но Мартин пролетел оставшееся расстояние за несколько секунд, и избежать столкновения уже было невозможно. Автомобиль Мартина Вангера влетел прямо в грузовик, и по округе разнесся грохот ужасающего удара.

Лисбет автоматически притормозила. Потом увидела, как прицеп грузовика упал набок, перегородив ее полосу. При той скорости, с какой она мчалась, она бы преодолела расстояние до места аварии за пару секунд.

Саландер поддала газу и пронеслась по обочине примерно в метре от задней части прицепа. Уголком глаза она заметила, что перед капотом грузовика взвились языки пламени.

Проехав еще сто пятьдесят метров, Лисбет остановилась и оглянулась. Увидев, как из кабины грузовика, с пассажирской стороны, выпрыгнул водитель, она снова нажала на газ. Около Окербю, двумя километрами южнее, свернула налево и поехала обратно на север по старой дороге, идущей параллельно Е-4. Проезжая место аварии, девушка видела сверху, как там остановились две легковушки. Разбитый автомобиль, смятый в лепешку и придавленный грузовиком, весь пылал. Кто-то из очевидцев пытался погасить пламя из маленького огнетушителя.

Лисбет добавила газу и вскоре уже вернулась в Хедебю. Не торопясь, она переехала через мост, припарковала мотоцикл перед гостевым домиком и вернулась в дом Мартина Вангера.

Микаэль никак не мог справиться с наручниками. Его руки онемели, и он не мог ухватить ключ. Лисбет расковала его и подержала за руки, пока кровь в кистях снова не начала циркулировать.

– А Мартин? – хриплым голосом спросил Микаэль.

– Он мертв. Врезался в грузовик на скорости полторы сотни километров, в нескольких километрах к югу по Е-4.

Микаэль тупо смотрел на нее. Саландер отсутствовала всего несколько минут.

– Мы должны… позвонить в полицию, – прохрипел он и вдруг сильно закашлялся.

– С какой стати? – поинтересовалась Лисбет.

Целых десять минут Блумквист никак не мог подняться – так и сидел на полу голый, прислонившись к стене. Он помассировал шею и поднял неловкими пальцами бутылку с водой. Лисбет терпеливо ждала, пока он снова сможет двигаться. А потом сказала:

– Одевайся.

Она использовала клочки футболки Микаэля для того, чтобы стереть отпечатки пальцев с наручников, ножа и клюшки для гольфа. И забрала с собой пластиковую бутылку.

– Что ты делаешь?

– Одевайся. Уже светает. Давай в темпе.

Микаэль встал на ноги, но они его не слушались. Он с большим трудом натянул трусы и джинсы, потом кое-как влез в кроссовки. Лисбет

засунула его носки в карман своей куртки и остановила его:

– Скажи, к чему ты прикасался в этом подвале?

Блумквист огляделся, пытаясь припомнить. В конце концов он сказал, что не прикасался ни к чему, кроме двери и ключей. Лисбет нашла ключи в пиджаке Мартина Вангера, который тот повесил на стул. Она тщательно протерла ручку двери и выключатель, затем погасила свет. Потом провела Микаэля вверх по чердачной лестнице и попросила подождать, пока она возвращает на место клюшку для гольфа. Девушка вернулась, держа в руках темную футболку, принадлежащую Мартину Вангеру.

– Надень. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел, как ты бегаешь полуголый по ночам.

Микаэль только теперь понял, что пребывает в шоковом состоянии. Лисбет распоряжается, а он беспрекословно выполняет ее команды.

Саландер вывела его из дома Мартина Вангера и поддерживала всю дорогу. Как только они переступили порог своего домика, Лисбет предупредила Микаэля:

– Если кто-нибудь видел нас и спросит, что мы делали ночью, то скажешь: мы ходили на мыс заниматься там сексом.

– Лисбет, я не могу…

– Ступай в душ.

Она помогла ему раздеться и отправила в ванную. Потом поставила кофейник и наскоро сделала несколько больших бутербродов с сыром, печеночным паштетом и солеными огурцами. Когда Микаэль, прихрамывая, вернулся в комнату, Лисбет сидела, погрузившись в размышления. Она осмотрела повреждения у него на теле. От удавки на шее остался темно-красный след, а слева проступила царапина от ножа.

– Ложись в постель, – сказала Лисбет.

Она принесла пластырь и наложила на рану компресс. Потом налила ему кофе и протянула бутерброд.

– Я не голоден, – сказал Микаэль.

– Ешь, – скомандовала Лисбет Саландер и откусила большой кусок бутерброда с сыром.

Микаэль закрыл глаза. Потом сел и тоже откусил кусок бутерброда. У него сильно болело горло, и глотал он с трудом.

Лисбет сняла кожаную куртку и принесла из несессера баночку тигрового бальзама.

– Пусть кофе пока постынет, а ты ложись на живот.

В течение пяти минут она массировала ему спину и втирала ему мазь. Потом перевернула его и проделала то же самое спереди.

– Скоро у тебя проступят конкретные синяки.

– Лисбет, мы должны позвонить в полицию.

– Нет, – ответила она так решительно, что Микаэль удивленно открыл глаза и посмотрел на нее. – Если ты позвонишь в полицию, я уеду. Я не желаю иметь к этому никакого отношения. Мартин Вангер погиб в автокатастрофе. В машине он был один. Есть свидетели. Пусть полиция или кто-то другой обнаруживает его проклятый пыточный бункер. Мы с тобою ничего о нем не знаем – точно так же, как и все остальные.

– Почему?

Саландер будто не заметила вопроса и помассировала ему ноющий пах.

– Лисбет, мы не можем просто…

– Если ты будешь стенать, я отволоку тебя обратно к Мартину и снова посажу на цепь.

Пока она говорила, Микаэль заснул – так стремительно, будто потерял сознание.

Глава 25
Суббота, 12 июля – понедельник, 14 июля

Около пяти часов утра Микаэль проснулся и тут же начал хвататься за шею, чтобы стянуть с себя удавку. Лисбет зашла в спальню и схватила его за руки, пытаясь успокоить. Блумквист открыл глаза и посмотрел на нее отсутствующим взглядом.

– Я не знал, что ты играешь в гольф, – пробормотал он и снова закрыл глаза.

Она посидела возле него несколько минут, пока не убедилась, что он опять заснул. Пока он спал, Лисбет снова навестила подвал Мартина Вангера и обследовала место преступления. Помимо орудий для пыток она нашла огромную коллекцию порнографических журналов со сценами насилия и множество полароидных снимков, вклеенных в альбомы.

Никакого дневника она не нашла, зато обнаружила две папки формата А4 с паспортными фотографиями и записями женщин. Она захватила папки с собой, уложив их в нейлоновую сумку вместе с лэптопом Мартина Вангера, который нашла на столе в холле этажом выше. Когда Микаэль снова заснул, она продолжила изучать свои находки. В начале седьмого Лисбет выключила лэптоп, закурила сигарету и задумчиво прикусила нижнюю губу.

Некоторое время назад вместе с Микаэлем Блумквистом они начали охоту за тем, кого считали серийным убийцей былых времен. Но нашли они нечто совершенно другое. Лисбет даже и представить себе не могла, какие ужасы разыгрывались в подвале Мартина Вангера, посреди идиллической атмосферы его дома.

Это надо было осмыслить.

Мартин Вангер начал убивать женщин в 1960-е годы. На протяжении последних пятнадцати лет он делал это методично и регулярно, по одной или две женщине в год. Он был невидим и неуловим. Ему удавалось продумать все до мелочей, до деталей. И никто даже не подозревал, что где-то рядом затаился маньяк и серийный убийца. Но как ему это удавалось?

Ответ на этот вопрос можно было найти в папках.

Его жертвами становились женщины без имени и положения, зачастую недавно приехавшие иммигрантки, без друзей и знакомых в Швеции. А еще – проститутки и социально уязвимые женщины, злоупотреблявшие

алкоголем и наркотиками. Или женщины с другими проблемами.

Поскольку Лисбет Саландер уже изучала психологию сексуального садизма, то она знала, что маньяки часто коллекционируют вещи своих жертв, используя их как сувениры, которые помогают им вспомнить и вновь частично пережить испытанные ощущения.

Мартин Вангер вел настоящую хронику смерти. Он каталогизировал своих жертв и проставлял им оценки. Он описывал и комментировал их страдания, он документировал свои преступления, запечатлевая их на видеопленках и фотографиях.

Он ставил перед собой цель насиловать и убивать. Но Лисбет пришла к выводу, что на самом деле страстью Мартина Вангера была охота. В его лэптопе она наткнулась на базу данных, включавшую сотни женщин. Среди них встречались служащие концерна «Вангер», официантки ресторанов, которые он часто посещал, администраторы отелей, работницы страховых компаний, секретарши знакомых бизнесменов и многие другие. Казалось, Мартин регистрировал и подробнейшим образом описывал буквально каждую женщину, которая попадалась ему на пути.

Конечно, он убил лишь крохотную часть этих женщин, но все, кто оказывался поблизости от него, становились потенциальными жертвами – он заносил их в базу данных и начинал изучать. Это занятие приобрело характер активного хобби, которому Вагнер наверняка уделял огромное количество времени.

Каков ее семейный статус – она замужем или одиночка? Есть ли у нее дети и семья? Где она работает? Где живет? На какой ездит машине? Какое у нее образование? Какой у нее цвет волос? А цвет кожи? Как она сложена?

Лисбет пришла к выводу, что, собирая персональные сведения о потенциальных жертвах, Мартин Вангер давал волю своим сексуальным фантазиям. Так что он прежде всего был охотником, а уж потом убийцей.

Лисбет обнаружила в одной из папок маленький конверт, откуда извлекла два выцветших полароидных снимка. На первом снимке за столом сидела молодая брюнетка в темных брюках; верхняя часть ее тела с маленькими острыми грудями была обнажена. Девушка отвернула лицо от камеры и вроде бы поднимала руку, чтобы защититься, словно фотограф достал аппарат неожиданно для нее. На втором снимке она была уже полностью обнажена и лежала на животе на кровати с голубым покрывалом, отвернувшись от камеры.

Лисбет спрятала конверт с фотографиями в карман куртки. Потом отнесла папки к железной печке и чиркнула спичкой. Когда они догорели

до конца, она разметала золу. Потом, невзирая на сильный дождь, сходила к мосту и утопила там лэптоп Мартина Вангера.

Когда в половине восьмого утра Дирк Фруде распахнул дверь, Лисбет сидела за кухонным столом, пила кофе и курила сигарету. Лицо адвоката обрело пепельно-серый цвет, и, судя по виду, его разбудили, чтобы сообщить ему страшное известие.

– Микаэль?.. – спросил он.

– Он еще спит.

Дирк Фруде опустился на стул. Лисбет налила кофе и протянула ему чашку.

– Мартин… Мне сообщили, что ночью он разбился на машине.

– Очень жаль, – сказала Лисбет Саландер и отпила кофе.

Дирк Фруде поднял взгляд и сначала посмотрел на нее с явным непониманием, но потом его зрачки расширились:

– Что?..

– Он попал в аварию. Печально.

– Вам известно, что произошло?

– Он направил машину прямо на грузовик. Решил покончить с собой. Пресса, стрессы и плачевное финансовое состояние – слишком много для одного человека. По крайней мере, я подозреваю, что массмедиа именно так преподнесут это событие.

Казалось, что самого Дирка Фруде сейчас разобьет паралич. Он быстро встал, прошел к спальне и открыл дверь.

– Дайте ему поспать, – строго сказала Лисбет.

Фруде взглянул на спящего Микаэля. Он разглядел синяки на лице и кровоподтеки на туловище, потом заметил багровую отметину на горле – след от удавки. Лисбет дотронулась до его руки и снова закрыла дверь. Фруде отступил и медленно опустился на диван.

Саландер поведала о том, что случилось ночью. Она подробно описала, как нашла Микаэля с удавкой на шее и директора концерна, стоявшего перед ним; и как выглядела «комната страха» Мартина Вангера. Потом она рассказала о том, что обнаружила накануне днем в архиве концерна, и о том, как установила связь отца Мартина с убийствами, по крайней мере, семи женщин.

Дирк Фруде ни разу не прервал ее. Когда она закончила, он несколько минут сидел молча, а потом тяжко выдохнул и медленно покачал головой.

– Что нам теперь делать?

– Ко мне это не имеет никакого отношения, – сказала Лисбет с безразличием.

– Но…

– Что до меня, то и ноги моей никогда не было в Хедестаде.

– Я не понимаю…

– Я ни при каких обстоятельствах не хочу фигурировать в полицейском протоколе. Я тут совершенно ни при чем. Если мое имя начнут упоминать в связи с этой историей, я стану отрицать, что была здесь, и не отвечу ни на один вопрос.

– Я не понимаю. – Дирк Фруде внимательно посмотрел на нее.

– А вам и не обязательно понимать.

– И что же мне тогда делать?

– Это вы решайте сами, а нас с Микаэлем оставьте в покое.

Дирк Фруде побледнел как полотно.

– Считайте, что вам известно лишь о гибели Мартина Вангера в автокатастрофе. Вы понятия не имеете о том, что он был маньяком-убийцей, и никогда не слышали о камере пыток в его погребе.

Лисбет бросила ключ на стол.

– У вас есть время, пока кто-нибудь не станет выносить вещи из подвала Мартина и не обнаружит там все эти дела. Это произойдет не сразу.

– Мы должны сообщить обо всем в полицию.

– Не мы. Вы можете идти в полицию, если хотите. Это ваше решение.

– Но такое невозможно утаить.

– Я и не предлагаю это утаивать, я просто хочу, чтобы нас с Микаэлем ни во что не втягивали. Когда вы обнаружите ту комнату, вы сами решите, кому захотите об этом поведать.

– Если то, что вы говорите, правда, значит, Мартин похищал и убивал женщин… Наверняка есть семьи, отчаявшиеся найти своих детей… Мы не можем просто…

– Согласна. Но есть одна загвоздка. Трупы не обнаружены. Возможно, вы найдете паспорта или удостоверения личности в каком-нибудь ящике. Не исключено, что некоторые жертвы можно опознать по видеозаписям. Но ведь вам необязательно принимать решение сегодня. Обдумайте все хорошенько.

У адвоката началась паника.

– О господи! Для концерна это будет конец. Сколько семей потеряют работу, если станет известно, что Мартин…

Он метался взад-вперед, мучимый моральной дилеммой.

– Но это еще не всё. Я полагаю, что наследницей Мартина станет Изабелла. Думаю, будет не слишком хорошо, если она первой узнает о хобби Мартина.

– Мне нужно пойти и посмотреть…

– Я считаю, что вам не следует ходить туда сегодня, – строго сказала Лисбет. – У вас масса хлопот. Вам надо сообщить об этом Хенрику, и вы должны созвать экстренное заседание правления – и вообще сделать то, что вы сделали бы, если бы ваш генеральный директор погиб при обычных условиях.

Дирк Фруде обдумывал ее слова. У него колотилось сердце. Он был опытным адвокатом, который знает и умеет решать самые разные проблемы. От него ждали, что именно он всегда знает, как следует действовать при самых разных нестандартных обстоятельствах. Но сейчас он был в полной растерянности и не знал, что делать. Он вдруг понял, что сидит и ждет инструкций от какой-то девчонки. В каком-то смысле она сейчас лучше его разбиралась в ситуации и предлагала ему решения, которые ему самому сейчас даже не приходили в голову.

– А Харриет?

– Мы с Микаэлем еще не во всем разобрались. Но вы можете передать Хенрику Вангеру, что мы сделаем это.

Когда в девять часов Микаэль проснулся, все новостные программы уже твердили о безвременной кончине Мартина Вангера. Сообщалось, что глава концерна по неизвестным причинам ехал ночью на большой скорости и вылетел на встречную полосу.

Он ехал один. В сообщениях и комментариях местного радио высказывались опасения за будущее концерна «Вангер», оценивались последствия для предприятия, которые повлечет за собой эта смерть.

Поспешно скомпонованный новостной блок Телеграфного агентства Швеции был озаглавлен «Мы в шоке». Здесь перечислялись животрепещущие проблемы концерна «Вангер»: ни для кого не было секретом, что только в Хедестаде три тысячи человек из города с населением в двадцать одну тысячу работали в концерне или каким-либо иным образом зависели от его процветания. Генеральный директор концерна «Вангер» погиб, а его предшественник – старец, которого сразил инфаркт. А настоящего наследника как не было, так и нет. И все это тогда, когда концерн переживает самый глубокий кризис за всю свою историю…

Микаэль Блумквист имел возможность поехать в полицию Хедестада и

сообщить о том, что произошло ночью, но у Лисбет Саландер был свой сценарий. К тому же, поскольку он не позвонил в полицию сразу, по свежим следам, сделать это с каждым часом становилось все труднее. Утро журналист провел на кухонном диване в мрачном настроении. На улице лил дождь, небо заволокло тяжелыми тучами. Около десяти утра разразилась еще одна сильная гроза, но к обеду дождь прекратился и ветер утих. Микаэль вышел на улицу, протер садовую мебель и уселся за стол с кружкой кофе. На нем была рубашка с поднятым воротником.

Смерть Мартина, естественно, повлияла на дневной распорядок жизни Хедебю. К дому Изабеллы Вангер без конца подъезжали машины с членами семьи Вангеров, чтобы выразить соболезнования. Лисбет хладнокровно наблюдала за этой процессией. А Микаэль сидел, словно воды в рот набрав.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спросила она.

Блумквист даже не знал, что ответить.

– Мне кажется, я еще не оправился от шока, – сказал он. – Я был беспомощен. Несколько часов я пребывал в убеждении, что скоро мне предстоит умереть. Я с ужасом ждал смерти и ничего не мог предпринять.

Он протянул руку, положил ей на колено и сказал:

– Спасибо тебе. Если бы не ты, он бы меня убил.

Лисбет усмехнулась.

– Хотя я и не могу понять, как ты рискнула отправиться сражаться с ним в одиночку. Я лежал там на полу и только молил Бога о том, чтобы ты увидела фотографию, сообразила и позвонила в полицию.

– Если бы я дожидалась полиции, ты, вероятно, не выжил бы. Я не могла позволить этому подонку тебя убить.

– Но почему ты не хочешь общаться с полицией? – спросил Микаэль.

– Я не общаюсь с властями.

– Почему?

– Даже не буду отвечать на этот вопрос. Но я не уверена, что твоя карьера журналиста не пострадала бы потому, что тебя раздевал Мартин Вангер, одиозный серийный убийца. Тебе не нравится кличка Калле Блумквист; а теперь представь себе, какие новые эпитеты к ней добавились бы…

Микаэль строго посмотрел на нее, но решил больше не муссировать эту тему.

– Нам предстоит решить одну задачу, – сказала Лисбет.

Микаэль кивнул.

– Что случилось с Харриет?

Лисбет положила перед ним на стол два полароидных снимка и рассказала, где нашла их. Блумквист внимательно изучил фотографии, а потом посмотрел на Лисбет.

– Это может быть она, – сказал он. – Поклясться я не могу, но, судя по фигуре и прическе, я уже видел ее на фотографиях.

Микаэль с Лисбет еще час сидели в саду и обсуждали все детали. Они приближались к разгадке с разных сторон – и пришли к выводу, что именно Мартин Вангер и был недостающим звеном во всей цепочке их поисков.

А Лисбет так и не заметила оставленную Микаэлем на столе фотографию. Она решила, что Микаэль совершил какой-то промах, после того как изучила снимки камер наружного наблюдения. Она подошла к дому Мартина Вангера со стороны набережной, заглянула во все окна, но не встретила ни единой живой души. Потом осторожно потрогала все двери и окна на первом этаже. Под конец залезла в дом через открытую балконную дверь второго этажа. Она потратила массу времени на то, чтобы проверить все помещения в доме – комнату за комнатой, но в конце концов обнаружила лестницу в погреб. Мартин совершил оплошность: он оставил дверь в камеру пыток приоткрытой. И Лисбет поняла, что происходит.

Микаэль спросил, слышала ли она все, что говорил Мартин.

– Нет, не все. Я пришла туда, когда он спрашивал тебя о том, что произошло с Харриет, перед тем как подвесить тебя на удавке. Я оставила вас на минутку, чтобы поискать оружие наверху. В гардеробе нашлись клюшки для гольфа.

– Мартин Вангер не имел ни малейшего представления о том, что случилось с Харриет, – сказал Микаэль.

– И ты ему поверил?

– Да, представь себе, я ему поверил, – решительно ответил журналист. – Мартин Вангер вел себя как бешеный хорек… И откуда мне приходят в голову такие сравнения?.. Но он признался во всех совершенных убийствах. И говорил вполне откровенно. Мне кажется, он хотел мне понравиться. Но что касается Харриет, он столь же отчаянно, как и Хенрик Вангер, хотел узнать, что же на самом деле с ней произошло.

– Ну… и какой из этого вывод?

– Мы знаем, что первую серию убийств, между сорок девятым и шестьдесят пятым годами, совершил Готфрид Вангер.

– Вот как. И он научил Мартина.

– Стало быть, у них была деструктивная семья, – сказал Микаэль. – Так что у Мартина не было ни единого шанса развиться в нормального человека.

Лисбет Саландер бросила на Микаэля удивленный взгляд.

– Мартин рассказал мне – правда, по частям, – что отец учил его этому с тех пор, как он достиг половой зрелости. В шестьдесят втором году он присутствовал при убийстве Лии в Уддевалле. Ему тогда было четырнадцать лет. Он участвовал в убийстве Сары в шестьдесят четвертом, и на этот раз был не просто зрителем, а соучастником. Ему было шестнадцать.

– И?

– Мартин сказал, что он не гомосексуалист и никогда не дотрагивался до мужчины, за исключением своего отца. И я подумал, ну, просто сам по себе напрашивается вывод, что отец его насиловал. Половое принуждение, по всей видимости, продолжалось довольно долгое время. Его, если можно так сказать, воспитал собственный отец.

– Какая чепуха! – сказала Лисбет Саландер.

Ее голос вдруг стал холодным как сталь. Микаэль изумленно смотрел на нее. В ее взгляде не было ни капли сочувствия.

– Мартин, как и все остальные, мог отказаться. Он сам сделал свой выбор. Он убивал и насиловал, потому что ему это нравилось.

– Ладно, пожалуй, я не буду возражать. Но Мартин был слабовольным юношей и подпал под влияние отца, так же, как и Готфрид. Ведь того в свое время сформировал его отец, нацист.

– Вот как! Значит, ты исходишь из того, что у Мартина не было собственной воли и что люди становятся такими, какими их воспитывают.

Микаэль осторожно улыбнулся:

– Это что, уязвимое место в моей теории?

В глазах Лисбет Саландер вдруг вспыхнула ярость.

Микаэль поспешно продолжил:

– Я не утверждаю, что на людей влияет только воспитание, но считаю, что воспитание играет большую роль. Отец Готфрида избивал сына на протяжении многих лет. Такое не проходит бесследно.

– Чушь, – повторила Лисбет. – Готфрид – не единственный ребенок, которого жестоко избивали. Это не дает ему права убивать женщин. Этот выбор он сделал сам. То же самое и с Мартином.

Микаэль поднял руку:

– Давай не будем ссориться.

– Я не ссорюсь. Просто мне кажется, что очень уж патетично получается – каждый подонок всегда может найти себе оправдание.

– Хорошо. Конечно, каждый из них сам выбирал свою стезю. Готфрид умер, когда Мартину исполнилось семнадцать лет, и в лице отца он потерял

наставника. Он решил пойти по стопам отца. Февраль шестьдесят шестого года в Уппсале.

Микаэль потянулся к пачке Лисбет за сигаретой.

– Я даже не собираюсь вдаваться в подробности, зачем Готфрид все это делал и как он сам оценивал содеянное. Его мозги были забиты библейской абракадаброй, связанной с наказанием и очищением, в которой, вероятно, смог бы разобраться только психиатр. Но нам не до деталей. Он был серийным убийцей.

Он сделал секундную паузу и затем продолжил:

– Готфрид хотел убивать женщин и маскировал свои злодеяния некими псевдорелигиозными убеждениями. Но Мартин даже не притворялся и не искал себе оправдания. Он действовал методично и убивал регулярно. К тому же он мог инвестировать в свое хобби немалые деньги. И он был сообразительнее отца. Каждый раз, оставляя после себя труп, Готфрид рисковал, что кто-нибудь нападет на его след. К тому же каждый раз, когда полицейские приступали к расследованию, они вполне могли бы вычислить, что все преступления ведут к одному убийце.

– Мартин Вангер построил свой дом в семидесятых годах, – задумчиво сказала Лисбет.

– Хенрик, кажется, упоминал, что это было в семьдесят восьмом. Вероятно, Мартин заказал надежный погреб для хранения важных архивов или чего-то подобного. Так что ему построили комнату с усиленной звукоизоляцией, без окон и со стальной дверью.

– И он орудовал в ней целых двадцать пять лет…

Они ненадолго замолчали, и Микаэль задумался о том, какие кошмарные события, должно быть, происходили на острове Хедебю, в идиллической атмосфере, на фоне всеобщего благоденствия. И так в течение четверти века.

А Лисбет даже и не пришлось размышлять об этом – она видела коллекцию видеофильмов. Она отметила, как Микаэль непроизвольно дотронулся до шеи.

– Готфрид ненавидел женщин и учил сына ненавидеть женщин, при этом сам же его и насиловал. Но при этом он придерживался собственной идеологии… Мне кажется, Готфрид мечтал о том, чтобы его дети придерживались, мягко говоря, его извращенных взглядов на мир. Когда я спросил Мартина о Харриет, его собственной сестре, тот сказал: «Мы пытались убедить ее. Но она оказалась самой обычной стервой. Она собиралась рассказать обо всем Хенрику».

Лисбет кивнула:

– Да, я слышала. Примерно в это время я как раз спустилась в погреб. Так что теперь, следовательно, мы знаем, о чем она намеревалась рассказать Хенрику.

Микаэль наморщил лоб.

– Не совсем.

Он сделал паузу.

– Все дело в хронологии. Мы не знаем, когда Готфрид начал насиловать сына, но он взял Мартина с собой, когда убивал Лию Перссон в Уддевалле в шестьдесят втором году. А утонул он в шестьдесят пятом. До этого они с Мартином пытались побеседовать с Харриет. Какой отсюда следует вывод?

– Готфрид насиловал не только Мартина. Он насиловал и Харриет.

Микаэль кивнул.

– Готфрид был наставником. Мартин – учеником. А кем же была Харриет? Игрушкой?

– Готфрид заставлял Мартина совокупляться с сестрой.

Лисбет показала на полароидные снимки.

– По этим фотографиям трудно понять, как она к этому относится, поскольку не видно лица, но она пытается заслониться от камеры.

– Предположим, все началось, когда Харриет исполнилось четырнадцать, в шестьдесят четвертом году. Она сопротивлялась – «она не смирилась со своим долгом», как выразился Мартин. Об этом-то Харриет и угрожала рассказать. Мартин тогда не возражал, он просто подчинился отцу. Они с Готфридом заключили своего рода… пакт и попытались провести обряд посвящения с Харриет.

Лисбет кивнула:

– Ты записал в своих заметках, что Хенрик разрешил Харриет переехать к нему зимой шестьдесят четвертого года.

– Хенрик видел, что в ее семье не все ладно. Он считал, что всему виной ссоры и разборки между Готфридом и Изабеллой, и перевез ее к себе, чтобы она могла спокойно сосредоточиться на учебе.

– Такой поворот событий явно не вписывался в планы Готфрида и Мартина. Отныне они не могли так легко добираться до нее и контролировать ее жизнь. Но где же они совершали свои гнусные делишки?

– Скорее всего, в домике Готфрида. Я почти уверен, что эти снимки сделаны там, – это легко проверить. Домик расположен просто идеально – изолированно и далеко от селения. Потом Готфрид в последний раз напился и утонул.

Лисбет задумчиво кивнула:

– Отец Харриет занимался или пытался заниматься с ней сексом, но, скорее всего, не посвящал ее в свою тайную жизнь убийцы.

Микаэль решил, что это – самое уязвимое место в их логической цепочке. Харриет записала имена жертв Готфрида и сопоставила их с библейскими цитатами. Но интерес к изучению Библии она проявила только в последний год, после смерти Готфрида. Микаэль пытался найти этому объяснение.

– Каким-то образом Харриет все-таки обнаружила, что Готфрид не только предавался инцестуальным утехам, но что он – еще и маньяк и серийный убийца, – сказал он.

– Мы не знаем, когда она узнала про убийства. Возможно, непосредственно перед тем, как Готфрид утонул. А может быть, уже после этого, если он вел дневник или хранил газетные статьи об убийствах. Что-то натолкнуло ее на след.

– Но, скорее всего, она не об этом грозилась рассказать Хенрику, – предположил Микаэль.

– А о Мартине, – сказала Лисбет. – Ее отец умер, но Мартин не оставлял ее в покое.

– Вот именно, – кивнул Микаэль.

– И потребовался целый год, чтобы она решилась.

– А что бы ты сделала, если бы вдруг обнаружила, что твой отец – серийный убийца, к тому же насилующий твоего брата?

– Я бы убила этого ублюдка, – сказала Лисбет.

Она произнесла эту фразу таким трезвым и холодным тоном, что Микаэль подумал – она шутит.

Ему вдруг вспомнилось ее лицо, когда она предприняла атаку на Мартина Вангера. Он печально улыбнулся.

– Предположим. Но Харриет не хватало твоей решимости. Готфрид умер в шестьдесят пятом году, прежде чем она успела что-либо предпринять. Это укладывается в логику наших рассуждений. После смерти Готфрида Изабелла отправила Мартина в Уппсалу. Он, скорее всего, проводил дома Рождество и приезжал на каникулы. Но весь следующий год он встречался с Харриет не слишком часто. Они оказались на большом расстоянии друг от друга.

– И она начала изучать Библию.

– При этом вовсе не обязательно ею двигали религиозные причины, если исходить из того, что нам теперь известно. Возможно, Харриет просто хотела понять своего отца, проанализировать его деяния. Девушка размышляла вплоть до карнавального шествия в шестьдесят шестом году.

Там она вдруг увидела своего брата и поняла, что он вернулся. Мы не знаем, состоялся ли у них разговор и сказал ли Мартин ей что-нибудь. Но что бы там ни произошло, Харриет приняла спонтанное решение немедленно отправиться домой, чтобы поговорить с Хенриком.

– А потом она исчезла.

После того как они восстановили всю цепь событий, они уже смогли предположить, как должен выглядеть последний фрагмент мозаики.

Микаэль и Лисбет упаковали вещи. Перед отъездом Блумквист позвонил Дирку Фруде и заявил, что им с Лисбет придется на некоторое время уехать, но перед отъездом он непременно хотел бы повидаться с Хенриком.

Микаэлю хотелось бы знать, что Фруде рассказал Хенрику. У адвоката был такой измученный голос, что журналист даже начал за него беспокоиться. В конце концов Фруде объяснил, что сообщил Хенрику лишь о гибели Мартина в результате аварии.

Пока Микаэль парковался у больницы, снова прогремел гром и небо опять затянули мрачные дождевые облака. Он поспешно пересек стоянку как раз в тот момент, когда уже начинал накрапывать дождь.

Хенрик Вангер, одетый в халат, сидел в своей палате у окна. Болезнь, несомненно, отразилась на нем, но цвет его лица стал значительно лучше, и старик явно шел на поправку. Они пожали друг другу руки. Микаэль попросил сиделку оставить их на несколько минут.

– Давно тебя здесь не было, – сказал Хенрик.

Микаэль кивнул.

– И не случайно. Ваши родственники не хотят, чтобы я тут появлялся, но сегодня они все собрались у Изабеллы.

– Бедняга Мартин, – сказал Хенрик.

– Хенрик! Вы поручили мне докопаться до истины о том, что случилось с Харриет и куда она исчезла. Вы не боитесь, что правда может оказаться очень горькой?

Хенрик Вангер пристально посмотрел на него. Потом у него расширились зрачки:

– Мартин?

– Он – участник всей этой истории.

Хенрик закрыл глаза.

– А сейчас я хочу задать вам один вопрос.

– Какой?

– Вы по-прежнему хотите узнать, что произошло? Даже если правда

причинит вам боль и окажется гораздо страшнее, чем вы предполагали?

Вангер посмотрел на Микаэля пытливым взглядом, а потом кивнул:

– Да, я хочу знать. Иначе ради чего я тебя нанимал?

– Хорошо. Мне кажется, я знаю, что произошло с Харриет. Однако мне не хватает последнего кусочка пазла.

– Будь добр, расскажи.

– Нет. Не сегодня. Я хочу, чтобы вы еще немного окрепли. Доктор говорит, что кризис позади и что вы идете на поправку.

– Но послушай, Микаэль, я ведь не ребенок.

– К тому же я еще не знаю всего. Пока у меня есть только версия. Я уезжаю, чтобы найти ей подтверждение или опровержение. Когда я появлюсь в следующий раз, я расскажу вам всю историю целиком. На это мне может понадобиться некоторое время. Но будьте уверены: я вернусь, и вы обязательно узнаете всю правду.

Лисбет запарковала мотоцикл с теневой стороны дома и накрыла его брезентом, а сама села с Микаэлем в одолженную им машину.

Снова грянула гроза, и к югу от Евле[96] на них обрушился такой ливень, что Микаэль почти не различал дороги. Он предпочел не рисковать и свернул к бензоколонке. Дожидаясь ослабления ливня, они выпили кофе и прибыли в Стокгольм только к семи вечера. Микаэль сообщил Лисбет код входной двери своего дома и высадил ее возле Центрального вокзала.

Когда он вошел в квартиру, она показалась ему чужой.

Пока Лисбет ездила по делам к Чуме в Сундбюберг, Микаэль прошелся по квартире с пылесосом и тряпкой.

Саландер вернулась к Микаэлю ближе к полуночи и в течение десяти минут осматривала его квартиру, заглядывая во все уголки и закоулки. Довольно долго она стояла у окна и любовалась видом на Шлюз.

Спальный отсек был отделен от квартиры широкими шкафами и книжными стеллажами из магазина «ИКЕА». Лисбет с Микаэлем разделись и несколько часов поспали.

На следующий день, около двенадцати часов, они приземлились в Лондоне, в аэропорту Гатвик. Лондон встретил их дождем. Микаэль заказал номер в отеле «Джеймс» возле Гайд-парка. Это был просто роскошный вариант, если сравнивать с отелем «Бейсуотер», где он обычно останавливался во время своих прежних визитов в Лондон. Все их расходы оплачивал Дирк Фруде со своего текущего расходного счета.

В пять часов дня, когда они стояли в баре, к ним подошел мужчина лет

тридцати. Он был почти лысый, со светлой бородой, в мешковатом пиджаке, джинсах и мокасинах.

– Оса? – спросил он.

– Троица? – ответила она.

Они кивнули друг другу. Как зовут Микаэля, незнакомец не спрашивал.

Напарник Троицы представился как Боб Дог. Он ждал их за углом в старом автофургоне «Фольксваген». Они залезли через раздвижные дверцы и уселись на привинченные к стенкам откидные сиденья. Пока Боб пытался преодолеть лондонские пробки, Оса с Троицей обсуждали свои планы.

– Чума сказал, речь идет о crash-bang job[97].

– Надо взломать один комп, чтобы перехватить почту и прослушать телефон. Все может получиться сразу, а может, и займет пару дней, в зависимости от конкретных обстоятельств. То есть от него, – Лисбет показала в сторону Микаэля. – Справитесь?

– А ты сомневаешься? – вопросом на вопрос ответил Троица.

Анита Вангер жила в маленьком таунхаусе в уютном пригороде Сент-Олбанс, примерно в часе езды к северу от столицы. Из автофургона они зафиксировали, что она пришла домой около семи часов вечера и открыла дверь. Они дождались, пока она примет душ, поест и сядет перед телевизором. После этого Микаэль позвонил в дверь.

Женщина, открывшая дверь, оказалась почти точной копией Сесилии Вангер. Лицо ее выражало вежливое недоумение.

– Здравствуйте, Анита. Меня зовут Микаэль Блумквист. Хенрик Вангер просил меня передать вам привет. Полагаю, вы уже слышали новости о Мартине.

Удивление на лице женщины сменилось настороженностью. Услышав имя гостя, она сразу поняла, кто такой Микаэль Блумквист. Конечно, Анита общалась с Сесилией Вангер, которая, вероятно, не скрывала своего негативного отношения к Микаэлю. Однако имя Хенрика, упомянутое им, вынудило ее впустить гостя. Она пригласила Микаэля в гостиную и предложила сесть. Журналист огляделся. Дом Аниты Вангер был обставлен со вкусом, хозяйка явно располагала средствами и имела достойную работу, и при этом вела размеренный образ жизни. Микаэль отметил, что над камином, переделанным в газовый обогреватель, висит гравюра Андерса Цорна с автографом.

– Извините, что я ворвался к вам так неожиданно, но я оказался в Лондоне и пытался днем до вас дозвониться.

– Ясно. О чем, собственно, речь?

Судя по голосу, Анита приготовилась обороняться.

– Вы собираетесь ехать на похороны?

– Нет, мы с Мартином никогда не были близки. К тому же я не могу сейчас никуда отлучиться.

Микаэль кивнул. Анита Вангер старалась по возможности держаться подальше от Хедестада на протяжении тридцати лет. С тех пор как ее отец переехал обратно в Хедебю, она там практически не показывалась.

– Я хочу знать, что произошло с Харриет Вангер. Настало время правды.

– С Харриет? Не понимаю, что вы имеете в виду.

Микаэль усмехнулся. А она неплохая актриса.

– Из всей семьи вы были ближайшей подругой Харриет. Именно вам она рассказывала обо всем, что ей пришлось пережить.

– Вы говорите как помешанный, – сказала Анита Вангер.

– Вполне возможно, вы правы, – ничуть не смущаясь, ответил Микаэль. – Анита, вы были в комнате Харриет в тот день. У меня есть доказательство – фотография, на которой вас можно разглядеть. Через несколько дней я доложу об этом Хенрику, и тогда он будет вынужден разбираться с этим сам. Почему бы вам не рассказать мне, что произошло?

Анита Вангер встала.

– Немедленно покиньте мой дом.

Микаэль тоже поднялся.

– Хорошо, но рано или поздно вам придется со мной поговорить.

– Мне не о чем с вами разговаривать.

– Мартин погиб, – многозначительно сказал Микаэль. – Вы никогда его не любили. Я думаю, что вы переехали в Лондон, чтобы избежать встреч не только с отцом, но и с Мартином. Это значит, что вы тоже были в курсе, а рассказать вам могла только Харриет. Вопрос лишь в том, как вы распорядились своими знаниями.

Анита Вангер демонстративно хлопнула дверью перед его носом.

Снимая с Блумквиста микрофон, который находился у него под рубашкой, Лисбет Саландер улыбнулась:

– Она подняла телефонную трубку через тридцать секунд после того, как закрыла за тобой дверь.

– Код страны – Австралия, – доложил Троица, опуская наушники на маленький рабочий столик в автофургоне. – Посмотрим, что за район… – Он затарахтел клавишами лэптопа. – Так… Она звонила на номер в городе

Теннант-Крик[98], к северу от Алис-Спрингс[99], в Северной территории. Хотите послушать разговор?

Микаэль кивнул и спросил:

– А который сейчас в Австралии час?

– Приблизительно пять утра.

Троица запустил цифровой проигрыватель и подключил его к звукоусилителю. Микаэль услышал восемь сигналов, прежде чем на другом конце подняли трубку. Беседа велась по-английски.

– Привет. Это я.

– Я, конечно, ранняя пташка, но…

– Я собиралась позвонить вчера… Мартин мертв. Погиб позавчера в автокатастрофе.

Молчание. Потом послышалось что-то вроде откашливания, которое можно было истолковать как «хорошо».

– Но у нас есть проблемы. Тот гадкий журналист, которого нанял Хенрик, только что заявился ко мне. Он задает вопросы о том, что произошло в шестьдесят шестом году. Он явно что-то пронюхал.

Снова пауза. Потом раздалась команда:

– Анита, клади трубку. Нам на какое-то время нужно прекратить общение.

– Но…

– Пиши письма; в них и объяснишь, что случилось.

Разговор оборвался.

– Толковая тетка, – сказала Лисбет Саландер с восхищением.

Они вернулись в гостиницу ближе к одиннадцати вечера. Администратор помог им заказать билеты на ближайший рейс в Австралию, и через несколько минут у них уже были места на самолет, вылетающий на следующий день в 19.45 в Канберру, Новый Южный Уэльс.

Уладив все дела, они разделись и рухнули в постель.

Лисбет Саландер оказалась в Лондоне впервые, и они первую половину дня уделили прогулкам – от Тоттенхэм-Корт-роуд до Сохо. На Олд-Комптон-стрит зашли в кафе и выпили кофе латте. Около трех часов дня вернулись в гостиницу за багажом. Пока Микаэль оплачивал счет, Лисбет включила свой мобильный телефон и обнаружила, что ей пришла эсэмэска.

– Драган Арманский просил позвонить.

Она воспользовалась телефоном на ресепшен и позвонила своему шефу. Микаэль стоял немного поодаль и вдруг увидел, как Лисбет

повернулась к нему с застывшим лицом. Он тут же подошел к ней:

– Что случилось?

– Умерла моя мать. Мне надо срочно ехать домой.

У Лисбет был такой расстроенный вид, что Микаэль заключил ее в объятия, но она оттолкнула его от себя.

Они взяли себе кофе в баре гостиницы. Когда Блумквист сказал, что аннулирует заказ билетов в Австралию и полетит с ней в Стокгольм, она покачала головой:

– Нет. Мы не можем сейчас бросить работу. Отправляйся в Австралию один.

Они расстались перед гостиницей и сели в автобусы, идущие в разные аэропорты.

Глава 26
Вторник, 15 июля – четверг, 17 июля

Из Канберры Микаэль долетел до Алис-Спрингс внутренним рейсом; других вариантов у него не было, поскольку он прибыл туда уже после обеда. Дальше Блумквист мог или зафрахтовать самолет, или взять напрокат машину и на ней преодолеть остававшееся расстояние – четыреста километров на север. Микаэль предпочел взять машину.

Незнакомая личность, подписавшаяся как Иисус Навин и входившая в тайную международную сеть Чумы или, возможно, Троицы, оставила для Микаэля конверт на стойке информации в аэропорту Канберры.

Номер телефона, по которому звонила Анита, принадлежал какой-то ферме Кокрэн. Краткая записка содержала немало ценной информации. Ферма Кокрэн оказалась фермой по разведению овец.

Досье об овцеводстве Австралии, составленное из собранных в Интернете сведений, гласило: общее население континента составляет 18 миллионов человек. 53 тысячи из них являются фермерами-овцеводами, в общей сложности у них приблизительно 120 миллионов овец. Экспорт шерсти имеет оборот около 3,5 миллиарда долларов в год. Плюс к этому – экспорт 700 миллионов кило баранины, а также кожи для швейной промышленности. Производство мяса и шерсти является одной из важнейших статей национального дохода.

Ферма Кокрэн, основанная в 1891 году Джереми Кокрэном, – пятое по величине хозяйство, насчитывающее около 60 тысяч овец мериносов, шерсть которых считается особо качественной. Помимо овец, на ферме разводят также коров, свиней и кур.

Микаэль констатировал, что ферма Кокрэн – солидное предприятие с впечатляющим годовым оборотом; оно вывозит свою продукцию, в частности, в США, Японию, Китай и Европу.

Биографии владельцев, которые прилагались к справке, производили еще более сильное впечатление.

В 1972 году ферма Кокрэн перешла по наследству от Реймонда Кокрэна к Спенсеру Кокрэну, который получил образование в Оксфорде, в Англии. Спенсер скончался в 1994-м, и с тех пор фермой руководит его вдова. Она фигурировала на нечетком расплывчатом снимке, который был взят с сайта фермы Кокрэн: блондинка с короткой стрижкой, чье лицо было видно только наполовину, поглаживала овцу. По сведениям Иисуса Навина,

супруги поженились в Италии в 1971 году.

Ее звали Анита Кокрэн.

Микаэль переночевал в каком-то захолустье с многообещающим названием Ваннаду[100]. В местном пабе он съел бараний стейк и выпил три пинты с местными обитателями. Они называли его mate[101] и говорили с забавным акцентом. Блумквист чувствовал себя так, словно попал на съемки фильма «Крокодил Данди».

Перед сном, поздно ночью, Микаэль позвонил Эрике Бергер в Нью-Йорк.

– Извини, Рикки, но я так закрутился, что просто некогда было с тобой связаться.

– Что за чертовщина происходит в Хедестаде? – взорвалась она. – Мне позвонил Кристер и сообщил, что Мартин Вангер погиб в автокатастрофе.

– Это долгая история.

– А почему ты не отвечаешь на звонки? Я все последние дни названивала тебе, как психопатка.

– Мобильник тут не ловит.

– А вообще-то где тебя носит?

– В данный момент в Австралии. Я нахожусь километров на двести севернее Алис-Спрингс.

Микаэлю редко удавалось чем-нибудь удивить Эрику, но на сей раз она замолчала почти на десять секунд.

– А что ты делаешь в Австралии, позволь тебя спросить?

– Я позвонил сообщить, что задание Хенрика Вангера скоро будет выполнено. Я уже близок к финалу. Вернусь в Швецию через несколько дней.

– Ты хочешь сказать, что разобрался в том, что произошло с Харриет?

– Думаю, да.

На следующий день, около полудня, Микаэль прибыл на ферму Кокрэн. Но выяснилось, что Анита Кокрэн находится на производстве, возле местечка Макавака, расположенного на сто двадцать километров западнее.

Микаэль добирался до места по бесконечным проселочным дорогам. В четыре часа он был на месте. Остановился у ворот, где стоял джип, вокруг которого собрались овцеводы, собравшиеся попить кофе. Блумквист вышел из машины, представился и объяснил, что ищет Аниту Кокрэн. Взгляды

всей компании обратились к мускулистому мужчине лет тридцати, который явно был у них главным. Он был голым до пояса, загорелым, за исключением тех мест, которые обычно закрывала футболка. На голове у него красовалась ковбойская шляпа.

– Well mate[102], шеф нынче километрах в десяти в ту сторону, – сказал он, указывая направление большим пальцем.

Он скептически осмотрел машину Микаэля и заявил, что едва ли разумно ехать дальше на этой японской игрушке. Под конец загорелый атлет сказал, что ему все равно надо туда и он может подбросить Микаэля на своем джипе, который куда больше приспособлен для этих мест. Микаэль поблагодарил и взял с собой сумку с лэптопом.

Мужчину звали Джеффом. Он рассказал, что он «studs manager at the station». Микаэль попросил его перевести. Покосившись на него, Джефф понял, что Микаэль не здешний, и объяснил: «studs manager» примерно соответствует главному кассиру в банке, хотя лично он командует овцами, а «station» – это австралийский сленг для обозначения ранчо.

Они беседовали, пока Джефф беспечно вел джип. Они ехали вниз, в ущелье, по дороге с уклоном в двадцать градусов, на скорости двадцать километров в час. Микаэль возблагодарил свою счастливую звезду за то, что не попытался проехать здесь на прокатной машине.

Он спросил, что находится в ущелье. Оказалось, там пастбище для семисот овец.

– Как я понял, ферма Кокрэн – одна из крупных, – заметил Микаэль.

– Да, мы одна из самых крупных ферм Австралии, – согласился Джефф с гордостью в голосе. – У нас около девяти тысяч овец здесь, в районе Макавака, а еще stations в Новом Южном Уэльсе и в Западной Австралии. Всего у нас около шестидесяти трех тысяч овец.

Они выехали из ущелья и оказались на холмистой, но более проходимой местности. Вдруг Микаэль услышал выстрел. Он увидел трупы овец, большие костры и дюжину работников фермы, каждый из которых, похоже, держал в руках ружье. Тут явно происходил забой овец.

У Микаэля непроизвольно возникла ассоциация с библейскими жертвенными агнцами.

Потом он увидел женщину с короткими светлыми волосами, в джинсах и рубашке в красно-белую клетку. Джефф остановился в нескольких метрах от нее.

– Привет, босс. У нас тут турист, – сказал он.

Микаэль вылез из джипа и посмотрел на женщину. Она обратила к

нему вопросительный взгляд.

– Здравствуйте, Харриет. Давненько не виделись, – сказал Микаэль по-шведски.

Никто из работников Аниты Кокрэн не понял, что он сказал, но они смогли увидеть ее реакцию. Она в испуге отступила на шаг. А ее команда считала своим долгом защищать босса. Они заметили ее испуг, прекратили усмехаться и расправили плечи, готовые напасть на чужака, явно причинившего их шефу беспокойство.

Джефф сбросил с себя маску дружелюбия и с угрожающим видом шагнул поближе к Микаэлю.

А до Микаэля вдруг дошло, что он находится в неприступном месте по другую сторону земного шара, в окружении разгоряченных фермеров, и у каждого из них в руках – ружье. Одно слово Аниты Кокрэн – и они разорвут его на части.

Но Харриет Вангер миролюбиво помахала рукой, и мужчины на несколько шагов отступили. Она подошла к Микаэлю и посмотрела ему в глаза. Ее лицо было потным и грязным, а светлые волосы темнели у корней, как заметил Микаэль. Конечно, прошло много лет, и лицо у нее немного изменилось, но она превратилась именно в такую красивую женщину, как явствовало из ее фотографии времен конфирмации.

– Мы раньше встречались? – спросила Харриет Вангер.

– Да. Меня зовут Микаэль Блумквист. Однажды летом вы присматривали за мной, когда мне было три года. А вам было тогда двенадцать или тринадцать.

Прошло несколько секунд, потом ее взгляд вдруг прояснился, и Микаэль увидел, что Харриет его вспомнила. Она была изумлена.

– Но что вам нужно?

– Харриет, я вам не враг. Я приехал к вам не для того, чтобы навредить вам. Но нам необходимо поговорить.

Она повернулась к Джеффу, велела ему взять командование на себя и знаком предложила Микаэлю следовать за ней. Они прошли двести метров и оказались в маленькой роще, рядом с белыми парусиновыми палатками. Харриет показала на складной стул возле шаткого столика, налила в миску воды, сполоснула лицо и ушла в палатку сменить рубашку. Потом принесла из мини-холодильника две бутылки пива и села напротив Микаэля.

– Что ж, теперь мы можем поговорить.

– Скажите, почему вы отстреливаете овец?

– У нас эпидемия. Большинство из этих овечек, скорее всего, здоровы, но мы не можем рисковать – нам нужно погасить очаг заражения и не дать

эпидемии распространиться. В ближайшую неделю нам придется забить более шестисот овец. Поэтому я не в самом лучшем настроении.

Микаэль кивнул.

– Ваш брат разбился на машине несколько дней назад.

– Я об этом слышала.

– Вам сказала об этом Анита Вангер, когда звонила вам.

Харриет окинула его долгим пронзительным взглядом, потом кивнула, считая бессмысленным отрицать очевидное.

– Как вы меня нашли?

– Мы прослушивали телефон Аниты.

Микаэль тоже решил, что лгать не стоит.

– Я виделся с вашим братом за несколько минут до его смерти.

Харриет Вангер нахмурила брови. Блумквист посмотрел ей в глаза, потом сорвал с себя несуразный шарф, отогнул воротник и показал след от удавки. След до сих пор был воспаленно-красным; наверняка у Микаэля на память о Мартине Вангере останется шрам.

– Ваш брат подвесил меня на удавке, но потом появилась моя коллега и избила его до полусмерти.

В глазах Харриет вспыхнул огонек.

– Мне кажется, будет лучше, если вы расскажете все с самого начала.

Микаэль рассказывал больше часа. Он начал с того, что объяснил, кто он и чем занимается, потом описал, как получил задание от Хенрика Вангера и почему согласился переселиться в Хедебю. Он описал в общих чертах, как следствие зашло в тупик. И поведал, что Хенрик все эти годы вел собственное расследование, не сомневаясь, что Харриет убил кто-то из членов семьи. Затем журналист включил свой лэптоп и рассказал, как искал и нашел снимки с Йернвегсгатан, как они с Лисбет решили выследить серийного убийцу и обнаружили, что их было двое.

Пока он рассказывал, стало темнеть. Мужчины закончили работу, разожгли лагерные костры, и вскоре в котлах уже булькала еда. Микаэль заметил, что Джефф держится поблизости от своего босса и подозрительно поглядывает на него. Повар подал Харриет и Микаэлю еду, и они открыли еще по бутылке пива.

Когда Блумквист закончил свой рассказ, Харриет надолго замолчала.

– О господи, – произнесла она наконец.

– Вы ведь не знали об убийстве в Уппсале?

– Конечно, нет. Я была так рада, что отец мертв и с насилием покончено навсегда. Я бы никогда не подумала, что Мартин… – Пауза. – Я

рада, что он мертв.

– Понимаю вас.

– Но из вашего рассказа нельзя понять, как вы догадались, что я жива.

– Когда мы разобрались в том, что произошло, дойти до остального было не так уж и сложно. Чтобы исчезнуть, вам непременно требовалась помощь. Больше всех вы доверяли Аните Вангер, и обратиться могли явно только к ней. Вы подружились, когда она проводила с вами лето, а вы жили в домике Готфрида. Если вы кому-то и могли открыться, то только ей, а она как раз получила водительские права.

Харриет Вангер строго посмотрела на него.

– Теперь, когда вам известно, что я жива, что вы намерены делать?

– Расскажу Хенрику. Он заслуживает того, чтобы знать об этом.

– А потом? Вы ведь журналист.

– Харриет, я не собираюсь использовать вашу историю как сюжет. Во всей этой неразберихе я нарушил столько этических норм, что, узнай о них Союз журналистов, меня, вероятно, попросту из него исключат. Так что я ни в коем случае не хотел бы обидеть мою милую няню, – попытался пошутить он.

Даже не улыбнувшись в ответ, она спросила:

– А сколько людей знают?

– О том, что вы живы? В настоящий момент только вы, я, Анита и моя коллега Лисбет. Дирк Фруде знает примерно две трети истории, но он по-прежнему считает, что ваша жизнь оборвалась в шестидесятые годы.

Харриет Вангер, казалось, о чем-то размышляла. Она сидела молча, уставившись в темноту. У Микаэля вновь возникло дискомфортное ощущение близкой опасности, и он вспомнил о том, что в полуметре от Харриет Вангер, возле палатки, находится парень с дробовиком. Взяв себя в руки, решил сменить тему разговора.

– А как вам удалось стать овцеводом в Австралии? Я уже догадался, что Анита Вангер вывезла вас из Хедебю, вероятно, в багажнике своей машины, когда на следующий день после аварии разрешили движение по мосту.

– Я просто лежала на полу, под задним сиденьем, накрывшись одеялом. Но никто даже не проверял машины. Когда Анита приехала на остров, я бросилась к ней и сказала, что мне необходимо бежать… Как вы догадались, что я доверилась именно ей? Она помогла мне, и все эти годы была моим самым надежным другом.

– Но как вы оказались в Австралии?

– Перед тем как покинуть Швецию, я несколько недель прожила в

комнате у Аниты, в студенческом общежитии в Стокгольме. У нее имелись собственные деньги, которые она мне щедро одолжила. Я также воспользовалась ее паспортом. Мы были очень похожи, и мне требовалось лишь перекраситься в блондинку. Четыре года я прожила в монастыре в Италии. Монахиней я не стала – там есть такие монастыри, где можно дешево снимать комнату, чтобы побыть в одиночестве и поразмышлять. Потом я случайно встретилась со Спенсером Кокрэном. Он был на несколько лет старше меня и как раз закончил учебу в Англии и странствовал по Европе. Я влюбилась. Он – тоже. Вот и всё. *Анита Вангер* вышла за него замуж в семьдесят первом году. И ни разу об этом не пожалела. Он был прекрасным мужем. К сожалению, восемь лет назад он умер, и мне пришлось стать во главе фермы.

– А как же паспорт – ведь кто-нибудь мог обнаружить, что существуют две Аниты Вангер?

– Нет, отчего же? Шведка по имени Анита Вангер замужем за Спенсером Кокрэном. Какая разница, живет она в Лондоне или в Австралии? В Лондоне она – жена Спенсера Кокрэна, живущая отдельно от мужа, а в Австралии – живущая вместе с мужем. Системы компьютерного учета Канберры и Лондона не пересекаются. Кроме того, я вскоре получила австралийский паспорт на фамилию Кокрэн. Все работает отлично. Проблемы могли бы возникнуть, только если бы Анита сама собралась замуж, поскольку мой брак был зарегистрирован в шведском реестре записи актов гражданского состояния.

– Но она так и не собралась…

– Она уверяет, что так никого и не встретила. Но я знаю, что она не вышла замуж ради меня. Анита – истинный друг.

– А что она делала в вашей комнате?

– В тот день я вообще действовала не слишком обдуманно. Я боялась Мартина, но пока он находился в Уппсале, я старалась не думать о нем. Потом я встретила его на улице в Хедестаде и поняла, что мне никогда не будет покоя. Я колебалась, не зная, как мне лучше поступить: рассказать обо всем Хенрику или пуститься в бега. Но Хенрик оказался очень занят, и я принялась просто слоняться по селению. Я, разумеется, понимаю, что авария на мосту для остальных заслонила все прочее. Но только не для меня. У меня были свои проблемы, и я почти не обратила внимания на аварию. Все казалось каким-то нереальным. Потом я столкнулась с Анитой, она жила в маленьком домике во дворе у Герды и Александра. Вот тут-то я и решилась – и попросила ее помочь мне. Я осталась у нее, боясь выйти на улицу. Но мне нужно было забрать с собой дневник – я записывала туда

все, что происходило, да и одежда кое-какая была нужна. Анита принесла мне все это.

– Думаю, она не смогла устоять перед искушением открыть окно и взглянуть на аварию… – Микаэль задумался. – Я все-таки не могу понять, почему вы не пошли к Хенрику, как и собирались.

– А как вы думаете?

– Честно сказать, не знаю. Я уверен, что Хенрик смог бы вам помочь. Мартина немедленно нейтрализовали бы, и Хенрик вас не выдал бы. Он организовал бы все деликатно, подобрав какую-нибудь форму терапии или лечения.

– Значит, вы так и не поняли, что произошло.

До этого момента Микаэль рассказывал только о сексуальном насилии Готфрида над Мартином. И ничего не говорил насчет Харриет.

– Готфрид покушался на Мартина, – осторожно сказал Микаэль. – И подозреваю, что на вас тоже.

Ни один мускул не дрогнул на лице Харриет Вангер. Потом она сделала глубокий вдох и спрятала лицо в ладонях. Ровно через три секунды к ней подлетел Джефф и спросил, все ли в порядке. Харриет Вангер взглянула на него и натянуто улыбнулась. Потом встала, обняла своего studs manager и поцеловала его в щеку. Микаэля этот ее жест удивил. По-прежнему держа руку на плече Джеффа, Харриет повернулась к Микаэлю:

– Джефф, это Микаэль, мой старый… друг из прошлой жизни. Он привез печальные вести, но мы, пожалуй, оставим его в живых. Микаэль, это Джефф Кокрэн, мой старший сын. У меня есть еще один сын и дочь.

Блумквист кивнул. Джеффу было около тридцати. Харриет Вангер, вероятно, забеременела довольно скоро после замужества. Он встал и протянул Джеффу руку. Сказал, что сожалеет о том, что нарушил покой его мамы, но, увы, не мог поступить иначе. Харриет обменялась с Джеффом несколькими репликами, отправила его прочь и снова подсела к Микаэлю. Казалось, она уже приняла решение.

– Я не хочу больше лжи. Пора навсегда с этим покончить. В каком-то смысле я ждала этого дня с шестьдесят шестого года. Много лет меня мучил страх, что однажды появится кто-то вроде вас и назовет меня по имени. И знаете, мне вдруг стало все равно. Срок давности моего преступления истек. И мне наплевать на то, что подумают обо мне люди.

– Ваше преступление? – переспросил Микаэль.

– Мне было шестнадцать лет. Я боялась. Сгорала со стыда. Впадала в отчаяние. Я была одна-одинешенька. Правду знали только Анита и Мартин. Причем я рассказала Аните только о том, что мой отец насиловал меня. Но

была не в силах рассказать о том, что он был еще и психопатом и убивал женщин. Этого Анита так и не узнала. Зато я призналась ей в своем собственном преступлении, которое было столь ужасным, что, когда дошло до дела, я не смогла признаться Хенрику. Я только молилась, чтобы Господь простил меня, и на несколько лет скрылась в монастырь.

– Харриет, ваш отец был насильником и убийцей. Вашей вины в этом не было.

– Я знаю. Отец принуждал меня к сексу в течение года. Я делала все, чтобы уклониться от этого… Но он был моим отцом, и я не могла вдруг отказаться общаться с ним, ничего не объясняя. Поэтому я улыбалась, разыгрывала комедию, притворялась, что все в порядке, и старалась, чтобы кто-нибудь всегда был поблизости, когда я с ним встречалась. Мать, конечно, знала, чем он промышляет, но ее это не волновало.

– Изабелла знала? – воскликнул потрясенный Микаэль.

Голос Харриет стал еще жестче:

– А как же! Она знала обо всем, что происходило в нашей семье. Но она всегда старалась отодвинуть подальше от себя любые неприятности или неудобства. Отец мог насиловать меня в гостиной, прямо у нее под носом, а она делала вид, что ничего не замечает. Она не в силах была признаться себе в том, что в моей или в ее жизни что-то не складывается так, как у всех.

– Я встречался с ней. Она жуткая стерва.

– И всегда была ею. Я часто размышляла над их с отцом отношениями. И поняла, что они редко занимались сексом после моего рождения или даже вообще не занимались. Женщины у отца были, но Изабеллы он почему-то боялся. Сторонился ее, но развестись не мог.

– В семействе Вангеров никто не разводится.

Харриет впервые засмеялась.

– Да, да, точно, никто не разводится. Но дело в том, что я была не в силах во всем признаться. Об этом узнал бы весь мир. Мои одноклассники, все мои родственники…

Микаэль дотронулся до ее руки:

– Харриет, я очень сочувствую вам.

– Мне было четырнадцать лет, когда отец впервые меня изнасиловал. И весь следующий год он водил меня к себе в домик. Несколько раз при этом присутствовал Мартин. Он заставлял нас с Мартином вытворять с ним разные вещи. Он крепко держал меня за руки, пока Мартин меня насиловал. А когда отец умер, Мартин был готов взять на себя его роль. Он ожидал, что я стану его любовницей, и считал, что я, естественно, должна

подчиниться. К тому моменту у меня не оставалось выбора. Мне приходилось идти на поводу у Мартина. Я избавилась от одного тирана – и сразу попала в лапы к следующему. И единственное, что я могла делать, – это следить за тем, чтобы никогда не оставаться с ним наедине.

– Хенрик бы…

– Вы по-прежнему не понимаете, – повысила она голос.

Микаэль увидел, что несколько мужчин возле соседней палатки косо поглядели на него.

Харриет снова понизила голос и подалась к нему:

– Я открыла перед вами все карты. Остальное додумывайте сами.

Женщина встала и принесла еще две бутылки пива. Когда она вернулась, Микаэль произнес одно-единственное слово:

– Готфрид?

Она кивнула.

– Седьмого августа шестьдесят пятого года отец заставил меня пойти с ним в домик. Хенрик был в отъезде. Отец пил и пытался наброситься на меня. Он уже стал полным импотентом, и у него начиналась белая горячка. Он всегда бывал… груб и жесток со мной, когда мы оказывались одни, но в тот раз перешел все границы. Он помочился на меня. Потом сообщил о том, что ему хочется со мной сделать, и стал рассказывать о женщинах, которых убивал. Он гордился этим. Он цитировал Библию. Так продолжалось много часов. Я не понимала половины того, что он говорил, но уже не сомневалась, что он окончательно свихнулся.

Она глотнула пива и продолжила:

– Ближе к полуночи у него начался приступ ярости. Он совершенно обезумел. Мы находились на спальной антресоли. Он обвязал мне шею футболкой и принялся ее изо всех сил затягивать. У меня потемнело в глазах. Я ничуть не сомневаюсь, что он действительно пытался меня убить, и впервые за ту ночь ему удалось все-таки меня изнасиловать.

Харриет Вангер посмотрела на Микаэля. В ее глазах читалась мольба.

– Но он был настолько пьян, что мне каким-то чудом удалось вырваться. Я спрыгнула с антресоли на пол и в панике бросилась бежать. Голая, я мчалась, не помня себя, и добралась до мостков у воды. Он, шатаясь, преследовал меня.

Микаэлю вдруг захотелось, чтобы Харриет остановилась и не продолжала свой рассказ.

– Мне хватило сил, чтобы столкнуть пьяного мужика в воду. Я схватила весло и удерживала отца под водой, пока он не перестал дергаться. На это потребовалось всего несколько секунд.

Тишина вдруг показалась зловещей, когда она сделала паузу.

– А когда я подняла глаза, то увидела, что на мостках стоит Мартин. Он выглядел напуганным и в то же время ухмылялся. Не знаю, как долго он находился возле домика и шпионил за нами. С этого мгновения я оказалась в рабстве у Мартина. Он подошел ко мне, схватил за волосы и отвел в дом, обратно в постель Готфрида. Затем привязал меня и насиловал, пока наш отец все еще плавал в воде, возле мостков. А я не могла даже сопротивляться.

Микаэль закрыл глаза. Он вдруг устыдился и пожалел, что не оставил Харриет Вангер в покое. Но голос ее не дрогнул:

– С того дня я оказалась в его власти. Я делала все, что он хотел. Меня словно парализовало, и только решение Изабеллы отправить Мартина в Уппсалу спасло меня от помешательства. Она хотела, чтобы Мартин сменил обстановку после трагической гибели отца. Она знала, что он со мной вытворяет, и решила проблему таким образом. Поверьте мне, Мартина весьма это огорчило.

Микаэль кивнул.

– За весь следующий год он приезжал домой только на рождественские каникулы, и мне удавалось держаться от него подальше. Между Рождеством и Новым годом я отправилась с Хенриком в Копенгаген. А во время летних каникул у нас гостила Анита. Я доверилась ей, и все время она оставалась со мною и следила за тем, чтобы Мартин ко мне не приближался.

– А потом вы с ним встретились на Йернвегсгатан.

Харриет кивнула.

– Мне сказали, что он не приедет на семейную встречу, а останется в Уппсале. Однако он, очевидно, передумал – и внезапно возник на другой стороне улицы и уставился на меня. И улыбнулся мне… Я словно очутилась в кошмарном сне. Я убила отца, а теперь осознала, что мне никогда не избавиться от брата. До этого мгновения я хотела покончить с собой. Но тут предпочла броситься в бега.

Теперь она взглянула на Микаэля почти весело:

– Теперь, когда я рассказала правду, мне стало даже легко. Теперь вам известно все. Как вы намерены воспользоваться этой правдой?

Глава 27
Суббота, 26 июля – понедельник, 28 июля

В десять часов утра Микаэль забрал Лисбет Саландер возле ее подъезда на Лундагатан и подвез к крематорию Северного кладбища. Он сопровождал ее и на прощальную церемонию. Поначалу, кроме Лисбет с Микаэлем и женщины-пастора, там никого не было, но когда отпевание уже началось, в дверь вдруг проскользнул Драган Арманский. Он коротко кивнул Микаэлю, встал позади Лисбет и осторожно положил ей руку на плечо. Саландер кивнула, не глядя на него, словно знала, кто подошел к ней сзади. После этого она перестала замечать присутствие его и Микаэля.

Лисбет никогда ничего не рассказывала о своей матери, но пастор, очевидно, побеседовала с кем-то из заведения, где та скончалась, и Микаэль понял, что причиной смерти стало кровоизлияние в мозг. За всю церемонию Лисбет не произнесла ни слова. Пастор дважды сбивалась, когда обращалась непосредственно к Лисбет, смотрела ей в глаза и не получала ответа. После церемонии Лисбет развернулась и пошла прочь, не поблагодарив и не попрощавшись. Микаэль с Драганом глубоко вздохнули и покосились друг на друга. Они понятия не имели о том, что творится у нее в голове.

– Ей очень плохо, – сказал Драган.

– Я это уже понял, – ответил Микаэль. – Хорошо, что вы пришли.

– Я в этом не уверен. – Арманский пристально посмотрел на Микаэля. – Вы отправляетесь на север? Не спускайте с нее глаз.

Микаэль пообещал. Выйдя из церкви, они расстались. Лисбет уже сидела в машине и ждала.

Ей пришлось поехать с Микаэлем в Хедестад, чтобы забрать мотоцикл и оборудование, которое она одолжила в «Милтон секьюрити». Только когда они проехали Уппсалу, Лисбет нарушила обет молчания и спросила, как у него прошла поездка в Австралию. Блумквист вышел из самолета в стокгольмском аэропорту Арланда накануне поздно вечером и спал всего несколько часов. По пути он пересказал ей все, что услышал от Харриет Вангер. Лисбет Саландер сидела молча и откликнулась только через полчаса.

– Ну и сучка.

– Кто?

– Харриет Черт Ее Подери Вангер. Если бы она что-нибудь

предприняла в шестьдесят шестом году, Мартин Вангер не смог бы продолжать убивать и насиловать еще тридцать семь лет.

– Харриет знала об убийствах, которые совершал ее отец, но не подозревала, что Мартин принимал в них участие. Она бежала от брата, который насиловал ее и грозился рассказать о том, что она утопила отца, если она не будет ему подчиняться.

– Полная фигня.

После этого они молчали до самого Хедестада. Лисбет пребывала в мрачном настроении. Микаэль опаздывал на условленную встречу и высадил ее у поворота на остров Хедебю. Он спросил, дождется ли она его возвращения.

– А ты собираешься тут ночевать? – спросила она.

– Думаю, да.

– Ты хочешь, чтобы я была дома, когда ты вернешься?

Микаэль вылез из машины, подошел к Лисбет и обнял ее. Она оттолкнула его почти враждебно. Он отодвинулся.

– Лисбет, ты мой друг.

Она холодно посмотрела на него:

– Ты хочешь, чтобы я осталась, чтоб тебе было кого вечером трахать?

Микаэль окинул ее долгим взглядом. Потом развернулся, сел в машину и завел мотор. Он опустил стекло: она исподлобья смотрела на него.

– Я хотел быть тебе другом, – сказал он. – Если ты считаешь иначе, можешь не дожидаться моего возвращения.

Когда Дирк Фруде привел Микаэля в палату, Хенрик Вангер сидел уже полностью одетый. Журналист первым делом справился о его здоровье.

– Меня собираются завтра отпустить на похороны Мартина.

– О чем вам рассказал Дирк Фруде?

Хенрик опустил глаза:

– Он рассказал, чем занимались Мартин и Готфрид. Насколько я понимаю, все даже гораздо хуже, чем я мог себе представить…

– Я узнал, что случилось с Харриет.

– Как она умерла?

– Харриет не умерла. Она жива. И мечтает с вами повидаться, если вы этого захотите.

И Хенрик Вангер, и Дирк Фруде уставились на Микаэля. Они были в шоке.

– Пришлось потратить некоторое время, чтобы уговорить ее приехать сюда, но она жива, хорошо себя чувствует и находится здесь, в Хедестаде.

Она приехала сегодня утром и может прийти сюда через час. Если, конечно, вы хотите с нею встретиться.

Микаэлю пришлось повторить всю историю – от начала до конца. Хенрик Вангер слушал с таким вниманием, словно внимал новой версии Нагорной проповеди. Лишь иногда он задавал какой-нибудь вопрос, чтобы что-то уточнить, или просил Микаэля что-нибудь повторить. Дирк Фруде хранил молчание.

Когда рассказ Блумквиста завершился, старик долгое время сидел молча. Хотя врачи и заверяли, что Хенрик Вангер оправился от инфаркта, Микаэль боялся рассказывать ему историю Харриет – он опасался, что для него это будет слишком тяжелым испытанием. Однако Хенрик ничем не выдал своего душевного волнения – лишь голос его, когда он нарушил молчание, прозвучал глухо.

– Бедняжка Харриет… И все-таки ей нужно было бы прийти ко мне.

Микаэль посмотрел на часы. Они показывали без пяти минут четыре.

– Но вы действительно хотите с нею встретиться? Она по-прежнему боится, что вы не примете ее, когда узнаете всю правду до конца.

– А цветы? – спросил Хенрик.

– Я задал ей этот вопрос в самолете, когда мы возвращались домой. Из всей семьи она любила только одного человека – вас. Разумеется, цветы посылала Харриет. Таким образом она надеялась дать вам понять, что жива и что с ней все в порядке, но при этом она не хотела выдавать себя. О ситуации в Хедестаде она могла узнать только от Аниты, которая ни разу не показывалась здесь и, закончив учебу, сразу уехала за границу. Поэтому Харриет ничего не знала о том, что здесь происходит, и не имела понятия, как вы страдали, считая, что это ее убийца таким образом издевается над вами.

– Наверняка она отправляла цветы через Аниту.

– Та работала в авиакомпании и, летая по всему миру, посылала цветы из тех мест, куда попадала.

– Но как ты узнал о том, что помогала ей именно Анита?

– По фотографии, на которой она появилась в окне комнаты Харриет.

– Но ведь она могла быть причастна… Я имею в виду, что она могла оказаться убийцей. Как ты догадался, что Харриет жива?

Микаэль долго смотрел на Хенрика, а потом улыбнулся, впервые со времени возвращения в Хедестад:

– Анита была замешана в исчезновении Харриет, но убийцей она быть не могла.

– Почему ты был в этом так уверен?

– Потому что это был бы уже какой-то плохо сляпанный детектив. Если бы Анита убила Харриет, вы давным-давно нашли бы ее тело. Следовательно, единственное логическое объяснение заключалось в том, что Анита помогла ей бежать и скрыться… Так вы хотите встретиться с Харриет?

– Конечно, хочу.

Микаэль встретил Харриет в холле больницы, у лифтов. Сначала он ее даже не узнал; с тех пор как они расстались накануне в Арланде, она успела восстановить темный цвет волос. На ней были черные брюки, белая блузка и элегантный серый пиджак. Выглядела она замечательно, и Микаэль, решив ее подбодрить, наклонился и поцеловал ее в щеку.

Когда Блумквист открыл перед Харриет Вангер дверь, Хенрик встал со своего кресла. Она сделала глубокий вдох:

– Здравствуй, Хенрик.

Старик охватил ее всю одним долгим взглядом. Харриет подошла и поцеловала его. Микаэль кивнул Дирку Фруде и закрыл дверь, оставив их наедине.

Лисбет Саландер не было в домике, когда Микаэль приехал на остров Хедебю. Ее видеоаппаратура и мотоцикл исчезли, впрочем, как и сумка с ее вещами и туалетные принадлежности из ванной комнаты. Ему показалось, что домик опустел.

Микаэль в мрачном расположении духа совершил прогулку по дому, который вдруг показался чужим и каким-то нереальным. Взглянул на груды бумаг в кабинете, которые ему предстояло уложить в коробки и отнести обратно к Хенрику, но был не в силах начать уборку. Он прогулялся до магазина, купил хлеба, молока, сыра и еще чего-то на ужин, а потом поставил кофейник, уселся в саду и принялся читать вечерние газеты, вообще ни о чем не думая.

Около половины шестого через мост проехало такси. Через три минуты оно проследовало в обратном направлении. Микаэль разглядел, что на заднем сиденье находится Изабелла Вангер.

Около семи часов он задремал в саду, но появился Дирк Фруде и разбудил его.

– Как дела у Хенрика и Харриет? – спросил Микаэль.

– У этой печальной истории есть свои забавные моменты, – ответил адвокат со сдержанной улыбкой. – В палату Хенрика внезапно ворвалась

Изабелла. Она заметила, что вы вернулись, и совершенно обезумела. Она кричала, что пора прекратить эту безумную трепотню о Харриет и что вы, копаясь в архивах, довели ее сына до гибели.

– Что ж, в этом она, пожалуй, права.

– Она требовала от Хенрика, чтобы он вас уволил и проследил за тем, чтобы вы отсюда исчезли… Она требовала от него также, чтобы он прекратил погоню за призраками.

– Вот как!

– Она даже не удостоила взглядом женщину, с которой Хенрик беседовал. Вероятно, решила, что она из персонала. Наверное, я никогда не забуду мгновения, когда Харриет встала, посмотрела на Изабеллу и сказала: «Здравствуй, мама».

– И что же дальше?

– Нам пришлось позвать врача, чтобы вернуть Изабеллу к жизни. Сейчас она отказывается узнавать Харриет и утверждает, что это вы приволокли откуда-то эту самозванку.

Дирк Фруде поспешил к Сесилии и Александру, чтобы сообщить им новость о «воскрешении» Харриет. Микаэль снова остался в одиночестве.

Подъезжая к Уппсале с северной стороны, Лисбет Саландер остановилась заправиться на бензоколонке. Всю дорогу она мчалась так, словно кто-то за ней гнался. Быстро расплатившись, села на мотоцикл, завела мотор и подъехала к выезду на дорогу. Здесь девушка снова остановилась в замешательстве.

Ей по-прежнему было не по себе. Она покидала Хедебю в состоянии бешенства, но в дороге постепенно успокоилась. Она и сама толком не понимала, почему так разозлилась на Микаэля Блумквиста, да и вообще не знала, на него ли она злилась.

Саландер подумала о Мартине Вангере, об этой чертовой Харриет, о Дирке Фруде и об этой проклятой династии Вангеров, которая укоренилась в Хедестаде и управляла оттуда своей империей, при этом без конца интригуя друг против друга. Этим людям потребовались ее услуги, иначе они бы даже не стали с ней здороваться, не говоря уже о том, чтобы доверять ей свои тайны.

Вот ублюдки.

Лисбет глубоко вздохнула и подумала о матери, которую утром похоронила. Ну почему ей, Лисбет, так не везет? Смерть матери означала, что ее рана так никогда и не затянется, ведь Лисбет уже не удастся получить ответы на вопросы, которые ей хотелось бы задать.

Она подумала о Драгане Арманском, который стоял позади нее во время похорон. Конечно, ей следовало бы ему что-нибудь сказать. Хотя бы подтвердить, что она знает о его присутствии. Но если она это сделает, он сразу решит, что отныне получает право вторгаться в ее жизнь. А протяни она ему палец, он оттяпает всю руку. Понять ее он все равно бы не смог.

Лисбет подумала о чертовом адвокате Нильсе Бьюрмане – ее опекуне, который хотя бы на данный момент был обезврежен и делал то, что ему было велено.

Ненависть буквально жгла ей душу, она стиснула зубы.

Потом Саландер подумала о Микаэле Блумквисте, и ей стало интересно: что бы он сказал, узнав о том, что она находится под пятой опекуна и что вообще-то жизнь у нее хреновая. Она поняла, что на самом деле вовсе не злится на него. Просто он попался под руку, и она выплеснула на него все свои негативные эмоции, когда ей больше всего хотелось кого-нибудь убить. И какой смысл злиться на него?

Лисбет относилась к нему неоднозначно.

Он совал нос не в свое дело и вообще пытался копаться в ее личной жизни… И в то же время ей понравилось работать вместе с ним.

Она никогда не думала, что сможет работать с кем-то вместе. Конечно, непривычно, но ведь в конце концов все сложилось. Он не приставал к ней и не пытался учить жить.

И это она затащила его в постель, а не наоборот.

И к тому же у них все получилось на редкость недурно.

Тогда почему ей так хочется дать ему в морду?

Лисбет вздохнула, подняла грустные глаза и посмотрела на трейлер, проезжавший мимо нее по шоссе Е-4.

Около восьми вечера Микаэль по-прежнему сидел в саду. Он услышал треск мотоцикла и увидел, что через мост едет Лисбет Саландер. Она припарковалась и сняла шлем. Потом подошла к садовому столику и потрогала кофейник, но тот оказался пустым и холодным. Микаэль изумленно смотрел на нее. Девушка взяла кофейник и пошла на кухню. Когда она вернулась, вместо кожаного комбинезона на ней были джинсы и футболка с надписью: «I can be a regular bitch. Just try me»[103].

– Я думал, ты уехала, – сказал Микаэль.

– Я доехала до Уппсалы и повернула обратно.

– Неплохо прогулялась.

– У меня болит задница.

– Почему вернулась?

Лисбет не ответила. Микаэль не настаивал; он ждал, пока она заговорит сама. Они молча пили кофе, и только через десять минут девушка подала голос.

– Мне нравится твоя компания, – неохотно призналась она. Раньше Лисбет никогда не произносила таких слов. – Мне было… интересно работать вместе с тобой над этим делом.

– Мне тоже понравилось с тобой работать, – сказал Микаэль.

– Ну-ну.

– Честно говоря, мне никогда не приходилось сотрудничать с таким классным поисковиком. Я, конечно, понимаю, что ты – хакерша и общаешься с весьма сомнительными личностями. Но ты можешь просто поднять трубку и за двадцать четыре часа организовать нелегальное прослушивание телефона в Лондоне… Ты просто супер.

Лисбет впервые взглянула на него с тех пор, как села за стол. Он знает многие ее секреты. Как так получилось?

– Все очень просто. Я разбираюсь в компьютерах. И мне несложно прочесть текст и четко уловить его смысл.

– У тебя фотографическая память, – сказал Микаэль дружелюбным тоном.

– Думаю, да. Я просто стараюсь понять, каков механизм действия техники. И не только компьютеров и телефонной сети, но и мотора моего мотоцикла, телевизоров, пылесосов, химических процессов и астрофизических формул. Я чокнутая. Я фрик.

Микаэль нахмурил брови и довольно долго сидел молча.

«Синдром Аспергера[104], – подумал он. – Или что-то в этом роде. Талант видеть рисунок и понимать абстрактные рассуждения там, где остальные видят только помехи».

Лисбет уставилась в стол.

– Большинство людей многое дали бы, чтобы обладать таким даром.

– Я не хочу об этом говорить.

– Хорошо, оставим это. И все-таки, почему ты вернулась?

– Не знаю. Возможно, я не права.

Он пристально посмотрел на нее.

– Лисбет, не могла бы ты объяснить мне, как ты понимаешь слово «дружба»?

– Это когда хорошо относишься к кому-то.

– Да, но почему человек хорошо к кому-то относится?

Она пожала плечами.

– Дружба – это мое определение – строится на двух опорах, – сказал

Блумквист. – На уважении и доверии. Без этого никак. И еще необходима взаимность. Ведь можно кого-то уважать, но если нет доверия, то дружбе конец.

Она по-прежнему молчала.

– Я понимаю, что ты не хочешь обсуждать со мной свои проблемы, но когда-нибудь тебе все же придется решить, доверяешь ты мне или нет. Я хочу, чтобы мы были друзьями, но это желание должно быть взаимным.

– Мне нравится заниматься с тобой сексом.

– Секс и дружба – совершенно разные вещи. Конечно, друзья могут заниматься сексом, но, Лисбет, если мне придется выбирать между сексом и дружбой в отношениях с тобой, нет никакого сомнения в том, что я выберу.

– Я не понимаю. Так ты хочешь заниматься со мной сексом или нет?

Микаэль прикусил губу. Потом, вздохнув, пробормотал:

– Не следует заниматься сексом с теми, с кем вместе работаешь. Это чревато осложнениями.

– Я, наверное, что-то не поняла? Или ты не занимаешься сексом с Эрикой Бергер при каждом удобном случае? К тому же она замужем.

Микаэль помолчал.

– Я и Эрика… Наша история началась задолго до того, как мы стали вместе работать. А то, что она замужем, тебя не касается.

– Вот как, теперь вдруг ты уже расхотел говорить о себе. Разве дружба – это не вопрос доверия?

– Да, но дело в том, что я не хочу обсуждать своих друзей у них за спиной. Тогда бы я обманул их доверие. Я бы точно так же не стал обсуждать тебя с Эрикой у тебя за спиной.

Лисбет Саландер задумалась над его словами. Разговор осложнился, а она не любила сложных разговоров.

– Мне нравится заниматься с тобой сексом, – снова сказала она.

– А мне с тобой… Но я по-прежнему гожусь тебе в отцы.

– Мне наплевать на твой возраст.

– Ты не можешь плевать на нашу разницу в возрасте. Из-за нее у нас вряд ли могут возникнуть длительные отношения.

– А я и не рассчитываю на длительные отношения, – сказала Лисбет. – Мы только что завершили дело, где главную роль играли мужчины с извращенной сексуальностью. Будь моя воля, я бы уничтожила их всех до одного.

– Да уж, ты не сторонница компромиссов.

– Да, – сказала Саландер, улыбнувшись своей кривой невеселой

улыбкой. – Но ты-то ведь не такой.

Она встала.

– Я иду в душ, а потом собираюсь голой улечься в твою постель. Если ты считаешь себя слишком старым, можешь отправляться спать на раскладушку.

Микаэль смотрел ей вслед. У Лисбет Саландер, безусловно, было немало комплексов, но стыдливость к ним уж точно не относилась. Все споры с нею он постоянно проигрывал. Через некоторое время Блумквист поднялся, забрал в дом кофейные чашки и пошел в спальню.

Они встали около десяти, приняли вместе душ и сели позавтракать в саду.

Около одиннадцати позвонил Дирк Фруде. Он сообщил, что похороны состоятся в два часа, и спросил, захотят ли они присутствовать.

– Не уверен, – ответил Микаэль.

Потом адвокат попросил разрешения зайти к ним часов в шесть, чтобы поговорить. Против этого Микаэль не возражал.

Несколько часов он потратил на то, чтобы разложить бумаги по картонным коробкам и перенести их в кабинет Хенрика. Наконец у него остались только его собственные блокноты с записями и две папки с делом Ханса Эрика Веннерстрёма, которые он уже полгода не открывал. Вздохнув, Микаэль спрятал их в сумку.

Дирк Фруде опоздал и появился только ближе к восьми часам. Он был по-прежнему в траурном костюме и выглядел совершенно измученным. Адвокат опустился на кухонный диван и с благодарностью принял из рук Лисбет чашку кофе. Девушка уселась за приставной столик и уткнулась в свой лэптоп, а Микаэль стал расспрашивать Фруде о том, как родственники восприняли воскрешение Харриет.

– Можно сказать, что оно затмило гибель Мартина. Сейчас о Харриет уже пронюхали и средства массовой информации.

– И как же вы объясняете ситуацию?

– Харриет уже беседовала с журналистом из «Курирен». Она рассказала, что сбежала из дома, потому что не ладила с родственниками, но что все у нее сложилось удачно, поскольку теперь она возглавляет компанию с таким же оборотом, как у концерна «Вангер».

Микаэль присвистнул.

– Я не сомневался, что австралийские овцы приносят доход, но не знал, что ранчо настолько процветает.

– На ранчо все в полном порядке, но это не единственный источник доходов Харриет. Семейство Кокрэн занимается разработкой месторождений, добычей опалов, транспортировкой, электроникой, владеет производственными предприятиями и много чем еще.

– Ух ты! И что же теперь будет?

– Честно говоря, не знаю. Народ прибывал в течение всего дня – впервые за много лет семейство собирается вместе. Приехали представители клана по линии Фредрика и Юхана, а также младшее поколение – те, кому от двадцати лет и больше. Сегодня вечером в Хедестаде находится около сорока Вангеров. Одна половина из них сидит в больнице и утомляет Хенрика, а другая – беседует в гостинице с Харриет.

– Харриет произвела настоящий фурор. А кто знает правду про Мартина?

– Пока что только я, Хенрик и Харриет. Мы долго беседовали втроем. Вся эта история с Мартином и… его извращениями в данный момент многое отодвигает для нас на задний план. Концерн пребывает в кризисе…

– Еще бы, понимаю.

– Нет наследника по прямой линии. Но Харриет на некоторое время задержится в Хедестаде. Нам необходимо, в частности, выяснить, кому что принадлежит, как будет распределяться наследство и тому подобное. Ведь Харриет имеет право на долю в наследстве. И если бы она находилась здесь все время, то ей досталась бы очень значительная доля. Но вообще все это настоящий триллер!

Микаэль засмеялся. Но Дирку Фруде было не до смеха.

– Изабелла окончательно сломлена. Ее положили в клинику, и Харриет отказывается ее навещать.

– Я ее понимаю.

– Зато из Лондона приезжает Анита. На следующей неделе мы созываем семейный совет, и впервые за двадцать пять лет она будет в нем участвовать.

– Кто станет новым генеральным директором?

– Биргер стремится занять этот пост, но его кандидатура не пройдет. Хенрик – прямо с больничной койки – будет временно исполнять обязанности генерального директора, пока мы не назначим кого-нибудь – либо со стороны, либо из членов семьи…

Он не закончил предложение. Микаэль поднял брови.

– Харриет? Вы шутите.

– Почему бы и нет? Она вполне компетентная и уважаемая деловая женщина.

– Ей ведь надо заниматься предприятиями в Австралии.

– Да, но в ее отсутствие там прекрасно справляется ее сын Джефф Кокрэн.

– Он же studs manager на овечьей ферме. Если я правильно понял, он следит за тем, чтобы овцы успешно спаривались друг с другом.

– Он получил экономическое образование в Оксфорде и юридическое – в Мельбурне.

Микаэль вспомнил потного мускулистого и обнаженного до пояса мужчину, который вез его в ущелье, и попытался представить его в цивильном костюме из изысканной ткани в узкую белую полоску… А почему бы и нет?

– Одним махом всего этого не решить, – сказал Дирк Фруде. – Но она могла бы стать идеальным генеральным директором. А если оказать ей всемерную поддержку, то с ее приходом концерн мог бы возродиться.

– Но ей не хватает знаний…

– Согласен. Харриет, разумеется, не сможет сразу полностью взять на себя управление концерном, после нескольких десятилетий отсутствия. Но концерн «Вангер» – международный, и мы могли бы пригласить сюда американского исполнительного директора, который ни слова не знает по-шведски… В конце концов, это бизнес.

– Рано или поздно вам придется заняться проблемой, связанной с тем, *что* находится у Мартина в подвальной комнате.

– Знаю. Но если эта проблема станет достоянием гласности, мы уничтожим Харриет… Я рад, что принимать решение по этому вопросу придется не мне.

– Черт побери, Дирк… Не можете же вы просто взять и скрыть то, что Мартин был садистом и серийным убийцей.

Дирк Фруде молча заерзал на диване. Микаэль вдруг ощутил во рту неприятный привкус.

– Микаэль, я оказался в очень неловкой ситуации.

– Поделитесь.

– Я должен передать вам просьбу от Хенрика. Он благодарит вас за проделанную вами работу и считает условия контракта выполненными. Это означает, что вы свободны от всех остальных обязательств, так что у вас больше нет необходимости жить и работать в Хедестаде и так далее. То есть вы можете незамедлительно возвращаться в Стокгольм и заниматься другими делами.

– Он хочет, чтобы я исчез со сцены?

– Конечно, нет. Хенрик хочет, чтобы вы пришли поговорить с ним о

будущем. Он говорит, что надеется, здоровье позволит ему по-прежнему выполнять свои обязанности в правлении «Миллениума» в полном объеме. Но…

Адвокат выглядел сконфуженным.

– Но он уже не хочет, чтобы я писал хронику семьи Вангеров…

Фруде кивнул. Он достал блокнот, открыл его и протянул Микаэлю.

– Он написал вам письмо.

Дорогой Микаэль!

Я со всем уважением отношусь к твоей независимости и не собираюсь ущемлять тебя, указывая тебе, что писать. Ты вправе писать и публиковать все, что захочешь, и я не намерен давить на тебя.

Наш контракт останется в силе, если ты захочешь его продлить. У тебя достаточно материала, чтобы завершить хронику семьи Вангеров. Микаэль, за всю свою жизнь я никогда никого ни о чем не просил. Я всегда считал, что человек должен следовать своим моральным принципам и своим убеждениям. Но в данный момент у меня нет выбора.

Как друга и как совладельца «Миллениума», я прошу тебя воздержаться от раскрытия правды о Готфриде и Мартине. Я знаю, что прошу о чем-то незаконном, но не вижу никакого выхода из этого кошмара. Я вынужден выбирать между одним злом и другим. Но в подобной ситуации все равно все окажутся проигравшими.

Я прошу тебя не писать ничего, что причинило бы еще более непоправимый вред Харриет. Ты на своей шкуре испытал, что значит стать предметом травли в СМИ. При этом кампания против тебя носила довольно сдержанный характер, но ты, вероятно, можешь себе представить, чем это обернется для Харриет, если вдруг правда станет достоянием публики. Она уже страдала сорок лет, и, конечно, не следует причинять ей дальнейшие мучения из-за злодеяний ее отца и брата. Я прошу тебя также подумать о том, какие последствия эта история будет иметь для тысяч служащих концерна. Она добьет Харриет и уничтожит нас.

Хенрик.

– Он просил также передать вам, что если вы потребуете компенсации за те финансовые потери, которые понесете, отказавшись от публикации этого материала, он готов обсудить с вами условия. Вы можете выдвигать любые финансовые требования.

– Хенрик Вангер пытается меня подкупить… Передайте ему, что я предпочел бы, чтобы он не делал мне таких предложений.

– Поверьте, для Хенрика эта ситуация так же болезненна, как и для вас. Он очень любит вас и относится к вам как к своему другу.

– Хенрик Вангер – просто ловчила, – сказал Микаэль, вдруг взбесившись. – Он просто хочет замять эту историю. И играет на моих чувствах, зная, что я его тоже люблю. А то, что он говорит, на практике означает, что у меня развязаны руки. Хотя если я опубликую эту историю, ему придется пересмотреть свое отношение к «Миллениуму».

– Все изменилось с появлением на сцене Харриет.

– И теперь Хенрик хочет выяснить, какую мне назначить цену. Я не собираюсь выставлять Харриет напоказ, но ведь кто-то обязан рассказать о тех женщинах, которые попали в подвал Мартина… Дирк, мы ведь даже не знаем, скольких женщин он загубил. Кто расскажет о них?

Лисбет Саландер оторвалась от компьютера и вкрадчивым, почти приторным голосом обратилась к Дирку Фруде:

– Неужели никто в вашем концерне не намерен предложить взятку мне?

Адвокат растерялся: уже в который раз он умудрился ее проигнорировать.

– Если бы Мартин Вангер сейчас был жив, я бы выложила о нем все, – продолжала она. – Какое бы соглашение вы с Микаэлем ни подписали, я бы проинформировала о Мартине во всех подробностях первую встречную бульварную газету. А будь у меня такая возможность, я затащила бы Мартина в его собственную пыточную камеру, привязала бы его к столу и истыкала бы ему мошонку иголками. Но он мертв.

Она повернулась к Микаэлю:

– Такой финал меня устраивает. Ничем нельзя возместить ущерб, который Мартин Вангер причинил своим жертвам. Зато сложилась драматическая ситуация. Ты оказался в таком положении, что можешь продолжать вредить невинным женщинам – прежде всего Харриет, которую ты так горячо защищал в машине, когда мы ехали с тобой сюда. Так что позволь поинтересоваться – что хуже: то, что Мартин Вангер насиловал ее, или то, что ты намерен проделать с нею на страницах таблоидов? Ничего не скажешь – премиленькая дилемма. Возможно, комиссия по этике Союза

журналистов подскажет тебе, как лучше поступить.

Саландер сделала паузу. Микаэль вдруг почувствовал, что не может встретиться с нею взглядом, и уставился в стол.

– Но я не журналистка, – наконец сказала она.

– Чего вы хотите? – спросил Дирк Фруде.

– Мартин снимал своих жертв на видео. Я хочу, чтобы вы попытались идентифицировать всех, кого удастся, и проследили за тем, чтобы семьи замученных и убитых женщин получили достойную компенсацию. Помимо этого, я хочу, чтобы концерн «Вангер» впредь ежегодно выплачивал гранты – по два миллиона крон Шведскому государственному объединению кризисных центров для женщин и девушек.

Дирк Фруде пару минут обдумывал цену. Потом кивнул.

– Микаэль, и ты сможешь с этим жить? – спросила Лисбет.

Блумквиста вдруг охватило полное отчаяние. Он всегда стремился разоблачать то, что пытались скрыть другие. И его моральные принципы запрещали ему способствовать сокрытию зверств, которые совершал Мартин Вангер в своем подвале. Его работа как раз заключалась в том, чтобы предать огласке то, что ему удалось разузнать. И ведь он еще критиковал своих коллег за то, что они утаивали правду. Тем не менее теперь он сидит и обсуждает самую чудовищную «легенду» из всех, что ему доводилось слышать…

Он долго сидел молча. Потом тоже кивнул.

– Что ж… – Дирк Фруде обратился к Микаэлю: – Что касается предложения Хенрика насчет финансовой компенсации…

– Он может засунуть ее себе в задницу, – сказал Блумквист. – Дирк, теперь вам лучше уйти. Я понимаю ваше положение, но в данный момент я так зол на вас, Хенрика и Харриет, что, если вы не уйдете, мы с вами поссоримся.

Однако адвокат по-прежнему сидел за кухонным столом и, похоже, не собирался вставать.

– Я пока не могу уйти, – сказал он. – Я еще не выполнил все поручения. У меня есть для вас еще одно сообщение, которое вам наверняка не понравится. Хенрик настаивает, чтобы я все рассказал сегодня вечером. Вы сможете, если захотите, завтра поехать в клинику и высказать ему все, что о нем думаете.

Микаэль медленно поднял взгляд и посмотрел ему в глаза.

– Пожалуй, это самое трудное задание из всех, что мне приходилось выполнять, – продолжал Дирк Фруде. – Но я думаю, что нас спасет только полная откровенность. Нам нужно выложить все карты на стол.

– Что еще?

– Когда Хенрик в Рождество уговаривал вас взяться за эту работу, ни он, ни я не думали, что вы чего-нибудь добьетесь. Хенрик действительно просто хотел предпринять последнюю попытку. Он тщательно проанализировал положение ваших дел, во многом опираясь на отчет, составленный фрёкен Саландер. Он воспользовался ситуацией, в которой вы оказались, предложил достойное вознаграждение и удачно подобрал приманку.

– Веннерстрёма, – сказал Микаэль.

Фруде кивнул.

– Это был блеф?

– Нет.

Лисбет Саландер заинтересованно подняла одну бровь.

– Хенрик выполнит свои обещания, – сказал Дирк Фруде. – Он даст интервью и предпримет публичную лобовую атаку на Веннерстрёма. Позже вы сможете узнать все в деталях, но в общих чертах дело заключается в следующем: когда Ханс Эрик Веннерстрём работал в финансовом департаменте концерна «Вангер», он пустил несколько миллионов на валютные спекуляции. Это было задолго до того, как махинации с валютой стали привычной сделкой. Он совершил это, не имея полномочий и не получив разрешения руководства концерна. Дела у него не ладились, и внезапно образовалась дыра в семь миллионов крон, которую он пытался покрыть частично за счет манипуляций с бухгалтерским учетом, а частично – путем продолжения спекуляций. Его на этом поймали и уволили.

– И ему удалось что-нибудь присвоить?

– Да, около полумиллиона крон, которые по иронии судьбы стали основой для создания компании «Веннерстрём груп». Все это у нас подтверждено документами. Вы сможете использовать эту информацию по своему усмотрению, и Хенрик публично поддержит ваши обвинения. Но…

– Но информация уже обесценилась, – произнес Микаэль и хлопнул ладонью по столу.

Дирк Фруде кивнул.

– Это случилось тридцать лет назад, и информация потеряла свою актуальность, – сказал Микаэль.

– Вы получите доказательства того, что Веннерстрём – жулик.

– Если эта информация станет достоянием гласности, то, конечно, разозлит Веннерстрёма, но нанесет ему не больший вред, чем плевок горошиной из трубочки. Он просто пожмет плечами и разошлет сообщение пресс-службы о том, что Хенрик Вангер – старый хрыч, который пытается

отнять у него какой-то бизнес. Или начнет утверждать, что сам Хенрик и приказывал ему тогда это проделывать. Даже если Веннерстрём не сможет доказать свою невиновность, он сумеет напустить достаточно тумана, чтобы никто не отнесся к этой истории всерьез.

Дирк Фруде выглядел подавленным.

– Вы меня провели, – подвел итог Микаэль.

– Микаэль, поверьте, мы этого не планировали.

– Я сам виноват. Ухватился за соломинку, хотя и понимал, что все может сложиться именно таким образом.

Он вдруг усмехнулся.

– Хенрик – старая акула. Он продавал товар и говорил то, что мне хотелось услышать.

Микаэль встал и подошел к мойке. Затем повернулся к Фруде и сказал только одно слово:

– Исчезните.

– Микаэль… Мне очень жаль, что…

– Дирк, уйдите, пожалуйста.

Лисбет Саландер не знала, подойти ей к Микаэлю или лучше оставить его в покое. Но он сам решил за нее: не сказав ни слова, схватил куртку и выскочил, захлопнув за собой входную дверь.

Больше часа Лисбет бродила взад и вперед по кухне. Она чувствовала себя настолько неуютно, что даже собрала и помыла посуду, хотя обычно уступала эту привилегию Микаэлю. Периодически она подходила к окну и высматривала его. Наконец так разволновалась, что надела свою кожаную куртку и отправилась его искать.

Сначала Лисбет спустилась к лодочной гавани – в домах уже горел свет, – но Микаэля там не было видно. Она пошла вдоль берега, тропинкой, по которой они обычно прогуливались по вечерам. В доме Мартина Вангера было темно, он казался уже нежилым. Лисбет подошла к камням на мысе, на которых они с Микаэлем раньше сидели, а потом вернулась домой. Блумквист еще не приходил.

Саландер поднялась к церкви, но и здесь не встретила Микаэля. Она немного постояла, не зная, что ей делать. Потом вернулась назад, к мотоциклу, вытащила из-под седла фонарик и снова двинулась вдоль берега. Она пробиралась по извилистой, наполовину заросшей дороге, а потом довольно долго искала тропинку к домику Готфрида. Домик внезапно возник из темноты позади редких деревьев, когда Лисбет уже подошла к нему почти вплотную. Дверь была заперта, и Микаэля здесь не

оказалось.

Лисбет уже почти повернула обратно к селению, но остановилась и развернулась обратно. Дойдя до самого мыса, она внезапно увидела в темноте силуэт Микаэля. Он сидел на мостках, там, где Харриет Вангер утопила своего отца. Лисбет отдышалась.

Блумквист услышал, как она вышла на мостки, и обернулся. Она молча села рядом с ним.

В конце концов он нарушил молчание:

– Извини. Мне просто надо было немного побыть одному.

– Я знаю.

Она зажгла две сигареты и одну протянула Микаэлю. Он взглянул на нее. Лисбет Саландер была самой асоциальной личностью из всех, кого ему приходилось встречать. Обычно она игнорировала любые его попытки поговорить на личные темы и всегда отвергала малейшие проявления симпатии. Она спасла ему жизнь, а теперь отправилась посреди ночи разыскивать его неизвестно где… Он обнял ее одной рукой.

– Теперь я знаю себе цену. Мы предали тех девушек, – сказал он. – Никто ничего не узнает обо всем этом. Все, что связано с пыточной камерой Мартина, будет просто уничтожено.

Лисбет не ответила.

– Эрика была права, – продолжал он. – Мне было бы полезнее съездить в Испанию и позаниматься сексом с испанками, а потом через месяц вернуться домой и взяться за Веннерстрёма. А так я без толку потерял много месяцев.

– Если бы ты уехал в Испанию, Мартин Вангер по-прежнему продолжал бы пытать женщин в погребе.

Журналист промолчал в ответ. Они еще долго сидели вместе, а потом Микаэль встал.

– Пошли домой, – сказал он.

Он заснул раньше Лисбет, а она лежала без сна, прислушиваясь к его дыханию. Потом встала, отправилась на кухню, сварила кофе, уселась в темноте на кухонном диване и стала напряженно думать, куря одну сигарету за другой. То, что Вангер и Фруде должны были надуть Микаэля, она считала само собой разумеющимся. Это вполне в их духе. Но ведь это проблема Микаэля, а не ее… Или нет?

В конце концов Лисбет приняла решение. Она погасила окурок, вошла к Микаэлю, включила торшер и начала тормошить Блумквиста, пока тот не проснулся. Было половина третьего.

– Что случилось?

– Я хочу кое о чем спросить. Сядь.

Микаэль сел и сонно взглянул на нее.

– Когда тебя осуждали за клевету, почему ты не защищался?

Микаэль замотал головой и встретился с ней взглядом. Потом покосился на часы.

– Лисбет, об этом долго рассказывать…

– Давай. Я никуда не спешу.

Он долго сидел молча, взвешивая, что ему говорить и что нет, и наконец решил выложить все начистоту.

– Мне было нечем крыть. Статья действительно искажала факты.

– Когда я хакнула твой компьютер и прочла твою переписку с Эрикой Бергер, вы там обсуждали дело Веннерстрёма, но в основном дискутировали только практические детали процесса и даже не намекнули на то, что произошло на самом деле. Расскажи, где ты проколотся.

– Лисбет, я не могу раскрыть карты. Меня просто кинули. Мы с Эрикой пришли к выводу, что если бы я попытался объяснить, как все произошло на самом деле, это окончательно подорвало бы к нам доверие.

– Послушай, Калле Блумквист, вчера днем ты тут что-то проповедовал о дружбе, доверии и прочих высоких материях… Я не собираюсь выкладывать твою историю в Сети.

Микаэль сопротивлялся из последних сил. Он напомнил Лисбет, что уже далеко за полночь, и заявил, что не в силах сейчас об этом даже думать. Однако она упорно продолжала сидеть, пока Блумквист не сдался. Он прогулялся в ванную, ополоснул лицо и поставил кофейник. Потом снова лег на кровать и рассказал, как два года назад старый школьный приятель Роберт Линдберг, сидя на желтой яхте «Мэлар-30» в гостевой гавани Архольма, бросил ему наживку. И он, Микаэль, ее проглотил.

– Ты думаешь, что твой приятель тебя надул?

– Нет, нет. Он выложил все, что знал, – я смог проверить каждое слово в документах, зафиксированных в ревизии. Даже съездил в Польшу и сфотографировал железный ангар, где когда-то размещалось огромное предприятие «Минос», а потом взял интервью у нескольких бывших работников предприятия, и все сказали одно и то же.

– Тогда я не понимаю.

Микаэль вздохнул. После краткой паузы он продолжил:

– У меня получился эксклюзивный материал. С самим Веннерстрёмом к тому времени я еще не конфликтовал, но история получилась неопровержимой, и если бы я опубликовал ее тогда, мне действительно

удалось бы его прижать к стене. Вряд ли, конечно, ему предъявили бы обвинения в мошенничестве – у него уже имелось одобрение ревизионных инстанций, – но его репутация была бы подмочена.

– Что-то пошло не так?

– По ходу дела кто-то пронюхал, в чем я копаюсь, и Веннерстрём узнал о моем существовании. И неожиданно начали происходить непостижимые вещи. Мне начали поступать угрозы. Раздавались анонимные звонки с карточных таксофонов, которые не удавалось отследить. Эрике тоже начали угрожать. Ей вешали лапшу на уши: завязывай, иначе мы повесим твои сиськи на дверях хлева, и тому подобное. Она, конечно, страшно раздражалась.

Он взял у Лисбет сигарету.

– Потом произошло и вовсе нечто из ряда вон выходящее. Однажды ночью, когда я вышел из редакции, на меня напали двое мужиков. Просто подошли и пару раз врезали. Я оказался совершенно к этому не готов. Мне дали в зубы, и я рухнул на землю. Я так и не смог опознать их, но один из них был похож на олдового байкера.

– Ни фига себе!

– Все это привело к тому, что Эрика рассвирепела, а я уперся рогом. Мы усилили охрану «Миллениума». Но никак не могли понять, что происходит и почему материал, который я готовил, вызвал столь бурную реакцию.

– Но, видимо, материал, который ты собирал, кого-то задел за живое…

– Точно. Случайно мы сделали сенсационное открытие. У нас появился источник, deep throat[105] в окружении Веннерстрёма. Он буквально до смерти боялся, и нам приходилось встречаться с ним в анонимных гостиничных номерах. От него мы узнали, что деньги от аферы с «Миносом» использовались для торговли оружием во время войны в Югославии. Веннерстрём вел дела с усташами[106]. Мало того, в качестве доказательства источник предоставил нам копии письменных документов.

– И вы ему поверили?

– Он внушал доверие. Он предоставил нам достаточно информации, чтобы вывести нас еще на один источник, способный подтвердить его сведения. Мы получили даже фотографию, на которой один из ближайших соратников Веннерстрёма пожимает руку покупателю. У нас получился эксклюзивный детализованный материал, в котором все казалось доказуемым. И мы его опубликовали.

– А он оказался «липой».

– Вот именно. Фальшивкой от начала и до самого конца, – подтвердил Микаэль. – Все документы оказались поддельными. Адвокат Веннерстрёма смог даже доказать, что фотография подручного Веннерстрёма с лидером усташей – результат монтажа двух разных снимков в фотошопе.

– Просто великолепно, – сухо сказала Лисбет Саландер и вдруг улыбнулась.

– Вот-вот. Потом уже стало совершенно очевидно, что нами манипулировали. Тот материал, который мы раздобыли, навредил бы Веннерстрёму. Но теперь все это утонуло в потоке фальсификаций – и я пережил самый настоящий профессиональный позор. Мы опубликовали статью, из которой Веннерстрём мог выдергивать факт за фактом и доказывать свою невиновность. Все было чертовски ловко подстроено.

– И вы не могли отступить и раскрыть правду. У вас не было никаких доказательств того, что «липа» является делом рук самого же Веннерстрёма.

– Еще хуже. Если бы мы попытались рассказать правду и оказались бы такими идиотами, чтобы обвинить Веннерстрёма в умышленной фальсификации, нам бы просто никто не поверил. Это выглядело бы как отчаянная попытка переложить вину на самого пострадавшего. Мы предстали бы как маньяки-конспирологи и полные кретины.

– Я понимаю.

– Веннерстрём был защищен со всех сторон. Если бы фальсификация стала достоянием гласности, он смог бы утверждать, что кто-то из его врагов пытается его опорочить. А мы и наш журнал все равно потеряли бы доверие публики, поскольку клюнули на сведения, оказавшиеся фальшивыми.

– И ты предпочел не защищаться, а согласился на тюремное наказание.

– Я заслужил наказание, – с горечью сказал Микаэль. – Я совершил преступление против чести и достоинства личности… Теперь тебе все известно. Дай мне наконец поспать!

Микаэль погасил свет и закрыл глаза. Лисбет устроилась рядом и некоторое время лежала молча.

– Веннерстрём – настоящий бандюга, – сказала она.

– Я это знаю.

– Понимаешь, мне точно известно, что он бандюга. Он имеет дело со всеми подонками, начиная от русской мафии и заканчивая колумбийскими наркокартелями.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда я передавала Фруде свой отчет, он дал мне дополнительное

задание. Попросил попытаться выяснить, что на самом деле происходило на процессе. Я только начала над этим работать, как он позвонил Арманскому и отменил свой заказ.

– Вот как…

– Думаю, они отказались от исследования, как только ты принял предложение Хенрика Вангера. Ничего другого им было не нужно.

– Ну и что же?

– Просто я не люблю оставлять дела незаконченными. У меня весной выпало несколько свободных недель, когда у Арманского не было для меня работы, и я просто так, ради развлечения, начала подкапываться под Веннерстрёма.

– Ты что-нибудь нашла?

– В моем компьютере хранится весь его жесткий диск. Если захочешь, сможешь получить гору доказательств того, что он преступник.

Глава 28
Вторник, 29 июля – пятница, 24 октября

Целых три дня Микаэль Блумквист уделил чтению распечаток из компьютера Лисбет – целой тучи бумаг. Но разобраться в махинациях Веннерстрёма оказалось очень непросто. Он то заключал опционную сделку в Лондоне, то проворачивал валютную операцию в Париже, через представителя; то задействовал офшорную компанию в Гибралтаре, то внезапно удваивал счет в «Чейз Манхэттен банке» в Нью-Йорке…

К тому же постоянно всплывали детали, в которых приходилось досконально разбираться. Например, пять лет назад в Сантьяго, в Чили, была зарегистрирована торговая компания со счетом на двести тысяч крон, до которых никто не дотрагивался. И это всего лишь одно из почти тридцати аналогичных предприятий в двенадцати разных странах, – и никакого намека на какую-либо деятельность. Замороженные компании? Но замороженные в ожидании кого или чего? Подставные компании для маскировки какой-то другой деятельности? Компьютер не давал ответы на эти вопросы. Очевидно, Веннерстрём держал эту информацию в голове и не доверял ее электронным документам.

По мнению Лисбет Саландер, им не удастся получить ответы на подобные вопросы. Да, они заметили несостыковки в документах, но разобраться, с чем они связаны, не могли. Империя Веннерстрёма напоминала луковицу: снимешь один слой, а за ним – следующий. И так без конца – целый лабиринт компаний с весьма запутанными взаимосвязями. Компании, счета, фонды, ценные бумаги… Наверняка даже сам Веннерстрём не имел понятия о реальном состоянии дел. Империя Веннерстрёма жила собственной и очень обособленной жизнью. Однако существовала некая система, или, по крайней мере, намек на нее. Множество компаний, принадлежавших одна другой. При попытке хотя бы приблизительно оценить активы империи Веннерстрёма получались результаты с невероятным разбросом: от ста до четырехсот миллиардов крон. Все зависело от того, кто и как подсчитывал. Но если компании имеют доступ к ресурсам друг друга, то какова же все-таки их общая стоимость?

Когда Саландер задала этот вопрос, лицо Микаэля Блумквиста исказила гримаса страдания.

– Это эзотерика, – ответил он и продолжил сортировать банковские

активы.

Ранним утром они поспешно покинули Хедебю. Лисбет Саландер взорвала бомбу по имени Веннерстрём, и теперь Микаэль Блумквист потерял покой и сон. Они поехали прямо к Лисбет и провели перед ее компьютером двое суток, на протяжении которых она стала гидом для Микаэля – демонстрировала ему владения Веннерстрёма. У Блумквиста возникло множество вопросов, но один из них был вызван чистым любопытством.

– Лисбет, каким образом тебе удается практически управлять его компьютером?

– Мой коллега Чума изобрел одну маленькую фиговину. У Веннерстрёма есть айбиэмовский лэптоп, на котором он постоянно работает – и дома, и в офисе. Следовательно, вся информация аккумулируется на одном-единственном жестком диске. Дома у него широкополосный Интернет. Чума изобрел своего рода манжетку, которая застегивается вокруг самого кабеля, и я ему сейчас ее тестирую. Манжетка регистрирует все, что видит Веннерстрём, и пересылает информацию на какой-нибудь удаленный сервер.

– Разве у него нет персонального брандмауэра?

Лисбет улыбнулась:

– Разумеется, есть. Но в том-то и секрет, что манжетка работает и как своего рода брандмауэр. В результате его компьютер очень легко хакнуть. Скажем, если Веннерстрём получает мейл, то сообщение сначала попадает на манжетку Чумы, и мы можем прочесть его еще до того, как оно проходит через его брандмауэр. Хитрость заключается в том, что мейл переписывается и к нему прилагается исходный код в несколько байт. И так всякий раз, когда Веннерстрём что-нибудь скачивает на свой компьютер. А с фотографиями получается еще лучше. Он очень много времени серфит по Сети. Каждый раз, когда он закачивает порноснимок или заводит новую домашнюю страницу, мы добавляем несколько строчек исходного кода. Через некоторое время – несколько часов или дней, в зависимости от того, как часто он пользуется компьютером, Веннерстрём скачивает себе целую программу примерно в три мегабайта, где каждый фрагмент присоединяется к следующему.

– И что из этого?

– Когда последние фрагменты занимают свое место, программа интегрируется в его интернет-программу. Он считает, что его компьютер завис, и вынужден перезагрузить его. Во время перезагрузки

инсталлируется совершенно новое программное обеспечение. Веннерстрём использует «Интернет-эксплорер». В следующий раз, когда пользователь запускает «Эксплорер», он на самом деле запускает совершенно другую программу, которая не отображается на его рабочем столе, функционирует и выглядит как «Эксплорер», но делает еще много разных вещей. Первым делом она контролирует его брандмауэр и следит за тем, чтобы все работало. Потом начинает сканировать компьютер и посылает фрагменты информации каждый раз, когда он, находясь в Сети, кликает мышкой. Через некоторое время, опять-таки в зависимости от того, как долго он зависает в Сети, полная копия содержимого его жесткого диска аккумулируется на удаленном сервере. И тут наступает время Эйч-ти.

– Эйч-ти?

– Сорри. Чума называет это Эйч-ти. Hostile Takeover.

– Вот как.

– Главная фишка в том, что происходит дальше. Когда структура сформировалась, у Веннерстрёма получается два полноценных жестких диска – один на его собственной железке, а второй – на нашем сервере. Затем, запуская свой компьютер, он на самом деле запускает «зеркальный» компьютер. Таким образом, он работает уже не на собственном компьютере, а на нашем сервере. Его комп начинает слегка тормозить, но это почти незаметно. И тогда, подключаясь к серверу, я могу подсоединяться к его компьютеру в режиме онлайн. Каждый раз, когда Веннерстрём нажимает на клавиатуру своего компьютера, я вижу это на своем мониторе.

– Твой приятель, вероятно, тоже хакер.

– Это он организовал нам прослушивание в Лондоне. Чума, конечно, немного чудаковатый и никогда не общается с людьми, но в Сети он слывет легендой.

– Ну хорошо, – сказал Микаэль и улыбнулся. – Вопрос номер два: почему ты не рассказала о Веннерстрёме раньше?

– Ты меня не спрашивал.

– А если бы я так и не спросил – допустим, мы с тобой никогда бы не встретились, – ты бы так и молчала о том, что Веннерстрём преступник, а «Миллениум» бы тем временем обанкротился?

– Меня никто не просил разоблачать Веннерстрёма, – нравоучительным тоном ответила Лисбет.

– А если бы все же попросили?

– Но ведь я же рассказала, – отрезала она.

Микаэль решил, что тема исчерпана.

Блумквист полностью погрузился в содержимое компьютера Веннерстрёма. Лисбет переписала жесткий диск махинатора – около пяти гигабайт – на десятки CD. Ей уже начинало казаться, что она фактически переехала в квартиру Микаэля. Саландер терпеливо ждала, пока он во всем разберется, и отвечала на его бесконечные вопросы.

– Я просто не понимаю, неужели он такой придурок, что хранит все свое грязное белье на одном жестком диске? – сокрушался Микаэль. – А вдруг все это попадет в руки полиции…

– Люди вообще иррациональны. Вероятно, ему даже в голову не приходит, что полиция когда-нибудь конфискует его компьютер.

– Ну, да, он у нас выше всяких подозрений… Согласен, что Веннерстрём – высокомерный ублюдок. Но неужели у него нет консультантов по безопасности, которые могут растолковать ему, как обращаться с компьютером? У него же там хранятся материалы с девяносто третьего года…

– У него относительно новый компьютер. Он произведен год назад, но Веннерстрём, похоже, перенес туда всю старую корреспонденцию и информацию с жесткого диска, вместо того чтобы сохранить архив на CD. Однако он все же использует шифрующие программы.

– Что абсолютно бессмысленно, если ты находишься прямо в его компьютере и читаешь пароли каждый раз, как он их вводит.

На пятый день их пребывания в Стокгольме в три часа ночи Микаэлю на мобильник вдруг позвонил Кристер Мальм.

– Хенри Кортес сегодня вечером ходил с подружкой в ресторан.

– Угу, – сонно произнес Микаэль.

– На обратном пути они завернули в кабак на Центральном вокзале.

– Не лучшее место для соблазнения подружки…

– Ты послушай. Янне Дальман нынче вроде как в отпуске… Так вот, Хенри заметил его за столиком в компании другого мужчины.

– И что же?

– А то, что Хенри узнал его спутника по фотографии. Это Кристер Сёдер.

– Кажется, мне знакомо это имя, но…

– Он работает в журнале «Финансмагасинет монополь», которым владеет «Веннерстрём груп», – продолжил Мальм.

Микаэль аж подскочил в постели.

– Ты слышишь?

– Слышу. Но ведь это не обязательно что-то значит. Сёдер – журналист и может оказаться просто старым приятелем Дальмана.

– Допустим, у меня паранойя. Но три месяца назад «Миллениум» купил репортаж у одного независимого журналиста, а за неделю до нашей публикации Сёдер выпустил почти идентичное разоблачение. Это был тот же материал о производителе мобильных телефонов, который скрыл отчет о том, что они используют компонент, способный вызывать короткое замыкание.

– Я слышу, слышу… Но такое бывает. Ты говорил с Эрикой?

– Нет, она все еще в отъезде и вернется только на следующей неделе.

– Ничего не предпринимай. Я перезвоню позже, – сказал Микаэль и отключил телефон.

– Проблемы? – спросила Лисбет Саландер.

– Это связано с «Миллениумом», – сказал Микаэль. – Мне надо туда ненадолго заскочить. Поедешь со мной?

В четыре часа утра в редакции было пусто. Лисбет Саландер потратила примерно три минуты, чтобы взломать пароли в компьютере Янне Дальмана, и еще пару минут, чтобы перекачать его содержимое в лэптоп Микаэля.

Бо́льшая часть электронной почты, правда, находилась в личном лэптопе Дальмана, доступа к которому у них не было. Однако Лисбет Саландер смогла через его стационарный компьютер в редакции выведать, что, помимо служебного почтового адреса «millennium.se», Дальман имеет хотмейловский аккаунт. Через шесть минут она взломала этот адрес и перекачала его корреспонденцию за последний год.

Через пять минут Микаэль располагал неопровержимыми доказательствами того, что Янне Дальман сливал налево информацию о ситуации в «Миллениуме» и держал редактора «Финансмагасинет монополь» в курсе того, какие материалы и в каких номерах журнала планирует опубликовать Эрика Бергер. Он шпионил за ними по меньшей мере с прошлой осени.

Они выключили компьютеры, вернулись в квартиру Микаэля и несколько часов поспали. Около десяти часов утра Блумквист позвонил Кристеру Мальму.

– У меня есть доказательства того, что Дальман работает на Веннерстрёма.

– Я так и знал!.. Ладно, сегодня же вышвырну этого ублюдка на улицу.

– Не надо. Ничего не предпринимай.

– Ничего?

– Положись на меня. До какого числа у Дальмана отпуск?

– Он вернется на работу в понедельник.

– Сколько сегодня в редакции народу?

– Ну, примерно половина.

– Ты можешь созвать совещание на два часа? Только не говори, о чем пойдет речь. Я приду.

Перед Микаэлем в конференц-зале сидели шесть человек. Кристер Мальм выглядел усталым. Хенри Кортес был влюблен, и это явно читалось по его лицу. Еще бы, двадцатичетырехлетние всегда в кого-нибудь влюблены, и скрыть это невозможно. Моника Нильссон застыла в ожидании. И хотя Кристер Мальм ни слова не сказал о том, чему посвящено собрание, но она проработала в редакции достаточно долго, чтобы понять: произошло нечто из ряда вон выходящее. Она обиделась, потому что ее не просветили на этот счет. Лишь Ингела Оскарссон выглядела как обычно. Она работала только два дня в неделю, занимаясь административными вопросами, регистрацией подписчиков и тому подобным, и казалась довольно задерганной с тех пор, как два года назад родила ребенка. Вторым совместителем была независимая журналистка Лотта Карим. У нее с журналом был такой же контракт, как и у Хенри Кортеса, и она только что вышла из отпуска. Сонни Магнуссон еще отдыхал, но Кристеру удалось его вызвать.

Микаэль начал с того, что поприветствовал всех и попросил прощения за то, что отсутствовал почти целый год.

– То, о чем сегодня пойдет речь, ни я, ни Кристер не успели обсудить с Эрикой, но могу вас заверить, что в данном случае я говорю от ее имени. Сегодня нам предстоит решить судьбу «Миллениума».

Он сделал паузу, ожидая вопросов. Но вопросов никто не задал.

– Последний год был тяжелым. Я даже удивлен, что никто из вас не занялся поисками другой работы. Приходится исходить из того, что вы – либо полные психи, либо исключительно преданы делу и вам почему-то нравится работать именно в нашем журнале. Поэтому я собираюсь раскрыть карты и попросить вас внести последний вклад.

– Последний вклад? – заинтересовалась Моника Нильссон. – Это звучит так, будто ты намерен закрыть журнал.

– Вот именно, – ответил Микаэль. – После отпуска Эрика соберет всех нас на трагическую летучку и объявит, что к Рождеству «Миллениум» закроется и вы все будете уволены.

Тут всех присутствующих охватило беспокойство. Даже Кристер Мальм на секунду поверил, что Микаэль говорит всерьез, но потом все успокоились, увидев его довольную улыбку.

– В течение осени всем нам предстоит вести двойную игру. Дело в том, что наш драгоценный ответственный секретарь Янне Дальман раздобыл себе вторую работу – он служит информатором у Ханса Эрика Веннерстрёма. В результате наш враг всегда знает, что происходит в редакции, и этим объясняются многие наши неудачи в последний год. Если помнишь, Сонни, некоторые рекламодатели, казавшиеся положительно настроенными, вдруг нас покинули…

– Я все время это подозревала, – сказала Моника Нильссон.

Янне Дальману в редакции никто особенно не симпатизировал, и его разоблачение явно ни для кого не стало шоком. Микаэль прервал возникшую паузу:

– Я рассказываю вам обо всем этом, потому что полностью вам доверяю. Мы проработали бок о бок несколько лет, и я знаю, что вы разбираетесь, что к чему. Я также могу смело рассчитывать на то, что осенью вы сможете мне подыграть. Сейчас исключительно важно заставить Веннерстрёма поверить в то, что «Миллениум» находится на грани банкротства. Так что ваша задача – заставить его в это поверить.

– А какая у нас ситуация на самом деле? – спросил Хенри Кортес.

– Дело обстоит следующим образом. Я знаю, что всем пришлось нелегко и мы еще не выкарабкались. Здравый смысл подсказывает, что «Миллениум» должен был бы находиться на пути к могиле. Но даю слово, что до этого дело не дойдет. «Миллениум» стал сильнее, чем был год назад. После нашей встречи я снова исчезну – примерно на два месяца. К концу октября я вернусь. И тогда мы подрежем Хансу Эрику Веннерстрёму крылья.

– Каким образом? – поинтересовался Кортес.

– Извини, но это – закрытая информация. Я напишу новую статью о Веннерстрёме, и на этот раз уже никаких проколов не будет. А потом мы начнем готовиться к празднованию Рождества прямо здесь, в редакции. В качестве главного блюда я намерен предложить зажаренного целиком Веннерстрёма, а на сладкое – всяких разных критиков.

После этих слов у всех поднялось настроение. Микаэль задумался, как бы ко всему этому отнесся он сам, если б сидел за конференц-столом среди других и выслушивал подобную речь. Со скепсисом? Скорее всего. Однако было очевидно, что среди команды сотрудников «Миллениума» он по-прежнему обладает капиталом доверия. Он опять поднял руку:

– Для успеха предприятия важно, чтобы Веннерстрём думал, будто «Миллениум» гибнет. Я не хочу, чтобы он выкинул какой-нибудь фортель или в последнюю минуту нашел бы аргументы в свою пользу. Поэтому для начала мы набросаем сценарий, по которому вы будете работать осенью. Во-первых, важно, чтобы ничего из того, что мы сегодня обсуждаем, не фиксировалось на бумаге и не обсуждалось по электронной почте или с кем бы то ни было, помимо присутствующих здесь. Мы пока не в курсе, насколько Дальман внедрился в наши компьютеры, а ведь, как мне стало известно, читать личную почту сотрудников совсем не трудно. Так что мы будем обсуждать все проблемы только в устной форме. Если в ближайшие недели вы захотите кое-что уточнить, надо будет обращаться к Кристеру и встречаться у него дома, в обстановке строжайшей секретности.

Микаэль написал на доске: «Никакой электронной почты».

– Это во-первых. А во-вторых, всем нужно перессориться. Для начала я хочу, чтобы вы ругали меня на чем свет стоит всякий раз, когда Янне Дальман окажется поблизости. Только не переборщите; используйте только свою природную стервозность. Кристер, мне надо, чтобы у вас с Эрикой наметились настоящие разногласия. Фантазируйте и скрытничайте по поводу причины. Но все должно выглядеть так, будто журнал разваливается и все между собой перессорились.

Он написал на доске: «Дрязги».

– В-третьих. Кристер, когда Эрика вернется, ты должен ввести ее в курс дела. А ее задача – внушить Янне Дальману, будто наш контракт с концерном «Вангер», который сейчас не дает нам утонуть, фактически расторгнут из-за того, что Хенрик Вангер тяжело болен, а Мартин Вангер погиб.

Он написал на доске: «Дезинформация».

– Но на самом деле договор остается в силе? – поинтересовалась Моника Нильссон.

– Можете мне поверить, – сказал помрачневший Микаэль. – Концерн готов на все, что угодно, лишь бы «Миллениум» выжил. Через несколько недель – например, в конце августа – Эрика созовет собрание и оповестит всех о предстоящих увольнениях. Но важно, чтобы вы все понимали: это розыгрыш и исчезнет отсюда только Янне Дальман. Но не забывайте о своих ролях. Начинайте беседы о поисках новой работы и обсуждайте, как невыгодно иметь в своем резюме «Миллениум». И все такое прочее.

– И ты полагаешь, что благодаря этому фарсу мы сможем спасти «Миллениум»? – спросил Сонни Магнуссон.

– Да, спасем. А тебя, Сонни, я попрошу составить фальшивый

месячный отчет, из которого станет очевидно, что рынок рекламы катастрофически сужается, а количество подписчиков сокращается.

– Звучит интересно, – сказала Моника. – Должны ли мы скрывать эту информацию внутри редакции – или сделать так, чтобы она просочилась в другие СМИ?

– Будем держать все внутри редакции. Если эта история всплывет где-то в другом месте, мы будем знать, кто допустил утечку. А если через несколько месяцев кто-нибудь спросит нас, мы ответим: да что вы, ничего подобного, до вас просто дошли беспочвенные слухи, «Миллениуму» никогда не угрожало закрытие. А еще лучше, если Дальман действительно передаст информацию другим СМИ. И тогда он полностью разоблачит себя в наших глазах, а перед другими изданиями выставит себя полным кретином. Подбросьте Дальману какую-нибудь правдоподобную, но совершенно идиотскую историю. Это будет просто замечательно.

На составление сценария и распределение ролей они потратили два часа.

После собрания Микаэль с Кристером Мальмом пили кофе в кафе «Ява» на Хурнсгатан.

– Кристер, сейчас крайне важно, чтобы ты встретил Эрику в аэропорту и сразу посвятил ее в наши планы. Пусть она поскорее включается в эту игру. Насколько я ее знаю, она захочет разобраться с Дальманом немедленно, но этого допускать нельзя. Я не хочу, чтобы Веннерстрём догадался и успел бы сфальсифицировать доказательства.

– Хорошо.

– И проследи, чтобы Эрика держалась подальше от электронной почты, пока не установит шифрующую программу PGP и не научится ею пользоваться. Скорее всего, Веннерстрём благодаря Дальману имеет возможность читать все, что мы пишем друг другу. Я хочу, чтобы ты и все остальные сотрудники установили себе PGP. Но только это нужно сделать незаметно: я дам тебе координаты консультанта, и ты свяжешься с ним. Он приедет, чтобы проверить сеть и компьютеры всех сотрудников редакции, – и незаметно установит программу.

– Сделаю все, что в моих силах… Микаэль, что у тебя на уме?

– Все дело в Веннерстрёме. Я собираюсь размазать его по стенке.

– Но как?

– Извини, но пока это секрет. Могу пока сказать только, что я собрал материал, на фоне которого наше предыдущее разоблачение покажется просто невинным чтением для семейного круга.

Кристер Мальм выглядел испуганным.

– Микаэль, я всегда доверял тебе. А ты? Неужели ты мне не доверяешь?

Микаэль засмеялся.

– Что ты, конечно же, доверяю. Но на данный момент я нарушаю закон, за что могу запросто угодить на два года за решетку. Можно сказать, что моя методика работы немного нелегальна… Я использую почти те же методы, что и Веннерстрём. И не хотел бы, чтобы ты, или Эрика, или кто-нибудь другой из «Миллениума» оказался к этому как-нибудь причастен.

– Я начинаю волноваться.

– Не волнуйся. И передай Эрике: это будет большой материал. Очень большой.

– Эрика захочет узнать, какие у тебя планы…

Микаэль на секунду задумался. Потом улыбнулся:

– Передай ей: весной, когда она подписала контракт с Хенриком Вангером, не советуясь со мной, она ясно дала мне понять, что я теперь – просто рядовой независимый журналист, не входящий в правление и не имеющий никакого влияния на политику «Миллениума». Так что я тоже больше не обязан ее информировать. Но обещаю: если она будет хорошо себя вести, то получит право первой опубликовать материал.

Неожиданно Кристер Мальм захохотал.

– Она взбесится, – сказал он, и глаза его вспыхнули.

Конечно, Микаэль был не до конца откровенен с Кристером Мальмом. К тому же он намеренно избегал встреч с Эрикой. Ему следовало бы немедленно связаться с ней и посвятить ее в свои планы. Но ему не хотелось с нею объясняться. Раз двенадцать он вытаскивал мобильный телефон и набирал ее номер, но в последний момент передумывал.

Блумквист знал, в чем проблема. Сейчас он не мог бы смотреть ей в глаза.

Когда там, в Хедестаде, Микаэль согласился скрыть то, что ему стало известно, он совершил проступок, недостойный журналиста. Он даже не представлял себе, как объяснить ей все это и при этом не солгать. А вообще он никогда ни при каких условиях не собирался лгать Эрике Бергер.

А самое главное, он не мог справиться также и с проблемой по имени Веннерстрём. В результате Микаэль отложил встречу и отключил мобильный телефон. Но он понимал, что разговора не избежать и что это лишь отсрочка.

Сразу после собрания в редакции Микаэль перебрался в свой домик в Сандхамне, где отсутствовал больше года. В его багаже находились две коробки с распечатками материала и те CD-диски, которыми его снабдила Лисбет Саландер. Он запасся едой, заперся, открыл свой лэптоп и начал писать. Ежедневно журналист совершал короткую прогулку, покупал газеты и минимум еды. Яхты по-прежнему забивали гостевую гавань, и молодежь, одолжившая «батину лодку», как всегда, напивалась до беспамятства в баре «Дайвер». Микаэль вообще не замечал никого и ничего вокруг. Он открывал глаза и садился за компьютер – и сидел за ним до тех пор, пока вечером не валился с ног от усталости.

Зашифрованная электронная почта
от главного редактора erika.berger@millenium.se
находящемуся в отпуске ответственному редактору
mikael.blomkvist@millenium.se

Микаэль, мне необходимо знать, что происходит. Бог мой, я возвращаюсь из отпуска – а меня ждет нереальный хаос. Новость о Янне Дальмане и срежиссированная тобою двойная игра. Мартин Вангер мертв. Харриет Вангер жива. Что происходит в Хедебю? Где ты? И есть ли у тебя материал? Почему твой мобильник молчит? Э.

P. S. Я поняла намек, который мне не без удовольствия передал Кристер. Ты мне за это еще ответишь. Неужели ты на меня всерьез разозлился?

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se
Кому: erika.berger@millenium.se

Привет, Рикки. Нет, что ты, я вовсе не сержусь. Прости, что не успел ввести тебя в курс дела, но в последние месяцы моя жизнь напоминала «американские горки». Расскажу при встрече, лично. Я сейчас нахожусь в Сандхамне. Материал есть, но не о Харриет Вангер. В ближайшее время я буду торчать здесь как приклеенный, пока не доведу все до логического завершения. Положись на меня. Целую. М.

От кого: erika.berger@millenium.se
Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

В Сандхамне? Я немедленно к тебе приеду.

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: erika.berger@millenium.se

Сейчас не надо. Подожди пару недель, пока я хотя бы разберусь с текстом. Кроме того, я жду другого визита.

От кого: erika.berger@millenium.se

Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

Тогда я, конечно, воздержусь. Но мне все же нужно знать, что происходит. Хенрик Вангер снова стал генеральным директором и не отвечает на мои звонки. Если договор с ним аннулирован, мне необходимо это знать. В данный момент я просто не понимаю, что мне делать. Я должна знать, выживет журнал или нет. Рикки.

P. S. А кстати, кто она?

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: erika.berger@millenium.se

Во-первых: ты можешь быть совершенно уверена, что Хенрик никуда не денется. Но он перенес обширный инфаркт и сейчас начинает работать в час по чайной ложке. Я думаю, что хаос после смерти Мартина и воскрешения Харриет отнимает все его силы.

Во-вторых: «Миллениум» должен выжить. Я работаю над самым главным репортажем моей жизни, и когда мы его опубликуем, мы окончательно потопим Веннерстрёма.

В-третьих: в моей жизни сейчас все перевернулось с ног на голову, но в отношении тебя, меня и «Миллениума» ничего не изменилось. Поверь мне. Целую. Микаэль.

P. S. При случае я вас познакомлю. Ты будешь обескуражена.

Когда Лисбет Саландер приехала в Сандхамн, ее встретил заросший Микаэль Блумквист с ввалившимися глазами. Он рассеянно обнял ее, попросил поставить кофе и подождать, пока он закончит какой-то текст.

Лисбет оглядела его дом, и ей тут сразу понравилось. Дом стоял прямо на мостках, и двери его находились в двух метрах от воды. Размером он был всего шесть на пять метров, но оказался очень высоким. Наверху помещалась спальная антресоль, куда вела винтовая лестница. Лисбет могла выпрямиться на антресоли во весь рост, а Микаэлю приходилось слегка пригибаться. Она обследовала кровать и убедилась, что та широкая и сможет вместить их обоих.

Возле двери располагалось большое окно, выходившее на воду. У окна находился кухонный стол Микаэля, служивший ему также письменным столом. На стене у стола висела полка с CD-проигрывателем и большой коллекцией Элвиса Пресли вперемежку с хард-роком – эту музыку Лисбет не слишком жаловала.

В углу стояла печка из стеатита, застекленная спереди. В остальном меблировка состояла только из прикрученного к стене большого шкафа для одежды и постельного белья, раковины для мытья посуды, в которой можно было и помыться, поскольку она отделялась занавеской для ванны. Около раковины имелось маленькое окошко. Под винтовой лестницей Микаэль отгородил угол для биотуалета. А вообще дом напоминал каюту, обставленную стилизованными рундуками.

В своем досье на Микаэля Блумквиста Лисбет пришла к выводу, что он отремонтировал дом и смастерил мебель самостоятельно – она так решила после того, как прочитала электронное письмо к Микаэлю одного приятеля, который когда-то посетил Сандхамн и воспевал его рукодельные способности. Дом выглядел прибранным, без затей, почти спартанским. Саландер поняла, почему Микаэль так любит свой домик у воды.

Через два часа ей удалось отвлечь Микаэля от работы. Он с неохотой выключил компьютер, побрился и повел ее на экскурсию по Сандхамну. На улице было дождливо и ветрено, и они быстро завернули в местную гостиницу. Микаэль рассказал о том, что он уже успел написать, а Лисбет вручила ему диск с обновлениями из компьютера Веннерстрёма.

Когда они вернулись домой, Лисбет затащила его на антресоль, раздела – и отвлекла еще больше.

Проснувшись поздно ночью, она почувствовала, что его уже нет рядом. Заглянув с антресоли вниз, девушка увидела, что Микаэль сидит, склонившись над компьютером. Она долго лежала, подперев рукой голову, и наблюдала за ним. Он казался счастливым, и она сама вдруг почувствовала, что способна радоваться жизни.

Лисбет Саландер провела в Сандхамне у Микаэля всего пять дней и вернулась в Стокгольм, поскольку Драган Арманский беспрестанно названивал ей по поводу работы. Она посвятила новому заданию одиннадцать дней, отчиталась и поехала обратно в Сандхамн. Гора распечаток возле лэптопа Микаэля за это время разрослась.

На этот раз Лисбет провела у него четыре недели. За это время у них установился определенный распорядок дня. Они вставали в восемь, завтракали и около часа обменивались мнениями. После этого Микаэль

напряженно работал до вечера. А потом они отправлялись на прогулку и оживленно беседовали.

Бо́льшую часть дня Лисбет проводила в постели, читая книги или шаря в Интернете, используя ADSL-модем. Днем она старалась не беспокоить Микаэля. Ужинали они поздно. После ужина Лисбет заставляла Микаэля подниматься на спальную антресоль, где следила за тем, чтобы он уделял ей максимум внимания.

Лисбет казалось, что она впервые в жизни находится в отпуске.

Зашифрованная электронная почта от: erika.berger@millenium.se

Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

Привет, М.

Посылаю тебе официальное сообщение. Янне Дальман увольняется и через три недели начинает работать в «Финансмагасинет монополь». Я решила сделать так, как ты просил, и ничего не сказала, все остальные тоже ломают комедию. Э.

P. S. Похоже, что всем весело. Пару дней назад Хенри с Лоттой типа поссорились и кидали друг в друга разные предметы. Редакция разыгрывает перед Дальманом настолько грубый фарс, что я не понимаю, как он может не понимать, что это лажа.

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: erika.berger@millenium.se

Пожелай ему удачи и отпусти. Но припрячь столовое серебро. Целую. М.

От кого: erika.berger@millenium.se

Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

Я осталась без ответственного секретаря за две недели до выпуска, а мой ведущий журналист торчит в Сандхамне и избегает контактов со мною… Микке, я тебя умоляю, поучаствуй уже в нашей жизни! Эрика.

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: erika.berger@millenium.se

Потерпи еще пару недель, и мы победим. И начинай

планирование, потому что декабрьский номер будет отличаться от всего, что мы делали раньше. Мой текст займет около 40 полос. М.

От кого: erika.berger@millenium.se
Кому: mikael.blomkvist@millenium.se
40 ПОЛОС!!! Ты совсем спятил?

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se
Кому: erika.berger@millenium.se
Это будет тематический номер. Я смогу закончить все через три недели. Сделай, пожалуйста, следующее: (1) зарегистрируй книжное издательство с названием «Миллениум» (2) раздобудь номер ISBN (3) попроси Кристера состряпать эффектный логотип для нашего нового издательства (4) найди приличную типографию, которая сможет быстро и недорого напечатать тираж в мягкой обложке. И, кстати, нам надо раздобыть капитал, чтобы выпустить нашу первую книгу. Целую. Микаэль.

От кого: erika.berger@millenium.se
Кому: mikael.blomkvist@millemum.se
Тематический номер… Книжное издательство… Деньги… Будет сделано, шеф. А ты не хочешь, чтобы я сделала еще что-нибудь еще? Например, сплясала бы голой на площади у Шлюза? Э.

P. S. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь. Но что мне делать с Дальманом?

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se
Кому: erika.berger@millenium.se
Ничего не делай. Просто отпусти его. «Монополь» долго не протянет. Подбери для этого номера побольше материалов, авторы которых внештатники. И, черт побери, найми нового секретаря. М.

P. S. Я бы очень хотел взглянуть на тебя голую на площади у Шлюза. М.

От кого: erika.berger@millenium.se
Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

Площадь у Шлюза – что ж, мечтать не вредно. Но мы ведь всегда принимали на работу новичков вместе. Рикки.

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se
Кому: erika.berger@millenium.se
И всегда были едины в том, кого выбрать. Так что выбирай, кого сочтешь нужным. Мы прихлопнем Веннерстрёма. И это самое главное. Позволь мне только спокойно все завершить. М.

В начале октября Лисбет Саландер прочитала заметку, которую обнаружила в интернет-версии газеты «Хедестадс-курирен», и показала ее Микаэлю. Изабелла Вангер скончалась после непродолжительной болезни. О ней скорбит ее недавно воскресшая дочь Харриет Вангер.

Зашифрованная электронная почта от:
erika.berger@millenium.se
Кому: mikael.blomkvist@millenium.se
Привет, Микаэль.

Сегодня меня в редакции навестила Харриет Вангер. Она позвонила за пять минут до своего визита, и я оказалась совершенно не подготовленной к ее визиту. Красивая женщина, элегантно одетая и с холодным взглядом.

Она сообщила, что сменила Мартина Вангера в качестве представителя Хенрика в правлении. Была любезна, дружелюбна и заверила меня, что концерн «Вангер» не собирается нарушать договоренность с «Миллениумом» и что семья, напротив, полностью разделяет обязательства Хенрика перед журналом. Она попросила провести ее по редакции и спрашивала о том, как я расцениваю сложившуюся ситуацию.

Я сказала все как есть: что не чувствую твердой почвы под ногами, что ты запретил мне приезжать в Сандхамн и что я не знаю, над чем ты работаешь, но что ты собираешься прихлопнуть Веннерстрёма. (Я решила, что могу с ней поделиться, все-таки она член правления.) Харриет вскинула одну бровь, улыбнулась и спросила, неужели я сомневаюсь в том, что у тебя это получится? Что я могла ответить? Я сказала, что мне было бы куда спокойнее, если бы я до конца понимала, что происходит. Конечно, я доверяю тебе. Но ты выводишь меня из себя.

Я спросила, знает ли она, чем ты занимаешься. Харриет

покачала головой, но сказала, что, по ее впечатлению, ты на редкость решительный человек с креативным мышлением. (Это ее слова.)

Я сказала также, что понимаю: в Хедестаде произошло что-то драматическое, и я себе места не нахожу от любопытства по поводу истории Харриет Вангер. Короче говоря, я чувствовала себя круглой дурой. Она ответила вопросом на вопрос: неужели ты действительно мне ничего не рассказал? По ее словам, она поняла, что у нас с тобой особые отношения и что ты, конечно же, расскажешь мне, когда у тебя появится свободное время. Потом она спросила, может ли на меня полагаться. Что я могла ответить? Она сидит в правлении «Миллениума», а ты оставил меня одну, и мне приходится вести переговоры в полном неведении.

Потом она сказала то, что меня удивило – попросила меня не судить ни ее, ни тебя слишком строго. Она утверждала, что очень благодарна тебе и очень хотела бы, чтобы мы с нею тоже подружились. Затем она пообещала рассказать мне свою историю, раз уж ты не удосужился это сделать. Она ушла полчаса назад. Я пребываю почти в шоке. Думаю, она мне понравилась, но пока не знаю, могу ли я полагаться на нее. Эрика.

P. S. Я скучаю по тебе. Мне кажется, что в Хедестаде произошло нечто кошмарное. Кристер говорит, что у тебя появилась странная полоса на шее, похожая на след от удавки. Это правда?

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: erika.berger@millenium.se

Привет, Рикки.

История Харриет настолько ужасна и непередаваема, что и представить такое невозможно. Будет гораздо лучше, если она сама все расскажет тебе. Лично мне даже страшно об этом подумать.

А пока я могу гарантировать, что ты можешь полагаться на Харриет Вангер. Она сказала правду, утверждая, что в долгу передо мной, и можешь мне поверить – она никогда не навредит «Миллениуму». Стань ей другом, если она тебе нравится. А если не нравится, не надо. Но она заслуживает уважения. Она – женщина с трудным прошлым, и я испытываю к ней большую

симпатию. М.

На следующий день Микаэль получил еще одно письмо.

От кого: harriet.vanger@vangerindustries.com

Кому: mikael.blomkvist@millenium.se

Привет, Микаэль.

На протяжении нескольких недель я пытаюсь выкроить время, чтобы написать Вам, но, похоже, в сутках не хватает часов. Вы так поспешно исчезли из Хедебю, что мне так и не удалось попрощаться с Вами.

Все мое время после возвращения в Швецию оказалось заполнено тягостными впечатлениями и тяжелой работой. Концерн «Вангер» находится в состоянии полного хаоса, и мы с Хенриком очень стараемся исправить положение. Вчера я посетила «Миллениум», ведь я – представитель Хенрика в правлении. Хенрик подробно рассказал мне о проблемах – Вашей и Вашего журнала.

Я надеюсь, что Вы не возражаете против того, чтобы я появилась там в этом качестве. Если Вы не хотите, чтобы я (или вообще кто-либо из нашей семьи) был в правлении, я Вас пойму, но заверяю, что сделаю все, чтобы поддержать «Миллениум». Я в неоплатном долгу перед Вами и уверяю Вас, что мои намерения всегда будут благими. Я встретилась с Вашим другом Эрикой Бергер. Не знаю, понравилась ли я ей… Меня удивило, что Вы не рассказали ей обо всем случившемся.

Я очень хочу быть Вам другом, если Вы, конечно, в состоянии продолжать общаться с кем-нибудь из семьи Вангер.

С наилучшими пожеланиями, Харриет.

P. S. Я узнала от Эрики, что Вы снова собираетесь воевать с Веннерстрёмом. Дирк Фруде рассказал мне о том, что Хенрик вас обманул. Что я могу сказать? Мне очень жаль. Дайте мне знать, если я могу что-нибудь сделать для вас.

От кого: mikael.blomkvist@millenium.se

Кому: harriet.vanger@vangerindustries.com

Привет, Харриет.

Я в спешке покинул Хедебю и работаю сейчас над тем, чем, собственно говоря, и должен был заниматься этот год. Вы

получите информацию заранее, до того, как текст отправится в печать, но смею утверждать, что вскоре нам удастся преодолеть все проблемы, которые тяготили нас в этом году.

Надеюсь, что Вы с Эрикой подружитесь, и, разумеется, не возражаю против Вашего участия в правлении «Миллениума». Я расскажу Эрике о том, что произошло. Но в настоящий момент у меня нет ни сил, ни времени. Пусть все потихоньку уляжется.

Давайте будем на связи и поддерживать контакт. Всего доброго. Микаэль.

Лисбет не проявляла особого интереса к работе Микаэля. Когда однажды он вдруг сказал что-то непонятное, она оторвалась от книги.

– Извини. Просто думал вслух. Я сказал, что это довольно грубо.

– А что именно грубо?

– Веннерстрём спутался с двадцатидвухлетней официанткой, и она от него забеременела. Ты не читала его переписку с адвокатом?

– Микаэль, дорогой! У тебя на этом жестком диске хранится корреспонденция, электронная почта, контракты, билеты, отчетная документация по поездкам и бог знает что еще – за целых десять лет. Я не настолько очарована Веннерстрёмом, чтобы глотать шесть гигабайт всякой ерунды. Я прочла кое-что, в основном чтобы удовлетворить свое любопытство, и убедилась, что он бандюган.

– Допустим. Она забеременела в девяносто седьмом году. Когда она стала требовать компенсации, его адвокат отправил кого-то уговорить ее сделать аборт. Думаю, он намеревался предложить ей некоторую сумму денег, но она не захотела ее взять. Тогда наемник прибегнул к более убедительным аргументам и продержал ее под водой в ванне, пока она не согласилась оставить Веннерстрёма в покое. И обо всем этот дебил адвокат сообщает в письме – пусть и зашифрованном, но все же… Я не слишком высокого мнения об интеллектуальном уровне этой компании.

– А что стало с девушкой?

– Она сделала аборт. Веннерстрём остался доволен.

Лисбет замолчала, ее глаза внезапно потемнели. Через десять минут она процедила:

– Надо же, еще один женоненавистник.

Микаэль ее не услышал.

Саландер одолжила у него CD-диски и посвятила ближайшие дни внимательному чтению электронной почты Веннерстрёма и других документов. Пока Микаэль продолжал работу, Лисбет лежала на чердаке с

компьютером на коленях, размышляя над судьбами уникальной империи Веннерстрёма.

И тут ей пришла в голову мысль, которая уже никак ее не отпускала. Но больше всего ее удивляло, как она не додумалась до этого раньше.

В последний день октября Микаэль распечатал последнюю страницу и выключил компьютер только в одиннадцать утра. Не говоря ни слова, он взобрался на антресоль и протянул Лисбет солидную кипу бумаг, после чего сразу заснул. Она разбудила его вечером и высказала свои соображения по поводу текста.

Днем в начале третьего Микаэль внес в свое произведение последние поправки.

На следующий день он закрыл ставни и запер дом. Отпуск Лисбет подошел к концу, и они вместе поехали в Стокгольм.

До прибытия в город Микаэлю пришлось обсудить с Лисбет один деликатный вопрос. Он приступил к этой теме, когда они пили кофе из бумажных стаканчиков на борту теплохода, перевозившего их из Ваксхольма.

– Нам нужно договориться о том, что я буду рассказывать Эрике. Она откажется публиковать статью, если я не смогу объяснить, откуда раздобыл материал.

Эрика Бергер. Главный редактор и многолетняя любовница Микаэля. Лисбет никогда с ней не встречалась и не была уверена в том, что ей этого хочется. Но Эрика угрожала ее благополучию, хотя она пока не знала, каким именно образом.

– Что она обо мне знает?

– Ничего. – Блумквист вздохнул. – Я ведь с лета избегал встречи с Эрикой. Я так и не решился рассказать ей обо всем, что произошло в Хедестаде, поскольку мне было ужасно стыдно. Она очень нервничает, потому что я ее почти ни о чем не информировал. Конечно, ей известно, что я сидел в Сандхамне и писал этот текст, но о его содержании она ничего не знает.

– Ну-ну.

– Через пару часов она получит рукопись. И уж тогда устроит мне форменный допрос! Я даже не знаю, что мне ей отвечать.

– А что ты хочешь сказать?

– Я хочу рассказать правду.

Лисбет нахмурила брови.

– Лисбет, мы с Эрикой почти всегда ругаемся; такая у нас своеобразная манера общения. Но мы безоговорочно доверяем друг другу. Она стопроцентно надежна. Ты – наш источник, и она скорее умрет, чем выдаст тебя.

– А кому еще тебе придется рассказывать?

– Больше никому. Все это уйдет в могилу вместе со мной и Эрикой. Если ты откажешься, я не раскрою ей твою тайну. И все-таки я не собираюсь лгать Эрике и выдумывать про какой-то несуществующий источник.

Лисбет раздумывала до тех пор, пока они не причалили у «Гранд Отеля».

Анализ последствий.

Наконец она смилостивилась и позволила Микаэлю представить ее Эрике. Он включил мобильный телефон и набрал номер.

Блумквист позвонил как раз в тот момент, когда Эрика Бергер обедала с Малин Эрикссон, которую намеревалась зачислить на должность ответственного секретаря редакции. Малин было двадцать девять лет, и она уже пять лет выполняла разные временные задания. Постоянного места у нее никогда не было, и она уже почти потеряла надежду его получить. Объявление о вакансии еще не публиковалось. Малин Эрикссон рекомендовал Эрике старый приятель из одного еженедельника. Бергер позвонила ей в тот день, когда у Малин заканчивалась очередная временная работа, и спросила, интересует ли ее сотрудничество с «Миллениумом».

– Это временная должность на три месяца, – сказала за обедом Эрика. – Но если все пойдет хорошо, то она может стать постоянной.

– Я слышала, что «Миллениум» скоро закроется.

Эрика улыбнулась:

– Не стоит верить всему, что слышишь.

– Этот Дальман, которого мне предстоит заменить… – Малин замялась. – Он переходит в журнал, принадлежащий Хансу Эрику Веннерстрёму…

Эрика кивнула:

– Наш конфликт с Веннерстрёмом едва ли является тайной в издательском цехе. Он не любит людей, работающих в «Миллениуме».

– Значит, если я соглашусь на работу в «Миллениуме», то тоже попаду в эту категорию?

– Да, скорее всего.

– Но ведь Дальман получил работу в «Финансмагасинет»?

– Можно сказать, что Веннерстрём именно таким способом рассчитался с ним за некоторые мелкие услуги, которые ему оказывал Дальман. Вас по-прежнему интересует мое предложение?

Малин Эрикссон немного подумала и кивнула.

– Когда вы хотите, чтобы я приступила к работе?

В этот момент звонок Микаэля прервал их беседу.

Эрика открыла дверь в квартиру Блумквиста своими ключами. Впервые они встретились лицом к лицу после его краткого визита в редакцию в июне. Войдя в гостиную, Бергер обнаружила на диване анорексичную девицу. Она развалилась, одетая в потертую кожаную куртку, а ноги закинула на журнальный столик. Сначала ей показалось, что девушке лет пятнадцать, но лишь до того мгновения, пока они не встретились взглядами. Когда Микаэль вошел с кофейником и печеньем, Эрика все еще продолжала разглядывать эту девицу.

Микаэль и Эрика оглядывали друг друга.

– Прости за то, что я вел себя невыносимо, – сказал Блумквист.

Эрика склонила голову набок. Что-то в Микаэле изменилось. Он выглядел измученным и исхудавшим и избегал встречаться с ней взглядом. Она покосилась на его шею. Там виднелась побледневшая, но отчетливо различимая полоса.

– Я избегал встречи с тобой. Это чересчур долгая история, и я вовсе не горжусь той ролью, которую в ней сыграл. Но мы обсудим это позже… Сейчас я хочу представить тебе эту юную даму. Эрика, это Лисбет Саландер. Лисбет, это Эрика Бергер – главный редактор «Миллениума» и мой лучший друг.

Лисбет оценила ее элегантную одежду и уверенную манеру держаться – и тут же пришла к выводу, что Эрика Бергер вряд ли станет ее лучшим другом.

Они беседовали пять часов. Эрика дважды куда-то звонила и отменяла встречи. Затем она целый час читала фрагменты рукописи, которую ей вручил Микаэль. У нее возникла тысяча вопросов, но при этом она понимала, что потребуются недели, чтобы получить на них ответы. Но, конечно, рукопись, которую она отложила, – потенциальная сенсация. Даже если хотя бы крупица этих утверждений соответствует действительности, то это кардинально меняет всё.

Эрика посмотрела на Микаэля. Она никогда не сомневалась в его порядочности, но на какой-то миг у нее даже закружилась голова, и она

подумала, уж не добила ли его история Веннерстрёма и не нафантазировал ли он все, что изложено в рукописи. А Микаэль как раз поставил перед ней две коробки с распечатками источников. Эрика побледнела. Конечно, ей захотелось узнать, как ему удалось все это раздобыть.

Потребовалось немало времени, чтобы убедить ее, что чудаковатая барышня, не вымолвившая пока ни единого слова, имеет неограниченный доступ к компьютеру Ханса Эрика Веннерстрёма. Более того, она проникла также в компьютеры его адвокатов и ближайших сотрудников.

Эрика сразу же заявила, что этот материал нельзя использовать, поскольку он получен путем нелегального проникновения в чужой компьютер.

Конечно же, можно, возразил Микаэль. Они вовсе не обязаны отчитываться в том, как они добывали материал. Они могли бы получить материалы от источника, имеющего доступ к компьютеру Веннерстрёма и скопировавшего содержимое его жесткого диска на несколько CD-дисков.

В конце концов до Эрики дошло, какое оружие оказалось у нее в руках. Она чувствовала себя совершенно измотанной, у нее по-прежнему возникали вопросы, но Бергер не знала, с чего начать. Она откинулась на спинку стула и развела руками.

– Микаэль, что же все-таки произошло в Хедестаде?

Лисбет Саландер быстро подняла глаза. Блумквист долго сидел молча, а потом ответил встречным вопросом:

– А как у тебя складываются отношения с Харриет Вангер?

– Мне кажется, вполне конструктивно. Я встречалась с нею дважды. На прошлой неделе мы с Кристером ездили в Хедестад на собрание правления. И даже перебрали там винца…

– А чем закончилось собрание?

– Она слов на ветер не бросает.

– Рикки, я знаю, ты не можешь понять, почему я всячески уклоняюсь от объяснений и избегаю откровенного разговора. Мы с тобою всегда были откровенны друг с другом. И вдруг так складывается, что о нескольких месяцах своей жизни я… не в силах тебе рассказать.

Эрика поймала его взгляд. Она знала Микаэля как свои пять пальцев, но сейчас в его глазах она прочитала нечто такое, чего прежде не видела. Он обращался к ней с мольбой. Он умолял ее ни о чем не спрашивать. Эрика открыла рот и беспомощно посмотрела на него. Лисбет Саландер равнодушно наблюдала за их бессловесным диалогом и в разговор не вмешивалась.

– Неужели все так ужасно?

– И даже гораздо хуже, поверь мне. Я боялся этого разговора. Обещаю рассказать тебе все, но несколько месяцев я пытался отвлечься от этих кошмаров, полностью погрузившись в дело Веннерстрёма… Я пока еще не совсем готов. Я был бы рад, если бы тебе все рассказала сама Харриет.

– А что у тебя за след вокруг шеи?

– Лисбет спасла мне жизнь. Если бы не она, меня бы уже не было в живых.

Глаза Эрики расширились. Она взглянула на девушку в кожаной куртке. Пока Бергер сидела в гостиной Микаэля, она ощущала на себе взгляд Лисбет Саландер, молчаливой особы, от которой исходило ощущение враждебности.

– И сейчас ты должна заключить с ней договор. Она – наш источник.

Эрика довольно долго сидела, погрузившись в размышления. Потом сделала то, что удивило ее саму, смутило Микаэля и шокировало Лисбет, – встала, обошла вокруг стола и заключила Лисбет Саландер в объятия. Та стала вырываться, как червяк, которого собираются насадить на крючок.

Глава 29
Суббота, 1 ноября – вторник, 25 ноября

Лисбет Саландер бороздила просторы киберимперии Ханса Эрика Веннерстрёма. Она сидела, как пришитая к компьютеру, почти одиннадцать часов. Озарение, вспыхнувшее в какой-то отдельной малоизученной извилине ее мозга в последнюю неделю пребывания в Сандхамне, привело к маниакальному состоянию.

На четыре недели Лисбет стала затворницей в стенах своей квартиры. Она не отвечала на многочисленные звонки Драгана Арманского. Она проводила перед монитором по двенадцать или даже по пятнадцать часов в сутки, а остальное свободное от сна время размышляла над одним и тем же вопросом.

За прошедший месяц она лишь иногда общалась с Микаэлем Блумквистом, который тоже был очень занят делами «Миллениума». Они перезванивались пару раз в неделю, и она постоянно делилась с ним информацией о переписке и других делах Веннерстрёма.

В сотый раз Лисбет изучала каждую деталь. Она не боялась, что могла что-то упустить, но сомневалась, правильно ли усвоила, как взаимодействуют все запутанные узлы и звенья единого механизма.

Империю Веннерстрёма можно было сравнить с неким живым, бесформенным и пульсирующим организмом, который постоянно менял свой облик. Она состояла из опционов, облигаций, акций, партнерских контрактов, ссудных процентов, ренты, кредитов, счетов, трансфертов и кучи других фрагментов. Грандиозная часть доходов размещалась в офшорных компаниях, связанных друг с другом сложными взаимоотношениями.

По самым смелым подсчетам экспертов, концерн «Веннерстрём груп» оценивался в сумму более девятисот миллиардов крон. Скорее всего, это был блеф или, по меньшей мере, пускание пыли в глаза. Но, конечно, бедняком Веннерстрёма назвать было бы сложно. Лисбет Саландер оценивала его реальные доходы в сумму примерно от девяноста до сотни миллиардов крон, что тоже впечатляло. А вообще-то для серьезной ревизии всего концерна потребовались бы годы. Саландер насчитала в общей сложности почти три тысячи отдельных счетов и банковских активов по всему миру. Мошенничество Веннерстрёма обретало такие масштабы, что

это уже не считалось преступлением, а именовалось солидным словом «бизнес».

И все же, изучая недра созданного Веннерстрёмом монстра, можно было охарактеризовать основной принцип его деятельности. Все доходы делились на три типа и располагались в определенной иерархии.

Постоянные доходы в Швеции были выставлены на всеобщее обозрение, имели абсолютно легальное происхождение, по ним ежегодно проводился аудит и подавались отчеты.

В Америке деятельность фирмы обрела широкий размах, и финансовой опорой являлся один из банков Нью-Йорка.

Наибольший интерес представляла деятельность, связанная с офшорными компаниями на Гибралтаре, Кипре и в Макао. Концерн Веннерстрёма предлагал ассортиментный перечень: занимался нелегальной торговлей оружием, отмывал деньги сомнительных компаний в Колумбии и вел рискованные операции в России.

Особенно выделялся анонимный счет на Каймановых островах; он контролировался лично Веннерстрёмом, но функционировал особняком от остального бизнеса. Каждая десятая промилле от каждой сделки Веннерстрёма постоянно оседала на Каймановых островах через офшорные компании.

Саландер работала словно загипнотизированная. Счет – клик – электронная почта – клик – балансовые отчеты – клик. Она обратила внимание на последние трансферты. Проследила за небольшой трансакцией из Японии в Сингапур и далее через Люксембург на Каймановы острова. Вычислила механизм действий. Стала неотъемлемой частью киберпространства, одним из его импульсов. Она уже фиксировала самые микроскопические события. Вот самая свежая почта. Один мейл, не представляющий никакого интереса, был отправлен в десять вечера. Шифрующая программа PGP – да это просто шутка для того, кто уже находится в его компьютере и может свободно читать сообщение:

> Бергер перестала воевать из-за рекламы. Она отчаялась или просто занята чем-то другим? Твой источник уверяет, что у них дела идут из рук вон плохо, но вроде бы на днях они взяли на работу нового сотрудника. Узнай, что там происходит. Блумквист в последние недели сидит в Сандхамне и пишет как одержимый, но никто не знает, про что. В последние дни он появлялся в редакции. Подкинь мне рабочий экземпляр следующего номера. ХЭВ

Ничего страшного. Пусть немного подумает. Тебе скоро конец, старина.

В половине шестого утра Лисбет вышла из Интернета, выключила компьютер и нашла новую пачку сигарет. Она выпила четыре… нет, пять бутылок кока-колы за ночь, а теперь принесла шестую и рухнула на диван. Девушка была в одних трусах и застиранной камуфляжной футболке, рекламирующей магазин «Солдат удачи», с текстом: «Kill them all and let God sort them out»[107]. Начав мерзнуть, она завернулась в одеяло.

Ей казалось, что она накачалась какой-то наркотической гадостью. Ее взгляд уткнулся в уличный фонарь за окном; она сидела неподвижно, а мозг включился на полные обороты. Мама – клик – сестра – клик – Мимми – клик – Хольгер Пальмгрен. «Персты дьявола». Арманский. Работа. Харриет Вангер. Клик. Мартин Вангер. Клик. Клюшка для гольфа. Клик. Адвокат Нильс Бьюрман. Клик. Ни одну из этих деталей, ни один из этих эпизодов ей не удавалось забыть, как она ни старалась.

Теперь Саландер задумалась о том, сможет ли Бьюрман когда-нибудь раздеться перед женщиной и как он в таком случае объяснит ей происхождение татуировки у себя на животе. И удастся ли ему избежать раздевания при следующем визите к врачу?

Микаэль Блумквист. Клик.

Она считала его вполне достойным человеком; правда, порой он слишком вживался в роль Наф-Нафа, самого практичного из трех поросят. К сожалению, Микаэль отличался наивностью в некоторых элементарных вопросах морали. Он был натурой великодушной и всепрощающей, он пытался искать объяснения и психологические оправдания человеческим поступкам. И упорно не понимал, что все хищники во всех уголках планеты понимают только один язык. Думая о нем, Лисбет ощущала в душе некий дискомфорт, словно у нее включался инстинкт, который диктовал ей: его нужно защитить.

Она не помнила, как заснула; но когда проснулась на следующее утро в девять часов, у нее затекла шея, а голова упиралась в стену позади дивана. Тогда Лисбет перебралась в спальню и снова заснула.

Конечно, без сомнений, это был главный репортаж в их жизни. Эрика Бергер впервые за полтора года почувствовала себя счастливой, как может быть счастлив только редактор, который намерен взорвать окружающее информационное пространство настоящей бомбой. Они с Микаэлем как раз шлифовали текст, когда ему на мобильный позвонила Лисбет Саландер.

– Я забыла сказать, что Веннерстрём забеспокоился по поводу того,

что ты в последнее время пишешь, и заказал гранки следующего номера.

– А откуда ты знаешь… мда, ну ладно. А известно ли что-нибудь о том, как он намерен действовать?

– Ничего нет, но есть одна гипотеза, не лишенная логики.

Микаэль на несколько секунд замолчал.

– Типография! – воскликнул он.

Эрика вопросительно подняла брови.

– Если из редакции нет утечки информации, то остается не так уж много вариантов. Или кто-нибудь из его наемников собирается нанести вам ночной визит… – Микаэль обернулся к Эрике: – Мы будем печатать нынешний номер в новой типографии. Давай займемся этим прямо сейчас. И позвони Драгану Арманскому – я хочу, чтобы в ближайшую неделю у нас здесь дежурила ночная охрана. – Он вновь вернулся к разговору с Лисбет: – Спасибо, Салли.

– А сколько это стоит?

– Что ты имеешь в виду?

– Сколько стоит моя информация?

– А сколько ты хочешь?

– Это мы с тобой обсудим в кафе, за чашкой кофе. И давай побыстрее, ладно?

Они встретились в кафе-баре на Хурнсгатан. Саландер выглядела настолько озабоченной, что, усаживаясь рядом с ней на барный табурет, Микаэль почувствовал приступ беспокойства. Она, как обычно, перешла прямо к делу:

– Мне нужны деньги в долг.

Микаэль улыбнулся одной из своих самых наивных улыбок и потянулся за бумажником.

– Конечно. Сколько?

– Сто двадцать тысяч крон.

– Ух ты! – Он засунул бумажник обратно. – У меня нет с собой такой суммы.

– Я не шучу. Мне нужно сто двадцать тысяч крон… Скажем, на шесть недель. У меня появился шанс выгодно вложить капитал, но мне не к кому обратиться. А у тебя сейчас на счете около ста сорока тысяч. Я их тебе верну, не сомневайся.

Микаэль не стал комментировать тот факт, что Лисбет Саландер проникла в тайну его банковского вклада и выяснила, сколько у него денег на счете. Он пользовался услугами интернет-банкинга, так что выяснить

все это не составило ей никакого труда.

– Тебе не обязательно занимать у меня деньги, – ответил он. – Мы еще не обсудили твою долю, но она, конечно же, с лихвой покроет то, что ты пытаешься занять.

– Какую долю?

– Салли, мне предстоит получить от Хенрика Вангера неправдоподобно огромный гонорар, и к концу года мы рассчитаемся. Без тебя я был бы мертв, да и «Миллениум» пошел бы ко дну. Я собираюсь разделить гонорар с тобой. Пятьдесят на пятьдесят.

Лисбет Саландер внимательно посмотрела на него. На лбу у нее пролегла морщина. Микаэль уже стал привыкать к ее долгим паузам в разговоре. Наконец она покачала головой:

– Мне не нужны твои деньги.

– Но…

– Я не возьму от тебя ни единой кроны. – Она улыбнулась своей кривой улыбкой. – Если только они не поступят в виде подарка на мой день рождения.

– А я ведь так и не узнал, когда у тебя день рождения.

– Ты же журналист. Узнай.

– Саландер, я ведь серьезно говорю насчет того, что намерен поделиться с тобой деньгами.

– Я тоже говорю серьезно. Твои деньги мне не нужны. Я хочу одолжить сто двадцать тысяч. А вот они нужны мне завтра.

Микаэль Блумквист сидел молча.

«Надо же, ей попросту неинтересно, сколько ей причитается».

– Салли, я с удовольствием схожу с тобой в банк и одолжу тебе ту сумму, о которой ты просишь. Но в конце года мы вернемся к разговору о твоей доле. – Он поднял руку. – И все же, когда у тебя день рождения?

– В Вальпургиеву ночь, – ответила Лисбет. – Годится? Кстати, тогда я летаю верхом на метле.

Лисбет приземлилась в Цюрихе в половине восьмого вечера, взяла такси и поехала в отель «Маттерхорн». Она забронировала номер на имя некоей Ирене Нессер, владелицы норвежского паспорта. У Ирене Нессер были светлые волосы до плеч, и Лисбет пришлось в Стокгольме купить парик. Десять тысяч из занятых у Микаэля Блумквиста денег она потратила на то, чтобы приобрести два паспорта. Для этого она задействовала сомнительные контакты из международной сети Чумы.

Лисбет прибыла в гостиницу, сразу прошла к себе в номер, заперла

дверь и разделась. Затем легла на кровать и уставилась в потолок комнаты, стоившей тысячу шестьсот крон за ночь. Лисбет было не по себе. Она уже истратила половину суммы, одолженной у Микаэля Блумквиста, и, несмотря на прибавленные все до последней кроны собственные сбережения, ее бюджет был более чем скуден. Но долго думать она была не в силах и почти сразу заснула.

Проснулась девушка утром, в начале шестого. Для начала она приняла душ и потратила кучу времени на то, чтобы при помощи толстого слоя тонального крема и пудры скрыть татуировки на шее. Следующим номером ее программы значилось записаться на половину седьмого утра в салон красоты, помещавшийся в фойе другой, гораздо более дорогой гостиницы. Она купила еще один светлый парик, на этот раз с более длинными волосами и прической «паж». Потом ей сделали маникюр, приклеили накладные красные ногти поверх ее собственных обкусанных коготков, добавили накладные ресницы и пудру, наложили румяна, нанесли губную помаду и прочую липкую гадость. Стоимость услуги составляла примерно восемь тысяч крон.

Саландер расплатилась кредиткой на имя Моники Шоулс и для удостоверения своей личности представила английский паспорт на это имя.

Следующей остановкой был «Дом моды Камилла», расположенный в ста пятидесяти метрах ходьбы, на той же улице. Через час Лисбет вышла оттуда в черных сапогах, черных колготках, юбке песочного цвета с подобранной по тону блузкой, в короткой куртке и берете. Все вещи были фирменными и, стало быть, дорогими. Девушка полностью доверилась вкусу продавца. А еще она подобрала себе эксклюзивный кожаный портфель и маленькую дорожную сумку фирмы «Самсонайт». Все эти модные приколы увенчались приобретением скромных сережек и тонкой золотой цепочки. С ее кредитной карточки списали еще сорок четыре тысячи крон.

Впервые в жизни Лисбет Саландер обзавелась также бюстом, от которого, при взгляде на себя в зеркало на двери, у нее буквально перехватило дыхание. Какая разница, что бюст был такой же фальшивый, как и личность Моники Шоулс? Он был сделан из латекса, и Саландер купила его в Копенгагене, в магазине, куда обычно захаживают трансвеститы.

Теперь она могла начинать военные действия.

В начале десятого Лисбет прошла два квартала до старого доброго отеля «Циммерталь», где у нее был заказан номер на имя Моники Шоулс. Она дала сто крон чаевых мальчику, который доставил наверх новую сумку;

внутри ее находилась ее старая спортивная сумка. Люкс был небольшой и стоил всего двадцать две тысячи крон в сутки; Лисбет заказала его на одну ночь. Оставшись одна, она огляделась. Из окна открывался чарующий вид на Цюрихское озеро, который, впрочем, ее вовсе не интересовал. Зато в зеркале она разглядывала себя целых пять минут. Из рамы на нее смотрела совершенно чужая личность. Блондинка Моника Шоулс, девица с массивным бюстом и прической «паж», на лице у которой было больше косметики, чем Лисбет использовала за целый месяц. Словом, оригинал и копия разительно отличались.

В половине десятого Саландер наконец позавтракала в баре гостиницы – она выпила две чашки кофе и съела бейгл с джемом. Завтрак обошелся в двести десять крон.

«У них у всех тут крышу снесло…» – подумала она.

Около десяти часов Моника Шоулс поставила на стол кофейную чашку, вытащила свой мобильник и набрала номер модемного соединения на Гавайях. Через три гудка раздался сигнал подключения. Моника Шоулс набрала код из шести цифр и отправила сообщение с указанием запустить программу, специально для этого случая написанную Лисбет Саландер.

В Гонолулу, на анонимном сайте, размещенном на сервере, формально приписанном к университету, запустилась примитивная программа. Ее единственная функция состояла в том, чтобы активизировать запуск другой программы, на другом сервере, который являлся обычным коммерческим сайтом, предлагавшим интернет-услуги в Голландии. Эта третья программа, в свою очередь, должна была найти жесткий диск, являвшийся зеркальным отражением диска Ханса Эрика Веннерстрёма, и взять на себя управление четвертой программой, сообщавшей о содержимом его без малого трех тысяч банковских счетов по всему миру.

Лисбет интересовалась только одним счетом. Она отметила, что Веннерстрём просматривал его пару раз в неделю. Если бы он включил компьютер и открыл именно этот файл, все выглядело бы как обычно. Программа фиксировала малейшие изменения, связанные с корректировкой счета на протяжении предыдущих шести месяцев. Если бы Веннерстрём в течение ближайших сорока восьми часов подключился и распорядился о выплате или перемещении денег со счета, программа вежливо ответила бы, что все выполнено. На самом же деле изменение произошло бы только на отраженном жестком диске в Голландии.

Моника Шоулс отключила мобильный телефон в тот миг, когда услышала четыре коротких сигнала, подтверждавших, что программа

запустилась.

Затем она покинула отель «Циммерталь» и прогулялась через улицу до банка «Хаузер генерал», где у нее на 10.00 была назначена встреча с директором Вагнером. На месте она оказалась за три минуты до назначенного времени и использовала их для дефилирования перед камерой наблюдения, заснявшей ее, когда она проходила в отделение с офисами для конфиденциальных консультаций.

– Мне требуется помощь с несколькими трансакциями, – сказала Моника Шоулс на безупречном оксфордском английском.

Открывая портфель, она выронила ручку с логотипом отеля «Циммерталь», и директор Вагнер любезно подобрал ее. Англичанка одарила его игривой улыбкой и записала номер счета в блокнот, который лежал перед ней на столе.

Директор Вагнер, бросив на нее взгляд, решил, что она избалованный отпрыск какой-нибудь шишки.

– Речь о нескольких счетах в банке «Кроненфельд» на Каймановых островах. Автоматический трансферт по повторяющимся клиринговым кодам.

– Полагаю, фройляйн Шоулс, вы располагаете всеми этими клиринговыми кодами? – спросил он.

– Aber natürlich[108], – ответила она с сильным акцентом и тем самым продемонстрировала, что с немецким у нее дальше начального уровня не пошло.

Женщина называла шестнадцатизначные цифровые коды, не заглядывая ни в какие бумаги. Директор Вагнер понял, что ему придется изрядно потрудиться в первую половину дня, но ради четырех процентов от трансакций он был готов даже пропустить обед.

Это заняло больше времени, чем предполагалось. Только в начале первого, с некоторым отставанием от графика, Моника Шоулс вышла из банка и вернулась в отель «Циммерталь». Она показалась у стойки администратора, а потом поднялась к себе в номер и сняла обновки. Латексный бюст остался на месте, но прическу «паж» сменили светлые волосы до плеч, как у Ирене Нессер. Лисбет надела более привычную одежду: ботинки на супервысоком каблуке, черные брюки, свитер и красивую кожаную куртку из магазина «Малунгс боден» в Стокгольме. Потом осмотрела себя в зеркале. Она выглядела очень неплохо, но уже больше не походила на богатую наследницу. Перед тем как покинуть

номер, Ирене Нессер отобрала часть полученных облигаций и положила их в тонкую папку.

В пять минут второго, с опозданием на несколько минут, она вошла в банк «Дорфман», расположенный метрах в семидесяти от банка «Хаузер генерал». Ирене Нессер заранее договорилась о встрече с директором Хассельманом. Она попросила прощения за опоздание – на сей раз она говорила на безупречном немецком с норвежским акцентом.

– Никаких проблем, фройляйн, – ответил директор Хассельман. – Чем я могу вам помочь?

– Я хотела бы открыть счет. У меня есть некоторое количество личных облигаций, которые я хочу обратить в деньги.

Ирене Нессер положила перед ним папку. Директор Хассельман просмотрел ее содержимое, сначала бегло, потом подробнее. Затем поднял одну бровь и почтительно улыбнулся.

Саландер открыла пять номерных счетов, которыми могла распоряжаться через Интернет и которые принадлежали анонимной офшорной компании в Гибралтаре, – эту компанию за пятьдесят тысяч крон из денег, одолженных у Микаэля Блумквиста, основал там для нее местный брокер. Она превратила пятьдесят облигаций в деньги, которые разместила на счетах. Стоимость каждой облигации равнялась одному миллиону крон.

Лисбет застряла в банке «Дорфман» и совершенно выбилась из графика. Завершить все дела до окончания банковского дня ей уже не удалось бы. Поэтому Ирене Нессер вернулась в отель «Маттерхорн», где в течение часа постаралась показаться максимальному числу людей. Но поскольку у нее разболелась голова, ей пришлось рано отправиться спать. Она купила у стойки администратора таблетки от головной боли, попросила, чтобы ее разбудили в восемь утра, и вернулась к себе в номер.

Время приближалось к пяти часам, и все банки в Европе уже закрылись. Зато на американском континенте день только начинался. Лисбет включила свой компьютер и через мобильный телефон подключилась к Сети. На то, чтобы снять деньги со счетов, которые она чуть раньше в этот день открыла в банке «Дорфман», она потратила час.

Деньги делились на маленькие порции и использовались для оплаты счетов большого количества фиктивных предприятий, разбросанных по всему миру. Когда она закончила, деньги вернулись в банк «Кроненфельд» на Каймановых островах, но теперь уже не на те счета, с которых их сняли в этот же день, а совершенно на другой счет.

Ирене Нессер была уверена, что эта первая порция денег теперь

находится в безопасности и ее почти невозможно отследить. Она провела лишь одну операцию – около миллиона крон переместились на счет, привязанный к кредитной карточке, лежащей у нее в бумажнике. Этот счет принадлежал анонимной компании под названием «Уосп энтерпрайзис»[109], зарегистрированной в Гибралтаре.

Через несколько минут из боковой двери бара гостиницы «Маттерхорн» вышла блондинка с прической типа «паж». Моника Шоулс дошла до отеля «Циммерталь», кивнула портье и поднялась на лифте к себе в номер.

Затем она не спеша облачилась в боевую униформу Моники Шоулс, подправила макияж, покрыла татуировки дополнительным слоем тонального крема и спустилась в ресторан отеля, где поужинала вкуснейшей рыбой. Она заказала также бутылку вина, о котором раньше даже не слышала, какого-то года розлива и которое стоило тысячу двести крон, выпила где-то около бокала, беззаботно оставила остальное и переместилась в бар отеля. При этом оставила около пятисот крон чаевых, поэтому персонал просто не мог не обратить на нее внимания.

Целых три часа она упорно добивалась того, чтобы ее подцепил пьяный молодой итальянец с каким-то аристократическим именем, которое она даже не удосужилась запомнить. Они осушили две бутылки шампанского, из которых она выпила примерно бокал.

Около одиннадцати ее пьяный кавалер склонился и бесцеремонно сдавил ей грудь. Она благосклонно отнеслась к тому, что он скользнул рукой под стол. Похоже, итальянец даже и не почувствовал, что сжимал мягкий латекс. Временами они чересчур буянили, чем вызывали недовольство остальных посетителей. Когда почти в полночь Моника Шоулс заметила, что один из охранников начинает поглядывать на них с осуждением, она помогла своему итальянскому другу добраться до его номера.

Когда он отправился в ванную, она налила последний бокал красного вина и, развернув сложенный пакетик, бросила в вино раздавленную таблетку рогипнола. Через минуту после того, как они подняли бокалы, итальянец рухнул на кровать. Она развязала ему галстук, стянула с него ботинки и прикрыла его одеялом. Потом вымыла в ванной бокалы, вытерла их и покинула номер.

На следующее утро в шесть часов Моника Шоулс позавтракала у себя в номере, оставила солидные чаевые и выписалась из «Циммерталя» еще

до семи. Прежде чем покинуть номер, она уделила несколько минут мерам предосторожности – стерла свои отпечатки пальцев с дверных ручек, гардеробов, унитаза, телефонной трубки и других предметов, к которым прикасалась.

Сразу после того, как ее разбудили в половине девятого, Ирене Нессер выписалась из гостиницы «Маттерхорн». Она взяла такси и перевезла свои вещи в камеру хранения на железнодорожном вокзале. В последующие часы норвежка посетила девять частных банков, между которыми распределила часть облигаций с Каймановых островов. К трем часам дня примерно десять процентов облигаций были обналичены, а деньги она разместила на более чем тридцати номерных счетах. Оставшиеся облигации связала в пачку и сложила до лучших времен в банковский сейф.

Ей предстояло нанести еще несколько визитов в Цюрих, но с этим можно было не спешить.

В половине пятого дня Ирене Нессер приехала на такси в аэропорт, где в дамской комнате разрезала на мелкие кусочки паспорт и кредитку Моники Шоулс и спустила их в унитаз. Ножницы она выбросила в урну. После 11 сентября 2001 года не стоило привлекать к себе внимание багажом, в котором могли обнаружить острые предметы.

Ирене Нессер прилетела в Осло рейсом GD 890 авиакомпании «Люфтганза». Здесь она на автобусе доехала до центрального вокзала, снова зашла в дамскую комнату и сняла с себя одежду. Затем поместила все предметы, составлявшие образ Моники Шоулс – парик с прической «паж» и фирменную одежду, – в три пластиковых пакета и рассовала их по разным мусорным бакам и урнам возле вокзала. Пустую сумку фирмы «Самсонайт» она оставила в незапертой ячейке камеры хранения. Золотая цепочка и сережки были дизайнерскими украшениями и могли навести на ее след – они исчезли в канализационном люке.

Накладной латексный бюст после некоторых мучительных сомнений Ирене Нессер решила сохранить.

Она боялась опоздать и потому свой гамбургер в «Макдоналдсе» проглотила чуть ли не целиком. Параллельно она переложила содержимое эксклюзивного кожаного портфеля в свою спортивную сумку. Уходя, оставила портфель под столом. Купив в киоске кофе латте, она рванула к ночному поезду на Стокгольм и успела вскочить в него как раз в тот самый момент, когда закрывались двери. Здесь у нее было заранее забронировано отдельное купе.

Заперев дверь купе, Лисбет почувствовала, что впервые за двое суток

содержание адреналина у нее в крови снизилось до нормального уровня. Она распахнула окно и закурила сигарету, пренебрегая запретом, попутно по чуть-чуть отхлебывая кофе. Поезд тем временем выехал из Осло.

Лисбет прокрутила в голове свой контрольный список, чтобы убедиться, что она не упустила ни единой детали. Через минуту девушка нахмурила брови, пошарила в кармане куртки, извлекла оттуда ручку из отеля «Циммерталь», внимательно рассмотрела ее и выбросила в окно.

Через пятнадцать минут она забралась в постель и почти мгновенно заснула.

Эпилог
Аудиторское заключение
Четверг, 27 ноября – вторник, 30 декабря

В специальном номере «Миллениума» публиковались целых сорок шесть страниц материала о Хансе Эрике Веннерстрёме. Журнал вышел в свет в последнюю неделю ноября и произвел эффект разорвавшейся бомбы. Авторами заглавного текста номера значились Микаэль Блумквист и Эрика Бергер. В первые часы масс-медиа не знали, как им отнестись к этой сенсации. Год назад публикация аналогичного текста увенчалась тем, что Блумквиста приговорили за клевету к тюремному заключению и, судя по всему, уволили из «Миллениума». Тем самым он сильно подорвал к себе доверие. И вот теперь то же издание вновь печатает материал того же журналиста, содержащий значительно более серьезные обвинения, чем статья, за которую его осудили. Содержание статьи местами казалось настолько абсурдным, что противоречило элементарному здравому смыслу. Шведские СМИ находились в шоке и замерли в ожидании.

Но вечером «Та, с канала ТВ-4» начала программу новостей с одиннадцатиминутного обзора главных обвинений Микаэля Блумквиста в адрес Веннерстрёма. Несколькими днями раньше Эрика Бергер встретилась с ней за ланчем и, как особо доверенному лицу, выдала ей эксклюзивную информацию.

Канал ТВ-4 всегда состязался с новостными программами на государственных телеканалах, которые вышли в эфир только с девятичасовыми выпусками. Тогда и Шведское телеграфное агентство разослало первую новость с осторожным заголовком «Осужденный журналист обвиняет финансиста в особо тяжких преступлениях». Новость повторяла телевизионную информацию в сокращенном варианте, но уже сам факт, что Телеграфное агентство обратилось к этой теме, вызвал лихорадочную активность в консервативной утренней газете и дюжине региональных газет, которые спешили переверстать первую полосу, прежде чем включатся печатные станки. До этого момента эти газеты намеревались проигнорировать статью в «Миллениуме».

Либеральная утренняя газета прокомментировала сенсацию в передовице, написанной лично главным редактором. Вечером, когда в эфир вышли новости канала ТВ-4, главный редактор выступал в качестве гостя.

Он подверг сомнению версию секретаря редакции, который горячо убеждал его по телефону, что статья Блумквиста «не может быть голословной». При этом главный редактор произнес фразу, ставшую впоследствии классикой жанра: «Ерунда – наши экономические обозреватели уже давно бы все раскопали». В результате передовица либерального главного редактора оказалась единственным медиаголосом в стране, буквально разгромившим статью «Миллениума». Автор использовал такие клише, как «преследование личности, грязная криминальная журналистика», он требовал «принять меры против уголовно наказуемых высказываний в адрес достойных граждан». Правда, этим участие главного редактора в дебатах и закончилось.

Ночью редакция «Миллениума» была полна народа. Вначале предполагалось, что там останутся только Эрика Бергер и новый ответственный секретарь Малин Эрикссон, чтобы отвечать на звонки. Однако и в десять вечера все сотрудники по-прежнему находились на своих местах, к ним присоединились еще как минимум четверо прежних коллег и шесть фрилансеров. В полночь Кристер Мальм откупорил бутылку шампанского. Старый приятель из вечерней газеты прислал ему гранки номера, где делу Веннерстрёма посвящалось шестнадцать полос под рубрикой «Финансовая мафия». Когда на следующий день вышли вечерние газеты, средства массовой информации буквально взорвались.

Ответственный секретарь редакции Малин Эрикссон пришла к выводу, что не зря она пришла работать в «Миллениум».

Всю следующую неделю Шведскую биржу лихорадило – к делу подключилась финансовая полиция, подтянулись прокуроры, и развернулась паническая деятельность по продаже акций. Через два дня после разоблачений в прессе дело Веннерстрёма вышло на правительственный уровень, и в связи с этим министр экономики вынужден был разразиться своими комментариями.

Впрочем, этот бум не означал, что массмедиа безоговорочно восприняли разоблачения «Миллениума» – уж слишком серьезный выпад на сей раз позволил себе журнал. Но в отличие от первого дела Веннерстрёма, на сей раз «Миллениум» смог представить убедительные доказательства: и электронную почту самого Веннерстрёма, и копии файлов из его компьютера, включая балансовые отчеты по тайным банковским счетам на Каймановых островах и в двух дюжинах других стран, секретные соглашения и еще массу всякой всячины. Хранить все это на своем жестком диске было такой несусветной глупостью, что более

предусмотрительный преступник никогда в жизни не рискнул бы это сделать. Вскоре всем стало ясно, что если материалы «Миллениума» дойдут до апелляционного суда – а все сходились на том, что дело рано или поздно должно там оказаться, – то в финансовом мире Шведского королевства лопнет самый масштабный мыльный пузырь со времен краха Крёгера в 1932 году. На фоне дела Веннерстрёма совершенно потерялись скандальное банкротство «Готабанкен» и аферы инвестиционной компании «Трустор»[110]. Концерн Веннерстрёма продемонстрировал мошенничество таких масштабов, что никто даже не решился бы подсчитать, сколько отдельных нарушений закона было зафиксировано.

Впервые в шведской экономической журналистике употреблялись такие слова и выражения, как «систематическая преступная деятельность, мафия и диктат гангстеров». Веннерстрём и его ближайшие сподвижники – юные биржевые маклеры, акционеры и одевающиеся в брендовые костюмы от Армани адвокаты – описывались как самые тривиальные бандиты или наркодельцы.

В первые дни этого медиацунами Микаэль Блумквист держался в тени. Он не отвечал на письма и не откликался на телефонные звонки. Все редакционные комментарии давала Эрика Бергер, которая мурлыкала, как кошка, когда ее интервьюировали центральные шведские средства массовой информации и солидные региональные издания, а также возрастающее с каждым днем количество зарубежных. Всякий раз, отвечая на вопрос о том, как «Миллениуму» удалось завладеть всей этой, в высшей степени личной документацией, предназначенной сугубо для внутреннего пользования, она с загадочной улыбкой, выполнявшей роль дымовой завесы, отвечала: «Мы, разумеется, не намерены раскрывать свои источники».

Когда ее спрашивали, почему прошлогоднее разоблачение Веннерстрёма потерпело полное фиаско, она надевала маску оскорбленной невинности. Вообще-то Эрика никогда не лгала, но, возможно, не всегда выкладывала всю правду. Не для печати, когда у нее не держали микрофон перед носом, она отпустила несколько загадочных реплик, которые, если суммировать их, приводили к преждевременным выводам. В результате начал циркулировать слух, стремительно достигший колоссальных масштабов, согласно которому Микаэль Блумквист не стал защищаться в суде и добровольно выбрал тюремное наказание и крупный штраф, поскольку иначе его документация неизбежно привела бы к раскрытию источника. Его сравнивали со знаменитыми американскими журналистами,

предпочитавшими сесть в тюрьму, но сохранить в тайне источник информации, и описывали как героя в настолько лестных выражениях, что Блумквист не мог не смущаться. Однако опровергать эти недоразумения в данный момент не сто́ило.

В одном никто не сомневался: тот, кто выдал эту документацию журналистам, принадлежит к узкому кругу самых доверенных лиц Веннерстрёма. В результате в прессе вспыхнули бесконечные утомительные дебаты на тему того, кто же является анонимным источником информации – обиженные сотрудники или адвокаты. К возможным кандидатам причислялись даже наркозависимая дочь Веннерстрёма и другие члены семьи. И Микаэль Блумквист, и Эрика Бергер молчали как немые, неизменно воздерживаясь от комментариев на эту тему.

Эрика была счастлива. Она широко улыбнулась, поняв, что они победили, когда одна из вечерних газет на третий день медиаурагана напечатала статью под заголовком «Реванш «Миллениума». Статья на все лады восхваляла журнал и его сотрудников и к тому же была снабжена весьма удачной иллюстрацией – суперэффектной фотографией Эрики Бергер. Ее называли королевой журналистских расследований. Коллеги уже поговаривали о Большой журналистской премии.

Через пять дней после того, как «Миллениум» выпустил первый пушечный залп, на книжные прилавки поступила книга Микаэля Блумквиста «Банкир мафии». Он писал эту книгу, не отрываясь, целыми сутками во время пребывания в Сандхамне в сентябре и в октябре. А затем ее срочно и в строжайшей тайне набрали в типографии компании «Халлвингс реклам», в местечке Моргонгова. С ее выходом стартовало и совершенно новое издательство с собственным логотипом «Миллениум». Текст был снабжен загадочным посвящением: «Салли, которая убедила меня в преимуществах игры в гольф».

Это был кирпич карманного формата в шестьсот пятнадцать страниц. Маленький тираж книги – две тысячи экземпляров – фактически гарантировал убыточность издания, но уже через несколько дней тираж был распродан, и Эрика Бергер тут же заказала еще десять тысяч экземпляров.

Рецензенты констатировали, что на сей раз Микаэль Блумквист не поскупился на публикацию развернутых ссылок. И были совершенно правы. Две трети книги составляли приложения – копии файлов из компьютера Веннерстрёма. Одновременно с выходом книги «Миллениум»

выложил в Сеть на своем сайте файлы из компьютера Веннерстрёма в PDF-формате. Любой желающий мог скачать себе эти материалы для подробного изучения.

Непривычная отстраненность Микаэля Блумквиста была частью разработанной им и Эрикой медиастратегии. За ним охотились все шведские издания. Сразу после выхода в свет книги Микаэль дал эксклюзивное интервью «Той, с канала ТВ-4», и потому ей еще раз удалось обскакать государственные телеканалы. Но интервью не было дружеской беседой, и ему приходилось отвечать на довольно въедливые и иногда нелицеприятные вопросы.

Потом, когда Микаэль просматривал видеозапись своего выступления, ему понравился обмен репликами. Интервью шло в прямом эфире в тот момент, когда Стокгольмскую биржу лихорадило и акции совершали головокружительное падение, а юные маклеры, еще совсем недавно успешные, намеревались выброситься из окон. Его спросили, как быть с ответственностью «Миллениума» за то, что экономика Швеции оказалась на грани катастрофы.

– Утверждение о том, что экономика Швеции находится на грани катастрофы, абсурд, – молниеносно ответил Микаэль.

«Та, с канала ТВ-4» выглядела растерянной. Такого ответа она не ожидала, и ей пришлось импровизировать. Так что Микаэлю задали тот самый вопрос, на который он рассчитывал:

– Но ведь шведская биржа сейчас переживает крупнейший обвал в истории – и вы считаете это абсурдом?

– Нужно разделить два феномена: шведскую экономику и шведский биржевой рынок. Шведская экономика – это совокупность всех товаров и услуг, которые ежедневно производятся в стране. Это телефоны «Эрикссон», автомобили «Вольво», цыплята фирмы «Скан» и транспортировка от Кируны до Шёвде. Все это – шведская экономика, и она так же сильна или слаба, как неделю назад.

Блумквист выдержал театральную паузу и отпил глоток воды.

– Биржа же – нечто совершенно другое. Там нет никакой экономики и производства товаров и услуг. Там есть только абстрактные представления, там за один час можно уценить или вздуть цену той или иной корпорации – на несколько миллиардов меньше или больше. Все это не имеет никакого отношения к реальности или к шведской экономике.

– Значит, вы считаете, что резкое падение акций на бирже не играет никакой роли?

– Конечно, не играет, – ответил Микаэль усталым и подавленным

голосом оракула.

Эту его реплику весь ближайший год будут многократно цитировать.

Он продолжил:

– Это означает лишь, что множество крупных спекулянтов сейчас перекинут свои пакеты акций из шведских предприятий в немецкие. Следовательно, задача дерзких журналистов – идентифицировать личности этих финансовых воротил и заклеймить их государственными изменниками. Они систематически – и, возможно, сознательно – наносят ущерб шведской экономике во имя удовлетворения корыстных интересов – своих и своих клиентов.

Затем «Та, с канала ТВ-4» совершила роковую ошибку, задав именно тот вопрос, на который рассчитывал Микаэль.

– Значит, вы полагаете, что СМИ не несут никакой ответственности за происходящее?

– Нет, СМИ как раз в высшей степени ответственны. В течение как минимум двадцати лет большинство экономических обозревателей не уделяли деятельности Ханса Эрика Веннерстрёма никакого внимания. Напротив, они всячески благоволили ему, способствовали его престижу, творили из него кумира. Если бы они в последние двадцать лет честно выполняли свою работу, мы сегодня не пришли бы к тому, к чему пришли.

Это выступление Микаэля переломило весь ход событий. Потом Эрика Бергер уже не сомневалась: именно после того, как Микаэль так уверенно выступил по телевидению в защиту своих убеждений, шведские массмедиа признали, что материал содержит факты и только факты. И хотя до этого «Миллениум» уже неделю удерживал первенство во всех рейтингах прессы, именно благодаря выступлению Микаэля эта история фактически обрела общенациональный и даже международный масштаб.

После его интервью дело Веннерстрёма как-то плавно переместилось от экономических обозревателей под крыло к редакторам криминальных колонок. Таким образом, редакции газет и журналов открыли для себя новые горизонты. Раньше репортеры-криминалисты очень редко писали об экономических преступлениях, разве что только о русской мафии или о югославских сигаретных контрабандистах. От них не ждали расследований о запутанных биржевых махинациях. Одна из вечерних газет даже прислушалась к пророчеству Микаэля Блумквиста и поместила на два разворота портреты нескольких крупнейших биржевых брокеров, которые как раз азартно скупали немецкие ценные бумаги, под общим заголовком: «Они распродают свою страну». Многим героям публикаций предложили

прокомментировать высказанные утверждения, и все отказались это сделать. Однако торговля акциями в тот день значительно сократилась, а несколько маклеров, пожелавших предстать прогрессивными патриотами, даже пошли против течения. Микаэль Блумквист торжествовал.

Давление усиливалось, и серьезные мужчины в темных костюмах, озабоченно наморщив лбы и нарушив важнейшее правило столь закрытого сообщества, как узкий круг шведских финансистов, решили высказаться о своем коллеге. Внезапно на экране телевизора появились вышедшие на пенсию экс-директора корпорации «Вольво», главы ведущих предприятий и банков, которые отвечали на вопросы, стараясь предотвратить тяжелые последствия. Все понимали, что ситуация зашла слишком далеко и необходимо немедленно дистанцироваться от «Веннерстрём груп» и распродать их акции. Веннерстрём, как утверждали они почти в один голос, все-таки был не настоящим промышленником, они никогда не считали его по-настоящему членом своего «клуба». Кто-то даже припомнил, что он, в сущности, заурядный работяга из Норрланда, который, возможно, просто не выдержал испытания богатством и успехом. Кто-то описывал его линию поведения как «личную трагедию». Другие признавались, что уже очень давно не слишком-то симпатизируют Веннерстрёму – он чересчур хвастливый и неотесанный мужлан.

На протяжении следующих недель, после того, как все ознакомились с публикациями «Миллениума» и связали все звенья в единую цепь, империю Веннерстрёма с ее сомнительными компаниями стали сравнивать с центром международной мафии, который не пренебрегал ничем – ни нелегальной торговлей оружием, ни отмыванием денег от южноамериканской торговли наркотиками, ни проституцией в Нью-Йорке, ни даже сексуальной эксплуатацией детей в Мексике.

Одна из компаний Веннерстрёма, зарегистрированная на Кипре, буквально взорвала все информационное пространство, когда обнаружилось, что она пыталась на черном рынке Украины закупить обогащенный уран. Из разных уголков необъятной империи Веннерстрёма повсюду стали всплывать разные офшорные компании с крайне сомнительной репутацией.

Эрика Бергер считала, что книга о Веннерстрёме – лучшее из всего написанного Микаэлем. Правда, она отличалась стилистической чересполосицей и языковой шероховатостью – на правку просто не хватило времени. Но, как автор, Микаэль отплатил сполна всем своим оппонентам за старые обиды. Так что читатели не могли не проникнуться его мощным пафосом.

Микаэль Блумквист совершенно случайно столкнулся со своим давним антагонистом – бывшим экономическим обозревателем Уильямом Боргом. Они встретились перед входом в бар «Мельница», куда Микаэль, Эрика Бергер и Кристер Мальм направлялись вечером в День святой Люсии, чтобы вместе с остальными сотрудниками «Миллениума» вдрызг напиться за корпоративный счет журнала. Борг находился в компании пьяной в стельку барышни возраста Лисбет Саландер.

Микаэль притормозил. Уильям Борг всегда вызывал у него антипатию, и ему пришлось сдерживаться, чтобы не ляпнуть что-нибудь лишнее или не натворить что-нибудь непристойное. Поэтому они с Боргом стояли, молча уставившись друг на друга.

Ненависть Микаэля к Боргу настолько бросалась в глаза, что вернувшаяся Эрика прервала разборки этих настоящих мачо. Она взяла Блумквиста под руку и увела в бар.

А Микаэль решил при случае попросить Лисбет Саландер заняться изучением досье на Борга. В свойственной ей деликатной манере. Просто так, ради проформы.

А главный герой драмы, финансист Ханс Эрик Веннерстрём, почти никак себя не проявлял во время этого медиацунами. В тот самый день, когда «Миллениум» опубликовал свой суперхит, финансист прокомментировал его на заранее назначенном брифинге, посвященном совершенно другому вопросу. Веннерстрём заявил, что обвинения абсолютно беспочвенны, а опубликованные документы являются фальсификацией. Он напомнил о том, что тот же журналист годом раньше уже был осужден за клевету.

Позже на вопросы средств массовой информации отвечали уже только адвокаты Веннерстрёма. Через два дня после выхода книги Микаэля Блумквиста начали циркулировать упорные слухи о том, что Веннерстрём покинул Швецию. В заголовках вечерних газет использовалось слово «бегство». Когда через неделю финансовая полиция официально попыталась вступить с ним в контакт, выяснилось, что в пределах страны его нет. В середине декабря полиция подтвердила, что разыскивает Веннерстрёма, а за день до Нового года его формально объявили в розыск через международные полицейские организации. В тот же день в аэропорту Арланда схватили ближайшего советника Веннерстрёма, когда тот собирался сесть на самолет, улетающий в Лондон.

Через несколько недель один шведский турист сообщил, что видел, как

Ханс Эрик Веннерстрём садился в машину в Бриджтауне, столице Барбадоса, в Вест-Индии. В качестве доказательства он предъявил фотографию, снятую с относительно дальнего расстояния, на которой был запечатлен белый мужчина в темных очках, белой расстегнутой рубашке и светлых брюках. Точно опознать мужчину не представлялось возможным, однако вечерние газеты отправили репортеров, чтобы те попытались разыскать Веннерстрёма среди Карибских островов. Но эта затея успехом не увенчалась.

Это была первая в длинном ряду наводок на беглого миллиардера.

Через шесть месяцев полиция прекратила поиски. И тут Ханса Эрика Веннерстрёма обнаружили мертвым в квартире в Марбелье, в Испании, где он проживал под именем Виктора Флеминга. Его убили тремя выстрелами в голову с близкого расстояния. Испанская полиция разрабатывала версию о том, что он застал у себя в квартире вора, и тот его застрелил.

Вот уж для кого смерть Веннерстрёма не стала неожиданностью, так это для Лисбет Саландер. Она имела веские причины подозревать: его гибель связана с тем, что он лишился доступа к деньгам в конкретном банке на Каймановых островах, а деньги ему требовались для того, чтобы оплатить некоторые колумбийские долги.

Если бы кому-нибудь взбрело в голову обратиться к Лисбет Саландер за помощью в поисках Веннерстрёма, то она могла бы составить ежедневную карту его передвижений. Она следила через Интернет за его отчаянным бегством через дюжину стран, и по его электронной почте, как только он где-нибудь подключал к сети свой лэптоп, догадывалась об охватившей его панике. Но даже Микаэль Блумквист не мог себе представить степень идиотизма беглого экс-миллиардера. И как это ему хватило ума таскать за собой тот же компьютер, в который так обстоятельно внедрились?

Через полгода Лисбет надоело следить за Веннерстрёмом. Это обуславливалось тем, что сама она была не очень заинтересована в этом деле. Веннерстрём, безусловно, являлся крупномасштабным подонком, но не был ее личным врагом, так что разбираться с ним Саландер не намеревалась. Она могла бы навести на его след Микаэля Блумквиста, который, вероятно, опубликовал бы какую-нибудь очередную статью. Она могла бы помочь полиции выследить его, но вероятность того, что Веннерстрёма предупредят и он успеет скрыться, была достаточно велика. Кроме того, Лисбет принципиально не общалась с полицией.

Однако у Веннерстрёма имелись еще кое-какие невыплаченные долги.

Она вспомнила о беременной двадцатидвухлетней официантке, которую топили в ее собственной ванне.

За четыре дня до того, как беглеца обнаружили мертвым, Лисбет, решившись, открыла мобильный телефон и позвонила в Майами, во Флориду – адвокату, который, похоже, принадлежал как раз к тому клану, от которого Веннерстрём так упорно скрывался. Она поговорила с секретаршей и попросила ее передать загадочное сообщение: имя Веннерстрём и его адрес в Марбелье. И все.

Услышав сообщения о трагической гибели Веннерстрёма, Лисбет выключила телевизор, поставила кофе и сделала бутерброд с печеночным паштетом и огурцом.

Эрику Бергер и Кристера Мальма поглотили ежегодные рождественские хлопоты. А Микаэль сидел в кресле Эрики, пил глинтвейн и наблюдал за ними. Все сотрудники и большинство постоянных авторов всегда получали по подарку – в этом году им предназначалось по сумке на ремне с логотипом «Миллениума». Запаковав подарки, они уселись писать и штамповать около двух сотен рождественских открыток: сотрудникам типографии, фотографам и коллегам-журналистам.

Микаэль долго пытался удержаться от соблазна, но под конец не смог удержаться. Он взял последнюю открытку и написал: «Светлого Рождества и счастливого Нового года! Спасибо за неоценимую помощь в прошедшем году».

Он подписался своим именем и адресовал открытку Янне Дальману, в редакцию «Финансмагасинет монополь».

Придя вечером домой, Микаэль обнаружил извещение о пришедшей бандероли. На следующее утро он получил рождественский подарок и вскрыл его, когда пришел в редакцию. В пакете оказалось средство от комаров и маленькая бутылка тминной водки «Реймерсхольм». Микаэль развернул открытку и прочел текст: «Если у тебя нет других планов, то я собираюсь причалить к Аркхольму в день летнего солнцестояния». Внизу стояла подпись его бывшего школьного приятеля Роберта Линдберга.

По традиции редакция «Миллениума» закрывалась за неделю до Рождества и приступала к работе только после Нового года. Но в этом году пришлось отступить от привычного графика. Их крошечная редакция вызвала колоссальный интерес, и им все еще продолжали ежедневно звонить журналисты со всех концов мира.

Накануне Сочельника Микаэль Блумквист случайно наткнулся на

статью в «Файнэншл таймс», в которой суммировались усилия наскоро созданной международной банковской комиссии по изучению империи Веннерстрёма. Как сообщали авторы статьи, комиссия остановилась на версии о том, что Веннерстрёма, вероятно, в последний момент каким-то образом предупредили о предстоящем разоблачении.

Дело в том, что деньги с его счетов в банке «Кроненфельд» на Каймановых островах на общую сумму в двести шестьдесят миллионов американских долларов – или около двух миллиардов шведских крон – исчезли за день до публикации «Миллениума».

Деньги находились на разных счетах, и распоряжаться ими мог только сам Веннерстрём. Для того чтобы перевести их в любой другой банк мира, ему не нужно было лично являться в банк – достаточно сообщить серию клиринговых кодов. Деньги были переведены в Швейцарию, где некая сотрудница обратила всю сумму в анонимные личные облигации. Все клиринговые коды оказались в порядке.

Европол объявил в международный розыск эту незнакомку, которая использовала украденный английский паспорт на имя Моники Шоулс и, как сообщалось, заказала себе роскошный номер в одной из самых дорогих гостиниц Цюриха. Относительно четкий снимок, сделанный камерой наблюдения, запечатлел невысокую блондинку со стрижкой «паж», широким ртом, весьма массивным бюстом, в эксклюзивной брендовой одежде и с золотыми украшениями.

Микаэль Блумквист рассматривал снимок – сначала рассеянно, а потом очень и очень внимательно. Что-то насторожило его. Через несколько секунд он потянулся за лежавшей в ящике письменного стола лупой и попытался различить в снимке газетного качества детали и черты лица.

В конце концов Блумквист отложил газету и сидел несколько минут, утратив дар речи. А затем начал так истерически хохотать, что Кристер Мальм сунул голову в его кабинет и поинтересовался, не случилось ли чего. Микаэль махнул рукой, показывая, что все в порядке.

В Сочельник Блумквист в первой половине дня поехал в Ошту навестить бывшую жену и дочь Перниллу и обменяться с ними подарками. Пернилле он, как та и хотела, вручил компьютер, который купил вместе с Моникой. Бывшая подарила ему галстук, а дочь – детектив Оке Эдвардсона. В отличие от прошлого Рождества все пребывали в приподнятом настроении по поводу захватывающей интриги, разыгравшейся в массмедиа вокруг «Миллениума».

Когда они все вместе сели обедать, Микаэль покосился на Перниллу. Они с дочерью не встречались со времени ее внезапного визита в Хедестад. Он вдруг сообразил, что так и не обсудил с бывшей женой пристрастие дочери к секте из Шеллефтео, приверженной Библии. Поделиться тем, что библейские познания дочери очень помогли ему в расследовании истории с исчезновением Харриет Вангер, Блумквист тоже не мог. А ведь он с тех пор ни разу даже не общался с дочерью… Микаэль почувствовал угрызения совести. Он плохой отец.

После обеда он поцеловал дочь и попрощался с ней.

Блумквист встретил Лисбет Саландер у Шлюза, а затем отправился с ней в Сандхамн. Они почти не виделись с того момента, как взорвалась подброшенная «Миллениумом» бомба. На место они прибыли уже поздним вечером и остались в Сандхамне на все рождественские праздники.

В обществе Микаэля Лисбет, как всегда, чувствовала себя очень хорошо. Правда, ей показалось, что он как-то по-особенному взглянул на нее, когда она возвращала ему чек на сто двадцать тысяч крон. Ей стало не по себе, но Блумквист ничего не сказал.

Они прогулялись до курортного местечка Трувилль и обратно (хотя Лисбет и считала этот променад пустой тратой времени), съели рождественский ужин в местной гостинице и удалились в домик Микаэля, где разожгли огонь в стеатитовой печке, поставили диск с Элвисом и тихо-мирно занялись сексом. Время от времени Лисбет пыталась взять себя в руки и разобраться в своих чувствах.

Как любовник, Микаэль ее вполне удовлетворял. В постели у них складывались гармоничные отношения. Они вполне подходили друг другу физически, к тому же он никогда не пытался ее дрессировать.

Но одна проблема все-таки возникла, и заключалась она в том, что Лисбет не могла признаться Микаэлю в своих чувствах. Еще с отрочества она никогда и никого не подпускала к себе так близко, как подпустила Микаэля Блумквиста. А он обладал какими-то особыми данными – и мог прорываться через ее защитные механизмы и заставлял ее говорить о личных делах и чувствах. Несмотря на то что Лисбет в порядке самообороны игнорировала большинство его вопросов, все равно она рассказывала ему о себе столько, сколько даже под угрозой смерти не стала бы рассказывать никому другому. Это пугало ее и заставляло чувствовать себя обнаженной; она словно полностью находилась в его власти.

В то же время, глядя на спящего Микаэля и прислушиваясь к его храпу, девушка понимала, что никогда и никому прежде так безоговорочно

не доверяла. Она даже не сомневалась в том, что Микаэль Блумквист никогда не использует свои знания о ней, чтобы причинить ей вред. Это было не в его натуре.

Единственное, что они никогда не обсуждали, так это свои отношения. Она не решалась, а Микаэль просто не затрагивал эту тему.

Как-то утром, на второй день Рождества, Лисбет обнаружила, что произошла катастрофа. Она совершенно не понимала, как это случилось и как ей теперь с этим быть. Впервые за свои двадцать пять лет она влюбилась.

То, что Микаэль был почти вдвое старше, ее не тяготило. А также и то, что сейчас он стал самой обсуждаемой персоной в Швеции и его портрет красовался даже на обложке журнала «Ньюсуик». Это всего лишь мишура. Но Микаэль Блумквист – не какая-нибудь эротическая фантазия или видение. Вся эта идиллия обязательно закончится, а как иначе? Зачем она ему? Возможно, он просто проводит с ней время в ожидании кого-нибудь еще, какой-нибудь более респектабельной особы.

Единственное, что поняла Лисбет: любовь – это мгновение, когда сердце готово разорваться.

Когда Микаэль проснулся, ближе к полудню, Саландер уже сварила кофе и накрыла на стол. Он сразу заметил: что-то в ее поведении изменилось – девушка держалась более сдержанно. Когда он спросил, не случилось ли чего-нибудь, она посмотрела на него чужим непонимающим взглядом.

Сразу после Рождества Микаэль Блумквист отправился на поезде в Хедестад. Его встретил Дирк Фруде. На журналисте была теплая одежда и солидные зимние ботинки. Адвокат поздравил его с журналистскими успехами. Впервые с августа Микаэль приехал в Хедестад – и оказался там почти в то же время, что и год назад, во время своего первого визита. Они пожали друг другу руки и вполне по-дружески беседовали, но многое оставалось невысказанным, и Микаэлю стало немного не по себе.

Все были готовы к приезду Микаэля, и деловая часть встречи дома у Дирка Фруде длилась всего несколько минут. Адвокат предложил перевести деньги на удобный Микаэлю счет за границей, но тот настоял на том, чтобы гонорар был выплачен легально, с уплатой всех налогов, на счет его предприятия.

– Я не могу позволить себе никакой другой формы оплаты, – коротко объяснил он, когда Фруде удивился.

Впрочем, его визит был продиктован не только экономическими

интересами. Когда Микаэль с Лисбет поспешно покидали Хедебю, он оставил в гостевом домике одежду, книги и кое-что из личных вещей.

Хенрик Вангер до конца еще не оправился после инфаркта, хотя и перебрался из больницы домой. При нем по-прежнему находилась нанятая персональная сиделка, которая запрещала ему совершать длительные прогулки, подниматься по лестницам и обсуждать вопросы, которые могли бы его разволновать. Как раз в эти дни он немного простудился, и ему тут же был предписан постельный режим.

– Она к тому же мне недешево обходится, – пожаловался Хенрик на свою опекуншу.

Микаэль остался равнодушен к этому пассажу – он считал, что старик вполне справится с такими расходами, особенно с учетом того, сколько он за свою жизнь сэкономил денег на неуплате налогов. Хенрик Вангер недоверчиво оглядел его, но потом засмеялся:

– Черт побери! А ведь ты отработал свой гонорар, до последней кроны. Я так и знал.

– Честно говоря, я не верил, что смогу разгадать эту загадку.

– Я не собираюсь тебя благодарить, – сказал Хенрик Вангер.

– А я этого и не жду, – ответил Микаэль.

– Тебе очень прилично заплатили.

– Я не жалуюсь.

– Ты выполнял работу по моему заданию, и оплата является уже вполне весомой благодарностью.

– Я пришел сюда только для того, чтобы сказать, что считаю работу законченной.

Хенрик Вангер скривил губы.

– Ты еще не завершил работу, – сказал он.

– Я знаю.

– Ты еще не написал хронику семьи Вангер, как мы договаривались.

– Я знаю. Но я не буду ее писать.

Они немного помолчали, размышляя над тем, какой пункт контракта они нарушили. Потом Микаэль продолжил:

– Я не могу написать эту историю. Я не могу рассказать о клане Вангеров, умышленно исключив основную линию последних десятилетий: о Харриет, о ее отце и брате и об убийствах. Как бы я мог написать главу о том времени, когда Мартин занимал пост генерального директора, и при этом притворяться, что ничего не знаю о том, что происходило в его подвале? К тому же, если я напишу эту историю, то можете себе

представить, во что опять превратится жизнь Харриет…

– Я понимаю, какая перед тобою стои́т дилемма, и благодарен тебе за этот твой выбор.

– Значит, я свободен и могу уже не писать хронику вашей семьи?

Хенрик Вангер кивнул.

– Поздравляю. Вам удалось меня подкупить. Я уничтожу все заметки и магнитофонные записи наших бесед.

– Честно говоря, я не считаю, что ты продался, – сказал Хенрик Вангер.

– А я воспринимаю это именно так. И, скорее всего, вероятно, так оно и есть.

– Тебе пришлось выбирать между долгом журналиста и долгом друга. Я практически уверен в том, что не смог бы купить твое молчание, и ты предпочел бы исполнить долг журналиста и выставил бы нас напоказ, если бы не хотел уберечь Харриет или считал бы меня негодяем.

Микаэль промолчал. Хенрик посмотрел на него:

– Мы посвятили в эту историю Сесилию. Нас с Дирком Фруде скоро не станет, и Харриет потребуется поддержка кого-нибудь из членов семьи. Сесилия подключится и будет активно участвовать в работе правления. В перспективе они с Харриет возьмут на себя руководство концерном.

– Как она это восприняла?

– Для нее это, естественно, стало шоком. Сесилия сразу уехала за границу. Одно время я даже боялся, что она не вернется.

– Но она вернулась.

– Мартин был одним из немногих членов семьи, с кем Сесилия всегда ладила. Она очень тяжело все восприняла, когда узнала о нем правду. Теперь Сесилии также известно о том, что ты сделал для нашей семьи.

Блумквист пожал плечами.

– Спасибо, Микаэль, – сказал Хенрик Вангер.

Журналист снова пожал плечами.

– Помимо всего прочего, я был бы не в силах написать эту историю, – сказал он. – Семейство Вангеров стоит у меня поперек горла.

Они немного помолчали, а потом Микаэль сменил тему:

– Как вы чувствуете себя сейчас, спустя двадцать пять лет, когда снова стали генеральным директором?

– Это временный компромисс… Но я бы предпочел быть помоложе. Сейчас я работаю лишь по три часа в день. Все заседания проходят в этой комнате, и Дирк Фруде опять стал моей торпедой. Ведь всегда приходится преодолевать чье-нибудь сопротивление.

– Ну уж вы-то дадите фору юниорам! Я не сразу понял, что Фруде – не просто скромный экономический советник, но еще и самое доверенное лицо, и он решает за вас многие проблемы.

– Вот именно. Правда, теперь все решения принимаются совместно с Харриет, и на нее возложена основная нагрузка в офисе.

– Как у нее дела? – спросил Микаэль.

– Она унаследовала доли брата и матери. Вместе с ней мы контролируем около тридцати трех процентов концерна.

– Этого достаточно?

– Не знаю. Биргер сопротивляется и всячески ее тормозит. Александр вдруг прозрел, что у него появилась возможность выйти из тени, и объединился с Биргером. У моего брата Харальда рак, и он долго не протянет. Он единственный, у кого остался крупный пакет акций – семь процентов, – который унаследуют его дети. Сесилия и Анита объединятся с Харриет.

– И тогда под вашим контролем окажется более сорока процентов.

– Такого блокирующего пакета акций в нашей семье еще никогда не было. К тому же на нашей стороне окажутся миноритарные акционеры – держатели одного или двух процентов. А в феврале Харриет сменит меня на посту генерального директора.

– Не уверен, что это назначение сделает ее счастливой.

– Я понимаю. Но никуда не деться. Нам нужны новые партнеры и приток свежей крови. Мы также сможем сотрудничать с ее концерном в Австралии. Существуют разные варианты.

– А где сейчас Харриет?

– Тебе не повезло – она в Лондоне. Но очень хотела бы с тобой повидаться.

– Я встречусь с нею на заседании правления в январе, если она приедет вместо вас.

– Буду рад.

– Передайте ей, что я никогда не буду обсуждать события шестидесятых годов ни с кем, кроме Эрики Бергер.

– Я это знаю, и Харриет тоже. Тебе знаком кодекс чести.

– Однако передайте ей, что вся ее деятельность, начиная с этого момента, уже сможет попасть в журнал, если она не будет вести себя достойно. Щадить концерн «Вангер» никто не собирается.

– Я ее предупрежу.

Микаэль покинул Хенрика, когда старика постепенно начало клонить в сон. Он упаковал свои вещи в две сумки. Закрывая в последний раз дверь

гостевого домика, немного постоял в нерешительности, а потом все-таки решил зайти к Сесилии Вангер.

Ее не оказалось дома. Микаэль достал фонарик, вырвал страничку из блокнота и написал:

Прости меня. Желаю тебе всего хорошего.

Записку, вместе со своей визитной карточкой, он опустил в почтовый ящик.

Дом Мартина Вангера стоял пустым, только в окне кухни горела одинокая лампочка.

Вечерним поездом Микаэль уехал обратно в Стокгольм.

В дни между Рождеством и Новым годом Лисбет Саландер полностью изолировалась от внешнего мира. Она не отвечала на телефонные звонки и не подходила к компьютеру. Два дня она посвятила стирке вещей и уборке квартиры. Связала и выбросила годовой давности упаковки из-под пиццы и старые газеты; в общей сложности было вынесено шесть черных мешков с мусором и около двадцати бумажных пакетов с газетами. Лисбет словно решила начать новую жизнь. Она собиралась даже купить новую квартиру – когда найдет что-нибудь подходящее, – а до тех пор ее старый дом будет сверкать чистотой так, как никогда прежде.

После этого Саландер долго сидела словно без движения, погрузившись в размышления. Никогда раньше она не испытывала такой тоски. Ей хотелось, чтобы Микаэль Блумквист позвонил в дверь… И что же дальше? Схватил бы ее и поднял на руки? Ослепленный от желания, затащил бы ее в спальню и сорвал с нее одежду? Нет, на самом деле ей хотелось просто находиться рядом с ним. Она хотела бы услышать от него, что нравится ему такой, какая она есть. Что занимает особое место в его мире и в его жизни. Ей хотелось, чтобы он как-то продемонстрировал ей свою любовь, а не только дружбу и товарищеское отношение.

«Я сбрендила», – подумала она.

Лисбет сомневалась в самой себе. Микаэль Блумквист обитал в мире, населенном людьми с респектабельными профессиями, у них была налаженная жизнь и множество самых разных привилегий. Те, с кем он общался, занимались важными делами, выступали по телевидению и становились героями газетных колонок.

«Зачем я тебе нужна?»

Больше всего на свете – настолько, что это доходило до степени

фобии, – Лисбет Саландер боялась того, что люди посмеются над ее чувствами.

И все же обретенное такой большой ценой чувство собственного достоинства, казалось, внезапно куда-то отступило. Наконец-то она решилась. Потребовалось много часов, чтобы мобилизовать все свое мужество, но ей было просто необходимо встретиться с ним и поведать о своих чувствах.

Все остальное казалось невыносимым.

Однако требовался предлог, чтобы позвонить ему в дверь. Лисбет не подарила ему рождественского подарка, но знала, что именно ей следовало купить. В одной из лавок она видела серию металлических рекламных вывесок 1950-х годов с рельефными фигурами. И одна из фигурок изображала Элвиса Пресли с гитарой на бедре и текстом песни «Отель разбитых сердец». Лисбет ничего не смыслила в интерьерах, но даже ей было ясно, что эта вывеска прекрасно подойдет для домика в Сандхамне. Она стоила семьсот восемьдесят крон, но Саландер из принципа доторговалась до семисот. Затем попросила завернуть покупку, взяла ее под мышку и направилась к знакомому дому на Бельмансгатан.

На Хурнсгатан она случайно бросила взгляд в сторону кафе-бара и вдруг увидела, как из него выскочил Микаэль, который тащил за собой Эрику Бергер. Он что-то сказал, Эрика засмеялась, обняла его за талию и поцеловала в щеку. Они шли вдоль Бреннчюркагатан, а потом исчезли в направлении Бельмансгатан. Их движения и жесты не оставляли места для сомнений – сразу становилось совершенно очевидно, что они очень близки друг другу.

Лисбет сразила боль, внезапная и невыносимая, она резко остановилась, не в силах даже пошевелиться. На секунду ей даже захотелось рвануться в погоню. Она схватила бы железную вывеску и острым краем рассекла бы череп Эрике Бергер. Лисбет застыла на месте и задумалась: в ее голове проносились разные мысли.

«Анализ последствий».

В конце концов девушка взяла себя в руки.

– Саландер, ты просто форменная дебилка, – сказала она вслух самой себе.

Затем развернулась и отправилась домой, в свою только что убранную квартиру.

Когда она проходила мимо квартала Синкенсдамм, повалил снег. Лисбет бросила Элвиса в мусорный контейнер.

---

notes

Сноски

1

Сильян – кратерное озеро в шведском лене Даларна, живописное и популярное место отдыха.

2

Снег пустыни (*англ.*).

3

Сформировавшаяся около 680 миллионов лет назад в Австралии массивная оранжево-коричневая скала овальной формы.

4

Административный центр округа Эскамбиа, самого западного в штате Флорида.

5

Названия ведущих шведских газет.

6

Калле Анка – шведский вариант диснеевского мультперсонажа, утенка Дональда Дака.

7

«АК-4» – автоматическая штурмовая винтовка, лицензионный вариант немецкой HK G3, стоявшая на вооружении шведской армии с 1960-х гг.

8

Герой книги Астрид Линдгрен «Приключения Калле Блумквиста» – мальчик Калле, мечтавший стать сыщиком.

9

Компании, занимающиеся бизнесом в Интернете.

10

Улица в одном из самых престижных районов Стокгольма, на Сёдермальме.

11

Современный немецкий художник шведского происхождения.

12

Старинный исторический квартал Стокгольма.

13

В Швеции выборный орган местного самоуправления.

14

Город в Швеции, расположенный в лене Вестманланд.

15

Лоцманская и таможенная станция в Стокгольмском архипелаге.

16

«Золотой парашют» – контракт с топ-менеджером компании, предусматривающий выплату значительной компенсации в случае увольнения по инициативе нанимателя.

17

Одна из крупнейших международных корпораций со штаб-квартирой в Швеции.

18

Шведская строительная и девелоперская компания.

19

Северная часть Швеции.

20

Крупная шведская компания, специализирующаяся на производстве строительных материалов, торговле электроникой и т. д.

21

Ян Стенбек (1942–2002) – крупный шведский промышленник и финансист.

22

Перси Барневик (род. в 1941 г.) – шведский промышленник, президент индустриального гиганта ABB, стал легендой при жизни.

23

Умеренная коалиционная партия (Moderata samlings partiet) – консервативная партия Швеции, представляющая интересы крупных промышленников и финансистов, военной элиты и бюрократов.

24

Фрилансер – сотрудник, выполняющий работу без заключения долгосрочного контракта с работодателем, нанимаемый только для выполнения определенного перечня работ. Также фрилансером является работник, приглашенный для выполнения работ вне штатного расписания. Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, фрилансер может одновременно выполнять заказы для разных клиентов.

25

Тролльхеттан – город на западе Швеции, центр одноименной коммуны лена Вестра-Гёталанд.

26

Соллентуна – коммуна в Швеции, расположенная в Стокгольмском лене.

27

Я тоже пришелец (*англ.*).

28

Маленький остров, расположенный на озере Мэларен между большим островом Стура Эссинген и Кунгсхольменом.

29

Кунгсхольмен – один из четырнадцати островов, на которых расположился Стокгольм. Название переводится как «Королевский остров».

30

Кируна – самый северный город в Швеции.

31

Семья втроем (*фр.*). Изначально в треугольник входили муж, жена и богатый содержатель.

32

Йоста Буман (1911–1997) – шведский политик, возглавлял партию модератов и был министром финансов (1976), а также министром экономики в 1976–1978 и 1979–1981 гг.

33

Нильс Улоф Турбьёрн Фельдин (р. 1926) – шведский политик. Был премьер-министром в трех правительствах – в период с 1976 по 1982 г. С 1971 по 1985 г. возглавлял Партию Центра.

34

Стиг Челль Улоф Ульстен (р. 1931) – шведский государственный и политический деятель.

35

Улоф Пальме (1927–1986) – премьер-министр Швеции в 1969–1976 гг. и в 1982–1986 гг., председатель социал-демократической рабочей партии с 1969 г. Возглавлял международную неправительственную организацию «Независимая комиссия по вопросам разоружения» («Комиссия Пальме»). Был убит.

36

Эббе Карлссон (1947–1992) – книгоиздатель, который, не имея официальных полномочий, по особому поручению министра юстиции Анны-Греты Лейон принимал участие в расследовании убийства Улофа Пальме и изучал степень причастности к этому событию сотрудников СЭПО. Дело Эббе Карлссона получило широкий общественный резонанс и закончилось беспрецедентным политическим скандалом.

37

Сёдермальм – один из районов Стокгольма в центральной части города, расположенный на одноименном острове.

38

Карл Альвар Нильссон (1934–2014) – шведский писатель, автор книг о нацизме и экстремизме.

39

Леннарт Будстрём (р. 1928) – шведский политик, социал-демократ. Занимал министерские посты в правительствах Улофа Пальме и Ингвара Карлссона в 1982–1989 гг.

40

Маттс Вильхельм Карлгрен (1917–2000) – один из крупнейших шведских промышленников и банкиров.

41

Ханс Вертен (1919–2000) – один из крупнейших шведских промышленников, благодаря ему компания «Электролюкс» стала мировым брендом.

42

«Ротари Интернэшнл» – международная неправительственная благотворительная ассоциация, объединяющая «Ротари-клубы» по всему миру.

43

Уппландс-Весбю – город в Швеции, сегодня считается пригородом Стокгольма, так как находится всего в 23 км от столицы.

44

Сальтшёбаден – один из пригородов Стокгольма, находится на побережье Балтийского моря, в Восточной Швеции. Административно входит в коммуну Накка современного лена Стокгольм и в историческую провинцию Сёдерманланд.

45

Площадь в Стокгольме.

46

Сконе – административная единица в Южной Швеции, в историческом регионе Гёталанд.

47

Таге Эрландер (1901–1985) – шведский политик, премьер-министр Швеции и лидер Социал-демократической партии Швеции (1946–1969). Поставил рекорд по непрерывному пребыванию на посту премьер-министра в демократической стране – 23 года.

48

Биргер Фуругорд (1887–1961) – ветеринар по профессии, шведский политик нацистского толка.

49

Пер Энгдаль (1909–1994) – шведский ультраправый политик, в 1920-е годы возглавлял «Фашистскую боевую организацию Швеции».

50

Свен Линдхольм (1903–1998) – лидер шведских нацистов.

51

Так в скандинавских странах называют советско-финскую войну 1940 г.

52

Дороти Сэйерс (1893–1957) – английская писательница, драматург и переводчик, автор детективных романов.

53

Plague – чума (*англ.*).

54

Сундбюберг – район Стокгольма.

55

Карина Рюдберг (р. 1962) – современная шведская писательница, автор скандального романа «Высшая каста».

56

Хопалонг Кэссиди – вымышленный литературный персонаж, ковбой, первоначально появившийся в 1904 г. как главный герой одного из рассказов американского писателя Кларенса Малфорда.

57

Элизабет Джордж (р. 1949) – современная американская писательница, автор популярнейших детективных романов.

58

Бернадот Жан Батист (1763–1844) – маршал Франции (1804). Участник революционных и Наполеоновских войн. В 1810 г. по настоянию императора Наполеона I занял шведский престол. В 1813 г. командовал шведскими войсками в войне против Франции. В 1818–1844 гг. – шведский король Карл XIV Юхан, основатель династии Бернадотов.

59

Лорен Бэколл (1924–2014) – американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда.

60

Горлум, он же Смеагорл – один из ключевых персонажей произведений Джона Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин колец».

61

Цитата из песни Бобби Паркера «A man’s gotta do what a man’s gotta do and all that crap».

62

Любовник по случаю (*англ.*).

63

Случайный акт насилия (*англ.*).

64

Ивар Крюгер (1880–1932) – шведский инженер, финансист, предприниматель и промышленник, «спичечный король». Созданная им корпорация контролировала 75 % всего мирового производства спичек. Во времена Великой депрессии обанкротился и покончил с собой, застрелившись в номере парижской гостиницы.

65

Геллерт Тамас (р. 1963) – шведский журналист и писатель, работал в газете «Дагенс нюхетер» и на телеканале ТВ-4. Автор бестселлера «Человек-лазер. История про Швецию».

66

Петер Валленберг (1926–2015) – шведский промышленник и финансист.

67

Эрик Пенсер (р. 1942) – шведский финансист и бизнесмен.

68

Сорт шотландского односолодового виски.

69

Развертывание (сил) (*нем.*).

70

Роковая женщина (*фр.*).

71

«Семейка Аддамс» – популярный сериал 1960-х годов, снятый по комиксам Чарльза Аддамса.

72

Энид Мэри Блайтон (1897–1968) – известная английская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы.

73

Новые обстоятельства (*англ.*).

74

Вестерботтен – лен на севере Швеции.

75

Шеллефтео – город на северо-востоке Швеции, в лене Вестерботтен, на реке Шеллефтеэльвен.

76

«Eurythmics» – британский дуэт, основанный в 1980 г. композитором и музыкантом Дэйвом Стюартом и певицей Энни Леннокс.

77

«Сладкие сны» (*англ.*).

78

Армагеддон случился вчера. А сегодня у нас серьезные проблемы (*англ.*).

79

Строгий вегетарианец.

80

Психосексуальная субкультура, основанная на ролевых играх в господство и подчинение, с элементами жестокости, унижения и насилия.

81

Леннарт Хюланд (1919–1993) – известный шведский журналист, ведущий радио– и телепрограмм.

82

Эппельвикен – район в западной части Стокгольма в муниципалитете Брома.

83

Умео – город в Северной Швеции, административный центр лена Вестерботтен и одноименной коммуны.

84

Ландскруна – портовый город в Швеции, в лене Сконе.

85

Уддевалла – город, расположенный на западном побережье Швеции, в 85 километрах севернее Гётеборга.

86

Эребру – город в Швеции, административный центр лена и коммуны Эребру.

87

Сара Парецки (р. 1947) – американская писательница, автор детективных романов.

88

Только Писание (*лат.*) – один из важнейших тезисов Реформации XVI века.

89

Достаточность Писания (*лат.*).

90

Только верою (*лат.*) – один из основных тезисов Реформации, ее «краеугольный камень», гласящий, что спасение людей происходит «только верой», независимо от закона.

91

Андерс Цорн (1860–1920) – шведский живописец, график и скульптор.

92

Альберт Энгстрём (1869–1940) – шведский художник, известный карикатурист, редактор журнала «Стрикс».

93

Недружественное поглощение, попытка получить контроль над компанией путем скупки ее акций на рынке против воли руководства или ведущих акционеров этой компании (*англ.*).

94

Горнолыжный курорт в Швеции.

95

Информационная перегрузка (*англ*.).

96

Город на востоке Центральной Швеции, на берегу Ботнического залива Балтийского моря.

97

Временное внедрение (*англ.*).

98

Небольшой городок в Северной территории, в Австралии.

99

Городок на юге Северной территории, в Австралии.

100

Все дозволено (*англ.*).

101

Друг, старина (*англ.*).

102

Что ж, приятель (*англ.*).

103

Я могу быть той еще сукой. Проверь меня (*англ.*).

104

Лица с синдромом Аспергера обладают, как правило, нормальным интеллектом, но нестандартными или слаборазвитыми социальными способностями. Часто из-за этого их эмоциональное и социальное развитие и интеграция происходят позже обычного.

105

Анонимный источник информации (*англ.*).

106

Усташи – хорватское нацистское движение, основанное А. Павеличем в 1929 г. в Италии.

107

Убей их всех, и пусть бог рассортирует их – кому куда (*англ.*).

108

Разумеется (*нем.*).

109

«Предприятие Осы» (*англ.*).

110

Шведская инвестиционная компания «Трустор» в 1997 г. в результате масштабных махинаций присвоила деньги частных и корпоративных вкладчиков на общую сумму 600 млн шведских крон.